Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ ПО ИСТОРІИ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

Т. IV.

II. Славянство въ началѣ XIX в. и Россія въ царствованіе императора Николая I.

ИЗДАНІЕ Т-ва И. Д. СЫТИНА
и „Сотрудника Школъ“ А. К. Залѣсской.

Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА. Пятницкая ул., с. домъ.
Москва.—1914.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вторая часть IV тома „Книги для чтенія“, посвященная преимущественно исторіи Россіи, была выдѣлена въ отдѣльную книгу исключительно по соображеніямъ техническаго характера (см. предисловіе къ I ч. IV т.). Это не можетъ нарушить основного положенія „Книги для чтенія“—единства исторіи Зап. Европы и исторіи Россіи.

Въ настоящемъ томѣ предполагалась особая статья, посвященная религіозной политикѣ въ Россіи въ періодъ 1830—1850 гг.—вопросу, неразрывными узами связанному съ общимъ характеромъ николаевской эпохи. Но въ виду того, что въ предшествующихъ частяхъ книги религіозной политикѣ не посвящалось особыхъ статей, а она затрогивалась въ статьяхъ, касающихся религіозно-общественныхъ движеній, редакціи казалось предпочтительнѣе во имя нѣкотораго единства плана отнести указанную статью въ слѣдующій томъ, гдѣ будетъ данъ очеркъ по исторіи религіозно-общественныхъ движеній въ Россіи въ XIX в.

М. Бердоносовъ.
А. Васютинскій.
А. Дживелеговъ.
С. Мельгуновъ.
В. Перцевъ.
В. Пичета.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Славянское возрожденіе.

Судьба славянскихъ народовъ.

Судьба славянскихъ народовъ средней Европы и Балканскаго полуострова была чрезвычайно неблагопріятна. Всѣ они утратили политическую самостоятельность и средства къ развитію національной культуры. Въ этомъ отношеніи они были поставлены хуже всѣхъ европейскихъ народовъ, за исключеніемъ развѣ народа ирландскаго. Въ XVIII вѣкѣ внѣ Польши и Россіи признакъ сохраненной и не скрываемой славянской національности по большей части совпалъ съ признакомъ низшаго и экономически слабѣйшаго класса; для эпохи, предшествовавшей промышленному развитію средней Европы, это было, главнымъ образомъ, положеніе несвободнаго крестьянина. Только отчасти и не повсемѣстно эти славянскіе народы сохранили остатки различныхъ культурныхъ и политическихъ органовъ своего прошлаго.

Съ конца XVIII вѣка славянскіе народы обнаруживаютъ усилія усвоить себѣ всѣ цѣнные плоды новаго европейскаго развитія, которыхъ до этого времени славяне были лишены въ виду своей бѣдности, необразованности и приниженности политической и соціальной. Тамъ, гдѣ эти усилія не могли облечься въ форму открытаго національнаго протеста, они выливались въ единственную возможную форму національной литературы. Литературу для нуждъ просыпающихся славянскихъ народовъ приходилось создавать вновь, а кадры интеллигенціи, на которую падала эта обязанность, наростали лишь постепенно. Появленію первыхъ національныхъ писателей должно было предшествовать пробужденіе національнаго чувства, элементарное просвѣщеніе народа и созданіе мѣстной культурной среды.

Пособія. *Murko*, Deutsche Einflüsse auf die böhmische Romantik. — *Kopitar*, Selbstbiographie (въ изданіи «Slavische Bibliothek» Миклошича и Дюмлера). — Акад. *Ѳ. Коршъ*. Стихотворенія Прешерна. — *Пыпинъ и Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. — *Ceskp* Literatura devptenpctého stoleti. — *Maly*. Nase znovuvzrozeni. — *Surmin*. Hrvatski preporod.

Ходъ и темпъ возрожденія.

Ходъ и успѣхъ славянскаго возрожденія зависѣлъ отъ того, какія матеріальныя и духовныя блага были накоплены каждымъ народомъ въ прошломъ, что изъ всего этого осталось въ обладаніи даннаго народа, что могло быть воскрешено, какіе органы могли быть вновь созданы для усвоенія благъ чужой культуры и какія именно культурныя новообразованія возникали сами или свободно заимствовались.

Общее направленіе славянскаго возрожденія всего болѣе зависѣло отъ политическихъ условій, въ коихъ находился тотъ или другой народъ: особое положеніе Турціи по отношенію къ христіанскимъ государствамъ позволяло сербамъ и болгарамъ ставить конечною цѣлью своихъ стремленій образованіе независимыхъ государствъ; къ тому же вынуждали ихъ, въ концѣ-концовъ, и внутреннія условія турецкаго господства. Хорватское возрожденіе было неразрывно связано съ дѣятельной защитой хорватской политической автономіи противъ венгерскихъ захватовъ. Изъ австрійскихъ славянъ галицкіе поляки стремились къ созданію областной автономіи, галицкіе малороссы — къ защитѣ своей національной особности отъ поляковъ, въ такомъ же положеніи находились словаки по отношенію къ венграмъ; словенцы и чехи, непосредственно подчиненные нѣмцамъ, старались бороться съ ними тѣми средствами, какія давала сама нѣмецкая культура, и использовать для своей національности всѣ политическія и общественныя права, какія предоставлялись гражданамъ. Мысль о національной независимости могла представляться только австрійскимъ полякамъ, для остальныхъ славянъ австрійской имперіи она не возникала совершенно или возникала въ качествѣ идеала.

Одно общее условіе придавало славянскому возрожденію своеобразный признакъ: славянскіе народы, о коихъ идетъ рѣчь, представляютъ въ сравненіи съ историческими націями новой эпохи весьма миніатюрные народные организмы. Отсюда вытекала возможность такого быстраго темпа развитія, какой даже въ эпоху ускоренныхъ сношеній не вполнѣ доступенъ большимъ націямъ, занимающимъ обширныя территоріи.

Особыя условія у поляковъ.

Особое положеніе занимали *поляки*, судьба которыхъ не входитъ въ рамки настоящей статьи. Поляки въ началѣ XVIII вѣка сохраняли еще свою государственность и преемственное національное развитіе, но то и другое находилось въ крайней опасности. Поляки проявили лихорадочныя усилія распространить въ

польскомъ обществѣ чрезъ литературу новыя идеи, выработанныя эпохой просвѣщенія, и быстро реформировать польское государство на новыхъ, болѣе здоровыхъ началахъ, заимствуемыхъ у просвѣтительной философіи и изъ примѣровъ западной государственности. Болѣе сильные сосѣди, видѣвшіе въ Польшѣ свою ближайшую добычу, поспѣшили помѣшать этой консолидаціи польскаго государства. Однако и послѣ раздѣловъ поляки сохранили органы національной культуры, которая въ началѣ XIX вѣка сказывается оживленіемъ научныхъ интересовъ, а вслѣдъ затѣмъ небывалымъ расцвѣтомъ національной поэзіи. Въ лицѣ *Мицкевича* (1798—1855) польская литература создаетъ писателя, по праву занимающаго мѣсто въ семьѣ міровыхъ геніевъ.

Балканскіе славяне.

У *балканскихъ славянъ*, стонавшихъ въ полномъ безправіи подъ турецкимъ игомъ, далекіе отголоски великой революціи, наполеоновскія войны и выступленіе Россіи возбуждали мысль о лучшемъ будущемъ. Эта идея яснѣе возникаетъ *у турецкихъ сербовъ*, болѣе близкихъ къ Европѣ, сохранившихъ много воспоминаній о своемъ независимомъ прошломъ: турецкіе сербы жили въ горной странѣ, издавна удобной для партизанской войны, свою независимую церковь они потеряли только недавно и сохраняли кадры національнаго духовенства, а гибель сербскаго національнаго государства составляла главный циклъ сербскаго эпоса, повсемѣстно извѣстнаго народу. При такихъ условіяхъ борьба съ размножившимся и потому очень тяжкимъ классомъ спахій, привилегированныхъ потомковъ мусульманскихъ завоевателей, выразилась въ Сербіи въ видѣ успѣшнаго національнаго возстанія. *У болгаръ*, наиболѣе и непосредственно подавленныхъ турецкимъ игомъ, могли возникать лишь смутныя и отдаленныя надежды: воспоминанія о національномъ государствѣ были здѣсь чрезвычайно далеки и совершенно забыты народомъ: герой болгарскаго эпоса, королевичъ Марко, является (какъ и въ исторіи) вассаломъ султана. А національная церковь съ славянской литургіей болѣе 300 лѣтъ тому назадъ была уничтожена греческимъ духовенствомъ. Кромѣ того, равнинный характеръ Дунайской Болгаріи и Ѳракіи издавна не благопріятствовалъ народной войнѣ, Балканскій же хребетъ давалъ пріютъ только отдѣльнымъ смѣльчакамъ, а не цѣлымъ народнымъ ополченіямъ. Но Болгарія отличалась отъ Сербіи бо́льшимъ богатствомъ почвы, во Ѳракіи—болѣе южнымъ климатомъ, повсюду — развитіемъ городскихъ центровъ. Сербы

остаются и до сихъ поръ народомъ пастушескимъ по преимуществу. Болгары въ теченіе XVIII вѣка притекаютъ въ города, нѣкогда вырѣзанные и населенные вновь только турками, и вырабатываютъ достаточный городской классъ, въ которомъ просыпается потребность элементарнаго образованія, прежде всего— для торговыхъ цѣлей; одновременно гнетъ греческаго духовенства, духовный и матеріальный, даетъ болгарамъ общенародную программу: національная церковь и школа на родномъ языкѣ. Первые образованные представители болгарскаго духовенства оживляютъ своими сочиненіями историческія воспоминанія въ народѣ. Такимъ образомъ, у сербовъ возрожденіе выдвигаетъ политическія цѣли, у болгаръ—элементарно-культурныя. Оба народа вначалѣ страдали отсутствіемъ настоящей интеллигенціи и были руководимы въ политической жизни полуинтеллигентнымъ достаточнымъ классомъ: сербы—богатыми крестьянами-скотоводами, болгары — городскими торговцами, а въ жизни духовной — невѣжественнымъ и коснымъ духовенствомъ. Оба народа нуждались въ созданіи литературнаго языка, такъ какъ мертвый церковно-славянскій языкъ не могъ служить цѣлямъ новой народной литературы. Замѣчательный сербскій этнографъ-самоучка *Вукъ Караджичъ* 1787—1864, руководимый ученымъ словенцемъ *Копитаромъ* (ср. стр. 11) *создаетъ* въ началѣ XIX вѣка *сербскій литературный языкъ*, обнародовавъ свои сборники сербскихъ пѣсенъ и сказокъ и положивъ ихъ языкъ въ основу своей сербской грамматики, своего сербскаго словаря и своихъ этнографическихъ статей и своего перевода Евангелія. Для новаго сербскаго языка Вукомъ было создано также новое правописаніе. Всѣ эти созданія Вука были отмѣчены огромнымъ талантомъ и удивительной цѣлесообразностью. Труды Вука получили европейское значеніе и составили крупное событіе въ общей исторіи славянскаго возрожденія. Но между тѣмъ какъ пѣсни Вука переводились на нѣмецкій и славянскіе языки и вызывали удивленіе Якова Гримма и Гёте, въ недавно возникшемъ княжествѣ Сербіи его орѳографія и сочиненія подвергались преслѣдованію со стороны духовенства и дозволены только съ 1860 года. Въ Болгаріи еще въ XVII и XVIII вѣкахъ извѣстны рукописные переводы (сборники поучительнаго содержанія) съ ново-греческаго на *народный болгарскій* языкъ. Но оригинальная литература развивается у сербовъ съ 30-хъ и 40-хъ, у болгаръ только съ 50-хъ и 60-хъ годовъ XIX вѣка, когда высшая школа — у сербовъ, главнымъ

Созданіе литературныхъ языковъ.

образомъ, западная, у болгаръ, главнымъ образомъ, русская—начинаетъ давать обоимъ народамъ кадры интеллигенціи. У болгаръ *Любенъ Каравеловъ*, человѣкъ безъ прямого литературнаго дарованія, но съ энергичнымъ умомъ и отличною болгарскою рѣчью, создаетъ въ Румыніи болгарскую публицистику и новеллу. *Маринъ Дриновъ*, замѣчательный славистъ и первый болгарскій ученый въ полномъ смыслѣ слова, кладетъ основы научнаго изслѣдованія болгарской исторіи, церкви, языка и письменности.

Сербы Австріи.

У *сербовъ*, жившихъ *въ Австріи* подъ управленіемъ собственнаго патріарха, находимъ въ теченіе XVIII вѣка довольно первобытныя заботы о церковной школѣ и церковной книжности, причемъ учителя и организаторы выписываются, главнымъ образомъ, изъ Россіи, и школа устанавливается схоластическая, а книжный языкъ словено-россійско-сербскій. Эти сербы коснѣютъ въ патріархальномъ клерикализмѣ, вѣянія западныхъ идей XVIII вѣка съ большимъ трудомъ и элементарно прививаются въ этой средѣ. Замѣчательный писатель-самоучка, *Досиѳей Обрадовичъ*, (1739—1811), вышедшій изъ этой среды, проводя жизнь въ скитаніяхъ по балканскимъ землямъ, жадно учась чему только можно и уча другихъ, чтобы существовать самому, попадаетъ, наконецъ, въ Германію, учится (имѣя болѣе сорока лѣтъ) въ университетахъ Галле и Лейпцига и издаетъ въ послѣднемъ, въ 1783 году, свою интереснѣйшую автобіографію («Жизнь и приключенія»), въ 1784—«Совѣты здраваго разума». Съ рѣдкимъ умомъ усвоивъ основныя идеи просвѣщенія XVIII вѣка и сообразивъ ихъ съ состояніемъ сербскаго народа, Обрадовичъ въ названныхъ книгахъ, писанныхъ языкомъ уже полународнымъ, даетъ удивительную картину дѣйствительныхъ условій и неотложныхъ духовныхъ нуждъ. Онъ окончилъ жизнь въ недавно возникшемъ княжествѣ Сербіи воспитателемъ сыновей Карагеоргія и главнымъ управителемъ сербскихъ школъ. Указанныя и другія сочиненія Обрадовича проникнуты идеями широкаго и свободнаго просвѣщенія, національной и религіозной терпимости, борьбою съ предразсудками всякаго рода и культомъ реальныхъ интересовъ разумнаго человѣчества. Австрійскіе сербы и далѣе испытывали (хоть и элементарно) германскія вліянія и между прочимъ первые изъ славянъ учредили національное издательское общество *Сербскую Матицу* (1827).

Сербы Черногоріи.

У черногорскихъ сербовъ одинокимъ культурнымъ оазисомъ была династія владыкъ Нѣгошей. Здѣсь возникла знаменитая національная поэма-драма владыки Петра II Петровича (1813—1851) «Горскій вѣнецъ», воспѣвающая въ народномъ духѣ, но въ стройныхъ литературныхъ формахъ событіе начала XVIII вѣка: распространеніе ислама среди черногорцевъ и его кровавое уничтоженіе владыкой Даніиломъ.

Хорваты.

У *хорватовъ загребскихъ*, непосредственно соединенныхъ съ Венгріей, успѣхи сербскаго національнаго возстанія, открытіе сербскаго эпоса, основаніе сербскаго литературнаго языка, примѣръ чешскаго возрожденія и непосредственное вліяніе его вождей, а равно временно поощряемая изъ Вѣны борьба противъ растущаго венгерскаго произвола и національзма вызвали политическое и литературное оживленіе въ 30-хъ и 40-хъ годахъ. Организаторомъ движенія сталъ *Людевитъ Гай* (1809—1872), журналистъ и политическій агитаторъ, лично испытавшій вліяніе чешской плеяды (ср. стр. 33) и перенесшій культурный панславизмъ Коллара (ср. стр. 38) на политическую почву Хорватіи, сохранявшей автономію съ мѣстнымъ сеймомъ и политическій классъ помѣстнаго дворянства. Гай въ 30-хъ годахъ сталъ издавать политико-литературную газету, ввелъ улучшенное правописаніе, подобное чешскому, и побудилъ объединенныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей покинуть мѣстное «кайкавское» нарѣчіе и принять въ качествѣ литературнаго языкъ Вука Караджича (ср. стр 4.), съ мыслью объединить этимъ орудіемъ культуры, кромѣ сербовъ и хорватовъ, также словенцевъ и болгаръ, т.-е. всѣхъ южныхъ славянъ, которыхъ школа Гая начала разсматривать какъ единую націю «иллировъ», откуда все движеніе получило имя *иллиризма*. Въ 1842 была основана *Иллирская Матица*, въ сороковыхъ же годахъ латинскій языкъ въ сеймѣ и учрежденіяхъ былъ замѣненъ сербо-хорватскимъ. Когда имя «иллиры» было запрещено австрійскимъ правительствомъ, его замѣнили именемъ «юго-славяне», а принятый всѣми образованными языкъ Вука Караджича, въ концѣ-концовъ, сталъ называться «хорватскимъ». Языкъ этотъ сдѣлалъ Загребскихъ хорватовъ, подобно сербамъ, непосредственными наслѣдниками блестящей Дубровницкой поэзіи XVI—XVII в., процвѣтавшей на томъ же нарѣчіи. Изъ поэтовъ иллиризма *Станко Вразъ* (1810—1851) поддерживалъ самыя дѣятельныя сношенія съ чешской плеядой, насаждалъ въ литературѣ національно-

Иллиризмъ.

прогрессивную романтику и всѣ формы новой лирики, собиралъ и издавалъ словенскія пѣсни и былъ самымъ живымъ нервомъ литературной жизни Загреба. *Петръ Прерадовичъ* (1818—1872), котораго хорваты считаютъ своимъ главнымъ поэтомъ, создалъ изящную и свѣжую лирику на почвѣ народной пѣсни и свѣтлой, но чисто мистической вѣры въ великое славянское будущее. *Иванъ Мажураничъ* (1814—1890) проявилъ на основѣ сербскихъ «юнацкихъ» пѣсенъ настоящій эпическій талантъ въ знаменитой національной поэмѣ «Смерть Смаилъ-аги Ченгича (1846), равноцѣнной «Горному Вѣнцу» (ср. стр. 6) и подобно ему воспѣвающей реальное черногорское событіе: Смаилъ-ага, могущественный пограничный турецкій землевладѣлецъ въ 1836 году заманилъ въ засаду и истребилъ 300 черногорскихъ юношей, но самъ сдѣлался жертвой національной мести, когда съ обычной жестокостью творилъ полюдье на своихъ земляхъ. Мажураничъ, кромѣ того, блестяще дополнилъ поэму Гундулича «Османъ», написавъ двѣ недостающія пѣсни къ этому наиболѣе совершенному произведенію Дубровницкой поэзіи. Въ реакцію 50-хъ годовъ и подъ венгерскимъ главенствомъ съ 1868 г. Хорватія испытываетъ политическій и національный гнетъ, но, благодаря патріотизму національнаго земельнаго дворянства и особенно благодаря знаменитому національному меценату епископу *Штросмайэру* (1815 — 1905), успѣваетъ основать въ Загребѣ «Югославянскую Академію Наукъ» (1867) и университетъ (1847) и произвести національныхъ ученыхъ: историка культуры *Рачкаго* (1828 — 1894), историка сербо-хорватскаго языка *Даничича* (1825—1882), родомъ серба, и другихъ. Высокоодаренная сербохорватская нація испытала вліянія новой европейской культуры очень неравномѣрно и обобщала ихъ непослѣдовательно и слабо. Въ этомъ сказалось вліяніе различныхъ причинъ: положеніе націи на европейской окраинѣ; обширность національной территоріи; ея политическая раздробленность; патріархальная некультурность громадной части націи; болѣе или менѣе варварскій характеръ политическаго гнета (турецкаго, венгерскаго, домашняго), подъ коимъ находилась нація; необходимость и отчасти возможность бороться съ угнетателями не культурными, а политическими средствами. Поэты съ значительными талантами, выступавшіе въ мѣстныхъ центрахъ національной жизни, были связаны въ своемъ творчествѣ національнымъ поэтическимъ наслѣдіемъ: высокою техникой и всѣмъ содержаніемъ народной

поэзіи (эпической и лирической) и старой поэзіи Дубровчанъ. Въ литературѣ вылились: пѣсенное и эпическое настроеніе сербскаго племени, и главной темой осталась героическая борьба націи съ исламомъ. Загребскіе, или провинціальные хорваты, по расѣ, культурнымъ и географическимъ условіямъ составляющіе переходъ къ словенцамъ, обнаружили формы развитія, подобныя словенскимъ.

Словенцы.

У *словенцевъ*, небольшого юго-славянскаго народа въ юго-западныхъ, альпійскихъ провинціяхъ Австріи (теперь—до 1½ милліона человѣкъ), возрожденіе отчасти явилось результатомъ ихъ географическаго положенія: одинаковая близость итальянскихъ и нѣмецкихъ вліяній издавна отражалась на словенскомъ народѣ; мѣстная городская интеллигенція и служилый элементъ, военный и гражданскій, нерѣдко были полуитальянскими по происхожденію и культурѣ, чѣмъ ослаблялись германизаторскія тенденціи; мягкій климатъ содѣйствовалъ росту благосостоянія массъ въ періодъ земледѣльческій, а промышленное развитіе началось ранѣе въ виду западнаго положенія страны и ея горныхъ богатствъ; военныя невзгоды уже нѣсколько вѣковъ почти не касались словенскихъ областей: онѣ лежали въ сторонѣ отъ главной арены европейскихъ войнъ XVII—XVIII вѣковъ; живописный характеръ края и народнаго быта всегда возбуждалъ интересъ и симпатіи высшихъ, несловенскихъ классовъ страны: словенскій ландшафтъ, словенская народная пѣсня, словенскій народный бытъ и костюмъ были для мѣстнаго городского общества такимъ же предметомъ любительской эстетики, какъ малорусская стихія для русскаго образованнаго общества въ XIX вѣкѣ. Въ началѣ XIX вѣка, въ эпоху романтическихъ вѣяній, въ мѣстныхъ журналахъ словенскія пѣсни издавались на ряду съ народной поэзіей мѣстнаго нѣмецкаго населенія. Полное отсутствіе словенскихъ политическихъ притязаній, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, дѣлало этотъ «словенскій диллетантизмъ» особенно невиннымъ; чешская національность съ ея независимымъ гусситскимъ прошлымъ и ея болѣе прозаическимъ бытомъ не возбуждала подобныхъ чисто этнографическихъ симпатій. Въ итогѣ всѣ мѣстныя условія у словенцевъ ранѣе, чѣмъ у другихъ славянъ имперіи, сдѣлали крестьянство зажиточнымъ, ускорили образованіе первыхъ кадровъ національно-словенской буржуазіи и городской интеллигенціи и обезпечили первые шаги словенской культуры, которая не имѣла за собою прошлаго (если не считать быстро пода-

вленнаго словенскаго протестантизма, оставившаго слѣдъ въ словенской Библіи 1584 года и другихъ словенскихъ текстахъ XVI вѣка, давно вышедшихъ изъ духовнаго оборота націи; эта литература и въ эпоху возрожденія не стала опорною точкой новой словенской культуры). Офиціальный австрійскій патріотизмъ въ исторіи словенскаго возрожденія усиленно выдвигаетъ значеніе эрцгерцога Іоанна, который открылъ въ Грацѣ въ 1811 году мѣстный музей и библіотеку, содѣйствовалъ разработкѣ мѣстной исторіи, организовалъ собираніе статистическихъ и этнографическихъ матеріаловъ, въ томъ числѣ не только нѣмецкихъ, но и словенскихъ пѣсенъ и мелодій. Въ томъ же году при грацкомъ лицеѣ учреждена была каѳедра словенскаго языка, а въ слѣдующемъ уже началось преподаваніе и вышла словенская грамматика, написанная Шмигоцемъ по желанію того же эрцгерцога. Но всѣ эти мѣры принимались австрійскимъ правительствомъ въ Штиріи, на окраинѣ словенской земли, и только въ то время, когда въ адріатическомъ приморьи и центральной словенской области Крайнѣ распоряжались французы (1809—1814), которые предоставили гораздо больше простора мѣстному населенію и мѣстному языку. Первые шаги словенскаго возрожденія начались ранѣе этого.

Элементарнымъ культурнымъ нуждамъ словенскаго народа еще въ XVIII вѣкѣ служило приходское духовенство, по большей части выходившее изъ мѣстнаго населенія. Кружокъ словенцевъ-священниковъ, съ каноникомъ *Япелемъ* во главѣ, трудился надъ новой словенской Библіей, которая вышла въ 1784—1804 годахъ. Тѣ же и другіе духовные интересовались словенской грамматикой и пробовали писать словенскіе стихи. Первымъ важнымъ *переводомъ*, получившимъ значеніе національно-литературнаго импульса, была Свадьба Фигаро (конецъ XVIII вѣка), первымъ оригинальнымъ поэтомъ явился католическій священникъ *Водникъ* (1758—1819). Водникъ обладалъ очень простымъ, но живымъ чувствомъ природы и національности; всѣ эти пѣсни были отраженіемъ этого чувства; писанныя близко къ словенскимъ народнымъ образцамъ, въ короткихъ двустишіяхъ, связанныхъ риѳмой, онѣ проникнуты беззаботнымъ и бодрымъ настроеніемъ человѣка, который созерцаетъ панораму горнаго ландшафта и съ удовольствіемъ вдыхаетъ горный воздухъ. Многія пѣсни Водника вошли въ народъ, а его *календари* съ разсказами были любимымъ народнымъ чтеніемъ. Совѣтъ писать для народа и на

Библія.

Водникъ.

народномъ языкѣ далъ Воднику баронъ Цойсъ. Завѣдуя во время французской оккупаціи школами словенской столицы Любляны, Водникъ въ 1811 году издалъ свою словенскую *грамматику* и въ началѣ ея помѣстилъ свое стихотвореніе «Воскресшая Иллирія», въ которомъ уже слышится ясный отголосокъ ободряющихъ взглядовъ Гердера на славянство: «Возстань, Иллирія»! сказалъ Наполеонъ. Она встаетъ, она дышетъ. Кто зоветъ меня къ жизни? О славный витязь, это ты велишь мнѣ встать и подаешь мнѣ могучую руку! Что дамъ я тебѣ взамѣнъ? Я смотрю вокругъ и не вижу своихъ дѣтей»... Далѣе Иллирія исчисляетъ свои историческія невзгоды и свои національныя потери и заканчиваетъ: «Но теперь въ словенцевъ вступаетъ духъ Наполеона; возникаетъ новое, возрожденное поколѣніе, одною рукою оно опирается на Галлію, другую протягиваетъ къ Элладѣ. Коринѳъ слылъ окомъ Эллады, Иллирія станетъ перстнемъ Европы». Когда австрійское господство возобновилось, это стихотвореніе и дѣятельность Водника во время французской оккупаціи навлекли на него гоненіе, которое продолжалось до смерти поэта.

Въ словенскихъ областяхъ, какъ и въ другихъ католическихъ странахъ, крестьянство всегда старалось проводить своихъ дѣтей въ духовное сословіе. Реформы Іосифа II стали привлекать крестьянъ также въ свѣтскую школу. Среди словенскихъ крестьянскихъ мальчиковъ, попавшихъ въ нѣмецкую гимназію Любляны, находился *Копитаръ* (1780—1844). Въ 1799 году онъ становится въ Люблянѣ домашнимъ учителемъ, потомъ секретаремъ *въ домѣ барона Сигизмунда Цойса*, образованнаго и гуманнаго человѣка, имѣвшаго огромное вліяніе на Копитара и на все развитіе словенской культуры. Отецъ барона, бѣдный итальянскій приказчикъ, женатый на словенкѣ, составилъ огромное состояніе на желѣзныхъ пріискахъ, получилъ, взамѣнъ крупнаго пожертвованія, баронскій титулъ отъ Маріи-Терезіи и воспиталъ сына въ Моденской рыцарской академіи. Сигизмундъ Цойсъ владѣлъ словенскимъ языкомъ, какъ роднымъ, а съ итальянской культурой соединялъ разнообразные умственные интересы. Онъ былъ окруженъ домашними учеными и самъ интересовался науками, особенно минералогіей и ботаникой, не исключая, впрочемъ, филологическихъ и историческихъ интересовъ. Этотъ культурный *центръ* до смерти барона (1820) безъ преувеличенія имѣлъ такое же значеніе для зарождающейся интеллигенціи миніатюрнаго народа, какъ Королевское Общество Наукъ для че-

Копитаръ Цойсъ.

ховъ (ср. стр. 22). Здѣсь, между прочимъ, жилъ въ качествѣ придворнаго слависта Водникъ. Копитаръ въ теченіе восьми лѣтъ развивался подъ вліяніемъ Цойса и изучилъ итальянскій, англійскій и греческій языки. Здѣсь же, изъ частныхъ уроковъ, предложенныхъ Копитару, создалась его замѣчательная *грамматика* словенскаго языка (1808), которая принесла большую пользу словенскому духовенству и косвенно вызвала созданіе каѳедры словенскаго языка при Люблянской духовной семинаріи. Съ 1807 г. мы находимъ Копитара въ Вѣнѣ — сначала на юридическомъ факультетѣ, потомъ на службѣ въ знаменитой придворной библіотекѣ и одновременно цензоромъ славянскихъ и греческихъ книгъ. Въ качествѣ ученаго слависта Копитаръ имѣлъ большое вліяніе на славянъ, попадавшихъ въ Вѣну, въ томъ числѣ на Вука Караджича (ср. стр. 4), который обязанъ былъ Копитару систематизацiей своихъ знаній и цѣлей. Главный трудъ самого Копитара — его Glagolita Clozianus (т.-е. «глаголическая рукопись графа Клоца») впервые издавалъ въ свѣтъ древнѣйшій образецъ старославянскаго языка, а обширное введеніе этого труда давало своего рода энциклопедію свѣдѣній объ этомъ языкѣ, его родинѣ, его азбукахъ и историческихъ условіяхъ при коихъ возникла старославянская письменность. Glagolita Clozianus замѣнялъ для славистовъ того времени научные учебники старославянскаго языка и его исторіи. Но, кромѣ того, въ многочисленныхъ мелкихъ статьяхъ и рецензіяхъ Копитара содержалась цѣлая программа дальнѣйшихъ капитальныхъ работъ по славистикѣ, — программа въ значительной мѣрѣ усвоенная другимъ словенцемъ, ученикомъ Копитара, знаменитымъ вѣнскимъ славистомъ *Миклошичемъ* (1813—1891). Такимъ путемъ небольшой словенскій народъ сдѣлалъ *огромный научный вкладъ* въ общую культуру славянскаго возрожденія. Труды Копитара и Миклошича, писанные по-нѣмецки и отчасти по-латыни, цѣликомъ входили въ общеевропейскую науку; но они же положили прочную *основу для славистики у всѣхъ славянъ*, т.-е. для той области знаній, въ которой по мысли Коллара (ср. стр. 39), могла сложиться и дѣйствительно складывалась единственная до сихъ поръ возможная междуславянская или общеславянская интеллигенція. Копитаръ навсегда сохранилъ нѣкоторую узость понятій, извѣстнаго рода австрійскую и католическую исключительность; славянскіе интересы Копитара развились изъ любви крестьянскаго мальчика къ своей горной деревнѣ и изъ освѣжающихъ вѣяній

Научный вкладъ словенцевъ.

романтической эпохи; но эти интересы, какъ и у Миклошича, вылились въ общенаучную дѣятельность, которая непосредственно ничего не удѣляла для народнаго возрожденія словенцевъ; а къ чешскому возрожденію Копитаръ относился съ извѣстнаго рода холодностью, чувствуя въ немъ возрожденіе традицій враждебныхъ австрійскимъ. Зато рѣзкій критическій умъ Копитара игралъ роль энергичнаго корректива во всѣхъ научныхъ и ненаучныхъ увлеченіяхъ молодой славистики.

Интеллигенція. Города словенскихъ областей не были первоначально словенскими, но въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка словенцы уже выдѣлили изъ себя національную буржуазію и интеллигенцію; то были торговцы, медики, адвокаты, чиновники и священники; численно это были все еще очень небольшіе кадры, но, какъ оказалось, вполнѣ достаточные для обезпеченія основъ національной культуры. Въ Люблянѣ съ тридцатыхъ годовъ мѣстная словенская интеллигенція составляла сплоченный кружокъ съ общими литературными интересами и объединялась *первымъ словенскимъ журналомъ* «Краинской пчелой» (Cebelica Krajnska). Чрезъ личныя знакомства и чрезъ изданія доходили вліянія чешскаго національнаго движенія и его литературы. Еще ближе были вліянія и примѣръ хорватскаго національнаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ Иллиризма (ср. стр. 6), и одно время казалось, что словенцы культурно объединятся съ хорватами и сербами, принявъ, подобно загребскимъ хорватамъ, литературный языкъ, созданный Вукомъ Караджичемъ (ср. стр. 4). При значительной близости языковъ это не представляло затрудненія для литераторовъ. Однако старая изолированность словенцевъ, особый складъ ихъ провинціальной жизни и патріотизма, а равно традиція, уже сложившаяся среди мѣстнаго духовенства—обращаться къ народу на мѣстномъ языкѣ, повели къ *созданію словенской литературы*. Примѣръ *Станко Враза*, начавшаго писать на сербохорватскомъ литературномъ языкѣ, не нашелъ послѣдователей, и изъ того же словенскаго кружка, къ коему принадлежалъ

Прешернъ. Вразъ, вышелъ словенскій національный поэтъ *Францъ Прешернъ* (1800—1849), который одновременно является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ славянскихъ поэтовъ вообще. Сынъ словенскаго крестьянина, Прешернъ прошелъ гимназію въ Люблянѣ, юридическій факультетъ въ Вѣнѣ, былъ секретаремъ у адвоката-словенца въ Целовцѣ, а подъ конецъ жизни — адвокатомъ въ Люблянѣ. Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ чешскимъ поэ-

томъ *Челаковскимъ* (ср. стр. 43), вмѣстѣ съ нимъ посѣтилъ Прагу и завязалъ знакомство съ вождями чешскаго возрожденія. Это оставило нѣкоторый слѣдъ въ его взглядахъ на славянство, но не имѣло вліянія на сущность его поэзіи. Прешернъ является національнымъ поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого термина: съ одной стороны, его поэзія выражаетъ словенскую національность, съ другой — талантливо переноситъ на родную почву итоги общаго европейскаго развитія. Небольшой томикъ его стиховъ по содержанію и по формѣ составляетъ настоящую сокровищницу маленькой націи въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ Пушкинъ составляетъ сокровищницу Россіи. Прешернъ изъ народныхъ элементовъ и изъ крупицъ, собранныхъ предшественниками, создаетъ *поэтическій языкъ*, простой и изящный, послушный, какъ воскъ, такой простодушно-естественный и вмѣстѣ съ тѣмъ пронизанный всѣми элементами высшей духовной культуры ума и сердца. Прешернъ создаетъ совершеннѣйшіе *образцы всѣхъ* внѣшнихъ и внутреннихъ *видовъ художественной лирики*—пѣсни, элегіи, романса, сонета, газели, баллады, лирической эпиграммы, лирической поэмы. По роду своего дарованія Прешернъ лирикъ, при этомъ онъ изображаетъ намъ нереальные образы, коими вызывалось его чувство, а самое чувство и тѣ общіе образы и представленія, которыя созвучны его чувству. По настроенію и взглядамъ Прешернъ былъ романтикомъ. И онъ явился въ міръ съ запросомъ полнаго счастья и полной справедливости на землѣ. И онъ изъ столкновенія съ міромъ вынесъ крушеніе своихъ надеждъ, но не вынесъ ни крушенія личности, ни отверженія міра; онъ перенесъ свои надежды вдаль: для личности — въ иной міръ, для человѣчества — въ будущее, т.-е. изъ романтика онъ гармонично эволюціонировалъ въ прогрессивнаго идеалиста. Вмѣстѣ съ тѣмъ словенскій поэтъ представляетъ намъ психическій феноменъ, хорошо извѣстный изъ эпохи ранняго итальянскаго Возрожденія: нераздѣленная любовь стала центромъ его духовнаго міра, объединивъ всѣ другія высшія чувства и идеи поэта. Читателю привычно соединять этотъ психическій феноменъ съ поэзіей колоссальныхъ образовъ и чувствъ, и трудно представить, какъ теплится имъ лирика національнаго поэта культурнаго, но безвѣстнаго народца. Лирика Прешерна свидѣтельствуетъ о гармоничной натурѣ: умѣ прямомъ, деликатномъ и ясномъ и о чувствѣ, соединявшемъ задушевность съ изяществомъ. Образованіе Прешерна значительное и равномѣрное;

оно чувствуется въ его поэзіи въ томъ же видѣ, какъ у Андерсена: это полнота европейскаго культурнаго наслѣдія. Прешернъ поразительно далекъ отъ избитости, потому что выражаетъ не заимствованныя ходячія идеи, а себя самого, какъ національнаго поэта небольшого народа старой европейской культуры, даровитаго и уравновѣшеннаго, претворившаго въ себѣ элементы германской и итальянской культуры, не утративъ своей славянской индивидуальности. Трудно повѣрить, въ какихъ простыхъ и задушевныхъ словахъ и въ какихъ красивыхъ образахъ можетъ Прешернъ говорить о своей любви, которая изъ реальнаго чувства на глазахъ читателя разрастается въ гуманно-идеалистическое міросозерцаніе, о смыслѣ человѣческой личности, о ея надеждахъ, о значеніи поэзіи на землѣ, объ отношеніи поэта и міра, о правдѣ и неправдѣ, заключенной во всякомъ человѣческомъ ученіи, о борьбѣ добра и зла и о конечномъ торжествѣ добра въ міровомъ процессѣ. Единственная поэма Прешерна Krst pri Savici («Крещеніе на берегу Савицы», 400 стиховъ) изображаетъ главный эпизодъ обращенія языческихъ словенцевъ въ западное христіанство. Язычество сломлено, христіанство врывается съ потоками крови, ломкой народныхъ началъ, церковнымъ гнетомъ. Два сердца падаютъ жертвой новой вѣры: князь Чертомиръ, послѣдній поборникъ язычества, и его невѣста Богомила, жрица «прекрасной богини Живы». Богомила прочувствовала основы новой вѣры сквозь всѣ ужасы, которые творятся ея именемъ. Тотъ же переворотъ Богомила производитъ въ душѣ Чертомира: они разстаются навсегда,—она покидаетъ языческій храмъ и возвращается къ отцу, онъ идетъ въ Аквилею и становится миссіонеромъ новой вѣры. Эта національная поэма словенцевъ, подобно всѣмъ романтическимъ поэмамъ XIX вѣка, подобно «Полтавѣ» Пушкина, писана сжато, нѣсколько холодно, въ изящно повышенномъ тонѣ и красивыхъ риторическихъ формахъ высокаго итальянскаго Возрожденія, съ преобладаніемъ общихъ образовъ и общихъ идей. Въ отчетливомъ рисункѣ въ поэмѣ выступаетъ то, чѣмъ всего болѣе интересовалась поэзія Возрожденія и что завѣщала она XIX вѣку: живую человѣческую жизнь съ ея героизмомъ и ея перемѣнами: борьба расъ и идей, гибель прекраснаго стараго, новая жизнь, дико растущая на развалинахъ. Но одновременно вся эта картина проникнута свѣтлою грустью: воспѣтыя событія являются точнымъ символомъ того, что пережила душа самого поэта: кру-

шеніе юныхъ надеждъ и просвѣтленную, но грустную вѣру, что идеалы существуютъ по ту сторону гроба, а на землѣ—лишь вѣчное стремленіе къ нимъ и медленное торжество добра.

Въ итогѣ обзора слѣдуетъ отмѣтить, что позднѣе и словенское возрожденіе пошло по путямъ, указаннымъ чехами (ср. стр. 3). Плодовитый *Весель Косескій* (1798—1884), родившійся почти одновременно съ Прешерномъ, но начавшій печатать свои стихи только въ серединѣ сороковыхъ годовъ, внесъ въ словенскую литературу и словенское общество національно-патріотическое направленіе и много содѣйствовалъ расширенію національнаго сознанія; онъ же обогатилъ словенскую литературу хорошими переводами изъ нѣмецкихъ классиковъ, изъ русскихъ поэтовъ, изъ Гомера. Тогда же проснулась у словенцевъ забота о популярно-просвѣтительной литературѣ для народа и о національной школѣ, началось собираніе словенскаго фольклора; словенская орѳографія, подобно хорватской, была упрощена на основѣ чешской, восходящей къ Гуссу. Наконецъ, хотя и поздно (1865 г.), была основана словенская *Матица* (ср. стр. 5). Всѣ эти культурные успѣхи, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовали мѣстной потребности и были тѣмъ необходимѣе, что высшія духовныя цѣнности, созданныя словенскимъ народомъ — ученые труды его славистовъ и поэзія Прешерна—были доступны, главнымъ образомъ, верхамъ нарождавшейся междуславянской, или общеславянской интеллигенціи. **Весель Косескій.**

У *лужичанъ* католическихъ, верхнихъ (въ Саксоніи), и протестантскихъ, нижнихъ (въ Пруссіи), двухъ небольшихъ славянскихъ народовъ (ихъ общая численность вмѣстѣ равна 150.000 ч.), возрожденіе сказалось въ созданіи скромной литературы для народа и собираніи народной словесности. Лужичане, всѣхъ болѣе лишенные какой-либо организаціи въ прошломъ, проявили національное сознаніе и заботы о своемъ племени только подъ вліяніемъ чешскаго возрожденія (ср. стр. 30). **Лужичане.**

Австрійская имперія, или теперешняя Австро-Венгрія, соединивъ въ себѣ нѣсколько славянскихъ народовъ, стала главной ареной славянскаго возрожденія, а руководящую роль въ этомъ движеніи получилъ *чешскій народъ*. **Австрія.**

Славянскіе народы теперешней Австріи раздѣлены на два пояса иноязычнымъ (нѣмецкимъ, венгерскимъ) населеніемъ: на сѣверѣ — чехи Богеміи, Моравіи и Силезіи и близко родственные имъ словаки Венгріи; на югѣ — словенцы, хорваты и сербы.

Эти два горизонтальныхъ пояса раздѣлены вертикально въ отношеніи политическомъ, такъ какъ словенцы и чехи принадлежатъ къ австрійскому государству, а словаки, хорваты и сербы — къ венгерскому. Поляки и малоруссы Галиціи вошли въ составъ Австріи въ эпоху раздѣловъ Польши; поляки Галиціи зависѣли въ духовномъ отношеніи отъ русскихъ областей Польши, у малороссовъ Галиціи литературное возрожденіе проявилось подъ чешскими вліяніями сравнительно также поздно и не вышло изъ границъ элементарной мѣстной потребности. Въ религіозномъ отношеніи значительное большинство австро-венгерскихъ славянъ принадлежитъ къ католической церкви, протестанты — въ исчезающемъ меньшенствѣ, а православные (сербы) и уніаты (малоруссы) мало и поздно участвовали въ такъ называемомъ возрожденіи.

Славяне австрійской имперіи въ концѣ XVIII вѣка имѣли предъ глазами два независимыхъ славянскихъ государства: Польшу, быстро шедшую къ паденію, и Россію, находившуюся на вершинѣ внѣшняго могущества. Сознаніе національной солидарности съ этимъ послѣднимъ, мало знаемымъ, колоссомъ смутно питало національные инстинкты австрійскихъ славянъ совершенно такъ же, какъ идеи и событія, доходившія съ крайняго запада, питали соціальные инстинкты массъ. Въ началѣ XIX вѣка еще болѣе сильными импульсами къ національному самосознанію австрійскихъ славянъ явились: 1) непосредственное участіе Россіи въ наполеоновскихъ войнахъ, 2) французская оккупація нѣкоторыхъ словенскихъ и хорватскихъ областей, призывъ мѣстныхъ славянъ французами къ самоуправленію и введеніе ихъ языка въ школу, 3) сербское національное возстаніе, открытіе сербскаго эпоса и введеніе сербскаго народнаго языка въ книгу Вукомъ Караджичемъ, 4) открытіе памятниковъ древнечешской національной поэзіи, позднѣе оказавшихся поддѣльными, 5) вліяніе нѣмецкой національной литературы конца XVIII—начала XIX вѣка.

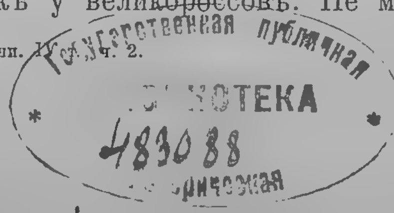
Чехія.

Очагомъ славянскаго возрожденія были чешскія земли, или, точнѣе, Чехія (Богемія), такъ какъ Моравія лишь съ опозданіемъ слѣдовала тому, что создавала Чехія. *Богемская котловина*, или бассейнъ верхней Эльбы, неправильный четырехугольникъ, со всѣхъ сторонъ окруженный горами, — лишь въ полтора раза больше Московской губерніи, а духовный центръ ея, Прага, отстоитъ отъ самыхъ далекихъ границъ (на югъ и востокъ) верстъ на

150, отъ самыхъ близкихъ (на сѣверъ)—верстъ на 80. Такова историческая сцена самаго западнаго и на ряду съ словенцами, самаго культурнаго изъ славянскихъ народовъ. Ограниченность и замкнутость этой территоріи всегда имѣла послѣдствіемъ быстрое обобщеніе на ней всѣхъ соціальныхъ явленій: какъ новые факты языка, такъ и новыя идеи въ короткій срокъ захватывали всю Чехію и становились общечешскими фактами. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта маленькая историческая территорія была почти отовсюду окружена иноплеменнымъ моремъ, а съ половины среднихъ вѣковъ заключала и въ своихъ городахъ и въ своей сѣверо-западной окраинѣ довольно значительное нѣмецкое населеніе; вслѣдствіе этого однимъ изъ основныхъ мотивовъ чешской исторіи рано сталъ, и остается до сихъ поръ, мотивъ національнаго сопротивленія и національной солидарности.

Среди славянскихъ народовъ мы находимъ *два психическихъ типа*, которые проявляются отчасти въ видѣ прямыхъ контрастовъ, отчасти въ видѣ менѣе рѣзкихъ переходныхъ формъ: въ славянскомъ мірѣ есть племена, отмѣченныя бо́льшимъ развитіемъ характера и сознанія, и племена, отмѣченныя бо́льшимъ развитіемъ чувства и фантазіи. Племена перваго типа усвоиваютъ чужую культуру съ сознательнымъ выборомъ и критикой и обнаруживаютъ творчество государственное, общественное и религіозное, но не обнаруживаютъ крупной художественной продуктивности ни въ литературѣ, ни въ пластическихъ искусствахъ. Племена второго типа обнаруживаютъ малую способность къ государственной организаціи, заимствуютъ чужую культуру не съ сознательнымъ практическимъ выборомъ, а болѣе непосредственно—общимъ художественнымъ воспріятіемъ; изъ этихъ заимствованій и изъ унаслѣдованныхъ элементовъ собственной примитивной культуры эти племена создаютъ по большей части лишь художественныя цѣнности. *Къ первому типу принадлежатъ чехи* и болгары, ко второму поляки и сербы. Русская раса раздѣлена на два варіанта по тому же принципу, хотя и не столь рѣзко въ ту и другую сторону; интересный осложненный типъ представляютъ *словенцы* (ср. стр. 8). Второй типъ можно считать основнымъ, общеславянскимъ типомъ; первый типъ — этическимъ варіантомъ, возникавшимъ изъ смѣшеній: не даромъ онъ появляется лишь на окраинахъ славянскаго міра — на западѣ у чеховъ, на крайнемъ югѣ у болгаръ, на сѣверо-востокѣ у великороссовъ. Не можетъ быть со-

2 славянскихъ типа.

мнѣнія, что культура содѣйствуетъ смягченію этихъ славянскихъ контрастовъ, но въ прошломъ они стоятъ предъ нами во всей опредѣленности: Польша въ лицѣ Яна Кохановскаго дала славянству перваго поэта съ значительнымъ талантомъ и европейскимъ характеромъ; Чехія въ лицѣ Гусса произвела національнаго реформатора, въ лицѣ Хельчицкаго — религіознаго философа, въ Коменскомъ — основателя европейской педагогики. Чехи и въ новѣйшее время не произвели писателя, котораго можно бы было поставить на ряду съ Мицкевичемъ или Пушкинымъ, но произвели такихъ ученыхъ, какъ Добровскій, Шафарикъ и Палацкій и такихъ національныхъ вождей, какъ Палацкій, Колларъ и Гавличекъ. Высшія силы интеллигентнаго чешскаго народа всегда выливались въ сферу общественную, а не въ сферу художественнаго творчества. Это необходимо помнить при оцѣнкѣ литературныхъ продуктовъ чешскаго возрожденія: *цѣна чешской литературы относительная*: каждое крупное произведеніе ея должно быть оцѣниваемо не съ точки зрѣнія полноты художественныхъ образовъ или силы воплощенныхъ идей, а по своимъ послѣдствіямъ для ближайшаго національнаго круга, т.-е. по своей національной вліятельности. Чешскіе поэты прежде всего національные дѣятели: общественные и политическіе. Но вліянія чешской культуры далеко не всегда оставались въ національныхъ границахъ: какъ въ гусситскую эпоху чешскій народъ первоначально боролся лишь за національный варіантъ общаго средневѣковаго строя, но вышелъ изъ этихъ рамокъ и сталъ провозвѣстникомъ новаго религіознаго развитія Европы, такъ въ эпоху новѣйшаго національнаго возрожденія чешскіе ученые и писатели, исходя изъ національно-чешской программы, оказались руководителями духовнаго и научнаго развитія славянскихъ народовъ вообще. Отъ нихъ—этой чешской плеяды—ведетъ свое начало вся современная славистика, общеніе славянскихъ ученыхъ между собою и всѣ вообще междуславянскія связи, какія только существуютъ.

Характеръ чешской литературы.

Упадокъ чешскаго народа въ XVII и XVIII в.

Въ концѣ XVIII вѣка чешскій народъ доживалъ *эпоху продолжительнаго и глубокаго упадка*. Религіозныя войны *XVII вѣка* протекали такъ часто на чешской почвѣ, что имѣли послѣдствіемъ полное разореніе чешскихъ земель: множество населенныхъ мѣстъ было уничтожено, торговля и промыслы чрезвычайно упали, площадь обработанной земли значительно сократилась, огромная убыль населенія ощущалась и вслѣдствіе

войнъ и вслѣдствіе изгнанія семей, не пожелавшихъ вернуться къ католицизму; съ выселявшимися протестантами страну покидали отличные плательщики, искусныя рабочія руки, капиталъ умственный и матеріальный, ибо община чешскихъ братьевъ была самой просвѣщенной частью населенія, обладала значительной литературой, печатнями и религіозно-общественнымъ устройствомъ. *XVIII вѣкъ* не улучшилъ положенія чеховъ: и въ этомъ столѣтіи чешскій народъ продолжалъ страдать отъ своего центральнаго положенія въ средней Европѣ: война за австрійское наслѣдство на практикѣ свелась къ борьбѣ между Австріей и Пруссіей за земли чешскаго народа. Вновь разоренное чешское государство послѣ утраты Силезіи нисходитъ на степень австрійской провинціи. Государственныя права чеховъ, сильно ограниченныя вскорѣ послѣ Бѣлогорской битвы, продолжаютъ разрушаться Маріей-Терезіей и Іосифомъ II. Единство своей имперіи Іосифъ думалъ закрѣпить единствомъ культуры и языка: государственнымъ языкомъ былъ объявленъ нѣмецкій. Спѣшная ломка и напряженный педантизмъ, съ которыми Іосифъ проводилъ всѣ свои мѣры, особенно сильно коснулись чешскихъ земель. — Онѣмеченіе школы началось еще при Маріи-Терезіи, при Іосифѣ преподаваніе на всѣхъ трехъ стадіяхъ стало нѣмецкимъ, исключеніе составляли только сельскія школы грамотности; въ гимназію принимались только знающіе нѣмецкій языкъ.

Чехи въ концѣ XVIII. в.

Чешскій народъ въ эту эпоху состоялъ изъ слѣдующихъ элементовъ. *Сельское населеніе* значительнаго большинства округовъ, какъ и сейчасъ, было чисто чешскимъ. Свидѣтельства конца XVIII вѣка говорятъ о повсемѣстной жаждѣ грамоты и чтенія въ чешскомъ крестьянствѣ; чешскій народъ обѣднѣлъ и затихъ, особенно послѣ аграрнаго возстанія, подавленнаго войсками въ царствованіе Маріи-Терезіи. Но въ основѣ это былъ все тотъ же интеллигентный народъ съ старой европейской культурой. Лишь только въ Прагѣ появились первые дѣятели съ національнымъ сознаніемъ и первыя чешскія книжки дошли до деревни, народъ этотъ понялъ, что онъ получилъ національныхъ вождей. Чешское крестьянство таило въ себѣ во многихъ мѣстностяхъ антикатолическое настроеніе и остатки традицій прежней «братской общины». Патентъ о вѣротерпимости, изданный въ 1781 году, призналъ только католическое, греко-восточное, аугсбургское и гельветское исповѣданіе, но былъ понятъ чешскимъ народомъ въ смыслѣ полной вѣротерпимости: въ чешскихъ зе-

мляхъ стали возникать независимыя религіозно-народныя общины на старой гусситской основѣ; онѣ тотчасъ подверглись гоненію и должны были примкнуть къ одной изъ двухъ дозволенныхъ протестантскихъ церквей. Все же патентъ далъ возможность чешскимъ протестантамъ организоваться въ національно-церковныя общины, а болѣе свободныя цензурныя условія освободили отъ преслѣдованія старую «братскую» литературу и впервые дали возможность перепечатокъ.

Чешское духовенство въ высшихъ должностяхъ пополнялось нерѣдко представителями старой чешской знати; низшее выходило по большей части изъ чешскаго народа, чувствовало себя близкимъ къ нему, произносило проповѣдь и учило катихизису по-чешски. вать чрезъ литературу. Чешскимъ по происхожденію была далѣе *мелкая и средняя буржуазія* Праги и большинства провин- Эти національные кадры сельскихъ священниковъ оказали неоцѣнимыя услуги чешскому возрожденію, когда оно стало дѣйство- ціальныхъ городовъ Богеміи, низшее и среднее чиновничество, часть представителей свободныхъ профессій. Весь этотъ классъ пользовался чешскимъ языкомъ только для цѣлей обыденной жизни; въ общественной жизни господствовалъ нѣмецкій языкъ, и чѣмъ достаточнѣе стояла чешская городская семья, тѣмъ сильнѣе старалась она усвоить его, какъ признакъ культуры. То была культурная мода, подобная господству французскаго языка въ русскомъ образованномъ классѣ первой половины XIX вѣка. Эта мода влекла за собою у многихъ индивидуумовъ ограниченное или неточное знаніе родного языка въ смыслѣ формъ, оборотовъ и запаса словъ. Въ виду пассивнаго, приниженнаго состоянія чешскаго національнаго чувства и массы культурныхъ и государственныхъ нѣмецкихъ вліяній въ странѣ, эта мода заключала въ себѣ опасность быстраго онѣмеченія всѣхъ чешскихъ народовъ. Высшее чиновничество и крупная буржуазія, тогда еще малочисленная, чувствовали себя нѣмецкими. *Чешская историческая аристократія*, какъ и сейчасъ, была малочисленна и содержала въ своей средѣ лишь немного семей, стоявшихъ по просвѣщенію на уровнѣ эпохи. Чешская знать владѣла чешскимъ языкомъ для сношеній съ подвластнымъ населеніемъ и администраціей своихъ помѣстій, но разговорнымъ языкомъ семей были нѣмецкій и французскій. Очень важно, что при отсутствіи типичныхъ національныхъ признаковъ чешская знать твердо чувствовала себя главнымъ политическимъ классомъ прежняго чеш-

скаго государства и обладала только мѣстнымъ патріотизмомъ. На ряду съ нѣмецкимъ студенчествомъ, въ Пражскомъ университетѣ существовало уже *чешское студенчество*, выходившее отчасти изъ сельскаго населенія, отчасти изъ мелкой буржуазіи; чешскому студенчеству передавались чрезъ молодыхъ профессоровъ и чрезъ студентовъ-нѣмцевъ общественныя и политическія настроенія нѣмецкой молодежи Германіи; но чешское суденчество усиливается только въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Наконецъ чехи обладали своего рода *высшей интеллигенціей*: то было нѣсколько духовныхъ, чеховъ по рожденію, все выученики іезуитовъ, прошедшіе Пражскій или иной университетъ. Эти немногочисленные ученые чехи: Добнеръ, Пельцель, Добровскій, становились, между прочимъ, воспитателями и учителями въ домахъ образованной чешской знати.

При отсутствіи желѣзныхъ дорогъ и другихъ усовершенствованныхъ средствъ общенія, при наличности многочисленныхъ пережитковъ старой государственной особности областей, въ австрійской имперіи всюду сильно сказывался областной патріотизмъ и тяготѣніе исключительно къ мѣстнымъ культурнымъ центрамъ. Вѣна повелѣвала, но отнюдь не чувствовалась столицей. При пассивности и даже робости чешскаго національнаго чувства той эпохи интеллигенція обѣихъ народностей Богеміи легко объединялась общимъ культурнымъ языкомъ (нѣмецкимъ) и общимъ интересомъ къ своей странѣ: богемскіе нѣмцы и чехи были связаны между собою мѣстной исторической традиціей, мѣстными реальными интересами и были несравненно ближе другъ къ другу, чѣмъ къ своимъ сородичамъ въ другихъ областяхъ государства.

Реформы Іосифа II.

Таково было положеніе чешскаго общества, когда реформы Іосифа II, изгоняя чешскій языкъ, разрушая привилегіи чешской знати и мѣстныя автономіи, одновременно ограничили католическую церковь и дали странѣ свѣтскую школу, личную свободу значительной части крестьянства, смягченіе книжной цензуры и относительную свободу вѣроисповѣданія. Всѣ эти мѣры получили для чешской національности возбуждающее значеніе. Чешская знать фрондировала противъ реформъ Іосифа и въ его присутствіи демонстративно говорила между собою по-чешски. Въ бесѣдахъ съ первыми чешскими учеными чешскіе аристократы искали теоретическаго обоснованія своихъ попранныхъ сословныхъ правъ и укрѣплялись въ своихъ историческихъ при-

тязаніяхъ на чешскую государственность. Неуваженіе Іосифа къ мѣстной старинѣ и мѣстнымъ областнымъ традиціямъ носило нерѣдко характеръ оскорбительный и вызывающій и, кромѣ общаго неудовольствія, пробудило у нѣскольких образованныхъ аристократовъ общественную инициативу. Идеи просвѣтительной эпохи пробивали себѣ путь въ Богеміи и помимо Іосифа II; идея о связи благосостоянія съ образованіемъ, идея объ общественномъ значеніи науки и искусства были тогда всеобщими; развитіе исторической науки въ Германіи отражалось повышеннымъ интересомъ къ мѣстной, богемской исторіи и древностямъ; обнаружилось также стремленіе оживить мѣстную промышленность. Въ итогѣ мы находимъ, что всю послѣднюю четверть XVIII вѣка и въ началѣ XIX чешская знать, мѣстные ученые, промышленные и торговые круги, высшее и низшее духовенство Богеміи объединяются для созданія цѣлаго ряда мѣстныхъ образовательныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій въ столицѣ Чехіи — Прагѣ. Въ 1776 году учреждается каѳедра земледѣлія въ Пражскомъ университетѣ и окончательно организуется мѣстное общество сельскаго хозяйства, въ 1777 возникаетъ Пражская промышленная школа. Въ слѣдующія десятилѣтія усиліями епископа Киндерманна нѣмецкая сѣверо-западная окраина Богеміи покрывается сѣтью промышленныхъ школъ (которыя, между прочимъ, содѣйствуютъ экономическому подъему этой нѣмецкой окраины къ невыгодѣ чешскаго земледѣльческаго центра и востока страны). Въ 1784 году возникаетъ знаменитое Королевское общество наукъ, въ 1796 основана мѣстная Академія Художествъ, въ 1798—постоянный Пражскій театръ (нѣмецкій, но съ любительскими чешскими представленіями), въ 1802—Пражская техническая школа (первая въ Австріи), въ 1810 — Пражская консерваторія, въ въ 1818—знаменитый музей королевства чешскаго.

Королевское научное общество.

Королевское общество наукъ выросло изъ бесѣдъ частнаго научнаго кружка, который объединилъ въ домѣ графа Ностица немногихъ образованныхъ чешскихъ аристократовъ того времени, нѣсколько ученыхъ чешскихъ духовныхъ, бывшихъ воспитателями сыновей у чешской знати, и нѣсколькихъ профессоровъ Пражскаго университета. Общество соединяло тенденціи просвѣтительной эпохи съ областнымъ патріотизмомъ и ставило себѣ цѣлью изслѣдованіе природы и прошлаго Богеміи. Оно издавало свой ученый журналъ по-нѣмецки и стало однимъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ обществъ тогдашней средней Европы. Исторія

была представлена чехами: престарѣлымъ Добнеромъ (1719—1790) и его болѣе молодыми учениками: Пельцелемъ (1734—1801), Добровскимъ (1753—1829) и другими. Главное значеніе общества было въ томъ, что имъ объединялся незначительный кружокъ людей, составлявшихъ тогда всю высшую интеллигенцію небольшого чешскаго народа, едва просыпавшагося отъ двухвѣковой летаргіи. Вліяніе этихъ чешскихъ ученыхъ тогда же сказалось на другихъ славянахъ Австріи: въ дѣлѣ славянской филологіи Добровскій былъ для нихъ такимъ же авторитетомъ, какимъ позднѣе сталъ Шафарикъ, а послѣ него—Миклошичъ. У другихъ народовъ проводникомъ чистыхъ идей просвѣтительной эпохи была литература, у чеховъ для литературы еще не было создано среды: не было національной интеллигенціи, изъ которой возникаетъ писатель; существовали, съ одной стороны, необразованные чешскіе классы, съ другой—нѣсколько меценатовъ и ученыхъ патріотовъ; послѣдними ведется дѣло чешскаго просвѣщенія; *собственная литература долго не появляется*. Миніатюрнаго органа, какой представлялъ изъ себя первый кружокъ образованныхъ патріотовъ, оказалось достаточно для начальнаго руководства и пробужденія цѣлаго народа. За вождями остается заслуга отличнаго усвоенія новыхъ идей, выработанныхъ на Западѣ, и практичнаго приложенія ихъ къ непосредственнымъ нуждамъ чешскаго народа. А за этимъ народомъ остается честь практической интеллигенціи, которая коренится въ старой культурѣ.

Защита чешскаго языка.

Изгнаніе чешскаго языка изъ администраціи, суда и школы вызвало во всѣхъ кругахъ страны реакцію въ пользу чешскаго языка. Отъ начала гоненій на чешскій языкъ и до середины XIX вѣка не перестаютъ выходить памфлеты въ защиту его правъ. До насъ дошло немало свидѣтельствъ того вліянія, какое имѣла эта полемическая литература на укрѣпленіе національнаго самосознанія и утвержденіе вѣры въ цѣлесообразность національной чешской культуры. Всего цѣннѣе свидѣтельства Палацкаго и Шафарика, касающіяся ихъ самихъ.

Централистическая и германизаторская тенденція, шедшая объ руку со всѣми положительными реформами Іосифа, сдѣлала то, что недовольство его реформами вышло за предѣлы высшихъ классовъ, коихъ реформы касались непосредственно. *Венгрія*, никогда ранѣе не сломленная австрійскимъ правительствомъ, сильная своей территоріей, своимъ государственнымъ и націо-

нальнымъ чувствомъ, сохранившая въ своемъ среднемъ и мелкомъ дворянствѣ обширный классъ людей съ политическимъ сознаніемъ, стояла наканунѣ возстанія. Незадолго до смерти Іосифъ II спѣшно отмѣнилъ для Венгріи всѣ свои реформы, кромѣ личнаго освобожденія крестьянъ и патента о вѣротерпимости. *Чехи* не обладали ни численностью ни политической и національной организаціей венгровъ; чехи только еще выходили изъ періода продолжительнаго упадка. Разница заключалась, наконецъ, въ національномъ темпераментѣ двухъ народовъ: у венгровъ—агрессивномъ и воинственномъ, у чеховъ — настойчивомъ и осторожномъ съ непродолжительными вспышками чувства. По смерти Іосифа всѣ сеймы государства, созванные Леопольдомъ II, выражали свои протесты и жалобы. Но тогда же стало ясно, что чешскій національный протестъ не выраститъ въ политическую угрозу для офиціальной Австріи; послѣдняя могла ограничиться пустыми уступками: Леопольдъ короновался чешской короной, а въ Пражскомъ университетѣ была учреждена каѳедра чешскаго языка. Однако *въ чешскомъ обществѣ* произошелъ тогда *переломъ:* національное чувство изъ пассивнаго состоянія, въ коемъ оно долго находилось, перешло въ активное. Для отдѣльныхъ двуязычныхъ индивидуумовъ уже въ ту эпоху чешскій языкъ внезапно становится главнымъ культурнымъ признакомъ. Этотъ психическій процессъ идетъ постепенно, отражаясь въ 1790-хъ годахъ на кружкѣ ученыхъ, составлявшихъ всю интеллигенцію народа; въ Наполеоновскую эпоху онъ охватываетъ чешское студенчество, въ тридцатыхъ годахъ—средній городской классъ. Наконецъ въ 1848 году вся Прага неожиданно оказывается славянскимъ городомъ.

Оживленіе національнаго чувства.

Первые чешскіе ученые.

До самаго конца XVIII столѣтія труды чешскихъ ученыхъ появлялись на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Для цѣлей изслѣдованія мѣстной исторіи Добнеръ и его ученики владѣли чешскимъ языкомъ, но не писали на немъ. Такая мысль оставалась имъ чуждой: она шла въ разрѣзъ съ общими взглядами просвѣтительнаго вѣка, для коего мѣстные языки были только орудіемъ элементарнаго образованія, а орудіемъ высшей, общечеловѣческой культуры—языки міровые. Была необходима наполеоновская эпоха и поворотъ умовъ къ романтикѣ, чтобы вернуть маленькимъ народамъ права національной культуры и оживить вѣру въ ея разумность. Добнеръ, Пельцель, Дурихъ, Добровскій были проникнуты любовью къ своему народу, гор-

дились его прошлымъ и, какъ настоящіе представители XVIII вѣка, желали просвѣщенія и лучшаго существованія чешскому населенію; научные интересы ихъ отчасти направлялись и болѣе общими славянскими симпатіями. Всѣ чешскіе ученые XVIII вѣка уже дѣлили, напримѣръ, взглядъ, что чешскій народъ былъ нѣкогда обращенъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и получилъ отъ нихъ славянскую литургію. Добнеръ первый пришелъ къ выводу, что азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, есть глаголица. Добровскій далъ первое общее изслѣдованіе о грамматикѣ старославянскаго языка, знаменитыя Institutiones (1822). При этомъ, однако, первое поколѣніе чешскихъ ученыхъ вѣрило въ конечное торжество германизаціи. Добровскому приписываются знаменитыя слова о чешскомъ національномъ будущемъ: «Оставьте мертвыхъ въ покоѣ». Пельцель долго считалъ успѣхи германизма въ Чехіи неотвратимымъ психическимъ явленіемъ, находя, что новые способы преподаванія нѣмецкаго языка въ гимназіи распространяютъ любовь къ нему; Пельцель выразился однажды въ печати, что трудиться надъ пробужденіемъ чешскаго самосознанія значитъ плыть противъ теченія. Дѣйствительно, въ гимназіяхъ и Пражскомъ университетѣ молодое поколѣніе преподавателей уже увлекало молодежь изученіемъ нѣмецкой поэзіи XVIII вѣка, между тѣмъ какъ литературно-поэтическіе интересы были еще совершенно чужды Королевскому ученому обществу, а на чешскомъ языкѣ не существовало еще даже скромнаго запаса художественнаго чтенія для подроставшихъ поколѣній. Съ восьмидесятыхъ годовъ XVIII вѣка возникаетъ постоянный любительскій *театръ на чешскомъ языкѣ*, который довольствуется скромнымъ репертуаромъ переводовъ и передѣлокъ съ нѣмецкаго. Въ девяностыхъ годахъ появляются *первые чешскіе стихотворцы* — кружокъ Пухмайера и Неѣдлаго; они издаютъ литературные альманахи, живущіе мотивами тогдашней нѣмецкой лирики. Но эти явленія интересны только какъ первые симптомы: они неудовлетворительны по содержанію и по формѣ: чешскаго литературнаго языка еще не существуетъ: онъ не поднятъ надъ обыденными потребностями и потому чрезвычайно бѣденъ поэтическими средствами. Такъ же мало приспособленъ онъ къ научнымъ цѣлямъ. *Литературный языкъ* вполнѣ складывается только въ тридцатыхъ годахъ, съ появленіемъ первыхъ чешскихъ поэтовъ, послѣ изданія произведеній чешской народной поэзіи и первыхъ образцовыхъ переводовъ съ западныхъ языковъ. Надъ чешскимъ *научнымъ язы-*

Начало чешскаго театра и стихотворства.

Обработка литературнаго языка.

комъ изъ поколѣнія въ поколѣніе работаютъ чешскіе ученые; ихъ главное усиліе направлено на созданіе чешской научной *терминологіи*, ибо какъ разъ за время упадка чешской культуры естественныя и философскія науки сдѣлали огромные успѣхи.

Пельцель.

Волна общественнаго протеста, охватившая имперію въ послѣдній годъ царствованія Іосифа II, какъ мы видѣли, не улучшила общественнаго положенія чешскаго народа, но она вернула ему *активность національнаго чувства*. Самымъ любопытнымъ образомъ этотъ поворотъ сказался на Пельцелѣ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ приведеннаго пессимистическаго отзыва пятидесятишестилѣтній *Пельцель*, до тѣхъ поръ писавшій только по-латыни и по-нѣмецки, обрабатываетъ по-чешски въ видѣ *Хроники*, или связной исторіи чешскаго народа, всѣ свои предыдущіе историческіе труды, упорно подбирая при этомъ тѣ трудности, которыя представляло для чеха той поры обращеніе своей обыденной рѣчи въ литературно-научную прозу. Хроника выходитъ въ теченіе 1791—1796 годовъ, заголовокъ ея носитъ изображеніе проснувшагося чешскаго льва, а предисловіе говоритъ о «дорогихъ именахъ Карла IV и Вячеслава IV». Хроника неожиданно стала народной книгой, занявъ почетное мѣсто на ряду съ чешской Библіей и несказанно много содѣйствовала оживленію чешскаго историческаго чувства во всѣхъ классахъ народа. Пельцель неожиданно для себя самого становится первымъ общественнымъ дѣятелемъ на литературномъ поприщѣ. Онъ родоначальникъ патріотическаго направленія въ чешскомъ обществѣ. Сознавъ притягательную силу нѣмецкой литературы и видя отсутствіе чешской, Пельцель хлопочетъ теперь о переизданіи наиболѣе популярныхъ произведеній такъ называемаго золотого (XVI) вѣка чешской письменности. Эту мысль усвоиваютъ и широко осуществляютъ его младшіе современники, особенно *Прохазка* (1749—1809) и пражскій типографъ *Крамеріусъ* (1759—1808), которые издаютъ, подновляя языкъ и правописаніе, поучительныя и историческія сочиненія, старыя путешествія, старые переводы изъ древнихъ и западныхъ литературъ, между прочимъ, Троянскую исторію, Эзоповы басни, Іосифа Флавія, Киропедію Ксенофонта, чешскія хроники Гайка и Далимила, «Лабиринтъ свѣта» Коменскаго, нѣкоторыя сочиненія Эразма Роттердамскаго, а равно «Московскую хронику» Гваґнина; въ предисловіи къ ней Прохазка говоритъ объ обширности славянскаго племени и о родственной чехамъ Россіи.

Крамеріусъ на чтеніи старой чешской литературы выработалъ себѣ отличный и чистый языкъ и, кромѣ перепечатокъ, сталъ извѣстенъ какъ первый народный писатель: по нѣмецкимъ образцамъ онъ создаетъ занимательную литературу изъ рыцарскихъ и восточныхъ сюжетовъ; литературные отдѣлы его народныхъ *календарей* соединяютъ занимательность съ просвѣтительными тенденціями и національнымъ сознаніемъ. Книги Крамеріуса до сихъ поръ остаются народнымъ чтеніемъ. **Крамеріусъ.**

Еще Марія-Терезія повелѣла перевести Библію на всѣ языки своей имперіи. Работы надъ чешской Библіей затянулись. Библія вышла только въ 1778—80 годахъ. *Прохазка* и *Дурихъ* были главными работниками при изданіи этой новой *католическо-чешской Библіи*, для текста которой они широко пользовались такъ называемой Кралицкой Библіей, изданной чешскими братьями (1579—1593). Такъ какъ Кралицкая Библія была образцомъ чешскаго языка золотого вѣка, то и новая католическая Библія имѣла литературное значеніе; распространившись среди духовенства и народа, она содѣйствовала улучшенію чешскаго языка. **Чешская Библія**

Считая всѣ изданія духовно-нравственнаго и историческаго содержанія, учебники и руководства по различнымъ отраслямъ практическаго знанія, первые опыты стихотворства и беллетристики—принимаютъ, что *къ концу XVIII вѣка чешская литература насчитывала около 1000 новыхъ книгъ;* рядомъ съ нею по-нѣмецки, и отчасти по-латыни, существовала небольшая, но цѣнная научная литература о исторіи чешскаго народа, его старой письменности и его языкѣ. Чешская книга свила себѣ гнѣздо въ усадьбѣ сельскаго священника и проникла въ хижину крестьянина. Чешское студенчество имѣло запасъ книгъ для начала національныхъ изученій. Но все еще отсутствовала національная изящная литература: чешская городская буржуазія не читала по-чешски, ибо не существовало ни чешской лирики ни чешской новеллы; чешская учащаяся молодежь того же класса, получивъ въ нѣмецкой гимназіи повышенные эстетическія потребности, не могла удовлетворять ихъ на чешскомъ національномъ чтеніи. Такимъ образомъ не складывалась и среда, въ которой могъ бы возникнуть національный поэтъ. **Итоги XVIII в.**

Девятнадцатое столѣтіе приноситъ съ собою рѣшительныя перемѣны. Крестьянство у всѣхъ славянскихъ народовъ австрійской имперіи съ конца XVIII вѣка появляется въ свѣтской школѣ. Въ началѣ XIX вѣка это поколѣніе крестьянскихъ дѣ- **Чехи въ XIX вѣкѣ.**

тей усиливаетъ кадры національной буржуазіи и почти каждому славянскому народу впервые даетъ хоть по одному значительному національному дѣятелю. Новое поколѣніе учащейся славянской молодежи на школьной или студенческой скамьѣ переживаетъ наполеоновскую эпоху съ ея національнымъ возбужденіемъ, всюду поощряемымъ правительствами. Громадное впечатлѣніе на всю чешскую націю, по свидѣтельству современниковъ, производитъ появленіе русской арміи въ чешскихъ земляхъ: въ народѣ и въ интеллигенціи дремавшая отвлеченная идея славянскаго родства становится живымъ инстинктомъ возможнаго сближенія. Кромѣ того, въ сферѣ національнаго чувства чехи испытываютъ непосредственное и *чрезвычайно сильное вліяніе германскихъ условій*: нѣмецкіе студенты и профессора Пражскаго университета оказываются очень полезными посредниками между чешскимъ студенчествомъ и новой Германіей; протестантскіе словаки, готовящіеся къ духовной карьерѣ, еще имѣютъ право посѣщать германскіе университеты и переживаютъ непосредственно стихійный подъемъ нѣмецкаго національнаго самосознанія, связанный у нѣмцевъ той эпохи съ культомъ всякой народности, ея быта, вѣрованій, поэзіи, ея историческаго прошлаго, ея правъ на цивилизацію и національную культуру. Чехи получали теперь высшіе и наиболѣе цѣнные продукты тогдашняго германскаго духа: *идеологію національнаго самоопредѣленія* въ задушевныхъ и поэтическихъ формулахъ, созданныхъ нѣмецкой романтикой, и цѣнную *практическую программу національнаго строительства*: собираніе народной поэзіи, и введеніе ея языка, формъ и вѣрованій въ литературу — въ видѣ художественной пѣсни и баллады; изученіе народныхъ говоровъ и близко родственныхъ языковъ для тѣхъ же цѣлей національной литературы; изученіе національнаго прошлаго въ его историческихъ и поэтическихъ памятникахъ. Если общественный протестъ послѣднихъ лѣтъ Іосифова царствованія вернулъ чешскому чувству активность и надежды на будущее, то волна романтическихъ настроеній окрылила теперь чешское чувство и дала ему *національное одушевленіе*, необходимое для творческой работы; двуязычныя городскія семьи чешскаго происхожденія начинаютъ чувствовать себя чешскими: чешскій языкъ оказывается для нихъ первымъ и главнымъ, а чешская національная культура—духовной потребностью. Теперь идея національности въ народѣ и обществѣ становится культомъ, у вождей—практической программой и про-

Германскія вліянія, ихъ переработка.

шевленіе нѣмецкаго студенчества и переработалъ его въ сознательное національно-чешское чувство. Филологическими интересами и національнымъ сознаніемъ обусловлена вся дальнѣйшая дѣятельность Юнгманна: онъ положилъ основу національной лектюрѣ удачными переводами Аттала Шатобріана (1805) и «Потеряннаго Рая» Мильтона (1811) и издалъ чешскую «Антологію» съ правилами стихотворства, книжку, служившую поэтикой для молодого поколѣнія. Въ формѣ литературныхъ діалоговъ онъ издалъ трактатъ въ защиту культурныхъ правъ чешскаго языка (1806); писанное по-чешски, это произведеніе обращалось непосредственно къ націи, дѣйствительно возбудило національную энергію въ молодомъ поколѣніи и имѣло, напримѣръ, рѣшающее вліяніе на Палацкаго и Шафарика. Всѣ эти изданія быстро входили въ духовный оборотъ нарождающейся чешской интеллигенціи и облегчали дальнѣйшіе шаги литературы. Непреходящее національное значеніе получили два крупныхъ труда Юнгманна: его «Исторія чешской литературы» (1825) и его обширный «Словарь» чешскаго языка, стараго и новаго (1835 — 1839). «Литература», гдѣ до сихъ поръ сохранила цѣну замѣчательная библіографія, подводила итогъ старому развитію и новымъ начинаніямъ и имѣла ободряющее значеніе. «Словарь», трудъ, почти превосходящій силы отдѣльнаго человѣка, существенно облегчалъ работу писателямъ и регулировалъ дальнѣйшее развитіе языка. Юнгманнъ съ удивительной трезвостью взгляда открывалъ простѣйшія, неотложныя потребности чешской литературы и успѣвалъ удовлетворять ихъ съ рѣдкой послѣдовательностью и прямо героическимъ трудолюбіемъ. Національная цѣнность его трудовъ была такъ очевидна, что на склонѣ дней Юнгманнъ былъ окруженъ всеобщей признательностью и составлялъ гордость цѣлаго народа ничуть не менѣе, чѣмъ дѣятели болѣе широкаго горизонта, которые явились въ слѣдующемъ поколѣніи.

Чешское возрожденіе. Вслѣдъ за Юнгманномъ и на глазахъ его, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, выступаетъ на сцену замѣчательное поколѣніе чешскихъ писателей и настаетъ *классическая пора чешскаго возрожденія.* Эти писатели создаютъ незыблемый національный капиталъ, возвращаютъ чехамъ положеніе культурнаго народа западной семьи, а въ нео-славянской культурѣ даютъ чешскому народу руководящую роль. Всѣ они — Колларъ, Палацкій, Шафарикъ, Челаковскій, Ганка и рядъ другихъ, менѣе извѣстныхъ — родились въ 90-хъ годахъ XVIII вѣка, росли въ атмосферѣ, очищенной ре-

формами Іосифа II, были молоды въ эпоху наполеоновскихъ войнъ и романтическихъ настроеній. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ они создаютъ новую чешскую культуру. Одновременно расширяются, ранѣе столь миніатюрные, кадры чешской интеллигенціи и, путемъ завоеванія городовъ, создается чешское общество. Руководящую роль въ дѣлѣ вытѣсненія нѣмецкой моды беретъ на себя чешское студенчество 30-хъ годовъ. Путемъ систематической организаціи по всей Чехіи любительскихъ спектаклей, музыкальныхъ, литературныхъ и танцовальныхъ вечеровъ студенчество создавало чешскую буржуазную культуру. Въ молодомъ поколѣніи чешскій языкъ и чешское національно-патріотическое настроеніе устанавливаются какъ психическая мода, благодаря веселому бытовому репертуару чешскаго театра съ одной стороны и сентиментально-патріотической чешской новеллѣ съ другой: творцомъ того и другого является необычайно плодовитый Тыль (1808 — 1856). Не обладая еще ни національной гимназіей ни національнымъ университетомъ, чехи, благодаря плеядѣ своихъ ученыхъ, успѣваютъ сдѣлать Прагу духовнымъ междуславянскимъ центромъ и устанавливаютъ первую программу славянской культурной солидарности. Съ 30-хъ годовъ до сознанія нѣмецкой Австріи доходитъ фактъ возродившейся чешской національности и возникаетъ чешскій вопросъ, который съ тѣхъ поръ остается основнымъ вопросомъ австрійской внутренней политики.

Патріотическое настроеніе.

Ганка.

Одинъ изъ первыхъ дѣятелей новой эпохи (1820 — 1848) — *Вячеславъ Ганка* (1791 — 1861). Учась въ Пражскомъ и Вѣнскомъ университетѣ, онъ заимствуетъ славянскіе интересы у Добровскаго и Копитара, но не выноситъ систематическихъ знаній. Зато онъ проникается вѣнскими романтическими настроеніями и, работая ради хлѣба въ вѣнскомъ чешскомъ журналѣ Vídenské Aoviny (1812 — 1816), переноситъ на чешскую почву нѣмецкія романтическія программы и становится значительнымъ публицистомъ чешской романтики. Онъ замѣченъ Юнгманномъ, который въ письмѣ поощряетъ Ганку «тихо и безшумно работать надъ тѣмъ, чтобы чешская національность не погибла». Въ ближайшіе за тѣмъ годы Ганка, одинъ изъ первыхъ, собираетъ и издаетъ чешскія народныя пѣсни, переводитъ «Слово о Полку Игоревѣ» и сербскія пѣсни Вука Караджича, издаетъ собственныя

лирическія стихотворенія, гдѣ первый изъ южныхъ и западныхъ славянъ пользуется народными мотивами для цѣлей новой національной поэзіи, издаетъ также памятники старой чешской поэзіи и, въ состояніи національно-романтическихъ увлеченій, создаетъ, въ сообществѣ съ другими молодыми литераторами, *подложные памятники* древне-чешской исторической поэзіи и лирики, съ цѣлью дать чехамъ романтическій палладіумъ, равноцѣнный съ «Нибелунгами», «Оссіаномъ», «Словомъ о Полку Игоревѣ» и другими національно-литературными «возбудителями» той эпохи. Эти поэмы и пѣсни, переписанныя средневѣковыми почерками на старый пергаментъ, образовали знаменитую Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, изъ коихъ первая была «открыта» самимъ Ганкой, вторая анонимно доставлена въ чешскій музей. Эти стихотворенія, далеко не лишенныя поэзіи, національнаго одушевленія и свѣжести чувства, подобно романтическимъ фальсификатамъ и новодѣлкамъ другихъ европейскихъ литературъ той эпохи, вылились вполнѣ въ духѣ времени и вызвали энтузіазмъ прежде всего въ нѣмецкихъ ученыхъ кругахъ, потомъ въ чешской интеллигенціи. По состоянію тогдашней филологіи чешскія поддѣлки возбудили скептическое отношеніе только у Копитара (ср. стр. 11) и отчасти (Зеленогорская рукопись) у старика Добровскаго (ср. стр. 25). Только гораздо позднѣе въ Краледворской рукописи были открыты сербскія и русскія слова и совпаденія съ стихотвореніями Ганки. Для подрастающихъ чешскихъ поколѣній Краледворская рукопись (какъ видно изъ біографій послѣдующихъ писателей) усилила запасъ національной лектюры, для чешскихъ филологовъ она же стала научной школой, — вокругъ нея вращался прогрессъ знаній и методологическихъ пріемовъ.

Чешская плеяда.

Если Ганка по характеру образованія и дѣятельности является изолированнымъ, но вліятельнымъ диллетантомъ, болѣе крупные и систематически образованные представители замѣчательнаго поколѣнія составляли школу, которая взяла на себя дѣло организаціи народныхъ силъ и руководство ими. Среди болѣе обширнаго и менѣе культурнаго народа, особенно при отсутствіи элементарныхъ гарантій свободы, такая группа, подобно русской плеядѣ 40-хъ годовъ, осталась бы оазисомъ среди пустыни; у чешскаго народа она получила значеніе генеральнаго штаба націи.

Центральной фигурой этого руководящаго кружка сталъ *Францъ Палацкій* (1798—1876), за коимъ съ полной справедливостью сохранилось имя вождя народа. Онъ родился въ Моравіи, въ семьѣ учителя-протестанта, предки его принадлежали къ общинѣ чешскихъ братьевъ. Окончивъ протестантскій лицей въ Пресбургѣ, Палацкій былъ воспитателемъ въ дворянскихъ венгерскихъ семьяхъ и восполнялъ свое образованіе чтеніемъ и путешествіями и встрѣчами съ людьми. Онъ испыталъ вліяніе Копитара, Добровскаго и особенно—вліяніе рано созрѣвшаго гуманнаго Шафарика. Съ дѣтства знакомый съ литературой чешскихъ братьевъ и испытавъ вліяніе сочиненій Юнгманна и журнала *Vîdenské Noviny*, Палацкій обнаружилъ энергичное національное сознаніе на почвѣ старыхъ гусситскихъ традицій и рѣшилъ посвятить себя изученію чешскаго прошлаго. Рано созрѣвшій энергичный умъ и широко развитое историческое пониманіе сдѣлали его очень вліятельнымъ еще въ молодые годы. Палацкій былъ удержанъ въ просыпавшейся Прагѣ Добровскимъ и его знатными друзьями и скоро оказался руководителемъ этого кружка. Въ «историческую ночь» 20 декабря 1825 года Палацкій въ домѣ гр. Штернберга пламенной рѣчью убѣдилъ кружокъ въ возможности и необходимости созданія чешской культуры, выставилъ неотложное требованіе, чтобы былъ созданъ чешскій ученый журналъ при недавно основанномъ чешскомъ музеѣ и чтобы всѣ наличные чешскіе ученые писали по-чешски. Палацкій обратился при этомъ къ Добровскому съ знаменитыми словами: «Если бы я былъ послѣднимъ представителемъ цыганскаго племени, я и то считалъ бы долгомъ своимъ не жалѣть никакихъ усилій, чтобъ оставить о моемъ народѣ хоть почетную память въ исторіи человѣчества». Такъ былъ основанъ знаменитый Časopis чешскаго музея (съ 1827 г.), нѣмецкое изданіе котораго вскорѣ прекратилось за недостаткомъ сбыта, а чешское, согласно предсказанію Палацкаго, нашло широкую національную поддержку. Въ качествѣ редактора Палацкій объединилъ чешскихъ ученыхъ и литераторовъ, подчинивъ ихъ болѣе широкимъ научнымъ и культурнымъ цѣлямъ: его усиліями чешская литература освободилась отъ узко-провинціальныхъ и кружковыхъ тенденцій. Съ тридцатыхъ годовъ Палацкій, отдавшись изученію чешской исторіи и фактически состоя исторіографомъ чешскаго королевства (офиціально это постановленіе чешскаго сейма было утверждено австрійскимъ правительствомъ только въ 1839 году), не переставалъ, Палацкій.

съ отличнымъ историческимъ пониманіемъ настоящаго, руководить развитіемъ цѣлаго народа, находя къ тому простѣйшія и цѣлесообразнѣйшія средства: онъ составилъ планъ чешскаго «Научнаго словаря» (Slovnik Naucny), который вскорѣ вышелъ въ краткомъ видѣ, въ 1860—1874 въ полномъ, а въ послѣднемъ изданіи 1890 — 180-хъ гг. составилъ энциклопедію, не уступающую нѣмецкимъ энциклопедіямъ, а въ отдѣлахъ о славянствѣ далеко ихъ превосходящій. Палацкій основалъ по образцу Сербской Матицы (ср. стр. 5) Чешскую Матицу, или фондъ для изданія народныхъ, просвѣтительныхъ и общенаучныхъ сочиненій; представлялъ чешскіе экономическіе интересы въ Богемскомъ земледѣльческомъ обществѣ, давъ образцовую партійную организацію его чешскимъ членамъ; сохранилъ для Праги Челаковскаго (ср. стр. 43), Ганку (ср. стр. 31), Шафарика (ср. стр. 36), когда они получили приглашенія на каѳедры въ Россію. Прямо національнымъ подвигомъ было приглашеніе Шафарика (1833): ему была обезпечена складчиной ежегодная скромная пенсія съ условіемъ жить въ Прагѣ, посвятить себя чешской наукѣ и писать по-чешски. Палацкій справедливо хвалился, что въ наукѣ далъ чехамъ первенство между славянами: западные, южные славяне, русскіе въ теченіе четырехъ десятилѣтій стекались въ Прагу, которая стала центромъ славистики и живымъ осуществленіемъ завѣтной мысли Коллара (ср. стр. 38) о культурной взаимности славянъ. Значеніе этихъ «Славянскихъ Аѳинъ» было по достоинству оцѣнено австрійской реакціей: уже съ 30-хъ гг. изъ Вѣны не разрѣшалось основаніе новыхъ обществъ въ Чехіи; въ 1849, послѣ подавленія революціи, министерство гр. Стадіона, въ противовѣсъ Прагѣ, создаетъ каѳедру славистики въ Вѣнѣ и поручаетъ ее знаменитому словенцу Миклошичу. Однако дѣятельность этого крупнѣйшаго слависта носила не организаторскій, а ученокабинетный характеръ. Не было такой области національной жизни, которую оставилъ бы безъ вниманія Палацкій: онъ заботился о чешскомъ театрѣ, въ 1848 году онъ принималъ участіе въ выработкѣ чешской политической программы, въ реакціонную эпоху 50-хъ годовъ въ письмахъ убѣждалъ Гавличка (ср. стр. 46) не оставлять публицистику, несмотря ни на какія преслѣдованія властей,—историку было ясно, что Гавличекъ оставался единственнымъ политическимъ руководителемъ народа. Главный трудъ жизни Палацкаго, «Исторія чешскаго народа въ Богеміи и Моравіи», началъ выходить по-нѣмецки съ 1836 года, по-чешски—съ

1848 года и законченъ въ 1876; авторъ остановился на 1526 году, моментѣ избранія Габсбургской семьи на чешскій престолъ. Исторія, основанная на обширныхъ изученіяхъ первоисточниковъ, изложенная классически яснымъ языкомъ, соединяетъ прагматическое изложеніе, въ манерѣ древнихъ историковъ, съ критическими пріемами первой половины XIX вѣка. Въ изложеніи патріархальнаго быта древнихъ славянъ чувствуется идеализація, свойственная романтической эпохѣ. Въ изложеніи эпохи исторической Палацкій свободенъ отъ національныхъ тенденцій и увлеченій. Обладая славянскимъ чувствомъ и раздѣляя взгляды плеяды, Палацкій провозгласилъ, однако, тезисъ, что «исторія не терпитъ побочныхъ мыслей». Самой важной частью является Гусситская эпоха (XIV и XV вѣка): здѣсь потомокъ чешскихъ братьевъ воскресилъ и увѣковѣчилъ традиціи національной культуры, созданной чешскимъ протестантизмомъ. Палацкій обладалъ невывѣтрѣвшимся протестантскимъ жаромъ души и чрезвычайно мѣткимъ сужденіемъ, которое дѣлало его отличнымъ наблюдателемъ въ минувшемъ и историкомъ въ настоящемъ. Вся дѣятельность этого человѣка была неослабнымъ исполненіемъ хорошо понятаго долга предъ своимъ народомъ.

Павелъ-Іосифъ Шафарикъ (1795 — 1861) былъ сыномъ протестантскаго священника-словака. Предки его, какъ и предки Палацкаго, принадлежали къ чешскимъ братьямъ, изгнаннымъ изъ Богеміи. Подобно Палацкому, Шафарикъ еще въ дѣтствѣ прочелъ всю Кралицкую Библію (ср. стр. 27), но національныя традиціи въ Шафарикѣ, какъ и въ Палацкомъ, пробудились къ сознанію только печатными трудами Юнгманна (ср. стр. 29); его Шафарикъ называетъ своимъ вторымъ отцомъ, а въ дѣлѣ языка и національнаго самосознанія—первымъ. Окончивъ протестантскій лицей въ Кесмаркѣ, Шафарикъ въ 1815 году отправился въ Іенскій университетъ, откуда былъ отозванъ въ 1817 году австрійскимъ правительствомъ изъ страха предъ политическими вліяніями молодой Германіи. Въ 1820 году право венгерскихъ протестантовъ посѣщать германскіе университеты было отнято совершенно, но Шафарикъ и Колларъ еще успѣли непосредственно пріобщиться къ новымъ теченіямъ германской мысли. Три семестра, проведенные Шафарикомъ въ Іенѣ, остались его лучшимъ душевнымъ капиталомъ: здѣсь, въ центрѣ германской науки, усвоилъ онъ основы научной исторіи и филологіи, свободолюбивый образъ мыслей іенскихъ студентовъ и профессоровъ и тогдашнее **Шафарикъ.**

германское одушевленіе идеалами не узко-эгоистичной, а широкой и общечеловѣческой, расовой культуры, образцомъ которой являлась культура античной Греціи. Духовное объединеніе всей славянской расы съ надеждою на созданіе новой культуры, жизнерадостной, красивой и альтруистичной—вотъ въ какой національный варіантъ претворились германскія вліянія въ душахъ Шафарика и Коллара (ср. стр. 41), стали лозунгомъ ихъ поколѣнія и чрезъ вліяніе чешской плеяды и созданной ею литературы распространились къ другимъ славянскимъ народамъ. Чрезвычайно важно, что самыя гуманныя идеи и чувства, созданныя рамантической эпохой въ Германіи, непосредственно, изъ чистыхъ рукъ іенскаго образованнаго общества, передались двумъ значительнымъ дѣятелямъ славянскаго возрожденія—его ученому слависту Шафарику и его поэту и оратору Коллару. Правда, и вѣнская романтика не могла вполнѣ затемнить здоровыя тенденціи романтической эпохи. Вѣнская романтика принесла извѣстную пользу въ начальномъ періодѣ славянскаго возрожденія такъ же, какъ національное одушевленіе нѣмецкаго студенчества Праги въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Но романтизмъ, свившій гнѣздо въ Вѣнѣ, имѣлъ уже опредѣленныя практическія цѣли: въ наполеоновскую эпоху—возбужденіе національнаго чувства австрійскихъ народовъ противъ Наполеона, въ эпоху священнаго союза—усыпленіе тѣхъ же народовъ наркозомъ католическаго культа, красотою средневѣковыхъ преданій и риторикой національнаго самосозерцанія. Іенскіе профессора и студенты открыли глаза Шафарику на эту сторону дѣла. Шафарикъ пишетъ Коллару: «Безъ политической жизни народы нули. На сѣверѣ народъ ничто, быть-можетъ, менѣе чѣмъ ничто. Подъ шестидесятымъ градусомъ никогда не возникнутъ славянскія Аѳины, ибо безъ свободы нѣтъ Аѳинъ». Съ другой стороны, тотъ синтезъ идей славянскаго, культурнаго, демократическаго характера (такъ называемый чешскій *панславизмъ*), находимый у Шафарика, Коллара и др., былъ значительно облегченъ въ своемъ появленіи тою оцѣнкой, какую уже получило славянство у Гердера, въ его «Идеяхъ къ исторіи философіи человѣчества». Вернувшись, Шафарикъ сталъ профессоромъ гимназіи въ Новомъ Садѣ, у венгерскихъ сербовъ. Смолоду Шафарикъ писалъ стихи, въ Іенѣ перевелъ «Марію Стюартъ» Шиллера и «Облака» Аристофана (то и другое было задержано австрійской цензурой); теперь Шафарика влекло къ филологическимъ трудамъ. Онъ не терялъ связи

Теоретическій панславизмъ.

съ германской наукой и въ Новомъ Садѣ изучалъ Нибура, Я. Гримма, Боппа, В. Гумбольдта; плодомъ этихъ изученій были его первые, писанные по-нѣмецки, труды, среди нихъ—«Исторія славянскаго языка и литературы по всѣмъ нарѣчіямъ» (1826), гдѣ теоретическіе и общіе отдѣлы были проникнуты весьма поэтичной идеализацiей первобытнаго славянства и его культуры, въ тѣсной зависимости отъ идей Гердера и ихъ распространителя среди славянъ — Коллара. Эта ученая апологія славянства не менѣе, чѣмъ вышедшая двумя годами ранѣе поэма Коллара, чрезвычайно содѣйствовала распространенію идеи панславизма среди отдѣльныхъ славянскихъ народовъ и различнымъ попыткамъ взаимнаго сближенія. Колларъ выразилъ общее мнѣніе, говоря, что въ книгѣ Шафарика «славяне какъ въ огромномъ зеркалѣ съ восторгомъ, удивленіемъ и яснымъ сознаніемъ, впервые, въ системѣ и предъ всею Европой увидали себя въ качествѣ единой націи». Имя Шафарика пріобрѣло извѣстность, чешскіе студенты обратились къ нему съ адресомъ (1832), прося писать по-чешски, вожди чешскаго возрожденія вызвали его въ Прагу (1833, ср. стр. 34). Здѣсь, національный историкъ чешскаго народа — Палацкій, вдохнулъ Шафарику мысль написать древнѣйшую исторію всего славянскаго племени, результатомъ чего, въ 1836 — 1837 годахъ явилось сочиненіе, полное научнаго таланта и важнѣйшихъ историческихъ свѣдѣній, знаменитыя *Славянскія Древности* (Slovanské Starozitnosti), сохраняющія все свое значеніе и въ наши дни, несмотря на то, что отдѣльныя мѣста ихъ давно устарѣли вслѣдствіе успѣховъ лингвистики, палеонтологіи и болѣе точной филологической критики, устранившей изъ науки идеализацію первобытнаго славянства. Въ слѣдующіе годы занятія славянскими языками совершенно отвлекли Шафарика отъ культурной исторіи и литературы славянскихъ народовъ. Однако плодомъ спеціальныхъ изученій Шафарика явилась популярная книга, имѣвшая огромное значеніе для славянскаго самосознанія: *Славянская этнографія* (Slovansky Narodopis, 1852) заключающая первую этнографическую карту славянскаго міра и сжатый, но всесторонній комментарій къ ней; здѣсь точно характеризованы земли отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, ихъ языки и діалекты и главные факты ихъ литературнаго развитія; въ приложеніи даны: статистика славянства и образцы славянскихъ языковъ и діалек-

товъ. Шафарикъ просилъ не разсматривать его книгу ни какъ сравнительную грамматику славянскихъ языковъ, ни какъ систематическій обзоръ ихъ литературъ; но «золотая книжица», какъ называлъ *Этнографію* Юнгманнъ, написанная лучшимъ знатокомъ славянства въ самой доступной формѣ, была дѣйствительно зеркаломъ славянства. Станко Вразъ писалъ, что «со времени брошюры Коллара о славянской взаимности (ср. стр. 42) ни одна книга не производила такого впечатлѣнія, какъ «Этнографія»; что всѣ въ Загребѣ изумлены обширностью славянства, и что карта Шафарика создастъ больше патріотовъ, чѣмъ могла бы создать вся литература». Въ Прагѣ первое изданіе «Этнографіи» раскупилось въ нѣсколько дней. — Личное вліяніе Шафарика было не менѣе значительно. Его ясный научный умъ, обширныя знанія, его привлекательный талантъ и гуманно-прогрессивный характеръ его славянскихъ надеждъ создали ему учениковъ на всѣхъ поприщахъ славянской культуры; Палацкій, Колларъ и другіе дѣятели чешскаго возрожденія въ молодости были обязаны Шафарику исправленіемъ своихъ мнѣній; первые русскіе слависты учились у него. Бодянскій сталъ постояннымъ проводникомъ и переводчикомъ трудовъ Шафарика въ Россіи, которые такимъ образомъ своевременно входили въ обиходъ русской науки. Гуманное міросозерцаніе и національная самоотверженность Шафарика были оцѣнены Грановскимъ, который въ 1838 году писалъ Станкевичу: «Я не знаю, чему дивиться болѣе въ Шафарикѣ: его великой учености или истинно великому характеру. Онъ не просто бѣдный человѣкъ, а буквально не знаетъ сегодня, что завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его, кромѣ бѣдности, давятъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ. И при всемъ томъ онъ спокоенъ и твердъ».

Колларъ. Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, на ряду съ учеными, чешская культура обладала уже и поэтами съ общеславянскимъ значеніемъ. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ оказался Колларъ, второе за нимъ мѣсто занимаетъ Челаковскій.

Янъ Колларъ (1793—1852) былъ сыномъ словацкаго протестанта. Онъ родился въ маленькомъ городкѣ сѣверной Венгріи, воспитанъ, подобно Шафарику и Палацкому, на религіозной литературѣ чешскихъ братьевъ; готовясь быть пасторомъ, прошелъ въ 1812—1817 годахъ Прессбургскій евангелическій лицей, въ

1817—1819 доканчивалъ образованіе въ Іенскомъ университетѣ. До Іены его развитіе было односторонне, его національное сознаніе не просыпалось. Одаренный мягкой мечтательной натурой, онъ инстинктивно избѣгалъ чтенія, которое противорѣчило религіозному настроенію его молодости и прямымъ цѣлямъ избранной имъ карьеры. До Іены онъ не былъ знакомъ съ Шиллеромъ и Гёте, ни съ нѣмецкими романтиками; знакомство съ Палацкимъ и другими учеными и писателями Праги не разбудило его національнаго сознанія. Въ Іену Колларъ прибылъ въ то время, когда студенческое движеніе достигло апогея; онъ сталъ свидѣтелемъ Вартбургскаго Лютерова юбилея, который разросся въ праздникъ національнаго объединенія съ лозунгомъ политической свободы. Колларъ былъ необычайно потрясенъ внушительной картиной германской національности, проснувшейся къ сознательной жизни. Въ Іенѣ и научный кругозоръ Коллара расширился чрезвычайно. Кромѣ протестантскихъ богослововъ, онъ слушалъ здѣсь классиковъ, германскую исторію въ національно-романтической окраскѣ и натурфилософію, изъ коей извлекалъ, главнымъ образомъ, поэтическую сторону ученія. Въ Іенѣ и близкомъ Веймарѣ Колларъ въ качествѣ иностранца нашелъ доступъ въ литературные круги, былъ ласково принятъ самимъ Гёте, проникся поклоненіемъ къ его поэзіи, изучалъ его прозу, какъ книгу жизни, вообще втянулся въ изученіе нѣмецкой литературы, причемъ романтики дали ему толчокъ къ чтенію Петрарки, Тассо и Данта; послѣдній наложилъ печать на личное чувство Коллара, а въ сферѣ общихъ взглядовъ неизгладимо подѣйствовалъ на него Гердеръ. По свойству своей натуры Колларъ отдавался созерцанію значительной картины нѣмецкаго развитія, но не разлагалъ ее сознаніемъ и не извлекалъ изъ нея непосредственныхъ указаній для собственной національной дѣятельности. Однако нѣмецкія условія, какъ контрастъ, ясно представили ему другую общую картину: жалкое состояніе его родного словацкаго народа и всего славянства. Занятія исторіей говорили ему, что онъ находился на родинѣ исчезнувшаго славянскаго племени; ландшафтъ, народный костюмъ и типъ населенія окрестностей Веймара и Іены пріобрѣтали для него особую значительность. Колларъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Едва я основался въ Іенѣ и ознакомился съ долиной Салы, какъ глубоко внутри меня зашевелилась нежданная скорбь, какая овладѣваетъ нами на кладбищахъ, но только въ болѣе об-

ширной и болѣе возвышенной степени. То были чувства, говорившія о смерти славянскаго племени этой мѣстности, о могилахъ дорогихъ предковъ, о порабощенныхъ и уничтоженныхъ сербахъ. Каждый городъ, село, рѣка и гора, носившія славянское имя, представлялись мнѣ могилой или надгробіемъ на этомъ исполинскомъ кладбищѣ». Этому разлитому чувству поэта суждено было собраться въ живомъ фокусѣ: здѣсь испыталъ онъ свою первую и единственную любовь: дочь деревенскаго пастора, по мнѣнію поэта происходившая отъ славянскихъ предковъ, стала средоточіемъ его мечтаній; родные не пожелали, чтобы она слѣдовала за поэтомъ въ Венгрію, а поэтъ считалъ своимъ долгомъ трудиться среди словаковъ и вернулся на родину. Время шло. Переписка Коллара и Фредерики со временемъ порвалась; поэтъ считалъ Фредерику умершей; въ 1834 году поручалъ привезти ему цвѣтовъ съ ея гроба, но неожиданно получилъ извѣстіе, что она жива; въ слѣдующемъ году она стала женою сорокадвухлѣтняго поэта. Это чувство Коллара, нераздѣленное въ своемъ первомъ періодѣ, стало источникомъ его поэзіи. Еще въ Іенѣ Колларъ началъ писать чешскіе сонеты, въ которыхъ любовь къ Минѣ или Миленѣ (такъ называлъ онъ Фредерику въ стихахъ) сливалась съ національной скорьбью и національными надеждами поэта. Вернувшись на родину, Колларъ сталъ пасторомъ словацкой общины въ Пештѣ. Въ 1824 году онъ обработалъ свои, и ранѣе печатавшіеся, сонеты въ поэму Slavy Dcera (Дочь славы). Вновь написанное вступленіе въ гекзаметрахъ, съ сильнымъ вліяніемъ школьнаго классицизма, но въ симпатичномъ и мечтательно-поэтическомъ тонѣ, удивительно близко воспроизводитъ идеи Гердера о славянахъ; въ идущей затѣмъ вереницѣ сонетовъ дочь Славы, Мина, выступаетъ въ видѣ живого символа славянства — его расовыхъ достоинствъ, страданій, надеждъ и свѣтлаго мірового будущаго. Вторично въ сферѣ славянскаго возрожденія находимъ мы поэта, личное чувство котораго разрастается въ гуманно-идеалистическое міровоззрѣніе, заключенное въ живомъ образѣ любимой дѣвушки. Въ сравненіи Коллара съ Прешерномъ (ср. стр. 12) различіе оказывается въ томъ, что натура послѣдняго богаче, поэтическое дарованіе ярче, образованіе разностороннѣе, кругозоръ шире; это въ значительной степени—различія среды и расы. Апоѳеозъ возлюбленной въ моральный идеалъ является у Прешерна болѣе непосредственнымъ психическимъ феноменомъ, у Коллара силь-

нѣе чувствуется вліяніе Данта — въ общихъ концепціяхъ и въ схемахъ поэмы. Идеалы Прешерна — общечеловѣческіе, они лишь даютъ справедливое мѣсто славянамъ, идеалы Коллара — расовые, славянскіе: они даютъ славянамъ первое мѣсто въ мірѣ, какъ создателямъ всесовершенной человѣчной культуры будущаго. На ряду съ дѣтскою чистотой души и гуманной мечтательностью, Колларъ дѣйствовалъ на современниковъ именно односторонностью своихъ идей: Колларъ оказался не столько первымъ значительнымъ поэтомъ чешскаго народа вообще, сколько верховнымъ *поэтомъ панславизма*. Его поэму справедливо называли евангеліемъ панславизма: въ двадцатыхъ годахъ, когда ученые Палацкій и Шафарикъ только еще выступали съ своими національными трудами (стр. 33 и 35), Колларъ окрылилъ свое поколѣніе вѣрой въ призваніе славянства. Эта вѣра распространилась за предѣлы чешской земли — къ хорватамъ, словенцамъ, сербамъ, малороссамъ, а чрезъ первое поколѣніе славистовъ перешла къ великороссамъ и ясно отозвалась въ ученіи славянофиловъ. Современниковъ одновременно одушевляли идеи Коллара и сознаніе, что уже существуетъ поэтъ, принадлежащій всему славянству, а не отдѣльнымъ его племенамъ. Колларъ исчерпалъ свою поэзію въ одной этой поэмѣ: душа его не содержала другихъ пѣсенъ, а эта была пропѣта; дальнѣйшая переработка только испортила поэму, перегрузивъ ее искусственной славянской миѳологіей. Но то, что въ тридцать лѣтъ составляло поэтическую мечту, въ сорокъ составило общественную проповѣдь въ прозѣ: два тома церковныхъ проповѣдей Коллара (изд. 1831) развиваютъ съ теплотой и краснорѣчіемъ тѣ же гуманныя идеи Гердера, обращаясь къ среднему человѣку. А верхамъ славянской интеллигенціи въ 1837 году прозвучало второе знаменитое произведеніе Коллара — брошюра на нѣмецкомъ языкѣ о литературной взаимности славянъ: Über die litterarische Wechselseitigkeit zwischen den verschiedenen Stämmen und Mundarten der slavischen Nation. Брошюра пріобрѣла европейскую извѣстность; два русскихъ, два сербскихъ, одинъ чешскій переводъ распространили ее среди славянства; австрійскія власти поспѣшили вчитать политическій панславизмъ въ идеи Коллара; устно, въ перепискѣ и въ печати автору приходилось возстановлять точный смыслъ того *литературнаго панславизма*, отцомъ коего его справедливо почитаютъ. Какъ германская литература, и общественность іенскаго періода вдохнули Коллару по-

Литературный панславизмъ.

этическій апоѳеозъ славянства, такъ тѣ же продукты германскаго духа породили его знаменитую брошюру: вѣдь уже Гердеръ мечталъ объ «академіи академій» для разрозненныхъ нѣмцевъ, а Гёте въ наполеоновскую эпоху высказывался въ пользу конгресса нѣмецкой культуры, «въ которой нѣмцы только и существуютъ, какъ нація». И Колларъ требовалъ лишь коллективнаго самоизученія славянства и его культурнаго объединенія, «литературной республики всѣхъ славянъ, гдѣ нѣтъ мѣста для тирана». Колларъ прежде всего создаетъ высокій идеалъ слависта, дѣлающій честь автору; но справедливость требуетъ оговорки: этотъ идеалъ отлично отвлеченъ Колларомъ отъ реальной дѣятельности Добровскаго, Копитара, Шафарика. Взаимность, по Коллару, есть общее участіе всѣхъ славянскихъ вѣтвей въ духовныхъ продуктахъ славянской націи; взаимное изученіе славянскихъ литературъ, взаимное почерпаніе жизненныхъ силъ для обновленія и образованности: не политическое соединеніе славянъ, не «сліяніе» славянскихъ языковъ, а взаимность для развитія племенныхъ единицъ, для того, чтобы спасти мѣстныя литературы отъ односторонности и измельченія, «ибо узкій патріотизмъ болѣе грѣшитъ предъ человѣчествомъ, чѣмъ космополитизмъ предъ родиной». Но конечной цѣлью Коллара было возникновеніе новой фазы человѣческой культуры: «Славянинъ мыслитъ и чувствуетъ въ одно и то же время», и въ этой его особенности заключается синтезъ; славяне поведутъ культуру далѣе и станутъ посредниками между древнимъ и новымъ міромъ, между Западомъ и Востокомъ. Колларъ совершенно устраняетъ религіозные вопросы, считая преимуществомъ славянъ, что они раздѣлены между тремя церквами: славянская культура не будетъ знать религіозной исключительности. Такимъ образомъ, Колларъ всё-таки остался свободенъ отъ односторонностей, въ родѣ польскаго мессіанизма и русскаго славянофильства. Защищаясь противъ упрековъ въ германофагіи и славянскомъ имперіализмѣ, Колларъ указывалъ на варварское отношеніе германцевъ къ славянамъ въ прошломъ, на грубый нѣмецкій націонализмъ въ настоящемъ и провозглашалъ литературный панславизмъ культурнымъ орудіемъ самообороны: «Славянская взаимность не касается троновъ и скипетровъ и не превращаетъ Европу въ Россію; она лишь свиваетъ матери-Славіи жемчужный вѣнецъ изъ перловъ науки и искусства, чтобы нація, населяющая полміра, начала, къ чести человѣчества, новую жизнь». Практическими средствами взаимности Колларъ объявлялъ: обще-славян-

скія книжныя лавки и библіотеки, обмѣнъ книгами между писателями, каѳедры славянскихъ языковъ, общеславянскую литературную газету, собираніе славянскаго фольклора, объединеніе славянскихъ орѳографій, взаимныя путешествія, славянскіе конгрессы, созданіе ученой грамматики и словарей всѣхъ славянскихъ языковъ, знакомство образованнаго славянина по крайней мѣрѣ съ четырьмя главными славянскими языками, уже обладающими литературой,—т.-е. всё такія культурныя средства и явленія, которыя теперь, по большей части, перестали быть или казаться утопіей. Шафарикъ могъ называть брошюру Коллара сатирой на тогдашнія реальныя условія, но на разстояніи плоды ея были огромны: она двинула впередъ славистику, какъ общественную силу, и дала ей общественную программу. Колларъ остается величайшимъ *пѣвцомъ* и *проповѣдникомъ панславизма*, коимъ пробудившееся національное самосознаніе славянскихъ народовъ потенцировалось въ самосознаніе расовое.

Челаковскій.

Вторымъ поэтомъ панславизма былъ сынъ чешскаго ремесленника, *Челаковскій* (1799—1852). Значеніе Челаковскаго заключается въ томъ, что его литературная дѣятельность была прямымъ исполненіемъ междуславянской программы Коллара. Согласно требованію Коллара, ставившаго взаимность на почву изученій славянства, Челаковскій былъ прежде всего славистомъ съ систематической эрудиціей. Подобно всей плеядѣ, и онъ выросъ на идеяхъ прогрессивной романтики; въ подражаніяхъ онъ перенесъ вмѣстѣ съ другими стихотворцами (Камаритомъ, Хмѣленскимъ) на чешскую почву романтическую балладу съ культомъ непосредственнаго чувства народныхъ вѣрованій и одухотворенной ими природы, кромѣ того, онъ тщательно изучилъ народную поэзію славянъ и систематически перенесъ ее въ чешскую литературу въ образцовыхъ перепѣвахъ; его «Отголоски» русскихъ (1829) и чешскихъ (1840) народныхъ пѣсенъ даютъ представленіе объ основныхъ мотивахъ пѣсни этихъ славянскихъ народовъ и о техническихъ средствахъ народной поэзіи, между прочимъ—о техникѣ русскаго былиннаго языка. Въ этомъ отношеніи «Отголоски» Челаковскаго могли служить и служили въ качествѣ національной поэтики; а поэзіей дѣлаетъ ихъ то элементарное, но довольно непосредственное пѣсенное чувство, которое составляло основу его лирическаго таланта. Элементарность его поэзіи въ сочетаніи съ разсудочнымъ умомъ сказалась въ его «Столистой розѣ» (1840), сотнѣ краткихъ лирическихъ сти-

хотвореній, составляющихъ циклъ, въ коемъ отозвались нѣсколько поверхностно West-Ostlicher Diwan Гёте и любовная лирика Петрарки. Это послѣднее значительное произведеніе Челаковскаго именно въ силу общедоступности и эклектизма пріобрѣло большую популярность среди чешской буржуазіи 40-хъ годовъ. Кромѣ того, Челаковскій ввелъ въ чешскую литературу эпиграмму и создалъ нѣсколько патріотическихъ пѣсенъ, изъ коихъ пѣсня Tys bratv nas (О, ты нашъ братъ!) стала своего рода гимномъ чешскаго патріотизма. Послѣднее десятилѣтіе жизни Челаковскаго посвящено было спеціальнымъ трудамъ по славистикѣ. До полученія каѳедры въ Бреславлѣ, потомъ въ Прагѣ, Челаковскій, вслѣдствіе обнаруженнаго имъ очень объективнаго сочувствія къ правамъ польскаго народа, оказался въ тяжелой нуждѣ: онъ лишился видовъ на каѳедру въ Россіи, мечтательно имъ любимой, и подвергся систематическому преслѣдованію со стороны австрійскихъ властей.

Политическій переломъ 40-хъ годовъ.

Къ началу 40-хъ годовъ плеяда чешскихъ панславистовъ успѣла завершить свои крупнѣйшія созданія и должна была пережить рѣшительный переломъ въ развитіи чешскаго общества. Національное и культурное возрожденіе націи было закончено со славой. На очередь становились политическіе и соціальные интересы. Выступало чешское поколѣніе, которое было молодо въ эпоху іюльской революціи и принимало дѣятельное участіе въ мартовской; это поколѣніе въ молодости достигаетъ бо́льшаго знакомства съ литературой: англійской, польской, русской, романскими и полагаетъ предѣлъ господству нѣмецкой литературы, которая какъ разъ тогда перестаетъ создавать міровыя цѣнности. То же чешское поколѣніе кладетъ предѣлъ господству мечтательно-патріотической моды среди чешской національной буржуазіи, которой предстоитъ теперь общественная и политическая роль. Плеяда чешскихъ панславистовъ образовала теперь умѣренно-прогрессивную группу, которая руководила еще націей въ культурныхъ вопросахъ и служила посредницей между консервативною чешскою знатью и радикально настроеннымъ молодымъ поколѣніемъ, расходясь съ послѣднимъ и въ конечныхъ цѣляхъ и въ средствахъ.

Отсутствіе почвы для Байронизма.

По всѣмъ условіямъ чешскаго развитія, значительная личность лишь съ трудомъ выдѣлялась изъ націи; буржуазія до начала 40-хъ годовъ только формировалась и не представляла благопріятной культурной среды для возникновенія крупной инди-

видуальности; чешская аристократія при общемъ низкомъ уровнѣ умственнаго и политическаго развитія Австріи также не выдѣляла изъ себя значительныхъ индивидуальностей. Тѣ немногія силы, которыя выходили изъ народа, могли проявить себя только въ научной и литературной сферѣ; и здѣсь, однако, мыслящая личность была связана и ограничена обязанностью созданія національной культуры. Вотъ почему поэзія Байрона не могла пустить корней въ чешскомъ обществѣ, не вызвала ни національной переработки въ поэзіи, ни культа индивидуализма среди молодыхъ поколѣній: поэзія Байрона являлась чѣмъ-то чуждымъ, даже враждебнымъ: она отвлекала отъ коллективной національной работы, которая являлась прямой необходимостью для чешскаго общества. Ни «Міровая скорбь», ни «Міровой протестъ» Байрона не могли быть восприняты чехами. Рано умершій единственный байронистъ чеховъ, *Карлъ Маха* (1810—1836), ясно доказалъ это своей единственной поэмой «Май», которая и важна, какъ несостоятельный опытъ. Личныя впечатлѣнія Махи, не исключая самыхъ горькихъ, были не крупны. Жажду впечатлѣній онъ пытался удовлетворить только чтеніемъ, волнующимъ фантазію, и отталкивающими зрѣлищами публичныхъ казней. Въ его поэмѣ описанія природы, въ напряженной Байроновской манерѣ, чередуются съ сентиментальными изображеніями чувствъ; то и другое не гармонируетъ съ ужасной фабулой, разыгрывающейся къ тому же въ неопредѣленной, но далеко не значительной средѣ: вождь лѣсныхъ разбойниковъ, неясно напоминающій намъ Карла Мора, а еще болѣе—Алеко, убиваетъ своего невѣдомаго отца, совратителя своей возлюбленной; убійца колесуется, а его черепъ вывѣшенъ на мѣстѣ казни.

Реализмъ въ литературѣ.

Поколѣніе реальныхъ общественныхъ интересовъ выдвинуло въ литературѣ и наукѣ новыя теченія и видоизмѣнило старыя. *Яроміръ Эрбэнъ* (1811—1870) посвятилъ себя систематическому собиранію чешскаго фольклора и изданію памятниковъ старочешской литературы, въ томъ числѣ изданію сочиненій Гусса; его поэтическіе опыты—баллады и пѣсни—обнаруживаютъ болѣе реальное пониманіе народной жизни и вѣрованій. Первая значительная писательница, *Божена Нѣмцова* (1820—1862), появляется въ этомъ періодѣ; она первая вноситъ натурализмъ въ изображеніе народности: ея разсказы изъ народнаго быта соединяютъ теплое участіе съ этнографической точностью наблюденія и даютъ полную картину чешской деревни съ ея положительными

и отрицательными сторонами: не культъ національности, а нужды деревни звучатъ изъ ея разсказовъ; самый извѣстный изъ нихъ Babička (бабушка) сталъ событіемъ чешской литературы и еще разъ обнаружилъ руководящую роль чеховъ: распространяясь въ подлинникѣ и переводахъ, Babička у всѣхъ австрійскихъ славянъ водворяла принципъ реализма въ изображеніи народности. За этой ступенью литературнаго реализма въ ближайшія десятилѣтія послѣдуетъ чешскій реалистическій и историческій романъ. Но самой крупной литературной и общественной личностью эпохи перелома является *Карлъ Гавличекъ* (1821—1856), національный политикъ, публицистъ, критикъ и сатирикъ.

Гавличекъ. Гавличекъ родился въ маленькомъ чешскомъ городкѣ; семнадцати лѣтъ, окончивъ гимназію, самъ опредѣлилъ своимъ призваніемъ карьеру политическаго писателя; вступилъ въ семинарію, чтобы потомъ одновременно работать перомъ и устной проповѣдью, но уже черезъ годъ исключенъ за независимость мысли и интересовъ; благодаря Шафарику, получилъ мѣсто домашняго учителя въ Москвѣ, въ семьѣ Шевырева, гдѣ въ полтора года составилъ себѣ ясное представленіе о тогдашней Россіи; по возвращеніи въ Прагу обратилъ на себя вниманіе историка Палацкаго и чрезъ него въ 1845 г. сталъ редакторомъ *Пражскихъ*

Публицистъ. *Новинъ*. Въ этой офиціальной газетѣ Гавличекъ, хорошо знакомый съ исторіей новѣйшаго французскаго и англійскаго развитія, успѣвалъ на глазахъ австрійской цензуры въ «письмахъ изъ Ирландіи» рисовать чехамъ борьбу ирландскаго народа съ его англійскимъ притѣснителемъ, подробно излагая дѣятельность ирландскаго вождя О'Коннеля; статьи читались нарасхватъ, ибо содержали систематическую аналогію съ чешскими условіями, и скоро знаменитый «Repeal» (расторженіе уніи съ Англіей) О'Коннеля сталъ лозунгомъ чешской молодежи. Въ 1848 году Гавличекъ основалъ независимую газету *Народныя Новины;* программа заключала слѣдующіе пункты: отмѣна феодальныхъ привилегій, равенство всѣхъ сословій предъ закономъ, суды присяжныхъ, полная реформа школы и администраціи, повсемѣстное введеніе національной гвардіи, автономія чешскихъ земель съ сеймомъ и отвѣтственнымъ министерствомъ во главѣ его. Національность уже представлялась Гавличку естественной ассоціаціей для борьбы за существованіе; но она имѣла для него также цѣну самобытной культурной традиціи, что видно изъ слѣдующаго воззванія *Народныхъ Новинъ* 1848 года: «Народъ

мой, изгладь изъ своей памяти два вѣка грустнаго униженія. Сбрось съ себя чрезмѣрную скромность, которая не прилична потомкамъ гусситовъ. Закали твой духъ воспоминаніями тѣхъ временъ, когда твоя слава цвѣла великолѣпнымъ цвѣтомъ, когда все благородное искало твоей дружбы, а сильные боялись твоего гнѣва. Приготовься къ великимъ подвигамъ. Братья! уже полвѣка ведемъ мы неравный бой. Но нашъ трудъ не пропалъ, день ото дня увеличивается число работниковъ. Солгали ложные пророки, предсказавшіе смерть нашему народу. Не исчезнетъ народъ, который пожертвовалъ столько силъ и крови за великое дѣло человѣчества. Справедливость судьбы не могла допустить, чтобы народъ, принесшій столько жертвъ за истинную свободу, былъ лишенъ ея плодовъ. Наступаетъ время жатвы. Братья! смѣло впередъ!» *Народныя Новины* читались всѣми грамотными. Гавличекъ сталъ признаннымъ руководителемъ общественнаго мнѣнія. Одной политической пѣсней, обошедшей всѣ чешскіе края, Гавличекъ сумѣлъ отклонить чешскій народъ отъ посылки депутатовъ въ Франкфуртскій сеймъ объединяющейся Германіи, какъ ранѣе одной рецензіей на послѣдній романъ Тыля и нѣсколькими эпиграммами онъ же прекратилъ моду пассивно-мечтательнаго славянскаго патріотизма въ литературѣ и обществѣ. Избранный въ Вѣнскій парламентъ, Гавличекъ, подобно другимъ славянскимъ депутатамъ, находился на распутьи между Габсбургской династіей, ничего не забывшей и ничему не научившейся, и либеральной нѣмецко-венгерской буржуазіей, уже готовившейся подѣлить плоды революціи и наложить новое ярмо на славянскіе народы имперіи. Но Гавличекъ раньше всѣхъ другихъ славянъ разстался съ иллюзіей на отрезвленіе династіи и на помощь славянамъ съ ея стороны. Чутьемъ журналиста онъ угадывалъ, какъ быстро крѣпнетъ реакція и, горячо поощряемый Палацкимъ, преслѣдуемый властями эпохи военнаго положенія, дважды оправданный присяжными, до конца 1851 года велъ непримиримую борьбу съ Вѣнскимъ правительствомъ сначала въ *Народныхъ Новинахъ*, по закрытіи ихъ—въ *Славянинѣ*. Трудно дать понятіе о трезвости его политическаго ума и мѣткости его сатиры. Въ Славянинѣ появились, между прочимъ, его «Кутногорскія письма», спеціальный трактатъ о несостоятельности католической церкви, старой союзницы абсолютизма и германизаціи въ чешскихъ земляхъ; письма призывали къ реформѣ католической церкви и указывали къ тому практическіе пути. Письма возстановили противъ

Гавличка придворныя клерикальныя сферы и рѣшили его судьбу. Въ декабрѣ 1851 года онъ былъ схваченъ и безъ суда интернированъ въ условіяхъ полнаго одиночества въ глухомъ Тирольскомъ городкѣ Бриксенѣ, гдѣ въ теченіе трехъ съ половиной лѣтъ чтеніе, литературныя работы и переписка съ друзьями были его единственными занятіями. Только развившаяся тяжкая болѣзнь писателя заставила австрійскія власти разрѣшить ему въ 1855 г. лѣченіе на чешскихъ водахъ, затѣмъ въѣздъ въ Прагу, гдѣ онъ скончался въ слѣдующемъ году.—Гавличекъ, какъ политическій писатель, своевременно вошелъ въ оборотъ чешскаго народа. Гавличекъ-литераторъ достигъ только посмертной извѣстности: правда, его главныя вещи немедленно распространялись въ рукописи; но только часть его эпиграммъ и два-три стихотворенія, по большей части безъ подписи, появились въ 40-хъ и 50-хъ годахъ въ журналахъ; «Тирольскія элегіи» впервые напечатаны въ Россіи въ 1861 году; въ Прагѣ, какъ и большинство стихотвореній Гавличка, онѣ могли появиться сполна только въ 1870, а поэма «Крещеніе св. Владимира» цѣликомъ только въ 1880 году. Гавличекъ болѣе всѣхъ предыдущихъ писателей владѣетъ живымъ, народнымъ языкомъ; самой непринужденной формой подлинной народной пѣсни, лирической и повѣствовательной; самымъ непосредственнымъ пѣсеннымъ настроеніемъ, составляющимъ вообще основу чешской поэзіи; самой энергичной и рѣзкой формой аѳоризма, который составляетъ основную склонность чешскаго ума. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Гавличекъ представляетъ одновременно и первоклассный національный талантъ и послѣднее звено полувѣкового литературнаго развитія. Въ «Тирольскихъ элегіяхъ» интернированный поэтъ, обращаясь къ мѣсяцу, свѣтящему надъ пустыннымъ Бриксеномъ, разсказываетъ съ неподражаемой легкостью въ насмѣшливо-элегическомъ тонѣ о томъ, какъ «добрый докторъ Бахъ изъ Вѣны» рѣшилъ, что чешскому музыканту Гавличку необходима перемѣна климата; ночная комиссія оповѣстила его объ этомъ, усадила въ даровой экипажъ и среди опасностей и приключеній спѣшной ночной поѣздки по горной мѣстности доставила его въ Бриксенъ. Въ элегіяхъ, съ одной стороны, выступаетъ картинка полицейской Австріи, реально вѣрная въ подробностяхъ, не исключая и той «собачьей вѣжливости» низшихъ агентовъ, которая такъ непріятно поразила Грановскаго при самомъ вступленіи на австрійскую почву. Съ другой стороны, звучитъ настоящая эле-

Гавличекъ, какъ литераторъ.

гія — изящные трэны изгнанника, въ которыхъ отражается все, чѣмъ жила его душа: природа, семейный очагъ, родина, свобода. Чешская народная пѣсня живо слышится въ этихъ элегіяхъ. — Гавличекъ въ качествѣ публициста и сатирика особенно владѣлъ пародіей; его удивительная пародія: «О, ты нашъ братъ, переводъ чешскаго на чешскій», безвозвратно скомпрометировала соотвѣтствующее стихотвореніе Челаковскаго (ср. стр. 44), — вскрывъ всю банальность и изношенность его патріотической моды и всю ограниченность ея идей. Пародія звучитъ и въ главной сатирической поэмѣ Гавличка, ибо важнѣйшее событіе древней русской исторіи избрано здѣсь для того, чтобы изобразить австрійскую государственную машину: Перунъ не пожелалъ гремѣть въ высокоторжественный день, за что и былъ низвергнутъ. Все пошло было по-старому, но жрецы сдѣлали открытіе, что въ странѣ воцарилось безбожіе; бабы тотчасъ стали видѣть грозныя знаменія, и вопросъ былъ переданъ министерскому совѣту; мнѣнія оказались непримиримы: министръ полиціи требовалъ введенія чистилища, латыни, чертей и іезуитовъ, министръ просвѣщенія предлагалъ оставить должность свергнутаго божка за его вдовой, которая отъ себя пригласитъ іезуита или дервиша; министръ финансовъ предпочиталъ способъ публичныхъ торговъ. Но при существованіи многоженства несравненно вліятельнѣе министерства оказалось населеніе дворца, гдѣ были представлены всевозможныя вѣры. Неизвѣстно чѣмъ кончился бы кризисъ, если бы слуга, снимающій сапоги, не пожалѣлъ корону: поздно вечеромъ прокрался онъ въ государственную типографію и сдалъ объявленіе о конкурсѣ, которое утромъ, къ удивленію явныхъ и тайныхъ властей, появилось въ официальной газетѣ. Конкурсъ состоялся; іезуиты шли на него съ маршемъ, писаннымъ двустишіями: одинъ стихъ латинскій, изъ мессы, представляетъ теорію, другой подъ риѳму, чешскій,—практику и тайныя цѣли. Невѣроятная фабула живетъ подъ перомъ Гавличка; читатель, не вѣря глазамъ и досадуя на себя, смѣется и читаетъ до конца, а въ ухѣ его все время звенитъ какая-то, съ дѣтства знакомая, славянская прибаутка. — Гавличекъ,—утративъ свои молодыя вѣрованія въ семинаріи у іезуитовъ, свой панславизмъ—въ николаевской Россіи, свои надежды на быстрый политическій прогрессъ — въ австрійской ссылкѣ,—въ сферѣ религіозной, общественной и государственной отдался весь влеченію своего рѣзкаго, реалистическаго ума, и

Значеніе Гавличка.

сатира его не знала границъ. Это сказалось и въ его эпиграммахъ, которыя собраны въ слѣдующіе отдѣлы: церкви, королю, родинѣ, музамъ, міру. Его умъ допускалъ только данныя здраваго смысла и логическіе выводы изъ реальныхъ фактовъ. Всѣ остальныя созданія человѣческой мысли служили для него литературной игрою или объектомъ для сатиры, вскрывающей заблужденія человѣчества. Его твердое общественное чувство находилось въ непримиримой борьбѣ со всѣми путами, какія когда-либо создавало себѣ человѣчество. По духу Гавличекъ принадлежалъ бы XVIII вѣку, если бы не былъ такъ цѣльно проникнутъ историческимъ опытомъ XIX и всѣми его стремленіями. Гавличекъ и только Гавличекъ, на зарѣ свободы и въ мрачные годы реакціи, пріобщилъ чешскій народъ къ европейскому освобожденію; онъ ввелъ возрожденную чешскую націю въ сферу интересовъ современнаго общества. Гавличкомъ заканчивается оригинальный путь чешскаго возрожденія. Дальнѣйшее чешское развитіе идетъ въ ногу съ общеевропейскимъ.

В. Щепкинъ.

Польское возстаніе 1830 г.

Идея политической независимости Польши.

Сложны и многообразны причины, побудившія поляковъ вступить въ 1830 году въ неравную борьбу съ могущественной россійской державой. Союзъ между самодержавной Россіей и конституціонной Польшей былъ непроченъ по самой своей природѣ, а систематическое нарушеніе и умаленіе правъ, гарантированныхъ Россіей въ 1815 г., до того раздражало умы, что горсти молодежи, поднявшей въ ноябрѣ 30-го года знамя возстанія, удалось увлечь за собой значительную часть страны. Но антиконституціонные поступки правительства лишь ускорили разсматриваемое движеніе и подготовили для него почву. По мнѣнію участника и историка польскаго возстанія 1830 г. Маврикія Мохнацкаго, «стократъ худшее правительство продолжало бы существовать, если бы Польша была независима». На востаніе 1830 г. Мохнацкій смотритъ лишь какъ на одно изъ звеньевъ въ длинной цѣпи попытокъ польскаго народа къ возвращенію утраченной политической независимости. Идея возрожденія польскаго государства, одухотворявшая и руководителя возстанія 1794 г. Тадеуша Косцюшко, и польскихъ легіонеровъ, сражавшихся «за освобожденіе всѣхъ народовъ» подъ французскими знаменами, и государственныхъ дѣятелей типа кн. Адама Чарторыскаго, меч-

Пособія: *Barzykouski.* Historya powstania listopadowego. Poznan. 1883—1884. — *Mochnacki.* Powstanie narodu polskiego w r. 1830—1831. Poznan. 1863. — *Grabiec.* Dzieje narodu polskiego. Warszawa. S. a. — *Askenazy.* Lukasinski. Warszawa. 1908 (изложеніе въ журналѣ «Голосъ Минувшаго», № 5 за 1913 г.). — *Его же.* Rosya — Polska. Lwew. 1907. — *Handelsman*- Zywot chtopa polskiego na poczatku 19 stul. Warszawa. 1907. — *Grabski* Historya Towarzystwa Rolniczego. Warszawa. 1904. — *Шильдеръ.* Имп. Николай I. Спб. 1903. — *Карновичъ.* Цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Русск. Старина. 1877 г. VI—IX, 1878 г. I—III. — *Семевскій.* Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1909. — *Подвинскій.* Конституція Царства Польскаго и ея судьба. М. 1906. — *Его же.* Сто лѣтъ борьбы польскаго народа за свободу. М. 1907. — *Козловскій.* Россія и Царство Польское въ періодъ его автономнаго быта. «Русск. Мысль». 1906 г., апр.-май. — *Zdziechowski.* Mesyanisci i slowianofile. Krakew. 1888 (есть русскій переводъ). — *Макушевъ.* Андрей Товіанскій. Его жизнь, ученіе и послѣдователи. «Русск. Вѣстникъ». 1879 г. II. V; X.

тавшихъ о свободной Польшѣ, защищенной могущественнымъ русскимъ монархомъ отъ германизаціи и духовно руководящей отсталой Россіей, — идея эта и теперь сыграла главную роль. Въ потокахъ крови возстаніе было подавлено, но стремленіе къ политической обособленности долго еще не уступала мѣста мысли объ общегосударственномъ началѣ, которую старалось привить полякамъ русское правительство. Живучесть старой польской идеи еще разъ подтвердило національное возстаніе 1863 г.

Территоріальный вопросъ въ Царствѣ Польскомъ.

Мохнацкій называетъ Царство Польское «политической змѣей за пазухой самодержавной Россіи». Оно раздражало русскихъ и не удовлетворяло поляковъ. Русское общество, по крайней мѣрѣ, извѣстная часть его, считало себя оскорбленнымъ предоставленіемъ особой конституціи полякамъ, а поляки, близкіе въ эпоху наполеоновскихъ войнъ къ осуществленію своей мечты о полной политической независимости, относились къ новому акту Александра I съ холоднымъ недовѣріемъ. Старикъ Косцюшко отказался посвятить остатокъ своихъ силъ «странѣ, громко названной Царствомъ Польскимъ». «Мы, — писалъ онъ кн. Адаму Чарторыскому $^{13}/_{25}$ іюня 1815 г., — обязаны благодарностью императору за воскресеніе уже загубленнаго польскаго имени, но одно имя не составляетъ народа»; только возвращеніе полякамъ земли до Двины и Днѣпра могло бы, по мнѣнію Косцюшки, создать «равновѣсіе и прочную дружбу съ русскими», ничтожное же по своей численности населеніе Царства «никогда не будетъ въ состояніи противостать интригѣ, перевѣсу и насилію русскихъ». «Неужели, — восклицалъ Косцюшко, — мы должны молчать о братьяхъ нашихъ — литовцахъ, оставшихся подъ властью Россіи? Наше сердце содрогается и скорбитъ, что они не соединены съ нами. Безъ нихъ прошу найти 10 или 11 милліоновъ людей, которые, согласно святымъ словамъ самого императора, должны были составить Царство». Національный польскій герой, «главный начальникъ вооруженныхъ силъ» въ 1794 г., и на склонѣ своей жизни явился выразителемъ и истолкователемъ настроенія польскаго общества. Его опасенія за судьбу родной Литвы раздѣлялись всѣми поляками. Весь періодъ времени съ 1815 по 1830 г. характеризуется стремленіемъ поляковъ къ усиленію Цар тва тѣми литовскими губерніями, которыя еще при Екатеринѣ II отошли къ Россіи, и къ распространенію конституціи 1815 г. на литовцевъ, съ которыми поляки цѣлыя столѣтія шли рука объ руку. Это стремленіе поля-

ковъ къ возсоединенію съ Царствомъ губерній, входившихъ въ составъ б. Рѣчи Посполитой, не противорѣчило, казалось, предначертаніямъ самого Александра I. Еще 1-ой статьей заключительнаго акта вѣнскаго конгресса Александръ оставилъ за собою право дать Царству Польскому «внутреннее протяженіе (extension interieure), какое онъ признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ». Въ частной бесѣдѣ съ кн. Огинскимъ, членомъ литовской депутаціи, прибывшей въ Варшаву въ ноябрѣ 1815 г. для выраженія надеждъ литовскаго народа, русскій императоръ заявилъ: «Я знаю, что ваше положеніе нестерпимо; знаю, что вы не можете быть довольны, пока не соединитесь съ братьями. Но будьте спокойны. Терпѣніе! Довѣріе!» Послѣдовавшія за этимъ завѣреніемъ императора мѣропріятія правительства поддерживали и въ полякахъ и въ литовцахъ надежду на то, что часть западныхъ губерній Россіи будетъ возвращена вновь образованному Царству, подобно тому, какъ часть Финляндіи, завоеванная при Петрѣ I и Елизаветѣ, была въ 1811 г. возсоединена съ великимъ княжествомъ Финляндскимъ. Въ то время, какъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ, Витебской, Могилевской и Кіевской, предназначенныхъ къ тѣснѣйшему сплоченію съ имперіей, административный составъ былъ при Александрѣ исключительно русскій, въ управленіи пяти остальныхъ, Виленской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской и въ Бѣлостокской области, преобладалъ польскій элементъ; въ промежутокъ времени съ 1815 по 1825 гг. поляками здѣсь замѣщались не только почти всѣ должности въ губернскихъ правленіяхъ, палатахъ и судахъ, но даже отвѣтственные посты губернаторовъ и вице-губернаторовъ. Образованіе въ 1817 г. особаго литовскаго корпуса изъ уроженцевъ названныхъ пяти литовскихъ губерній и Бѣлостокской области и назначеніе его командиромъ главнокомандовавшаго польской арміей в. кн. Константина Павловича имѣло своимъ послѣдствіемъ военное объединеніе этой части Литвы съ Царствомъ Польскимъ; предоставленіе же въ 1819 г. Константину Павловичу, неофиціально управлявшему Царствомъ Польскимъ, власти главнокомандующаго дѣйствующей арміей въ перечисленныхъ пяти литовскихъ губерніяхъ фактически привело и къ административному соединенію ихъ съ Царствомъ.

Но еще при Александрѣ I, съ общимъ поворотомъ правительственной политики въ сторону реакціи, литовцы могли убѣдиться во всей шаткости своихъ надеждъ на осуществленіе на-

мѣченнаго правительствомъ «исправленія исторической несправедливости», совершонной Екатериной II. Съ кончиной же императора Александра и вступленіемъ на престолъ Николая I эти надежды потерпѣли полное крушеніе. Въ присоединеніи къ Польшѣ такъ называемаго забраннаго края молодой государь видѣлъ посягательство на цѣлость имперіи. «Я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, — писалъ Николай своему брату Константину Павловичу,—если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова». Не желая поощрять подобныя надежды, Николай лишилъ литовскій корпусъ мундировъ съ польскими цвѣтами, издалъ новыя правила касательно его комплектованія, направленныя «къ перекрещиванію народностей», систематически замѣщалъ русскими государственныя должности въ пяти литовскихъ губерніяхъ, предназначенныхъ Александромъ къ возвращенію полякамъ, и всячески поощрялъ дѣятельность извѣстнаго литовскаго митрополита Іосифа Сѣмашко, клонившуюся къ «возсоединенію» литовско-русскихъ уніатовъ съ православною церковью и къ «спасенію уніатской церкви отъ поглощенія ея латинствомъ».

«Императоръ Александръ, — говоритъ нашъ историкъ Шильдеръ, — въ порывѣ великодушнаго увлеченія посѣялъ вѣтры; расточая щедрой рукой обѣщанія, которымъ... не суждено было перейти въ жизнь, онъ невольно предоставилъ своему преемнику печальную участь пожинать бурю».

Конституціонный вопросъ.

Обстоятельства присоединенія къ Россіи въ 1815 г. Царства Польскаго въ исторической литературѣ понимаются различно. Польскіе писатели (Баржиковскій, Мохнацкій) въ предоставленіи полякамъ въ 1815 г. либеральной конституціи видятъ лишь исполненіе имп. Александромъ тѣхъ политическихъ обязательствъ, которыя онъ на вѣнскомъ конгрессѣ торжественно принялъ на себя, русскіе же историки отрицаютъ всякое внѣшнее побужденіе въ дѣйствіяхъ Александра и признаютъ, что «Царство Польское отдано было Россіи безъ всякихъ условій» (Ключевскій). Не входя въ разсмотрѣніе этого разногласія, вытекающаго изъ недостаточно ясной редакціи соотвѣтствующихъ статей въ актѣ вѣнскаго конгресса и нѣсколько опрометчивыхъ офиціальныхъ заявленій русскаго императора, необходимо все-таки признать, что имп. Александръ далъ полякамъ въ 1815 г. значительно больше, чѣмъ сколько могъ дать, пользуясь своимъ положеніемъ; кон-

ституція Царства, гораздо болѣе либеральная, чѣмъ конституція, дарованная Наполеономъ Варшавскому герцогству, несомнѣнно, могла бы обезпечить молодому государству правильное развитіе, если бы она исполнялась.

Въ знаменательной рѣчи при открытіи перваго сейма Царства Польскаго $^{15}/_{27}$ марта 1818 г. импер. Александръ выразилъ надежду распространить постепенно «на всѣ страны», ему ввѣренныя, «законносвободныя учрежденія» Царства и призывалъ поляковъ «доказать своимъ современникамъ, что законносвободныя постановленія... не суть мечта опасная, но что, напротивъ, таковыя постановленія... совершенно согласуются съ порядкомъ и... утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ». Такимъ образомъ, на гражданъ Царства Польскаго возлагалась до нѣкоторой степени нравственная отвѣтственность передъ населеніемъ всей имперіи: умѣлое пользованіе со стороны поляковъ предоставленными имъ правами должно было укрѣпить имп. Александра въ его намѣреніи распространить конституціонный строй на всю Россію. Но «свобода не пришла въ Россію черезъ Польшу», не пришла потому, что въ Польшѣ ея не было и быть не могло. «Самовластный императоръ, — писалъ кн. П. А. Вяземскій М. Ѳ. Орлову,—задушитъ царя конституціоннаго». Такъ и случилось. Въ глазахъ имп. Александра польская конституція была лишь проявленіемъ его великодушія, лишь добровольнымъ его даромъ, подлежащимъ измѣненіямъ и даже отнятію; признавая, что конституціонная хартія обязуетъ народъ, но не его самого, онъ не могъ внушить къ ней уваженія и тѣмъ лицамъ, которыя являлись исполнителями его воли въ Царствѣ Польскомъ. Особенный ропотъ вызывалъ своимъ поведеніемъ братъ императора, в. кн. Константинъ Павловичъ, назначенный главнокомандующимъ польской арміей вопреки желанію польскаго общества, ожидавшаго, что этотъ постъ будетъ предоставленъ Тадеушу Косцюшкѣ. Константину Павловичу по должности главнаго начальника польской арміи не предоставлено было вѣдѣніе дѣлъ гражданскихъ; несмотря на это онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все управленіе Царствомъ Польскимъ и сталъ фактическимъ его правителемъ.

В. кн. Константинъ Павловичъ.

Не лишенный благородныхъ порывовъ и чувства справедливости, обходительный внѣ службы, вникавшій въ мелкія нужды своего войска, посѣщавшій солдатскія свадьбы и крестины, в. кн. Константинъ Павловичъ отличался въ то же время гру-

бостью и жестокостью, которыя дѣлали его совершенно неподходящимъ для занимаемаго имъ высокаго и отвѣтственнаго поста, требовавшаго особеннаго такта; въ припадкахъ бѣшенаго гнѣва, которымъ онъ былъ подверженъ подобно отцу своему имп. Павлу, в. князь унижалъ личное и служебное достоинство подчиненныхъ ему лицъ; по словамъ польскаго историка проф. Аскеназы, въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ командованія польскимъ войскомъ цесаревича Константина Павловича 49 польскихъ офицеровъ лишило себя жизни, не стерпѣвши кровныхъ оскорбленій, публично, передъ фронтомъ, наносимыхъ имъ в. княземъ. Конституція Царства Польскаго была для Константина Павловича лишь предметомъ насмѣшекъ и издѣвательствъ. «Онъ, — разсказываетъ Д. В. Давыдовъ въ своихъ «Запискахъ»,— говаривалъ начальникамъ при всѣхъ: Vous n'êtes que des cochons et des misérables; c'est une vraie calamité que de vous avoir sous mon commandement; я вамъ задамъ конституцію!» Особенное вниманіе Константинъ Павловичъ обратилъ на усовершенствованіе польскаго войска. Еще въ молодости онъ съ большою любовью участвовалъ въ павловскихъ вахтпарадахъ и ученіяхъ; впослѣдствіи онъ употребилъ немало времени на изученіе всѣхъ тонкостей военнаго ремесла. Въ качествѣ соратника Суворова онъ не стяжалъ себѣ военныхъ лавровъ; по свидѣтельству военнаго историка ген. Богдановича, в. князь «не любилъ войны»; онъ не могъ внушить и ввѣренному его попеченію польскому войску ни настоящаго военнаго духа, ни патріотизма, ни склонности къ самопожертвованію, но и задачу свою онъ видѣлъ не въ этомъ; онъ признавалъ, что «офицеръ есть не что иное, какъ машина», и дѣйствительно, вскорѣ превратилъ польскихъ офицеровъ и солдатъ въ образцовыя машины, производившія по его командѣ идеальные равненія и обороты. И когда эти «машины» обратились въ 1830—31 гг. противъ русскихъ, в. князь продолжалъ гордиться результатами своихъ стараній. «Каковы мои!— восклицалъ онъ, — молодцами дерутся». Но эти успѣхи по части шагистики и выправки давались польскимъ солдатамъ не сразу, для скорѣйшаго ихъ достиженія Константинъ Павловичъ ввелъ въ армію наказаніе палками и примѣнялъ его съ такимъ усердіемъ, что въ больницахъ не стало хватать мѣстъ для пострадавшихъ солдатъ. Не стѣснялся в. князь и съ гражданскими лицами. Именитые варшавскіе домовладѣльцы за нарушеніе полицейскихъ постановленій лично подметали по его приказу го-

родскія канавы, а студенты за ношеніе длинныхъ волосъ подвергались на улицахъ Варшавы принудительной стрижкѣ. Всѣ эти поступки цесаревича пробудили «чувство состраданія къ полякамъ» даже въ сердцѣ гр. А. Х. Бенкендорфа; знаменитый шефъ жандармовъ свидѣтельствуетъ, что самъ имп. Николай «понималъ всю тяжелость характера цесаревича».

Заіончекъ. Исполнительная власть принадлежала по конституціи намѣстнику Царства Польскаго. Вопреки явно выраженному желанію общества, прочившаго на этотъ постъ кн. Адама Чарторыскаго, имп. Александръ назначилъ намѣстникомъ Іосифа Заіончка, главнымъ образомъ, по настоянію в. кн. Константина Павловича, опасавшагося, что патріотъ и защитникъ конституціи Чарторыскій не потерпитъ вмѣшательства в. князя въ область гражданскаго управленія, предоставленнаго закономъ вѣдѣнію одного только намѣстника. Представительный безногій старикъ, кровный полякъ, извѣстный своими республиканскими убѣжденіями и принимавшій участіе въ двухъ возстаніяхъ противъ Россіи, Заіончекъ служилъ живымъ доказательствомъ великодушія и благородства имп. Александра, довѣрившаго этотъ важный постъ человѣку со столь яркимъ прошлымъ; но этотъ храбрый солдатъ и прекрасный полководецъ, будучи назначенъ намѣстникомъ и возведенъ въ княжеское достоинство, рѣзко измѣнилъ свой внутренній обликъ: изъ революціонера во время возстанія Косцюшки и наполеониста въ эпоху величія и славы французскаго императора. Заіончекъ превратился въ униженнаго и льстиваго слугу в. князя, безъ согласія и одобренія котораго онъ не рѣшался предпринять ни одной важной мѣры по администраціи края. Онъ первый внесъ предложеніе о предоставленіи императорскому комиссару при правительствѣ Царства Польскаго Новосильцову права участвовать въ засѣданіяхъ административнаго совѣта; можно сказать, что этимъ поступкомъ Заіончекъ отдалъ свою власть намѣстника Новосильцову, сохранивши за собою одно только званіе.

Новосильцевъ. Сенаторъ, тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Новосильцовъ, участвовавшій нѣкогда въ приготовленіяхъ къ заговору Палена, Зубова и др., приведшему къ цареубійству 11 марта 1801 г., близкій другъ имп. Александра, составившій по его порученію извѣстный проектъ «Уставной грамоты» для Россіи, сыгралъ въ Польшѣ въ качествѣ императорскаго комиссара самую вредную роль; «злой геній Польши», онъ ненавидѣлъ по-

ляковъ и ихъ конституцію и въ еженедѣльныхъ рапортахъ, представляемыхъ имъ въ качествѣ «государева ока» императору, систематически вооружалъ послѣдняго противъ гражданъ Царства Польскаго, изображая ихъ бунтовщиками, недостойными пользоваться дарованными имъ благами; по его наущенію, уже въ 1821 г. имп. Александръ предполагалъ отмѣнить польскую конституцію, ссылаясь на то, что конституціонное устройство Царства не соотвѣтствуетъ его рессурсамъ. Новосильцову же обязано было Царство Польское организаціей тайной полиціи, которая покрыла всю страну сѣтью шпіоновъ, набранныхъ изъ подонковъ общества. Конституція Царства Польскаго, хранительница вольности и правъ польскаго народа, вскорѣ превратилась въ простую игрушку въ рукахъ в. князя и сенатора Новосильцова. Варшавяне, съ самаго начала относившіеся съ большимъ недовѣріемъ къ своей конституціонной хартіи и видѣвшіе «конституцію только на столѣ, а кнутъ подъ столомъ», принуждены были подъ вліяніемъ поступковъ цесаревича и его помощниковъ признать, что у нихъ «кнутъ на столѣ, а конституція подъ столомъ».

Нарушенія конституціи.

По 87 ст. конституціи 1815 г. сеймъ долженъ былъ созываться каждые два года, въ дѣйствительности же за 15 лѣтъ существованія Царства Польскаго онъ былъ собранъ только четыре раза. Уже первый сеймъ 1818 г. настаивалъ на предоставленіи ему права обсуждать бюджетъ, на изданіи закона о рекрутскомъ наборѣ и установленіи свободы печати, провозглашенной конституціонной хартіей, но правительство отказало во всѣхъ этихъ ходатайствахъ. Финансовая роспись была совершенно изъята изъ круга предметовъ, подлежащихъ обсужденію сейма; по вопросу о рекрутскомъ наборѣ было указано на необходимость предварительнаго соглашенія съ в. княземъ, а на ходатайство объ упраздненіи цензуры было отвѣчено, что цензура подлежитъ сохраненію, «пока законъ не установитъ средства для предупрежденія злоупотребленій печати»; когда же это отношеніе правительства къ ходатайствамъ палаты депутатовъ вызвало протесты со стороны печати, намѣстникъ Царства издалъ 12 мая 1819 г. постановленіе объ учрежденіи предварительной цензуры для журналовъ и періодическихъ изданій, а затѣмъ, 16 іюля того же года, о распространеніи этого предписанія на всякія печатныя произведенія. При открытіи второго сейма въ сентябрѣ 1820 г., въ виду общаго возбужденія умовъ,

вызваннаго революціонными движеніями въ Испаніи и Неаполѣ, имп. Александръ счелъ нужнымъ предупредить поляковъ о возможности «средствъ насильственныхъ», если бы они понадобились для возстановленія порядка. Эта угроза съ высоты трона усилила оппозиціонное настроеніе сейма; важнѣйшіе законопроекты, предложенные правительствомъ, были отвергнуты, при чемъ одинъ изъ этихъ законопроектовъ, допускавшій лишь съ высочайшаго разрѣшенія преданіе министровъ сеймовому суду, вызвалъ негодованіе палаты, какъ нарушавшій ея существенное право. Въ отвѣтъ на примирительную рѣчь министра внутреннихъ дѣлъ Мостовскаго, предупреждавшаго, что «требованіе бо́льшаго, чѣмъ позволяютъ обстоятельства, можетъ повлечь за собою потерю не только настоящихъ, но и ожидаемыхъ благъ», посолъ калишскаго воеводства Викентій Немоіовскій горячо поднялся на защиту конституціи. «И я знаю, — сказалъ онъ, — что отъ Капитолія до Тарпейской скалы одинъ только шагъ, но меня ничто не удержатъ отъ произнесенія всей правды. Король не имѣетъ права отнимать или отмѣнять конституцію. У насъ уже отнята свобода печати, неприкосновенность личности и нарушено право собственности. Такъ неужели намъ еще добровольно отказаться отъ отвѣтственности министровъ? Но что тогда представляетъ конституція? Magni nominis umbra!» Правительство негодовало на оппозицію. Оно удалило изъ Варшавы Викентія Немоіовскаго и закрыло калишскій воеводскій совѣтъ, во главѣ котораго находились лидеры сеймовой оппозиціи братья Немоіовскіе.—Одновременно съ манифестомъ о созывѣ третьяго сейма къ 1 іюня 1825 г. была издана дополнительная статья къ конституціи, по которой выборы въ комиссіи и всѣ совѣщанія обѣихъ палатъ должны были происходить при закрытыхъ дверяхъ. Въ мотивахъ къ этому постановленію указывалось на то, что сеймовые ораторы «въ погонѣ за эфемерною популярностью и въ забвеніи общественныхъ интересовъ обратили совѣщанія въ пустыя словопренія».

Упадокъ просвѣщенія.

Поддержку для своей антиконституціонной дѣятельности правительство находило въ руководимыхъ духовенствомъ консервативныхъ кругахъ польскаго общества. Въ эту эпоху общеевропейской реакціи и торжества политики кн. Меттерниха, когда усилія монарховъ и государственныхъ дѣятелей направлены были на возстановленіе стараго порядка и подавленіе всякаго прогрессивнаго движенія, подняло голову и католическое духовенство

Царства Польскаго. Оно требовало предоставленія епископамъ надзора надъ школами и нравами, уничтоженія гражданскихъ браковъ, обузданія печати и устраненія неугодныхъ ему сановниковъ. Оно добилось отставки заслуженнаго, но антиклерикальнаго министра народнаго просвѣщенія Станислава Потоцкаго и замѣны его незаконнорожденнымъ сыномъ короля Понятовскаго Станиславомъ Грабовскимъ. Грабовскій, человѣкъ малоспособный и безхарактерный, превратившійся ради карьеры изъ вольнодумца въ ханжу и обскуранта, и помощникъ его, ученый философъ Шанявскій, нѣкогда якобинецъ, а нынѣ послушный слуга Новосильцова, получившій благодаря протекціи послѣдняго постъ директора общественнаго воспитанія, довели до полнаго упадка все школьное дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Исполняя предписанія свыше, они закрыли нѣсколько сотъ народныхъ училищъ, затруднили доступъ въ среднія и высшія школы и окружили мелочной полицейской опекой какъ студентовъ, такъ и профессоровъ; надѣленная широкими полномочіями университетская инспекція должна была слѣдить за тщательнымъ исполненіемъ студентами «правилъ», вмѣнявшихъ въ обязанность бывать по воскресеніямъ и праздникамъ при богослуженіи въ университетской церкви, избѣгать общества съ людьми испорченныхъ нравовъ, не читать соблазнительныхъ книгъ и не одолжать ихъ другимъ, не ночевать внѣ своей квартиры, не участвовать въ увеселеніяхъ, продолжающихся въ позднюю ночь, не тратить денегъ и не дѣлать долговъ; эта же инспекція имѣла надзоръ за преподаваніемъ профессорами наукъ «сообразно съ программами и особо изданными инструкціями».

Одновременно съ гоненіемъ на просвѣщеніе въ Царствѣ Польскомъ шло преслѣдованіе національно-культурнаго дѣла въ восьми литовскихъ губерніяхъ, находившихся подъ властью Россіи. Благодаря стараніямъ попечителя виленскаго учебнаго округа кн. Адама Чарторыскаго и его помощниковъ, просвѣщеніе въ Литвѣ достигло въ то время небывалой степени развитія. Реформированный Чарторыскимъ Виленскій университетъ привлекалъ къ себѣ крупнѣйшія ученыя силы и успѣшно соперничалъ съ лучшими просвѣтительными учрежденіями Зап. Европы. Онъ распространялъ свою власть на всѣ учебныя заведенія въ восьми литовскихъ губерніяхъ, назначалъ учителей, составлялъ программы и издавалъ учебники; но въ руководимыхъ имъ школахъ преподавателями были исключительно поляки, и все воспитаніе мо-

лодежи велось въ польскомъ духѣ. Правительство Александра I, стремившееся къ тѣснѣйшему сплоченію Литвы съ Россіей, не замедлило принять свои мѣры противъ этой, признанной имъ вредной, дѣятельности виленскаго учебнаго округа. Дѣтская выходка 14-лѣтняго ученика виленской гимназіи Михаила Плятера, написавшаго на классной доскѣ въ годовщину майской конституціи 1791 г.: «Да здравствуетъ конституція 3 мая», сильно раздутая мѣстными властями, вызвала пріѣздъ въ Вильно самого императорскаго комиссара Новосильцова; произведенное имъ дознаніе обнаружило существованіе въ виленскомъ учебномъ округѣ нѣсколькихъ студенческихъ и гимназическихъ кружковъ, преслѣдовавшихъ скорѣе культурныя и этически-національныя, чѣмъ политическія цѣли. По настоянію Новосильцова юные члены этихъ обществъ были преданы военному суду, который приговорилъ виновныхъ къ самымъ тяжелымъ наказаніямъ, вплоть до смертной казни, замѣненной, впрочемъ, впослѣдствіи ссылкой на каторжныя работы въ Нерчинскъ. Затѣмъ послѣдовали другія кары. Въ 1823 г. былъ устраненъ отъ должности попечителя кн. Адамъ Чарторыскій; въ 1824 г. правительство уволило наиболѣе талантливыхъ виленскихъ профессоровъ и значительно ограничило права университета; усиленъ былъ школьный надзоръ, введена строгая цензура и измѣнена въ реакціонномъ духѣ вся система преподаванія въ Литвѣ. Разгромивши Виленскій университетъ, нарушивши правильное теченіе мѣстной умственной жизни и взбудоражавши все польское общество, Новосильцовъ оказалъ этимъ весьма плохую услугу и русскому дѣлу въ Литвѣ. По свидѣтельству офиціальнаго изданія нашего министерства народнаго просвѣщенія, Новосильцовъ сдѣлалъ національное самосознаніе сѣверо-западнаго края «прямо враждебнымъ Россіи»; только подъ вліяніемъ принятыхъ имъ крутыхъ мѣръ «теченіе, искавшее себѣ исхода въ созданіи кружковъ, преслѣдовавшихъ общественныя задачи, приняло опредѣленный боевой характеръ» [1]).

Національное масонство.

Жизнь польскаго общества, лишеннаго всякихъ законныхъ средствъ для проявленія своихъ стремленій и всякихъ органовъ для выраженія своихъ мыслей, постепенно ушла въ подполье.

---

*) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Подробнѣе о виленскихъ событіяхъ русскій читатель найдетъ въ указанномъ среди «пособій» трудѣ В. И. Семевскаго (стр. 184—189).

Уже около 1817 г. въ Царствѣ Польскомъ начинаютъ формироваться тайныя общества и патріотическіе союзы, ставящіе своею цѣлью освобожденіе польскихъ земель отъ иноземной власти и возстановленіе независимаго польскаго государства. Наиболѣе активное участіе принимаютъ въ этихъ союзахъ военныя лица— носители славы и чести польскаго оружія, задѣваемой и попираемой в. кн. Константиномъ Павловичемъ. Основателемъ патріотическихъ союзовъ въ войскѣ былъ майоръ 4-го пѣхотнаго полка Валеріанъ Лукасинскій. Воспользовавшись терпимымъ отношеніемъ русскаго правительства къ масонству, Лукасинскій основалъ въ разныхъ полкахъ масонскія ложи, ставившія своею цѣлью политическую реставрацію Польши въ самыхъ широкихъ границахъ. Масонство Лукасинскаго носило національную окраску. Оно соединяло въ духѣ братства и мира однихъ только поляковъ. Лишь возвративши Польшѣ независимость, польскіе масоны предполагали расширить кругъ своей дѣятельности на все славянство, а затѣмъ на все человѣчество. Старой масонской легендѣ о Гирамѣ или Адонирамѣ, главномъ строителѣ Соломонова храма, трижды раненомъ тремя предателями-товарищами и завѣщавшемъ своимъ преемникамъ дѣло мести и возстановленія храма изъ развалинъ, Лукасинскій придалъ своеобразное, отвѣчавшее его видамъ толкованіе. Онъ примѣнилъ эту легенду къ своей родинѣ, трижды подѣленной между тремя державами, но вѣрящей въ возрожденіе и жаждущей отмщенія. «Дѣтямъ Гирама», польскимъ масонамъ, это сокровенное значеніе масонства сообщалось при посвященіи въ третью степень мастера; посвященные обязывались мстить тремъ «убійцамъ»-державамъ и бороться съ ними до тѣхъ поръ, пока не будетъ возстановлено ихъ отечество.

Тайныя общества.

Количество ложъ быстро возрастало. Кромѣ военныхъ въ нихъ вступало много гражданскихъ лицъ, чиновники, помѣщики и др. На Волыни былъ организованъ уланскимъ капитаномъ Маевскимъ «союзъ темпларіевъ», въ третьей степени котораго объявлялась патріотическая цѣль; въ Варшавѣ студенческая молодежь образовало общество «свободныхъ поляковъ»; въ польскихъ земляхъ, находившихся подъ владычествомъ Пруссіи, сформировался революціонный союзъ «косиньеровъ». Проникновеніе въ нѣкоторыя ложи крайнихъ теченій и преслѣдованіе масоновъ русскимъ правительствомъ, относившимся до того снисходительно къ патріотическимъ организаціямъ, поскольку онѣ полагали въ русскомъ императорѣ свои надежды на возрожденіе отечества, по-

будили осторожнаго Лукасинскаго объявить національно-масонскія ложи закрытыми и образовать на ихъ мѣсто тайное «Патріотическое общество». Основанное 1 мая 1821 г., новое общество объединяло всѣ существовавшіе дотолѣ союзы и организаціи и ставило своею главною цѣлью подготовленіе народнаго возстанія. Члены его находились въ сношеніяхъ съ русскимъ «Южнымъ обществомъ». Переговоры, которые вели руководители Патріотическаго общества съ будущими декабристами — въ 1824 г. гвардейскій полковникъ Кржижановскій съ Бестужевымъ-Рюминымъ и Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, въ 1825-мъ князь Антонъ Яблоновскій [1]) съ Пестелемъ и кн. Волконскимъ — касались, главнымъ образомъ, возвращенія Польшѣ независимости и новыхъ польско-русскихъ границъ; вопросъ о формѣ правленія не былъ предрѣшенъ, хотя поляки по соображеніямъ практическаго характера склонялись болѣе къ конституціонной монархіи, чѣмъ къ республикѣ. Слѣдствіе по дѣлу декабристовъ привело къ открытію Патріотическаго общества. Его члены были преданы въ 1827 г. суду, но не военному, на чемъ настаивалъ вел. кн. Константинъ Павловичъ и Новосильцовъ, а сеймовому, образованному изъ членовъ сената. Сенатъ, отвергши обвиненіе въ государственной измѣнѣ и признавши подсудимыхъ виновными лишь въ организаціи тайныхъ обществъ и въ недонесеніи правительству о заговорахъ, составляемыхъ за предѣлами Царства Польскаго, однихъ приговорилъ къ незначительнымъ тюремнымъ заключеніямъ, а другихъ оправдалъ; лишь Кржижановскій за непосредственные переговоры съ декабристами былъ присужденъ къ 3 годамъ и 3 мѣсяцамъ тюрьмы. «Мое сердце, — сказалъ предсѣдатель суда Петръ Бѣлинскій, — препятствуетъ мнѣ осудить національное чувство».

Заговоръ Высоцкаго.

Этотъ приговоръ сената произвелъ сильное впечатлѣніе на польское общество; по справедливому заключенію Мохнацкаго, онъ представлялъ «прямую и торжественную санкцію всѣмъ предыдущимъ посягательствамъ на существовавшій подъ чужимъ гнетомъ строй, всѣмъ новымъ предпріятіямъ, направленнымъ къ

---

[1]) Лукасинскій къ тому времени сошелъ со сцены; заарестованный въ 1822 г., онъ въ 1824 былъ лишенъ офицерскаго званія и приговоренъ къ семилѣтнему тюремному заключенію: его содержали сначала въ Замостѣ, потомъ въ горѣ Кавалеріи и Варшавѣ: оттуда, во время возстанія 1830 г., онъ былъ увезенъ в. кн. Константиномъ Павловичемъ въ Россію и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ и умеръ въ 1868 г.; всего въ заточеніи Лукасинскій находился 46 лѣтъ, въ томъ числѣ 37 въ Шлиссельбургѣ. Краткій біографическій очеркъ Лукасинскаго, принадлежащій перу проф. Аскенази, см. въ «*Галлереѣ Шлиссельбургскихъ узниковъ*». СПБ. 1907 г., т. I. и въ № 5 «Голоса Минувшаго», 1913.

его ниспроверженію». Однимъ изъ такихъ предпріятій и былъ заговоръ, организованный въ декабрѣ 1828 г. Петромъ Высоцкимъ, инструкторомъ школы подхорунжихъ, основанной в. кн. Константиномъ Павловичемъ. Подпоручикъ Высоцкій, отличавшійся не столько знаніями и организаторскими способностями, сколько преданностью родинѣ и пылкостью характера, образовалъ среди юныхъ воспитанниковъ названной школы, помѣщавшейся въ Лазенкахъ подъ Варшавой, тайное сообщество для подготовленія вооруженнаго возстанія съ помощью войска. Это новое сообщество никогда не достигло широкихъ размѣровъ; оно охватило лишь низшіе военные круги и демократическую молодежь, особенно университетскую; здѣсь идея политической обособленности пользовалась большою популярностью, но въ умѣренныхъ и достаточныхъ слояхъ населенія разрывъ съ Россіей не признавался желательнымъ; попытки Высоцкаго вступить въ соглашеніе съ выдающимися общественными дѣятелями, Нѣмцевичемъ, Густавомъ Малаховскимъ и др., не привели ни къ какимъ результатамъ.

Война Россіи съ Турціей, отвлекавшая вниманіе русскаго правительства отъ польскихъ дѣлъ, увеличила шансы заговорщиковъ. Возстаніе было назначено на 24 мая 1829 г. — день коронованія имп. Николая I въ Варшавѣ, но затѣмъ заговорщики порѣшили отложить свое предпріятіе до созыва сейма, предполагая получить отъ него сигналъ къ возстанію.

4-ый сеймъ. Этотъ четвертый и послѣдній сеймъ Царства Польскаго собрался въ маѣ 1830 г. Произнесенная при его открытіи тронная рѣчь не заключала въ себѣ никакихъ обѣщаній относительно присоединенія къ Царству литовскихъ губерній. Бюджетъ и на этотъ разъ не былъ представленъ на разсмотрѣніе сейма. Оппозиція, лидеровъ которой еще до начала засѣданій устранилъ Константинъ Павловичъ, указывала правительству на неуважительное отношеніе его къ культурнымъ нуждамъ населенія, на закрытіе многихъ школъ, разгромъ университета, преслѣдованіе печати, подавленіе гражданскихъ свободъ, незаконные поборы рекрутъ и, главное, на взиманіе податей безъ согласія сейма. Подачей петицій касательно отмѣны «дополнительной статьи» 1825 г., запрещавшей публичность сеймовыхъ преній, помилованія Лукасинскаго и т. п. и отклоненіемъ внесеннаго правительствомъ законопроекта объ отмѣнѣ гражданскихъ браковъ, палата представителей навлекла на себя сильное неудовольствіе

со стороны государя. Между трономъ и народнымъ представительствомъ обнаружилась полная рознь, но сеймъ, вопреки ожиданію Высоцкаго и его единомышленниковъ, не былъ распущенъ. Сигналъ къ возстанію данъ былъ извнѣ.

Западныя революціи и Царство Польское.

1830-й годъ былъ годомъ крупныхъ революціонныхъ движеній. Іюльская революція во Франціи, приведшая къ паденію трона Бурбоновъ и провозглашенію народнаго самодержавія, всколыхнула всю Европу. Примѣру Франціи послѣдовали другіе недовольные своимъ положеніемъ народы. Въ августѣ возстала Бельгія, присоединенная на вѣнскомъ конгрессѣ къ Голландіи; въ концѣ 30 года революціонное движеніе охватило нѣкоторыя итальянскія государства — Парму, Модену, Церковную область, и германскія — Брауншвейгъ, Гессенъ — Кассель, Ганноверъ и др.; правители послѣднихъ, устрашенные манифестаціями либераловъ, поспѣшили даровать конституціи своимъ странамъ. Всѣ эти событія не оставались безъ вліянія и на Царство Польское; можно даже сказать, что именно на берегахъ Вислы, въ сердцахъ поляковъ, соединявшихъ съ самаго начала XIX в. судьбу своей родины съ судьбою Франціи, нашелъ себѣ особенно сильный откликъ призывъ къ оружію, раздавшійся въ іюлѣ 30-го года съ береговъ Сены. Но не только эти заразительные и соблазнительные для поляковъ примѣры западно-европейскихъ революцій и движеній приблизили роковую развязку въ Царствѣ Польскомъ. Крайне возбуждающе дѣйствовали также на польское общество извѣстія о готовящейся европейской войнѣ и о намѣреніи Николая I привлечь къ участію въ ней польскую армію. Вѣрный принципамъ Священнаго союза и встревоженный болѣе другихъ правителей обуявшимъ Европу революціоннымъ духомъ, имп. Николай вступилъ въ переговоры съ Австріей и Пруссіей относительно сверженія Людовика-Филиппа Орлеанскаго съ престола и вооруженнаго подавленія западной революціи; сражавшуюся въ теченіе многихъ лѣтъ подъ знаменами свободы польскую армію онъ предполагалъ употребить въ видѣ авангарда въ предстоящемъ походѣ; онъ приготовилъ уже указъ о мобилизаціи польскаго войска и предназначилъ Царство Польское мѣстомъ сосредоточенія русскихъ корпусовъ, полагая возложить и содержаніе послѣднихъ на польское правительство. Тогда патріоты, приходившіе въ негодованіе при мысли, что кровью польскихъ солдатъ будетъ потушено пламя политической свободы, занявшееся на Западѣ, порѣшили принять свои мѣры

къ тому, чтобы не допустить къ отправленію за границу польскаго войска, на которомъ покоились всѣ надежды страны.

Ночь на 29 ноября.

Возстаніе вспыхнуло въ Варшавѣ въ ночь на 29 ноября, т.-е. черезъ нѣсколько дней послѣ провозглашенія независимости Бельгіи ея національнымъ конгрессомъ. Вечеромъ этого дня горсть студентовъ Варшавскаго университета, примкнувшихъ къ составленному Высоцкимъ тайному сообществу, напала подъ командою двухъ подхорунжихъ на Бельведерскій дворецъ, въ которомъ жилъ в. кн. Константинъ Павловичъ. Съ криками «смерть тирану!» заговорщики ворвались въ занимаемыя цесаревичемъ комнаты, но, не найдя въ нихъ в. князя, покинули дворецъ, ранивши вице-президента города Любовидзскаго, явившагося лишь теперь съ рапортомъ о готовившемся возстаніи, и убивши состоявшаго при цесаревичѣ ген. Жандра, встрѣтившагося имъ при входѣ. Въ то же самое время подхорунжіе подъ предсѣдательствомъ Высоцкаго произвели неудачное нападеніе на русскую гвардію. Затѣмъ повстанцы захватили арсеналъ, въ которомъ хранилось около 80.000 ружей, и половину этого количества роздали населенію. При воцарившейся въ городѣ смутѣ Константинъ Павловичъ могъ безъ всякаго труда подавить въ самомъ зародышѣ начавшееся движеніе; находившійся при немъ генералъ Герштенцвейгъ просилъ в. князя употребить противъ возставшихъ оружіе и заявлялъ, что онъ берется усмирить Варшаву въ теченіе 4-хъ часовъ, но цесаревичъ не принялъ этого предложенія; не желая, по его выраженію, «вмѣшиваться въ польскую ссору» и предоставляя самимъ полякамъ унять возставшихъ, онъ съ женою, свитою и частью оставшагося ему вѣрнымъ войска покинулъ городъ и остановился на мызѣ Вербнѣ.

Патріотическій клубъ.

Демократическая молодежь, взявшаяся въ ночь на 29 ноября за оружіе безъ достаточныхъ приготовленій и безъ мысли о послѣдствіяхъ своего поступка, не нашла въ своей средѣ опытныхъ, энергичныхъ и популярныхъ людей, которые сумѣли бы овладѣть движеніемъ и придать ему должное направленіе; сочувствовавшіе же ей республиканскіе элементы общества, сконцентрированные въ радикальномъ «Патріотическомъ клубѣ», играли въ теченіе всего возстанія и послѣдовавшей за нимъ войны сравнительно второстепенную роль. Дѣятельность республиканцевъ сводилась, главнымъ образомъ, къ воздѣйствію на правительство или агитаціи противъ него и къ оживленію революціоннаго духа въ населеніи Варшавы. Республиканцы заставили

административный совѣтъ, управлявшій въ началѣ возстанія, принять въ свой составъ нѣсколькихъ клубистовъ, въ томъ числѣ неоднократно упомянутаго выше «польскаго Робеспьера» Маврикія Мохнацкаго и предсѣдателя клуба Іоахима Лелевеля; послѣдняго они провели также въ члены народнаго правительства, избраннаго 29 января 1831 г. По разнымъ поводамъ они вносили въ сеймъ петиціи и адресы и нерѣдко добивались желаемаго; достаточно сказать, что самому рѣшительному акту революціи — сеймовому постановленію отъ 25 янв. 1831 г. относительно детронизаціи импер. Николая I предшествовалъ соотвѣтствующій адресъ «Патріотическаго клуба», наканунѣ внесенный въ сеймъ и офиціально имъ отвергнутый. Для поддержанія въ населеніи революціоннаго духа клубъ устраивалъ уличныя манифестаціи и собранія въ память казненныхъ русскихъ декабристовъ, въ честь патріарха польской демократіи Станислава Сташица, вождя народнаго движенія въ эпоху возстанія Косцюшки — сапожника Яна Килинскаго и др.; вступалъ въ переговоры съ театральными дирекціями относительно постановки патріотическихъ пьесъ; издавалъ обращенія и воззванія къ народу, широко пользуясь, преимущественно на столбцахъ своего офиціальнаго органа *Nowa Polska*, полной свободой печати, существовавшей въ то время въ странѣ и т. п. [1]). Но всѣ усилія клуба, направленныя къ разгону сейма и захвату въ свои руки власти, не приводили къ желаннымъ результатамъ; во все время революціи власть принадлежала элементамъ гораздо болѣе умѣреннымъ, чѣмъ тѣ, которые вызвали возстаніе.

Революціонныя власти.

Сначала власть принадлежала административному совѣту, дѣйствовавшему еще въ дореволюціонный періодъ и лишь пополненному, какъ сказано, нѣсколькими новыми, болѣе радикальными членами. Большинство совѣта не желало ни разрыва съ Россіей, ни революціи; два раза совѣтъ отправлялъ къ Константину Павловичу депутацію съ заявленіемъ о согласіи возставшей Польши остаться подъ покровительствомъ русскаго государя при условіи возстановленія конституціи, данной имп. Александромъ, присоединенія къ Царству литовскихъ губерній и амнистіи повстанцамъ. Однако цесаревичъ уклонился отъ опредѣленнаго отвѣта на возбужденные депутатами вопросы, указывая, что разрѣшеніе ихъ принадлежитъ одному только государю.

---

[1]) О дѣятельности «Патріотическаго клуба» см. *A. Kraushar*. Klub patryotyczny warszawski w czasach powstania listopadowego. Lwów. 1909.

Отъ административнаго совѣта главное руководительство движеніемъ перешло къ ген. Хлопицкому, вступившему 5 дек. 1830 г. въ права диктатора. Храбрый воинъ и хорошій стратегъ, но плохой политикъ и бездарный администраторъ, Хлопицкій видѣлъ свою главную задачу въ возстановленіи внутренняго порядка въ странѣ и спасеніи конституціи; возстаній онъ не признавалъ и порицалъ ихъ. Онъ закрылъ «Патріотическій клубъ», удалилъ изъ Варшавы главныхъ зачинщиковъ возстанія и отправилъ въ Петербургъ для переговоровъ съ имп. Николаемъ двухъ депутатовъ, министра финансовъ кн. Любецкаго и члена сейма гр. Езерскаго, которые должны были представить все возстаніе дѣломъ нѣсколькихъ горячихъ головъ и темной черни, воспользовавшейся недовольствомъ, возникшимъ въ обществѣ на почвѣ нарушенія правительствомъ конституціи и неисполненія имъ своихъ обѣщаній относительно литовскихъ губерній. Посольство это не имѣло, впрочемъ, никакого успѣха. Имп. Николай принялъ прибывшихъ поляковъ по одиночкѣ, Любецкаго въ качествѣ члена русскаго правительства въ Варшавѣ, а Езерскаго, какъ простого путешественника, желая этимъ устранить даже мысль о возможности допущенія русскимъ императоромъ «депутаціи отъ мятежниковъ».

18 дек. 1830 г. собрался сеймъ. Онъ одобрилъ революцію и призналъ ее національною. «Поляки не замедлили убѣдиться, — гласилъ манифестъ, изданный сеймомъ 20 дек.,—что народность и титулъ Польши, данный королевству русскимъ императоромъ, былъ лишь приманкою для ихъ соотечественниковъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, орудіемъ противъ этихъ государствъ и тщетною химерою для тѣхъ, кому онъ (титулъ) былъ гарантированъ». Но полнаго разрыва съ Россіей сеймъ не желалъ. Даже актъ детронизаціи Николая былъ направленъ лишь противъ личности монарха, но не противъ уніи съ Россіей. Большинство членовъ сейма, избраннаго еще въ дореволюціонное время, придерживалось умѣренныхъ взглядовъ. Установленное имъ 29 янв. 1831 г. на мѣсто диктатуры Хлопицкаго «народное правительство» въ составѣ пяти членовъ состояло, за исключеніемъ Іоахима Лелевеля, изъ консерваторовъ, не желавшихъ ни раздражать особенно Россію, ни компрометировать себя въ глазахъ европейскихъ правительствъ черезчуръ революціонными выступленіями. Чрезвычайный посолъ польскаго правительства въ Вѣнѣ гр. Андрей Замойскій представлялъ даже австрійскому

канцлеру всю революцію въ видѣ простой авантюры, затѣянной изъ личныхъ цѣлей людьми безъ опредѣленныхъ занятій и безъ средствъ къ жизни.

События 15 августа.

Въ средѣ варшавскаго населенія, первымъ откликнувшагося на призывъ къ оружію, возстаніе пользовалось большимъ сочувствіемъ [1]). Конечно, низшіе его слои мало были задѣты нарушеніями конституціи, возбуждавшими неудовольствіе и раздраженіе въ высшихъ, просвѣщенныхъ кругахъ польскаго общества, но сознаніе утраченной политической независимости и имъ не было чуждо. Одноглавый польскій орелъ, вновь украсившій зданіе варшавской ратуши, привѣтствовался съ одинаковымъ энтузіазмомъ всѣмъ столичнымъ населеніемъ. На воздвигаемыхъ вокругъ Варшавы окопахъ, на ряду съ солдатами и взрослыми мужчинами, работали при пѣніи патріотическихъ пѣсенъ женщины, старики, дѣти, ксендзы, евреи; въ редакціи газетъ поступали обильныя пожертвованія деньгами, драгоцѣнностями, сукномъ; вмѣстѣ со всей страной столица энергично трудилась надъ созданіемъ стотысячной польской арміи и сама выставила пѣхотный и конный полки подъ названіемъ «дѣтей Варшавы». Но руководители возстанія 1830 г. не сумѣли использовать этихъ чувствъ стосорокатысячнаго города, являвшагося центромъ и опорой возстанія. Почти всѣ лица, стоявшія у кормила правленія въ періодъ революціи, стремились лишь ликвидировать въ возможно скоромъ времени и съ наименьшими для Польши потерями навязанную имъ борьбу; впослѣдствіи къ отсутствію вѣры въ успѣхъ руководимаго дѣла у нихъ присоединилось чувство опасенія передъ взрывомъ соціальной революціи въ странѣ. Это опасеніе имѣло за собою несомнѣнныя основанія. Патріотическое, но экспансивное населеніе Варшавы, горячо привѣтствовавшее перваго диктатора Хлопицкаго и первую побѣду польскаго войска подъ Сточкомъ, подъ вліяніемъ послѣдовавшихъ затѣмъ военныхъ пораженій и крайней нерѣшительности военачальниковъ, стало проникаться недовольствомъ и озлобленіемъ къ правительству и къ аристократіи. Наступившую въ настроеніи населенія перемѣну не замедлилъ использовать для своихъ цѣлей «Патріотическій клубъ», закрытый было Хлопицкимъ и вскорѣ вновь возстановленный; пошатнувшееся положеніе пра-

---

*) Объ отношеніи варшавскаго населенія къ движенію см. *A. Kraushar*. Życie potoczne Warszawy w czasach listopadowych 1830—1831. Warszawa. 1910.

вительства усилило энергію клуба. Предсѣдатель послѣдняго Лелевель открыто указывалъ въ своихъ рѣчахъ на необходимость соціальнаго переворота. Средствамъ къ оборонѣ, предпринимаемымъ правительствомъ, клубъ сталъ противопоставлять свои собственныя средства; онъ призывалъ населеніе слѣдить за измѣнническими контръ-революціонными покушеніями, опредѣлять степень патріотизма гражданъ и расправляться съ лицами, вредящими дѣлу возстанія. «Пусть наши непріятели, — сказалъ одинъ изъ ораторовъ въ засѣданіи клуба, — распространяютъ про насъ ложные слухи относительно демагогіи и якобинизма...; пролить кровь измѣнниковъ отечества не есть демагогія». Клубъ самовольно присвоилъ себѣ право высшаго контроля надъ дѣятельностью министровъ и сейма, рѣзко критиковалъ дѣйствія начальствующихъ генераловъ и подстрекалъ населеніе противъ власть имущихъ и «пановъ». Въ августѣ 1831 г. членами клуба были составлены проскрипціонные списки лицъ, которыя должны были сдѣлаться жертвами народной мести; на улицахъ раздавались публикѣ афиши съ изображеніемъ висѣлицъ для главнокомандующаго польской арміей ген. Скржинецкаго и предсѣдателя народнаго правительства кн. Адама Чарторыскаго. Слѣдствіемъ этой агитаціи былъ взрывъ 15 августа; возмущенная варшавская чернь кинулась въ этотъ день на королевскій замокъ и тюрьмы и, извлекши оттуда генераловъ, заключенныхъ по подозрѣнію въ измѣнѣ, и лицъ, обвиняемыхъ въ шпіонствѣ, перевѣшала на уличныхъ фонаряхъ около 30 человѣкъ. Правительствомъ и аристократіей овладѣла паника. Правительство подало въ отставку, а диктаторскую власть получилъ ген. графъ Круковецкій, снискавшій себѣ благодарность усмиреніемъ варшавскаго населенія. Двуличный человѣкъ, съ весьма темнымъ прошлымъ, сумѣвшій втереться въ довѣріе «Патріотическаго клуба» и получить при его поддержкѣ неограниченную власть, Круковецкій, съ одной стороны, принималъ энергичныя мѣры противъ мѣстныхъ «якобинцевъ», какъ называлъ онъ жителей Варшавы, преслѣдовалъ съ помощью вновь назначеннаго варшавскаго губернатора ген. Хржановскаго революціонеровъ, разоружалъ населеніе и размѣщалъ для его устрашенія артиллерію на городскихъ улицахъ; казалось, что его болѣе озабочиваетъ успокоеніе Варшавы, чѣмъ защита ея передъ надвигавшимся подъ начальствомъ гр. Паскевича 80-тысячнымъ русскимъ войскомъ. Съ другой стороны, онъ употреблялъ всѣ старанія къ оправданію непосред-

ственныхъ виновниковъ и участниковъ событій 15 августа; въ качествѣ предсѣдателя народнаго правительства Круковецкій довѣрилъ наиболѣе отвѣтственныя должности самымъ ярымъ руководителямъ и вдохновителямъ «Патріотическаго клуба», Брониковскому, Мохнацкому, Лелевелю, и, предоставивши имъ открыто, въ болѣе широкихъ размѣрахъ, продолжать свою дѣятельность, издалъ распоряженіе о закрытіи самаго клуба.

Крестьянскій вопросъ.

Шляхетскій сеймъ и шляхетское правительство, дѣйствовавшіе во время революціи, не сумѣли использовать и тѣхъ силъ, которыя таились въ польскихъ крестьянскихъ массахъ. Крестьяне не любили русскихъ и не были сторонниками правительства, которое за 15-лѣтній періодъ существованія Царства Польскаго ничего не сдѣлало въ ихъ пользу. Они охотно стекались подъ національныя знамена и мужественно сражались въ рядахъ войскъ; «полководцы, — писала одна изъ варшавскихъ газетъ, — не находятъ достаточно словъ для похвалы этого доблестнаго народа»; они радушно встрѣчали польскія войска, проходившія черезъ ихъ деревни, выносили имъ изъ своихъ избъ припасы, строили для нихъ мосты и чинили дороги, но они отозвались на революцію прежде всего потому, что считали ее наиболѣе благопріятнымъ моментомъ для облегченія своей тяжелой доли.

Крестьянскій вопросъ къ тому времени принялъ весьма острую форму и требовалъ скорѣйшаго разрѣшенія. Въ періодъ барщинно-трехпольной системы хозяйства польскіе помѣщики направляли свои усилія лишь къ извлеченію возможно большихъ доходовъ изъ своихъ имѣній и къ увеличенію своихъ земельныхъ пространствъ. Но съ воцарившимся въ 1815 г. миромъ въ Царствѣ Польскомъ начинается стремленіе къ поднятію производительныхъ силъ земли, къ введенію меліоративныхъ способовъ хозяйства. Это новое теченіе, заимствованное извнѣ и воспринятое наиболѣе способными поляками, посѣтившими въ періодъ предшествовавшихъ войнъ чужія земли и воочію убѣдившимися въ превосходствѣ тамошняго хозяйства, вполнѣ отвѣчало назрѣвшимъ мѣстнымъ нуждамъ. Увеличивая непомѣрно посѣвы и не давая полю отдохнуть подъ паромъ, польскіе помѣщики къ началу XIX в. совершенно истощили свои земли; ущербъ, происшедшій отъ этого въ ихъ доходахъ, они стараются теперь восполнить другими путями; они принимаются за воздѣлываніе въ полѣ картофеля, который до того времени выращивался лишь въ огородахъ, клевера и другихъ кормовыхъ растеній, увеличиваютъ количество рогатаго скота и улучшаютъ его породу, раз-

водятъ тонкорунныхъ овецъ, арендуютъ дойныхъ коровъ (такъ наз. «пахты»), строятъ винокуренные заводы и т. п. Съ улучшеніемъ условій хозяйства увеличивается цѣнность земли; одновременно съ этимъ все острѣе ощущается потребность въ рабочихъ рукахъ для болѣе тщательной обработки почвы, для посадки картофеля, свозки его въ винокуренные заводы, для занятій на этихъ заводахъ и т. п. Эту потребность въ рабочихъ рукахъ помѣщики пытаются удовлетворить, главнымъ образомъ, путемъ организаціи постоянной фольварочной челяди; постепенно они перестаютъ обращаться за услугами къ сидѣвшимъ на ихъ земляхъ крестьянамъ, удаляютъ ихъ съ обрабатываемыхъ ими участковъ и стремятся присоединить эти участки къ своимъ фольваркамъ. Крестьяне-земледѣльцы, принужденные покинуть насиженную отцовскую землю, или переходятъ на новые худшіе участки, выдѣленные имъ помѣщиками, или пополняютъ ряды сельскаго пролетаріата, образуя классъ профессіональныхъ батраковъ, посвящающихъ себя исключительно службѣ на фольваркахъ. Покинувши родную хату и потерявши надежду на лучшее будущее, крестьяне проникаются ненавистью къ помѣщикамъ и начинаютъ предаваться пьянству, чему немало способствуетъ повсемѣстное распространеніе винокуренныхъ заводовъ. Можно думать, что если бы руководители движенія 1830 г. сумѣли соединить интересы этой обездоленной крестьянской массы съ интересами возстанія, если бы сеймъ искренно занялся устройствомъ многочисленнаго земледѣльческаго класса и рѣшился надѣлить его землею и отмѣнить барщину, то исходъ движенія былъ бы совсѣмъ другой; такая реформа могла бы вызвать сочувствіе крестьянъ къ возстанію и сдѣлала бы осуществимой организацію всенароднаго ополченія на защиту родины, о которой еще въ 1794 г. мечталъ Косцюшко; но проникнутая классовымъ эгоизмомъ шляхта ничего не предприняла въ этомъ направленіи: выше всего она ставила собственныя выгоды; она опасалась разстроить свои помѣстія и навлечь на себя неудовольствіе со стороны литовскихъ магнатовъ и шляхтичей, не желавшихъ никакихъ новшествъ. Крестьянамъ національныхъ имѣній засѣдавшая въ сеймѣ шляхта соглашалась предоставить право собственности на землю—«щедрость,—говоритъ Баржиковскій,—свойственна природѣ человѣческой, особенно если благодѣянія исходятъ изъ чужого кармана»,—но она энергично протестовала противъ предложенія сеймоваго депутата мѣщанина Яна Ольриха-

Шанецкаго относительно надѣленія земельными участками крестьянъ частныхъ имѣній. Отчужденію частновладѣльческой земли не сочувствовали даже радикалы, засѣдавшіе въ «Патріотическомъ клубѣ»; они же отвергли предложеніе относительно допущенія къ участію въ народномъ представительствѣ наиболѣе просвѣщенныхъ крестьянъ. До самаго конца революціи крестьянскій вопросъ не получилъ своего разрѣшенія, а сеймовые дебаты по по этому вопросу лишь волновали и раздражали крестьянъ, чутко прислушивавшихся къ враждебнымъ выступленіямъ шляхетскихъ депутатовъ. Подъ вліяніемъ этихъ дебатовъ въ крестьянской средѣ сталъ постепенно складываться взглядъ на возстаніе, какъ на панское дѣло, отъ разрѣшенія котораго крестьяпамъ не будетъ никакой пользы. «Отчизна, отчизна, — говорили они, — но намъ-то что отъ этой отчизны? Одинъ панъ продаетъ насъ другому пану, а тотъ ли король или другой—для насъ не облегченіе». Воодушевленіе, господствовавшее въ средѣ крестьянъ въ началѣ революціи, стало смѣняться апатіей или протестами, выражавшимися въ бунтахъ; во многихъ мѣстностяхъ крестьяне отказывались отъ панщины и требовали скорѣйшаго очиншеванія.

Настроеніе арміи.

Шляхетскому характеру сейма и правительства соотвѣтствовалъ аристократическій духъ, царившій въ войскѣ. Всѣ тягости военной службы несли, главнымъ образомъ, солдаты изъ крестьянъ, но ни выслугой лѣтъ, ни геройскими подвигами они не могли добиться офицерскаго званія; въ то время какъ они проливали въ сраженіяхъ свою кровь, оставшіеся въ деревняхъ ихъ отцы и жены исполняли за нихъ панщину въ пользу помѣщика. Между тѣмъ молодые шляхтичи, незнакомые съ военной службой и не получившіе никакого спеціальнаго образованія, прибывая въ полки, приносили обыкновенно въ ранцахъ готовыя назначенія на офицерскія должности; каждый шляхтичъ хотѣлъ быть сразу офицеромъ; въ противномъ случаѣ онъ отказывался служить въ войскѣ. Генералитетъ въ значительной степени принадлежалъ къ знати, говорившей и совѣщавшейся на французскомъ языкѣ, чуждой польскому духу и совершенно не вникавшей въ нужды простого солдата. Постоянные раздоры среди высшихъ генераловъ, проявлявшихъ мелочную завистливость при назначеніяхъ и производствахъ и не умѣвшихъ въ самые критическіе для страны моменты подняться выше своихъ личныхъ выгодъ и честолюбій, производили пагубное вліяніе на всю польскую армію, а нерѣшительность польскихъ военачальниковъ въ дѣйствіяхъ

противъ русскихъ, вызвавшая уже описанные варшавскіе безпорядки, возбуждала въ войскѣ подозрѣніе въ явной измѣнѣ народному дѣлу.

Внѣшнія условія движенія.

Таковы были внутреннія условія, въ которыхъ происходило возстаніе и война 1830—31 гг. Обращаясь къ внѣшнимъ условіямъ, мы замѣчаемъ, что и они крайне неблагопріятствовали предпринятой поляками борьбѣ.

Въ попыткахъ, направленныхъ къ государственному возрожденію родины, поляки обыкновенно разсчитывали на помощь иностранныхъ державъ. Со времени паденія Рѣчи Посполитой и вплоть до возстанія 1863 г. они вѣрили, что имъ удастся убѣдить европейское мнѣніе въ правотѣ своего дѣла, что Европа не останется равнодушной къ «преступленію», совершенному въ концѣ XVIII в. тремя державами. Наибольшія надежды въ этомъ отношеніи они возлагали на Францію. Еще въ эпоху 2-го и 3-го раздѣловъ Польша отвлекала отъ Франціи силы Австріи и Пруссіи, способствуя тѣмъ самымъ французскимъ побѣдамъ; послѣ паденія польскаго государства сформированные ген. Яномъ-Генрихомъ Домбровскимъ польскіе легіоны оказывали дѣятельную вооруженную помощь революціонной Франціи въ ея борьбѣ съ Европой; граждане Варшавскаго герцогства, этой «Наполеоновской Польши», какъ называли поляки свое новое государство, жили вѣрой въ Наполеона и усердно служили ему, принося тяжелыя матеріальныя жертвы изъ своихъ скудныхъ средствъ и участвуя въ его походахъ; при Само-Сіеррѣ и Сарагоссѣ, Бородинѣ и Вязьмѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ—вездѣ рядомъ съ французами сражались польскіе полки. И хотя первые польскіе легіоны, проливавшіе въ теченіе четырехъ лѣтъ подъ французскими знаменами свою кровь, были въ 1801 г., послѣ заключенія Люневильскаго мира, «за ненадобностью» проданы Бонапартомъ итальянскимъ правительствамъ, какъ простые наемники, хотя образованное Наполеономъ по Тильзитскому договору Варшавское герцогство гораздо болѣе отвѣчало видамъ самого Наполеона, чѣмъ интересамъ поляковъ, однако всѣ эти разочарованія не поколебали вѣры польскаго народа въ возможность политическаго возрожденія его родины и въ готовность Франціи и другихъ европейскихъ державъ оказать поддержку польскому дѣлу.

Въ 1830—31 гг. полякамъ опять пришлось поплатиться за свой политическій романтизмъ. Общественное мнѣніе Франціи и

другихъ европейскихъ странъ, несомнѣнно, было на сторонѣ польской революціи; французскій народъ выражалъ свои живѣйшія симпатіи полякамъ и устраивалъ передъ зданіемъ русскаго посольства въ Парижѣ внушительныя враждебныя манифестаціи; маркизъ Лафайетъ произнесъ въ палатѣ депутатовъ 15 янв. 1831 г. горячую рѣчь, въ которой отмѣтилъ чувства благодарности французовъ къ полякамъ, «этому отважному народу, столь обильно, столь великодушно проливавшему кровь въ войнахъ Франціи», и подчеркнулъ громадное значеніе польской революціи: «господа, — сказалъ онъ, — война была подготовлена противъ насъ: Польша должна была составлять ея авангардъ; авангардъ обратился противъ главной арміи». Во Франціи подъ предсѣдательствомъ Лафайета, въ Пруссіи, Бельгіи, Швеціи, Швейцаріи, Англіи образованы были комитеты для поддержки польскаго возстанія, но реальной помощи не оказало ни одно изъ этихъ государствъ. Вмѣсто ожидаемыхъ поляками изъ Франціи ста тысячъ добровольцевъ въ польскую армію прибыло лишь незначительное количество офицеровъ да нѣсколько хирурговъ, руководствовавшихся, впрочемъ, не столько симпатіями къ раненымъ польскимъ воинамъ, сколько желаніемъ научно ознакомиться со свирѣпствовавшей въ польскомъ войскѣ холерой. Богатая французская буржуазія, пользовавшаяся при Людовикѣ-Филиппѣ большимъ значеніемъ, отказала возставшимъ полякамъ даже въ денежной поддержкѣ, а самъ Людовикъ-Филиппъ, признанный Россіей въ своихъ правахъ, легко позабылъ о той опасности, которая угрожала ему со стороны имп. Николая и которую предотвратили поляки своимъ возстаніемъ. Что же касается другихъ державъ, то онѣ отказались не только отъ дипломатическаго вмѣшательства въ пользу Польши, но даже отъ сохраненія простой нейтральности. Пруссія, относившаяся съ самаго начала возстанія крайне враждебно къ полякамъ, и Австрія, прекратившая начатые было переговоры подъ предлогомъ допущенія поляками въ составъ революціоннаго правительства Іоахима Лелевеля, пользовавшагося въ Вѣнѣ репутаціей яраго якобинца, установили обсерваціонные корпусы и заперли для Польши свои границы; австрійскіе и прусскіе досмотрщики не пропускали въ Польшу никакихъ посылокъ, конфисковывали оружіе, деньги, письма, даже корпію и медикаменты, тогда какъ Россія пользовалась со стороны этихъ державъ большою предупредительностью и всякими услугами: русскіе курьеры безпрепятственно

переходили прусскую границу, не подвергаясь даже карантинному надзору, несмотря на холерную эпидемію; въ предѣлахъ Пруссіи Россія устраивала свои провіантскіе склады, пользовалась предоставленными въ ея распоряженіе прусскими лазутчиками, знакомилась съ распечатываемыми для нея польскими письмами и т. п.

Военныя дѣйствія. Предоставленное собственнымъ силамъ, отрѣзанное отъ остального міра и окруженное враждебными державами, маленькое Царство Польское въ теченіе восьми мѣсяцевъ оказывало сопротивленіе располагавшей громадными матеріальными средствами Россіи. Отказъ Хлопицкаго отъ наступательныхъ дѣйствій въ самомъ началѣ возстанія далъ возможность русскимъ сконцентрировать свои разбросанныя силы. Въ началѣ февраля 1831 г. 114.000 русская армія подъ начальствомъ фельдмаршала Дибича-Забалканскаго вступила въ предѣлы Польши; у поляковъ къ тому времени находилось подъ оружіемъ лишь 63.000 человѣкъ. За первымъ сраженіемъ подъ Сточкомъ 14 февр. 1831 г., окончившимся побѣдой польскаго генерала Дверницкаго надъ русскимъ отрядомъ ген. Гейсмара, послѣдовали пораженія польской арміи при Гроховѣ, 25 февр., и при Остроленкѣ, 26 мая. Попытка поляковъ поднять Волынь и Подолію окончилась неудачей; такъ же безуспѣшно было возстаніе въ Литвѣ; принявшее сначала сравнительно значительные размѣры, оно не встрѣтило достаточнаго сочувствія въ средѣ мѣстнаго населенія и не было надлежащимъ образомъ поддержано главнокомандующимъ польской арміей ген. Скржинецкимъ. Смѣнившій умершаго Дибича гр. Паскевичъ взялъ 7 сент. послѣ двухмѣсячнаго штурма Варшаву; 8 окт. сдалась крѣпость Модлинъ, а 21-го — Замостье. Война была окончена.

Слѣдствія возстанія. За границею извѣстіе о подавленіи польскаго возстанія не было принято сочувственно. Австрія дѣлала затрудненія при выдачѣ польскихъ нижнихъ чиновъ корпуса ген. Раморино, сложившаго однимъ изъ послѣднихъ оружіе на территоріи Галиціи. «Въ Парижѣ, — писалъ имп. Николай 24 сент. (6 окт.) 1831 г. гр. Паскевичу, награжденному титуломъ князя Варшавскаго, — бѣсились нѣсколько дней сряду и насъ ругали до крайности». Французскій полномочный министръ при русскомъ дворѣ бар. Бургоэнъ убѣждалъ Николая I въ необходимости возстановить въ Польшѣ, хотя отчасти, тотъ порядокъ вещей, который существовалъ до возстанія. Ученый физикъ Георгъ-Фридрихъ Пар-

ротъ, другъ имп. Александра, призывалъ къ милосердію и прощенію. «Конфисковать имѣнія мятежниковъ, — писалъ Парротъ Николаю I, — это значитъ обогащаться гнуснымъ способомъ. Желать отмстить русскую пролившуюся кровь — заблужденіе. Казня живыхъ, нельзя воскресить мертвыхъ. Месть — проявленіе страстей».... По свидѣтельству Шильдера, «даже среди русскаго общества, несмотря на патріотическія увлеченія минуты, раздавались голоса въ пользу примирительной политики». «Что дѣлается въ Петербургѣ послѣ взятія Варшавы?—спрашивалъ кн. П. В. Вяземскій Е. М. Хитрову въ письмѣ отъ 7 (19) окт. 1831 г. — Именемъ Бога... умоляю васъ, распространяйте чувства прощенія, великодушія и состраданія. Миръ жертвамъ!... Не будемъ подражать дикарямъ, съ пѣснями пляшущимъ вокругъ костровъ, на которые положены ихъ плѣнники. Будемъ снова европейцами». Но всѣ эти доводы и призывы не поколебали убѣжденій русскаго императора. Послѣ подавленія возстанія онъ призналъ себя освобожденнымъ отъ обязательствъ вѣнскаго трактата и поступилъ съ Царствомъ Польскимъ какъ съ завоеванной страной.

Участниковъ возстанія, несмотря на офиціально объявленную амнистію, постигли суровыя кары; возстановлены были конфискаціи имѣній за государственныя преступленія, уничтожены польскій сеймъ и особое польское войско; конституцію 1815 г. замѣнилъ органическій статутъ, устанавливавшій новыя отношенія между Польшей и Россіей. Обнародованный 14 февр. 1832 г., этотъ сравнительно либеральный статутъ de jure надѣлялъ Царство Польское ограниченной автономіей; онъ допускалъ участіе населенія въ управленіи страной, вводилъ на мѣсто сейма особые провинціальные штаты съ совѣщательнымъ голосомъ для сужденія о дѣлахъ, относящихся къ общимъ пользамъ Царства, и сохранялъ основныя гарантіи 1815 г., какъ-то: особую администрацію, неприкосновенность личности и собственности, свободу вѣроисповѣданія, производство правительственныхъ и судебныхъ дѣлъ на польскомъ языкѣ и т. п.; de facto онъ устанавливалъ военную диктатуру намѣстника Царства гр. Паскевича, получившаго право приговаривать даже къ смертной казни тѣхъ, кого онъ считалъ виновными въ государственныхъ преступленіяхъ, распоряжаться личной свободой и достояніемъ гражданъ, назначать и устранять чиновниковъ. Статьи статута 1832 г., посвященныя вопросамъ о привлеченіи населенія къ

управленію страной, являлись лишь уступкой общественному мнѣнію Европы и средствомъ къ успокоенію умовъ въ самомъ Царствѣ Польскомъ, но онѣ никогда не были введены въ жизнь, такъ какъ находились въ полномъ противорѣчіи съ новымъ направленіемъ русской политики въ отношеніи поляковъ, сводившимся къ уничтоженію государственной самобытности Царства и тѣснѣйшему сплоченію его съ имперіей.

Правительство Николая I дѣйствительно съ успѣхомъ провело административное объединеніе Царства Польскаго съ имперіей, но внести умиротвореніе во вновь завоеванную страну оно не могло. Для укрѣпленія своего владычества оно прибѣгло къ мѣрамъ, носившимъ въ глазахъ поляковъ явный характеръ посягательства на ихъ національное существованіе,—къ уничтоженію польскаго элемента въ литовско-русскихъ губерніяхъ, насильственному «возсоединенію» уніатовъ съ православною церковью, къ принудительной отдачѣ сыновей польскихъ офицеровъ, погибшихъ въ послѣдней войнѣ, въ русскіе кадетскіе корпуса и т. п. Отрѣзывая поляковъ отъ сношеній съ Зап. Европой, закрывая университеты, переводя въ Россію собранныя трудами цѣлыхъ поколѣній библіотеки и научныя коллекціи, запрещая строить и исправлять католическія церкви, правительство вызывало тѣмъ самымъ озлобленіе и ненависть ко всему русскому и подготавливало почву для новаго взрыва. Внѣшнимъ олицетвореніемъ этого владычества, стремившагося внушить лишь страхъ передъ грозной русской силой, служила поспѣшно выстроенная около Варшавы цитадель, столь слабая, что не могла бы выдержать натиска одного корпуса регулярнаго войска, но достаточно сильная для того, чтобы превратить въ груду развалинъ бывшую польскую столицу при первой ея попыткѣ къ возстанію.

Мессіанизмъ. Значительная часть участниковъ возстанія 30 г., спасаясь отъ преслѣдованія, эмигрировала за границу, преимущественно во Францію; къ уходившимъ по необходимости примкнуло большое количество мирныхъ жителей, сознававшихъ, что воцарившійся на родинѣ режимъ исключаетъ возможность всякой общественной и политической дѣятельности. На чужбинѣ оказался цвѣтъ польскаго народа, лучшіе представители польской науки, литературы и политической мысли. Несмотря на неудачу возстанія, эмигранты не считали польскаго дѣла проиграннымъ; всѣ они продолжали вѣрить въ возможность возстановленія польскаго госу-

дарства, но одни надѣялись достигнуть цѣли вооруженной силой, а другіе—путемъ религіозно-политическаго переворота, нравственнымъ возрожденіемъ Польши и черезъ ея посредство всей Европы. Въ бѣдствіяхъ, обрушившихся на родину, мистически настроенная часть эмиграціи видѣла справедливую кару, ниспосланную за грѣхи поляковъ, и залогъ будущаго счастья польскаго народа, очищеннаго своими великими страданіями. «Евангеліемъ» эмиграціи служили «Книги польскаго народа (отъ начала свѣта до замученія народа польскаго) и польскаго пилигримства», написанныя въ 1832 г. Адамомъ Мицкевичемъ и выдержавшія въ теченіе полугода восемь изданій. Сочиненіе это представляетъ собраніе спасительныхъ предостереженій для польскаго народа и весьма вредныхъ похвалъ, ему расточаемыхъ. «Вы среди иностранцевъ, — говоритъ здѣсь Мицкевичъ,—какъ апостолы среди язычниковъ». «Воистину говорю вамъ: не вамъ надлежитъ учиться цивилизаціи у иностранцевъ, но вы должны учить ихъ истинной христіанской цивилизаціи». По Мицкевичу, однимъ только полякамъ чужды были эгоистическія побужденія; только они не поклонялись истукану интереса, отвратительнѣйшему изъ всѣхъ истукановъ, придуманныхъ королями для порабощенія народовъ и совращенія ихъ съ пути исполненія христіанскаго долга; одинъ только польскій народъ не признавалъ насильственнаго завоеванія другихъ народовъ; съ литовцами онъ соединился «брачными узами», являя этимъ прообразъ будущаго единенія всѣхъ христіанскихъ народовъ. Ни въ одной странѣ не было столько свободы, сколько въ Польшѣ; правда, свободными въ ней были лишь король и шляхта, называвшаяся братіей, но столько свободной братіи не было ни въ одномъ народѣ. 3 мая 1791 г. свободная польская шляхта распространила свои права на меньшую братію—мѣщанъ и желала распространить ихъ и на крестьянъ; она стремилась къ тому, чтобы каждый христіанинъ въ Польшѣ назывался шляхтичемъ въ знакъ шляхетности, т.-е. благородства своей души и готовности во всякую минуту умереть за свободу; и не исполнивши сама этого великаго дѣла, она завѣщала его всему міру.

Въ тѣсной идейной связи съ «Книгами польскаго народа и польскаго пилигримства» находится написанная Мицкевичемъ въ томъ же 1832 г. третья часть его знаменитой поэмы «Дзяды». Коллективная душа польскаго народа, пережившаго и катастрофу 1794 г., и Наполеоновскую трагедію, и печальное возстаніе

1830 г., задается здѣсь старымъ, но мучительнымъ вопросомъ: «за что?», съ которымъ и отдѣльный человѣкъ такъ часто обращается къ небу въ минуты своихъ непосильныхъ страданій. Поляки вѣрили, что въ великомъ ихъ спорѣ съ Россіей правда на сторонѣ Польши; такъ говорила имъ ихъ совѣсть, ихъ внутреннее чутье, но силы для осуществленія дѣла, которое они считали правымъ, у нихъ не было; эта сила находилась въ рукахъ всемогущаго Бога, который, однако, допустилъ торжество врага польскаго народа.... Герой поэмы Конрадъ, «любящій свой народъ, любящій много, любящій многихъ», протестуетъ противъ несправедливости Творца вселенной и бросаетъ въ лицо Божье рѣзкое обвиненіе: «лжецъ тотъ, кто называетъ Тебя Любовью; ты—лишь Разумъ». Но это будирующее чувство непродолжительно. Страданія вызываютъ не только протестъ; они очищаютъ человѣка, нравственно возрождаютъ его, обращаютъ его мысль къ распятому за грѣхи міра Спасителю. И въ поэмѣ Мицкевича негодованіе смѣняется смиреніемъ, покаяніемъ, сознаніемъ человѣческаго ничтожества. Гордый Конрадъ не получаетъ отвѣта на свои вопросы, но кроткому монаху ксендзу Петру Богъ открываетъ будущее польскаго народа. Въ сонномъ видѣніи монаха вырисовывается изстрадавшаяся Польша, осужденная и невинно пригвожденная ко кресту, но затѣмъ воскресающая во славѣ и величіи; таинственный мужъ—утѣшитель, возросшій среди слезъ и страданій, ведетъ польскій народъ по пути побѣды и несетъ свободу всѣмъ народамъ.

Предсказанный спаситель Польши не замедлилъ явиться въ лицѣ нѣкоего Андрея Товянскаго. Товянскій съ раннихъ лѣтъ обнаруживалъ крайнюю склонность къ религіознымъ размышленіямъ, читалъ много священныхъ и мистическихъ книгъ; онъ былъ знакомъ съ тайнами животнаго магнетизма или месмеризма и съ философской теоріей одного изъ родоначальниковъ польскаго мессіанизма Гене-Вронскаго, разсматривавшаго въ своихъ сочиненіяхъ характеры разныхъ народовъ и находившаго большое сходство между поляками и евреями, такъ какъ у тѣхъ и у другихъ все основывается на ожиданіи и надеждѣ, на вѣрѣ въ пришествіе Мессіи. Товянскій глубоко вѣрилъ въ свое призваніе апостола и пророка, предназначеннаго воплотить въ жизнь евангельское ученіе. Противникъ возстанія, онъ и самъ не принялъ въ немъ участія, и отклонялъ отъ него близкихъ ему лицъ; по его убѣжденію, Польша могла освободиться отъ ига неволи

не путемъ вооруженной борьбы, но однимъ только нравственнымъ возрожденіемъ; въ этомъ освобожденіи Товянскій видѣлъ торжество справедливости, которая воцарится на землѣ, когда въ сердцахъ людей вспыхнетъ пламя истинной любви, заповѣданной Спасителемъ міра.

Свою проповѣдь о призваніи Польши къ преобразованію человѣчества Товянскій началъ съ эмигрантовъ, какъ лицъ, на которыхъ благодаря испытываемымъ имъ страданіямъ покоится особая милость Божія; онъ обѣщалъ имъ скорое торжество евангельскихъ заповѣдей и возвращеніе въ освобожденное отечество. Этимъ онъ успѣлъ привлечь на свою сторону нѣкоторое количество польскихъ изгнанниковъ, извѣрившихся и въ иностранную помощь, и въ цѣлесообразность возстаній и возлагавшихъ свои упованія на одного Господа Бога. Но пророчество Товянскаго не исполнялось; обѣщанный имъ міровой переворотъ, который долженъ былъ привести къ «реализаціи святого дѣла», не наступалъ, а пассивное выжиданіе чудесъ не могло въ теченіе долгаго времени заполнить жизнь кружка товянистовъ. Тогда Товянскій сталъ все болѣе погружаться въ духовныя упражненія и ограничивать свою миссію приготовленіемъ человѣчества къ новой высшей эпохѣ, которая должна наступить въ неопредѣленномъ будущемъ; своею жизнью онъ хотѣлъ дать примѣръ идеальнаго исполненія на землѣ слова Божія. Но эта сторона его дѣятельности не вызывала сочувствія среди эмигрантовъ; они все болѣе разочаровывались въ пророкѣ и утрачивали въ него вѣру; порвалъ со своимъ «учителемъ» и Мицкевичъ; религіозно-мистическія упражненія, проповѣдуемыя Товянскимъ, не имѣли для Мицкевича большой цѣны; «королю польскихъ поэтовъ, «за милліоны любившему и терпѣвшему пытки», дорого было лишь практическое рѣшеніе польскаго вопроса[1].

И. Рябининъ.

---

[1]) Идеализація своей національности свойственна была не однимъ только полякамъ; въ свое время ей отдали дань и нѣмцы, и итальянцы, и многіе славянскіе народы, въ томъ числѣ русскіе въ лицѣ т. наз. славянофиловъ. Изложеніе ученія польскихъ мессіанистовъ въ связи съ національными движеніями первой половины XIX в. читатель найдетъ въ «*Общемъ курсѣ исторіи XIX в.*» *проф. Карѣева.* Спб. 1910 г., стр. 258—277.

Теорія „офиціальной народности" и внутренняя политика Николая I.

Обстоятельства, при которыхъ имп. Николай вступилъ на престолъ.

Императору Николаю Павловичу пришлось вступить на престолъ въ одну изъ самыхъ трудныхъ и отвѣтственныхъ эпохъ русской новѣйшей исторіи. Трудности этой эпохи не ограничивались тѣми трагическими обстоятельствами, при которыхъ произошло воцареніе Николая и прямыми послѣдствіями которыхъ явилось лишеніе Россіи значительной части ея лучшихъ передовыхъ умственныхъ силъ и разобщеніе правительства съ остальными подавленными имъ умственными силами страны. Неменьшія труд-

Пособія: *Погодинъ. М. П.* «Н. М. Карамзинъ». М. 1866. 2 тома. «Неизданныя сочиненія *Н. М. Карамзина*, т. I. СПБ. 1862. «Записка о древней и новой Россіи» *Н. М. Карамзина* въ «Русск. Архивѣ» за 1870 г., стр. 2233—2350. *А. Н. Пыпинъ* «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг.». СПБ. 1890, стр. 93, гл. 3, «Народность офиціальная». *Н. П. Барсуковъ* «Жизнь и труды М. П. Погодина», томы IV — XIII, особенно томы IV, V, VI. *М. К. Лемке* «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики». СПБ. 1904. *Его же* «Николаевскіе жандармы и литература 1825 — 1855 гг.». СПБ. 1908. *М. О. Гершензонъ* «Эпоха Николая I». М. 1910. *А. В. Никитенко* «Записки и Дневникъ», изд. 2-е. СПБ. 1904 г., т. I. *А. И. Герценъ* «Былое и думы», въ сочиненіяхъ (павленковское изданіе). СПБ. 1905 г., тт. II и III. *Его же* «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи». СПБ. 1907. «Голоса изъ Россіи», т. I, 2-е изд. Лондонъ. 1858; статья, приписываемая *Грановскому* «Мысли вслухъ объ истекшемъ тридцатилѣтіи Россіи» (стр. 67 — 164). «Сборникъ имп. русскаго историческаго общества», томы LXX, XC и въ особенности XCVIII (въ немъ записки гр. *М. А. Корфа* объ имп. Николаѣ и отчеты о 25-лѣтіи его царствованія). N. Tourgeneff. «La Russie et les Russes». P. 1847. (Особенно тт. II и III). *М. П. Погодинъ* «Историко-политическія письма и записки въ продолженіе крымской войны 1853 — 1856». М. 1874. *А. М. Зіончковскій* «Восточная война 1853 — 1856 гг.». СПБ. 1908, т. I. *П. А. Валуевъ* «Дума Русскаго», въ «Русск. Стар.» за 1891 г., № 5. *Н. К. Шильдеръ* «Императоръ Николай I, его жизнь и царствованіе», т. I и II. СПБ. 1903. *А. К. Бороздинъ* «Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства. Изъ писемъ и показаній декабристовъ». СПБ. 1906. *А. Д. Боровковъ* и его автобіографическія записки. СПБ. 1899. Schiemann «Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I». 2, 3 B. Berlin. 1908. *А. А. Кизеветтеръ* «Внутренняя политика въ царствованіе имп. Николая Павловича», въ сборн. «Историческіе очерки». М. 1912 г. «Сборникъ имп. русск. историч. общества», томы CXXXI и CXXXII (переписка имп. Николая съ вел. кн. Константиномъ Павловичемъ). *А. А. Корниловъ* «Курсъ исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ», часть 2. М. 1912.

ности заключались въ рядѣ унаслѣдованныхъ отъ предыдущаго царствованія невыполненныхъ задачъ, которыя связаны были и съ общимъ развитіемъ соціально-политическаго процесса русской жизни, и съ многообразными послѣдствіями великихъ наполеоновскихъ войнъ. Во время этихъ послѣднихъ и отчасти подъ непосредственнымъ ихъ воздѣйствіемъ назрѣлъ и развился цѣлый рядъ новыхъ народныхъ и государственныхъ нуждъ и потребностей общественной и частной жизни, удовлетвореніе которыхъ не могло быть достигнуто безъ коренного измѣненія самихъ устоевъ общественнаго и государственнаго строя Россіи.

Процессъ раскрѣпощенія сословій и постепеннаго ослабленія диктатуры верховной власти, давшій содержаніе новѣйшей русской исторіи, чрезвычайно обострился и ускорился въ своемъ развитіи вслѣдствіе того потрясенія всего экономическаго быта Россіи, которое ей пришлось испытать въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Страшное разореніе и опустошеніе страны въ связи съ непосильными жертвами, потребовавшимися для финансированія исполинской борьбы съ Наполеономъ; начавшаяся именно съ этого времени, чрезвычайная задолженность дворянскихъ имѣній, усилившаяся подъ вліяніемъ неустойчивой и нераціональной финансовой политики, съ одной стороны, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей, усвоенныхъ помѣщиками при ближайшемъ знакомствѣ съ европейской культурой и ея продуктами — съ другой; новыя конъюнктуры въ торгово-промышленномъ мірѣ, связанныя съ великими техническими изобрѣтеніями конца XVIII вѣка, — конъюнктуры, выдвинувшія на очередь развитіе фабрично-заводской промышленности, которая требовала наличности опредѣленныхъ условій, несовмѣщавшихся съ крѣпостнымъ строемъ; уплотненіе населенія, нормальный ростъ котораго задерживался войнами начала XIX вѣка, — уплотненіе, становившееся въ особенности чувствительнымъ въ чисто земледѣльческихъ мѣстностяхъ центрально-черноземныхъ губерній и безъ того населенныхъ довольно густо, и гдѣ, благодаря этому уплотненію, порождались лишніе въ хозяйствѣ руки и рты; неурожаи, постигшіе особенно западную часть имперіи въ 20-хъ годахъ, — неурожаи, которыхъ многіе помѣщики, обремененные долгами, не могли уже выдержать; наконецъ, естественное обостреніе во взаимныхъ отношеніяхъ между помѣщиками и ихъ крѣпостными подъ вліяніемъ всѣхъ вышеочерченныхъ условій, — обостреніе которое, въ свою очередь, обусловливало непрекращавшіеся во все время царство-

ванія Николая крестьянскія волненія, безпорядки и самовольныя расправы крестьянъ съ помѣщиками и управляющими имѣній,— все это свидѣтельствовало о назрѣвшей нуждѣ въ коренныхъ органическихъ преобразованіяхъ устарѣлаго общественнаго строя, покоившагося на крѣпостномъ правѣ, на неограниченномъ господствѣ административнаго произвола и на полномъ отсутствіи всякой общественной самодѣятельности.

Таковы были сложныя обстоятельства, при которыхъ началось царствованіе Николая.

Настроеніе и взгляды самого имп. Николая.

Какъ ни мало былъ подготовленъ къ дѣлу правленія императоръ Николай по своему скудному образованію и по своей предшествовавшей исключительно фронтовой служебной дѣятельности, какъ ни мало соотвѣтствовала его основнымъ взглядамъ и тяжелому самовластному характеру мысль о какихъ бы то ни было прогрессивныхъ и въ особенности либеральныхъ реформахъ, однакоже и онъ понялъ очень скоро по вступленіи своемъ на престолъ, что итти далѣе тѣмъ реакціоннымъ курсомъ, основаннымъ на мрачномъ мистическомъ обскурантизмѣ, которымъ шло правительство въ послѣдніе годы царствованія Александра I, нѣтъ никакой возможности, ибо курсъ этотъ не только возстановилъ противъ правительства въ короткое время всѣ слои русскаго общества, но и способствовалъ развитію поразительныхъ злоупотребленій въ административныхъ сферахъ. Понять это Николаю удалось отчасти при помощи декабристовъ, съ идеями и свѣдѣніями которыхъ онъ довольно близко познакомился, самолично направляя производившееся надъ ними слѣдствіе и посвятивъ много часовъ на личные допросы и бесѣды съ наиболѣе выдающимися членами тайныхъ обществъ, попавшими послѣ 14 декабря въ руки правительства. Но, многое узнавъ и позаимствовавъ отъ декабристовъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Россіи, Николай отнюдь, разумѣется, не сочувствовалъ тому пути обновленія, который они указывали. Въ то же время онъ убѣдился, что и среди старыхъ сотрудниковъ его брата, умнѣйшимъ изъ которыхъ, какъ Сперанскій, Кочубей и Мордвиновъ, онъ въ сущности недостаточно довѣрялъ, ему невозможно найти людей, которые помогли бы ему найти и установить такой курсъ внутренней политики, который, гармонируя съ его характеромъ и охранительными симпатіями, въ то же время вывелъ бы правительство на новый путь.

Такой человѣкъ, однакоже, нашелся при самомъ воцареніи Николая въ близкой къ нему средѣ. Это былъ знаменитый исторіографъ Н. М. Карамзинъ, не занимавшій никогда никакого правительственнаго поста при Александрѣ, но не разъ выступавшій рѣзкимъ и сильнымъ критикомъ правительственныхъ мѣропріятій, какъ въ моментъ наибольшаго расцвѣта либеральныхъ проектовъ — въ эпоху Сперанскаго, такъ и въ концѣ царствованія, когда онъ осуждалъ и политику Александра по польскому вопросу, и такія мѣропріятія его, какъ военныя поселенія и какъ обскурантная дѣятельность Магницкихъ и Руничей въ области цензуры и народнаго просвѣщенія. **Вліяніе Н. М. Карамзина.**

При воцареніи Николая дни Карамзина были, можно сказать, сочтены; онъ прожилъ всего полгода и на ногахъ былъ въ теченіе этого времени лишь первые два мѣсяца. Но зато въ эти два мѣсяца—съ первыхъ дней междуцарствія, начавшагося послѣ смерти Александра,—Карамзинъ ежедневно являлся во дворецъ и тамъ читалъ Николаю своеобразный курсъ патріотической русской политики, стремясь передать ему свой взглядъ на роль самодержавнаго монарха въ Россіи и на государственныя задачи даннаго момента. Рѣчи Карамзина производили огромное впечатлѣніе на молодого самодержца, тогда совершенно еще неопытнаго въ государственныхъ дѣлахъ. Карамзинъ, искусно умѣя сохранить полное почтеніе, даже благоговѣніе, къ личности императора Александра, въ то же время безпощадно критиковалъ его правительственную систему—до того безпощадно, что императрица Марія Ѳеодоровна, неизмѣнно присутствовавшая при этихъ бесѣдахъ,—которыя и устроились, повидимому, не безъ ея участія,—воскликнула однажды: «Пощадите, пощадите сердце матери, Николай Михайловичъ!»—на что Карамзинъ отвѣчалъ, не смутившись: «Я говорю не только матери государя, который скончался, но и матери государя, который готовится царствовать»...

Какъ относился Николай къ этимъ бесѣдамъ и какъ высоко ставилъ онъ заслугу Карамзина, видно изъ той почти сыновней предупредительности, съ которой онъ снаряжалъ безнадежно больного исторіографа за границу, предоставивъ въ его распоряженіе цѣлый фрегатъ, а также и по размѣру той пенсіи, которую онъ назначилъ Карамзину и его семейству (50.000 руб. въ годъ),—пенсіи, какой не получалъ ни прежде ни послѣ ни одинъ военный или гражданскій сановникъ въ Россіи. И немудрено:

Карамзинъ далъ Николаю Павловичу програму царствованія — програму, которая казалась Николаю верхомъ государственной мудрости и въ то же время вполнѣ соотвѣтствовала личнымъ его наклонностямъ и вкусамъ.

Въ чемъ же заключалась эта программа?

Программа Карамзина.

Полное содержаніе рѣчей и наставленій Карамзина молодому монарху осталось неизвѣстнымъ, но по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ письмахъ и набросахъ самого Карамзина, зная его общіе взгляды и политическія мнѣнія, столь ярко выраженныя и въ запискахъ, представленныхъ Александру въ 1811 и въ 1819 гг., и въ предисловіи къ «Исторіи государства Россійскаго», можно себѣ представить въ общихъ чертахъ, въ чемъ могли заключаться эти уроки.

Знаменитой записки «О древней и новой Россіи» Николай Павловичъ тогда не читалъ, ибо единственный экземпляръ ея, переданный Александромъ Аракчееву, найденъ былъ въ бумагахъ послѣдняго лишь послѣ его смерти, въ 1834 или 1835 году. Несомнѣнно, однако, что въ умѣ Карамзина мысли, выраженныя въ этой запискѣ, сохранились почти въ неизмѣнномъ видѣ до конца его жизни, и онѣ-то, повидимому, и легли въ основаніе той политической программы, которую императоръ Николай попытался осуществить въ свое царствованіе и которой удачнымъ обозначеніемъ послужило позднѣе приданное ей наименованіе системы офиціальной народности.

Историко-политическіе взгляды Карамзина.

Въ запискѣ «О древней и новой Россіи», которая представляла по формѣ своей критико-исторической обзоръ русской государственной жизни до Александра I и затѣмъ обстоятельную критику правительственныхъ мѣръ и тенденцій самого Александра въ первые десять лѣтъ его царствованія, Карамзинъ являлся поклонникомъ и послѣдователемъ государственныхъ взглядовъ Екатерины II. Въ обзорѣ своемъ онъ старался показать, что самодержавіе являлось со времени Іоанна III, сковавшаго впервые русскую государственную власть, палладіумомъ Россіи; что колебаніе его происходило лишь въ моменты упадка и слабости русскаго государства и сопряжено было всякій разъ съ величайшей опасностью для страны, и что, наоборотъ, возстановленіе самодержавія во всей его цѣлости знаменовало возрожденіе и укрѣпленіе государственной силы и крѣпости Россіи. «Екатерина, — по словамъ Карамзина, — очистила самодержавіе отъ примѣсовъ тиранства». Личныя слабости «великой монархини», кото-

рыя Карамзинъ видѣлъ довольно ясно, и злоупотребленія конца ея царствованія, когда она—по выраженію Карамзина—«дремала на розахъ», не заслоняли въ его глазахъ великихъ историческихъ заслугъ Екатерины. «По крайней мѣрѣ, сравнивая всѣ извѣстныя намъ времена Россіи,—писалъ онъ,—едва ли не всякій изъ насъ скажетъ, что время Екатерины было счастливѣйшее для гражданина россійскаго»... Наслѣдникъ ея Павелъ показалъ намъ изнанку самодержавія и заставилъ насъ ненавидѣть «злоупотребленія онаго». Но отсюда, по мнѣнію Карамзина, отнюдь нельзя было вывести желательности какихъ-либо перемѣнъ въ самомъ государственномъ уставѣ Россійскаго государства. «Самодержавіе основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія? Если бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти, то истинный добродѣтельный гражданинъ россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: «Государь, ты преступаешь границы своей власти; наученная долговременными бѣдствіями, Россія передъ святымъ алтаремъ вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе той власти, иной не имѣешь; можешь все, но не можешь законно ограничить ее!»

Взглядъ Карамзина на самодержавіе и его предѣлы.

Въ запискѣ, представленной императору Александру въ 1819 г., Карамзинъ выразилъ, впрочемъ, еще второе ограниченіе самодержавной власти русскихъ государей. Онъ твердо настаивалъ здѣсь на томъ, что государь обязанъ блюсти цѣлость своей державы и не имѣетъ права дробить территорію Россійской имперіи, составленную руками и кровью русскаго народа. Онъ это высказывалъ въ виду обнаружившагося въ то время намѣренія Александра присоединить западныя губерніи къ территоріи Царства Польскаго. Свою мысль Карамзинъ выразилъ въ слѣдующихъ знаменательныхъ и сильныхъ словахъ:

...«Доселѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: *ни пяди — ни врагу, ни другу!* Наполеонъ могъ завоевать Россію; но вы, хотя и самодержецъ, не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и

духъ государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо разсудите? Россія, государь, безмолвна передъ вами; но если бы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искренняго, безпристрастнаго, то онъ, государь, осудилъ бы ваше великодушіе, какъ вредное для вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъ бы совсѣмъ не то, что могутъ теперь говорить вамъ поляки. Извиняемъ ихъ, но васъ бы мы, русскіе, не извинили, если бы вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь, нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу русскихъ и знаю ихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю; остыли бы душою и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола; ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизилась бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы, конечно, дворецъ; вы и тогда бы имѣли министровъ, генераловъ; но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу!..»[1])

Не менѣе ярко Карамзинъ подчеркнулъ разницу между законнымъ сомодержавіемъ, какъ онъ его понималъ, и незаконною тираніей, попирающей всякое право, характеризуя правленіе Павла въ запискѣ своей о древней и новой Россіи. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ осуждалъ онъ злоупотребленія Павлова царствованія:

«По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ (Павелъ) хотѣлъ быть Іоанномъ IV; но россіяне уже имѣли Екатерину II, *знали что государь не менѣе подданныхъ долженъ исполнять свои святыя обязанности, коихъ нарушеніе уничтожаетъ древніе завѣты власти съ повиновеніемъ и низвергаетъ народъ съ степени гражданственности въ хаосъ частнаго естественнаго права.* Сынъ Екатерины могъ быть строгимъ и заслужить благодарность отечества; къ неизъяснимому изумленію

---

[1]) «Неизданныя сочиненія» *Н. М. Карамзина.* СПБ. 1862 г., стр. 3 — 8.

россіянъ, онъ началъ господствовать всеобщимъ ужасомъ, *не слѣдуя никакимъ уставамъ, кромѣ своей прихоти; считалъ насъ не подданными, а рабами»*...

Таковъ былъ взглядъ Карамзина на сущность и *границы* самодержавной власти, на обязанности государя къ отечеству и на отношенія подданнаго гражданина къ самодержавному государю. Карамзинъ считалъ, опираясь въ этомъ на авторитетъ Монтескье и Екатерины II, что самодержавіе для Россіи необходимо въ виду пространства и состава русскаго государства.

Основные элементы позднѣйшей теоріи офиціальной народности не менѣе ярко выступаютъ въ предисловіи Карамзина къ его «Исторіи», помѣченномъ 7 декабря 1815 г. и несомнѣнно извѣстномъ Николаю Павловичу и до интимныхъ бесѣдъ съ Карамзинымъ въ 1825 году. «Истинный космополитъ, — писалъ здѣсь, между прочимъ, Карамзинъ, — есть существо метафизическое или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его... Личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя. Пусть греки, римляне плѣняютъ воображеніе: они принадлежатъ къ семейству рода человѣческаго, и намъ не чужіе по своимъ добродѣтелямъ и слабостямъ, славѣ и бѣдствіямъ; но имя русскаго имѣетъ для насъ особенную прелесть: сердце мое еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, нежели за Фемистокла или Сципіона»... Здѣсь же онъ указываетъ ту особенность русской исторіи, которую впослѣдствіи усиленно подчеркивали и славянофилы, и сторонники теоріи офиціальной народности. «Не надобно быть русскому,—писалъ Карамзинъ,—надобно только мыслить, чтобы съ любопытствомъ читать преданія народа, который смѣлостью и мужествомъ снискалъ господство надъ девятою частію міра, открылъ страны, никому донынѣ неизвѣстныя, внесъ ихъ въ общую систему географіи, исторіи и *просвѣтилъ Божественною Вѣрою, безъ насилія, безъ злодѣйствъ, употребленныхъ другими ревнителями христіанства* въ Европѣ и въ Америкѣ, но единственно примѣромъ лучшаго»...[1]).

«Мы одно любимъ, одного желаемъ,—говоритъ онъ въ заключительныхъ строкахъ своего «Предисловія»;—любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего величія; да

[1]) «Исторія Государства Россійскаго», т. I, (изд. 4-е). СПБ. 1833, стр. 14.

правила мудраго самодержавія и святой вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей; да цвѣтетъ Россія... по крайней мѣрѣ, долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человѣческой!» Въ этихъ словахъ, очевидно, содержатся всѣ элементы пресловутой теоріи официальной народности: и народность (въ смыслѣ особой, патріотической любви къ своему народу), и самодержавіе, и православіе.

Идеалъ самодержца по Карамзину.

Нетрудно изъ всего приведеннаго выше вывести, какой же идеалъ самодержавнаго государя и его роли въ Россіи представлялся уму знаменитаго исторіографа. На роль самодержца Карамзинъ смотрѣлъ, какъ на миссію. Ему вручена самодержавная власть, не для осуществленія его прихотей и капризовъ, но для постояннаго служенія благу и интересамъ своей страны. Посвящая себя этому служенію, самодержавный монархъ имѣетъ право и даже долженъ отъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ требовать безпрекословнаго повиновенія своей волѣ, что не должно, однакоже, низводить ихъ на степень рабовъ и лишать чувства внутренней свободы и въ особенности патріотическихъ чувствъ. Карамзинъ требовалъ даже отъ вѣрныхъ слугъ государевыхъ гражданскаго мужества и способности смѣло высказывать правду въ глаза своему монарху, безусловно осуждая въ то же время всякое проявленіе *общественной оппозиціи*, фрондерства и даже всякое открытое выраженіе недовольства *въ публикѣ*. Тѣ улучшенія въ административной машинѣ, которыя онъ предлагалъ взамѣнъ конституціонныхъ преобразованій, замышлявшихся Александромъ, были такъ просты и доступны уму любого военнаго фронтоваго администратора, что они не могли не найти доступа къ сердцу и уму Николая, исходя изъ устъ человѣка, высказывавшаго такія высокія — въ глазахъ Николая — политическія истины и проникнутаго такимъ горячимъ и возвышеннымъ патріотизмомъ.

Практическія предложенія.

Въ своей замѣткѣ о древней и новой Россіи Карамзинъ предлагалъ Александру, вмѣсто всѣхъ зловредныхъ, по его мнѣнію, органическихъ преобразованій, озаботиться пріисканіемъ пятидесяти хорошихъ губернаторовъ и посодѣйствовать очищенію и улучшенію наличнаго персонала священнослужителей. *Практическое* осуществленіе правительственныхъ задачъ Карамзинъ понималъ вообще чрезвычайно рутинно и узко. Здѣсь онъ опирался не столько на авторитетъ Монтескье, сколько на авторитетъ Маккіавели (котораго онъ дважды сочувственно цитировалъ въ своей запискѣ), и обнаруживалъ

мнѣнія, поражавшія позднѣйшихъ изслѣдователей той эпохи своею наивностью, неглубокостью и даже неожиданной низменностью взгляда. Такъ, критикуя стремленія Сперанскаго къ гласности бюджета и къ гласности въ дѣлахъ управленія вообще, Карамзинъ прямо заявлялъ, что, по его мнѣнію, министръ долженъ быть безусловно искрененъ и откровененъ *съ государемъ*, но отнюдь не долженъ открывать глаза *гражданамъ* на истинное положеніе дѣлъ въ странѣ. Онъ являлся въ этомъ случаѣ безусловнымъ сторонникомъ системы канцелярской тайны, не понимая, повидимому, что именно при этой системѣ недобросовѣстнымъ администраторамъ легче всего скрывать истину не только отъ населенія, но и отъ монарха. Единственными стимулами добросовѣстной административной работы подчиненнаго персонала онъ наивно признавалъ систему административныхъ воздѣйствій, состоящую въ искусномъ распредѣленіи почетныхъ наградъ (т.-е. чиновъ и орденовъ, главнымъ образомъ) и взысканій. Вообще онъ настойчиво проводилъ ту мысль, что для устраненія существующихъ неустройствъ и административныхъ злоупотребленій важны вовсе не новыя учрежденія, а люди: искусный выборъ людей — агентовъ власти — и искусное обращеніе съ ними составляли для него альфу и омегу искусства управленія страной. Единственныя учрежденія, важность которыхъ онъ признавалъ и въ которыхъ видѣлъ даже исконную и надежную опору самодержавной власти въ Россіи, были служилое дворянство и, какъ необходимая матеріальная основа его существованія, — крѣпостное право.

Таковы были незамысловатые практическіе выводы, которые Карамзинъ строилъ на томъ возвышенномъ представленіи о роли самодержавной власти въ Россіи, изъ котораго онъ исходилъ. И чѣмъ поверхностнѣе и незамысловатѣе были эти *практическіе* выводы, тѣмъ больше они должны были понравиться съ юности свыкшемуся съ идеями фронтовой службы Николаю Павловичу. Они казались ему построенными на мудромъ и величественномъ основаніи и въ то же время были ему вполнѣ по плечу и шли навстрѣчу властолюбивымъ и самовластнымъ наклонностямъ его натуры.

Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что Карамзинъ, при всей консервативности его взглядовъ, не былъ ни реакціонеромъ, ни обскурантомъ. Онъ рѣшительно осуждалъ обсурантныя мѣры министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и изувѣр-

скіе подвиги Магницкаго и Рунича, отрицательно относился къ дѣятельности Аракчеева и къ военнымъ поселеніямъ и строго порицалъ злоупотребленія финансоваго управленія при Гурьевѣ[1]). Наконецъ, уже послѣ 14 декабря 1825 г., онъ говорилъ одному изъ близкихъ къ нему людей, что онъ «врагъ революцій», но признаетъ необходимость мирныхъ эволюцій, которыя, по его мнѣнію, «всего удобнѣе въ правленіи монархическомъ»[2]).

То же самое, какъ мы уже отмѣтили, призналъ и Николай Павловичъ послѣ своего основательнаго знакомства съ декабристами.

Довѣріе къ государственной мудрости Карамзина въ молодомъ государѣ было такъ сильно, что онъ собирался, повидимому, дать ему постоянный государственный постъ; но умирающій исторіографъ не могъ принять никакого назначенія и вмѣсто себя рекомендовалъ въ сотрудники Николаю болѣе молодыхъ единомышленниковъ своихъ изъ числа членовъ бывшаго литературнаго общества «Арзамасъ» — Дашкова и Блудова, къ которымъ впослѣдствіи присоединился и еще одинъ видный арзамасецъ С. С. Уваровъ.

Таково было наслѣдіе Карамзина, которому суждено было реализоваться при Николаѣ въ цѣлую систему государственнаго управленія.

Періоды царствованія Николая.

Система эта развилась подъ вліяніемъ внѣшнихъ событій crescendo до конца царствованія, которое можно въ этомъ отношеніи раздѣлить на три періода. Первый изъ этихъ періодовъ охватываетъ время отъ вступленія Николая на престолъ до іюльской революціи во Франціи и польскаго возстанія 1830—31 гг.; второй — съ 1831 г. до февральской революціи 1848 г.; и, наконецъ, третій съ 1848 г. до смерти Николая 18 февраля 1855 года.

Первый періодъ можно охарактеризовать, какъ періодъ относительно либеральнаго курса, — точнѣе, какъ періодъ колебаній, зависѣвшихъ не отъ нерѣшительности характера Николая, которою онъ вообще не страдалъ, а отъ нѣкотораго несоотвѣтствія принятыхъ имъ на себя въ это время преобразовательныхъ задачъ съ его деспотическимъ нравомъ и съ его общими политическими взглядами, столь сильно обоснованными Карамзинымъ.

---

[1]) «Неизданныя сочиненія», I, стр. 11.

[2]) Это онъ говорилъ Сербиновичу. Срав. *Погодина* «Н. М. Карамзинъ», II, 473.

При самомъ вступленіи Николая на престолъ на него, какъ я уже упоминалъ, на ряду съ проповѣдью Карамзина и принципіальнымъ обоснованіемъ программы самодержавнаго царствованія, произвело немалое впечатлѣніе то ознакомленіе съ отрицательными сторонами русской государственной и общественной жизни, которое онъ почерпнулъ изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ арестованными имъ членами тайныхъ обществъ и изъ подробныхъ записокъ, составленныхъ нѣкоторыми изъ нихъ по его повелѣнію. Среди декабристовъ были не одни молодые мечтатели и энтузіасты, но и люди съ значительнымъ жизненнымъ и даже административнымъ опытомъ — такіе, какъ Батенковъ, бывшій ранѣе близкимъ сотрудникомъ и Сперанскаго, и Аракчеева, или баронъ Штейнгейль, служившій ранѣе на разныхъ административныхъ постахъ въ Сибири, а потомъ управлявшій канцеляріей московскаго генералъ-губернатора Тормасова. Записки многихъ декабристовъ произвели на Николая такое впечатлѣніе своимъ фактическимъ содержаніемъ, что онъ даже приказалъ Боровкову, дѣлопроизводителю слѣдственной комиссіи, составить изъ нихъ экстрактъ, который, по свидѣтельству Кочубея, онъ изучилъ довольно внимательно [1].

Знакомство съ отрицательными сторонами русской жизни черезъ декабристовъ.

Записки эти нисколько не облегчили жестокой участи ихъ авторовъ, но Николаю онѣ на многое открыли глаза. Онъ увидѣлъ изъ нихъ убидительнѣе, чѣмъ изъ сглаженныхъ офиціальныхъ докладовъ, что въ Россіи много неблагополучій, что со времени наполеоновскихъ войнъ въ ней много накопилось вопіющихъ нуждъ и потребностей, много злоупотребленій, къ удовлетворенію и устраненію которыхъ необходимо принять неотложныя мѣры. Онъ понялъ, что нельзя итти тѣмъ путемъ реакціи и обскурантизма, которымъ шло правительство Александра въ послѣдніе годы его царствованія. Онъ устранилъ отъ дѣлъ самыхъ крайнихъ сторонниковъ мрачнаго обскурантизма—такихъ, какъ Магницкій, Руничъ и Фотій; не сталъ удерживать и Аракчеева, устранившагося отъ роли руководителя Комитета Министровъ еще во время междуцарствія — 10 декабря 1825 года.

Манифестъ 13 іюля 1826 года.

Тотчасъ послѣ расправы съ декабристами императоръ Николай издалъ по случаю своей коронаціи манифестъ (13 іюля 1826 г.), въ которомъ писалъ: «Не отъ дерзостныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, — но *свыше* усовершаются *постепенно*

---

[1]) Срав. «А. Д. Боровковъ и его біографическія записки». Спб. 1899.

отечественныя установленія, дополняются недостатки и исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенствованія всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ намъ путемъ законнымъ, для всѣхъ отверстнымъ, всегда приняты будутъ нами съ благоволеніемъ: ибо мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другого желанія, какъ видѣть отечество наше на самой высокой степени счастья и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной».

Эти строки вполнѣ соотвѣтствовали программѣ просвѣщеннаго абсолютизма, навѣянной бесѣдами Карамзина, въ нихъ признавалась необходимость прогрессивныхъ преобразованій, но исходящихъ не иначе, какъ отъ самодержавной власти, при чемъ доступъ къ этой послѣдней открывался всѣмъ вѣрноподданнымъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ манифестомъ былъ образованъ 6 декабря 1826 г. въ строгой тайнѣ особый комитетъ, которому спеціально поручено было обсудить въ связи съ разборкой бумагъ, оставшихся въ кабинетѣ покойнаго императора, какія именно преобразованія нужны для упорядоченія и усовершенствованія общественнаго и административнаго строя государства. Во главѣ этого комитета былъ поставленъ одинъ изъ либеральныхъ друзей юности Александра кн. Кочубей, впрочемъ, заявившій себя уже въ 1814 г. опредѣленнымъ сторонникомъ самодержавія въ Россіи, а въ качествѣ главнаго работника въ составъ этого комитета былъ назначенъ Сперанскій, который въ это время уже не спорилъ съ Карамзинымъ, и — по удостовѣренію императора Николая — даже «покаялся» въ прежнихъ своихъ политическихъ увлеченіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ дѣлопроизводителей, введенъ былъ въ составъ комитета и свѣжій элементъ — въ лицѣ рекомендованныхъ Карамзинымъ бывшихъ арзамасцевъ Дашкова и Блудова, изъ которыхъ въ особенности послѣдній всецѣло раздѣлялъ карамзинскую программу просвѣщеннаго абсолютизма.

Комитетъ 6 декабря 1826 года.

Работы этого комитета, какъ и слѣдовало ожидать, по широтѣ и неопредѣленности поставленной ему задачи, охватили почти всѣ стороны и высшаго центральнаго, и мѣстнаго губернскаго управленія, а также коснулись и правъ отдѣльныхъ сословій, которыя подверглись обстоятельному пересмотру. Но все это не дало и не могло дать никакого серьезнаго результата, потому что все это должно было разсматриваться и обсуждаться въ рамкахъ существующаго политическаго и соціальнаго строя. Главной за-

ботой комитета, въ виду принятой уже общей программы царствованія, должна была быть охрана и укрѣпленіе самодержавія, а такъ какъ незыблемости его могли вредить и всякія новшества въ соціальномъ строѣ страны, то и въ отношеніи этихъ послѣднихъ члены комитета должны были соблюдать чрезвычайную осторожность, не говоря уже о томъ, что и сами они, какъ помѣщики и владѣльцы крѣпостныхъ душъ, отнюдь не были склонны къ ломкѣ или даже къ расшатыванію господствовавшаго крѣпостного строя. Въ концѣ-концовъ, всѣ работы Сперанскаго, не мало потрудившагося въ нѣдрахъ этого комитета, сводились къ болѣе или менѣе остроумному теоретическому обоснованію и формальному исправленію существующихъ государственныхъ установленій, да къ попыткѣ устраненія наиболѣе кричащихъ злоупотребленій въ сферѣ административной жизни и соціальныхъ отношеній. Проработавъ четыре года, комитетъ 6 декабря успѣлъ подъ руководствомъ Сперанскаго довольно обстоятельно пересмотрѣть дѣйствующія учрежденія Государственнаго Совѣта, Сената и Комитета Министровъ, при чемъ, стремясь къ правильному разграниченію компетенціей этихъ высшихъ государственныхъ установленій, намѣтилъ систематически разработанный планъ ихъ преобразованія, въ основу котораго положена была не безъ остроумія перевернутая и примѣненная къ самодержавному строю идея раздѣленія властей. Комитетъ, слѣдуя докладу Сперанскаго, призналъ, что именно въ самодержавномъ государствѣ идея эта должна быть строго проведена, ибо самодержавный монархъ, не будучи въ состояніи, какъ и всякій другой, самъ всѣмъ непосредственно управлять, не можетъ въ то же время никому цѣликомъ передовѣрять свою власть. Признавая на этомъ основаніи необходимость строгаго раздѣленія въ Россіи властей, законодательной (точнѣе законосовѣщательной), судебной и административной, комитетъ пытался сообразно съ этимъ перестроить компетенцію высшихъ государственныхъ установленій, стремясь сдѣлать Государственный Совѣтъ установленіемъ исключительно законосовѣщательнымъ, судебный Сенатъ—высшимъ судебнымъ, а преобразованный правительственный Сенатъ, который долженъ былъ поглотить и Комитетъ Министровъ — высшимъ органомъ центральной администраціи. На дѣлѣ, для осуществленія этого плана предполагалось, впрочемъ, допустить довольно много исключеній, ради возможно меньшаго измѣненія существующаго порядка. Но хотя Николай Павловичъ всѣ эти предположенія, въ общемъ, одобрилъ, однако

имъ не суждено было обратиться въ законъ и лишь впослѣдствіи нѣкоторыми изъ нихъ въ очень скромномъ видѣ воспользовались при пересмотрѣ учрежденія Государственнаго Совѣта (въ 1842 г.).

Въ системѣ мѣстнаго управленія самою важною задачею признано было создать правильный надзоръ, притомъ «не личный и самовластный», какимъ признанъ былъ надзоръ генералъ-губернаторскій, «не слабый и ничтожный», какимъ признавался надзоръ прокурора, «а коллегіальный, постоянный, на твердыхъ правилахъ установленный, имѣющій средства не только заявлять безпорядки и злоупотребленія, но прекращать ихъ, останавливать зло не черезъ мѣсяцы и годы, а въ самомъ началѣ его, держать чиновниковъ въ строгой дисциплинѣ и виновныхъ преслѣдовать судомъ». Такой надзоръ долженъ былъ быть достигнутъ по проекту Комитета учрежденіемъ особыхъ коллегій административной и судебной изъ высшихъ губернскихъ чиновниковъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора и главнаго губернскаго судьи. Въ уѣздахъ должны были образоваться такія же присутствія подъ предсѣдательствомъ или уѣзднаго предводителя дворянства или особо назначенныхъ лицъ. Ничтожество этого преобразованія, если бы оно и было осуществлено, бросается въ глаза. Но, въ концѣ-концовъ, и этотъ жалкій проектъ «реформы» мѣстнаго управленія осуществленъ не былъ, несмотря на то, что императоръ Николай, въ общемъ, одобрилъ и его.

Еще замѣчательнѣе судьба самой существенной изъ произведенныхъ комитетомъ работъ—проекта закона о состояніяхъ, т.-е. сословіяхъ. Работа по этому вопросу началась съ предписанія императора Николая составить проектъ указа о запрещеніи продажи крѣпостныхъ людей безъ земли. Комитетъ отнесся съ сочувствіемъ къ этой мѣрѣ, но призналъ, что отрывочное ея осуществленіе можетъ показаться слишкомъ обиднымъ дворянству и въ то же время подаетъ слишкомъ большія надежды крѣпостнымъ крестьянамъ. Поэтому рѣшено было включить эту мѣру въ общій уставъ о сословіяхъ, при чемъ права каждаго сословія предполагалось укрѣпить и по возможности расширить, не предоставляя, однако, населенію никакихъ политическихъ правъ. Дворянству предполагалось предоставить, ради сохраненія дворянскихъ родовъ, учреждать маіораты и, сверхъ того, въ цѣляхъ возвышен-шенія престижа дворянства, затруднить доступъ въ него лицамъ другихъ сословій. Поэтому проектировалось отмѣна закона, дававшаго право на вступленіе въ дворянство лицамъ, получившимъ

извѣстные чины и ордена. Для такихъ лицъ проектировалось созданіе новаго сословія «именитыхъ гражданъ», изъ котораго можно было бы попасть въ дворяне лишь путемъ спеціальнаго пожалованія. Въ составъ людей средняго сословія проектированъ былъ еще разрядъ потомственныхъ и личныхъ гражданъ, въ которые должны были зачисляться лица, выслуживавшія по прежнему закону званіе личнаго дворянина, а также купцы 1-ой и 2-ой гильдіи. Права духовенства оставались прежнія, но привилегіи, установленныя для лицъ духовнаго званія, въ предшествующія царствованія, включались въ этотъ законъ. Послѣдній отдѣлъ этого закона посвященъ былъ крестьянамъ и такъ какъ крестьянскому вопросу посвящена въ этой книгѣ особая глава, то здѣсь мы не будемъ излагать ни предположенія комитета по этому отдѣлу, ни сложнаго хода его разработки, которая легла впослѣдствіи въ основу работъ другихъ секретныхъ комитетовъ по крестьянскому дѣлу, неоднократно созывавшихся въ царствованіе Николая I.

Изо всѣхъ проектовъ, выработанныхъ комитетомъ 6 декабря, только этотъ проектъ закона о состояніяхъ внесенъ былъ по повелѣнію императора Николая въ Государственный Совѣтъ, гдѣ былъ разсмотрѣнъ, принятъ и затѣмъ утвержденъ государемъ. Но и онъ не получилъ силы закона, такъ какъ предварительно, до его обнародованія, Николай Павловичъ, въ виду сильныхъ и страстныхъ нападокъ на него нѣкоторыхъ членовъ Государственнаго Совѣта (въ особенности министра внутр. дѣлъ Закревскаго) пожелалъ имѣть о немъ мнѣніе вел. кн. Константина Павловича, который призналъ его въ высшей степени опаснымъ для существующаго строя и поддержанія спокойствія страны. Мнѣніе в. кн. тѣмъ сильнѣе подѣйствовало на имп. Николая, что на Западѣ въ это время разразилась новая революція во Франціи (въ іюнѣ 1830), а также въ Нидерландахъ и, наконецъ, въ Царствѣ Польскомъ. Утвержденный законъ не былъ опубликованъ, а комитетъ 6 декабря вскорѣ прекратилъ свое существованіе.

Расширеніе дѣятельности собств. канцеляріи его величества.

На ряду съ неудавшимися преобразовательными помышленіями и разсужденіями секретнаго комитета 6 декабря 1826 г. Николай Павловичъ съ первыхъ же шаговъ своей правительственной дѣятельности обнаружилъ стремленіе лично осуществить тотъ идеалъ самодержца, всего себя отдающаго на службу странѣ и взамѣнъ требующаго полнаго всеобщаго подчиненія своей волѣ, который онъ создалъ себѣ при помощи Карамзина. Онъ тотчасъ же

постарался прибрать къ рукамъ всѣ тѣ государственныя задачи и всѣ тѣ отрасли управленія, которыя ему казались наиболѣе важными. Таковыми ему тогда представлялись: вопросъ объ установленіи законности въ управленіи и судѣ при помощи изданія свода законовъ, вопросъ объ организаціи государственной полиціи и отчасти вопросъ о воспитаніи гражданъ россійскихъ по особому образцу. На ряду съ этимъ онъ не упускалъ, конечно, изъ виду устройства и усовершенствованія по своему идеалу военныхъ и морскихъ силъ государства, но этого рода занятія представлялись ему пріятнымъ развлеченіемъ и отдыхомъ, несмотря на то, что для подчиненныхъ они были сопряжены съ большими тягостями и нерѣдко даже съ весьма жестокими послѣдствіями. Что касается вышеупомянутыхъ вопросовъ гражданскаго управленія, то для самоличнаго завѣдованія ими со стороны государя дѣйствующая система министерскаго управленія не представлялась вполнѣ подходящею, такъ какъ при ней общій ходъ дѣлъ, довѣренныхъ управленію министровъ, ускользалъ отъ непосредственнаго руководительства государя, и поэтому Николай Павловичъ для этихъ особенно интересовавшихъ его вопросовъ изобрѣлъ особую систему управленія: вопросы эти были сосредоточены въ особыхъ отдѣленіяхъ личной его канцеляріи, во главѣ которыхъ поставлены были лица, завѣдовавшія этими дѣлами при государѣ на правахъ своего рода начальниковъ штаба при главнокомандующемъ арміей. Прежде другихъ подобнымъ образомъ сорганизовано было II отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, замѣнившее собою прежнюю комиссію законовъ, во главѣ котораго фактически поставленъ былъ Сперанскій, сдѣланный уже въ январѣ 1826 г. постояннымъ докладчикомъ государя по дѣламъ этого рода, хотя и не получившій званія главноуправляющаго. Затѣмъ лѣтомъ 1826 года на такихъ же основаніяхъ образовано было III отдѣленіе, во главѣ котораго былъ поставленъ шефъ только что преобразованнаго корпуса жандармовъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Впослѣдствіи на такихъ же основаніяхъ организовано было и завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ, когда Николай Павловичъ призналъ своевременнымъ взяться за него вплотную и въ помощники себѣ по этой части избралъ генерала Киселева, котораго такъ и называлъ въ шутку—«своимъ начальникомъ штаба по крестьянской части». Но это произошло уже въ слѣдующій второй періодъ его царствованія, о которомъ рѣчь впереди.

Вопросы воспитанія юношества.

Вопросы воспитанія юношества также привлекли къ себѣ съ самаго начала царствованія вниманіе государя. Здѣсь, однакоже, была налицо уже сложившаяся организація для завѣдованія этимъ дѣломъ въ видѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, перестраивать которое было нелегко, да вначалѣ и не было—довольно долго—въ виду у императора Николая подходящаго лица, которое являлось бы исполнителемъ его плановъ по этой части. Замѣчательно, что Карамзинъ, рекомендуя ему своихъ единомышленниковъ изъ числа бывшихъ арзамасцевъ Блудова и Дашкова, не назвалъ, повидимому, третьяго виднаго арзамасца—Уварова, служившаго до 1819 г. попечителемъ петербургскаго учебнаго округа и бывшаго президентомъ Академіи Наукъ. Карамзинъ, очевидно, слишкомъ хорошо запомнилъ тѣ либеральныя и конституціонныя выступленія Уварова, которыя имѣли мѣсто въ Петербургѣ въ 1818 г., въ эпоху извѣстныхъ конституціонныхъ рѣчей самого Александра на польскомъ сеймѣ въ Варшавѣ, и которыя въ то время очень не понравились Карамзину. Благодаря этому, Уварову, который страстно желалъ выдвинуться, пришлось теперь самому себѣ пробивать дорогу, что удалось ему не раньше 1832 года, когда онъ и сдѣлался яркимъ выразителемъ стремленій и взглядовъ императора Николая въ области народнаго просвѣщенія. Но и до этого времени, еще въ 1827 г., Николай Павловичъ обнаружилъ опредѣленный взглядъ на задачи этого вѣдомства, вполнѣ гармонировавшій съ его основными политическими воззрѣніями. Узнавши черезъ Бенкендорфа о попыткахъ правильной постановки сельско-хозяйственнаго образованія дѣтей крѣпостныхъ крестьянъ со стороны старика Муравьева (отца одного изъ основателей Союза спасенія) — того самаго Н. Н. Муравьева, который создалъ еще въ десятыхъ годахъ извѣстное учебное заведеніе для колонновожатыхъ, давшее образованіе многимъ изъ декабристовъ, — Николай Павловичъ рѣшилъ пресѣчь это «зло» въ корнѣ и поручилъ Кочубею внести въ Государственный Совѣтъ законопроектъ, которымъ запрещалось бы давать крестьянскимъ дѣтямъ какое-либо образованіе, кромѣ начальнаго, дабы тѣмъ самымъ предотвратить развитіе въ крѣпостныхъ людяхъ стремленіе возвыситься надъ своимъ нынѣшнимъ состояніемъ. Дипломатическій Кочубей посовѣтовалъ не дѣлать этого путемъ гласной законодательной мѣры, которая могла бы вызвать недоброжелательную критику въ Европѣ, а сдѣлать это путемъ простого негласнаго повелѣнія министру на-

роднаго просвѣщенія, что и состоялось въ формѣ рескрипта 19 августа 1827 г. на имя адмирала Шишкова. Тогда же образованъ былъ комитетъ для общаго пересмотра устава среднихъ и низшихъ училищъ, подъ предсѣдательствомъ того же Шишкова. Комитетъ этотъ и выработалъ новый уставъ среднихъ и низшихъ училищъ, утвержденный 28 декабря 1828 г., при чемъ главной отличительной чертой этого устава явилось полное отдѣленіе низшихъ уѣздныхъ и городскихъ училищъ, предназначенныхъ для дѣтей низшихъ сословій, отъ среднихъ училищъ — гимназій, въ которыя отнынѣ должны были поступать лишь дѣти дворянъ и чиновниковъ.

Цензурный уставъ 1828 года.

Въ 1826 году изданъ былъ въ высшей степени стѣснительный цензурный уставъ, дѣлавшій почти совершенно невозможнымъ существованіе и развитіе печати въ Россіи. Но этотъ уставъ не выражалъ собой дѣйствительныхъ намѣреній новаго правительства и изданъ былъ скорѣе по недоразумѣнію или попросту по инерціи, какъ мѣра еще ранѣе подготовленная Магницкимъ въ нѣдрахъ обскуратнаго Министерства Народнаго Просвѣщенія послѣднихъ годовъ царствованія Александра. Въ 1828 году уставъ этотъ былъ замѣненъ новымъ уставомъ, выработаннымъ Дашковымъ и являвшимся едва ли не наиболѣе либеральнымъ проявленіемъ новаго курса. Тогдашняя печать громко привѣтствовала его появленіе и юный И. В. Кирѣевскій, тогда весьма либерально настроенный, признавалъ даже (въ статьѣ, помѣщенной въ альманахѣ «Денница» на 1830 г.) изданіе этого устава самымъ выдающимся событіемъ русской литературы того времени, «которое успѣшнѣе всѣхъ другихъ произведеній русскаго пера должно открыть намъ дорогу къ просвѣщенію европейскому, которымъ мы можемъ гордиться передъ всѣми государствами, гдѣ только выходятъ сочиненія такого рода, изданіе которыхъ было самымъ важнымъ событіемъ для блага Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ (выключая, можетъ-быть, учрежденіе ланкастерскихъ школъ) и важнѣе нашихъ блистательныхъ побѣдъ за Дунаемъ и Араратомъ, важнѣе взятія Эрзерума и той славной тѣни, которую бросили русскія знамена на стѣны Цареграда»[1])...

Вскорѣ, однако, дѣятелямъ тогдашней русской печати — и прежде другихъ самому Кирѣевскому, пришлось удостовѣриться, что и при этомъ «либеральномъ» уставѣ положеніе ея отнюдь

---

[1]) Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго. М. 1911 г. Изд. 2-ое, т. II, стр. 14.

не будетъ отраднымъ и легкимъ. Гнетъ, нависшій надъ печатью, съ особой силой обнаружился въ слѣдующій періодъ николаевскаго царствованія — послѣ 1831 года.

Второй періодъ царствованія Николая.

Всякія сколько-нибудь либеральныя начинанія, всякія преобразованія, имѣвшія хотя бы въ ничтожной степени характеръ расширенія или укрѣпленія сословныхъ правъ или вольностей, или только могущія, въ глазахъ мнительныхъ консерваторовъ, въ родѣ Закревскаго, способствовать къ поощренію соотвѣтствующихъ мечтаній либераловъ, были рѣшительно навсегда устранены изъ внутренней и внѣшней политики Николая послѣ іюльской революціи 1830 г. во Франціи, споровождавшейся нидерландской революціей и польскимъ возстаніемъ 1830—31 годовъ.

Эти революціонныя событія отдѣляютъ первый колебательный и неопредѣленный періодъ царствованія Николая отъ второго періода, когда онъ, такъ сказать, нашелъ самого себя и не видѣлъ уже никакихъ основаній ломать свой характеръ и входить въ какіе бы то ни было компромиссы съ преобразовательными стремленіями вѣка и политическими обязательствами, сохранившимися отъ прежней эпохи. Поляки, нарушившіе вѣрноподданническую присягу, сами помогли ему уничтожить лойяльнымъ съ его точки зрѣнія образомъ дѣйствовавшую въ Польшѣ конституцію. Впечатлѣніе необходимости введенія въ Россіи различныхъ преобразованій, вынесенное имъ когда-то изъ бесѣдъ съ декабристами и изученія ихъ показаній, теперь въ значительной мѣрѣ у него притупилось, и онъ охотно призналъ невыполнимость даже тѣхъ невинныхъ сословныхъ уставовъ, которые были выработаны въ комитетѣ 6 декабря 1826 года и которые онъ самъ утверждалъ еще недавно. Въ отношеніи укрѣпленія и поддержанія въ Россіи твердой законности въ администраціи и судахъ онъ считалъ за глаза достаточной мѣрой изданіе свода законовъ, составленнаго Сперанскимъ и изданнаго въ 1833 году.

Крестьянскій вопросъ.

Онъ признавалъ, правда, попрежнему и въ этотъ періодъ и даже, пожалуй, больше прежняго необходимость улучшенія положенія крестьянъ и серьезныхъ преобразованій въ этой области. Но эти преобразованія отнюдь не могли, какъ казалось тогда, клониться къ ограниченію самодержавной власти, а скорѣе могли клониться къ ея укрѣпленію. Правда, ограниченіе крѣпостного права являлось сильнымъ измѣненіемъ сложившагося соціальнаго порядка, но Николай предполагалъ возможнымъ этого достигнуть постепенными мѣрами, втайнѣ задуманными и приведенными затѣмъ въ исполненіе въ согласіи съ самими помѣщиками,

которые не могли не быть заинтересованы сами въ поддержаніи общественнаго мира и порядка на мѣстахъ, постоянно нарушавшагося при данныхъ условіяхъ крестьянскими волненіями и безпорядками, ибо безпорядки эти оказывались невозможнымъ устранить одними репрессивными мѣрами, хотя на примѣненіе послѣднихъ правительство и не скупилось. Крестьянскій вопросъ необходимо было такъ или иначе рѣшить именно въ видахъ обезпеченія общественной тишины и спокойствія. Къ тому же это была несомнѣнно одна изъ тѣхъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ подходило именно къ самодержавному строю, стоявшему на точкѣ зрѣнія просвѣщеннаго абсолютизма. Мы не будемъ, однакоже, здѣсь останавливаться на ходѣ этого важнаго вопроса, такъ какъ изложенію его посвящена особая статья.

Дѣятельность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Наиболѣе характернымъ выраженіемъ правительственныхъ тенденцій, созрѣвшихъ и вполнѣ обнаруживавшихся въ этотъ центральный періодъ николаевскаго царствованія, явилась дѣятельность правительства въ области народнаго просвѣщенія и его отношеніе къ развитію и проявленіямъ общественной мысли. Здѣсь какъ разъ въ это время Николаю Павловичу удалось найти себѣ талантливаго сотрудника, выразителя и проводника своихъ стремленій и взглядовъ въ лицѣ того самаго Сергѣя Семеновича Уварова, котораго Карамзинъ не рѣшился въ 1826 году рекомендовать на ряду съ Дашковымъ и Блудовымъ, какъ человѣка, скомпрометированнаго въ его глазахъ своими прежними либеральными выступленіями. Теперь С. С. Уваровъ, умудренный опытомъ и снѣдаемый честолюбіемъ, совершенно освободился отъ всякихъ либеральныхъ увлеченій и съ успѣхомъ продолжалъ ту линію развитія и осуществленія идей просвѣщеннаго обсолютизма и истинно-русскаго націонализма, которая была указана Карамзинымъ.

Въ 1832 году, сдѣланный товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, Уваровъ отправился ревизовать Московскій университетъ, относительно направленія котораго у правительства имѣлись кое-какія подозрѣнія. Въ отчетѣ своемъ Уваровъ, однакоже, засвидѣтельствовалъ, что подозрѣнія эти не основательны, и что напротивъ, «отличительную черту молодежи, стекающейся въ Московскій университетъ», составляютъ: «во всѣхъ отношеніяхъ глубокое спокойствіе и легкость слѣдовать всѣмъ направленіямъ, даннымъ правительствомъ». Утверждая далѣе, что «духъ и расположеніе умовъ молодыхъ людей ожидаютъ только *обдуман-*

наго направленія, дабы образовать въ большемъ числѣ оныхъ полезныхъ и усердныхъ орудій правительства» и что «сей духъ готовъ принять впечатлѣніе вѣрноподданнической любви къ существующему порядку», Уваровъ отказывался, однакоже, утверждать, «чтобы легко было удержать ихъ въ семъ желаемомъ равновѣсіи между понятіями, заманчивыми для умовъ недозрѣлыхъ, и, къ несчастію Европы, овладѣвшими ею, и тѣми твердыми началами, на коихъ основано не только настоящее, но и будущее благосостояніе отечества»... «Я не думаю даже, — писалъ онъ, — чтобы правительство имѣло полное право судить слишкомъ строго о сдѣланныхъ, можетъ-быть, ошибкахъ со стороны тѣхъ, коимъ было нѣкогда ввѣрено наблюденіе за симъ заведеніемъ. Но я твердо уповаю, что намъ остаются средства сихъ ошибокъ не повторять и, постепенно завладѣвши умами юношества, привести оныя почти нечувствительно къ той точкѣ, гдѣ сліяться должны, къ разрушенію одной изъ труднѣйшихъ задачъ времени: *образованіе правильное, основательное, необходимое въ нашемъ вѣкѣ*,—съ глубокимъ убѣжденіемъ и теплою вѣрою въ истинно-русскія охранительныя начала *православія*, *самодержавія* и *народности*, составляющія послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества».

«Весьма часто случалось мнѣ, — спѣшитъ онъ тутъ же похвастаться,—прервавъ лекцію профессора, докончить оную собственнымъ нравоученіемъ, всегда приведя рѣчь къ лицу государя, къ преданности трону и церкви, къ необходимости быть русскимъ по духу прежде, нежели стараться быть европейцемъ по образованію, — къ возможности соединить вмѣстѣ незыблемое чувство вѣрноподданнаго съ познаніями высшими, съ просвѣщеніемъ, принадлежащимъ всѣмъ народамъ и вѣкамъ, — и всегда я смѣю сказать, общій восторгъ встрѣчали случайно и неожиданно произнесенныя слова»... [1])

Трудно было болѣе тонко и ловко попасть въ тонъ и пойти навстрѣчу сокровеннымъ взглядамъ и стремленіямъ самого императора Николая, нежели это было сдѣлано Уваровымъ въ цитированномъ отчетѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ достигъ желаемаго и сдѣланъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія для того, чтобы проводить ту самую программу истинно-русскаго воспитанія, соединеннаго съ образованіемъ, стоящимъ на уровнѣ

[1]) *Барсуковъ* «Жизнь и труды М. П. Погодина», IV, стр. 82 — 83.

современнаго европейскаго просвѣщенія, которую онъ предложилъ въ своемъ искусно составленномъ отчетѣ.

Сдѣлавшись такимъ образомъ сознательнымъ выразителемъ взглядовъ и мыслей самого Николая и являясь въ этомъ случаѣ прямымъ продолжателемъ Карамзина, Уваровъ поставилъ себѣ задачей проводить эти взгляды и осуществлять свою программу истинно-русскаго патріотическаго и народнаго воспитанія отнюдь не въ однихъ университетахъ.

Замыслы Уварова въ отношеніи печати.

«Мое дѣло,—говорилъ онъ три года спустя (въ 1835 г.),—не только блюсти за просвѣщеніемъ, но и блюсти за духомъ поколѣнія. Если мнѣ удастся отодвинуть Россію на 50 лѣтъ отъ того, что готовятъ ей теоріи, то я исполню мой долгъ, и умру спокойно, — вотъ моя теорія. Я надѣюсь, что это исполню. Я имѣю на то добрую волю и политическія средства. Я знаю, что противъ меня кричатъ: я не слушаю этихъ криковъ. Пусть называютъ меня обскурантомъ: государственный человѣкъ долженъ стоять выше толпы»...[1])

Эту рѣчь онъ держалъ цензору А. В. Никитенку, и политическія средства, о которыхъ онъ тутъ упоминалъ, означали, главнымъ образомъ, полную зависимость отъ министра народнаго просвѣщенія тогдашней печати.

Благодаря этимъ средствамъ еще въ 1832 г. остановленъ былъ на 2-мъ номерѣ журналъ Кирѣевскаго «Европеецъ», не содержавшій въ себѣ безусловно ничего нецензурнаго, но, конечно, совершенно несоотвѣтствовавшій теоріи официіальной народности, хотя редакторъ его и былъ самъ горячій патріотъ. Благодаря имъ же прекращенъ былъ въ 1834 г. и «Московскій Телеграфъ» Полевого, стремившійся осторожно проводить общеевропейскія и въ особенности французскія просвѣтительныя идеи. Наконецъ, въ 1836 году за смѣлую статью Чаадаева, шедшую прямо наперекоръ теоріи официіальной народности, провозглашенной Уваровымъ, не только закрытъ былъ напечатавшій эту статью «Телескопъ» Надеждина, но и самъ редакторъ его сосланъ былъ въ Вологду, цензоръ — ректоръ Московскаго университета Болдыревъ — уволенъ отъ службы, а авторъ объявленъ по высочайшему повелѣнію сумасшедшимъ!

Уваровъ сдѣлался непосредственнымъ начальникомъ россійской цензуры, а черезъ нее и подчиненной ей литературы еще въ 1832 г. въ качествѣ товарища министра народнаго про-

[1]) *Никитенко* «Записки и Дневникъ», изд. 2-е, СПБ. 1904. т. I, стр. 267.

свѣщенія. Въ отчетѣ своемъ о ревизіи Московскаго университета онъ сообщалъ, что первоначально, вступивъ въ должность, онъ думалъ, рѣшительно запретивъ журналамъ касаться вопросовъ политическихъ, предоставить имъ полную волю разсуждать какъ угодно о предметахъ литературныхъ; но скоро замѣтилъ, что дурное направленіе журналистовъ и въ этой области вредно дѣйствуетъ на молодежь, что «развратъ нравовъ пріуготовляется развратомъ вкуса». Онъ созналъ, что и въ этой области необходимо бороться *«противъ вліянія такъ называемыхъ европейскихъ идей»...* «Въ нынѣшнемъ положеніи вещей и умовъ, — писалъ онъ, — нельзя не умножать, гдѣ только можно, число *умственныхъ плотинъ.* Не всѣ оныя окажутся, можетъ-быть, равно твердыми, равно способными къ борьбѣ съ разрушительными понятіями; но каждая изъ нихъ можетъ имѣть свое относительное достоинство, свой непосредственный успѣхъ». Въ качествѣ такихъ плотинъ Уваровъ замышлялъ тогда, какъ видно изъ его отчета, создать свою офиціальную или офиціозную журналистику при университетахъ. И первой ласточкой явились въ этомъ отношеніи основанныя въ 1833 году при Московскомъ университетѣ «Ученыя записки». Понимая, однако, что подобнаго рода изданія по своей сухости не могутъ замѣнить общихъ литературно-общественныхъ обозрѣній — толстыхъ журналовъ, — онъ дѣлалъ попытки и эти послѣдніе, и угрозой, и ласками, подчинить своему непосредственному вліянію. Это, однакоже, долго ему не удавалось и хотя въ Московскомъ университетѣ сразу же образовалась группа профессоровъ — Погодинъ, Давыдовъ, Шевыревъ, — обнаруживавшая желаніе тѣсно примкнуть къ этому новому источнику просвѣщеннаго абсолютизма и стоящаго на высотѣ европейской науки истинно-русскаго націонализма, однако и они не спѣшили открывать соотвѣтствующій органъ печати, неувѣренные, повидимому, въ прочности этого курса. На петербургскихъ же журналистовъ, въ родѣ Греча, Булгарина и Сенковскаго, Уваровъ не считалъ самъ возможнымъ опереться, не вѣря имъ, можетъ-быть, отчасти въ виду ихъ иноплеменнаго происхожденія (Булгаринъ и Сенковскій—были поляки), Греча же, хотя онъ былъ типичный нѣмецъ «съ русской душой», по позднѣйшему выраженію Щедрина, Уваровъ подозрѣвалъ еще въ то время въ тайныхъ симпатіяхъ либерализму и даже въ крамольныхъ замыслахъ [1]). Кромѣ того, редакторы «Сѣверной Пчелы»

---

[1]) *Никитенко*, н. с., I, 268.

уже состояли въ интимныхъ связяхъ съ Ш отдѣленіемъ, а Уварову хотѣлось дѣйствовать самостоятельно, отчего и впослѣдствіи между нимъ и Бенкендорфомъ бывали частыя несогласія и шероховатости въ отношеніяхъ. Только въ 1841 г. — много времени спустя послѣ закрытія прежнихъ московскихъ журналовъ «Московскаго Телеграфа» и «Телескопа»,—Погодинъ, при ближайшемъ участіи Шевырева, рѣшился, наконецъ, воспользоваться давно даннымъ ему разрѣшеніемъ открыть въ Москвѣ новый журналъ «Москвитянинъ», всецѣло проникнутый уваровскими принципами офиціальной народности и готовый съ явнымъ подобострастіемъ прославлять и самого высокопоставленнаго своего покровителя[1]). Этотъ органъ и сдѣлался общественнымъ выразителемъ и истолкователемъ пресловутой теоріи или системы «офиціальной народности». Уваровъ заранѣе привѣтствовалъ новый журналъ и обѣщалъ ему великія и богатыя милости.[2]).

Программная статья Шевырева.

Первый номеръ «Москвитянина» вышелъ 1 января 1841 года. Программной статьей въ немъ являлась статья *Шевырева:* «Взглядъ русскаго на образованіе Европы», которая можетъ считаться и запоздалымъ возраженіемъ на извѣстную чаадаевскую статью, изъ-за которой погибъ «Телескопъ», и вмѣстѣ торжественнымъ провозглашеніемъ той самой теоріи «офиціальной народности», которая формулирована была впервые Уваровымъ въ отчетѣ его 1832 года. Здѣсь содержалось и рѣзкое нападеніе на тлетворныя вліянія западно-европейской мысли, и стремленіе отграничить Россію отъ зараженной Европы, и новое торжественное провозглашеніе уваровской тріединой *формулы.* «*Францiя и Германiя,* — писалъ Шевыревъ, — были сценами двухъ величайшихъ событій, къ которымъ подводится вся исторія новаго Запада, или, правильнѣе, двухъ переломныхъ болѣзней, соотвѣтствующихъ другъ другу. Эти болѣзни были — реформація въ Германіи, революція во Франціи; болѣзнь одна и та же, только въ двухъ разныхъ видахъ. Мы думаемъ, что эти болѣзни уже прекратились. Нѣтъ, мы ошибаемся. Болѣзнями порождены вредные соки, которые теперь продолжаютъ дѣйствовать и которые, въ свою очередь, произвели уже поврежденіе орга-

---

[1]) *Барсуковъ,* н. с., V, 486 — 492.

[2]) «Поспѣшно протянуть руку, — писалъ онъ Погодину, — на новое прекрасное дѣло. Вы можете быть увѣрены въ моемъ содѣйствіи болѣе чѣмъ офиціальномъ, въ моемъ душевномъ участіи и въ моей готовности споспѣшествовать изданію журнала, соотвѣтствующаго положенію умовъ и видамъ правительства. Macte animo! Вотъ мой прямой отвѣтъ». *Барсуковъ,* н. с., V, 491.

ническое и въ той, и въ другой странѣ,—признакъ будущаго саморазрушенія. Да, въ нашихъ искреннихъ, дружескихъ, тѣсныхъ сношеніяхъ съ Западомъ мы не примѣчаемъ, что имѣемъ дѣло какъ будто съ человѣкомъ, носящимъ въ себѣ злой, заразительный недугъ, окруженнымъ атмосферою опаснаго дыханія. Мы цѣлуемся съ нимъ, обнимаемся, дѣлимъ трапезу мысли, пьемъ чашу чувства... и не замѣчаемъ скрытаго яда, въ безпечномъ общеніи нашемъ, не чуемъ въ потѣхѣ пира будущаго трупа, которымъ онъ уже пахнетъ! Онъ увлекъ насъ роскошью своей образованности; угождаетъ прихотямъ нашей чувственности, расточаетъ передъ нами остроуміе мысли, наслажденія искусства. Мы рады, что попали на пиръ готовый къ такому богатому хозяину... Мы упоены... Но мы не замѣчаемъ, что въ этихъ яствахъ таится сокъ, котораго не вынесетъ свѣжая природа наша... Мы не предвидимъ, что просвѣщенный хозяинъ, обольстивъ насъ всѣми прелестями великолѣпнаго пира, развратитъ умъ и сердце наше; что мы выйдемъ отъ него опьянѣлые не по лѣтамъ, съ тяжкимъ впечатлѣніемъ отъ оргіи, намъ непонятной»...

Статья оканчивается выраженіями тѣхъ «трехъ коренныхъ чувствъ», въ которыхъ можетъ заключаться наше спасеніе отъ западной тлетворной заразы, «въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію».

Эти «коренныя чувства» выражаются въ приверженности нашей къ тѣмъ тремъ китамъ русской самобытной жизни, которые составили уваровскую формулу: «православіе, самодержавіе, народность». «Тремя коренными чувствами, — такъ заключаетъ Шевыревъ эту статью, — крѣпка наша Русь, и вѣрно ея будущее. Мужъ Царскаго Совѣта, которому ввѣрены поколѣнія образующіяся, давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслію, и они положены въ основу воспитанія народа[1]).

Въ соотвѣтствіи съ этой статьей Шевырева, являвшейся своего рода манифестомъ теоріи офиціальной народности, въ третьей книжкѣ «Москвитянина» выступилъ и И. И. Давыдовъ, сдѣлавшійся въ это время однимъ изъ самыхъ безсовѣстныхъ приспѣшниковъ Уварова, со статьей, направленной противъ нѣмецкой философіи, несмотря на то, что благодаря знакомству съ этой послѣдней, хотя и изъ вторыхъ рукъ, самъ авторъ статьи

---

[1]) *Барсуковъ*, н. с., VI, 10—16.

сдѣлалъ въ это время свою профессорскую карьеру. Теперь Давыдовъ, съ безстыдствомъ ренегата, спѣшилъ подчеркнуть происхожденіе новѣйшей нѣмецкой философіи изъ началъ реформаціи и на этомъ основаніи доказывалъ совершенную непримѣнимость этой философіи къ русской жизни, изъ нѣдръ которой, по его новому мнѣнію, должна была со временемъ вырасти своя собственная истинно-русская философія. Тотъ же Давыдовъ въ одной изъ книжекъ «Москвитянина» помѣстилъ въ высшей степени льстивую статью объ имѣніи Уварова «Порѣчьѣ» и о пребываніи въ гостяхъ у Уварова, который представленъ истиннымъ меценатомъ главнѣйшихъ членовъ редакціи «Москвитянина».

Первыя книжки «Москвитянина» произвели большое впечатлѣніе въ высшихъ сферахъ Петербурга. С. С. Уваровъ и гр. Протасовъ (оберъ-прокуроръ Синода) всюду съ нимъ носились, а Уваровъ офиціально предписалъ даже попечителямъ учебныхъ округовъ выписывать «Москвитянина» для всѣхъ учебныхъ заведеній.

Университетская реформа 1835 г.

Преобразованіемъ университетовъ С. С. Уваровъ занялся въ первые же годы своего министерства. Реформа 1835 года имѣла двѣ стороны: *положеніе объ учебныхъ округахъ* отдѣлило отъ университетовъ управленіе средними и низшими учебными заведеніями; *новый университетскій уставъ* значительно измѣнилъ внутренній режимъ университетовъ и сильно ослабилъ автономію университетскихъ совѣтовъ. Онъ сохранилъ, правда, за университетами право выбора ректоровъ и декановъ и приглашенія профессоровъ на вакантныя кафедры, но то и другое поставилъ подъ контроль министерской власти, при чемъ министру предоставлено было, въ случаѣ неутвержденія избранныхъ совѣтами кандидатовъ, самому назначать таковыхъ изъ лицъ, имѣющихъ требуемыя ученыя степени. Вмѣстѣ съ тѣмъ попечителямъ округовъ предоставлялось право широкаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь университетовъ; въ сущности они должны были стать такими же хозяевами въ подвѣдомственныхъ имъ университетахъ, какими являлись, по идеѣ Николая Павловича, губернаторы въ ихъ губерніяхъ. Вся реформа, очевидно, направлена была къ тому, чтобы какъ можно больше прибрать университеты къ рукамъ, въ то же время значительно увеличивъ учебныя средства университетовъ и оклады жалованія профессоровъ.

Такъ какъ къ тому времени университеты, пережившіе жестокую реакцію во времена Голицына и Шишкова, давно отвыкли отъ фактическаго пользованія автономіей, существовав-

шей на дѣлѣ лишь въ первые годы царствованія Александра, и такъ какъ правительство обнаруживало серьезныя намѣренія улучшить ученую и учебную обстановку университетовъ, при чемъ многіе талантливые молодые люди были посланы за границу для приготовленія къ профессурѣ, а на мѣста попечителей на первый разъ избраны были люди, не чуждые просвѣщенію, какъ, напримѣръ, новый московскій попечитель графъ Строгоновъ, — то публика и журналы, представлявшіе тогдашнее общественное мнѣніе, относилось ко всей этой реформѣ чрезвычайно оптимистически. Въ торжественномъ собраніи Московскаго университета И. И. Давыдовъ произнесъ по этому случаю пышную рѣчь, въ которой превозносились благодѣянія почившихъ державныхъ основателей и преобразователей Московскаго университета и въ особенности благодѣянія императора Николая, «распространяющаго науки, ободряющаго таланты, водворяющаго *русское* просвѣщеніе», при чемъ университетъ названъ былъ хранителемъ и обогатителемъ отечественнаго языка, органа нашего православія и самодержавія...

Такимъ образомъ, Уваровъ дѣятельно принялся за осуществленіе своей программы и въ университетахъ при помощи новаго устава, и внѣ ихъ — при помощи попытокъ широкаго вліянія на печать. Онъ твердо надѣялся, повидимому, сочетать вещи, въ сущности не соединимыя: возвышеніе уровня научныхъ знаній до степени европейскаго просвѣщенія и воспитаніе будущихъ поколѣній и всей Россіи на охранительныхъ принципахъ православія, самодержавія и народности. Первые десять лѣтъ его управленія министерствомъ были всецѣло направлены на осуществленія этой программы. Мы видѣли, какъ прославляли эту программу профессора-журналисты, приверженцы Уварова, въ «Москвитянинѣ». Самъ Уваровъ, однакоже, несмотря на все свое самомнѣніе и преувеличенное представленіе о достигнутыхъ имъ результатахъ, не скрывалъ отъ себя и отъ Николая Павловича, что «стремленія министерства изгладить противоборство такъ называемаго европейскаго образованія съ потребностями нашими; исцѣлить новѣйшее поколѣніе отъ слѣпого, необдуманнаго пристрастія къ поверхностному и иноземному, распространяя въ юныхъ душахъ радушное уваженіе къ отечественному»... и проч., — что все это при проведеніи своемъ въ жизнь встрѣчало немалыя затрудненія. «Естественно,—писалъ онъ въ отчетѣ своемъ о десятилѣтнемъ управленіи министерствомъ,—что направленіе, данное

вашимъ величествомъ министерству, и его тройственная формула — должны были возстановить нѣкоторымъ образомъ противъ него все, что носило еще отпечатокъ *либеральныхъ* и *мистическихъ* идей: *либеральныхъ* — ибо министерство, провозглашая *самодержавіе*, заявило твердое намѣреніе возвращаться прямымъ путемъ къ русскому началу во всемъ его объемѣ: *мистическихъ* — потому, что выраженіе *православіе* довольно ясно обнаружило стремленіе министерства ко всему положительному въ отношеніи къ предметамъ христіанскаго вѣрованія и удаленія отъ всѣхъ мечтательныхъ призраковъ, слишкомъ часто помрачавшихъ чистоту священныхъ преданій Церкви. Наконецъ, и слово *народность* возбуждало въ недоброжелателяхъ чувство непріязненное за смѣлое утвержденіе, что министерство считало Россію возмужалою и достойною итти не *позади*, а, по крайней мѣрѣ, *рядомъ* съ прочими европейскими національностями»...

Въ заключеніе онъ, впрочемъ, писалъ, что «послѣ десятилѣтняго періода можно безошибочно сказать, что начала, избранныя вашимъ величествомъ и управлявшія безпрерывно подъ моимъ руководствомъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, выдержали опытъ времени и обстоятельствъ, явили въ себѣ залогъ безопасности, оплотъ порядка и вѣрное врачеваніе случайныхъ недуговъ»[1]... Но дѣйствительность уже въ началѣ сороковыхъ

Настроеніе печати и общества въ сороковыхъ годахъ.

годовъ не подтверждала этого оптимистическаго заключенія. Либералы, хотя и стѣсненные въ высшей степени, отнюдь не чувствовали, однако, себя разгромленными, и въ петербургскихъ журналахъ («Отечественныя Записки» съ 1840—1847 г. и «Современникъ» съ 1847 — 1848) свили себѣ гнѣздо, изъ котораго вліяніе ихъ широко распространялось на всю Россію, при чемъ просвѣщенные молодые люди сороковыхъ годовъ единодушно признавали властителемъ своихъ думъ отнюдь не погодинскій «Москвитянинъ», сдѣлавшійся выразителемъ теоріи офиціальной народности, а изгнаннаго изъ Московскаго университета, якобы за неуспѣшность въ наукахъ, В. Г. Бѣлинскаго, который умѣлъ проводить свои либеральные и даже радикальные мысли и взгляды сквозь всѣ препоны суровой уваровской цензуры.

Съ другой стороны, и въ университетахъ, пока въ нихъ сохранялось стремленіе держать научныя знанія на высокомъ

---

[1]) Докладъ Уварова, представленный имп. Николаю при отчетѣ за 1833—1843 гг., перепечатанъ у Гершензона, н. с., стр. 115.

уровнѣ, никакъ не удавалось внѣдрить въ молодые умы и сердца знаменитую тріединую формулу и въ особенности охранять ихъ отъ тлетворныхъ вліяній западной философской и политической мысли. И не мудрено: лучшіе профессора — такіе, какъ Грановскій, Крюковъ, Рѣдкинъ, Мейеръ и проч., — были воспитанниками западнаго просвѣщенія и приносили изъ германскихъ университетовъ не истинно-русскіе, а общечеловѣческія идеи и вліяніе западной философской и политической мысли. И молодежь гнушалась такими профессорами, какъ Погодинъ, Давыдовъ и Шевыревъ, которые охотно шли въ «орудія» правительственной мысли, и относилась съ горячимъ энтузіазмомъ именно къ представителямъ общечеловѣческой науки и европейскаго просвѣщенія, которые дѣйствовали совершенно въ разрѣзъ съ министерскими видами.

При изученіи общественныхъ теченій и направленій 30-хъ и 40-хъ годовъ (которымъ посвящены отдѣльныя статьи въ этой книгѣ) нельзя не замѣтить, что Уварову совершенно не удалась та задача, которую онъ поставилъ себѣ въ 1832 г., являясь выразителемъ взглядовъ и настроенія самого императора Николая, и о близкомъ достиженіи которой онъ заявилъ и въ отчетѣ своемъ 1843 года. Ему именно совершенно не удалось «изгладить», какъ онъ выражался, «противоборство такъ называемаго европейскаго образованія» съ истинно-русскимъ націонализмомъ, насажденіе котораго онъ считалъ основною своею задачею. «Европейское образованіе» всюду брало верхъ надъ истинно-русскими устоями, и въ борьбѣ съ нимъ Уварову приходилось свирѣпствовать не только противъ прямыхъ его проповѣдниковъ и насадителей въ лицѣ «Отечественныхъ записокъ» и «Современника» временъ Бѣлинскаго, но даже и противъ такихъ органовъ печати, какъ «Библіотека для чтенія» Сенковскаго или даже «Сѣверная Пчела» Булгарина и Греча. Точно такъ же и въ университетахъ попечителямъ учебныхъ округовъ приходилось все болѣе и болѣе сосредоточивать свою власть на охранительныхъ и репрессивныхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ тѣмъ профессорамъ, которые являлись истинными представителями науки, стоящими на уровнѣ европейскаго просвѣщенія. Подъ вліяніемъ увеличенія числа гимназій и введенія въ нихъ улучшеннаго преподаванія по уставу 1828 года, въ концѣ 30-хъ и въ 40-хъ годахъ сильно возрастаетъ число студентовъ во всѣхъ университетахъ: съ 1836 по 1848 г. оно удваивается (съ 2.000 въ 1836 г. достигаетъ

Реакціонные шаги Уварова.

4.016 — въ 1848 г.), а въ Московскомъ университетѣ возрастаетъ даже больше, чѣмъ въ два съ половиною раза. И просвѣщенное правительство, вмѣсто того, чтобы радоваться, начинаетъ по этому поводу выражать большую тревогу. Въ 1845 г. оно повышаетъ плату за слушаніе лекцій, вовсе не по экономическимъ соображеніямъ, а для того, чтобы предотвратить перепроизводство образованныхъ людей (*«роскошь знаній»*) и «удержать, какъ сказано въ министерскомъ представленіи, стремленіе юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій». Въ гимназіяхъ оно начинаетъ въ то же время сокращать программу (съ 1846 г.) и, наконецъ (11 марта 1849 года), раздѣляетъ учащихся на два отдѣленія, начиная съ IV класса,— на готовящихся въ университетъ и прямо на службу, при чемъ для первыхъ обязательны древніе языки, а для вторыхъ вмѣсто нихъ — законовѣдѣніе. Въ то же время въ университетахъ вводятся комплекты — не болѣе 300 человѣкъ въ каждомъ, за исключеніемъ лишь медицинскаго факультета и богословскаго (въ Дерптѣ). Эти послѣднія мѣры приняты были, впрочемъ, уже послѣ революціи 1848 года, когда во внутренней политикѣ императора Николая произошло новое весьма значительное измѣненіе курса.

Революція 1848 г. и третій періодъ царствованія Николая I.

По мѣрѣ того, какъ въ Западной Европѣ въ сороковыхъ годахъ росла смута и собирались революціонныя тучи, за сгущеніемъ которыхъ съ тревогой наблюдало и наше правительство, абсолютизмъ императора Николая становился все менѣе и менѣе просвѣщеннымъ и стремленіе его возвести стѣну между Россіей и Западной Европой становилось съ каждымъ годомъ сильнѣе. Когда въ 1848 году во Франціи разразилась февральская революція, вызвавшая затѣмъ революціонныя движенія въ Австріи, Германіи и Италіи, то императоръ Николай призналъ необходимымъ принять въ Россіи чрезвычайныя охранительныя мѣры. Съ этого момента начинается третій, уже вполнѣ реакціонный періодъ его царствованія. Передъ опасностью революціонной гидры, — какъ ни мало она, казалось бы, грозила въ то время Россіи, — императоръ Николай считалъ необходимымъ прежде всего установить и охранить во всей полнотѣ незыблемость существующаго порядка. Поэтому даже крестьянскій вопросъ выбрасывается за бортъ, и императоръ приглашаетъ дворянство сплотиться тѣснѣе вокругъ его трона на охрану существующаго порядка. Съ мятущимся Западомъ запрещается всякое общеніе

частнымъ лицамъ и выѣздъ за границу становится возможнымъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ по особымъ высочайшимъ разрѣшеніямъ. Реакція охватываетъ всѣ стороны русской жизни, но сильнѣе и рѣзче всего она отражается, конечно, на положеніи народнаго просвѣщенія и печати. Въ этомъ отношеніи самъ Уваровъ начинаетъ казаться черезчуръ либеральнымъ и слабымъ, и за дѣйствіями подвѣдомственной ему цензуры устанавливается особый специальный секретный контроль, въ видѣ особаго бутурлинскаго комитета, учрежденнаго 2 апрѣля 1848 года. Роль этого комитета, возникшаго вслѣдствіе указаній на неблагонадежность и разнузданность петербургской печати со стороны князя Меньшикова и борона Корфа, опредѣлена была императоромъ Николаемъ въ слѣдующихъ чертахъ. При представленіи ему назначенныхъ въ составъ комитета членовъ онъ имъ сказалъ, что самъ онъ не имѣетъ возможности лично слѣдить за направленіемъ печати, но что имъ вполнѣ вѣритъ и поручаетъ просматривать *уже вышедшіе въ свѣтъ*, послѣ предварительной цензуры, произведенія печати и доносить ему обо всемъ, что привлечетъ ихъ вниманіе, «а потомъ,—прибавилъ Николай Павловичъ, — мое уже будетъ дѣло расправляться съ виновными».

Бутурлинскій комитетъ.

Комитетъ этотъ совершенно терроризовалъ цензуру, и существованіе печати сдѣлалось вполнѣ невыносимымъ. Предсѣдатель комитета Бутурлинъ вездѣ готовъ былъ видѣть крамолу: однажды онъ серьезно доказывалъ Блудову, что необходимо выключить въ печатномъ текстѣ нѣсколько сомнительныхъ стиховъ изъ акаѳиста Покрову Богородицы, сочиненнаго св. Дмитріемъ ростовскимъ, гдѣ было сказано между прочимъ: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ... Совѣты неправедныхъ князей разори; зачинающихъ рати погуби»... и т. д.

Отставка Уварова.

Положеніе Уварова окончательно поколебалось, когда онъ счелъ нужнымъ выступить въ печати при помощи инспирированнаго имъ И. И. Давыдова на защиту университетовъ, въ виду распространившихся въ публикѣ слуховъ о предстоящемъ ихъ закрытіи. Статья, написанная Давыдовымъ и исправленная Уваровымъ, была, разумѣется, въ высшей степени благонамѣренная въ правительственномъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ не менѣе, бутурлинскій комитетъ призналъ ее неблагонадежной, а когда Уваровъ попробовалъ защищаться, то убѣдился, что и государь находится всецѣло на сторонѣ комитета. Въ октябрѣ 1849 г.,

убѣдившись, что онъ къ новому курсу примѣниться не можетъ, Уваровъ, послѣ постигшей его серьезной болѣзни, подалъ въ отставку и получилъ ее.

Министромъ народнаго просвѣщенія чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ назначенъ былъ бывшій товарищъ министра кн. П. А. Ширинскій-Шахматовъ, представившій государю записку, въ которой онъ доказывалъ, что преподаваніе въ университетахъ должно быть поставлено такъ, «чтобы впредь всѣ положенія науки были основаны не на умственныхъ, а на религіозныхъ истинахъ въ связи съ богословіемъ».

Съ этой точки зрѣнія вопросъ о «противоборствѣ» западнаго просвѣщенія съ нашими исконными началами могъ быть рѣшенъ чрезвычайно просто: посѣтивъ Московскій университетъ, кн. Ширинскій-Шахматовъ заявилъ, что «польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ». Поэтому каѳедры исторіи философіи были уничтожены, а преподаваніе логики и психологіи было возложено на профессоровъ богословія.

Настроеніе общества послѣ 1848 г.

Послѣднія семь лѣтъ царствованія Николая представляютъ въ высшей степени мрачную эпоху, когда независимымъ людямъ, какъ западническаго, такъ и славянофильскаго лагеря, жизнь въ Россіи сдѣлалась почти невыносимой. «Есть отъ чего сойти съ ума, — говоритъ Грановскій въ 1850 г., — благо Бѣлинскому, умершему во-время».

Независимымъ писателямъ славянофильскаго направленія, которые сами признавали устоями русской жизни православіе, самодержавіе и народность, запрещено было, послѣ конфискаціи II тома «Московскаго сборника» въ 1852 г., даже представлять въ печать свои произведенія обыкновеннымъ путемъ.

Когда началась восточная война 1853 — 1856 годовъ, обнаружившая всѣ язвы тогдашней Россіи и принудившая самого императора Николая понять, въ какой тупикъ завелъ онъ страну, благодаря своей системѣ оффиціальной народности, то даже такіе патріоты славянофильскаго толка, какъ Кошелевъ, признавались, что неудачи, которыя русскія войска испытывали на войнѣ, ихъ не смущали, такъ какъ они сознавали, что даже цѣною пораженія желательно для Россіи выйти, наконецъ, изъ такого положенія реакціи и застоя, въ которомъ она находилась.

Стремленіе Уварова одновременно возвысить научное знаніе, получаемое въ университетахъ, до уровня европейскаго просвѣщенія и въ то же время предохранить юношество отъ увлеченія

Результаты системы офиціальной народности въ управленіи.

европейскими идеями, воспитавъ въ нихъ преданныхъ «орудій правительства», проникнутыхъ священными принципами православія, самодержавія и народности,—оказалось, какъ мы видѣли, чистѣйшею химерою. Давленіе же, оказываемое во имя этихъ принциповъ на печать, запрещеніе всякой критики правительственныхъ дѣйствій привело къ установленію въ Россіи полной безгласности. И подъ покровомъ этой безгласности во всѣхъ отрасляхъ управленія процвѣтали самыя наглыя злоупотребленія. Между правительствомъ императора Николая и малочисленными независимыми представителями общества образовалась настоящая пропасть, а многочисленные представители администраціи,—высшей и низшей — эти послушныя «орудія» правительства привыкли мало-по-малу стремиться лишь къ внѣшнему порядку и блеску, такъ какъ правительство, лишенное содѣйствія общественнаго контроля, естественно не могло проникать въ ходъ всякихъ дѣлъ сколько-нибудь глубоко.

Замѣчательно, что даже въ военномъ вѣдомствѣ, дѣлами котораго самъ императоръ Николай занимался непосредственно больше всего и въ которыхъ онъ лично былъ болѣе всего освѣдомленъ, когда дошло до дѣла, все оказалось также построеннымъ на обманчивой внѣшности, какъ и во всѣхъ остальныхъ вѣдомствахъ. «Оказалось, что въ нашемъ флотѣ не было тѣхъ именно судовъ, въ сухопутной арміи того именно оружія, которыя требовались для уравненія боя; что состояніе и вооруженіе нашихъ береговыхъ крѣпостей были неудовлетворительны»... и т. д. [1]).

Въ 1843 году С. С. Уваровъ писалъ въ своемъ отчетѣ, что онъ считаетъ Россію возмужалою и достойною итти «*не позади, а по крайней мѣрѣ рядомъ* съ прочими европейскими національностями» и что въ этомъ и состоитъ та «народность», т.-е. тотъ истинно-русскій національзмъ, который составлялъ одинъ изъ элементовъ его пресловутой формулы; а черезъ 12 лѣтъ, въ 1855 году, другой блестящій государственный карьеристъ П. А. Валуевъ писалъ въ своей «Думѣ русскаго», что «въ твореніяхъ нашего офиціальнаго многословія нѣтъ истины», что у насъ вездѣ «сверху блескъ, снизу гниль». Это было тогда, когда насталъ моментъ покаянія, и когда главный творецъ и источникъ системы офиціальной народности императоръ Николай умеръ, не перенесши позора ея крушенія. Но даже и до его смерти одинъ

[1]) Изъ «Думы русскаго» П. А. Валуева. Русск. Старина, 1891, V.

изъ ближайшихъ сподвижниковъ гр. Уварова, редакторъ «Москвитянина» М. П. Погодинъ, такъ характеризовалъ прискорбныя послѣдствія этой системы въ одномъ изъ извѣстныхъ своихъ «политическихъ писемъ», адресованныхъ къ самому императору Николаю:

«Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ вѣрнаго понятія и настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля...» Изъ министровъ каждый, по словамъ Погодина, «представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя и также не имѣетъ возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ее и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшимымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему хода. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку. Какъ мухи на медъ, налетаютъ они на наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка»[1]...

Вотъ къ чему привела въ конечномъ итогѣ система офиціальной народности въ управленіи страной, по словамъ одного изъ горячихъ ея поклонниковъ и проповѣдниковъ[2].

---

[1]) *М. П. Погодинъ* «Историко-политическія письма и записки». М. 1874, стр. 259 и слѣд.

[2]) Въ этой статьѣ мы ничего не говорили о томъ, къ чему привела казенная охрана православія въ дѣлахъ вѣры и въ отношеніяхъ правительства къ народу потому, что этому предмету будетъ посвящена особая статья.

Выводъ Грановскаго и заключеніе о системѣ оффиціальной народности.

Въ заключеніе приводимъ тотъ общій выводъ, который сдѣлалъ, послѣ обстоятельнаго разбора внутренней политики Николая, одинъ изъ благороднѣйшихъ и вмѣстѣ умѣреннѣйшихъ, по своимъ требованіямъ, представителей русской интеллигенціи того времени Т. Н. Грановскій въ 1855 году, въ статьѣ, которая была помѣщена въ заграничномъ изданіи Герцена «Голоса изъ Россіи». «Итакъ, — писалъ самъ Грановскій, — съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на будущее Россіи — съ внѣшней или внутренней, — мы все придемъ къ одному и тому же, къ необходимости измѣнить политику у себя дома, давъ прежде всего просторъ русскому уму и русскимъ силамъ, чтобъ имъ было гдѣ развернуться и расправиться послѣ долгаго застоя.

«Простору намъ, простору! Того только и жаждемъ мы, всѣ мы, отъ крестьянина до вельможи, — какъ изсохшая земля жаждетъ живительнаго дождя. Мы всѣ простираемъ руки къ престолу и молимъ: простору намъ, державный царь! Наши члены онѣмѣли; мы отвыкли дышать свободно. Просторъ намъ нуженъ, какъ воздухъ, какъ хлѣбъ, какъ свѣтъ Божій! онъ нуженъ для каждаго изъ насъ, нуженъ для всей Россіи, для ея процвѣтанія внутри, для ея огражденія и крѣпости извнѣ»[1]...

Вотъ тотъ вопль, который вырывался изъ груди сознательнаго русскаго человѣка, пережившаго тридцатилѣтнее царствованіе Николая. Этотъ вопль ярко характеризуетъ и то основное зло, которымъ проникнута была внутренняя политика этого царствованія.

Грановскій не зналъ тогда той роли, которую сыгралъ Карамзинъ при самомъ вступленіи на престолъ императора Николая, такъ какъ и документальная біографія Карамзина, и его «неизданныя сочиненія», и его переписка изданы были лишь въ шестидесятыхъ годахъ. Грановскій приписывалъ поэтому неправильно происхожденіе всей административной системы императора Николая чужеземному австрійскому источнику, считая вдохновителемъ почившаго русскаго самодержца—пресловутаго Меттерниха. Мы въ этомъ заблуждаться не можемъ и должны признать, что эта приснопамятная система имѣетъ истинно-русское происхожденіе, хотя, конечно, нельзя отрицать, что примѣръ Меттерниха во многомъ вдохновлялъ и поддерживалъ Николая.

---

[1]) «Голоса изъ Россіи», ч. I, 2-е изд. Лондонъ. 1858, стр. 161.

Если бы покойному русскому исторіографу Н. М. Карамзину суждено было пережить царствованіе императора Николая, онъ могъ бы многому научиться и долженъ былъ бы скорбно признать, что въ правленіе этого монарха получила полное практическое осуществленіе имъ обоснованная и преподанная система истинно-русскаго просвѣщеннаго абсолютизма и истинно-русскаго національизма,—система, получавшая наименованіе теоріи офиціальной народности. Онъ былъ искреннѣе и прямѣе своего послѣдователя и біографа М. П. Погодина и не могъ бы съ легкимъ сердцемъ отречься отъ своего авторства. Онъ долженъ былъ бы признать, что опытъ примѣненія этой системы сдѣланъ, и долженъ былъ бы видѣть, къ чему неизбѣжно ведетъ примѣненіе этой системы на практикѣ.

А. Корниловъ.

Финансовая политика имп. Николая I.

I.

Дефицитъ.

Финансы Россіи въ годъ вступленія на престолъ императора Александра I находились въ очень плачевномъ состояніи, такъ какъ количество всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ долговъ, составлявшее 408 мил. рублей, равнялось суммѣ тогдашнихъ доходовъ за 4 года. Это количество долговъ не только не уменьшилось за послѣдующіе годы, но еще увеличилось, такъ какъ, съ одной стороны, внутреннія преобразованія, а съ другой (и въ это главнымъ образомъ) — продолжительныя и трудныя войны требовали громадныхъ денежныхъ затратъ. Количество обычныхъ государственныхъ доходовъ увеличивалось очень медленно, торговля и промышленность развивалась слабо, недоимки въ разныхъ сборахъ постоянно возростали. Вслѣдствіе этого очень немногія росписи доходовъ и расходовъ въ царствованіе Александра I сводились безъ дефицита, т.-е. безъ превышенія расходовъ надъ доходами, и къ тому же эти дефициты постепенно, но неуклонно, увеличивались, и, такимъ образомъ, государство жило не по средствамъ.

Пособія: Министерство финансовъ. 1802 — 1902 гг. Историческій обзоръ. Ч. I. *Бліохъ.* Финансы Россіи XIX в. Т. I. Сборникъ свѣдѣній и распоряженій по вѣдомству министерства финансовъ. 1866 г. т. I, № 2 (тутъ помѣщена «Записка» Канкрина). Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 45. *Печеринъ.* Историческій обзоръ росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 г. и съ 1844 по 1863 г. *Бржескій.* Государственные долги Россіи. *Журавскій.* Обозрѣніе расходовъ на военныя потребности. Военный Сборникъ, 1859 г. №№ 5 и 6. *И. Н. Божеряновъ.* Гр. Е. Ф. Канкринъ. Его жизнь, литературные труды и 20-лѣтн. дѣятельность. *Р. И. Сементковскій.* Е. Ф. Канкринъ. Біографическій очеркъ («Библіотека Павленкова») — очень хвалебная книжка. *С. Муравьевъ.* Графъ Канкринъ и его финансовая система по отношенію къ нашему времени. «Отеч. записки». 1865 г. т. 161. *П. М.* Взгляды русскаго министра финансовъ первой половины XIX в. «Отеч. записки». 1866 г. № 1. *Милюковъ.* Очерки по исторіи русской культуры. В. I. *Бунге.* Мысли гр. Канкрина о бумажныхъ деньгахъ. «Русск. Вѣстн.» 1865 г. *А. А. Кауфманъ.* Бумажныя деньги въ Россіи. *Л. Н. Яснопольскій.* Очерки русскаго бюджетнаго права.

Въ чемъ заключались причины этихъ финансовыхъ затрудненій, этой жизни государства не по средствамъ? Главная причина заключалась въ томъ, что потребности и задачи государства (какъ онѣ тогда понимались) не соотвѣтствовали его денежнымъ запасамъ: потребности и новыя задачи возникали и развивались быстрѣе, чѣмъ денежные запасы, и тогда не умѣли, а отчасти и не могли достичь равновѣсія между тѣми и другими. Принявъ еще въ XVIII ст. дѣятельное участіе въ европейскихъ событіяхъ, присоединивъ большое количество новыхъ земель, наше правительство конца XVIII и начала XIX в. не увеличило въ то же время производительность народнаго труда; формы хозяйства были въ началѣ XIX в. почти тѣ же, что въ XVIII в., а между тѣмъ войны заставляли дѣлать большія затраты, и во все царствованіе Александра I около половины всѣхъ расходовъ поглощали военное и морское министерства; если же къ этимъ расходамъ присоединить расходы по уплатѣ государственныхъ долговъ, которые дѣлались, главнымъ образомъ, для покрытія военныхъ затратъ, то окажется, что военные расходы государства поглощали около $^3/_5$ всей ихъ суммы, въ то время какъ, напримѣръ, на народное образованіе шло 1 — 2% всѣхъ расходовъ; при этомъ надо имѣть въ виду, что ассигновки на министерство народнаго просвѣщенія во все царствованіе Александра I держались приблизительно около одной цифры, но такъ какъ цѣна ассигнацій, напримѣръ, въ 1817 г., была въ 2 — 2½ раза меньше, чѣмъ въ 1804 г., то при равныхъ цифрахъ расхода, выраженныхъ въ ассигнаціяхъ, для 1804 и 1817 гг. получится, значитъ, уменьшеніе ассигновокъ на это вѣдомство въ 1817 г. по сравненію съ 1804 г. въ 2—2½ раза.

Внутренніе займы.

Для покрытія дефицитовъ правительство заключало новые займы, хотя долговъ и такъ уже было много. Займы бывали внутренніе и внѣшніе, но и тѣ и другіе приносили казнѣ мало облегченія. Внутренніе займы имѣли мало успѣха потому, что свободныхъ капиталовъ было тогда въ Россіи мало, публика относилась недовѣрчиво къ такимъ операціямъ въ виду ихъ сравнительной новизны и извѣстнаго тяжелаго положенія государственныхъ финансовъ; отпугивали ее также нѣкоторыя частныя особенности этихъ займовъ — напримѣръ, уплата %% по займу 1809 г. производилась исключительно въ Петербургѣ. Наконецъ вообще тогда всякія денежныя операціи были развиты слабо, такъ какъ, повторяемъ, Россія въ началѣ XIX в. только

что переходила отъ старыхъ формъ натуральнаго хозяйства къ новымъ формамъ хозяйства денежнаго. Въ виду всего этого лица, имѣющія денежныя сбереженія, избѣгая участія въ займахъ, предпочитали отдавать ихъ въ сохранную и ссудную кассы, въ приказы общественнаго призрѣнія, хотя здѣсь платили 5%, а по займу, напримѣръ, 1809 г. 7%.

Внѣшніе займы.

Что касается неудачи займовъ внѣшнихъ, то тутъ дѣйствовали иныя причины. Въ началѣ царствованія Александра I Россія не имѣла за границей почти никакого кредита, послѣ того какъ императоръ Павелъ предложилъ однажды держателямъ русскихъ займовъ получить %% по нимъ съ англійскаго государства, которое, по расчетамъ нашего правительства, не доплатило Россіи части той субсидіи, которая была у него выговорена Россіей за участіе въ войнѣ противъ Франціи. Возстановить послѣ этого довѣріе къ платежеспособности русскаго правительства было тѣмъ труднѣе, что на Западѣ, конечно, было извѣстно плачевное состояніе нашихъ государственныхъ финансовъ, на улучшеніе которыхъ было тогда мало надежды. Съ другой стороны, надо имѣть въ виду общее угнетенное состояніе тогдашняго денежнаго рынка Западной Европы, вызванное всѣмъ ходомъ событій европейской исторіи начала XIX в. Поэтому когда правительству Александра I удалось, наконецъ, заключить внѣшній заемъ, то условія его оказались мало выгодными.

Вслѣдствіе неудачъ съ займами, правительство очень часто и охотно обращалось къ другому средству для покрытія дефицитовъ — къ выпуску ассигнацій, т.-е. бумажныхъ денегъ.

Ассигнаціи.

Онѣ были выпущены впервые при Екатеринѣ II на 1 милл. рублей и обезпечены такой же суммой металлическихъ денегъ, находящихся въ казнѣ, и потому ассигнаціонный рубль первоначально равнялся по цѣнѣ серебряному. Но потомъ постоянная нужда въ деньгахъ вела все къ новымъ выпускамъ ассигнацій. Довѣріе къ тому, что всѣ онѣ могутъ быть обмѣнены на серебро, стало падать, и въ концѣ царствованія Екатерины II ассигнаціонный рубль стоилъ уже 68 коп. серебромъ. При Павлѣ и въ первые годы царствованія Александра I количество ассигнацій продолжало увеличиваться, и въ 1804 г. ихъ было на 260½ милл. рублей, а въ 1810 г.—на 577 милл. рублей, и въ декабрѣ этого года ассигнаціонный рубль стоилъ всего 20 коп. серебромъ. При этомъ курсъ ассигнацій въ разныхъ мѣрахъ Россіи былъ неодинаковъ, такъ какъ законнаго курса не было,

и цѣна бумажныхъ денегъ зависѣла отъ цѣлаго ряда мѣстныхъ условій (по словамъ министра финансовъ Канкрина, колебаніе курса ассигнацій по отдѣльнымъ мѣстностямъ доходило до 27%).

Такое паденіе и такія колебанія курса ассигнацій, разумѣется, страшно затрудняли всѣ денежные и торговые обороты и вредно отражались на народномъ и государственномъ хозяйствѣ.

Реформы въ царствованіе Александра I.

Нужны были серьезныя реформы въ области финансовъ, но правительство дальше частичныхъ поправокъ не пошло. Послѣ образованія министерствъ въ 1802 г. измѣнился порядокъ составленія росписи доходовъ и расходовъ на ближайшій годъ, но совершенно, напримѣръ, не измѣнилась система налоговъ — косвенные налоги попрежнему преобладали надъ прямыми, и тяжесть ихъ падала, главнымъ образомъ, на неимущіе классы общества; не измѣнилось и распредѣленіе расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ. Въ 1810 г. былъ принятъ къ руководству финансовый планъ Сперанскаго, и было возвѣщено прекращеніе выпуска ассигнацій (серебряный рубль объявлялся «главной, непремѣняемой и законной мѣрой всѣхъ монетъ»), сокращеніе расходовъ, установленіе лучшаго контроля надъ государственными издержками и введеніе новыхъ налоговъ; затѣмъ было рѣшено образоватъ «капиталъ погашенія долговъ» и комиссію для той же цѣли и заключить внутренній заемъ. Но сейчасъ же этотъ планъ былъ нарушенъ, и для покрытія дефицита выпустили ассигнацій на 43 милл. руб.; внутренній заемъ далъ всего 6½ милл. руб., а отъ продажи государственныхъ имуществъ сумѣли выручить всего $^1/_5$ предположенной суммы. Когда же Сперанскій въ мартѣ 1812 г. былъ отставленъ отъ дѣлъ, правительство полностью отвергло его планъ, сохранивъ, впрочемъ, введенные въ 1810 г. «временные» налоги, за исключеніемъ одного налога съ помѣщичьихъ имѣній, который вызвалъ сильный ропотъ дворянства. Закономъ 29 августа 1810 г. въ связи съ преобразованіемъ министерствъ былъ введенъ новый порядокъ составленія росписи доходовъ и расходовъ, но онѣ попрежнему составлялись и исполнялись неправильно; расходовали больше, чѣмъ было назначено, и часто не на то, на что было назначено; государственные долги скрывались, отчеты объ исполненіи государственныхъ росписей составлялись съ опозданіемъ въ нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ, за первыя 11 лѣтъ царствованія Александра I наши финансы нисколько не улучшились.

Война 1812 года еще болѣе ухудшила финансовое положеніе государства, потребовавъ большихъ затратъ и разоривъ значительную часть страны. На покрытіе военныхъ расходовъ съ 1812 г. по 1816 г. было выпущено 244.429.300 р. ассигнацій, и въ 1817 г. ассигнацій было на 836 милл. р. Правда, къ 1823 году ихъ количество уменьшили до 595.776.310 р., благодаря выпуску внутреннихъ займовъ, деньги отъ которыхъ пошли на выкупъ ассигнацій, но это подняло цѣну ассигнацій всего на 1 коп., въ то время какъ внутренній долгъ значительно увеличился. Министромъ финансовъ въ это время былъ гр. Гурьевъ (назначенный еще въ 1810 г., но до паденія Сперанскаго не игравшій самостоятельной роли въ финансовой политикѣ), человѣкъ недалекій и несвѣдущій. Онъ совершенно былъ не способенъ вывести государство изъ тогдашнихъ финансовыхъ затрудненій и ограничивался тѣмъ, что, такъ сказать, клалъ заплаты на старое рубище финансоваго управленія. Благодаря связямъ въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, онъ продержался на своемъ посту до 1823 г., и потому не мудрено, что, по словамъ Канкрина, даже въ 1823 г., «не всѣ еще раны 1812 г. зажили».

Положеніе государственной казны послѣ 1812 г. было настолько затруднительно, что въ 1812—15 гг. не было уплачено 18 мил. гульденовъ %% по голландскому займу, который равнялся 10.100.000 гульденовъ. Но въ то же время правительство увеличивало внутренній долгъ. Желая сократить количество ассигнацій, оно, преобразовавъ въ 1817 г. комиссію погашенія долговъ, выпустило въ 1817—18 гг. два внутреннихъ займа изъ 6% на сумму 114.520.459 р. ассигнацій; но такъ какъ бумаги займа покупались ниже нарицательной цѣны, то вмѣсто этой суммы было выручено только 97.128.140 р. ассигнацій, платить же %% приходилось на сумму 114.820.459 р. Не больше успѣха имѣли и три другіе займа, выпущенные вслѣдъ за этимъ. Къ этимъ внутреннимъ долгамъ и прежнимъ внѣшнимъ присоединились два новыхъ внѣшнихъ займа, заключенные въ 1822—23 гг. Одинъ изъ нихъ далъ 68,3% нарицательной суммы, а другой—72,6%, и казна получила по нимъ 58.578.300 р. сер. Благодаря такой политикѣ гр. Гурьева, процентнаго долга къ концу царствованія Александра I было 208 милл. руб. сер. или 728 милл. руб. на ассигнаціи, а кромѣ того, ассигнацій, которыя считались безпроцентнымъ долгомъ, было на 595 милл. руб.;

другими словами, весь государственный долгъ въ это время равнялся въ ассигнацiяхъ 1.323 милл. руб. За 25 лѣтъ царствованiя Александра I онъ возросъ на 1.048 милл. руб. ассигнацiй. Таковъ былъ одинъ изъ результатовъ политики гр. Гурьева.

Система налоговъ при гр. Гурьевѣ не измѣнилась, но зато увеличилась ихъ тяжесть, и, напримѣръ, подушная подать съ ревизской души равнялась въ концѣ царствованiя Александра I 3 руб. 30 коп., увеличившись съ 1797 г. въ 4 раза; въ нѣкоторыхъ губернiяхъ къ тому же за право винокуренiя уплачивалось еще крестьянами по 2 руб. съ ревизской души, а мѣщанами — по 8 руб. 30 коп. Переходившiе между ревизiями изъ одного состоянiя въ другое или изъ одной губернiи въ другую уплачивали вдвойнѣ: по прежнему состоянiю или мѣстопребыванiю и по новому. Кромѣ возвышенiя старыхъ налоговъ, правительство прибѣгало для изысканiя средствъ къ введенiю новыхъ; такъ, въ 1816 г. и въ 1818 г. были введены налоги на постройку и содержанiя дорогъ и устройство водяныхъ сообщенiй. Общая сумма подушныхъ сборовъ, оброчной подати и другихъ прямыхъ податей и сборовъ съ 45 милл. руб. въ 1805 г. поднялась до 121 милл. руб. въ 1825 г. Но ложась тяжелымъ бременемъ на населенiе, и притомъ, главнымъ образомъ, на неимущiе классы, этотъ ростъ налоговъ давалъ казнѣ меньше, чѣмъ ей было нужно, о чемъ свидѣтельствуютъ, напримѣръ, многочисленные займы. Однако быстрый ростъ прямыхъ налоговъ мы наблюдаемъ лишь въ отношенiи тѣхъ изъ нихъ, которые падали на низшiе классы населенiя. Какъ мы уже видѣли, правительство очень быстро отказалось отъ налога на дворянскiя имѣнiя (по 50 коп. съ ревизской души) и послѣ этого долго не рѣшалось посягнуть на карманъ высшихъ классовъ населенiя. Въ 1821 г. гр. Гурьевъ представилъ въ Государственный Совѣтъ проектъ установленiя пошлинъ на наслѣдства; такъ какъ онъ затрогивалъ интересы имущихъ классовъ, то встрѣтилъ въ Государственномъ Совѣтѣ такую рѣзкую оппозицiю, что Гурьевъ долженъ былъ отказаться отъ него. Такимъ образомъ, дворянству удалось въ царствованiе Александра I сохранить за собой тѣ податныя привилегiи, которыми оно пользовалось раньше.

Въ области косвенныхъ налоговъ и въ частности въ сферѣ таможенной системы политика правительства при Александрѣ I отличалась неопредѣленностью и неустойчивостью: запретитель-

ные тарифы смѣнялись тарифами, построенными на принципѣ свободной торговли, и обратно, при чемъ эти перемѣны зависѣли часто отъ совершенно постороннихъ обстоятельствъ: вліяніе тильзитскаго мира, съ одной стороны, вѣнскаго конгресса—съ другой, идей націонализма послѣ 1812 г. — съ третьей, все это оказывало свое вліяніе на таможенную политику правительства, колебанія которой вредно отражались на развитіи торговли и промышленности.

Въ виду всего этого, разумѣется, и во вторую половину царствованія Александра I дефициты составляли самое обычное явленіе въ росписяхъ доходовъ и расходовъ, и если смѣты, составленныя съ дефицитомъ, дѣлали потомъ бездефицитными, то достигалось это совершенно искусственно — произвольнымъ возвышеніемъ по смѣтѣ доходовъ и не приводившимся въ исполненіе сокращеніемъ расходовъ, и при исполненіи росписи дефицитъ получался. Въ 1816 г. Гурьевъ, чтобы обезпечить казну отъ дефицитовъ, представилъ проектъ плана финансовъ, который повторялъ осужденныя имъ за 4 года до этого основныя положенія плана Сперанскаго. Между прочимъ Гурьевъ просилъ содѣйствія императора въ томъ, чтобы министры не выходили изъ предѣловъ смѣтъ, для нихъ назначенныхъ (еще въ 1814 г. при составленіи росписи на 1815 г. были назначены, но безуспѣшно, предѣльныя смѣты по каждому вѣдомству). Въ 1822 г. назначили на 1823 г. каждому министерству опредѣленную сумму, на экстренные расходы опредѣлили 12 милл. рублей и запретили кому-либо, кромѣ министра финансовъ, представлять къ подписи указы о чрезвычайныхъ расходахъ. Но изъ этого ничего не вышло, и расходы продолжали расти: въ 1816 г. они равнялись 428 милл. р. и потомъ все увеличивались, поднявшись въ 1820 г. до 500 милл. р., и лишь потомъ Канкринъ достигъ сокращенія въ расходахъ, уменьшивъ ихъ до 379 милл. руб. въ 1827 г., при чемъ наибольшее сокращеніе коснулось министерства финансовъ и военнаго. Наличность дефицитовъ въ это время станетъ для насъ еще очевиднѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ 1822—23 гг. на покрытіе *обыкновенныхъ* государственныхъ расходовъ затрачено свыше 55 милл. руб. изъ суммъ, вырученныхъ отъ внѣшнихъ займовъ, и позаимствовано свыше 36 милл. руб. изъ государственныхъ кредитныхъ установленій.

Таковы были печальные результаты управленія министерствомъ финансовъ гр. Гурьева. Въ 1823 г. онъ получилъ, наконецъ,

отставку, а его мѣсто занялъ гр. Е. Ф. Канкринъ, дѣятельность котораго на посту министра финансовъ (съ 1823 г. по 1844 г.) представляетъ важный моментъ въ исторіи нашего денежнаго хозяйства.

II.

Положеніе финансовъ въ нач. царств. Николая I.

Положеніе нашихъ финансовъ въ 1823 г., въ моментъ вступленія въ управленіе финансовымъ вѣдомствомъ Канкрина, одинъ изслѣдователи характеризуетъ такъ: «Дефицитъ равнялся $^{1}/_{14}$ всѣхъ доходовъ, мануфактурная промышленность находилась въ жалкомъ состояніи, торговля въ застоѣ, обороты денегъ медленны, хлѣбъ дешевъ, поступленіе податей слабо, казна не имѣла довѣрія по неаккуратности ея платежей, государственный кредитъ потрясенъ,—все это результатъ войны 1812 года; надъ нами тяготѣлъ безпроцентный долгъ въ видѣ ассигнацій, цѣна которыхъ упала, звонкой монеты было мало, бумажныя и мѣдныя деньги постоянно колебалась въ цѣнѣ». Такимъ образомъ, Канкрину предстояла трудная задача; ему нужно было установить равновѣсіе между расходами и доходами, упорядочить денежную систему, возстановить государственный кредитъ, улучшить отчетность, поднять экономическую жизнь страны. Что же сдѣлалъ Канкринъ для упорядоченія нашихъ финансовъ?

Излагая въ отчетѣ за 1826 г. имп. Николаю основанія своей системы, Канкринъ признавалъ необходимымъ «изворачиваться естественными доходами государства, а потому избѣгать новыхъ займовъ, особливо заграничныхъ». Дѣйствительно, въ первые годы своего министерства Канкрину удалось даже сократить государственные долги: въ 1826—28 гг. внутренній долгъ сократился на 6 милл. руб. сер. и по голландскому внѣшнему займу было погашено по 500 тыс. гульденовъ въ годъ. Но въ апрѣлѣ 1828 г. началась война съ Турціей, и только что закончилась персидская война, начавшаяся въ 1826 г. и стоившая около 25 милл. р. асс., и Канкринъ уже не могъ «извернуться» естественными доходами государства, а потому въ 1829 г. былъ заключенъ «второй 5-процентный голландскій заемъ» на 42 милл. гульденовъ, при чемъ исправность уплатъ по займу пришлось обезпечить питейными сборами и таможенными пошлинами Лифляндіи, Финляндіи и Петербургской губерніи. Выручено было по этому займу довольно много — 39.937.800 гульденовъ, т.-е.

95,03% нарицательной суммы. Затѣмъ возстаніе въ Польшѣ вызвало новый заемъ въ Голландіи на 20 милл. руб. сер., но выручено было по этому займу только 15.864.000 руб. сер., т.-е. нѣсколько болѣе $^3/_4$ нарицательной суммы. Однако уже въ 1832 г., въ виду истощенія военнаго фонда, былъ заключенъ 4-й заемъ, давшій нѣсколько болѣе третьяго. Тѣмъ не менѣе, казна все-таки нуждалась въ деньгахъ, и потому Канкринъ дѣлалъ «позаимствованія» изъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Такъ, только въ 1828—29 гг. изъ заемнаго банка было взято болѣе 21 милл. руб. сер., а всего съ 1826 г. по 1833 г. долгъ казначейства заемному банку увеличился съ 19 милл. руб. сер. до 54½ милл. руб. Кромѣ того изъ сохранныхъ казенъ было взято 24 милл. руб. сер. слишнимъ, и долгъ имъ, было уменьшившійся съ 1826 г. по 1829 г. на 6 милл. руб. сер., увеличился къ 1 января 1833 г. до 32½ милл. рубл. сер. Наконецъ въ 1824 г., по мысли Канкрина, было выпущено 5 тыс. рекрутскихъ квитанцій по 2 тыс. асс. каждая, что вызвало въ обществѣ противъ него сильное неудовольствіе.

Положеніе нашихъ финансовъ въ началѣ 30-хъ годовъ было затруднительнымъ еще потому, что въ это время Россію постигли неурожай и холера. Выпускать новыя ассигнаціи было нельзя изъ опасенія уронить ихъ курсъ. Въ виду этого Канкринъ обратился къ слѣдующему средству: были выпущены билеты государственнаго казначейства (серіи) на 30 милл. руб. сер. Каждый билетъ стоилъ 250 руб. и приносилъ 4,32%; черезъ 4 года казна должна была погасить всѣ выпущенные билеты, уплативъ ихъ стоимость владѣльцамъ.

Съ 1833 г. по 1840 г. въ виду относительнаго военнаго спокойствія внѣшнихъ займовъ не дѣлалось, но такъ какъ, съ одной стороны, повторявшіеся время отъ времени неурожаи, съ другой — такія предпріятія, какъ поддержка «монархическихъ правъ» турецкаго султана противъ возставшаго на него египетскаго паши Магмета-Али, стоившая намъ около 5 милл. руб., приводили къ превышенію расходовъ надъ доходами, то и въ это время Канкринъ не могъ «изворачиваться» обыкновенными доходами, и долгъ казначейства заемному банку и сохраннымъ казнамъ продолжалъ увеличиваться. Кромѣ того, послѣ неурожая 1833 г. были выпущены билеты государственнаго казначейства на 70 милл. руб. асс. Выпуски ихъ продолжались и позже и

пользовались успѣхомъ, такъ какъ они приносили опредѣленный доходъ владѣльцамъ и ходили, какъ наличныя деньги, цѣна ихъ не колебалась, они принимались во всѣ казенные платежи и залоги, %% по нимъ уплачивались въ любомъ казначействѣ; всего въ 1855 г. ихъ было въ обращенiи на 75 милл. руб. сер.

Въ 1840 г. выяснилась необходимость опять прибѣгнуть къ внѣшнему займу; денежный рынокъ въ Западной Европѣ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мира улучшился; накопились сбереженія и спросъ на государственныя бумаги усилился. Заемъ былъ заключенъ на 25 милл. руб. сер. изъ 4%, но выручено было около $^4/_5$ всей суммы. Затѣмъ въ послѣдніе годы было заключено еще нѣсколько займовъ для сооруженія желѣзной дороги отъ Петербурга до Москвы. Послѣдній заемъ въ царствованіе Николая I былъ заключенъ въ 1854 г. для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ по Крымской кампаніи. Всего же процентныхъ долговъ, записанныхъ въ долговую книгу къ 1855 г., было 842 милл. руб. сер., т.-е. съ конца царствованія Александра I они увеличились на 634 милл. руб. сер.; безпроцентный же долгъ въ кредитныхъ билетахъ къ 1855 г. составлялъ 356,3 милл. руб. сер., и значитъ, весь долгъ государства въ концѣ царствованія Николая I равнялся 1 милліарду 198 милл. руб. сер. Такимъ образомъ, мы видимъ, что цѣль, поставленная Канкринымъ въ 1826 г., совершенно не была достигнута, казначейство не «изворачивалось» естественными доходами государства, которое и теперь, какъ и при Александрѣ I, продолжало жить не по средствамъ; перемѣны къ лучшему, такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи не произошло.

Но не только сокращеніе долговъ и приведеніе расходовъ въ равновѣсіе съ доходами стояли на очереди при вступленіи въ министерство финансовъ Канкрина. Не менѣе необходимо было упорядочить денежное обращеніе, которое, какъ уже указано выше, должно было внушать самые серьезныя опасенія. Канкринъ считалъ неправильнымъ, въ противоположность Гурьеву, заключеніе займовъ для сокращенія количества ассигнацій, такъ какъ 1) этимъ налагалось на казну тяжелое бремя по уплатѣ %%, 2) капиталы этимъ отвлекались отъ промышленности, а 3) спросъ на бумажныя деньги въ виду ихъ удобства въ житейскомъ оборотѣ существовалъ, и бумажныхъ денегъ на 500—600 милл. руб. для всей Россіи вовсе не было много; нужно было только, чтобы бумажныя деньги имѣли опредѣленную постоянную цѣну и не мѣняли курсъ такъ, какъ ассигнаціи, и

стоили бы въ переводѣ на серебро столько, сколько на нихъ было обозначено. Поэтому Канкринъ не только не хотѣлъ уничтожать бумажныхъ денегъ, но, наоборотъ, имѣлъ цѣлью сохранить ихъ и дать имъ важное мѣсто въ народно-хозяйственномъ оборотѣ. Цѣна ассигнацій стала падать съ тѣхъ поръ, когда ихъ количество перестало соотвѣтствовать запасу металлическихъ денегъ въ казнѣ. Поэтому Канкринъ пошелъ совершенно правильной дорогой, поставивъ себѣ съ самаго начала задачей накопленіе въ казнѣ металлическаго запаса денегъ. Для этого, въ противоположность Гурьеву, онъ расширилъ пріемъ звонкой монеты въ казенные платежи, тогда какъ тотъ всячески его затруднялъ, думая, что требованіемъ взноса ассигнаціями онъ подниметъ ихъ цѣнность и такъ сказать авторитетъ въ глазахъ населенія. Благодаря такой политикѣ Канкрина (и общихъ условій экономической жизни страны), курсъ ассигнацій сталъ подниматься: въ 1830 г. онѣ стояли $26^1/_3$ коп., а въ 1839 г. — $33^1/_3$ коп., чего никакъ не могъ достичь Гурьевъ, а съ другой стороны, къ 1839 г., когда Канкринымъ была проведена его денежная реформа, удалось собрать въ казнѣ звонкой монеты на 96,3 милл. руб. (по счету на ассигнаціи). Что же касается самой денежной реформы 1839 г., то она заключалась въ слѣдующемъ.

Реформа Канкрина.

Въ возстановленіе правилъ 20 іюня 1810 г. (проведенныхъ при Сперанскомъ) объявлялось, что серебряная русская монета является государственной платежной монетой, а серебряный рубль главной монетной единицей; поэтому всѣ подати, повинности, сборы и т. п. должны были теперь исчисляться въ серебряныхъ рубляхъ, ассигнаціи же были теперь объявлены только вспомогательнымъ знакомъ цѣнности и для нихъ установленъ *обязательный* курсъ — 3 р. 50 коп. ассигнаціями приравнивались 1 серебряному рублю; по этому курсу должны были производиться всѣ расчеты съ казной и частными лицами, при чемъ казначейство должно было свободно обмѣнивать по этому курсу ассигнаціи на серебро и обратно, выдавая, однако, каждому отдѣльному лицу на руки не болѣе 100 руб. сер.; прибавки къ курсу ассигнацій и взиманіе %% за промѣнъ одной монеты на другую были запрещены. Для того, чтобы еще увеличить запасъ звонкой монеты, былъ введенъ 1 января 1840 г. пріемъ вкладовъ серебряной монеты въ депозитную кассу, которая выдавала въ удостовѣреніе взноса особые билеты (депозитные)

на 3, 5, 10 и 25 руб. сер. Эти билеты должны были ходить какъ серебряная монета, безъ всякихъ колебаній въ цѣнѣ и свободно обмѣниваться на серебро и обратно. Эти «депозитки» удовлетворяли, такимъ образомъ, потребности въ бумажныхъ деньгахъ и были свободны отъ тѣхъ ихъ недостатковъ, которыми страдали ассигнаціи. Вслѣдствіе слабаго вначалѣ прилива серебра въ депозитную кассу, было разрѣшено принимать не только монету, но также серебряные и золотые слитки. Депозитная касса была закрыта въ 1843 г., и ею было принято за время ея существованія вкладовъ на 54,6 милл. руб., а взято изъ нихъ обратно только 6 милл. руб.; такимъ образомъ, въ обращеніи было депозитокъ на сумму около 48½ милл. руб.

Депозитки ходили одновременно съ ассигнаціями. Но Канкринъ на этомъ не остановился. Не имѣя въ виду уничтожить бумажныя деньги, онъ считалъ необходимымъ уничтожить ассигнаціи, замѣнивъ ихъ такими новыми бумажными знаками, которые исчислялись бы на серебро и имѣли постоянную, опредѣленную цѣнность. Для этого въ 1841 г. были выпущены кредитные билеты на 30 милл. руб. по 50 руб. каждый, съ выдачей ихъ въ ссуды подъ заемъ недвижимыхъ имѣній изъ сохранныхъ казенъ и государственнаго заемнаго банка; ходить они должны были наравнѣ съ серебряной монетой. Для того, чтобы дать имъ устойчивую цѣнность, было объявлено, что они обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государственныхъ кредитныхъ установленій и безостановочно размѣниваются на звонкую монету. Чтобы этотъ обмѣнъ могъ безпрепятственно совершаться, было установлено, чтобы не менѣе $^1/_6$ части выпущенныхъ билетовъ было обезпечено звонкой монетой въ кладовыхъ государственнаго казначейства. Послѣ этого, въ 1843 г., ими были замѣнены ассигнаціи, а затѣмъ постепенно для единообразія и депозитные билеты были замѣнены кредитными или «кредитками», какъ ихъ стали называть, въ 50, 25, 10, 3 и 1 руб., и въ 1851 году былъ законченъ обмѣнъ ассигнацій, а черезъ 2 года — депозитокъ.

Такъ завершилась реформа денежнаго обращенія, уничтожившая ассигнаціи и замѣнившая ихъ кредитками, размѣнными по нарицательной цѣнѣ на серебро и обязательно принимаемыми во всѣ платежи. Однако государство и послѣ этого не вполнѣ освободилось отъ возможности тѣхъ затрудненій, которыя оно раньше переживало съ ассигнаціями. Въ 1848—49 гг. были усиленные рас-

ходы, стоявшіе въ связи съ революціоннымъ движеніемъ на Западѣ и войной на Кавказѣ; неурожай 1847 г. вызвалъ вздорожаніе цѣнъ на хлѣбъ и провіантъ для войска; нужда въ деньгахъ вела къ усиленнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, которые въ то же время стали усиленно предъявляться къ обмѣну; съ другой стороны, неурожай заставилъ разсрочить взносы платежей помѣщиками, что сократило средства банковъ. Все это серьезно грозило только что проведенной, но еще не окрѣпшей денежной реформѣ, и являлось опасеніе возможнаго паденія цѣны кредитокъ; запретительными мѣрами усиленный обмѣнъ кредитокъ на серебро былъ вскорѣ остановленъ, но не надолго. Въ 1853 г. началась Крымская война, которая потребовала заключенія внѣшняго займа въ 1854 г. и вызвала усиленный выпускъ кредитокъ. Тогда началось то же, что было раньше съ ассигнаціями: кредитные билеты стали усиленно предъявляться къ обмѣну, и цѣна ихъ начала падать. Хотя обмѣнъ этотъ всячески стѣсняли, а вывозъ золота за границу совсѣмъ запретили, однако курсъ кредитокъ продолжалъ быть неустойчивымъ.

Такимъ образомъ въ денежной реформѣ Канкринъ не вполнѣ достигъ поставленной цѣли. Онъ шелъ въ своей реформѣ правильнымъ путемъ, но вся совокупность тогдашнихъ условій жизни, вся внутренняя и особенно внѣшняя политика государства, переходъ къ новымъ формамъ хозяйства, наконецъ, нѣкоторые недостатки самой реформы,— все это не давало возможности сдѣлать ее прочной, закрѣпить ея результаты. Торговопромышленная жизнь страны и народнохозяйственные обороты при господствѣ крѣпостного права попрежнему развивались слабо, а съ другой стороны, Россія дѣятельно вмѣшивалась въ дѣла Западной Европы, выступивъ въ 1849 г. даже въ роли охранителя австрійскаго абсолютизма, что стоило нашей казнѣ около 42 милл. руб. Такимъ образомъ, повторяемъ, и теперь, какъ при Александрѣ I, государство жило не по средствамъ.

Налоговая политика.

Налоговая политика правительства Николая I отличалась рутинностью и узко-сословнымъ характеромъ. Государство попрежнему жило, главнымъ образомъ, косвенными налогами, въ прямомъ же обложеніи никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. Дворянско-чиновническое правительство Николая I старательно избѣгало всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя затрогивали интересы «первенствующаго» сословія и не рѣшалось посягнуть на его карманъ.

Въ области торговли и промышленности нѣкоторое пониженіе пошлинъ по внутренней торговлѣ, большая правильность въ порядкѣ ихъ распредѣленія и взиманія не могли принести сколько-нибудь существенныхъ результатовъ. Иностранные капиталы привлекались въ Россію мало, а своихъ почти не было; городская жизнь въ Россіи попрежнему была развита слабо, и % городского населенія былъ невеликъ. Канкринъ думалъ добиться увеличенія городского населенія посредствомъ облегченныхъ условій приписки къ городскимъ обществамъ лицъ, которымъ по закону было предоставлено право избирать родъ жизни — казенные крестьяне, вольноотпущенники, уволенные церковники и разныя свободныя лица, не принадлежащія къ городскому населенію; но такихъ было мало, масса народа оставалась крѣпостной и имѣла возможность заниматься торговопромышленными дѣлами лишь съ согласія помѣщика. Такимъ образомъ, только отмѣна крѣпостного права могла существенно увеличить торговопромышленный классъ и тѣмъ двинуть впередъ торговлю и промышленность, но въ этомъ вопросѣ правительство Николая I дальше указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ не пошло.

Избѣгая всякихъ принципіальныхъ реформъ въ области налоговъ, правительство Николая I старалось «оборачиваться» со старыми. При Канкринѣ былъ повышенъ подушный сборъ на государственныя земскія повинности, т.-е. на почтовые, дорожные, полицейскіе, этапные и т. п. расходы, съ 17 коп. до 96 коп., была повышена цѣна гербовой бумаги (для покрытія дефицита 1842 г.), введенъ цѣлый рядъ шоссейныхъ сборовъ. Но увеличеніе налоговъ увеличивало недоимки: послѣ того, какъ въ 1826 — 28 гг. ихъ было сложено на сумму 82 милл. руб., уже въ 1829 г. ихъ числилось на 178 милл. руб., а въ 1834 г.—на 201 милл. руб. Несмотря на это, Канкринъ хотѣлъ еще повысить подушный окладъ, но имп. Николай I не согласился на это.

Откупа. Что касается косвенныхъ налоговъ при Николаѣ I, то тутъ прежде всего необходимо остановиться на возстановленіи винныхъ откуповъ. Откупа состояли въ томъ, что право заготовленія вина и его продажи въ извѣстной мѣстности продавалось частнымъ лицамъ съ торговъ; «откупивъ» это право, откупщики сами уже выбирали съ населенія уплаченную ими сумму, разумѣется, съ процентами. Система откуповъ вызывала недовольство въ обществѣ, такъ какъ откупщики всячески, конечно, старались увеличить потребленіе водки, чтобы усилить свои

доходы, отъ чего народное пьянство все возрастало; съ другой стороны, львиная доля барышей при этой системѣ шла мимо казны въ карманъ откупщиковъ. Въ 1817 г. откупа были отмѣнены, и казна взяла на себя завѣдываніе продажей водки. Канкринъ рѣшилъ возстановить откупа. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ, въ маѣ 1826 г., онъ говорилъ, правда, что «при казенномъ управленіи потребленіе вина уменьшилось, а доходъ казны усилился и былъ выше откупного на нѣсколько милліоновъ рублей въ годъ», но, съ другой стороны, онъ утверждалъ, что «казенное управленіе показало то важное неудобство, что всѣ злоупотребленія по этой части обращались непосредственно въ упрекъ правительству, сословіе чиновниковъ развращалось, а публика приписывала затруднительное время и дешевизну хлѣба отмѣнѣ откуповъ». «Такъ,—прибавляетъ потомъ Канкринъ,—когда кто-то спросилъ объ одномъ губернаторѣ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то отвѣтъ былъ: «Проситься въ вице-губернаторы» (они завѣдывали казенной продажей питей). О нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ (т.-е. вице-губернаторахъ), удаленныхъ и преданныхъ суду, говорили, что они блаженствуютъ подъ судомъ». Затѣмъ Канкринъ высказывалъ такія поистинѣ поразительныя мысли, характерныя, однако, для него и тогдашняго времени. «Если, — писалъ онъ, — пьянство того времени уменьшилось, то это происходитъ болѣе отъ перемѣны нравовъ, но *желать должно* (курсивъ нашъ), чтобы *умѣренное* потребленіе вина между простолюдинами *умножалось*, ибо, послѣ крайняго сокращенія заграничнаго хлѣбнаго торга, въ государствѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ главное занятіе, а городовъ мало, хлѣбъ можетъ находить свое употребленіе только превращеніемъ въ вино». Эти разсужденія Канкрина показались настолько убѣдительными, что 1 сентября 1827 г. откупа были возстановлены. Первымъ результатомъ этого было, конечно, увеличеніе пьянства, и черезъ 11 лѣтъ Канкринъ съ радостью констатировалъ въ своемъ докладѣ, что на торгахъ по 3 губерніямъ откупщики «наддали» 25% къ прежней откупной суммѣ (то же было и по другимъ губерніямъ); но откупщики, конечно, не сдѣлали бы этого, если бы пьянство не увеличилось и ихъ обороты вслѣдствіе этого не возросли (приростъ населенія, особенно въ крестьянской средѣ, былъ тогда такъ незначителенъ, что не имъ, конечно, надо объяснять указанный фактъ — ростъ потребленія водки). Затѣмъ казна стала терпѣть убытки, какъ

это было и раньше при откупахъ, но, тѣмъ не менѣе, они продержались до 60-хъ годовъ XIX в. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы поддерживать «перемѣну нравовъ» — сокращеніе пьянства, искоренять злоупотребленія чиновниковъ, повышать сбытъ хлѣба и проч., Канкринъ сознательно извлекалъ доходы изъ народнаго порока, равнодушно смотря на его развитіе, но зато утѣшая себя тѣмъ, что правительство тутъ якобы ни при чемъ, оно умываетъ руки, общество же все свое негодованіе должно обратить на откупщиковъ.

Перечисляя свои заслуги въ отчетѣ, представленномъ Николаю I послѣ выхода своего въ отставку, Канкринъ особенно подчеркивалъ то, что при немъ министерство финансовъ ввело лишь одинъ новый косвенный налогъ—на табакъ. Но объясняется это вовсе не заботами о неимущихъ классахъ населенія, а заботой объ интересахъ промышленниковъ и опасеніями повредить искусственно создаваемой русской промышленности, которая могла существовать только при сильномъ покровительствѣ казны. Естественно, что всякій налогъ на промышленность возбуждалъ недовольство и обвиненія въ недостаткѣ заботливости объ отечественномъ производствѣ, чѣмъ прикрывалась просто забота о своемъ карманѣ, а между тѣмъ такіе налоги давали казнѣ очень мало. Такъ, табачнаго налога поступило въ 1839 г. 601½ тыс. рубл., а *черезъ 15 лѣтъ*—всего лишь 1.701.000 рубл. Почти то же случилось и съ налогомъ на свеклосахарное производство, который былъ введенъ уже послѣ Канкрина, въ 1848 г. Хотя это производство появляется у насъ еще въ началѣ XIX в., но налога съ него въ 1849 г. поступило всего 70 тыс. рубл., а черезъ 6 лѣтъ, въ 1855 г., лишь въ 5½ разъ больше. Что же удивительнаго послѣ этого въ томъ, что налоговъ на промышленность почти не вводилось?

Таможенная система.

Въ вопросахъ таможенной политики правительство при Канкринѣ держалось охранительной системы. Первыя измѣненія ея (послѣ тарифа 1822 г.) произошли въ 1825 г.; пошлины со многихъ вывозныхъ товаровъ были уменьшены, съ нѣкоторыхъ — сняты совсѣмъ; правда, съ другой стороны, былъ разрѣшенъ ввозъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ ранѣе товаровъ, но все это были не предметы первой необходимости, потребляемые всѣмъ народомъ, а предметы роскоши, потребляемые богатыми классами населенія. Черезъ нѣсколько лѣтъ списокъ запрещенныхъ къ ввозу товаровъ былъ еще сокращенъ, но пошлины на нѣкоторые привозимые товары вновь повышены. Польское возстаніе вызвало не

только заключеніе займа (какъ было указано), но и увеличеніе пошлинъ на *всѣ* привозимые товары на 12½%, «впредь до усмотрѣнія». Когда черезъ нѣсколько времени была «усмотрѣна» возможность уничтожить хотя отчасти эту надбавку, то это уничтоженіе коснулось преимущественно такихъ товаровъ, какъ какао, кофе, пряности, кружева, потребляемыхъ имущими классами населенія, или такихъ, какъ олово, ртуть, свинецъ, нужныхъ для нашей промышленности. Новый общій таможенный тарифъ былъ введенъ въ 1841 г., и по нему опять сдѣланы надбавки на ввозныя пошлины. Такимъ образомъ, при Канкринѣ правительство въ своей таможенной политикѣ руководствовалось исключительно интересами промышленниковъ и мало думало о потребителѣ, на которомъ такая политика чувствительно отражалась вздорожаніемъ жизни. Тарифъ 1841 г. держался до 1850 г., когда онъ былъ замѣненъ новымъ, построеннымъ подъ вліяніемъ распространившихся тогда въ Западной Европѣ идей «свободной торговли» на иныхъ началахъ, чѣмъ предыдущіе тарифы, но все еще, конечно, далекимъ отъ принципа «свободной торговли». Впрочемъ, война 1853—56 гг. скоро опять возстановила запретительную систему почти во всей ея силѣ.

Дефициты.

При Канкринѣ достигнуто было, какъ указано выше, значительное сокращеніе въ смѣтахъ расхода, но распредѣленіе суммъ расхода и при немъ было почти то же, что и раньше. Въ 1826 г. изъ 384,7 милл. руб. асс. расходовъ на военное и морское министерства приходилось 171,9 мил. рубл., т.-е. немного менѣе 50% всѣхъ расходовъ, на платежъ государственныхъ долговъ, дѣлавшихся преимущественно для покрытія военныхъ расходовъ, — 52,2 мил. рубл., а на всѣ остальныя потребности — 148,6 мил. рубл., да на непредвидѣнныя издержки — 12 мил. рубл. Роспись на 1843 г. даетъ еще болѣе внушительныя цифры: изъ 183½ мил. рубл. сер. расхода на министерства военное и морское и платежъ государственныхъ долговъ приходилось 100½ мил. рубл. сер. Такую же картину даютъ и росписи, составленныя преемниками Канкрина.

Сокращеніе расходовъ, достигнутое Канкринымъ въ 1824—27 гг., смѣнилось потомъ въ виду указанныхъ выше причинъ ихъ усиленнымъ ростомъ. Кромѣ того, равновѣсіе въ росписяхъ доходовъ и расходовъ нарушалось постоянными передержками противъ смѣты, которыя, напримѣръ, въ 1832 г. составили 40 мил. рубл., а въ 1833 г. — 27 мил. рубл. Еще при Александрѣ I про-

тивъ этого пробовали принимать мѣры, пытаясь заставить министровъ держаться тѣхъ цифръ расхода, которыя были назначены по каждому министерству, но безуспѣшно. Не больше результатовъ дали аналогичныя попытки и при всесильномъ Николаѣ I, и, напримѣръ, за время 1826—33 гг. расходы никогда не покрывались поступившими доходами, а получившійся дефицитъ колебался въ предѣлахъ отъ 2,3 милл. руб. до 23,2 милл. руб., такъ какъ всѣ предположенія министра финансовъ, не имѣвшаго ни одной копейки свободныхъ денегъ, постоянно нарушались сверхсмѣтными расходами. Въ одномъ только 1826 г. эти сверхсмѣтные расходы превысили 17 милл. руб. асс., изъ которыхъ на похороны Александра I было истрачено 1.377.024 руб. и на коронацію Николая I — 2.779.669 рубл. Съ дефицитами заканчивались и многіе послѣдующіе годы: въ 1834 г. дефицитъ равнялся болѣе 8½ милл. руб. сер., въ 1835 г. — около 2 милл. руб. сер., въ 1840 г. — 6 милл. руб. сер., въ 1841 г. — 20 милл. руб. сер. въ 1842 г. — 11½ милл. руб. сер. Послѣ Канкрина дефициты были еще выше, составивъ за 1848—50 гг. — 150 милл. руб., а за 1853—4 гг. — 178 милл. руб.

Такимъ образомъ, къ концу первой половины XIX в. финансы Россіи были почти въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ за 80 лѣтъ до этого. Улучшилось, правда, за это время, благодаря преимущественно дѣятельности Канкрина, дѣлопроизводство по финансовой части (по Департаменту разныхъ податей и сборовъ было отмѣнено въ 1831 г. болѣе 10 тыс. лишнихъ вѣдомостей въ годъ), улучшился личный составъ министерства финансовъ, но основы финансовой политики остались прежнія. Роспись доходовъ и расходовъ попрежнему составляла государственную тайну, а дефициты (напримѣръ, въ 1850 г.) скрывались даже отъ Государственнаго Совѣта. За 50 лѣтъ правительство не научилось жить по средствамъ, и потому государственный долгъ Россіи росъ чрезвычайно быстро, а дефицитъ составлялъ самое обычное явленіе въ нашихъ финансовыхъ смѣтахъ. Не мѣняется за это время налоговая система, всей тяжестью своей падающая на низшіе классы населенія. Въ правительственной дѣятельности по финансовой части за это время только два раза проявляется новая творческая мысль — въ планѣ Сперанскаго и въ дѣятельности Канкрина; первый изъ нихъ ушелъ съ государственнаго поприща раньше, чѣмъ успѣлъ сдѣлать что-либо для нашихъ финансовъ; второму государство было обязано единственной круп-

ной финансовой реформой всего этого 50-лѣтія—реформой денежнаго обращенія, за что онъ былъ награжденъ громаднымъ состояніемъ: съ 1824 по 1842 г. онъ получилъ 950.000 рубл., 30 тыс. десятинъ въ Бессарабіи въ потомственное владѣніе, да 2 имѣнія въ аренду, одно на 50 лѣтъ, а другое — на 12. Впрочемъ, надо признать, что при тогдашнемъ общемъ бюрократическомъ строѣ крѣпостной Россіи едва ли можно было достичь большихъ успѣховъ, хотя, съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду и многихъ личныхъ чрезвычайно отсталыхъ политико-экономическихъ воззрѣній этого министра Николая I. Канкринъ считалъ, напримѣръ, постройку желѣзныхъ дорогъ уступкой современной болѣзни, которая портитъ нравственность, и предсказывалъ, что черезъ 20 лѣтъ онѣ будутъ оставлены, какъ нѣчто безполезное; по его словамъ, «подобный способъ путешествія (по желѣзнымъ дорогамъ) способствуетъ уравненію сословій, противъ чего, конечно, можно многое сказать въ интересахъ необходимой общественной іерархіи»; въ вопросахъ торговли онъ, придерживаясь взглядовъ XVI—XVII ст., утверждалъ, что въ торговлѣ одни выигрываютъ за счетъ другихъ, какъ бы не понимая, что (при условіи честности, конечно) при обмѣнѣ выигрываютъ обѣ стороны. Впрочемъ, его предшественники и преемники на посту министра финансовъ обнаруживали еще большую отсталость и часто прямо невѣжество по вопросамъ, ввѣреннымъ ихъ руководству и разрѣшенію.

К. Сивковъ.

Помѣщичье хозяйство и бытъ крестьянъ наканунѣ реформы.

Почему дворянство обратило вниманіе на крѣпостное право.

Цѣлыя два столѣтія царило въ Россіи крѣпостное право. Дворянство, захвативъ въ свои руки огромный земельный капиталъ и овладѣвъ крестьянскимъ трудомъ, вполнѣ свыклось съ вышеназваннымъ соціальнымъ строемъ и совершенно не думало о возможности его ликвидаціи. Правда, въ деревнѣ не всегда бывало спокойно. То и дѣло въ разныхъ районахъ вспыхивали крестьянскія возстанія, охватывавшія большее или меньшее пространство, а иногда втягивавшія чуть ли не всю полосу центральной Россіи, какъ это было во время Пугачевскаго бунта и большихъ волненій въ началѣ царствованія Павла. Казалось, эти непрерывныя волненія, сопровождавшіяся поджогами, грабежами, убійствами помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, говорили за то, что, очевидно, съ крѣпостнымъ правомъ далеко не все обстоитъ благополучно, и что народная масса жаждетъ свободы и цѣною крови стремится ея добыть. Однако господствующій классъ не умѣлъ разобраться ни въ логикѣ историческихъ событій ни въ психологіи и настроеніи народной массы. Происходившія волненія объяснялись агитаціею злонамѣренныхъ людей, смущавшихъ крестьянскую совѣсть. Стоило только по-

Пособія. *Волконскій.* Условія развитія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. *Лосицкій.* Хозяйственныя условія наканунѣ паденія крѣпостного права (Образованіе, 1906 г.). *П. Струве.* Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства (Міръ Божій 1899 г.). *Лященко.* Аграрная эволюція въ Россіи. *Пичета, В.* Помѣщичье хозяйство наканунѣ реформы («Великая реформа», т. III). *Игнатовичъ.* Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. *Повалишинъ.* Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные.

слать въ деревню карательную экспедицію, арестовать и наказать, по всей строгости законовъ, виновныхъ, какъ деревня снова заживетъ своей привычной спокойной жизнью. Правда, не всѣ представители командующаго класса такъ оптимистически смотрѣли на причины волненій. Нѣкоторые изъ его среды прекрасно понимали настоящую причину періодическихъ крестьянскихъ движеній и хорошо знали, что, пока будетъ существовать крѣпостное право, эти волненія всегда будутъ хроническими. Съ ихъ точки зрѣнія, крестьянскіе бунты — это протестъ противъ крѣпостного права возмущеннаго и изстрадавшагося народа и только ликвидація его можетъ успокоить взволнованное и негодующее народное чувство. Такъ думалъ «рабства врагъ» Радищевъ. Такъ думали декабристы. Ненавидя крѣпостное право, эти друзья народа требовали его отмѣны. Гуманныя и просвѣтительныя идеи вѣка не допускали и мысли о возможности существованія такого «античеловѣческаго» соціальнаго института. Кромѣ того, бичуя крѣпостное право и выступая апологетами крѣпостного народа во имя правъ человѣческой личности, они также доказывали, что крѣпостное право — явленіе, идущее въ разрѣзъ съ интересами самого помѣщика. Помимо того, что послѣдній жилъ въ деревнѣ всегда подъ «дамокловымъ мечомъ», угрозой «пугачевщины» и долженъ былъ постоянно дрожать за свою жизнь и свое имущество, крѣпостное право вредило также матеріальнымъ интересамъ помѣщика, задерживало сельско-хозяйственный прогрессъ, увеличивало расходы по веденію хозяйства, такъ какъ свободный трудъ былъ производительнѣе и дешевле труда крѣпостного. Однако эта проповѣдь свободнаго труда прошла мимо господствующаго сословія. Она или не была имъ понята или была сознательно отвергнута, какъ очень вредная идея. Несомнѣнно, эти идеи нѣсколько опережали свой вѣкъ и были отраженіемъ не столько тщательнаго наблюденія надъ хозяйственной жизнью страны, сколько результатомъ вліянія экономическихъ доктринъ — физіократовъ и Адама Смита. Только тогда, когда жизненныя условія покажутъ всю невыгодность крѣпостного права, только тогда командующій классъ сосредоточитъ на немъ свое вниманіе и задумается надъ разрѣшеніемъ вѣковой соціальной несправедливости. Не любовь къ народу и не гуманныя чувства заставятъ дворянство подумать о скорѣйшей отмѣнѣ крѣпостного права. Нѣтъ, только сознаніе, что ликвидація крѣпостного права будетъ выгодна для помѣщичьяго хозяйства, и что переходъ отъ системы

крѣпостного труда къ вольнонаемному увеличитъ производительность и доходность его хозяйства. Съ послѣдней мыслью дворянство стало свыкаться со второй четверти XIX вѣка, когда стала воочію обнаруживаться вся убыточность крѣпостного права для интересовъ помѣщика. Тогда и былъ поставленъ на очередь крестьянскій вопросъ, который помѣщикъ стремился разрѣшить съ наибольшей для себя пользой.

Разсмотримъ теперь, въ какихъ условіяхъ развивалось помѣщичье крѣпостное право первой половины XIX вѣка, и какія новыя хозяйственныя отношенія заставляли помѣщика, вопреки своей волѣ и желанію, задуматься надъ разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса. Вторая четверть XIX вѣка составила эпоху въ экономическомъ развитии дореформенной Россіи. Довольно быстрымъ темпомъ шелъ процессъ разложенія натурально-хозяйственнаго строя и совершался переходъ къ мѣновому хозяйству. Правда, признаки разложенія отживавшаго строя уже отчетливо были видны въ XVIII вѣкѣ. Уже и тогда городъ отчасти успѣлъ отдѣлиться отъ деревни и стать рынкомъ для сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Съ развитіемъ же крупной промышленности и кустарнаго ремесла страна раздѣлилась на два района: промышленный и земледѣльческій, изъ которыхъ первый нуждался въ продовольственной помощи второго, такъ какъ своего хлѣба уже было недостаточно для потребностей населенія. Нельзя также не указать на довольно быстро развивавшійся международный товарообмѣнъ. Но развитіе денежнаго хозяйства уже въ XVIII вѣкѣ встрѣчало серьезное препятствіе со стороны крѣпостного права. Крѣпостная деревня, медленно втягиваемая въ кругъ торговыхъ отношеній, жила въ рамкахъ натуральнаго хозяйства, благодаря чему очень незамѣтно увеличивалась емкость внутренняго рынка и почти не измѣнялся % городского населенія. Новыя хозяйственныя отношенія уже въ XVIII вѣкѣ заставили помѣщиковъ подумать о приспособленіи своего хозяйства къ новымъ условіямъ экономической жизни, но это приспособленіе не подымало вопроса о выгодности или убыточности крѣпостного труда и увеличеніи барской запашки путемъ сокращенія крестьянскихъ надѣловъ.

Въ XIX вѣкѣ, несмотря на крѣпостное право, хозяйственная эволюція Россіи шла гораздо быстрѣе. Этому содѣйствовалъ цѣлый рядъ благопріятно сложившихся экономическихъ фактовъ и явленій. Необходимо отмѣтить торжество капиталистическаго

производства на Западѣ и лихорадочный ростъ англійской промышленности. Въ промышленныхъ странахъ замѣчалось естественное сокращеніе площади посѣвовъ. Благодаря быстрому росту городского населенія, ежегоднаго урожая уже не хватало для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія, вслѣдствіе чего чувствовалась постоянная нужда въ привозномъ хлѣбѣ. Конечно, этотъ промышленный прогрессъ долженъ былъ такъ или иначе отразиться на развитіи сельскаго хозяйства тѣхъ странъ, гдѣ, какъ и въ Россіи, уже и ранѣе вывозившей сырье за границу и вступившей на путь международнаго товарообмѣна, природныя условія благопріятствовали процвѣтанію сельско-хозяйственной культуры. Лучшимъ показателемъ все увеличивавшагося товарообмѣна являлись внѣшніе торговые обороты. Въ 1802 году они равнялись 86,7 милл. руб. и въ 1850 году поднялись до 230,6 милл. руб. Параллельно этому увеличились обороты внутренней торговли, но учесть ихъ дѣйствительные размѣры почти невозможно. Увеличивая свой вывозъ за границу, Россія являлась по преимуществу поставщикомъ сырья для европейской промышленности. Среди этого вывозимаго за границу сырья хлѣбъ сначала составлялъ по своей цѣнности только 15—16% всего вывоза, а накануне крестьянской реформы экспортъ хлѣба по цѣнности равнялся 30—35% всего вывоза. Такъ, въ 1846 году было вывезено за границу 51 милл. пудовъ хлѣба, а въ 1852 году вывозъ уже равнялся 66 милл. пудамъ, несмотря на то, что богатѣйшее черноземное степное пространство только начало подвергаться сельско-хозяйственной эксплуатаціи. Но для хлѣбной торговли внутренній рынокъ дореформенной Россіи имѣлъ бо́льшее значеніе, чѣмъ рынокъ внѣшній. По расчетамъ дореформенныхъ статистиковъ, въ 40—50 годахъ ежегодный урожай хлѣба составлялъ 250 милл. четв. хлѣба, изъ числа которыхъ на внутренній рынокъ поступало до 220 милл. четвертей. Но въ то время какъ емкость внѣшняго рынка быстро увеличивалась, внутренній рынокъ росъ крайне медленно. Послѣднее зависѣло отъ незначительности городского населенія, ростъ котораго задерживался крѣпостнымъ правомъ. Правда, въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ % городского населенія поднялся въ 1851 году до 7,8%. Но съ другой стороны, экономическое развитіе городовъ, за исключеніемъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго районовъ, двигалось очень медленно впередъ, такъ какъ деревня, жившая въ рамкахъ крѣпостного хозяйства, являлась незначительной покупательной силой для

города. Тѣмъ не менѣе, емкость внутренняго хлѣбнаго рынка въ теченіе полувѣка значительно увеличилась, такъ какъ населеніе промышленныхъ губерній, гдѣ преобладало оброчное крестьянство, уже не могло прокормиться своимъ хлѣбомъ и нуждалось въ привозномъ. Такъ, не хватало уже половины хлѣба въ Ярославской губерніи; крестьяне Костромской губерніи покупали на сѣмена хлѣбъ, привозимый съ приволжскихъ мѣстностей. Такое же явленіе замѣчалось въ Смоленской, Тверской, отчасти Московской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ.

Условія, задерживавшія хозяйственную эволюцію.

Развитіе денежнаго хозяйства сильно тормозилось отсутствіемъ хорошихъ путей сообщенія. За отсутствіемъ хорошихъ дорогъ у помѣщика никогда не было увѣренности въ томъ, что хлѣбъ будетъ доставленъ во-время на рынокъ, а это обстоятельство, конечно, не могло не вліять на размѣры торговыхъ оборотовъ страны. Многіе изъ помѣщиковъ даже не рисковали вывозить хлѣбъ на продажу. Правда, встрѣчались предприниматели, которые, несмотря на отдаленность отъ рынка, все-таки вывозили хлѣбъ, напрягая до послѣдней возможности извозную повинность своихъ крестьянъ. Помѣщики-предприниматели обыкновенно не стѣснялись разстояніемъ, и крестьянамъ сплошь и рядомъ приходилось отвозить хлѣбъ въ мѣстности, иногда отдаленныя отъ нихъ на 200 верстъ и болѣе. Отсутствіе дорогъ сильно вліяло на колебаніе хлѣбныхъ цѣнъ. Отъ ихъ неустойчивости сильно страдало помѣщичье хозяйство, такъ какъ благодаря этому перепутывались всѣ хозяйственные расчеты помѣщиковъ. Помѣщики, вложившіе въ землю капиталъ, конечно, не могли продавать хлѣбъ по такимъ цѣнамъ, по какимъ продавалъ его неопытный хозяинъ, не учитывавшій дарового труда и издержекъ по доставкѣ хлѣба на рынокъ. Какъ была сильна разница въ цѣнахъ на хлѣбъ, могутъ служить примѣромъ слѣдующія данныя. Лѣтомъ 1840 года въ Тулѣ куль ржаной муки продавался по 4 р. 50 коп., а зимой того же года поднялся до 23 р. 90 коп.; въ маѣ же слѣдующаго года цѣна поднялась до 55 руб. ассигнаціями за куль. Весной 1845 года на пространствѣ 600—700 вер., отдѣлявшихъ Псковскую губернію отъ Курской, разность въ цѣнахъ на рожь опредѣлялась отношеніемъ 16 : 1. Конечно, такое колебаніе цѣнъ имѣло особенное значеніе для тѣхъ губерній, которыя производили хлѣбъ на сбытъ. Къ нимъ слѣдуетъ отнести губ. Симбирскую, Воронежскую, Пензенскую, Екатеринославскую, Рязанскую, Тамбовскую, Саратовскую и Курскую.

Тѣмъ не менѣе увеличившаяся экономическая зависимость нечерноземной полосы отъ черноземной была очень выгодна для помѣщичьяго хозяйства; только при существованіи крѣпостного уклада она не могла быть использована въ полной мѣрѣ, какъ въ силу удаленности, отсутствія дорогъ, такъ и вслѣдствіе рѣзкаго колебанія хлѣбныхъ цѣнъ. Помѣщики черноземной полосы прекрасно учитывали значеніе оброчныхъ губерній въ качествѣ рынка для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Лучшимъ показателемъ послѣдняго является ростъ цѣнъ на землю въ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщики стали оцѣнивать свое имѣніе не только по количеству бывшаго въ немъ крѣпостного населенія, но и въ зависимости отъ почвенныхъ условій, отлично понимая, что при радикально измѣнившихся экономическихъ условіяхъ земельный капиталъ имѣетъ большую цѣнность для увеличенія матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ крѣпостное крестьянство, которое, въ сущности, только задерживаетъ экономическую эволюцію въ странѣ, препятствуя въ то же время извлеченію изъ земли возможно бо̀льшей ренты. Совсѣмъ иная картина въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ не земля, а крестьянинъ цѣнится, какъ главная доходная статья имѣнія. Поэтому въ губерніяхъ черноземной полосы нѣтъ особенной разницы въ цѣнахъ на землю, смотря по тому, будетъ ли она населенная или ненаселенная: такъ, напримѣръ, въ губерніи Орловской, цѣны населенныхъ земель превышали ненаселенныя на 12%, въ Тульской — на 11%, въ Воронежской — 6%, въ Курской — 5%. Въ промышленныхъ губерніяхъ разница болѣе значительна. Въ Тверской она доходила до 29%, Ярославской — 48%, Костромской — 52%; Владимирской — 43%. Такимъ образомъ, увеличеніе цѣнности ненаселенной земли можетъ служить прекраснымъ показателемъ, что для помѣщиковъ черноземной полосы крѣпостное право потеряло свое значеніе.

Интенсификація сельскаго хозяйства.

Развитіе денежнаго хозяйства и спросъ на русскій хлѣбъ за границей побуждали помѣщиковъ переходить къ болѣе интенсивнымъ способамъ веденія сельскаго хозяйства. Помѣщики-предприниматели уже не довольствуются старыми техническими пріемами и стараются по возможности примѣнять новые техническіе пріемы. Среди помѣщиковъ болѣе всего была распространена такъ называемая «аглицкая система». На Западѣ давнымъ-давно существовала плодоперемѣнная система, въ Россіи до начала XIX вѣка — рѣдкость и, пожалуй, ненужная роскошь. Въ

помѣщичьемъ хозяйствѣ начала вѣка преобладало трехполье, да и то далеко не во всѣхъ хозяйствахъ. На сѣверѣ, даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ черноземнаго юга и востока, встрѣчалось трехполье въ недоразвитомъ состояніи. Интенсификація сельскаго хозяйства больше всего сказалась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для этого были болѣе благопріятныя условія. Такими районами являлись юго-западъ и центръ. Сѣверъ и юго-востокъ остались внѣ этого движенія. Первый — въ силу неблагопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій, а второй — благодаря недостатку въ рабочихъ рукахъ, вслѣдствіе чего, несмотря на обиліе земли, никакое технически-прогрессивное хозяйство было невозможно. Интенсификація сельскаго хозяйства сказалась въ примѣненіи улучшенныхъ пріемовъ обработки земли, расширеніи барской запашки, пользованіи усовершенствованными сельскохозяйственными орудіями, въ травосѣяніи, въ попыткахъ соединить сельское хозяйство съ переработкой продуктовъ сельскохозяйственнаго производства въ другой видъ въ томъ же имѣніи.

Та же интенсификація сельскаго хозяйства, быть-можетъ, независимо отъ воли и желанія помѣщиковъ, ставила передъ ними ребромъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, такъ какъ старыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ не соотвѣтствовали задачамъ и цѣлямъ предпринимательскаго хозяйства. Помѣщику пришлось на практикѣ убѣдиться въ малой производительности крѣпостного труда; отсюда идутъ попытки приспособленія крѣпостныхъ отношеній къ новымъ хозяйственнымъ формамъ.

Увлеченіе техникой англійскаго хозяйства сказалось также въ сильномъ распространеніи такъ называемыхъ мѣсячниковъ, появившихся сначала въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, а потомъ распространившихся въ другихъ, даже малоземельныхъ губерніяхъ. Съ появленіемъ мѣсячниковъ, конечно, увеличилась барская запашка, такъ какъ вся крестьянская земля присоединялась къ помѣщичьей. Помимо этого, въ мѣсячникахъ помѣщичье хозяйство пріобрѣтало такихъ рабочихъ, которые были привязаны исключительно къ имѣнію и не могли отвлекаться отъ работы на землѣ помѣщиковъ для обработки своей собственной пашни.

Помѣщичье хозяйство въ 30 и 40 гг. переживало глубокій кризисъ благодаря тому, что сельско-хозяйственное производство прогрессировало быстрѣе спроса, вслѣдствіе чего ежегодно до 25 милл. четвертей хлѣба оставались безъ покупщиковъ. Этотъ

кризисъ и вызвалъ реакцію среди помѣщиковъ противъ примѣненія для обработки земли технически усовершенствованныхъ пріемовъ. Конечно, такой кризисъ вполнѣ естественное явленіе. Благодаря отсутствію у большинства помѣщиковъ свободныхъ денегъ, которыя могли бы ли быть вложены въ хозяйство безъ нужды въ немедленной ихъ реализаціи, только немногіе могли поставить хозяйство на новыхъ началахъ, да и тѣ замѣчали, что существующія соціально-экономическія отношенія являлись тормозомъ для широкаго распространенія плодоперемѣнной системы. Для большинства же помѣщиковъ увлеченіе новой техникой хозяйства закончилось полнымъ разореніемъ, чѣмъ и объясняется возвращеніе съ ихъ стороны къ старымъ техническимъ пріемамъ, не требовавшимъ затраты капитала и въ то же время дававшимъ полную возможность использовать въ достаточной мѣрѣ крѣпостную рабочую силу. Но новыя потребности рынка продолжали вліять на помѣщика, которому серьезно приходилось задумываться надъ вопросомъ, какъ приспособить старыя хозяйственныя отношенія къ потребностямъ предпринимательскаго хозяйства?

Отбросивъ въ сторону интенсификацію земледѣлія, помѣщикъ стремился поднять производительность своего хозяйства путемъ увеличенія распашки за счетъ новыхъ земель и луговъ. Такое расширеніе пашни отмѣчаютъ статистики второй четверти XIX в. въ губерніяхъ: Харьковской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Казанской, Пермской, Оренбургской. Это были черноземныя губерніи, такъ что хозяйственный расчетъ помѣщика вполнѣ понятенъ. Не такъ легко разрѣшался для помѣщика вопросъ о формахъ эксплуатаціи крѣпостного труда. Немало помѣщиковъ ломало голову надъ вопросомъ, каккая форма крѣпостного труда предпочтительнѣе, барщинная или оброчная, или комбинированье въ той или другой степени обѣихъ формъ.

Что выгоднѣе было для помѣщиковъ: оброкъ или барщина?

Въ ученой агрономіи не выработалось какого-нибудь одного мнѣнія, что, конечно, вполнѣ понятно, разъ условія веденія хозяйства въ губерніяхъ черноземныхъ и нечерноземныхъ были далеко не одни и тѣ же, то и формы эксплуатаціи крѣпостного труда не могли быть одинаковыми для обѣихъ областей. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что та и другая система имѣла своихъ горячихъ сторонниковъ и не менѣе убѣжденныхъ и увлекавшихся противниковъ. Доводы теоретиковъ и практиковъ хозяйства станутъ понятнѣе, если принять во вниманіе, что уже

въ XVIII вѣкѣ оброчная система доминировала въ промышленныхъ губерніяхъ и что въ половинѣ XIX, какъ увидимъ ниже, бросалась въ глаза тенденція къ ея значительному повышенію, а въ губерніяхъ черноземныхъ и раньше обычной формой эксплуатаціи крѣпостного труда являлась барщина, которая была господствующей системой въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и наканунѣ крестьянской реформы. Помѣщики промышленныхъ губерній на практикѣ пришли къ выводу, что «производительность труда находится въ прямомъ отношеніи къ свободѣ трудящагося. Чѣмъ менѣе онъ стѣсненъ въ выборѣ занятій, въ распоряженіи своимъ временемъ и своими силами, тѣмъ успѣшнѣе его трудъ, наоборотъ, производительность труда постепенно упадаетъ по мѣрѣ ограниченія свободы трудящагося». Разъ свобода труда — основа его производительности, то неудивительно, что экономическій журналъ 30-хъ годовъ «Земледѣльческій Журналъ» выступаетъ на защиту оброчной системы: «Оброчникъ имѣетъ гораздо болѣе возможности развертывать свои способности, чѣмъ барщинникъ, ибо онъ улучшаетъ свое состояніе на томъ пути, куда влечетъ его склонность». Для сторонниковъ оброчной системы низкая производительность барщиннаго труда является очевидной. «Въ барщинскихъ работахъ, — говорится въ томъ же экономическомъ журналѣ, — крестьянское правило: чѣмъ меньше и хуже, тѣмъ и лучше». Къ такому же выводу пришли и многіе изъ помѣщиковъ-практиковъ: такъ, пензенскій помѣщикъ, довольно извѣстный въ современной ему агрономической литературѣ, пишетъ: «Барщина, отнимающая возможность у бѣднаго выйти изъ бѣдности, у зажиточнаго — разбогатѣть; у человѣка, одареннаго какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ, — развивать этотъ талантъ; у промышленника—заниматься своимъ промысломъ,—дѣйствуетъ на всѣхъ крестьянъ подобно медленному яду, убивающему душу и тѣло». И псковскій помѣщикъ Воиновъ такого же мнѣнія о качествѣ барщиннаго труда: «Трудъ не долженъ быть принудительнымъ, если желаютъ, чтобы человѣкъ работалъ съ высшею степенью физическихъ и умственныхъ своихъ способностей. Смѣло можно сказать, что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ за себя и за другихъ, такъ что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени. Когда бы эту потерю исчислить по всѣмъ имѣніямъ, то, я думаю, результатъ оказался бы государственной важности». Другой же помѣщикъ, Ладыженскій, утверждалъ, что «въ бар-

щинѣ всегда пропадаетъ работа наполовину». Понятно, что для всѣхъ нихъ предпочтительнѣе оброчная система, какъ заранѣе опредѣлявшая ту долю труда, которую помѣщикъ можетъ себѣ присвоить, и въ то же время не стѣснявшая ни его хозяйственной предпринимательской дѣятельности, ни самихъ крестьянъ. По словамъ экономиста-практика Поздюнина, «трудъ оброчнаго крестьянина, предоставленный собственному его произволу, не можетъ быть употребляемъ вопреки умственныхъ способностей и тѣлесныхъ силъ работника. При произвольномъ трудѣ всякому воздается по дѣламъ его, и трудолюбіе поведетъ самымъ ближайшимъ образомъ къ совершенству. Оброкъ устраняетъ безпечность, лѣнь, даетъ возможность развитія индивидуальныхъ силъ».

Такъ мало-по-малу экономическая мысль того времени убѣдилась въ малой производительности крѣпостного труда, но, не рѣшаясь измѣнить радикальнымъ образомъ существующую зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, она предпочитаетъ оброчную систему, какъ наиболѣе подходящую для планомѣрной эксплуатаціи крестьянскаго труда. Такъ постепенно крѣпла мысль въ обществѣ объ убыточности для хозяйства существующихъ крѣпостныхъ отношеній, въ особенности въ имѣніяхъ, гдѣ преобладала барщина, такъ какъ система барщинныхъ отношеній иногда требовала со стороны помѣщика существенныхъ матеріальныхъ затратъ. По словамъ смоленскаго губернатора, «крестьяне въ неурожайные годы въ житницѣ владѣльца находятъ необходимое продовольствіе и сѣмена, и оттого многіе сдѣлались безпечны и небрегутъ собственнымъ своимъ хозяйствомъ. Помѣщики обязаны весьма часто дѣлать пожертвованія для крестьянъ безпечныхъ и лѣнивыхъ». Такого же мнѣнія держатся и сами помѣщики, находя, что «безпечность, столь замѣчательная въ отдѣльныхъ крестьянахъ и происходящая единственно отъ того, что они въ нуждахъ своихъ почти безвозмездно получаютъ пособіе отъ помѣщика, при оброчномъ же крестьянствѣ, если не совсѣмъ уничтожается, то, по крайней мѣрѣ, ослабляется тѣмъ, что, какъ бы въ поощреніи къ трудолюбію, при оброкѣ бываетъ менѣе дурныхъ примѣровъ, при которыхъ помѣщикъ вынужденнымъ находится дѣлать пособіе своимъ крестьянамъ».

Не менѣе горячо высказывались и апологеты барщины. Извѣстный агрономъ Вилькинсъ, по словамъ Ю. Ѳ. Самарина, «очень строгимъ и добросовѣстнымъ расчетомъ» доказалъ, что «для помѣщика выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ, чѣмъ

на оброкѣ». По мнѣнію другихъ, оброчная система уже потому менѣе выгодна въ сравненіи съ барщиной, что она не нуждается въ постоянномъ надзорѣ со стороны помѣщика. Имѣніе находится всецѣло въ рукахъ управляющаго, на обязанности котораго лежитъ сборъ оброка, который, впрочемъ, онъ никогда полностью не въ состояніи собрать, такъ какъ крестьяне по разнымъ причинамъ хлопочутъ объ его уменьшеніи. Барщинный трудъ считали тѣмъ удобнымъ для помѣщичьяго хозяйства, что онъ точно опредѣленъ, хотя и его слабая производительность не скрылась отъ практическаго глаза помѣщиковъ. Когда въ 1856 году Лебедянское общество сельскаго хозяйства поставило на обсужденіе вопросъ о сравнительной выгодности барщиннаго или оброчнаго хозяйства, мѣстные землевладѣльцы высказались въ пользу барщины. «Доходы барщиннаго имѣнія, — по расчетамъ члена этого общества Е. П. Молчалкина, — всегда гораздо выше оброчнаго. У меня 57 рабочихъ тяголъ, и я получаю 3.000 руб. однѣми деньгами, кромѣ продовольствія и содержанія себя, лошадей, прислуги, многочисленной дворни, что составитъ болѣе 80 руб. на тягло. Такого огромнаго оброка никакое тягло не въ состояніи выплатить». По расчетамъ хозяевъ, даже въ Костромской губерніи, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики, въ зависимости отъ условій рынка и почвы, занимались земледѣліемъ, предпочтительнѣе барщина, такъ какъ барщинное тягло въ среднемъ даетъ 150 руб. денежнаго дохода, а оброчное — лишь 50—60 рублей. Такіе доводы приводили въ пользу барщины ея апологеты.

Не скрывая отъ себя недостатковъ обѣихъ системъ, нѣкоторые хозяева пытались придумать иную организацію труда и взиманія повинностей, искусственно соединяя указанныя выше двѣ формы эксплуатаціи крѣпостного труда: переводя всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ съ барщины на положеніе оброчниковъ, они заставляли этотъ оброкъ отрабатывать на помѣщичьей землѣ по опредѣленнымъ расцѣнкамъ, съ уплатой этого оброка хлѣбомъ или натурой.

Такъ теоретическая и практическая мысль средины прошлаго столѣтія усиленно обсуждала вопросъ, какъ наилучше использовать даровую рабочую силу въ цѣляхъ увеличенія доходности имѣнія. Опредѣленнаго мнѣнія по этому вопросу, конечно, быть не могло, такъ какъ слишкомъ были различны условія хозяйства для полосы черноземной и нечерноземной. Единственно, что объединяло эти два взаимно - противоположныя направле-

нія — это признаніе весьма низкой производительности принудительнаго труда. Для образованнаго помѣщика единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія вещей была окончательная ликвидація крѣпостныхъ отношеній, но заговорить объ этомъ рѣшительно — по существу, рѣшались весьма немногіе, да и способы ликвидаціи представлялись неодинаковыми для помѣщиковъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній. Но въ общемъ важно общее убѣжденіе, что крѣпостной трудъ мало производителенъ и не удовлетворяетъ новымъ условіямъ развитія помѣщичьяго хозяйства.

Правда, нѣкоторые помѣщики пытались пользоваться при веденіи хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ, но широкое распространеніе послѣдняго не могло имѣть мѣста благодаря неодинаковой населенности территоріи и неравномѣрному распредѣленію крѣпостнюго населенія. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ центральныхъ — плотность крѣпостного населенія являлась наиболѣе значительной. На югѣ, юго-востокѣ по Волгѣ и Камѣ, по мѣрѣ удаленія отъ центра, число крѣпостныхъ значительно понижается. Такъ, напримѣръ, по даннымъ 10-й ревизіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи было 69%, Курской — 40%, Екатеринославской — 37%, а въ Бессарабской только 1%. Такимъ образомъ, благодаря неравномѣрному распредѣленію рабочихъ рукъ, на суглинистомъ сѣверѣ и центрѣ было перепроизводство ихъ, а на плодородномъ югѣ замѣчался ихъ недостатокъ. Конечно, такое неравномѣрное распредѣленіе рабочихъ рукъ не могло не отражаться такъ или иначе на частновладѣльческомъ хозяйствѣ. Вольнонаемный трудъ въ широкихъ размѣрахъ могъ только примѣняться въ нечерноземной полосѣ, гдѣ было достаточное количество рабочихъ рукъ и гдѣ большая часть крестьянства была на оброкѣ, но гдѣ земледѣліе перестало играть доминирующую роль. Но и тутъ примѣненіе его требовало капитала, котораго у помѣщика не было, такъ какъ хозяйство велось обыкновенно съ помощью крестьянскаго инвентаря. Да и платежъ заработной платы въ формѣ земельнаго надѣла тоже для помѣщика былъ выгоднѣе, чѣмъ вознагражденіе труда рабочаго деньгами. Поэтому переходъ въ нечерноземной полосѣ къ труду вольнонаемному былъ очень затруднителенъ и матеріально убыточенъ, такъ какъ въ общемъ крѣпостной барщинный трудъ оказывался дешевле свободнаго. Тѣмъ не менѣе, имѣнія, гдѣ примѣнялся вольнонаемный трудъ, все же были, напр., въ имѣніи

Вольнонаемный трудъ.

гр. А. П. Бобринскаго, въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Рязанской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ.

Вольнонаемный трудъ примѣнялся также въ купеческихъ имѣніяхъ губерній: Воронежской, Тамбовской и Саратовской. То же указываетъ Гакстгаузенъ и относительно губерній Тамбовской и Харьковской. Примѣнялся вольнонаемный трудъ и въ Тверской губерніи, преимущественно въ имѣніяхъ тѣхъ владѣльцевъ, которые не имѣли собственныхъ крѣпостныхъ. То же можно сказать и о собственно-помѣщичьихъ имѣніяхъ: такъ, въ сороковыхъ годахъ въ имѣніи зарайскаго предводителя дворянства Титова обработка земли производилась своими же крестьянами, но «по найму, по вольному соглашенію». У помѣщика Демидова, Нижегородской губерніи, обработка продуктовъ хозяйства производилась наемнымъ трудомъ. Въ наибольшемъ размѣрѣ вольнонаемный трудъ примѣнялся въ Новороссіи — въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической. Сюда шли крестьяне изъ Малороссіи, центра, отчасти изъ Тульской губ. Существуютъ данныя о значительномъ отходѣ крестьянъ гр. Бобринскаго, Тульской губ. Не будь вольнонаемныхъ рабочихъ — фактически было бы невозможно снять ежегодный урожай въ Новороссіи.

По матеріаламъ редакціонныхъ комиссій, ежегодный приливъ населенія изъ центра и Малороссіи въ степную полосу доходилъ до 300.000 рабочихъ, но и этого количества было недостаточно для удовлетворенія крайней нужды въ рабочихъ рукахъ, благодаря относительно быстрому экономическому росту юга. Кромѣ того, помѣщики старались всѣми законными и незаконными средствами увеличить ихъ контингентъ — то переселеніемъ изъ центральныхъ губерній, то пріемомъ бѣглыхъ и записью ихъ потомъ въ ревизскія сказки.

Правда, свѣдѣнія наши о размѣрахъ примѣненія вольнонаемнаго труда пока не особенно значительны, но важно установленіе принципіальнаго факта — вытѣсненія въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ труда крѣпостного вольнонаемнымъ. То же слѣдуетъ сказать и о югѣ, гдѣ, впрочемъ, широкое примѣненіе вольнонаемнаго труда уже потому имѣло мало мѣста, что здѣсь не было достаточнаго контингента рабочихъ, благодаря отдаленности отъ центральныхъ мѣстностей. По этимъ причинамъ избыточное населеніе центра не могло отправиться на югъ на заработки, гдѣ бы оно могло найти реальное приложеніе своимъ силамъ. И все-

таки отходъ существовалъ, тяга на югъ была, хотя, за недостаткомъ данныхъ, трудно учесть размѣры этого отхода.

Однако ни примѣненіе вольнонаемнаго труда ни сильная эксплуатація крѣпостного труда не достигали своихъ цѣлей. Помѣщику-предпринимателю не удавалось использовать богатѣйшій черноземъ въ той мѣрѣ, въ какой бы онъ этого желалъ и въ какой бы степени оно соотвѣтствовало потребностямъ хлѣбнаго экспорта. Для помѣщиковъ Новороссіи и степного края болѣе, чѣмъ для кого другого, была ясна необходимость отмѣны крѣпостного права, такъ какъ при его существованіи невозможно нормальное передвиженіе населенія на югъ для удовлетворенія его потребностей въ рабочихъ рукахъ, безъ которыхъ немыслимо экономическое развитіе юга. Вотъ что говорятъ по этому поводу степные помѣщики въ редакціонныхъ комиссіяхъ: «Когда крестьяне всей имперіи получатъ право переходить съ барщины на оброкъ и даже совершенно выходить изъ общества, то цѣлая масса рабочихъ будетъ свободно двигаться къ югу, оплодотворять эти степи вольнымъ трудомъ, возвышать цѣнность земель и обогащать ихъ владѣльцевъ». Такъ, во всѣхъ частяхъ Россіи ненормально создавшіяся условія въ развитіи помѣщичьяго хозяйства прямо или косвенно говорили въ пользу немедленной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, форма которой пока еще не предрѣшалась хозяевами-практиками.

Оброчные и барщинные крестьяне.

Наканунѣ крестьянской реформы общая численность крѣпостного крестьянства доходила до 10.551.102 ревизскихъ душъ. Вся эта многомилліонная масса по формамъ принудительныхъ отношеній, существовавшихъ между нею и помѣщикомъ, дѣлилась на оброчныхъ и барщинныхъ. Оброчное хозяйство преобладало въ нечерноземныхъ губерніяхъ, барщинное на черноземномъ югѣ, въ особенности въ Малороссійскомъ и Новороссійскомъ краѣ. Въ 13 нечерноземныхъ Великороссійскихъ губерніяхъ уже въ XVIII в. было крестьянъ оброчниковъ 55%, а въ семи Великороссійскихъ черноземныхъ губерніяхъ крестьянъ-оброчниковъ было только 26%. Такое распредѣленіе вполнѣ понятно; въ первомъ случаѣ земля малодоходна, и надо создать ежегодную ренту не съ земли, а съ лица, чѣмъ и объясняется преобладаніе оброка надъ барщиной. Промышленное развитіе страны давало избыточному крѣпостному населенію полную возможность приложенія своей рабочей силы. Въ черноземныхъ губерніяхъ ежегодную ренту даетъ земля, отсюда

ся эксплуатація посредствомъ барщины. Въ XIX в. % отношеніе между барщиной и оброкомъ значительно мѣняется. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ бросается въ глаза быстрое увеличеніе оброчныхъ. Такъ, въ Московской губерніи % оброчныхъ поднялся съ 36% до 67—89%, во Владимирской губерніи съ 50% до 69—88%, въ Ярославской съ 78% до 89—44%. Словомъ, въ большинствѣ губерній нечерноземнаго пространства замѣчается уменьшеніе барщиннаго труда и увеличеніе оброка. Ростъ предпринимательскаго хозяйства на югѣ дѣлалъ невыгоднымъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ промышленныхъ областяхъ, поэтому даже тамъ, гдѣ существовала барщина, она примѣнялась не столько къ земледѣлію, сколько къ вотчинной промышленности. Иная картина представляется въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ сравненіи съ XVIII в. здѣсь мы видимъ рѣзкое увеличеніе барщинныхъ крестьянскихъ земель, за исключеніемъ губерній Тульской и Курской, гдѣ въ первой % оброчныхъ поднялся съ 8 до 25—39%, а во второй — съ 8 до 24—53%. Увеличеніе числа оброчныхъ въ этихъ губерніяхъ можно объяснить крайнимъ малоземельемъ и въ то же время ихъ густой населенностью. Въ остальныхъ же губерніяхъ черноземной полосы барщина рѣзко доминируетъ надъ оброкомъ.

Повышеніе % барщиннаго крестьянства во всѣхъ черноземныхъ губерніяхъ являлось несомнѣннымъ признакомъ упадка крѣпостного хозяйства. Новыя потребности рынка требовали увеличенія производительности хозяйства, отсутствіе же достаточнаго контингента рабочихъ заставляло помѣщиковъ обходиться почти только съ помощью одного крестьянства, рабочая сила котораго была напряжена до крайности.

Дѣленіе Россіи на 2 полосы очень рѣзко сказалось на распредѣленіи земной собственности между крестьянами и помѣщиками. Въ XVIII и въ началѣ XIX в. крестьянинъ располагалъ сравнительно большимъ земельнымъ надѣломъ, отданнымъ въ его непосредственное пользованіе. Въ срединѣ XIX в. замѣтно незначительное уменьшеніе надѣла въ нечерноземныхъ губерніяхъ въ сравненіи съ XVIII в. Въ губерніяхъ черноземной полосы бросается въ глаза рѣзкое сокращеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія.

Обезземеленіе крестьянства.

Чѣмъ съ большей выгодой помѣщикъ могъ использовать свои земли, тѣмъ менѣе становились крестьянскіе надѣлы, благодаря чему большой % крестьянской массы обрекался на полуголодное

существованіе задолго до крестьянской реформы. Въ связи съ этимъ рѣзко бросается въ глаза увеличеніе числа дворовыхъ ко времени 10-й ревизіи. Крестьяне переводились во дворъ, а ихъ земля присоединялась къ помѣщичьей запашкѣ. Переводъ съ пашни во дворъ принималъ такіе большіе размѣры, что правительство принуждено было указомъ 2 марта 1858 г. запретить дальнѣйшій переводъ во дворъ крестьянъ, записанныхъ по 10-й ревизіи осѣдлыми. Ихъ по 10 ревизіи было 6,79%. Это составитъ по отношенію къ всей крѣпостной массѣ 724.000. Наибольшій % этого увеличенія относится къ черноземному югу. Такимъ образомъ въ численности дворовыхъ замѣчается приростъ въ 39%, тогда какъ въ численности крестьянства—въ сравненіи съ данными 9-й ревизіи—по 10-й ревизіи замѣчается убыль въ $2^1/_3$ % (93,21%). Абсолютное увеличеніе числа дворовыхъ на 201 т. душъ покрываетъ оказавшуюся убыль крестьянъ. Наибольшее увеличиваніе числа дворовыхъ замѣтно, конечно, въ губерніяхъ черноземныхъ: Херсонской, Екатеринославской, Черниговской, Харьковской, Полтавской, Курской, Воронежской, Пензенской и Орловской.

Наибольшее увеличеніе числа дворовыхъ падаетъ на губерніи черноземныя—154.000 д. мужского пола—и на степную полосу, въ которой численность дворовыхъ увеличилась на 50.000 д. мужского пола. Эти дворовые обыкновенно занимались сельскохозяйственными работами, и ихъ положеніе мало чѣмъ отличалось отъ положенія мѣсячниковъ. Собственно, это — тѣ же мѣсячники. Такъ, въ Екатеринославской губерніи, гдѣ преобладало интенсивное сельское хозяйство, соединенное съ усиленнымъ развитіемъ овцеводства, «почти ½ общаго количества посѣвовъ производится обязательно трудомъ дворовыхъ плугатырей, и $^2/_3$ пастуховъ состоитъ даже изъ дворовыхъ». «Число дворовыхъ пахарей, — по словамъ Кошелева, — въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ довольно значительно. Ихъ отличить отъ прочихъ дворовыхъ нетрудно: они занимаются у помѣщика пахотою и другими земледѣльческими работами. Они настоящіе крестьяне и попали въ дворовые только потому, что показаны таковыми по ревизіи. Между ними и крестьянами-мѣсячниками нѣтъ никакой существенной разницы».

Вообще трудно учесть степень обезземеленія крѣпостного населенія въ дореформенное время. Можно только отмѣтить, что система обезземеленія преобладала среди мелкопомѣстнаго дворянства, которое, такимъ образомъ расширяя свою запашку, по-

вышало производительность своего хозяйства и увеличивало доходность своего имѣнія. Практиковалось также и отпущеніе на волю безъ земли, иногда за большой выкупъ. Конечно, оставшаяся земля присоединялась къ помѣщичьей собственности. Вся эта картина обезземеленія крѣпостной массы является нагляднымъ показателемъ тѣхъ усилій, которыя напрягалъ помѣщикъ, чтобы какъ-нибудь выйти изъ того тупика, въ который попало помѣщичье хозяйство въ черноземной полосѣ вслѣдствіе увеличенія цѣнности земли, въ то же время связанное обязательственными отношеніями съ крѣпостнымъ населеніемъ.

Если, съ одной стороны, эволюція хозяйственныхъ отношеній въ странѣ такъ болѣзненно отразилась на экономическомъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, подвергавшихся медленному, но систематическому обезземеленію, то, съ другой стороны, не всѣ помѣщики сумѣли приспособить свои хозяйства къ новымъ потребностямъ рынка. Нѣкоторыя изъ имѣній, преимущественно мелкія, не выдержали конкуренціи болѣе крупныхъ хозяйствъ и должны были перейти въ другія руки. Наканунѣ крестьянской реформы по X ревизіи всего насчитывалось 102.870 дворянъ, въ рукахъ которыхъ находилось до 30,6% всей государственной территоріи. Такимъ образомъ, $^1/_3$ страны жила въ рамкахъ крѣпостного хозяйства. Среди дворянскихъ имѣній преобладали мелкія, менѣе 100 душъ; ихъ было всего около 76,2%; среднепомѣстнаго дворянства (100—500 душъ)—19,2% и крупнопомѣстнаго (500 и болѣе)—3,6%. Среди мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ 41% составляли душевладѣльцы, которые имѣли только около 20 душъ; бытъ такихъ помѣщиковъ почти не отличался отъ быта крестьянъ, что особенно бросалось въ глаза въ Рязанской губерніи—по преимуществу мелкопомѣстной. Правительству приходилось давать субсидіи, чтобы они могли кое-какъ свести концы съ концами. Но зато нигдѣ и не былъ такъ тяжелъ крѣпостной трудъ, какъ у этихъ помѣщиковъ. Въ сравненіи съ данными VIII ревизіи % мелкопомѣстнаго дворянства, имѣвшаго не болѣе 20 душъ, упалъ съ 53,5 до 41%. Такимъ образомъ, около 12,6% всего дворянства должны были продать свои имѣнія за полной невозможностью выдержать развивающуюся сельско-хозяйственную конкуренцію.

Характернымъ явленіемъ для полосы оброчнаго хозяйства является рѣзкое повышеніе оброчныхъ платежей вообще; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно благопріятныхъ для занятій про-

мысловой дѣятельностью, благодаря близости ихъ къ торгово-промышленному району, оброкъ достигаетъ прямо-таки несоразмѣримой на первый взглядъ величины.

Зависимость размѣровъ оброка не отъ земли, а отъ подсобныхъ промысловъ была прекрасно учтена Гакстгаузеномъ: по его словамъ «оброкъ крѣпостныхъ лежитъ не на землѣ, которую помѣщикъ даетъ крестьянину, но на его рабочей силѣ и его промыслѣ». Отсюда ясны причины несоотвѣтствія размѣровъ землепользованія оброчнымъ платежамъ, разъ была полная возможность для помѣщика извлечь большую для себя пользу изъ своего права на трудъ крестьянина [1]).

Размѣры оброка.

Нормальный оброкъ въ XVIII вѣкѣ равнялся 5 руб. съ души или, выражая въ цѣнности рубля средины XIX в., — 7 р. 50 к. Повышеніе его по отдѣльнымъ мѣстностямъ доходила до 20 рублей съ тягла и было явленіемъ относительно рѣдкимъ. Наканунѣ реформы такихъ ничтожныхъ оброковъ уже не было. Современники констатируютъ лихорадочное повышеніе оброка, сопровождавшее обѣднѣніемъ крѣпостного крестьянства. Въ XIX вѣкѣ средній чисто денежный оброкъ колебался отъ 12 р. 50 к. до 27 р. 56 к. съ тягла. Колебаніе размѣровъ оброка по отдѣльнымъ губерніямъ зависѣло, конечно, отъ разныхъ причинъ. Тутъ приходилось учитывать систему хозяйства, развитіе или отсутствіе подсобныхъ промысловъ, размѣры имѣнія, величину состоянія помѣщика. Этимъ и объясняется поразительное разнообразіе въ цифрахъ. Такъ, въ губерніи Ярославской, гдѣ были сильно развиты неземледѣльческіе промыслы, оброкъ повышался до 40 — 50 рублей. Были цифры и выше. Напр., въ вотчинѣ графа Шереметева Ивановѣ, бывшей крупнымъ промышленнымъ и торговымъ центромъ, размѣры оброка ставились въ прямую связь съ доходами крестьянъ-фабрикантовъ и достигали колоссальныхъ размѣровъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ высота оброковъ объясняется развитіемъ садоводства и птицеводства. Крестьяне деревни «Порѣчья» гр. Паниной собирали до 40.000 пудовъ цикорія на сумму до 200.000 рублей серебромъ. Понятно, почему они платили огромный оброкъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ было развито леноводство, были распространены дегтярный промыселъ, мочальное производство, по-

---

[1]) Такъ, напр.. въ имѣніи Панина, Ярославской губерніи, при надѣлѣ въ 1,64 десятины брали 7 рублей съ души и 8 рублей на мелкіе расходы; въ другомъ имѣніи той же губерніи при надѣлѣ 0,98 десятины брали оброку съ тягла 21 руб

стройка судовъ. Иногда оброчнымъ крестьянамъ предоставлялись въ пользованье рыбныя озера и другія доходныя статьи. Все, конечно, это такъ или иначе учитывалось на величинѣ оброка. Если при веденіи хозяйства преобладала барщинная система, и только незначительная часть крѣпостныхъ отпускалась на оброкъ, то послѣдній, конечно, не могъ равняться по размѣрамъ оброку тѣхъ имѣній, гдѣ господствовало чисто-оброчное хозяйство. Впрочемъ, иногда крупный помѣщикъ по разнымъ условіямъ не могъ вести барщинное хозяйство, тогда крестьяне отпускались на оброкъ, и у такихъ крупнопомѣстныхъ его размѣры были невелики: въ оброчныхъ имѣніяхъ Шереметева, Юсупова, въ Харьковской губерніи, оброки колебались отъ 2 р. 82 к. до 7 р. 94 к. съ души.

Натуральныя повинности.

Платежомъ чисто-денежнаго оброка не ограничивались повинности крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ они исполняли барщинныя работы, если помѣщикъ оставлялъ землю для своей собственной запашки; въ такихъ случаяхъ оброкъ, соединенный съ барщинной повинностью, былъ ниже чисто-денежнаго оброка.

Оброчные крестьяне вносили еще помѣщику «столовый запасъ», составлявшійся изъ извѣстнаго количества яицъ, куръ, гусей, барановъ, разныхъ женскихъ издѣлій, сбора грибовъ, ягодъ. Впрочемъ, эти натуральныя повинности сплошь и рядомъ замѣнялись платежомъ добавочнаго вознагражденія, что въ большинствѣ случаевъ и предпочиталось крестьянами. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были размѣры оброка, все-таки высокій оброкъ всегда предпочитался даже незначительной барщинѣ, такъ какъ онъ давалъ оброчному крестьянину нѣкоторую возможность проявленія своей самодѣятельности и иниціативы.

Положеніе барщинныхъ крестьянъ.

Положеніе барщинныхъ крестьянъ было одинаково тяжелымъ въ обѣихъ полосахъ Россіи; въ полосѣ промышленной крестьяне работали на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, въ плодородной полосѣ обрабатывали землю. Законъ Павла I о трехдневной барщинѣ почти не исполнялся. Предпринимательское хозяйство требовало повышенія производительности труда. Если послѣднее, при крѣпостномъ укладѣ, фактически было невозможно, то приходилось производительность замѣнять крайнимъ напряженіемъ крѣпостного труда, что особенно бросалось въ глаза въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, въ которыхъ работали сплошь всю недѣлю. Въ Саратовской губерніи существо-

вала «сквозная барщина» всѣ семь дней. Встрѣчались имѣнья съ 4 или 5-дневной барщиной. Мѣсячники обыкновенно работали 6 дней. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ помѣщики брали на себя уплату крестьянскихъ податей и благодаря этому увеличивали барщину. Иногда помѣщики брали у крестьянъ хорошіе дни, а крестьянамъ оставались исключительно ненастные. Попадались и такія имѣнія, гдѣ при существованіи нормальной трехдневной барщины назначался еще одинъ день въ недѣлю, когда всѣ крестьяне поголовно должны были выполнять барскія работы. Въ общемъ колебаніе въ размѣрахъ барщины зависѣло отъ условій, въ которыхъ развивалось предпринимательское помѣщичье хозяйство: отсутствіе наемныхъ рабочихъ въ этомъ случаѣ вызывало крайнее напряженіе крѣпостного труда. Но собственно барщинными работами не ограничивались повинности барщинныхъ крестьянъ. Не менѣе была обременительна и подводная повинность. Крѣпостнымъ приходилось перевозить имущество помѣщика. Въ этомъ случаѣ послѣдній не стѣснялся ни дальностью разстоянія ни матеріальнымъ положеніемъ крестьянства. Отъ подводной повинности страдали въ особенности крестьяне тѣхъ владѣльцевъ, которые успѣли завести прочныя сношенія съ сельскохозяйственнымъ рынкомъ, куда его крестьяне должны были отвозить сельско-хозяйственные продукты. Впрочемъ, иногда отъ подводной повинности можно было освободиться посредствомъ платежа денежнаго вознагражденія. Такъ, въ имѣніи Семенова, въ Рязанской губерніи, крестьяне были принуждены вывозить для продажи хлѣбъ помѣщика на разстояніи отъ имѣнія 350 верстъ — 52 пуда, 100 верстъ — 52 пуда, 50 верстъ — 52 пуда съ каждаго тягла, а за освобожденіе отъ этой повинности взималось 11 рублей серебромъ. Благодаря подводной повинности, помѣщики искусно пользовались разницей цѣнъ на хлѣбъ на мѣстѣ производства и сбыта, впрочемъ, нисколько не обращая вниманія на то обстоятельство, что интенсивная подводная повинность очень болѣзненно отражалась на матеріальномъ благосостояніи своего же крестьянина. Наконецъ въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьяне также приносили помѣщику такъ называемый «столовый запасъ», но въ серединѣ XIX в., когда стало развиваться денежное хозяйство, въ связи съ усиленіемъ эксплуатаціи крѣпостного труда, эта повинность стала исчезать.

Управленіе имѣніемъ.

Новыя условія, среди которыхъ развивалось предпринимательское сельское хозяйство, требовали со стороны помѣщика боль-

шей о нёмъ заботы и большаго порядка и отчетности въ веденіи дѣла. Помѣщикъ-предприниматель уже не можетъ всецѣло положиться на управляющаго и довѣрить ему веденіе своего хозяйства. Необходимъ постоянный хозяйскій надзоръ. Помѣщику самому приходится стать во главѣ «сельско-хозяйственной фабрики» и лично руководить ея жизнью и работой въ интересахъ болѣе быстраго приспособленія ея производства къ потребностямъ рынка, въ зависимости отъ котораго находилось и его матеріальное благосостояніе. Конечно, помѣщикъ не въ состояніи смотрѣть за всѣмъ лично. Онъ попрежнему проводитъ въ жизнь свои сельско-хозяйственныя распоряженія черезъ управляющихъ, но въ то же время дѣятельность послѣднихъ подвергается крайней регламентаціи, сводящей на-нѣтъ ихъ иниціативу и самодѣятельность. Вотчинное законодательство помѣщика не ограничивается только опубликованіемъ однихъ «общихъ» наказовъ управителямъ. Помѣщикъ издаетъ хозяйственныя распоряженія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, и чѣмъ помѣщикъ сильнѣе связанъ съ рынкомъ, тѣмъ вотчинное законодательство становится болѣе разнообразнымъ.

Разсчетливый хозяинъ-предприниматель вмѣшивается и контролируетъ всѣ стороны не только своего собственнаго хозяйства. Равнымъ образомъ его контролю подлежало и крестьянское хозяйство. Заинтересованный въ трудѣ крестьянина, какъ въ одномъ изъ условій собственнаго благополучія, помѣщикъ подвергаетъ крестьянское хозяйство мелочной регламентаціи, тѣмъ самымъ стѣсняя проявленіе со стороны крестьянства какой бы то ни было самодѣятельности. Конечно, не всѣ помѣщики вмѣшивались во всѣ мелочныя детали какъ своего собственнаго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Дѣлали это только тѣ, кто сумѣлъ приноровить свое хозяйство къ новымъ экономическимъ условіямъ и потребностямъ рынка. Конечно, тамъ, гдѣ хозяйство велось по-старому, гдѣ не умѣли и не могли реагировать на потребности рынка, тамъ почти отсутствовалъ мелочной контроль по веденію помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства. Но подобнаго рода хозяйства слѣдуетъ признать экономически отсталыми, и, имѣя въ виду новыя экономическія отношенія, по существу объ нихъ не приходится говорить.

Наказы управителямъ.

Помѣщичьи наказы управителямъ представляютъ обыкновенно цѣлые трактаты объ ихъ обязанностяхъ и о порядкѣ веденія

хозяйства, до мелочей обнимающіе всѣ его стороны. Посмотримъ, въ чемъ заключаются обязанности «управителя». Онѣ формулируются такъ въ одномъ изъ наказовъ. По пріѣздѣ въ имѣніе онъ долженъ собрать «на господскомъ дворѣ старостъ, выборныхъ, сотскихъ, десятскихъ и всѣхъ крестьянъ для прочтенія приказа о безусловномъ повиновеніи новому управителю». Затѣмъ послѣдній приступаетъ къ подробной описи всего имѣнія: переписываются дворовыя и домовыя строенія, весь хлѣбъ, находящійся въ житницахъ и амбарахъ, отдѣльно молоченый отъ немолоченаго, крупный и мелкій рогатый скотъ, домашняя птица, конскіе заводы, если таковые имѣются въ имѣніи; далѣе слѣдуетъ объѣздъ пашенъ, луговъ, лѣсовъ и пастбищъ. Управитель не только ихъ описываетъ, но также и отмѣчаетъ, въ какомъ состояніи все это было имъ принято. Опись имѣнія заканчивается опросомъ всѣхъ крестьянъ, въ присутствіи старосты, относительно ихъ работъ на господскомъ дворѣ. Сохранившіяся описи нѣкоторыхъ имѣній могутъ иллюстрировать только что сказанное. Вотъ, напримѣръ, опись лѣсовъ и лѣсного матеріала: «Первый, изъ Семеновки, пчельникъ, тутъ суши почти нѣтъ, толстаго лѣса нѣсколько деревъ, остальной молодой дубовый лѣсъ довольно высокъ, не заповѣданъ, рубить тутъ не надо». «Лѣсу сосноваго купленнаго, на гумнѣ, очень толстаго 87 длинныхъ деревъ; лѣсу сосноваго 2 аршина, толщиной 5 вершковъ, 520 бревенъ, изъ нихъ 30 бревенъ взято, осталось 490; толстыхъ слегъ во всю длину дерева 52, годятся на амбаръ, изъ нихъ управляющимъ взято 3 слеги — осталось 149, весь свѣжъ долженъ быть. Лѣсу очень толстаго 8-аршиннаго 7 бревенъ на гумнѣ». Такъ же детально переписывались и другія статьи помѣщичьяго хозяйства.

Съ большими подробностями говорится въ наказахъ о надзорѣ управителя за хлѣбопашествомъ. Съ наступленіемъ весны отдается приказъ крѣпостному крестьянству приготовиться для распашки и бороньбы полей. Начинать то и другое возможно не раньше, чѣмъ высохнетъ земля, да и то слѣдуетъ справиться объ этомъ у болѣе опытныхъ сосѣдей, занимающихся хозяйствомъ уже много лѣтъ. Одна десятина должна быть вспахана четырьмя лошадьми въ одинъ день, и въ такой же промежутокъ времени заборонена двумя лошадьми. На посѣвъ десятины ржи и ячменя можно отпустить 10 четвериковъ, а для десятины овса — 2 четверти, лишь бы только были хорошія сѣмена. Наказъ предусматриваетъ

возможность опозданія съ посѣвомъ, тогда въ извѣстной пропорціи увеличиваются указанныя выше нормы для засѣва десятины. Когда крестьянскія и господскія поля засѣяны подъ яровой хлѣбъ, тогда приступаютъ къ вывозу навоза, для чего слѣдуетъ взять отъ каждаго плуга по два человѣка и раздѣлить на три части такимъ образомъ, чтобы «одна часть возила навозъ со скотнаго двора, другая часть равняла, а третья пахала».

Послѣ заготовленія полей подъ озимые хлѣба наступаетъ пора сѣнокоса. Всякій работникъ, отправляющійся на сѣнокосъ, долженъ имѣть при себѣ не только косы, грабли, но и топоры и косари для того, что если бы въ случаѣ непогоды сѣнокосъ оказался бы невозможенъ, работники расчищали бы сѣнокосы и вязали бы вѣники для зимняго корма овецъ. Во время сѣнокоса управитель наблюдаетъ, чтобы сѣно убирали и складывали соотвѣтствующимъ образомъ въ сѣнники, скирды и стоги, и при этомъ ведетъ всему подробную опись. Потомъ наступаетъ время жатвы: въ поле высылаются всѣ крестьяне, или каждому работнику отводится особая «урочная десятина», которую онъ долженъ убрать своими собственными силами. Въ періодъ между окончаніемъ жатвы и молотьбою надо собрать ленъ и его высушить, а, по отрѣзаніи сѣмянъ, приступить къ его моченію. Молотьбой высушеннаго хлѣба заканчивается страдная пора. Нѣтъ нужды перечислять далѣе въ деталяхъ обязанности управителя. И по отношенію къ другимъ отраслямъ хозяйства можно отмѣтить требованіе строгаго контроля и регламентаціи. Большею частью помощниками управителей являлись выборные или назначенные старосты, иногда получавшіе отъ помѣщика небольшое добавочное земельное вознагражденіе, какъ плату за трудъ по управленію имѣніемъ. Управитель отдавалъ свои распоряженія старостамъ, а послѣдніе уже слѣдили за примѣненіемъ этихъ правилъ въ жизни. Верховный надзоръ въ предпринимательскомъ хозяйствѣ оставался въ рукахъ помѣщика. Всякаго рода хозяйственные труды вызывали опубликованіе безчисленнаго множества всякаго рода помѣщичьихъ циркуляровъ. Послѣдніе издаются по самымъ разнымъ поводамъ: стоитъ только помѣщику замѣтить какое-нибудь опущеніе въ хозяйствѣ, и сейчасъ же посылается грозное посланіе управителю. Помѣщикъ Волконскій, недовольный конскимъ заводомъ, послалъ слѣдующій циркуляръ своему управляющему: «Коннымъ заводомъ я, вѣрно, не буду доволенъ до тѣхъ поръ, пока тамъ негодяй Порфирій. Стыдно тебѣ, Иванъ

Надзоръ помѣщиковъ.

Аѳанасьевичъ, не смотрѣть самому и дозволять безсовѣстному и нерадивому мальчишкѣ, котораго, какъ и тебѣ извѣстно, я считаю изъ всѣхъ дворовыхъ за одного изъ худшихъ людей, дѣлать, что ему угодно. Въ этомъ дѣлѣ передо мной не одинъ Порфирій виноватъ, а и ты также. Уморить трехлѣтокъ и отъ 19 матокъ дать только 5 жеребятъ можетъ только тотъ, кто мнѣ служить не хочетъ. Замотай на усъ это, Иванъ Аѳанасьевъ. Если ты не умѣлъ или не хотѣлъ заняться заводомъ, то, разумѣется, я тебѣ кланяться не стану и самъ распоряжусь имъ, но ты не забывай... Потрудись, Иванъ Аѳанасьевъ, подумать, для чего ты сдѣланъ приказчикомъ, и сосчитать, чего стоятъ три издохшіе жеребенка трехлѣтка? Вмѣсто 9 (самаго малаго количества жеребятъ) ты далъ мнѣ только 5. Жалованье тебѣ не брать и не напоминать мнѣ о немъ впредь до приказанія».

Вмѣшательство помѣщика во всѣ детали по завѣдыванію хозяйствомъ — ближайшее слѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ приходилось развиваться помѣщичьему хозяйству. Всякій хозяйственный ущербъ для помѣщика былъ, конечно, очень ощутителенъ, ибо такъ или иначе отражался на доходности имѣнія, съ которымъ было связано матеріальное благополучіе самого помѣщика. Разъ помѣщикъ-предприниматель беретъ на себя высшій надзоръ по управленію имѣніемъ и веденію хозяйства, то, конечно, всѣ служащіе въ имѣніи должны безусловно повиноваться и слѣдить за точнымъ исполненіемъ хозяйственныхъ распоряженій. Помѣщики издаютъ распоряженіе о времени начала пахоты и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ, размѣрахъ запашки, своевременномъ обсѣменении крестьянскихъ полей въ барщинныхъ имѣніяхъ, объ исправномъ отправленіи крестьянами лежавшихъ на нихъ повинностей. Послѣднее условіе было особенно важно для тѣхъ имѣній, которыя вели хозяйство съ помощью барщиннаго труда.

Полевыя работы.

Полевыя работы начинались въ средней полосѣ Россіи съ половины апрѣля, а въ южной полосѣ, въ зависимости отъ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, немного ранѣе. По вычисленію Повалишина, средняя продолжительность полевыхъ работъ въ Рязанской губерніи равнялась 5½ мѣс. Этотъ выводъ можно принять и по отношенію ко всей черноземной Великороссіи, такъ какъ климатическія ея условія въ общемъ приблизительно одинаковы. Смѣна полевыхъ работъ представляется г. Повалишину въ такомъ видѣ: съ 15 апрѣля по 1 мая пахота земли подъ овесъ и посѣвъ послѣдняго, съ 1 по 20 мая подготовка земли

подъ посѣвъ проса, картофеля и посѣвъ ихъ, съ 20 мая по 1 іюня — вывозка навоза, съ 1 по 23 іюня подъемъ пара и боронованіе, съ 23 іюня по 6 іюля сѣнокосъ, съ 8 іюля по 6 августа — уборка хлѣба, съ 6 по 20 августа — посѣвъ хлѣба и уборка проса, послѣ 20 августа — уборка картофеля, молотьба урожая и другія домашнія хозяйственныя работы.

Распредѣленіе барщинныхъ работъ.

Барщинныя работы распредѣлялись по тягламъ, но порядокъ отправленія барщинныхъ работъ крѣпостными, конечно, былъ неодинаковъ въ имѣніяхъ, и все зависѣло отъ воли и усмотрѣнія самого хозяина - предпринимателя. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщинныя работы производились всѣми наличными тягловыми работниками; въ другихъ — помѣщики требовали на работу ежедневно не болѣе половины наличнаго количества тягловыхъ работниковъ и работницъ. Трудно сказать, какъ распредѣлялись барщинныя работы уже между самими работниками, но, во всякомъ случаѣ, онѣ подвергались строгому учету, и помѣщики-предприниматели обыкновенно назначали своимъ работникамъ опредѣленные уроки. Вотъ какъ должны были распредѣляться барщинныя работы въ имѣніи рязанскаго помѣщика Семенова: метать тремъ работникамъ съ сохами на десятину, двоить, троить и перепахивать пяти работникамъ съ сохами на двѣ десятины, и при нихъ быть двумъ боронамъ безъ работниковъ. Напрягая возможно интенсивнѣе рабочую силу своего крѣпостного, помѣщики-предприниматели въ то же время по-разному относились къ вопросу объ увеличеніи количества тяголъ. Для губерній малоземельныхъ: Тульской, Казанской, Курской, увеличеніе числа существующихъ тяголъ могло создать помѣщику серьезныя хозяйственныя затрудненія, такъ какъ каждое новое тягло требовало земельнаго надѣла, а всякое уменьшеніе барской запашки было немыслимо безъ значительнаго хозяйственнаго ущерба. Надѣлять новыхъ тяглецовъ изъ крестьянской земли тоже было фактически невозможно, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ крестьянскіе надѣлы и безъ того были достаточно микроскопичны. Часто на одно тягло приходилось нѣсколько ревизскихъ душъ; но при послѣднемъ условіи всегда оставалось достаточное количество освобожденныхъ отъ тягла работниковъ, которые должны были обращаться къ другимъ подсобнымъ занятіямъ или нанимались на работу гдѣ-нибудь на сторонѣ. Совсѣмъ другое было отношеніе къ этому вопросу со стороны помѣщиковъ многоземельныхъ губерній. Помѣщикъ былъ заинтересо-

ванъ въ увеличенiи количества новыхъ тяголъ, такъ какъ всякое новое тягло увеличивало наличный контингентъ рабочей силы имѣнiя. Въ нѣкоторыхъ имѣнiяхъ 17-лѣтнiй возрастъ считался вполнѣ достаточнымъ для отправленiя самостоятельно тягловой повинности. Впрочемъ, и тутъ все зависѣло отъ усмотрѣнiя помѣщика. Не было также опредѣленнаго возраста для тягловаго работника, обыкновенно отправлявшаго свое тягло до тѣхъ поръ, пока позволяли ему его физическiя силы.

Помѣщичьи фабрики и заводы.

Заботясь объ увеличенiи доходности своего хозяйства, помѣщики стали устраивать въ имѣнiи фабрики и заводы. Превращенiе помѣщика въ фабриканта и заводчика началось съ половины XVIII вѣка и стало особенно замѣтнымъ послѣ отечественной войны, вообще благопрiятно повлiявшей на состоянiе фабричнозаводской промышленности. Устраивая фабрики, преимущественно суконныя, и открывая винокуренные заводы — помѣщики не дѣлали никакого риска. И выкуренное вино и выработанное сукно покупала у нихъ казна, предварительно заботливо распредѣлявшая казенные заказы между дворянами фабрикантами и заводчиками. Вотчинныя фабрики устраивались обыкновенно въ нечерноземной полосѣ Россiи, тогда какъ винокуренные заводы, не требовавшiе большого количества рабочихъ рукъ, главнымъ образомъ, въ черноземной полосѣ, гдѣ было достаточно хлѣба, необходимаго для винокуренiя. Вотчинная фабрика работала трудомъ барщиннаго крестьянства, такъ какъ устройство фабрики и ея эксплуатацiя собственными рабочими было выгоднѣе отпуска крѣпостныхъ на оброкъ. Это прекрасно понимали помѣщики-предприниматели. Не даромъ къ 1825 году большая часть фабрикъ была въ ихъ рукахъ. По изслѣдованiю г. Туганъ-Барановскаго въ 1825 году по всѣмъ фабрикамъ числилось рабочихъ 210.568, изъ числа которыхъ 66.725 было крѣпостныхъ рабочихъ.

Внутренiй бытъ фабрикъ.

Внутреннiй бытъ вотчинной фабрики извѣстенъ мало. Помѣщики, разсматривая фабричную работу крѣпостныхъ какъ отправленiе возложенной на нихъ барщины, слѣдили только за тѣмъ, чтобы фабричная работа выполнялась такъ же, какъ и обыкновенная барщина. Упомянутый изслѣдователь, изучая вотчинную фабрику, отмѣтилъ, что обыкновенно рабочiе дѣлились на двѣ смѣны: одна оставалась дома для надзора за крестьянскимъ хозяйствомъ, другая же въ это время работала на фабрикѣ. Большею частью крѣпостные работали безплатно. Если же иногда они получали денежное вознагражденiе, то, во всякомъ случаѣ,

оно было меньше заработной платы вольнонаемныхъ рабочихъ Тяжесть работы на фабрикахъ часто зависѣла еще отъ того, что крестьянамъ приходилось тратить немало времени на хожденіе на фабрику, сплошь и рядомъ значительно удаленную отъ деревень, населеніе которыхъ было обязано работать на фабрикахъ. Впрочемъ, встрѣчались среди помѣщиковъ-фабрикантовъ такія лица, которыя попросту выселяли крестьянъ съ ихъ насиженныхъ мѣстъ и селили около фабрики, отдавая въ ихъ распоряженіе небольшіе земельные участки. Большею частью вотчинныя фабрики были средняго размѣра по количеству работавшихъ на нихъ крѣпостныхъ, но попадались фабрики, на которыхъ работало до 1.000 человѣкъ. Вполнѣ понятно, что для работы на такой фабрикѣ приходилось посылать населеніе десятка-двухъ деревень.

Крѣпостные очень боялись вотчинной фабрики. Иногда при одномъ слухѣ о намѣреніи помѣщика устроить заводъ или фабрику крестьяне начинали волноваться. По словамъ Н. Тургенева, крестьяне о той деревнѣ, въ которой находились фабрика или заводъ, говорили съ выраженіемъ, какъ если бы хотѣли сказать «въ этой деревнѣ есть чума». Такое отношеніе крестьянъ къ фабрикѣ вполнѣ понятно. Фабрика была родомъ самой худшей эксплуатаціи крѣпостного труда. Заинтересованные въ возможномъ большемъ удешевленіи производства, помѣщики сплошь и рядомъ мобилизовали для фабричной работы всѣ крестьянскія силы, не исключая женщинъ и дѣтей. Такъ, у курской помѣщицы Брискорнъ была суконная фабрика, на которой работало 392 человѣка, въ томъ числѣ 91 человѣкъ дѣтей отъ 12 лѣтъ и моложе. Условія работы на фабрикѣ были настолько тяжелы и невыносимы, что въ теченіе года умерло 122 человѣка. На кирпичномъ заводѣ у той же помѣщицы работали по преимуществу женщины, не исключая больныхъ и беременныхъ; дѣти же отъ 8 до 15 лѣтъ возили на заводъ песокъ и глину. Продолжительность рабочаго дня на вотчинной фабрикѣ была весьма значительная: работали по 10—12 часовъ въ день. Правительственнаго надзора за фабриками не было никакого. Открыть фабрику и послать туда на работу своихъ крестьянъ — это было право помѣщика, желавшаго такимъ образомъ использовать имѣвшуюся въ его распоряженіи рабочую силу. Неудивительно, что злоупотребленіе на фабрикахъ крѣпостнымъ трудомъ было чрезмѣрное, и что крестьяне такъ волновались при одномъ слухѣ о возможности устройства фабрики въ имѣніи. Правительство

Николая I, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ отношенія помѣщиковъ къ своимъ крѣпостнымъ рабочимъ, однако сочло возможнымъ рекомендовать губернскимъ предводителямъ дворянства «дабы они сами и черезъ уѣздныхъ предводителей обращали особое и постоянное вниманіе на состояніе помѣщичьихъ людей и въ особенности на крестьянъ, употребляемыхъ на фабрикахъ и заводахъ». Эти наблюденія должны были сводиться къ тому, чтобы помѣщики «по возможности избѣгали обращенія пахотныхъ крестьянъ, особенно цѣлыми селеніями, къ фабричнымъ работамъ», чтобы они пеклись о содержаніи и благосостояніи людей на ихъ фабрикахъ, не принуждали ихъ къ работамъ въ воскресные и праздничные дни. Наконецъ та же инструкція комитета министровъ поручала предводителямъ дворянства наблюдать, чтобы на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ непремѣнно соблюдалось требованіе — «не требовать работы болѣе трехъ дней въ недѣлю». Помимо того, работы на фабрикахъ должны были такъ производиться, чтобы крестьяне, имѣвшіе земельные участки и самостоятельное хозяйство, работали только одну половину мѣсяца, а не имѣвшіе самостоятельнаго хозяйства получали опредѣленную заработную плату. Эта робкая попытка вмѣшаться въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ не имѣла никакого успѣха. Мѣры, рекомендуемыя комитетомъ министровъ, имѣя только факультативное значеніе и не связывая помѣщиковъ никакими опредѣленными обязательствами, говорили только о признаніи со стороны правительства ненормальнымъ положеніе крѣпостныхъ въ качествѣ фабричныхъ рабочихъ и въ то же время указывали на нежеланіе правительства вмѣшаться въ отношенія помѣщиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ и законодательнымъ путемъ защитить крѣпостного рабочаго отъ чрезмѣрной помѣщичьей эксплуатаціи.

Въ теченіе всей эпохи крѣпостного права правительство не стремилось опредѣлить закономъ взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, несмотря на то, что сознаніе необходимости такого опредѣленія ему было не чуждо. Отказавшись отъ мысли объ опредѣленіи объема власти помѣщика, правительство первой половины XIX вѣка, державшееся реакціоннаго курса во внутренней политикѣ и только заботившееся о соблюденіи порядка и спокойствія, довольно равнодушно смотрѣло на злоупотребленія помѣщичьей властью и выходило изъ своего созерцательнаго настроенія только въ томъ случаѣ, когда злоупотребленія казались чрезмѣрными даже самому правительству.

Положенie крѣпостныхъ. Считая себя въ правѣ распоряжаться трудомъ и личностью своего крѣпостного, помѣщики, преслѣдуя извлеченie изъ крѣпостного возможно бо́льшей для себя пользы и выгоды, не стѣснялись въ распоряженiи его трудомъ и его личностью. Они отдавали крестьянъ подрядчикамъ на строительныя работы, съ обязанностью лишь кормить и содержать, а вся заработанная ими плата поступала въ исключительное распоряженie помѣщика. Такая сдача была настолько иногда выгодной въ матерiальномъ отношенiи, что нѣкоторые помѣщики отказывались отъ самостоятельнаго веденiя хозяйства и предпочитали сдавать подрядчикамъ чуть ли не всѣхъ крестьянъ поголовно. Конечно, это практиковалось преимущественно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ условiя для занятiя сельскимъ хозяйствомъ были мало благопрiятны, и гдѣ, слѣдовательно, доходы помѣщиковъ не могли быть особенно большими. Больше практиковали такую сдачу помѣщики Витебской и Могилевской губернiй. Съ согласiя помѣщика и сами крестьяне уходили на отхожiе промыслы. Особенно былъ значителенъ притокъ пришлыхъ рабочихъ въ Новороссiи. Практиковалась также сдача крестьянъ и на фабричныя работы, впрочемъ, за исключенiемъ горныхъ заводовъ. Отсылали помѣщики своихъ крестьянъ въ города для обученiя ремеслу, поваренному искусству, музыкѣ для пополненiя своего домашняго оркестра. Иногда отправляли крестьянскихъ дѣвушекъ обучаться французскому языку, чтобы имѣть дома даровую учительницу французскаго языка. Не брезговали помѣщики отдачей своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ въ разнаго рода притоны, лишь бы только за это было получено достаточно большое вознагражденie. Вообще, помѣщики не стѣснялись въ эксплуатацiи личности и труда крестьянина, разъ такая эксплуатацiя могла существеннымъ образомъ увеличить его доходы.

Произволъ помѣщиковъ. Эксплуатируя всѣми имѣвшимися у помѣщиковъ средствами трудъ крестьянина, помѣщики въ то же время довольно свободно обращались и съ личностью своихъ крестьянъ, не ставя себѣ въ этомъ отношенiи никакихъ предѣловъ. Сплошь и рядомъ свободное распоряженie личностью крестьянина превращалось въ какое-то систематическое издѣвательство надъ нимъ. Больше всего отъ барскаго произвола страдали барщинные крестьяне и дворовые люди. Менѣе подвергались послѣднему крестьяне, переведенные на оброкъ, благодаря тому, что они стояли нѣсколько вдали отъ попечительнаго и бдительнаго взгляда помѣщика. Слѣдя

за отправленіемъ барщинныхъ работъ своими крестьянами, помѣщики наказывали крестьянъ за самую небольшую провинность. Имъ же, конечно, подражали бурмистры и управляющіе. Крестьянъ наказывали за опаздываніе на работу, медленную и плохую работу, наказывали и безъ всякой причины исключительно съ цѣлью проявленія своей «помѣщичьей или управительской» воли. Провинившихся крестьянъ наказывали нагайками, сѣкли кнутами, сажали въ домашнія тюрьмы, одѣвали на нихъ ошейникъ, приковывали къ стѣнѣ, били «каблукомъ по зубамъ и скуламъ». Вообще, почти невозможно перечислить полностью практиковавшіяся средства воздѣйствія: помѣщичья изобрѣтательность въ этомъ отношеніи была безгранична. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ генералъ Измайловъ, обратившій на себя вниманіе даже николаевскаго правительства, были прямо-таки виртуозами своего дѣла.

Не менѣе страдали отъ барскаго произвола и дворовые. Находясь постоянно въ домѣ и около помѣщика, дворовые могли ежеминутно не угодить своему господину и за это подвергнуться наказанію. Наказывали буквально за всякую мелочь: за плохо вычищенную трубку, не во-время поданную кашу, неподогрѣтое красное вино, плохо прибранную комнату, плохо вычищенную обувь и т. д. И дворовыхъ сѣкли палками и кнутомъ, таскали за волосы и били по лицу, въ видѣ наказанія уменьшали слѣдуемую имъ мѣсячину или давали имъ пищу, приготовленную изъ недоброкачественнаго матеріала, напр., червиваго мяса. Подвергались помѣщичьему произволу и малолѣтнія дѣти: нѣкоторыя помѣщицы прямо-таки специализировались на мученіи малолѣтнихъ. Такъ, одна изъ нихъ до смерти истыкала своего комнатнаго мальчика перочиннымъ ножомъ. Другая заставляла дворовую дѣвочку ѣсть разное битое стекло, бумагу и кости, обливала ее на морозѣ холодной водой. Иногда, для потѣхи самого барина или его подвыпившихъ гостей, мальчиковъ травили борзыми собаками, а то заставляли бѣгать на арканѣ, какъ лошадь, до тѣхъ поръ, пока онъ не свалится на землю и т. д. Законъ равнодушно смотрѣлъ на всѣ эти проявленія господской фантазіи, и не удивительно, что нѣкоторые помѣщики прямо-таки стали спеціалистами по издѣвательству надъ крестьянами. Правда, законъ требовалъ, чтобы имѣнія помѣщиковъ, извѣстныхъ своимъ жестокимъ обращеніемъ съ крестьянами, брались въ опеку, но при тогдашнемъ благосклонномъ отношеніи власти къ помѣщикамъ, «которымъ верховная власть, давъ землю для

населенія, ввѣрила и черезъ то попеченіе о людяхъ населенныхъ», это законодательное требованіе не имѣло особеннаго значенія. Несмотря на благосклонное отношеніе къ помѣщичьей власти, правительство Николая I было принуждено отобрать въ опеку около 600 имѣній. Не ставя никакихъ ограниченій власти помѣщика, законъ разрѣшалъ ему ссылать въ Сибирь на поселеніе неугодныхъ ему дворовыхъ крестьянъ, чѣмъ только подчеркивалъ неограниченныя права помѣщика въ распоряженіи личностью своего крестьянина. Предназначеннаго для ссылки крестьянина обыкновенно сдавали въ губернское правленіе, въ обязанности котораго входила отсылка крестьянъ въ Сибирь на поселеніе. Условія пересылки были очень тяжелыя, благодаря чему немало невольныхъ переселенцевъ не выдерживало всѣхъ трудностей ссыльнаго этапа и по дорогѣ умирало. Кромѣ того, помѣщикъ могъ въ любой моментъ сдать нежелательнаго для него крестьянина въ рекруты и притомъ съ полученіемъ рекрутской квитанціи. Помѣщики широко пользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Особенно часто отдавались въ рекруты мужья, которые не желали отдавать своихъ женъ на растленіе помѣщикамъ, или отцы, если они отказывались приводить къ барину своихъ дочерей. Такіе случаи были постоянными: крѣпостная хроника богата фактами проявленія помѣщичьей безнравственности. Нѣкоторые помѣщики имѣли собственные гаремы и неоднократно предпринимали объѣздъ своихъ помѣстій для пополненія своего гарема новыми невольными рабынями. Другіе же просто ограничивались распоряженіемъ привести «дѣвокъ для постельнаго дѣла», а то требовали, чтобы каждая новобрачная свою первую ночь провела въ комнатѣ помѣщика. Такъ своеобразно помѣщики понимали свою обязанность заботиться о ввѣренномъ имъ населеніи.

Протестъ крестьянъ.

Такое тяжелое положеніе крѣпостныхъ естественно вызывало у нихъ реакцію противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ. Крестьяне сплошь и рядомъ подавали жалобы на своихъ помѣщиковъ на высочайшее имя, то министру внутреннихъ дѣлъ, то начальнику губерніи. Большею частью онѣ не имѣли никакихъ послѣдствій. Онѣ оставались или безъ разсмотрѣнія, или по нимъ назначалось разслѣдованіе и иногда раскрывались дѣйствительно колоссальныя злоупотребленія, благодаря которымъ имѣніе отбиралось въ опеку. Благодаря такому отношенію правительства къ крестьянскимъ жалобамъ, крестьяне по-своему реагировали на помѣщичій произволъ. Самой простой формой протеста было бѣг-

ство крестьянъ. Въ царствованіе Николая I бѣгли большею частью въ Новороссію и Бессарабію. Убѣгали сюда не только изъ близълежащихъ губерній, но и изъ такихъ отдаленныхъ, какъ Петербургская, Смоленская, Тверская. Какія мѣры не принимали бы правительство и сами помѣщики — онѣ сами по себѣ были безсильны остановить бѣгство крѣпостныхъ. Въ связи съ тяжелымъ положеніемъ крѣпостныхъ — среди нихъ бывали частые случаи самоубійства. Трудно съ точностью учесть процентъ самоубійцъ, такъ какъ обыкновенно въ офиціальныхъ вѣдомостяхъ они показывались «скоропостижно умершими», но, во всякомъ случаѣ, самоубійства во время крѣпостного права можно считать довольно распространеннымъ явленіемъ Но крестьянская масса не удовлетворялась только однимъ пассивнымъ протестомъ противъ крѣпостного права. Довольно часто она дѣйствовала и активно. Эта реакція крѣпостному праву выражалась въ крестьянскихъ волненіяхъ, сопровождавшихся истязаніями и убійствомъ своихъ помѣщиковъ и управляющихъ. Эти волненія, правда, по размѣрамъ не могли равняться съ пугачевщиной, но непрерывность ихъ, упорство, съ какимъ поднимались крестьяне, указывали на то, что никакія репрессіи, никакія военныя экзекуціи не остановятъ народнаго протеста противъ крѣпостного права. По вычисленіямъ изслѣдователей, за все николаевское царствованіе извѣстно не менѣе 674 случаевъ крестьянскихъ волненій, причемъ число ихъ съ каждымъ годомъ все увеличивалось. Такъ, на 1826 годъ всего приходилось 85 волненій, а въ 1845 г. уже 207 случаевъ открытаго неповиновенія помѣщичьей власти. Большая часть волненій падала на губерніи, гдѣ преобладало барщинное хозяйство. Усиленный ростъ барщины и жестокая эксплуатація крестьянскаго труда, возмутительное обращеніе съ личностью крестьянина со стороны помѣщиковъ или управляющихъ, слухи о близкой волѣ, переселеніе на неудобные участки земли, иногда полное разореніе вслѣдствіе разныхъ помѣщичьихъ притязаній — все это бывало причиной отдѣльныхъ крестьянскихъ волненій. Но бывали въ Николаевскую эпоху и массовыя крестьянскія волненія, охватывавшія значительные районы. Къ нимъ надо отнести движенія крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ въ 1854 и 1855 году въ связи со слухами по поводу морского и государственнаго ополченія, охватившія около 10 губерній. Крестьяне массами оставляли деревни и уходили въ города для записи въ ополченіе, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, эта запись да-

вала имъ свободу. Въ 1856 году крестьяне Харьковской, Екатеринославской и Херсонской губерній уходили въ Крымъ «въ Таврію», въ которой, по слухамъ, можно было получить волю. Это движеніе дорого стоило крестьянамъ, потерявшимъ во время столкновеній съ войсками десятки убитыхъ и раненыхъ. Тѣмъ не менѣе эта кровавая расправа не убила въ народной массѣ жажды свободы, и съ этой жаждой, конечно, въ конечномъ счетѣ, пришлось правительству считаться, и въ ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній найти средство къ успокоенію недовольнаго и оскорбленнаго народа.

Нѣкоторые изъ крѣпостныхъ, считая себя свободными людьми, не желали находиться въ крѣпостномъ состояніи и, на основаніи закона Павла I «о людяхъ ищущихъ вольности», хлопотали о возвращеніи себѣ свободы. Такія дѣла тянулись очень долго, иногда по десяткамъ лѣтъ, въ особенности, если дѣло доходило до Сената, такъ какъ соотвѣтствующія должностныя лица, обязанныя доставить Сенату необходимыя свѣдѣнія, вовсе не торопились съ исполненіемъ посланнаго имъ предписанія. Помимо этого, и сами помѣщики принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы не дать дѣлу хода, а если и дать, то такъ его направить, чтобы оно было рѣшено въ пользу помѣщика. Большая часть прошеній о вольности падаетъ на южныя и восточныя губерніи, гдѣ всегда чувствовался большой недостатокъ въ крѣпостномъ трудѣ и гдѣ стремились записью въ ревизскія сказки записать въ крѣпостные свободнаго человѣка. Въ число крѣпостныхъ, какъ оказывалось, попадали дочери ясаныхъ крестьянъ, которыхъ иногда крестьяне захватывали силой и выдавали замужъ за своихъ сыновей, польскіе конфедераты, разнаго рода выходцы изъ Польши, получившіе свободу по духовному завѣщанію, украинскіе казаки, лица духовнаго происхожденія, бывшіе кантонисты, состоявшіе въ военномъ вѣдомствѣ и неизвѣстно, какъ попавшіе въ крѣпостные. Не всегда подавшіе прошеніе о возвращеніи незаконно отнятой свободы получали желаемое, но случалось нерѣдко, что суды того времени, хотя и очень крѣпостнически настроенные, однако удовлетворяли прошеніе о свободѣ и возвращали силою или обманомъ утраченную свободу. Зато, каково было положеніе тѣхъ, кому судъ отказалъ въ искѣ. Тогда помѣщикъ не стѣснялся ничѣмъ въ проявленіи своей воли и своей власти.

В. Пичета.

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Николая I.

Крѣпостное право и русская дѣйствительность.

Царствованіе императора Николая I совпало какъ разъ съ моментомъ наибольшаго обостренія того хозяйственнаго кризиса, который уже со второй половины XVIII в. началъ обнаруживаться въ русской крѣпостной деревнѣ. Вся совокупность тогдашнихъ жизненныхъ условій властно требовала разрѣшенія крестьянскаго вопроса, такъ какъ и народное и государственное хозяйство поставлено было въ самое тяжелое положеніе въ силу существованія подневольнаго крѣпостного труда. Разработка основныхъ началъ освобожденія крѣпостного крестьянства являлась настолько назрѣвшимъ вопросомъ, что снять его съ очереди не было никакой возможности, и эту трудную задачу взяло въ свои руки правительство императора Николая.

Николай I и крѣпостное право.

Кровавыя событія, сопровождавшія вступленіе на престолъ новаго государя, должны были неизбѣжно приковать его вниманіе къ той мрачной картинѣ, которую нарисовали въ своихъ письмахъ и показаніяхъ узники Петропавловской крѣпости. Изъ всего матеріала, добытаго слѣдственной комиссіей надъ участниками декабрьскаго заговора, бывшимъ ея дѣлопроизводителемъ Боровковымъ былъ составленъ, по повелѣнію государя, систематическій сводъ, представленный ему въ февралѣ 1827 г. Этотъ «сводъ показаній членовъ злоумышленныхъ обществъ о внутреннемъ состояніи государства» постоянно находился на

Пособія: Сборникъ Имп. Рус. Ист. Об-ва, т. 74 и 90. СПБ. 1891 — 94 гг. *А. П. Заблоцкій-Десятовскій.*—Графъ П. Д. Киселевъ, т. II, IV. СПБ. 1882. *Кн. О. Трубецкая.*—Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго, т. I, Москва 1901. *А. И. Кошелевъ* — Записки. Берлинъ. 1884 г. N. Tourgeneff. — Императоръ Николай I, т. I. СПБ. 1903. *В. И. Семевскій.* — Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, т. II. СПБ. 1888. *В. И. Семевскій.* — Политическія и общественныя идеи декабристовъ. СПБ. 1909. Крестьянскій строй. — Сборникъ статей. Изд-іе кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого. СПБ. 1905. *А. Повалишинъ.* — Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные. Рязань. 1903. *В. А. Боголюбовъ.* — Дворянскіе проекты по крестьянскому вопросу при Николаѣ I. — Великая реформа, т. III. Москва. 1911.

столѣ въ кабинетѣ государя и, по словамъ кн. Кочубея, «онъ часто просматривалъ его и черпалъ изъ него много дѣльнаго». Если политическая часть программы декабристовъ надолго была снята съ очереди, то соціальная ея сторона, особенно необходимость ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній въ Россіи, естественно должна была сосредоточить на себѣ вниманіе новаго правительства въ лицѣ императора Николая.

Молодой государь не могъ не сознавать всей важности крестьянскаго вопроса, всей настоятельности его возможно быстраго разрѣшенія. Еще въ бытность его великимъ княземъ академикъ Шторхъ, читавшій ему лекціи по политической экономіи, укрѣплялъ въ немъ мысль объ экономическомъ вредѣ рабскаго труда, хотя, по собственному признанію Николая, эти лекціи Шторха «оказались для него совершенно безплодными». Гораздо болѣе сильное впечатлѣніе произвелъ на него разговоръ съ знаменитымъ Оуэномъ въ 1816 г., во время посѣщенія имъ Англіи. Оуэнъ говорилъ ему, какъ передаетъ, со словъ государя, въ своихъ запискахъ А. О. Смирнова, о большей полезности свободнаго труда и сослался при этомъ на знаменитое сочиненіе Адама Смита. «Прочелъ потомъ мѣста,—разсказывалъ впослѣдствіи императоръ Николай, — которыя онъ мнѣ указалъ и съ этого дня сталъ думать объ освобожденіи нашихъ крестьянъ».

Первыя мѣры правительства по крестьянскому вопросу.

Настроеніе крестьянской массы при вступленіи на престолъ императора Николая далеко не было спокойнымъ. Среди крѣпостныхъ распространились слухи о томъ, что они получатъ землю и, кромѣ того, будутъ освобождены отъ податей и повинностей. Хотя манифестомъ 12 мая 1826 г. правительство объявляло, что всѣ крестьяне должны исполнять безпрекословно обязанности, возложенныя на нихъ закономъ, и грозило суровыми наказаніями составителямъ и переписчикамъ крестьянскихъ прошеній на высочайшее имя, однако, подъ вліяніемъ волненій, были приняты нѣкоторыя мѣры. Такъ, въ рескриптахъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 19 іюня и 6 сентября 1826 г. предписывалось дворянамъ «христіанское и сообразное съ закономъ обращеніе съ крестьянами». А предводителямъ дворянства вмѣнялось въ обязанность предупреждать жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крѣпостными, при чемъ государь объявлялъ, что онъ будетъ по закону наказывать помѣщиковъ за нарушеніе ими своихъ обязанностей по отношенію къ крестьянамъ и дворовымъ людямъ.

Николай I и крестьянскій вопросъ.

Бесѣдуя въ іюлѣ 1834 г. съ П. Д. Киселевымъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, Николай просилъ его «помогать ему въ томъ дѣлѣ, которое онъ почиталъ должнымъ передать сыну съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи и мысль о которомъ его постоянно занимала». Во время этого разговора государь указалъ Киселеву на находившіеся въ его кабинетѣ картоны и сказалъ: «Здѣсь я со вступленія моего на престолъ собралъ всѣ бумаги, относящіяся до процесса, который я хочу вести противъ рабства, когда наступитъ время, чтобы освободить крестьянъ во всей имперіи». Но встрѣчая противодѣйствіе въ окружающей средѣ, не находя сочувствія даже среди собственныхъ братьевъ, императоръ Николай долженъ былъ ограничиваться полумѣрами въ вопросѣ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Поэтому на всемъ законодательствѣ о крѣпостныхъ крестьянахъ его царствованія лежитъ печать какой-то робкой нерѣшительности. Боязнь вывести крестьянскій вопросъ на арену общественнаго обсужденія заставляла императора Николая сосредоточить разработку всѣхъ мѣропріятій, до него относящихся, въ секретныхъ, секретнѣйшихъ и келейныхъ комитетахъ. Чтобы показать, въ какой таинственной атмосферѣ обсуждался при императорѣ Николаѣ крестьянскій вопросъ, достаточно напомнить слѣдующій фактъ. Въ 1839 г. учрежденъ былъ комитетъ, дѣятельность котораго должна была быть посвящена исключительно вопросу объ измѣненіи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Государь приказалъ, «все дѣло сохранять въ совершенной тайнѣ» и, для исполненія его повелѣнія, положено было гласно заявлять, что комитетъ будетъ заниматься вопросомъ «о повинностяхъ въ казенныхъ имѣніяхъ западныхъ губерній». Окруживъ себя непроницаемой бюрократической стѣной, государь считалъ возможнымъ подготовку самой жизненной и основной соціальной реформы сосредоточить въ рукахъ чиновныхъ старцевъ, далекихъ отъ жизни и ея практическихъ требованій. Въ неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей среды и въ средствахъ, избранныхъ императоромъ Николаемъ, надо искать основную причину тѣхъ неудачъ, которыми завершились его благія намѣренія въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Секретный комитетъ 1826 года

Черезъ всѣ секретные комитеты эпохи царствованія Николая красной нитью проходитъ стремленіе отсрочить, во что бы то ни стало, тѣ реформы, которыя властно стучались въ дверь.

Этотъ тонъ скрытаго противодѣйствія назрѣвшимъ преобразованіямъ ярко выступаетъ уже въ работахъ перваго комитета, учрежденнаго 6 декабря 1826 г., съ цѣлью «обозрѣнія всѣхъ частей управленія и выработки мѣръ для лучшаго ихъ устройства и исправленія». Крестьянскому вопросу отведено было въ немъ довольно видное мѣсто, и въ качествѣ матеріаловъ по этому предмету были переданы въ него проекты, представленные еще императору Александру. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ кн. Кочубей, а въ составъ его членовъ вошелъ Сперанскій, получившій отъ государя повелѣніе составить записку о крѣпостномъ состояніи въ Россіи и о мѣрахъ, какія должны быть приняты для улучшенія положенія крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, и для достиженія не быстрыми, но вѣрными и безопасными средствами совершеннаго ихъ освобожденія.

Записки Сперанскаго.

Съ тѣмъ же искусствомъ, съ какимъ въ былое время Сперанскій облекалъ въ плоть и кровь вольнолюбивыя мечты императора Александра, онъ составилъ обширную записку, общій смыслъ которой заключался въ томъ, чтобы отсрочить, по мѣрѣ возможности, разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Сдѣлавъ подробный историческій обзоръ зарожденія и развитія крѣпостного состоянія въ Россіи, Сперанскій выдвигаетъ рядъ мѣропріятій, которыя, по его мнѣнію, можно было бы осуществить. Прежде всего онъ предлагаетъ, «вернуть крѣпостное право къ его первоначальному положенію, сдѣлавъ крестьянъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу». Съ этою цѣлью, по его словамъ, надо воспретить безземельныя сдѣлки на крестьянъ. Переходной мѣрой, по его словамъ, могла бы быть отмѣна всякаго рода стѣсненій, устанавливаемыхъ существующими узаконеніями, при переводѣ крестьянъ изъ крѣпостного состоянія въ свободное. Въ отдаленномъ будущемъ ему рисовалась возможность ликвидировать крѣпостныя отношенія путемъ опредѣленія всѣхъ работъ и повинностей договоромъ. Но это важное, на его взглядъ, преобразованіе крѣпостного права можетъ совершиться только путемъ мѣръ, зрѣло соображенныхъ и приводимыхъ въ исполненіе постепенно. О какомъ-либо освобожденіи съ земельнымъ обезпеченіемъ онъ и не помышляетъ, не идя далѣе допущенія свободнаго договора, какъ способа регулировать отношенія между помѣщикомъ и его крѣпостными. Желая какъ можно искуснѣе предовратить реформы, Сперанскій, въ угоду тогдашнимъ крѣпостникамъ, рекомендуетъ въ первую очередь

устройство быта казенныхъ крестьянъ и приведенiе помѣщичьихъ крестьянъ въ то же положенiе, какое будетъ опредѣлено для казенныхъ. Такимъ образомъ, подъ перомъ Сперанскаго, вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права былъ искусно подмѣненъ вопросомъ о реформѣ положенiя крестьянъ казеннаго вѣдомства. Мысль объ «учрежденiи лучшаго хозяйственнаго управленiя казеннаго сельскаго населенiя» чрезвычайно понравилась членамъ комитета, которые выражали надежду, что «это послужитъ образцомъ и для частныхъ владѣльцевъ». Въ 1828 г. была учреждена подъ предсѣдательствомъ кн. Куракина комиссiя «для составленiя плана новаго управленiя казенныхъ крестьянъ». Она высказалась за переселенiе крестьянъ изъ малоземельныхъ губернiй въ многоземельныя и за созданiе класса «наслѣдственныхъ арендаторовъ».

Николай I и комитетъ 1826 года.

Самъ государь проявлялъ неослабный интересъ къ работамъ комитета, намѣчая нерѣдко тѣ вопросы, которые въ его глазахъ имѣли наибольшее значенiе. Такъ, въ засѣданiи 25 апрѣля 1827 г. прочтена была собственноручная записка императора Николая, въ которой онъ выражалъ желанiе, чтобы была произведена ревизiя однимъ дворовымъ людямъ, послѣ чего было бы запрещено брать изъ крестьянъ въ дворовые, а съ дворовыхъ людей взимались бы тройныя подушныя. Стремясь къ сокращенiю числа дворовыхъ, государь указывалъ также на необходимость при продажѣ имѣнiй и при закладѣ ихъ въ банки обозначать не число душъ, а лишь число десятинъ земли. По одному частному случаю государь предписалъ комитету составить проектъ закона для прекращенiя продажи людей безъ земли. Но члены комитета, указавъ на то, что цѣлому ряду необразованныхъ и закоснѣлыхъ въ грубыхъ привычкахъ помѣщиковъ предлагаемая мѣра покажется стѣсненiемъ права собственности, ставили на видъ государю, что для предупрежденiя всякаго ропота, всякихъ лживыхъ толковъ и волненiя въ умахъ нужно обнародовать запрещенiе продавать людей безъ земли вмѣстѣ съ постановленiями, благопрiятными для другихъ сословiй; этимъ, по мнѣнiю комитета, правительство докажетъ, что оно заботится о всѣхъ классахъ подданныхъ безъ исключенiя. Такимъ образомъ, представители высшей бюрократiи старательно затушевывали все то, что могло облегчить положенiе крѣпостной деревни, и дѣлали все возможное, чтобы направить теченiе историческаго потока въ иное, болѣе безопасное русло.

Проектъ закона о состояніяхъ.

Комитетъ «6 декабря» продолжалъ свои занятія до 1830 г., когда имъ былъ составленъ проектъ «дополнительнаго закона о состояніяхъ». Среди длиннаго ряда параграфовъ и статей, устанавливавшихъ правила прохожденія гражданской службы и говорившихъ о различныхъ способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства и почетнаго гражданства, мы находимъ въ немъ отдѣлъ «о крестьянствѣ», посвященный исключительно крѣпостнымъ крестьянамъ и дворовымъ людямъ. Этотъ законопроектъ устанавливалъ, что крестьяне должны отбывать въ пользу помѣщика «трехдневныя работы» или «вмѣсто» нихъ платить оброкъ. Отчужденіе крестьянъ безъ земли и продажа ихъ на свозъ воспрещалась. На ряду съ подтвержденіемъ закона 1803 г. «о свободныхъ хлѣбопашцахъ», мы встрѣчаемъ въ немъ разрѣшеніе освобождать крестьянъ безъ земли, даже цѣлыми деревнями по взаимному ихъ съ помѣщикомъ согласію. Такіе вольноотпущенные въ теченіе года должны были приписаться къ какому-либо городскому или сельскому обществу, но послѣднія не обязаны были при этомъ надѣлять ихъ землею. Вольноотпущенные земледѣльцы могли нанимать землю по договору и мѣнять мѣсто жительства съ вѣдома казенной палаты. Однако если они не выполняли взятыхъ на себя передъ бывшимъ своимъ помѣщикомъ обязательствъ, то подвергались обычнымъ мѣрамъ взысканія, а если эти мѣры оказывались недѣйствительными, то, по судебному приговору, ихъ могли вернуть въ прежнее крѣпостное состояніе. Особое положеніе о дворовыхъ людяхъ имѣло цѣлью побудить помѣщиковъ къ уменьшенію этого разряда крѣпостныхъ. Во всѣхъ послѣдующихъ ревизіяхъ дворовые должны были записываться отдѣльно отъ крестьянъ, при чемъ сами помѣщики, а не ихъ крестьяне, обязаны были уплачивать за нихъ подушную подать въ двойномъ размѣрѣ. Вмѣсто рекрутъ изъ дворовыхъ нельзя было ставить рекрутъ изъ крестьянъ. Переводъ крестьянъ въ дворовые послѣ ближайшей ревизіи былъ воспрещенъ. Выкупъ дворовыхъ на волю облегчался цѣлымъ рядомъ льготныхъ правилъ, но въ теченіе года такіе дворовые обязаны были избрать себѣ родъ жизни; въ противномъ случаѣ съ ними грозили поступать какъ съ бродягами. Всякаго рода сдѣлки на дворовыхъ, отдѣльно отъ деревень, къ которымъ они были приписаны, воспрещались, а желая прекратить существованіе дворовыхъ у беземельныхъ дворянъ, составители проекта высказались за

воспрещеніе обезпечивать такими дворовыми, не приписанными къ деревнямъ, частныя и казенныя долговыя обязательства.

Въ апрѣлѣ 1830 г. проектъ «дополнительнаго закона о состояніяхъ», съ небольшими измѣненіями былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ, большинство членовъ котораго полагало, что новый законъ можно немедленно издать и примѣнять на практикѣ. Однако государь до опубликованія «закона о состояніяхъ» отправилъ его въ Варшаву на разсмотрѣніе цесаревичу Константину Павловичу. Но въ старшемъ братѣ императоръ Николай не нашелъ поддержки въ предполагаемыхъ реформаціонныхъ начинаніяхъ. Цесаревичъ составилъ на присланный къ нему законъ обширныя письменныя замѣчанія, въ которыхъ указывалъ, что «сильнѣйшая ограда для сохраненія главныхъ состояній, коренныхъ законовъ и государственныхъ уставовъ есть ихъ древность». Поэтому онъ полагалъ «относительно существенныхъ перемѣнъ, что лучше было бы отдать ихъ еще на судъ времени». Между прочимъ великій кн. Константинъ опасался изданіемъ новаго закона возбудить неудовольствіе лицъ, «поставляющихъ нерѣдко все достояніе свое въ дворовыхъ людяхъ, которыхъ послѣ продать имъ будетъ не возможно», и высказалъ мысль, «что, можетъ-быть, нашелся бы способъ постепеннаго исправленія существующаго обычая продавать дворовыхъ безъ земли». Въ его глазахъ запрещеніе брать въ дворовые изъ крестьянъ являлось «слишкомъ рѣшительной мѣрой». Онъ предлагалъ ввести въ законъ необходимыя изъятія изъ него, а чтобы запрещеніе не осталось мертвою буквою, опредѣлить «мѣру взысканія за несоблюденіе» установленныхъ правилъ. Замѣчанія цесаревича не поколебали мнѣнія комитета о необходимости изданія всего закона цѣликомъ, не дробя его на части, а предсѣдатель его кн. Кочубей составилъ даже особую записку въ защиту новаго законопроекта, въ которой отстаивалъ своевременность воспрещенія продажи крѣпостныхъ безъ земли. Но императоръ Николай, подъ вліяніемъ замѣчаній великаго кн. Константина, рѣшилъ изъ всего проекта въ первую очередь издать законъ объ ограниченіи раздробленія населенныхъ недвижимыхъ имѣній, считая, что «мелкіе выслужившіеся дворяне, покупавшіе населенныя имѣнія враздробь, высасываютъ крестьянъ до нельзя». Закономъ этимъ предполагалось воспретить раздробленіе деревень, въ которыхъ числилось по ревизіи менѣе 50 душъ, но не уничто-

жалось право личной продажи. Однако Государственный Совѣтъ въ засѣданіи 24 ноября 1830 г. указалъ на то, что безъ запрещенія продажи людей поодиночкѣ и безъ земли этотъ законъ не можетъ имѣть тѣхъ благихъ послѣдствій, какихъ ожидаетъ отъ него правительство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ члены совѣта изданіе подобнаго рода закона считали несвоевременнымъ въ виду «свирѣпствующей въ государствѣ холеры и настоящаго положенія имѣній и владѣльцевъ». Быть-можетъ, на нихъ оказали извѣстное воздѣйствіе революціонныя движенія во Франціи и Бельгіи и возстаніе въ Польшѣ, извѣстіе о которомъ пришло въ Петербургъ какъ разъ въ это время. Такимъ образомъ, четырехлѣтняя дѣятельность перваго секретнаго комитета оказалась вполнѣ безплодной, такъ какъ ни одинъ изъ выработанныхъ имъ проектовъ не получилъ силы закона. Эта неудача перваго опыта улучшить законодательнымъ путемъ положеніе крѣпостного крестьянства неизбѣжно должна была подорвать энергію императора Николая, тѣмъ болѣе, что въ окружающихъ лицахъ онъ встрѣчалъ то скрытую, то явную оппозицію своимъ реформаціоннымъ начинаніямъ.

Гр. Мордвиновъ и крестьянскій вопросъ.

Даже такой либералъ въ политическихъ вопросахъ, какъ гр. Мордвиновъ, считавшій, что существованіе крѣпостного права вредно для интересовъ государства, полагалъ, что освобожденіе крестьянъ будетъ возможно только тогда, когда народонаселеніе Россіи будетъ пропорціонально ея пространству и когда землевладѣлецъ будетъ имѣть возможность обрабатывать свою землю вольнонаемнымъ трудомъ. Въ качествѣ члена Государственнаго Совѣта онъ постоянно противился попыткамъ правительства ограничить крѣпостное право. Единственно, что онъ допускалъ, это опредѣленіе закономъ размѣра личнаго выкупа на свободу. Онъ даже мечталъ объ отмѣнѣ обязанности помѣщиковъ прокармливать своихъ крестьянъ во время неурожаевъ, полагая, что этотъ законъ «возбуждаетъ неповиновеніе крестьянъ помѣщикамъ». Со взглядами на крестьянскій вопросъ другого сторонника широкой политической реформы Сперанскаго мы уже ознакомились изъ его записки, представленной въ комитетѣ 1826 г. Подобно гр. Мордвинову, онъ высказывался за личное и безземельное освобожденіе крестьянъ путемъ частныхъ соглашеній между крѣпостными и ихъ владѣльцами. Единственно, въ комъ государь могъ встрѣтить сочувствіе своимъ взглядамъ и намѣреніямъ, такъ это въ гр. П. Д. Ки-

селевѣ, который съ средины 1830-хъ гг. начинаетъ проявлять чрезвычайно много энергіи въ сферѣ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ. Недаромъ императоръ Николай въ шутку называлъ его «своимъ начальникомъ штаба по крестьянскому дѣлу».

Комитетъ 1835 г.

Въ мартѣ 1835 г. былъ учрежденъ новый секретный комитетъ «для изысканія средствъ къ улучшенію состоянія крестьянъ разныхъ званій». Въ его работахъ принимали участіе и Сперанскій и Киселевъ. Цѣлью своей дѣятельности этотъ комитетъ полагалъ «установленіе нечувствительнаго возведенія крестьянъ отъ состоянія крѣпостного до состоянія свободы въ той мѣрѣ, какую законъ справедливости и польза государственная допустить можетъ». Однако среди членовъ комитета преобладалъ тотъ взглядъ, что опредѣленіе порядка перехода отъ крѣпостного состоянія къ свободному «требуетъ величайшей осмотрительности», ибо «одно имя свободы, рано произнесенное, можетъ имѣть послѣдствія гибельныя». Несомнѣнно, подъ вліяніемъ Сперанскаго комитетъ высказался за остзейскую форму освобожденія, считая, что «несчастная мысль, почти повсемѣстно существующая между помѣщичьими крестьянами, что они сами принадлежатъ господину, а земли принадлежатъ имъ, есть одно изъ главныхъ препятствій къ достиженію желаемой цѣли при введеніи предполагаемыхъ улучшеній крестьянскаго быта». Несмотря на свою двухлѣтнюю работу, и этотъ комитетъ ни на шагъ не подвинулъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса, который тѣмъ не менѣе не могъ быть снятъ съ очереди.

Комитетъ 1835—42 г.

Въ виду преобладанія среди представителей высшей бюрократіи сторонниковъ безземельнаго освобожденія, было вполнѣ естественнымъ подвергнуть пересмотру законъ 20-го февраля 1803 г., ставившій непремѣннымъ условіемъ отпуска крестьянъ на волю надѣленіе ихъ землею въ собственность. Съ этой цѣлью въ ноябрѣ 1839 г. образованъ былъ секретный комитетъ, наиболѣе видную роль въ которомъ игралъ гр. Киселевъ, бывшій въ это время министромъ государственныхъ имуществъ.

Записка Киселева.

Въ обширной запискѣ, представленной имъ въ комитетъ, Киселевъ подробно развилъ свой взглядъ на крестьянскій вопросъ. Онъ являлся одновременно и принципіальнымъ противникомъ безземельнаго освобожденія крестьянъ и высказывался противъ надѣленія ихъ землею въ полную собственность. Дворянство, въ его глазахъ, составляя необходимое звено, соединяющее

верховную власть съ народомъ, должно было исключительно пользоваться правомъ владѣнія заселенными землями. Выкупную операцію въ то время Киселевъ считалъ дѣломъ невозможнымъ по финансовымъ соображеніямъ, высказываясь за такую мѣру, которая, «поставивъ крестьянъ на приличную для нихъ степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ силою закона, не вводя ихъ въ права, принадлежащія одному только дворянству. «Безземельная система освобожденія, порождая огромный классъ бездомныхъ бобылей, столь опасныхъ для общественнаго спокойствія, не можетъ быть принята, по его мнѣнію, безъ справедливаго опасенія послѣдствій, которыхъ вполнѣ невозможно и представить. За основаніе освобожденія крестьянъ въ Россіи, по словамъ его записки, должно быть принято слѣдующее правило: «Помѣщики, сохраняя при себѣ право вотчинной собственности на земли, предоставляютъ крестьянамъ личную свободу и затѣмъ, снабдивъ ихъ опредѣленною пропорціею земли, пользуются отъ нихъ взамѣнъ того соразмѣрными повинностями или оброкомъ, положительно опредѣленными въ особыхъ по каждому имѣнію инвентаряхъ». Уволенные такимъ образомъ крестьяне называются «обязанными». Опредѣляя для многоземельныхъ губерній максимальныя надѣльныя нормы, а для малоземельныхъ—минимальныя, Киселевъ высказывается за отводъ земли не отдѣльнымъ крестьянамъ, а цѣлому мірскому обществу по числу ревизскихъ душъ, съ отправленіемъ повинностей подъ круговою всѣхъ крестьянъ отвѣтственностью. Такимъ образомъ, положительная сторона программы Киселева состояла въ томъ, что онъ ясно сознавалъ необходимость земельнаго обезпеченія для освобождаемаго крестьянства, и въ лицѣ сельскаго міра, или общины, видѣлъ лучшее средство оградить крестьянскую свободу отъ притязаній помѣщика, въ рукахъ котораго онъ удерживалъ вотчинную и судебно-полицейскую власть. Эта записка Киселева была вполнѣ одобрена государемъ, который не разъ высказывалъ мнѣніе, «что никакимъ образомъ нельзя прикоснуться къ праву собственности помѣщиковъ на землю».

Проектъ кн. Меншикова.

Главнымъ противникомъ положеній, выставленныхъ Киселевымъ, былъ кн. Меншиковъ, стоявшій за подворное землепользованіе и за остзейскую систему освобожденія. Въ поземельной общинѣ онъ усматривалъ гибельное муниципальное начало. «Не отъ отдѣльно обязанныхъ обывателей опасаться должно неповиновенія, — писалъ онъ въ

своей запискѣ отъ 23-го марта 1841 г., — но отъ общинъ, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами люднаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и, слѣдовательно, къ неповиновенію. Отъ неповиновенія же недалекъ переходъ къ явному мятежу». Среди другихъ членовъ комитета нашлось немало лицъ, возражавшихъ противъ высокихъ надѣльныхъ нормъ, предлагаемыхъ Киселевымъ, и настаивавшихъ на необходимости повысить вознагражденіе, получаемое помѣщикомъ за отводимую въ пользованіе крестьянъ землю. Всякаго рода принудительныя мѣры они считали крайне опасными, и поэтому большинство членовъ комитета высказывалось за изданіе указа, рекомендовавшаго добровольное соглашеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Киселевъ долженъ былъ сдѣлать рядъ существенныхъ уступокъ.

Указъ объ обязанныхъ крестьянахъ 1842 г.

Въ іюнѣ 1841 г., т.-е. почти два года спустя послѣ своего открытія, комитетъ составилъ проектъ указа объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ его основу положена была мысль, высказанная Киселевымъ, что за помѣщиками сохраняется полное право вотчинной собственности на землю, а съ своими крѣпостными они могли, по взаимному соглашенію, заключать условія, по которымъ крестьяне обязаны за пользованіе полученными въ надѣлъ земельными участками исполнять соразмѣрныя повинности, имѣя право въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ переходить на другія земли и въ другое состояніе. Величина надѣла указомъ не устанавливалась, но принципъ общиннаго землепользованія, по настоянію Киселева, былъ въ немъ удержанъ. Цѣнность работъ за отведенный участокъ земли должна была соотвѣтствовать его пространству и въ общемъ не превышать установленныхъ еще закономъ Павла I 3-хъ дней съ работника въ недѣлю, при чемъ барщина могла быть замѣнена соотвѣтственнымъ оброкомъ. Такіе обязанные крестьяне не могли быть высланы помѣщикомъ съ земель, отданныхъ имъ въ пользованіе, пока исправно исполняли свои повинности. Право суда и расправы въ селеніяхъ обязанныхъ крестьянъ удерживалось за помѣщиками, а въ личныхъ и имущественныхъ правахъ они уравнивались съ государственными крестьянами.

15-го марта 1842 г. проектъ, выработанный комитетомъ, былъ разсмотрѣнъ въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ закона и государственной экономіи, а 30-го марта былъ внесенъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Государь лично пред-

сѣдательствовалъ въ этомъ засѣданіи и произнесъ въ немъ рѣчь, общій тонъ которой былъ таковъ, какъ будто правительство рѣшалось сдѣлать важный шагъ въ дѣлѣ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. «Нѣтъ сомнѣнія, — сказалъ императоръ Николай, — что крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положеніи есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное; но прикасаться къ оному теперь было бы зломъ, конечно, еще болѣе гибельнымъ». Всякій помыселъ объ освобожденіи крестьянъ государь объявлялъ «преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства», хотя при этомъ и ставилъ на видъ, что «нынѣ мысли уже не тѣ, какія бывали прежде, и теперешнее положеніе не можетъ продолжаться навсегда». Послѣ этого государь перешелъ къ самому важному мѣсту въ своей рѣчи: «Не должно давать вольности, —сказалъ онъ, — но должно открыть путь къ другому переходному состоянію», и въ этомъ онъ видѣлъ «священную обязанность какъ самого себя, такъ и преемниковъ своихъ на престолѣ». Новый законъ, по мнѣнію императора Николая, былъ ничѣмъ инымъ, какъ развитіемъ началъ, положенныхъ въ основаніе указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ». Онъ не имѣлъ никакого принудительнаго характера, предоставляя все «доброй волѣ помѣщика и влеченію его сердца». Осудивъ рѣшительно остзейскую систему, государь въ заключеніе указалъ, что «опытъ примѣненія на практикѣ настоящаго указа дастъ въ руки правительства необходимый матеріалъ для цѣлаго, положительнаго законодательства», которое, какъ можно было предполагать, должно было уже носить обязательный характеръ. Во время обсужденія проекта императоръ Николай еще разъ подчеркнулъ, что ничего обязательнаго онъ въ себѣ не заключаетъ, сказавъ въ отвѣтъ на предложеніе одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта, что лучше прямо ограничить власть помѣщиковъ инвентарями: «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую мѣру никогда не рѣшусь, какъ не рѣшусь и на то, чтобы приказать помѣщикамъ заключать договоры».

Примѣненіе на практикѣ указа объ обязанныхъ крестьянахъ.

2-го апрѣля 1842 г. новый законъ былъ подписанъ государемъ, и въ немъ еще разъ ярко была проведена мысль, что и степень земельнаго обезпеченія крестьянъ и установленіе повинностей за отводимую землю цѣликомъ зависитъ отъ «добровольнаго договора между помѣщикомъ и его крѣпостными». Однако высшая администрація опасалась, чтобы, съ одной стороны, онъ не

вызвалъ сильнаго неудовольствія дворянства, а съ другой — не послужилъ поводомъ къ волненіямъ среди крѣпостного населенія Россіи. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ сопровождалось изданіе закона объ обязанныхъ крестьянахъ, выяснялось, что онъ не содержитъ въ себѣ ничего «болѣе того, что выражено самыми словами указа, и изыскивать въ немъ или внушать другимъ какое-либо иное значеніе онаго было бы дѣйствіемъ законопреступнымъ и противнымъ точной высочайшей волѣ». Конечно, новый указъ, подобно закону 1803 г., на практикѣ получилъ самое незначительное примѣненіе. Имъ воспользовались 3—4 представителя аристократическихъ фамилій, въ родѣ гр. Воронцова, кн. Витгенштейна и гр. Потоцкаго и въ общей сложности черезъ его посредство въ свободное состояніе перешло 24.708 душъ. Указъ «объ обязанныхъ крестьянахъ» былъ высшей точкой, до которой доходила правительственная дѣятельность по крестьянскому вопросу въ царствованіе Николая I. На ряду съ этимъ было предпринято еще нѣсколько мѣръ, но и онѣ носили столь же нерѣшительный палліативный характеръ. Въ 1841 г. запрещено было продавать крестьянъ въ розницу, а въ 1843 г. безземельнымъ дворянамъ — пріобрѣтать крѣпостныхъ.

Комитеты о дворовыхъ людяхъ.

Вопросъ о дворовыхъ людяхъ, который подробно обсуждался еще въ комитетѣ «6 декабря 1826 г.» послужилъ поводомъ къ образованію двухъ секретныхъ комитетовъ въ 1840 и въ 1844 гг. Изъ нихъ первый, имѣвшій всего три засѣданія, выработалъ рядъ правилъ, облегчавшихъ отпускъ на волю дворовыхъ людей. Докладъ комитета былъ утвержденъ государемъ; заготовлены были даже указы Сената объ его распубликованіи, какъ вдругъ послѣдовало высочайшее повелѣніе: «Оставить сіе дѣло впредь до удобнаго времени». Во второмъ комитетѣ, въ которомъ принималъ участіе самъ государь, гр. Киселевъ выступилъ съ предложеніемъ образованія цеха слугъ для всѣхъ лицъ, находящихся въ услуженіи, и настаивалъ на необходимости предпринять мѣры, понуждавшія помѣщиковъ къ сокращенію числа дворовыхъ. Но Николай I былъ противъ рѣшительныхъ нововведеній и считалъ невозможнымъ, напримѣръ, изданіе закона, воспрещавшаго переводъ крестьянъ въ дворовые. 12 іюня 1844 г. опубликованъ былъ именной указъ сенату о предоставленіи помѣщикамъ права отпускать дворо-

выхъ людей на волю безъ земли по обоюднымъ договорамъ. И эта мѣра ничего обязательнаго въ себѣ не заключала.

Крестьянскій вопросъ и сановная бюрократія.

Если въ комитетѣ 1839—42 гг. принципіальнымъ противникомъ измѣненій отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными былъ кн. Меншиковъ, то въ обоихъ комитетахъ о дворовыхъ людяхъ наиболѣе непримиримую позицію занялъ военный министръ гр. Чернышевъ. Онъ съ жаромъ говорилъ о несвоевременности реформъ, замѣчая, что «отъ мысли о свободѣ крестьянъ неминуемо перейдутъ къ разнымъ другимъ послѣдствіямъ, могущимъ поколебать въ основаніи все государственное зданіе». «Намъ нужны,—говорилъ онъ,—не нововведенія, столь опасныя, а поддержаніе и усовершенствованіе стараго». Что касается правительственныхъ мѣръ, относительно дворовыхъ, то онѣ, по его мнѣнію, «должны были походить на воззваніе попечительнаго отца къ старшимъ дѣтямъ своего многочисленнаго народа». Такое же политическое значеніе вопросу объ освобожденіи крестьянъ придавалъ и министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ. Крѣпостное право, въ его глазахъ, тѣсно было связано «съ самодержавіемъ и даже единодержавіемъ. Это двѣ параллельныя силы, кои развились вмѣстѣ. У того и другого одно историческое начало: законность ихъ одинакова». «Это дерево, — по его словамъ,—пустило далеко корень: оно осѣняетъ и церковь и престолъ. Вырвать его съ корнемъ невозможно». Однако въ придворныхъ и чиновныхъ кругахъ было хорошо извѣстно, какое значеніе придавалъ императоръ Николай разработкѣ мѣръ, подготовлявшихъ, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, паденіе крѣпостного права. Многіе поэтому, желая угодить государю, несмотря на свой консервативный образъ мыслей, подавали ему записки съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ. Такъ, кн. Ил. Васильчиковъ, принимавшій участіе въ нѣсколькихъ секретныхъ комитетахъ, въ составленной имъ въ 1845 г. запискѣ, проводилъ тотъ взглядъ, что въ Россіи «власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной». Тѣмъ не менѣе съ злоупотребленіями помѣщичьей власти необходимо бороться. Слѣдуетъ прежде всего ограничить право помѣщиковъ наказывать своихъ крѣпостныхъ, чтобы наказаніе не переходило въ истязаніе. За крестьянами надо признать право на денежную и вещественную собственность, которая является неприкосновенной, какъ скоро выполнены всѣ обязательства и уплачены

казенныя подати. Наибольшій интересъ представляетъ записка министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, относящаяся къ 1844 г., основная идея которой состоитъ въ томъ, что «свобода или вольность нынѣшнихъ крѣпостныхъ крестьянъ должна состоять въ сравненіи правъ и обязанностей помѣщичьихъ крестьянъ съ правами и обязанностями крестьянъ государственныхъ». Но авторъ, боясь крестьянской анархіи, запугиваетъ государя тѣмъ, что «немедленное освобожденіе народа крайне опасно, такъ какъ оно легко можетъ вызвать всеобщее возмущеніе, окончательную развязку котораго даже и гадательно предсказать невозможно». Относясь отрицательно къ остзейской системѣ, сановный авторъ высказывается за предоставленіе крестьянамъ на извѣстныхъ условіяхъ въ пользованіе помѣщичьей земли. Во избѣжаніе бродяжничества крестьянинъ закономъ долженъ быть привязанъ къ землѣ, а за помѣщикомъ слѣдуетъ сохранить полицейскую власть надъ крестьянскимъ населеніемъ его вотчинъ. Возможность выкупа помѣщичьей земли въ пользу крестьянъ за счетъ казны Перовскій отрицаетъ вслѣдствіе финансовой невыполнимости выкупной операціи. Съ другой стороны, эта мѣра небезопасна и въ политическомъ отношеніи, такъ какъ дворянство—эта постоянная опора верховной власти—«лишенное вдругъ своего наслѣдія и достоянія неизбѣжно сдѣлается враждебною и опасною стихіею». Переходъ къ новому порядку долженъ происходить путемъ «незамѣтныхъ и постепенныхъ измѣненій, въ родѣ, напримѣръ, преобразованій мѣстнаго управленія и земской полиціи, реорганизаціи денежныхъ и натуральныхъ повинностей и введенія инвентарей или «росписей рабстамъ и отношеніямъ». Эти росписи само собой приблизятъ крестьянъ къ положенію обязанныхъ. Въ отдаленномъ будущемъ Перовскому обрисовывалась возможность воспрещенія безземельныхъ сдѣлокъ на крестьянъ, обезпеченіе за ними права на собственность и даже разрѣшеніе свободнаго перехода ихъ отъ одного помѣщика къ другому.

Записка гр. Перовскаго и комитетъ 1846 г.

Въ мартѣ 1846 г. для разсмотрѣнія этой записки былъ образованъ новый секретный комитетъ, въ составъ котораго, между прочимъ, входилъ и наслѣдникъ престола. Комитетъ этотъ одобрилъ ея основную мысль о постепенности осуществленія мѣропріятій въ пользу крестьянъ, но признавалъ помѣщичью власть необходимой пружиной въ тогдашнемъ административномъ механизмѣ. Послѣ цѣлаго ряда переходныхъ мѣръ,

онъ считалъ возможнымъ въ отдаленномъ будущемъ составленіе инвентарей, какъ послѣднюю ступень въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. «Скрытнымъ для сего предлогомъ,—по его словамъ — можетъ послужить необходимость перемѣщенія податей съ душъ на землю». Въ началѣ 1848 г. въ связи съ разсмотрѣніемъ въ комитетѣ министровъ жалобы бывшихъ крестьянъ гр. Самойловой на то, что къ имуществу помѣщиковъ, при продажѣ имѣнія, были присоединены земли, пріобрѣтенныя ими на собственныя деньги, былъ возбужденъ въ правительственныхъ сферахъ вопросъ о правѣ крѣпостныхъ пріобрѣтать въ собственность всякаго рода недвижимое имущество, кромѣ населенныхъ имѣній, но не иначе, какъ съ согласія помѣщика. Однако относительно земель, пріобрѣтенныхъ крестьянами на имя помѣщиковъ до изданія указа, никакихъ споровъ не допускалось, хотя помѣщикамъ предоставлялось право выдавать владѣющимъ такими имуществами купчія крѣпости, на гербовой бумагѣ низшаго достоинства, безъ взиманія пошлинъ. Такимъ образомъ, новый законъ, не охраняя того, что было пріобрѣтено крестьянами до его опубликованія, какъ бы косвенно поощрялъ дворянъ-землевладѣльцевъ налагать свою руку на эту нелегализированную крестьянскую недвижимость.

Законъ 1848 г. о правѣ крестьянъ пріобрѣтать земельную собственность.

Законъ 1847 г. о выкупѣ крестьянъ при продажѣ имѣній съ аукціона.

Въ 1847 г. по иниціативѣ барона Корфа былъ поднятъ вопросъ о выкупѣ на волю помѣщичьихъ крестьянъ при продажѣ имѣній съ аукціона. На представленномъ по этому поводу докладѣ государь положилъ слѣдующую резолюцію: «Дозволять выкупъ только цѣлымъ селеніямъ, отложивъ вопросъ о правѣ выкупа личнаго или по семействамъ впредь до времени». Выкупившіеся такимъ способомъ на свободу должны были называться «государственными крестьянами, водворенными на собственныхъ земляхъ». Для разсмотрѣнія вопроса, поднятаго бар. Корфомъ, былъ образованъ келейный комитетъ, изъ котораго выработанный имъ проектъ поступилъ въ Государственный Совѣтъ 8-го ноября 1847 г. послѣдовалъ высочайшій указъ, разрѣшавшій крестьянамъ выкупаться на свободу вмѣстѣ съ землею при продажѣ имѣній съ публичнаго торга. О выкупной цѣнѣ крестьяне получали извѣщеніе черезъ земскую полицію, и они обязаны были въ мѣсячный срокъ внести всю выкупную сумму, не ожидая никакого пособія отъ казны.

Но не успѣлъ этотъ законъ появиться на свѣтъ, какъ уже противъ него въ дворянскихъ кругахъ составилась значительная

Дворянская оппозиція закону 1847 г. и его отмѣна.

оппозиція. Выразителемъ этого недовольства помѣщичьей массы явился тульскій губернскій предводитель дворянства Норовъ, представившій государю въ маѣ 1848 г. записку «о необходимыхъ измѣненіяхъ въ порядкѣ продажи дворянскихъ имѣній съ публичныхъ торговъ и въ порядкѣ исполненія указа 8-го ноября 1847 г.» Въ ней онъ выяснялъ пагубныя послѣдствія новаго закона, утверждая, что крестьяне, «подстрекаемые людьми неблагонамѣренными, распродаютъ въ теченіе 30-тидневнаго срока не только скотъ и большую часть движимаго имущества, но даже и строенія и такимъ образомъ разоряютъ себя и уменьшаютъ цѣну продаваемыхъ имѣній, что, въ свою очередь, понижаетъ кредитъ дворянскій». Для поднятія этого кредита Норовъ предлагалъ допускать къ торгамъ, на ряду съ прочими покупателями, не болѣе двухъ уполномоченныхъ отъ крестьянъ имѣнія, подлежащаго продажѣ, при чемъ предварительно такія имѣнія неисправныхъ плательщиковъ отдавались въ завѣдываніе особыхъ посредническихъ комиссій подъ предсѣдательствомъ предводителя дворянства, въ цѣляхъ охраны всего числящагося въ нихъ имущества. Въ октябрѣ 1848 г. государю представлена была другая записка неизвѣстнаго автора, которая характеризовала законъ 1847 г., какъ мѣру, проводящую въ народъ «начала коммунизма и анархію». Сопоставляя крестьянскія волненія, вызванныя примѣненіемъ этого указа на практикѣ, съ французской революціей 1848 г. авторъ довольно прозрачно намекалъ, къ чему приводятъ подобнаго рода законы. Для разсмотрѣнія обѣихъ записокъ былъ образованъ особый секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ наслѣдника. Хотя въ немъ гр. Киселевъ съ цифрами въ рукахъ доказывалъ всю неосновательность приводимыхъ Норовымъ фактовъ, однако мнѣніе тульскаго предводителя нашло себѣ горячаго защитника въ лицѣ гр. Перовскаго, и большинство членовъ комитета во главѣ съ цесаревичемъ высказалось за отмѣну указа 1847 г. 19 іюля 1849 г. были изданы новыя правила о продажѣ имѣній съ аукціона, которыми существенно измѣнялся законъ 1847 г. Этими правилами помѣщику имѣнія, описаннаго для публичной продажи, предоставлялось право увольнять своихъ крестьянъ, на основаніи закона 1803 г., съ передачею въ ихъ собственность всей или части земли; но одновременно, до утвержденія договора, владѣлецъ обязанъ былъ погасить лежавшій на его имѣніи долгъ. Такимъ образомъ выкупъ крестьянъ при продажѣ имѣній съ аукціона былъ поставленъ въ зависимость отъ воли ихъ помѣщиковъ.

Крестьянскій вопросъ и реакція конца царствованія Николая I.

Если въ придворныхъ и чиновныхъ сферахъ давно уже пытались оказывать воздѣйствіе на императора Николая указаніемъ на неизбѣжность вслѣдъ за отмѣной крѣпостного права коренныхъ политическихъ реформъ, то когда въ Западной Европѣ въ 1848 г. широкой волной разлилось революціонное движеніе, вполнѣ понятно, что и самъ государь круто измѣнилъ свое отношеніе къ крестьянскому вопросу. Въ мартѣ 1848 г., при пріемѣ депутацій петербургскаго дворянства, государь, желая разсѣять распространившіеся въ помѣщичьихъ кругахъ тревожные слухи, сказалъ, что «вся безъ исключенія земля принадлежитъ дворянину-помѣщику. Это вещь святая и никто къ ней прикасаться не можетъ». Тѣмъ не менѣе императоръ, обращая вниманіе депутатовъ на встрѣчающіеся довольно часто случаи злоупотребленія помѣщичьею властью, поставилъ имъ на видъ, что «при духѣ времени, кромѣ предписаній совѣсти и закона, они должны для собственнаго своего интереса заботиться о благосостояніи ввѣренныхъ имъ людей и стараться всѣми силами снискать ихъ любовь и уваженіе». Такимъ образомъ, государь въ этой рѣчи какъ бы подчеркивалъ, что правительство отъ самихъ дворянъ ждетъ измѣненія къ лучшему быта крѣпостной деревни. Само же оно рѣшительныхъ мѣръ принимать не будетъ. О какихъ-либо существенныхъ перемѣнахъ въ бытѣ крѣпостныхъ крестьянъ не могло быть теперь и рѣчи, что было торжественно подтверждено наслѣдникомъ престола, поручившимъ своему гофмаршалу Олсуфьеву передать депутаціи смоленскаго дворянства въ 1848 г., что, какъ ему извѣстно, «государь не имѣетъ намѣренія измѣнять отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ». Консервативная партія могла теперь успокоиться, такъ какъ ничто, повидимому, не грозило вліянію дворянства. Въ связи съ событіями, совершавшимися въ Западной Европѣ, въ Россіи наступаетъ самая мрачная реакція, и мысль о реформахъ на долгій рядъ лѣтъ исчезаетъ изъ правительственныхъ сферъ. Крѣпостное право, являвшееся въ глазахъ сановныхъ охранителей палладіумомъ русскаго государственнаго и общественнаго порядка, могло, повидимому, разсчитывать на прочное существованіе. Даже гр. Киселевъ, силы котораго въ постоянной борьбѣ съ противниками освобожденія были въ достаточной степени надломлены, въ первой половинѣ 50-хъ гг. считалъ невозможнымъ изданіе закона объ уничтоженіи права помѣщиковъ ссылать крѣпостныхъ въ Сибирь по своему усмотрѣнію.

Иивентарная реформа въ юго-западномъ краѣ

Но если въ коренныхъ русскихъ областяхъ неограниченная помѣщичья власть считалась основой порядка, то въ западномъ краѣ, гдѣ помѣщиками, преимущественно, были поляки-католики, а среди крѣпостныхъ встрѣчалось много православныхъ изъ малороссовъ и бѣлоруссовъ, необходимо было изъ политическихъ соображеній взять подъ правительственную защиту угнетаемое крѣпостное населеніе. Во время возстанія 1831 г. польскіе крестьяне оказали существенную помощь русскому правительству въ борьбѣ съ инсургентами, искренно вѣря обѣщаніямъ воззванія фельдмаршала Остенъ-Сакена, «что они уже никогда не будутъ принадлежать тѣмъ помѣщикамъ, которые возстанутъ противъ законной власти». Но какъ скоро въ Польшѣ наступило успокоеніе, правительство не выполнило своихъ обѣщаній, а паны начали мстить крестьянамъ «за непринятіе участія въ возстаніи». Бибиковъ, назначенный въ 1838 г. генералъ-губернаторомъ юго-западнаго края, считалъ такое отношеніе правительства къ крестьянамъ важною политическою ошибкою. Въ своемъ докладѣ государю онъ выражалъ опасеніе, что крестьяне для того, чтобы «сколько-нибудь облегчить свою участь», постараются «впредь вѣрною службой полякамъ выиграть ихъ благорасположеніе и тѣмъ улучшить свой бытъ». Гр. Киселевъ, еще въ концѣ 30-хъ гг., считалъ необходимымъ въ губерніяхъ западнаго края регулировать отношенія между помѣщиками и крестьянами инвентарями, сдѣлавъ ихъ обязательными для обѣихъ сторонъ и установить общее основаніе для ихъ составленія. Свои соображенія по этому поводу онъ изложилъ въ запискѣ, которая въ 1840 г. внесена была въ комитетъ западныхъ губерній. Онъ высказался вообще за введеніе обязательныхъ инвентарей въ первую очередь въ имѣніяхъ, которыя будутъ отданы въ опеку. Въ резолюціи на журналъ этого комитета государь одобрилъ мысль объ инвентаряхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, указавъ, что «ежели отъ сего будетъ нѣкоторое стѣсненіе правъ помѣщиковъ, то оно касается прямо блага ихъ крѣпостныхъ людей и не должно отнюдь останавливать благой цѣли правительства». Какъ видно изъ словъ государя, онъ это дѣло считалъ особенно важнымъ и ожидалъ отъ него большой пользы. Къ апрѣлю 1844 г. работы комитета были закончены, и составленное имъ «Положеніе» было утверждено государемъ. Во всѣхъ западныхъ губерніяхъ учреждались комитеты «для разсмотрѣнія и составленія инвентарей помѣщичьимъ имѣніямъ». Въ этихъ комитетахъ, на ряду съ

коронными чиновниками, засѣдали и представители мѣстнаго дворянства. За основаніе должны были быть приняты уже существующіе инвентари, въ которыхъ, по мѣрѣ надобности, могли быть сдѣланы необходимыя измѣненія и дополненія. Въ тѣхъ же имѣніяхъ, гдѣ инвентарей не было, на комитеты возложена была ихъ разработка, при чемъ опредѣленіе повинностей крестьянъ владѣльцамъ должно было, по возможности, происходить въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ исполнялись. Инвентари приводились въ дѣйствіе въ первую очередь на шестилѣтній срокъ, по истеченіи котораго, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ съ мѣстъ, должны были быть составлены министерствомъ внутреннихъ дѣлъ полныя правила объ инвентаряхъ. Ю. Ѳ. Самаринъ, выясняя слабыя стороны инвентарныхъ правилъ, между прочимъ, указывалъ, что «право жалобы не обезпечено и крестьяне не имѣли вѣрнаго и надежнаго пути доводить до высшаго начальства о нарушеніи инвентарей со стороны помѣщиковъ». Въ сентябрѣ 1847 г. послѣдовало повелѣніе государя предавать военному суду тѣхъ изъ помѣщиковъ, которые стали бы уклоняться отъ точнаго исполненія изданныхъ правилъ. Хотя къ этой мѣрѣ и не пришлось ни разу прибѣгать, но она довольно ярко характеризуетъ, какъ энергично правительство Николая I взялось за проведеніе инвентарной реформы. Въ 1852 г. инвентарныя правила, которыя первоначально введены были въ юго-западномъ краѣ, распространены были и на мѣстности, входившія въ составъ виленскаго и витебскаго генералъ-губернаторствъ. Въ 1854 г. подъ вліяніемъ недовольства, обнаруженнаго дворянами сѣверо-западныхъ и бѣлорусскихъ губерній, инвентарныя правила повелѣно было подвергнуть пересмотру въ особомъ комитетѣ, чему немало способствовалъ наслѣдникъ престола, недовольный дѣятельностью Бибикова, какъ яраго защитника ограниченія помѣщичьей власти обязательными инвентарями. Всѣ попытки Николая I разрѣшить крестьянскій вопросъ подъ покровомъ глубокой тайны, внѣ вліянія живыхъ общественныхъ силъ, оказались вполнѣ безплодными и обнаружили ярко ту истину, что руками одной только бюрократіи немыслимо снять съ Россіи оковы, наложенныя на нее существованіемъ крѣпостного права.

Крестьянскій вопросъ и дворянская масса.

Если въ петербургскихъ правительственныхъ сферахъ вопросъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, можно сказать, не снимался съ очереди во все царствованіе Николая I,

то вполнѣ естественно, что онъ не переставалъ сосредоточивать на себѣ вниманіе многихъ представителей и столичнаго и провинціальнаго общества. Французскій посланникъ при русскомъ дворѣ бар. Барантъ писалъ въ своихъ донесеніяхъ 1836—37 гг.: «Нѣтъ человѣка, кто бы думалъ, что крѣпостное состояніе всегда будетъ поддерживаемо; всѣ, какого бы образа мыслей они ни были, постоянно говорятъ, что будущее Россіи зависитъ отъ неминуемаго своевременнаго перехода къ свободѣ крѣпостныхъ. Но такъ какъ это на самомъ дѣлѣ представляетъ задачу, рѣшеніе которой въ настоящее время въ высшей степени трудно и запутано, то проекты очень различны, и конечно, «русская партія» болѣе другихъ настаиваетъ, что надо вести это дѣло медленно и оттягивая время». Къ тому же времени относятся наблюденія Заблоцкаго-Десятовскаго, много путешествовавшаго по внутреннимъ губерніямъ Россіи. Они, какъ нельзя лучше, дополняютъ только что приведенный отзывъ, который сдѣланъ былъ преимущественно о петербургскомъ обществѣ. Среди провинціальнаго дворянства, по его словамъ, намѣчались двѣ группы, различно относящіяся къ толкамъ и слухамъ о крестьянской реформѣ. Менѣе образованные и менѣе состоятельные дворяне отстаивали необходимость крѣпостного права, которое даетъ возможность удерживать въ повиновеніи «народъ необразованный и грубый». Не учитывая хозяйственной невыгодности крѣпостного труда эти представители помѣстнаго дворянства были горды сознаніемъ своей громадной власти надъ населеніемъ крѣпостной вотчины. Одни изъ нихъ утверждали, что освобожденные крестьяне «всѣ сопьются и пропадутъ», а другіе заявляли, «сперва просвѣтите крестьянъ, а потомъ освободите ихъ». Необходимость добиться вознагражденія за право надъ личностью крестьянина эти лица считали исходнымъ моментомъ предполагаемой реформы. «Хотите взять,—говорили они,—такъ заплатите». Но среди провинціальнаго дворянскаго общества встрѣчались люди, видѣвшіе соціальную несправедливость въ существованіи крѣпостного права. Они соглашались на личное и безвозмездное освобожденіе крѣпостныхъ, но требовали сохраненія за помѣщикомъ всей земли, которая «всегда и вездѣ есть предметъ, подлежащій куплѣ». Эмансипаціонное настроеніе дворянъ вызывалось также и рядомъ голодныхъ годовъ, во время которыхъ многіе стали задумываться надъ тѣмъ, что не дурно бы освободить крестьянъ и тѣмъ снять съ господъ тяжелую обязанность

ихъ прокормленія. Цѣлый рядъ помѣщиковъ принялся за составленіе проектовъ освобожденія крѣпостныхъ; они, какъ пишетъ въ своей запискѣ Заблоцкій-Десятовскій, «читались пріятелямъ и знакомымъ, толковъ и разсказовъ было много, споровъ и возраженій еще болѣе». По словамъ министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, относящимся къ началу 40-хъ гг. «владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Крестьянскій вопросъ сдѣлался даже однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ и проникъ, наконецъ, темными слухами и превратными толками въ низшія сословія».

Крестьянскій вопросъ на страницахъ повременной печати.

Свободно и гласно въ печати крестьянскій вопросъ при Николаѣ I обсуждаться не могъ въ виду царившаго цензурнаго гнета. Лишь изрѣдка въ журналахъ той эпохи попадались статьи, посвященныя быту помѣщичьихъ крестьянъ, но почти всѣ онѣ были окрашены въ яркокрѣпостническій колоритъ. Такъ, въ «Земледѣльческомъ журналѣ» за 1832 г. помѣщикъ Вильпенсъ проводилъ тотъ взглядъ, что «крѣпостнымъ вольность представляется свободою не повиноваться ни старостамъ ни помѣщикамъ, работать и не работать по своей волѣ, пить и гулять, сколько душѣ угодно, не давая никому въ поведеніи своемъ отчета». Въ одной запискѣ, составленной въ 1841 г., находимъ указаніе на то, что въ послѣдніе годы передъ тѣмъ было запрещено разсуждать въ печати о крѣпостныхъ крестьянахъ. Въ связи съ изданіемъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ, въ періодической печати появилось нѣсколько статей, обсуждавшихъ крестьянскій вопросъ. Въ «Москвитянинѣ» за 1842 г. была напечатана работа Хомякова «о сельскихъ условіяхъ». Въ ней авторъ, привѣтствуя правительственный починъ въ дѣлѣ законодательнаго регулированія крѣпостныхъ отношеній, рекомендуетъ заключать договоры не съ отдѣльными крестьянами, а съ цѣлымъ міромъ, при сохраненіи общиннаго землепользованія. Для того, чтобы снабдить общину извѣстнымъ нравственнымъ авторитетомъ, Хомяковъ предоставляетъ ей нѣкоторыя административно-полицейскія функціи. За отводимую крестьянамъ въ пользованіе землю онъ предлагаетъ взимать вознагражденіе по принципу половничества, на сѣверѣ — деньгами, а въ средней и южной Россіи — трудомъ или произведеніями земли. Въ этой послѣдней формѣ половничества Хомяковымъ отстаивалась узаконенная въ то время трехдневная барщина. Статья Хомякова вы-

звала литературную полемику. Въ «Отечественныхъ запискахъ» за тотъ же годъ безыменный авторъ, которымъ, какъ теперь извѣстно, былъ Заблоцкій-Десятовскій, рядомъ фактовъ опровергалъ самый принципъ половничества, хотя и отстаивалъ необходимость большой правомѣрности при заключеніи договоровъ между помѣщиками и крестьянами. Однако дальнѣйшее обсужденіе закона 1842 г. и его послѣдствій на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій было быстро прекращено цензурнымъ вмѣшательствомъ.

Цензурныя строгости.

Но если на статьи болѣе или менѣе благопріятныя для интересовъ крестьянъ былъ наложенъ запретъ, то работы крайне вреднаго направленія могли безпрепятственно появляться въ печати. Такъ, въ 1843 г. на страницахъ одного спеціальнаго агрономическаго журнала извѣстный уже намъ Вилькинсъ доказывалъ, какъ полезно для благосостоянія крестьянъ составленіе такъ называемыхъ «сводныхъ семействъ», въ которыхъ соединялось бы по нѣскольку работниковъ подъ вѣдѣніемъ одного стараго и отвѣтственнаго хозяина. Подъ вліяніемъ революціонныхъ событій въ Западной Европѣ цензурныя строгости были усилены. Въ своей рѣчи, произнесенной въ мартѣ 1848 г. при пріемѣ депутаціи петербургскаго дворянства, императоръ Николай, между прочимъ, сказалъ: «Нѣкоторые русскіе журналы дозволили себѣ напечатать статьи, возбуждающія крестьянъ противъ помѣщиковъ и вообще неблаговидныя, но я принялъ мѣры, и впредь этого не будетъ». При учрежденіи въ апрѣлѣ 1848 г. такъ называемаго «Бутурлинскаго» негласнаго комитета для наблюденія за печатью, ему было вмѣнено въ обязанность: «Не пропускать разсужденій о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденій о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ». Цензурный терроръ дошелъ послѣ этого до того, что въ 1850 г. было постановлено, чтобы «сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываютъ злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніи первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначенныхъ для чтенія простого народа». Самое худшее заключалось въ томъ, что эти суровыя репрессивныя мѣры находили одобреніе даже

среди выдающихся писателей той эпохи. Такъ, Жуковскій въ разговорѣ съ Кошелевымъ въ 1851 г. сказалъ: «Цензурѣ трудно быть нелѣпою, но, во что бы то ни стало, надобно охранять самодержавіе и общество образованное». Подвергая стѣсненію печатное слово, правительство налагало не менѣе тяжелыя цѣпи и на научную мысль и на преподаваніе, какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Профессорамъ, напримѣръ, запрещено было въ «неумѣренныхъ выраженіяхъ высказывать на лекціяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ» или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ ихъ къ помѣщикамъ была бы полезна для государства. Бюрократическое творчество дошло до того, что въ наставленіи для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, изданномъ въ 1852 г. въ защиту крѣпостного права, приведены были даже тексты изъ священнаго писанія.

Въ такой подавленной общественной атмосферѣ лицамъ, считавшимъ необходимымъ рано или поздно ликвидировать крѣпостное отношеніе, не оставалось ничего другого, какъ составлять рукописные проекты и сообщать ихъ или людямъ одинаковаго съ ними образа мыслей или представителямъ высшей бюрократіи, сочувствующимъ мѣропріятіямъ, клонящимся въ пользу крестьянъ. Подобнаго рода записки тянутся длинною вереницею черезъ все царствованіе Николая I, раскрывая передъ нами, въ какомъ направленіи работала дворянская мысль надъ разрѣшеніемъ назрѣвшаго вопроса о переходѣ къ новому юридическому и экономическому строю. Еще въ 1827 г. статсъ-секретарь Муравьевъ составляетъ проектъ, въ которомъ предлагаетъ разрѣшить лицамъ, возведеннымъ за службу въ дворянское достоинство, пріобрѣтать деревни «съ правомъ собственности на одну землю». Крестьяне, уже на ней поселенные, должны быть свободны и пользоваться землею по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію. Къ концу 30-хъ годовъ эмансипаціонныя идеи успѣли настолько распространиться въ обществѣ, что въ 1837 или 38 гг. нѣсколько тульскихъ дворянъ составили проектъ освобожденія крестьянъ, за что, по словамъ одного современника, «сихъ прожектеровъ въ Московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ». Но на ряду съ этимъ начинаютъ появляться записки, въ которыхъ высказываются опасенія относительно пагубныхъ послѣдствій отмѣны крѣпостного права законодательнымъ путемъ. Большинство дворянъ, по словамъ одного проекта, составленнаго

Пассекомъ въ 1835 г., не можетъ свыкнуться съ мыслью о возможности «владѣть съ пользою землей и имѣть добрую прислугу, когда не будетъ крѣпостныхъ людей». Освобожденіе, по его мнѣнію, окончательно подорветъ крестьянскую нравственность и явится поводомъ «къ буйному истребленію самого дворянства». Основная мысль его проекта состоитъ въ томъ, что «ни земля ни люди не должны выбывать изъ владѣній помѣщика безъ полнаго вознагражденія за нихъ». Сами помѣщики должны сообщить данныя для выработки средней поуѣздной стоимости, какъ земли, такъ и крѣпостныхъ душъ. Продажа крестьянъ должна быть дозволена «только селеніями съ землей, а безъ земли цѣлыми семействами исключительно для переселенія въ западныя губерніи». Самый отпускъ крестьянъ па волю обставлялся авторомъ записки весьма тяжелыми матеріальными условіями. Для перечисленія изъ крѣпостного состоянія въ общество свободныхъ поселянъ крестьяне должны были внести за себя въ губернское правленіе сумму вдвое большую, чѣмъ та, которая предварительно была заявлена помѣщикомъ для выработки поуѣздной расцѣнки. Часть помѣщичьей земли вышедшіе на волю крестьяне могли пріобрѣтать по цѣнѣ также вдвое превышающей цѣну, предложенную помѣщиками. Такимъ образомъ выходъ крестьянъ въ свободное состояніе былъ обставленъ въ проектѣ Пассека цѣлымъ рядомъ условій, преслѣдовавшихъ исключительно матеріальные интересы дворянъ, грозившихъ полнѣйшимъ разореніемъ крѣпостному крестьянству.

Записка Заблоцкаго-Десятовскаго.

Прямую противоположность этимъ реакціоннымъ заявленіямъ составляетъ извѣстная записка 1841 г. Заблоцкаго-Десятовскаго, въ которой онъ съ цифрами въ рукахъ вскрываетъ непродуктивность крѣпостного труда, какъ для частнаго, такъ и для народнаго хозяйства. Онъ настаиваетъ на отчужденіи части владѣльческой земли въ пользу крестьянъ за извѣстное вознагражденіе или деньгами или обязательнымъ трудомъ. Для постепенности въ проведеніи реформы авторъ согласенъ на первое время упразднить только личную зависимость крестьянъ, не разрушая ихъ связи съ землею. Съ начала 40-хъ гг. творчество дворянъ-прожектеровъ усиливается, и цѣлый рядъ записокъ по крестьянскому вопросу направляется ими въ петербургскія министерскія сферы. Къ 1841 г. относится записка бар. Боде, заявившаго, что «злой духъ времени, сильно подстрекаемый постоянными неурожаями, поведетъ насъ неминуемо

къ развязкѣ, къ которой уже давно стремится ложная философія». Авторъ предлагаетъ ликвидировать крѣпостныя отношенія или посредствомъ отпуска крестьянъ съ землею цѣлыми семьями по добровольному обоюдному соглашенію, или путемъ покупки за счетъ казны дворянскихъ населенныхъ имѣній. Для улучшенія земледѣлія слѣдуетъ, по словамъ его записки, поощрять переходъ къ подворному землевладѣнію. Каждый, выкупившійся на волю, получаетъ званіе сельскаго гражданина и можетъ пріобрѣсти участокъ земли въ десять десятинъ по цѣнѣ, установленной съ согласія помѣщика. При покупкѣ имѣній казною слѣдуетъ принимать во вниманіе оброкъ, уплачиваемый крестьянами. Помѣщикамъ правительство можетъ выдавать половину стоимости облигаціями съ погашеніемъ ихъ въ 34 года, а половину — наличными деньгами, изъ которыхъ вычитается весь долгъ, числящійся на имѣніи, въ случаѣ его залога. Почти одновременно въ 1842 г. представилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ свой проектъ и помѣщикъ Кривцевъ. Онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что «освобожденіе должно быть произведено съ наименьшимъ потрясеніемъ общественнаго порядка и съ должнымъ охраненіемъ правъ настоящихъ владѣльцевъ». Свой планъ авторъ строитъ на идеѣ правительственнаго выкупа. Расцѣнивать крѣпостныхъ онъ предлагаетъ по 500 руб. за душу, а самый выкупъ можетъ быть произведенъ черезъ посредство существующихъ кредитныхъ установленій, капиталы которыхъ можно усилить или выпусками ассигнацій или спеціальными займами. Но въ заключительной части своей записки авторъ рѣшительно отказывается отъ сдѣланныхъ выше предложеній. Необходимость отсрочки въ дѣлѣ освобожденія вызывается «затруднительнымъ положеніемъ государства отъ болѣзней и продолжительныхъ неурожаевъ, шаткостью вообще торговли и промышленности въ Европѣ и, наконецъ, лихорадочнымъ ея состояніемъ въ политическомъ отношеніи». Учитывая всѣ эти обстоятельства, онъ съ паѳосомъ заявляетъ: «Воля русскаго монарха должна покориться общимъ судьбамъ человѣчества», и вполнѣ опредѣленно утверждаетъ, что «время для освобожденія еще не наступило».

Дворянское творчество по крестьянскому вопросу въ связи съ указомъ 1842 г.

Законъ 2 апрѣля 1842 г. вызвалъ къ жизни немало проектовъ, изъ которыхъ большинство направлялось ихъ авторами къ гр. Киселеву, какъ къ главному его иниціатору. Въ 1843 г. имъ была получена записка новороссійскаго помѣщика Левшина,

въ которой авторъ высказывался за упраздненіе крѣпостного права, говоря: «Когда человѣкъ самъ не свой, для чему ему трудиться». При переводѣ крестьянъ въ обязанные Левшинъ предлагалъ половину всей помѣщичьей земли оставить подъ барской запашкой, при чемъ крестьяне должны ее обрабатывать собственнымъ скотомъ и собственными земледѣльческими орудіями. Однако онъ не прочь былъ и обезземелить часть крестьянъ въ цѣляхъ образованія «кадровъ земледѣльческихъ работниковъ». По заключенію договора крестьянская собственность становится неприкосновенною. Крестьянинъ могъ немедленно получать отпускную съ правомъ собственности на всю свою движимость, внеся за себя выкупъ въ размѣрѣ стоимости 2.000 дней земледѣльческаго труда. Если въ только что изложенномъ проектѣ отражались воззрѣнія помѣщика одной изъ многоземельныхъ губерній, то въ другой запискѣ, доставленной Киселеву почти одновременно, развивалъ свои взгляды на крестьянскій вопросъ какой-то просвѣщенный помѣщикъ одной изъ губерній промышленнаго района. Земельное обезпеченіе при переводѣ крестьянъ въ обязанные должно быть, по его мнѣнію, предоставлено имъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы на данныхъ участкахъ «могло кормиться нормальное крестьянское семейство, но безъ всякаго излишества». Однако автору не представляется большимъ соціальнымъ зломъ и обезземеленіе крестьянъ. Въ Россіи при громадномъ количествѣ земли, говоритъ онъ, каждый крестьянинъ можетъ нанять себѣ участокъ «и спокойно не только многіе годы, но и всю жизнь свою владѣть имъ изъ оброка», при этомъ ни оброчныя ни арендныя цѣны не должны быть нормированы закономъ. Дворянско-крѣпостническая тенденція этого проекта сказывается не только въ стремленіи превратить русскаго крестьянина въ бездомнаго пролетарія, но и въ желаніи сохранить за помѣщиками, хотя бы на первое время, право «ссылать крестьянъ на поселеніе или отдавать ихъ въ солдаты съ зачетомъ или безъ зачета рекрутскихъ квитанцій». Изъ своей сибирской ссылки отозвался на указъ 1842 г. и декабристъ Фонъ-Визинъ. Въ составленной имъ запискѣ онъ отстаиваетъ необходимость оброчной системы при переводѣ крестьянъ въ обязанные. Верховная власть, по его мнѣнію, можетъ оказать воздѣйствіе на близкихъ ко двору представителей крупнаго землевладѣнія, а помѣщики средней руки будутъ переводить своихъ крестьянъ въ обязанные въ угоду правительству. Съ цѣлью дать болѣе широкое примѣненіе

Декабристъ Фонъ-Визинъ объ указѣ 1842 г.

новому закону, онъ предлагаетъ разрѣшить лицамъ не дворянскаго происхожденія покупать населенныя имѣнія съ обязательствомъ заключать договорныя отношенія съ живущими въ нихъ крестьянами. Переводъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные можетъ быть облегченъ путемъ привлеченія капиталовъ богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, при чемъ въ пріобрѣтенныхъ на эти средства имѣніяхъ крестьяне уплачиваютъ оброкъ въ видѣ процента на затраченный капиталъ. Слабой стороной этого проекта слѣдуетъ признать стремленіе расширить кругъ помѣщиковъ, введя въ него и купцовъ и разночинцевъ. Къ 1846 г. относится составленіе проекта кн. В. А. Черкасскимъ, которому впослѣдствіи пришлось играть такую важную роль въ дѣлѣ подготовки и разработки крестьянской реформы. Помѣщичьей власти онъ придавалъ большое значеніе, считая ее «могучимъ рычагомъ въ рукахъ опытнаго управленія». Законъ 1842 г. важенъ, по его мнѣнію, какъ переходная мѣра, дающая возможность постепенно замѣнить власть помѣщика властью общины. Количество уступаемой крестьянамъ въ собственность земли не должно превышать размѣра, необходимаго для ихъ пропитанія, чтобы помѣщикъ могъ легко находить рабочія руки и сдавать свои земли въ аренду. Надъ обязанными крестьянами должна быть удержана, ограниченная закономъ, помѣщичья власть, въ чемъ авторъ видитъ ручательство «сохраненія спокойствія общественнаго». При выкупѣ крестьянъ на свободу, они уплачиваютъ помѣщику заранѣе установленную сумму по оцѣнкѣ отводимой имъ земли.

Проекты кн. Черкасскаго и Муравьева.

Въ одинъ годъ съ кн. Черкасскимъ составленъ былъ проектъ Н. Н. Муравьевымъ, впослѣдствіи гр. амурскимъ. Въ 1846 г. онъ занималъ мѣсто тульскаго губернатора и, можетъ-быть, въ его взглядахъ на крестьянскій вопросъ отразились мнѣнія, высказывавшіяся въ то время нѣкоторыми представителями тульскаго дворянства. Онъ клеймитъ крѣпостное состояніе, но для уничтоженія его предлагаетъ «дозволить помѣщикамъ освобождать крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы безъ согласія крестьянъ» на опредѣленныхъ правительствомъ условіяхъ. Такимъ образомъ, инціатива освобожденія всегда должна была исходить отъ помѣщика, и желаніе крестьянъ въ этомъ отношеніи вовсе не принималось авторомъ во вниманіе. Являясь врагомъ пролетаріевъ, Муравьевъ отстаиваетъ необходимость существованія у крестьянъ собственности, такъ какъ отсутствіе ея у низшихъ обществен-

ныхъ классовъ «было одной изъ главныхъ причинъ государственныхъ переворотовъ въ другихъ странахъ». При освобожденіи помѣщикъ, по его проекту, имѣетъ право переселить крестьянъ на другія земли, лишь бы онѣ не были безплодными, надѣливъ ихъ въ вѣчное потомственное владѣніе отъ 1—1½ десятинъ земли на ревизскую душу. На крестьянъ при этомъ переводится долгъ опекунскому совѣту отъ 15—33 руб. за десятину въ разныхъ губерніяхъ. Не долѣе 15 лѣтъ освобожденные крестьяне обязаны были отправлять на помѣщика извѣстныя барщинныя работы, и на этотъ срокъ они подчинялись вотчинной расправѣ, а въ случаѣ же болѣе важныхъ преступленій «земская полиція должна дать немедленно законное удовлетвореніе». Очевидно, для Муравьева, какъ для представителя высшей губернской администраціи, вопросъ о сохраненіи порядка стоялъ на первомъ планѣ, и лучшей гарантіей этого порядка, въ его глазахъ, была сильная помѣщичья власть. На ряду съ только что разобранными проектами до насъ дошло отъ тѣхъ же лѣтъ нѣсколько записокъ, принадлежащихъ перу представителей крупной земельной аристократіи. Изъ нихъ мы отмѣтимъ двѣ, изъ которыхъ одна была составлена въ 1844 г. кн. Н. И. Трубецкимъ, а вторая въ концѣ 1846 г. кн. Е. Гагаринымъ. Оба автора направили свои проекты гр. Киселеву, какъ бы слѣдуя установившемуся обычаю того времени. Кн. Трубецкой предлагалъ освободить своихъ крестьянъ, надѣливъ ихъ одной десятиной земли въ собственность, со всѣми постройками и огородами. Всѣ остальныя земли и угодья могутъ быть сданы въ аренду на 10-лѣтній срокъ каждому хозяину отдѣльно, при чемъ арендная плата взимается или деньгами или продуктами по мѣстнымъ цѣнамъ. Крестьяне могли нанимать землю и у другихъ владѣльцевъ. Съ переходомъ къ новому порядку помѣщикъ слагалъ съ себя всякія обязательства въ отношеніи крестьянъ. Что касается кн. Гагарина, то основная мысль его проекта заключалась въ томъ, чтобы для проведенія въ жизнь крестьянской реформы «безъ всякихъ потрясеній» принимать въ залогъ отъ помѣщиковъ только земли, а не души, запретить владѣніе людьми безъ земли; помѣщикамъ же выдать за счетъ казны вознагражденіе за излишнее, сравнительно съ размѣрами земли, количество душъ. Состояніе дворовыхъ людей уничтожается немедленно, и всѣмъ крѣпостнымъ людямъ обезпечивается свобода личности и право передвиженія. Такимъ образомъ, въ этомъ про-

Крестьянскій вопросъ подъ перомъ земельныхъ магнатовъ.

ектѣ, какъ бы въ скрытомъ видѣ, предлагалась выкупная операція. Изъ разсмотрѣнныхъ нами записокъ по крестьянскому вопросу видно, какой живой интересъ возбуждалъ онъ къ себѣ въ помѣщичьихъ кругахъ 40-хъ гг. Новыя отношенія между господами и крестьянами въ глазахъ многихъ землевладѣльцевъ являлись необходимымъ условіемъ и хозяйственнаго и соціальнаго преуспѣянія Россіи. Фактъ задолженности дворянскаго землевладѣнія игралъ при этомъ далеко не послѣднюю роль.

Крестьянскій вопросъ на дворянскихъ собраніяхъ.

Мысль о необходимости покончить рано или поздно съ крѣпостными отношеніями объединяла нерѣдко значительныя группы дворянъ отдѣльныхъ губерній и заставляла ихъ вырабатывать сообща коллективные проекты освобожденія крестьянъ. Такъ, въ 1844 г. нѣсколько помѣщиковъ Тульской губерній, гдѣ задолженность дворянскихъ имѣній особенно сильно давала себя чувствовать, предлагали освобождать крестьянъ и дворовыхъ съ надѣленіемъ ихъ по одной десятинѣ усадебной земли «въ вѣчную собственность», отказываясь навсегда отъ всѣхъ обязательныхъ крестьянскихъ работъ и повинностей. На освобождаемыхъ крестьянъ переводится часть дворянскаго долга, для погашенія котораго они обязаны, сверхъ подушной подати, вносить ежегодно въ кредитное учрежденіе по 3 руб. сер. съ десятины. Для себя же дворяне выговариваютъ десятилѣтній льготный срокъ, по истеченіи котораго они начнутъ погашать долговыя обязательства, лежавшія на оставшейся за помѣщиками землѣ. Отстаивая исключительно свои дворянскіе интересы и взваливая на плечи крестьянъ всю тяжесть долговыхъ обязательствъ, лежавшихъ на частныхъ землевладѣніяхъ, авторы этого проекта съ полной откровенностью обнаруживаютъ въ заключеніе свои меркантильные расчеты. Получая только земельную осѣдлость, освобожденные крестьяне вынуждены будутъ, по мнѣнію лицъ, подписавшихъ проектъ, арендовать помѣщичьи земли «за деньги или за работу по одному указанію собственныхъ выгодъ безъ всякихъ другихъ побужденій». И въ сосѣдней Рязанской губерніи было много помѣщиковъ, понимавшихъ, по словамъ одного современника, необходимость освобожденія крестьянъ. Въ 1847 г. вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ подымался даже на очередномъ дворянскомъ собраніи, но дальнѣйшаго хода этимъ толкамъ и разговорамъ рязанскими землевладѣльцами дано не было.

Зато въ Смоленской губерніи были даже образованы совѣщанія уѣздныхъ предводителей, и въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ со-

Смоленское дворянство и освобожденіе крестьянъ.

ставлялись и отдѣльными помѣщиками и цѣлыми группами дворянъ проекты и записки по крестьянскому вопросу. Побудительнымъ стимуломъ для этихъ совѣщаній послужили слова государя, обращенныя къ депутаціи смоленскихъ дворянъ въ маѣ 1847 г. Бесѣдуя съ депутатами, «какъ первый дворянинъ въ государствѣ», Николай выразилъ желаніе, чтобы смоленскіе дворяне «потолковали о положеніи крѣпостныхъ келейно и написали ему о томъ прямо въ собственныя руки». И министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій также совѣтовалъ депутатамъ «дѣйствовать на мѣстѣ съ крайней осторожностью, дабы не породить преждевременными толками безпокойствъ». Однако слова, сказанныя государемъ, довольно быстро сдѣлались достояніемъ весьма многихъ смоленскихъ дворянъ и заставили ихъ приняться за составленіе ряда записокъ. Въ однѣхъ изъ нихъ довольно беззастѣнчиво проглядываетъ крѣпостническая тенденція, но зато въ другихъ замѣтно вдумчивое отношеніе къ предмету и стремленіе, по мѣрѣ возможности, примирить интересы крестьянъ съ выгодами дворянъ-землевладѣльцевъ. Крѣпостническая партія говорила, между прочимъ, что не безопасно самому дворянству приступать къ преобразованію, отъ котораго можетъ зависѣть «достояніе и даже жизнь помѣщиковъ». Идя навстрѣчу требованіямъ самой жизни, она не прочь была сдѣлать нѣкоторыя незначительныя уступки, какъ-то: запрещеніе отдѣльной отъ земли продажи лицъ обоего пола и предоставленіе крестьянамъ права собственности на движимое имущество, но на первый планъ охранители дворянскихъ интересовъ выдвигали необходимость испросить у правительства новыя льготы въ платежахъ кредитнымъ установленіямъ. Среди многочисленныхъ смоленскихъ проектовъ выдѣляется своею рѣшительностью записка Вонлярлярскаго. По его мнѣнію, переводъ крестьянъ въ полусвободные, на основаніи закона 1842 г., не улучшитъ ихъ матеріальнаго быта и вызоветъ безчисленное множество непріязненныхъ столкновеній. Земледѣліе не выйдетъ изъ своего жалкаго положенія, при сохраненіи нѣкоторой зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ. Отмѣну крѣпостного права Вонлярлярскій предлагаетъ произвести на слѣдующихъ основаніяхъ: крестьяне немедленно отчуждаются отъ помѣщика со всею землею, которою они нынѣ пользуются; эта земля поступаетъ въ ихъ наслѣдственную собственность; работу на помѣщика они могутъ выполнять только за условленную плату; освобожденные крестьяне сливаются въ одну

массу съ остальными разрядами крестьянскаго населенія, подчиняясь одинаковымъ для всѣхъ законамъ и общимъ для всѣхъ крестьянъ учрежденіямъ; дворовые отпускаются на волю безъ всякаго выкупа, за исключеніемъ только тѣхъ, обученіе которыхъ какому-либо ремеслу стоило помѣщику нѣкоторыхъ издержекъ; вознагражденіе за личность крестьянина и за постройки, большею частью имъ самимъ воздвигнутыя, не взимается; за отводимыя въ собственность крестьянамъ земельныя угодья помѣщики должны быть справедливо вознаграждены. Вся выкупная операція, при уплатѣ по 15 руб. съ тягла, можетъ быть совершена въ 37 лѣтъ. Для осуществленія крестьянской реформы потребуется по расчету Вонлярлярскаго сумма въ 650 мил. руб., которую правительство выдаетъ помѣщикамъ посредствомъ кредитной операціи, погашая ее затѣмъ уже взносами непосредственно взимаемыми съ крестьянъ. Такимъ образомъ, въ этомъ замѣчательномъ для своего времени проектѣ намѣчались въ основныхъ чертахъ всѣ главные принципы будущей крестьянской реформы, какъ она осуществилась по Положенію 1861 г. Наибольшей же заслугой Вонлярлярскаго является его указаніе на необходимость удержать за крестьянами всю ту землю, которой они пользовались въ эпоху крѣпостного права. Въ январѣ 1848 г. въ Смоленскѣ имѣло мѣсто совѣщаніе 13 дворянъ, выработавшее рядъ правилъ, на основаніи которыхъ слѣдовало приступить къ улучшенію быта крѣпостныхъ. Затѣмъ кн. Друцкой-Соколинскій, тогдашній смоленскій губернскій предводитель дворянства, представилъ записку, которая можетъ разсматриваться, какъ мнѣніе большинства дворянъ, участвующихъ въ обсужденіи даннаго вопроса. По ея словамъ, примѣненіе на практикѣ закона 1842 г. парализовалось тѣмъ, что среди крестьянъ распространено мнѣніе, будто «земля Божья и по крайней мѣрѣ общая у нихъ съ помѣщиками». Другимъ препятствіемъ является то, что, при переходѣ въ обязанные, крестьяне лишаются помощи и поддержки помѣщика въ случаѣ различныхъ бѣдствій. Помѣщикамъ же крайне тягостно предоставленіе въ вѣчное пользованіе крестьянамъ значительной части своего имѣнія. Въ слѣдующемъ году кн. Друцкимъ представлена была еще другая записка, составленная въ вполнѣ реакціонномъ направленіи. Въ Россіи, говоритъ онъ, прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ необходимо, дабы землевладѣльцы были обезпечены надлежащимъ количествомъ рабочихъ рукъ. Измѣнять существующія

отношенія, по мнѣнію кн. Друцкого, далеко небезопасно и въ полицейскомъ и въ политическомъ отношеніи. Помѣщичья система управленія обезпечиваетъ порядокъ въ странѣ, дѣлая владѣльцевъ отвѣтственными передъ правительствомъ за многіе милліоны людей. Новая же законодательная система можетъ повлечь измѣненіе государственное, т.-е. реформу политическую. Такимъ образомъ запугивая высшія правительственныя сферы то краснымъ призракомъ народныхъ волненій, то грядущей неизбѣжностью коренныхъ политическихъ преобразованій, представители провинціальнаго дворянства на своихъ частныхъ совѣщаніяхъ отстаивали только интересы своего дворянскаго сословія, рекомендуя самыя скромныя палліативныя мѣропріятія по отношенію къ крѣпостному крестьянству.

Правительство Николая I и дворянскіе комитеты.

Допуская еще келейное обсужденіе крестьянскаго вопроса въ дворянской средѣ, правительство ни въ коемъ случаѣ не разрѣшало открытыхъ совѣщаній, въ родѣ губернскихъ или уѣздныхъ комитетовъ. Такъ, когда въ 1847 г. нѣсколько тульскихъ дворянъ ходатайствовали передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи офиціальнаго комитета подъ предсѣдательствомъ губернатора, то ихъ просьба была отклонена комитетомъ министровъ изъ опасенія, чтобы дѣло не получило нежелательной огласки. Почти аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ 1847 г. и въ Рязани, гдѣ А. И. Кошелеву воспрещено было выступить на очередномъ дворянскомъ собраніи съ предложеніемъ объ образованіи губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ «для предположенія мѣръ къ узаконенію отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ». Въ 1848 г. правительство отнеслось крайне неодобрительно къ постановленію дворянъ Петербургскаго, Царскосельскаго и Ямбургскаго уѣздовъ объ образованіи особыхъ комитетовъ для составленія правилъ, регулирующихъ отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Хотя дворянскія совѣщанія по этому поводу происходили подъ покровомъ глубокой тайны и выработаннымъ ими правиламъ члены ихъ не предполагали придавать обязательнаго характера, однако въ маѣ 1849 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ были рѣшительно воспрещены подобнаго рода совѣщанія. Дворяне немедленно подчинились этому министерскому требованію, но они имъ были сильно обижены, полагая, что обсужденіе такихъ вопросовъ составляетъ одно изъ существенныхъ правъ каждаго дворянина, какъ владѣльца населеннаго имѣнія. Эти запретительныя мѣры совпали какъ разъ съ моментомъ, когда въ прави-

тельственныхъ сферахъ съ конца 40-хъ гг. окончательно снимаются съ очереди всякія попытки разработки соціальной реформы.

Записки и проекты конца царствованія Николая I.

Однако, несмотря на свинцовыя тучи реакціи, которыми подернутъ былъ весь политическій небосклонъ Россіи послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая I, отдѣльными лицами изъ дворянской среды продолжали направляться въ петербургскія министерскія канцеляріи записки и проекты по крестьянскому вопросу. Идея выкупа помѣщичьихъ правъ на крестьянскій трудъ и небольшихъ участковъ земли въ 2—3 десятины на дворъ завоевываетъ себѣ съ каждымъ годомъ все больше сторонниковъ въ помѣщичьихъ кругахъ. Такъ, къ 1848 г. относится предложеніе Н. Б. Голицына объ уничтоженіи крѣпостного права посредствомъ кредитной операціи. Казна, выпуская кредитные билеты, обезпеченные размѣномъ на золото или серебро, будетъ скупать помѣщичьи имѣнія, доходы съ которыхъ пойдутъ на погашеніе кредитнаго капитала. Этимъ способомъ онъ предлагаетъ прежде всего пріобрѣтать имѣнія, продающіяся съ аукціона, чтобы сохранить «честь, спокойствіе и средства къ существованію многихъ дворянъ». Въ 1850 г. А. И. Кошелевъ, у котораго было нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ въ рязанской губерніи, выработалъ проектъ освобожденія крестьянъ съ землею посредствомъ договоровъ съ ними помѣщиковъ. За каждую душу муж. и, получавшую въ надѣлъ не менѣе двухъ десятинъ, онъ предлагалъ выдавать помѣщикамъ по 100 руб. Уплата ссуды, выданной изъ кредитнаго учрежденія, ложится на крестьянъ съ разсрочкою на 40—42 года. Утвержденіе заключенныхъ договоровъ должны были производить назначенныя правительствомъ комиссіи. Надѣляя крестьянъ незначительными участками земли, авторы записокъ исходили изъ того соображенія, что, какъ читаемъ въ проектѣ А. Д. Желтухина, относящемся къ концу 1847 г., «крестьяне для прокормленія себя должны будутъ арендовать часть земли у своихъ бывшихъ владѣльцевъ, такъ что помѣщики, снявъ съ себя всѣ обязательства въ отношеніи крестьянъ, будутъ обезпечены и высокой земельной рентой и дешевыми рабочими руками».

Взгляды Н. И. Тургенева на крестьянскій вопросъ.

Условія русской дѣйствительности не допускали свободнаго обсужденія крестьянскаго вопроса, особенно послѣ 1848 г. Зато за рубежомъ, внѣ суроваго гнета тогдашней цензуры, крестьянскій вопросъ могъ свободно обсуждаться на страницахъ заграничныхъ русскихъ изданій. Представители двухъ поколѣній—Н. И. Турге-

невъ и А. И. Герценъ, высказывались печатно, какъ разъ въ то время объ условіяхъ грядущаго крестьянскаго освобожденія. Тургеневъ коснулся крестьянскаго вопроса въ своей извѣстной книгѣ «La Russie et les Russes», появившейся въ свѣтъ въ 1847 г. Онъ рѣшительно склонялся въ пользу личнаго освобожденія, такъ какъ надѣленіе крестьянъ землею повело бы, по его мнѣнію, «къ неразрѣшимымъ затрудненіямъ, которыя надолго отдалили бы исполненіе этого важнаго дѣла». Однако онъ совѣтуетъ оставить въ собственность крестьянъ дома и огороды, что въ общемъ составитъ по 1 десятинѣ на душу или по 3 десятины на тягло, считая, что эта мѣра будетъ выгодна для самихъ помѣщиковъ. Съ нихъ сняты будутъ всякаго рода обязательства относительно крестьянъ, которыя они должны выполнять по закону при существованіи крѣпостного права. Оставшаяся въ ихъ владѣніи земля сдѣлается ихъ безусловной собственностью, а стоимость ея послѣ освобожденія быстро повысится въ нѣсколько разъ. Такъ какъ крестьяне, которые послѣ освобожденія будутъ надѣлены всѣми гражданскими правами, какими пользуются крестьяне государственные, получатъ только крестьянскую осѣдлость, то помѣщики, по добровольнымъ соглашеніямъ, будутъ сдавать имъ земли въ аренду, но договоры эти, по мнѣнію Тургенева, не должны предварительно представляться на разсмотрѣніе и утвержденіе правительства. Онъ высказывается за упраздненіе поземельной общины, какъ устарѣвшей формы общежитія и такимъ образомъ лишаетъ освобождаемыхъ крестьянъ и правительственной и мірской защиты противъ произвола помѣщика при установленіи цѣнъ и повинностей за арендуемые земельные участки. Единственно въ чемъ надо видѣть хорошую сторону въ проектѣ Тургенева, такъ это только въ томъ, что ни за личное освобожденіе ни за отводимую крестьянамъ землю помѣщикамъ не слѣдуетъ, по его словамъ, давать никакого вознагражденія. Однако въ своемъ вынужденномъ отчужденіи отъ русской дѣйствительности Тургеневъ нѣсколько отсталъ отъ передовыхъ теченій тогдашней русской общественной мысли. Его программа уже очень многихъ не удовлетворяла, и въ этомъ отношеніи взгляды Герцена гораздо болѣе соотвѣтствовали и требованіямъ самой жизни и пожеланіямъ лучшихъ представителей современной интеллигенціи. Въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій, изданныхъ за границей до 1855 г., Герценъ утверждалъ, что освобожденіе крестьянъ должно быть совершено съ пере-

Герценъ о крестьянскомъ вопросѣ.

дачей имъ всѣхъ тѣхъ земель, которыми они пользовались при существованіи крѣпостного права, и съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія. Сильная задолженность дворянскихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ облегчаетъ, по его мнѣнію, дѣло реформы, которое правительство должно взять въ свои руки, такъ какъ трудно разсчитывать на инициативу дворянъ въ этомъ важномъ и сложномъ вопросѣ. Онъ считалъ также возможнымъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ. Такимъ образомъ Герценъ, этотъ вдумчивый наблюдатель громаднаго кризиса, переживаемаго николаевской Россіей, превосходно уловилъ тѣ основные принципы, которые нѣсколько лѣтъ спустя были положены въ основу программы крестьянскаго освобожденія.

На порогѣ великой реформы.

Итакъ, во второй четверти XIX вѣка и правительство и общество ясно сознавали необходимость перехода къ новымъ хозяйственно-правовымъ отношеніямъ въ русской деревнѣ. Могучій жизненный потокъ направлялъ крестьянскую реформу къ одной цѣли — къ личному освобожденію многомилліонной крѣпостной массы и къ предоставленію ей въ собственность достаточнаго земельнаго обезпеченія. Ни палліативныя мѣры, вышедшія изъ нѣдръ секретныхъ комитетовъ, ни дворянскіе проекты, полные сословно-феодальныхъ вожделѣній, не могли направить его теченіе въ иное, болѣе мелкое русло. Только немногіе представители передовой интеллигенціи усвоили себѣ правильный взглядъ на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса: рядомъ съ долгожданной волей въ ихъ программахъ стояла и земля, которую давно крестьяне считали своею. Послѣ крымскаго погрома, обнаружившаго полное безсиліе крѣпостной Россіи, эти идеи находятъ себѣ болѣе широкое распространеніе. Но секретные комитеты царствованія Николая I своей многолѣтней безплодной работой доказали полную неспособность тогдашней бюрократіи къ разработкѣ коренныхъ соціальныхъ преобразованій. Все указывало на необходимость обратиться къ живымъ общественнымъ силамъ. Надо было выпустить русскій государственный корабль на широкій просторъ еще неизвѣданнаго моря.

В. Бочкаревъ.

Государственные крестьяне при Николаѣ I и реформа графа Киселева.

Императоръ Николай I и крестьянскій вопросъ.

30-лѣтнее царствованіе императора Николая I по справедливости считается въ нашей исторіи временемъ долгаго и тяжелаго застоя. Властная и сильная личность государя не допускала въ Россіи другой воли, кромѣ собственной. Николай I не довѣрялъ обществу и всячески тормозилъ развитіе его дѣятельности; не довѣрялъ онъ и бюрократіи, но безъ нея обойтись было трудно, и не стѣсняемое общественнымъ контролемъ чиновничество стало при немъ могучей силой, фактически ограничивавшей самодержавнаго и считавшаго себя полновластнымъ царя. При такихъ условіяхъ вводить измѣненія было трудно, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда этого хотѣлъ самъ государь. Такъ было и въ крестьянскомъ дѣлѣ. Николай I вступилъ на престолъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости улучшить положеніе русскаго крестьянства; но глухое противодѣйствіе высшей бюрократіи и боязнь возстановить противъ себя все дворянское сословіе, владѣвшее крѣпостными душами, привели къ тому, что въ вопросѣ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ суровый и властный императоръ всю жизнь топтался на мѣстѣ, и великое дѣло освобожденія передалъ своему преемнику. Не сладивъ съ крестьянскимъ вопросомъ въ его самыхъ жгучихъ проявленіяхъ, Николай I выдѣлилъ изъ него, однако, часть, въ предѣлахъ которой онъ не встрѣчалъ крѣпостническаго противодѣйствія. Онъ занялся спеціально устройствомъ быта одной

Пособія: *А. П. Заблоцкій-Десятовскій.* «Гр. Киселевъ и его время». 4 тома. Спб. 1882 г. *Историческое обозрѣніе пятидесятилѣтней дѣятельности министерства государственныхъ имуществъ.* Т. I и II Спб. 1888 г. *М. М. Богословскій.* Государственные крестьяне при Николаѣ I (въ «Исторіи Россіи» Граната). *Князьковъ.* Гр. П. Д. Киселевъ и реформа государственныхъ крестьянъ (въ сборникѣ «Великая реформа», т. II) М. 1911 г. *Ю. В. Готье.* Гр. П. Д. Киселевъ (въ сборникѣ «Дѣятели реформы»), изд. Научнаго Слова. М. 1911 г.

группы крестьянъ — крестьянъ государственныхъ, или, какъ тогда часто говорили, казенныхъ, и здѣсь, не обращаясь къ инымъ, небюрократическимъ средствамъ, онъ провелъ при помощи исключительно энергичнаго и честнаго бюрократа — графа Павла Дмитріевича Киселева, единственную крупную реформу своего царствованія.

Происхожденіе государственныхъ крестьянъ.

Группа населенія Россіи, извѣстная подъ названіемъ государственныхъ крестьянъ и достигавшая по даннымъ 8 ревизіи, т.-е. въ 30-хъ годахъ XIX вѣка, внушительной цифры въ 7.809.355 ревизскихъ душъ, или 15.980.019 душъ обоего пола, была чрезвычайно различна по происхожденію многочисленныхъ своихъ составныхъ частей. Основнымъ ядромъ ея были остатки древняго русскаго чернаго крестьянства, уцѣлѣвшіе отъ закрѣпощенія. Крѣпостное право въ своемъ территоріальномъ распространеніи на сѣверъ и востокъ остановилось, не заходя далѣе Вологды, Тотьмы и теченія Ветлуги, потому, что раздавать служилымъ людямъ помѣстья такъ далеко отъ границъ государства не было никакого смысла; правда, позднѣе, при Петрѣ, много крестьянскаго люда въ Пріуральѣ было приписано къ заводамъ. Но все же значительная часть русскаго сѣвера сохранила свою старинную свободу. Къ черносошнымъ крестьянамъ русскаго сѣвера примыкали и по происхожденію и по схожимъ условіямъ жизни крестьяне сибирскіе и бывшіе дворцовые крестьяне центральныхъ областей, уцѣлѣвшіе отъ раздачъ въ частныя руки. Въ восточныхъ губерніяхъ, преимущественно въ среднемъ Поволжьѣ, въ составъ государственныхъ крестьянъ вошли тюркскіе и финскіе инородцы, которые подчинились московской державѣ еще въ XVI столѣтіи, долгое время платили правительству дань — ясакъ, и назывались поэтому ясачными людьми. Перечисленныя группы составляли главную массу государственныхъ крестьянъ, составляя по свѣдѣніямъ спеціальныхъ ревизоровъ 1836 и 1837 гг. свыше 5 милліоновъ душъ мужескаго пола. Въ южной части Великороссіи въ число государственныхъ крестьянъ были включены сельскіе жители, совершенно иного, некрестьянскаго происхожденія, — это были такъ называемые однодворцы, прежнихъ службъ служилые люди—солдаты, рейтары, драгуны, городовые, казаки, пушкари, сформированные московскимъ правительствомъ въ XVII вѣкѣ изъ мелкихъ служилыхъ людей и испомѣщенные большими группами на южныхъ, требовавшихъ постоянной защиты, границахъ; но границы уходили

все далѣе къ югу; въ XVIII вѣкѣ, послѣ Петра, правительство пробовало переселить далѣе и бывшихъ защитниковъ границъ, устраивая изъ нихъ особые ландмилицкіе полки на рубежѣ нынѣшней Харьковской и Екатеринославской губерній; но государственная граница продолжала отступать на югъ и скоро ландмилицкіе полки и прежнихъ службъ служилые люди потеряли свое прежнее военное значеніе; они фактически превратились въ крестьянъ-хлѣбопашцевъ, сохранивъ отъ прежняго своего состоянія нѣкоторыя особенности въ землевладѣніи да право владѣть крѣпостными, впрочемъ, право почти идеальное, потому что на 1.238.214 душъ муж. пола однодворцевъ приходилось всего лишь 10.983 души муж. пола крестьянъ. Области, увеличившія собою имперію съ запада и юго-запада, также пополнили обширную группу государственныхъ крестьянъ; такъ, къ государственнымъ крестьянамъ были причислены при Александрѣ I малороссійскіе казаки Черниговской и Полтавской губерній. Старыя польскія области принесли, если не многочисленныя, то довольно разнообразныя группы сельскихъ жителей, примкнувшихъ къ государственнымъ крестьянамъ. Это были сельскіе обыватели изъ лицъ, принадлежавшихъ къ польской шляхтѣ, но не доказавшихъ своего дворянскаго происхожденія, панцырные бояре — также потомки мелкихъ служилыхъ людей стариннаго литовскаго великаго княжества, крестьяне старостинскихъ, т.-е. бывшихъ казенныхъ имѣній Рѣчи Посполитой и крестьяне земель, конфискованныхъ отъ польскихъ помѣщиковъ послѣ 1830 — 31 годовъ. Присоединенная въ началѣ XIX вѣка Бессарабія сдѣлала свой вкладъ въ общую массу: водворенные на казенныхъ земляхъ однодворцы и царане — свободные хлѣбопашцы, сидѣвшіе на казенныхъ земляхъ или снимавшіе участки у частныхъ владѣльцевъ, были включены въ составъ государственныхъ крестьянъ.

Къ этимъ стариннымъ группамъ, какъ кореннаго русскаго населенія, такъ и населенія вновь присоединенныхъ областей, слѣдуетъ прибавить и такія, которыя сложились какъ прямое послѣдствіе законодательной дѣятельности правительства: сюда относятся крестьяне «экономическіе», когда-то населявшіе земли духовныхъ учрежденій и отобранные въ казну Екатериной II въ 1764 году, и, наконецъ, свободные хлѣбопашцы, освобожденные изъ неволи съ землею по закону 1803 года.

Уже одно перечисленіе важнѣйшихъ группъ, составлявшихъ общую массу государственныхъ крестьянъ, показываетъ, какъ мало общаго было между отдѣльными изъ нихъ. Однако, несмотря на различіе происхожденія, условія жизни, создавшіяся въ XVIII столѣтіи, мало-по-малу сближали ихъ между собою и создавали нѣчто общее, даже тамъ, гдѣ ранѣе не было и слѣдовъ его. Сказанное прежде всего относится къ тремъ основнымъ и наиболѣе многочисленнымъ группамъ — крестьянамъ черносошнымъ, ясачнымъ инородцамъ и однодворцамъ, составлявшихъ въ сложности около $^3/_4$ общей массы государственныхъ крестьянъ; то, что входило въ составъ ихъ позднѣе, подчинялось уже намѣтившемуся ходу вещей и раздѣляло судьбу трехъ основныхъ группъ. Этимъ общимъ была политика имперскаго правительства XVIII вѣка, постепенно превращавшая первоначально свободныя группы населенія въ особый видъ казеннаго имущества, цѣлью котораго было доставлять доходъ государству.

Правительственная политика XVIII вѣка.

Первымъ актомъ правительства по пути постепеннаго порабощенія государственныхъ крестьянъ было введеніе подушной подати, наложившей на тяглыя массы гораздо болѣе чувствительное, чѣмъ ранѣе, податное ярмо. Строже проводилось начало прикрѣпленія крестьянъ къ тому мѣсту, гдѣ они были приписаны, строже выколачивались подати и накоплявшіяся недоимки. Не даромъ во второй четверти XVIII вѣка государственные крестьяне убѣгали со своихъ мѣстъ жительства почти не менѣе, чѣмъ крестьяне владѣльческіе. Генеральное межеваніе, начатое въ 60-хъ годахъ, было новымъ шагомъ, стѣснившимъ свободу дѣйствій государственныхъ крестьянъ. Межевая дѣятельность правительства не ограничивалась точнымъ опредѣленіемъ земельныхъ владѣній; она вторгалась во внутреннюю жизнь крестьянъ и иногда мѣняла вѣками установившіяся отношенія; такъ, въ связи именно съ генеральнымъ межеваніемъ распоряженіями правительственной власти вводилась у сѣверныхъ черносошныхъ крестьянъ поземельная община съ уравнительными передѣлами вмѣсто сохранившихся до тѣхъ поръ старинныхъ формъ землевладѣнія, при которыхъ общее владѣніе крестьянъ не подвергалось предѣламъ, но каждый владѣлъ тѣмъ, что получалъ по наслѣдству отъ отцовъ и дѣдовъ. Наконецъ, учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. объединило одинаковымъ управленіемъ всѣ разряды незакрѣпощенныхъ въ частное владѣніе крестьянъ. Общее завѣдываніе ими поручалось казенной палатѣ. «Въ тѣхъ го-

родахъ и округахъ, гласила 335-я ст. учрежденія, — гдѣ жительство имѣютъ однодворцы, или всякихъ прежнихъ службъ служилые люди, или черносошные, или государственные крестьяне, то для таковыхъ дозволяется въ губерніи учредить по усмотрѣнію главнокомандующаго, смотря на пользу и нужды и соображаясь съ обширностью губерніи, у десяти до тридцати тысячъ душъ по одному суду, подъ названіемъ нижняя расправа»; задачей этого учрежденія было отправлять правосудіе по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, касающихся государственныхъ крестьянъ; апелляціонной инстанціей служитъ учреждаемая въ губернскомъ городѣ верхняя расправа; составъ обоихъ учрежденій частью выборный, частью назначаемый: первый и второй предсѣдатели верхней расправы и судья нижней земской расправы назначаются «изъ людей чиновныхъ»; засѣдатели обѣихъ расправъ «выбираются тѣми селеніями, кои составляютъ подсудное вѣдомство расправы; и не запрещается имъ выбрать и изъ дворянъ или ученыхъ людей, или изъ чиновныхъ людей, или изъ разночинцевъ, или поселянъ безпорочныхъ людей» на три года; они утверждаются губернаторомъ. Составъ расправы опредѣляетъ и ихъ отношеніе къ подвѣдомственнымъ имъ крестьянамъ; во главѣ ихъ стоятъ чиновники, а засѣдателями крестьяне могутъ быть наравнѣ съ некрестьянами; эти черты сообщали чисто бюрократическій характеръ управленію государственными крестьянами; чиновничье управленіе лишь усугубляло то государственное рабство, въ которое мало-по-малу переходили когда-то свободные сельскіе жители.

Положеніе государственныхъ крестьянъ по закону 1797 г.

Какъ извѣстно, за учрежденіемъ о губерніяхъ послѣдовало законодательное утвержденіе правъ и обязанностей сословій; вслѣдъ за грамотой дворянству и городовымъ положеніемъ 1785 г., опредѣлившимъ права городского населенія, должна была быть издана жалованная грамота государственнымъ крестьянамъ; намъ хорошо извѣстно теперь, что былъ составленъ даже проектъ такой грамоты, который, однако, такъ и остался не утвержденнымъ; права государственныхъ крестьянъ не были опредѣлены Екатериной, не было регламентировано и ихъ внутреннее устройство. Послѣдній пробѣлъ былъ отчасти выполненъ императоромъ Павломъ, издавшимъ законъ 7 августа 1797 года. Законъ этотъ и завершилъ собою мѣры правительства XVIII вѣка по отношенію къ государственнымъ крестьянамъ.

Законъ 7 августа есть не что иное, какъ перефразировка законоположенія, незадолго до того устроившаго бытъ созданныхъ Павломъ удѣльныхъ крестьянъ. Подобно послѣднему, онъ вводилъ двѣ ступени въ организаціи крестьянства; двухстепенная организація была удержана и всѣми позднѣйшими законами объ устройствѣ крестьянъ. Селенія государственныхъ крестьянъ раздѣляются на волости не болѣе 3.000 ревизскихъ душъ въ каждой. Во главѣ волости находится волостное правленіе, состоящее изъ волостного головы, старосты или выборнаго того селенія, въ которомъ находится волостное правленіе и писаря; во главѣ каждаго селенія «староста или выборный другого наименованія»; эти должностныя лица избираются: сельскій выборный— на 1 годъ, голова и писарь — на 2 года изъ крестьянъ всей волости. Обязанности волостного головы по отношенію волости и обязанности старосты по селенію одинаковы; они касаются полиціи, финансовъ и суда. Волостныя и сельскія власти обнародоваютъ распоряженія правительства, наблюдаютъ за благочиніемъ и безопасностью въ волости, собираютъ подати и недоимки; они обязаны «въ маловажныхъ между поселянами ссорахъ и искахъ расправу чинить и примирять», «имѣть надъ вдовами и сиротами и нерадивыми о хозяйствѣ опеку и, наконецъ, особенно «заботиться о преуспѣяніи сельскаго хозяйства въ волости и селеніяхъ», насколько точно регламентированы обязанности выборныхъ волостныхъ властей, настолько смутно и неопредѣленно очерчены права волостного схода: сходъ «на который должны жители по одному съ каждаго двора, или сколько приказано будетъ при всякомъ случаѣ, немедленно поспѣшать», избираетъ должностныхъ лицъ, волостныхъ и сельскихъ, производитъ раскладку податей, совершаетъ и кое-какія другія дѣла по управленію волости, но совершаетъ ихъ «въ тишинѣ», «внимая тому, что имъ приказано и въ точности исполняя приказаніе подъ штрафомъ за неповиновеніе». За исключеніемъ оставшихся, впрочемъ, мертвой буквой обязанностей волостныхъ головъ и сельскихъ старостъ по опекѣ вдовъ и сиротъ, гдѣ проглядываютъ черты заботы правительства о благосостояніи государственныхъ крестьянъ, все остальное не носитъ въ себѣ ничего новаго, творческаго. И волостная и сельская организація существовала въ Россіи издавна; это — самобытныя народныя явленія, старыя какъ самъ русскій народъ. Волостное и сельское выборное начало признавалось обычаемъ во всѣ времена

нашей исторіи, независимо отъ свободы или крѣпостной неволи крестьянъ. При царѣ Иванѣ IV верховная власть, предоставивъ народу возможность вводить у себя земское самоуправленіе, на время признала за тяглой волостной и посадской общиной и общегосударственное значеніе; позднѣе община не разъ регламентировалась уставными грамотами частныхъ вотчинниковъ; законъ 1797 года снова призналъ за ней государственное значеніе, хотя и въ очень узкой, ограниченной и подчиненной сферѣ.

Государственные крестьяне, организованные вышеописаннымъ образомъ по селеніямъ и волостямъ, были подчинены въ полицейскомъ отношеніи — исправнику, въ финансовомъ отношеніи — казенной палатѣ; въ судебномъ отношеніи, по упраздненіи императоромъ Павломъ I «расправъ», — палатамъ гражданской и уголовной и ввѣрялись попеченію губернатора. Послѣдовавшія въ первые годы царствованія Александра I перемѣны въ высшемъ управленіи имперіей окончательно опредѣлили организацію управленія государственными крестьянами и ихъ положеніе среди другихъ разрядовъ русскаго населенія.

Положеніе государственныхъ крестьянъ въ вѣдомствѣ Министерства Финансовъ.

Съ созданіемъ министерствъ высшимъ органомъ, вѣдавшимъ государственныхъ крестьянъ, сдѣлался департаментъ государственныхъ имуществъ Министерства Финансовъ. Послѣднее обстоятельство можетъ резюмировать всю предыдущую болѣе чѣмъ вѣковую исторію государственныхъ крестьянъ; изъ свободныхъ сельскихъ обывателей, какими была бо̀льшая ихъ часть, они сдѣлались однимъ изъ видовъ государственныхъ имуществъ, цѣннымъ постольку, поскольку оно было доходнымъ. Министерство Финансовъ, обязанное отыскивать новые источники государственнаго дохода и усовершенствовать старые, получивъ въ свое вѣдѣніе государственныхъ крестьянъ въ трудные годы войнъ, съ самаго начала стало смотрѣть на нихъ исключительно какъ на источникъ дохода; чиновники, которые, начиная съ губернатора и кончая исправникомъ, опутывали государственныхъ крестьянъ на мѣстахъ, выколачивая изъ нихъ подать, въ свою очередь, смотрѣли на государственное крестьянство какъ на средство своего личнаго обогащенія; а выборныя власти, задавленныя всей возвышавшейся надъ ними бюрократической тяжестью, не могли защитить крестьянъ отъ притѣснителей даже, если бы хотѣли это сдѣлать. Такъ создалось то печальное положеніе, изъ котораго государственные крестьяне были выведены реформою 1837—38 годовъ. Гражданско-правовое положеніе государствен-

ныхъ крестьянъ, были шаткимъ и неопредѣленнымъ. Законодательство XVIII вѣка признавало за ними всѣ права свободныхъ людей, но до вступленія на престолъ Александра I они въ каждую минуту могли сдѣлаться жертвою той безумной раздачи населенныхъ земель въ частное владѣніе, которая неизмѣнно господствовала во всѣ многочисленныя царствованія XVIII столѣтія. Александръ I заявилъ, что онъ не будетъ болѣе раздавать государственныхъ крестьянъ въ частное владѣніе; это было для нихъ большое благодѣяніе въ трудную и тяжелую въ другихъ отношеніяхъ Александровскую эпоху; но и это правило держалось единственно волею монарха; до конца его царствованія оно не получило силы закона и не мѣшало тому же государю перечислять цѣлыя волости въ созданныя его волей военныя поселенія.

Первыя попытки улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ.

Уже къ концу царствованія Александра I положеніе государственныхъ крестьянъ представлялось очень неудовлетворительнымъ въ глазахъ наиболѣе дальновидныхъ государственныхъ дѣятелей. Недоимки росли угрожающимъ образомъ; казалось, что давно испытанный источникъ государственныхъ доходовъ долженъ изсякнуть. Съ этой именно точки зрѣнія и взглянули на крестьянъ первые частичные проекты улучшенія ихъ участи. Въ ноябрѣ 1825 г., тогдашній министръ финансовъ гр. Канкринъ внесъ въ Государственный Совѣтъ предложеніе о примѣненіи къ государственнымъ крестьянамъ Петербургской и Псковской губерній порядка управленія удѣльными крестьянами. «Неудобства нынѣшняго управленія казенными крестьянами, — говорилъ Канкринъ въ своей запискѣ, — столь извѣстны, что не требуютъ дальнѣйшаго изъясненія. Недостатокъ ближайшаго надзора и защиты есть причина того, что благосостояніе крестьянъ упадаетъ, и число недоимокъ, на нихъ лежащихъ, умножается». Въ качествѣ мѣры для исцѣленія недуга предполагалось въ обѣихъ губерніяхъ учредить наподобіе удѣльныхъ конторъ окружныя хозяйственныя управленія, которыя должны были «радѣть сами» подъ собственной отвѣтственностью о бездоимочномъ сборѣ податей и исправномъ отбываніи повинностей.

Несмотря на то, что Государственный Совѣтъ «затруднился» принять проектъ министра финансовъ, потому что не былъ увѣренъ, «что можно было улучшить состояніе казенныхъ крестьянъ посредствомъ одного только введенія между ними порядка управленія удѣльными крестьянами», мѣры, указанныя Канкринымъ,

были введены въ видѣ опыта по указу новаго государя Николая Павловича. Что мѣра, предложенная и введенная Канкринымъ, не удовлетворяла многихъ, доказываетъ и извѣстная записка, поданная Сперанскимъ въ секретный комитетъ, учрежденный Николаемъ I 6 декабря 1826 года для подготовки преобразованій, которыя желательно было бы ввести въ государственномъ строѣ, Сперанскій писалъ, что «государственные крестьяне бѣднѣютъ и разоряются не менѣе помѣщиковъ. Работа и повинности ихъ также не опредѣлены и распредѣлены весьма неуравнительно. Земскіе исправники — тѣ же помѣщики, съ тою только разницею, что они перемѣняются и что на нихъ есть возможность жаловаться, но зато эти трехлѣтніе владѣльцы не имѣютъ побужденія беречь крестьянъ». Улучшеніе быта и устройство государственныхъ крестьянъ должно было предшествовать реформамъ въ бытѣ владѣльческихъ крестьянъ и быть произведено на болѣе широкихъ началахъ, нежели тѣ, которыя предлагалъ Канкринъ; убѣжденіе это крѣпло и постепенно пріобрѣтало новыхъ сторонниковъ, вотъ почему, когда въ 1834 году гр. Канкринъ предложилъ распространить на 10 губерній порядокъ управленія государственными крестьянами, введенный въ 1826 г. въ Петербургской и Псковской губерніяхъ, государь принялъ мнѣніе Государственнаго Совѣта, не соглашавшагося съ министромъ финансовъ и для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ выдвигавшаго на очередь преобразованіе дѣйствующей системы податей на уравнительныхъ началахъ, новое поземельное устройство крестьянъ и выдѣленіе управленія ими въ особое центральное учрежденіе, независимое отъ Министерства Финансовъ.

30-е годы — время наибольшей энергіи императора Николая I во внутреннихъ дѣлахъ имперіи. Освободившійся отъ войнъ, одна за другой слѣдовавшихъ до 1831 года, императоръ обратилъ свое вниманіе на ту сторону крестьянскаго вопроса, разрѣшить которую ему казалось легко, потому что онъ не рисковалъ здѣсь задѣть интересовъ дворянства. Его стремленіе улучшить участь государственныхъ крестьянъ и устроить ихъ бытъ увѣнчались успѣхомъ, потому что ему удалось найти энергичнаго и умнаго помощника въ лицѣ генерала Киселева, единственнаго искренняго и стойкаго поборника крестьянскаго дѣла въ его царствованіе.

Будущій графъ Киселевъ родился въ Москвѣ 8 января 1788 г. Семья Киселевыхъ давно осѣла въ Москвѣ. Дѣдъ Павла

Графъ П. Д. Киселевъ: происхожденіе и воспитаніе.

Дмитріевича въ половинѣ столѣтія былъ московскимъ губернаторскимъ товарищемъ, т.-е. занималъ довольно видное мѣсто по администраціи. Его отецъ служилъ по дворцовому вѣдомству и въ началѣ XIX вѣка былъ помощникомъ начальника Оружейной Палаты, а потомъ и главноприсутствующимъ въ ней. На рубежѣ столѣтій Москва, говоря словами П. А. Вяземскаго, была «истинной столицей литературы и удовольствій общежитія образованнаго. Памятники блестящаго двора Екатерины доживали свой вѣкъ въ тихой пристани и придавали московскому обществу какую-то историческую физіономію, равно какъ и кремлевскія стѣны придаютъ ее самому городу. Многіе открытые дома, куда съѣзжались на хлѣбосольство хозяевъ, образованныхъ и достаточныхъ, собесѣдники умные, женщины любезныя и просвѣщенные путешественники, доставлявшіе людямъ, чуждымъ честолюбія и удаленнымъ отъ дѣлъ, пріятныя наслажденія утонченнаго общежитія, признаки несомнительные и плоды образованности зрѣлой». Среди этого дворянскаго эдема семейство Киселевыхъ занимало не первое, но во всякомъ случаѣ приличное мѣсто. И по происхожденію отъ старинныхъ московскихъ служилыхъ людей, и по служебному положенію, и по родственнымъ связямъ — Д. И. Киселевъ былъ женатъ на княжнѣ П. П. Урусовой — Киселевы принадлежали къ лучшему дворянскому кругу столицы.

Мы не знаемъ, какихъ взглядовъ на общественныя дѣла и политику держались въ домѣ Киселевыхъ, но дружеская близость Дмитрія Ивановича съ Ростопчинымъ указываетъ скорѣе на консервативное направленіе. Съ другой стороны, стойкій и непоколебимый интересъ, обнаруженный позднѣе Павломъ Дмитріевичемъ къ меньшей братіи — крестьянамъ, интересъ, столь ярко освѣтившій жизнь сына Елизаветы Дмитріевны Киселевой, Н. А. Милютина, не служитъ ли доказательствомъ того, что любовь къ народу и желаніе пойти навстрѣчу его нуждамъ были семейными традиціями. Біографы Киселева въ одинъ голосъ говорятъ о сильномъ и благотворномъ вліяніи Прасковьи Петровны Киселевой на всю семью; быть-можетъ, именно ей обязанъ былъ будущій устроитель быта государственныхъ крестьянъ первымъ пробужденіемъ интереса къ народу.

Учился Киселевъ дома и ученіе это, руководимое неизбѣжнымъ гувернеромъ-французомъ, было, кажется, поверхностнымъ; по крайней мѣрѣ, самъ онъ позднѣе не разъ сознавалъ недоста-

точность полученнаго образованія и говорилъ, что ему понадобилось «много труда и много безсонныхъ ночей, чтобъ изъ свѣтскаго полотера сдѣлаться дѣловымъ человѣкомъ».

П. Д. Киселевъ началъ службу въ январѣ 1805 года, сначала юнкеромъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ при московскомъ ея архивѣ; потомъ, послѣ недолгаго пребыванія въ канцеляріи генералъ-интенданта, мы видимъ его уже корнетомъ кавалергардскаго полка; съ этого времени для молодого человѣка началась новая школа, — школа жизни, школа военной и придворной науки. Шесть мѣсяцевъ послѣ его вступленія въ полкъ, въ январѣ 1807 года, кавалергарды отправились на войну; получивъ боевое крещеніе въ походѣ, ознаменованномъ Фридландскимъ пораженіемъ и Тильзитскимъ миромъ, Киселевъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ и оставался до войны 1812 года. Объ этихъ годахъ его жизни мы знаемъ почти такъ же мало, какъ и о московскомъ дѣтствѣ. Хотя Киселевъ и отличался даромъ слова, но о себѣ онъ не любилъ разсказывать болѣе, чѣмъ нужно. «Не стоитъ говорить о моей службѣ въ младшихъ чинахъ, — писалъ онъ позднѣе. — Я былъ кавалергардскимъ офицеромъ болѣе 10 лѣтъ; я участвовалъ съ полкомъ въ прусской кампаніи 1807 и въ кампаніи 1812 года вплоть до оставленія Москвы; я всегда пользовался дружбой и уваженіемъ моихъ товарищей и разстался съ ними съ сожалѣніемъ». Такъ коротко охарактеризовалъ онъ первые годы своей службы, хотя именно въ эти годы слагался и опредѣлялся его душевный складъ.

Служба при Александрѣ I.

Юношѣ Киселеву пришлось въ значительной мѣрѣ самому пробивать себѣ дорогу. Насколько можно судить, онъ не потерялся; красивый, умный, честолюбивый, Киселевъ быстро вошелъ въ среду придворнаго барства, въ которую бросила его судьба, и, не сдѣлавъ ложнаго шага, не заблудившись въ закоулкахъ большого свѣта, онъ быстро приблизился къ большой государственной дорогѣ, съ которой потомъ не сходилъ уже всю жизнь. Результаты не замедлили сказаться: лѣтомъ 1812 года Киселевъ, еще не покинувшій полка, былъ вмѣстѣ съ А. Ѳ. Орловымъ своимъ человѣкомъ въ императорской главной квартирѣ.

Хотя императоръ Александръ I зналъ Киселева еще до войны, но приблизилъ онъ его къ себѣ уже во время заграничнаго похода. Адъютантство при Милорадовичѣ, которымъ самъ Киселевъ былъ очень недоволенъ, было, повидимому, дорогой къ сближенію съ государемъ. 2 апрѣля 1814 года Киселевъ былъ

назначенъ флигель-адъютантомъ; его военное и придворное положеніе было упрочено. Какія отношенія связывали Александра съ тою группою молодыхъ военныхъ, которые составляли свиту его въ первые годы послѣ заграничныхъ походовъ? Это не была дружба; друзей у Александра не было ни ранѣе, ни въ это время, но вѣнценосный мистификаторъ, вѣроятно, смотрѣлъ на своихъ молодыхъ адъютантовъ — Киселева, братьевъ М. Ѳ. и А. Ѳ. Орловыхъ, кн. А. С. Меншикова, — какъ па людей, передъ которыми онъ могъ развивать всѣ свои мечты и планы безъ опасенія встрѣтить противорѣчіе или натолкнуться на вопросъ о ихъ осуществленіи. Служба при «неразгаданномъ сфинксѣ» должна была выработать изъ Киселева искуснаго дипломата, а быстрое возвышеніе еще недавно никому неизвѣстнаго молодого офицера, создало ему его первыхъ враговъ. Послѣднее обстоятельство уже ясно сказывалось во время его отвѣтственныхъ командировокъ въ южную армію, въ цѣляхъ ревизіи, и въ первые годы его службы въ качествѣ начальника штаба этой арміи. Однако расположеніе къ Киселеву Александра, который не разъ говорилъ, что у него, кромѣ его, императора, никакой другой протекціи нѣтъ, остается неизмѣннымъ до послѣднихъ дней жизни государя.

Уже въ эти молодые годы внѣшній обликъ Киселева значительно отличается отъ истиннаго его характера. Въ 1818 году Меншиковъ писалъ ему: «Ты себѣ надѣлалъ много враговъ, что и правда. На твой счетъ распускаютъ, что ты надменный и чванишься. Твоя осанка и запальчивость, вѣроятно, подали поводъ къ этимъ слухамъ. Прошу остерегаться. Римскіе нравы не для нашего вѣка. Хотя пилюли глотаютъ и нынѣ, но съ позолотою, — правило, которое ты недовольно соблюдаешь при подчиваніи». Лица, знавшія Киселева не по служебнымъ отношеніямъ, гдѣ только и могли проявляться черты характера, указываемыя Меншиковымъ, но встрѣтившіяся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ одного круга, не имѣли, конечно, повода упрекать его въ надменности и запальчивости. Однако слишкомъ быстрая карьера молодого генерала заставляла многихъ видѣть въ немъ прежде всего искуснаго царедворца и въ лучшемъ случаѣ любезнаго свѣтскаго человѣка.

На самомъ дѣлѣ духовный обликъ генерала Киселева былъ нѣсколько иной. Отъ природы вспыльчивый и горячій, онъ при этомъ былъ человѣкомъ съ очень развитымъ чувствомъ соб-

ственнаго достоинства и гордости въ благородномъ смыслѣ слова. Честное отношеніе къ службѣ онъ считалъ своимъ долгомъ и, дѣйствительно, честно относился къ своимъ обязанностямъ и тогда, и позднѣе, во всю свою долгую дѣятельность. Съ достоинствомъ и благородствомъ умѣлъ онъ ограждать себя отъ людей, стремившихся стать поперекъ его дороги, и съ полною, кажется, справедливостью говорилъ о себѣ, что онъ «терпѣніемъ хвастаться не можетъ и дерзостей сносить молчаливо не умѣетъ». Какъ умный и гордый человѣкъ, онъ умѣлъ охранять свое достоинство и въ сношеніяхъ съ высокими лицами. Александръ спросилъ его какъ-то: почему онъ, будучи небогатъ, не попроситъ у него никогда аренды или денегъ? «Я знаю, что вы охотно даете, государь, — отвѣчалъ Киселевъ, — но не уважаете тѣхъ, кто принимаетъ отъ васъ. Мнѣ же уваженіе ваше дороже денегъ».—«Отвѣтъ прекрасный, но и придворный. Надобно сказать, впрочемъ, что Киселевъ былъ ловокъ и зналъ хорошо характеръ покойнаго императора», добавляетъ сообщающій объ этомъ разговорѣ декабристъ Басаргинъ. Это, конечно, такъ; но не всякій придворный сумѣлъ бы устоять противъ искушенія принять аренду; этимъ и отличался Киселевъ отъ обыкновенныхъ царедворцевъ, что личныя отношенія къ государямъ, которымъ онъ служилъ, онъ ставилъ выше матеріальныхъ благъ, какія онъ могъ получить отъ нихъ. И въ другихъ, болѣе серьезныхъ случаяхъ, чѣмъ только что описанный, Киселевъ умѣлъ сохранять самостоятельность сужденій, граничившую со смѣлостью, и, можетъ-быть, эта во-время обнаруживаемая смѣлость и обезпечивала ему неизмѣнное расположеніе не только Александра I, но и гораздо болѣе тяжелаго въ личныхъ сношеніяхъ Николая I. У Александра въ послѣдніе годы было два любимыхъ дѣтища: военныя поселенія и Аракчеевъ; высказаться противъ первыхъ или наступить на ногу второму было поступкомъ, который не проходилъ даромъ. Киселевъ и въ этой опасной области оставался независимымъ и не терялъ своего достоинства. «Въ Тульчинѣ, за обѣдомъ и бывши въ очень хорошемъ расположеніи духа, послѣ очень удачнаго смотра, императоръ обратился къ генералу Киселеву съ вопросомъ, примиряется ли онъ, наконецъ, съ военными поселеніями. Киселевъ отвѣчалъ, что «его обязанность вѣрить, что военныя поселенія принесутъ пользу, потому что его имп. вел. это угодно, но что самъ онъ тутъ рѣшительно ничего не понимаетъ». Въ Вознесенскѣ, въ 1823 году,

«услышавъ отъ государя, какъ онъ остался доволенъ 2-й арміей, и, вѣроятно, будучи этимъ недоволенъ, Аракчеевъ, когда государь ушелъ въ кабинетъ, обратился къ Киселеву при многолюдномъ собраніи: «Мнѣ разсказывалъ государь, какъ вы угодили ему, Павелъ Дмитріевичъ; онъ такъ доволенъ вами, что я бы желалъ поучиться у вашего превосходительства, какъ угодить его величеству. Позвольте мнѣ пріѣхать для этого во вторую армію; даже не худо было бъ, если бы ваше превосходительство взяли меня на время къ себѣ въ адъютанты»... Взоры всѣхъ обратились на Киселева. Тотъ безъ замѣшательства отвѣтилъ: «Милости просимъ, графъ; я очень буду радъ, если вы найдете во 2-й арміи что-нибудь такое, что можно примѣнить къ военнымъ поселеніямъ. Что же касается до того, чтобъ взять васъ въ адъютанты, то извините меня, послѣ этого вы, конечно, захотите сдѣлать и меня своимъ адъютантомъ, а я этого не желаю». Аракчеевъ закусилъ губу и отошелъ.

Что касается личнаго благородства Киселева въ отношеніяхъ къ равнымъ и младшимъ, то объ этомъ свидѣтельствуютъ даже такіе люди, которымъ далеко не все нравилось въ его дѣятельности: сошлемся на отзывъ командира 6-го корпуса генерала Сабанѣева, далеко не дружелюбно смотрѣвшаго на Киселева въ первое время службы послѣдняго въ южной арміи. Трудолюбіе, гуманность Киселева, его самостоятельность передъ сильными вниманіе и доступность къ низшимъ подтверждаются и другими современниками.

Киселевъ, его друзья и сослуживцы при государѣ въ родѣ братьевъ Орловыхъ принадлежали къ небольшой группѣ военныхъ, уже далеко шагнувшихъ по пути жизненнаго и служебнаго успѣха, съ глазъ которыхъ, однако, во время заграничныхъ походовъ также спала завѣса, окутывавшая ихъ взгляды на русскую жизнь. Родись они нѣсколькими годами позднѣе, они, можетъ-быть, попали бы въ число героевъ 14 декабря; но всѣ они были дѣтьми 80-хъ годовъ XVIII столѣтія; способные и удачливые, они уже успѣли пріобрѣсти слишкомъ высокое служебное положеніе, чтобы сойти съ пути успѣха и благополучія, но они были слишкомъ молоды, и не настолько безпринципны, чтобы вслѣдъ за Александромъ и Аракчеевымъ броситься безъ оглядки въ реакцію.

Первое извѣстное намъ проявленіе интереса къ крестьянскому дѣлу со стороны Киселева — это записка, по собственному его

Первое проявленіе интереса къ крестьянскому дѣлу.

свидѣтельству, представленная государю 27 августа 1816 г. въ Москвѣ. Записка начиналась основною посылкою: «Гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія». Не забудемъ, что Киселевъ принадлежалъ къ поколѣнію, воспитанному на чтеніи произведеній XVIII вѣка; можетъ-быть, впрочемъ, въ запискѣ молодого флигель-адъютанта слышатся отголоски преобразовательныхъ плановъ Сперанскаго, которые были, навѣрно, болѣе извѣстны петербургскому обществу 10-хъ годовъ, нежели многимъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Записка представляетъ большой интересъ для позднѣйшей дѣятельности Киселева; она уже намѣчаетъ направленія, по которымъ пошелъ ея авторъ въ годы наибольшаго своего вліянія: отношенія крестьянъ къ владѣльцу земли должны быть опредѣлены закономъ; крестьяне, при переходѣ въ новыя условія жизни, не лишаются пользованія тою землею, которую они обрабатываютъ; безземельные рабы, дворовые, должны исчезнуть, государственныя земли должны служить для разселенія малоземельныхъ. Всѣ, однако, мѣры въ пользу крестьянъ должны, согласно господствовавшимъ въ то время взглядамъ, приводиться въ исполненіе «постепенно». Когда и почему проснулось въ блестящемъ флигель-адъютантѣ сочувствіе къ обиженнымъ младшимъ братьямъ? Записка написана въ тѣ годы, когда императоръ вновь обнаружилъ платоническій интересъ къ судьбѣ крестьянъ и любилъ высказывать это въ бесѣдахъ съ окружающими. Мысли вслухъ государя вызвали составленіе цѣлаго ряда проектовъ, одинъ изъ которыхъ связывается даже съ именемъ, «безъ лести преданнаго» Аракчеева. Киселевъ, подавая свою записку, могъ думать, что дѣлаетъ пріятное императору, но видѣть въ его поступкѣ одну лишь придворную лесть мы не имѣемъ права: противъ этого говоритъ вся его послѣдующая упорная и многолѣтняя дѣятельность на пользу крестьянъ. Этимъ, однако, вопросъ не разъясняется; мы уже видѣли, что непосредственно сблизиться съ народомъ Киселевъ не могъ; его дѣятельность протекала вдали отъ крестьянскаго міра; своихъ крѣпостныхъ у него тогда еще не было; вліяніе матери и традиціи семьи возможны, но не выходятъ за предѣлы гипотезы. Остается еще одна возможность также, однако, не подтверждаемая опредѣленными свидѣтельствами, что Киселевъ пришелъ къ крестьянскому вопросу подъ вліяніемъ тѣхъ же просвѣтительныхъ идей, которыя привели къ нему многихъ русскихъ людей его поколѣнія и создали тай-

Киселевъ и декабристы.

ныя общества, гдѣ у Киселева было такъ много близкихъ людей.

Значительное число участниковъ декабрьскаго возстанія вышли изъ тѣхъ войскъ, которыя совершили заграничные походы и потомъ оставались во Франціи подъ начальствомъ Воронцова. Два раза, въ Бріеннѣ въ 1814 и въ Реймсѣ въ 1815 гг., Киселеву пришлось исполнять отвѣтственныя порученія по разбору жалобъ на русскія войска, и оба раза онъ съ большимъ тактомъ и съ честью для русской арміи улаживалъ недоразумѣнія. Это могло привлечь къ нему симпатіи многихъ; старыя гвардейскія связи и нѣкоторая общность взглядовъ сдѣлали остальное. Еще въ Петербургѣ, въ 1815 — 18 гг., между Киселевымъ и другими молодыми свитскими генералами, съ одной стороны, и гвардейскою молодежью—съ другой, нѣтъ пропасти; съ переходомъ Киселева во 2-ю армію, въ составъ которой вошелъ и бывшій корпусъ Воронцова, общеніе между нимъ и лучшими представителями офицерства стало еще тѣснѣе.

Трудно, конечно, судить объ истинномъ характерѣ отношеній генерала Киселева къ тайному обществу; въ позднѣйшіе годы ему приходилось скорѣе молчать о нихъ; вѣроятнѣе всего, предположить, что Киселевъ, въ душѣ сочувствовавшій нѣкоторымъ идеямъ военной молодежи, смотрѣлъ на многое сквозь пальцы. По убѣжденіямъ его можно было бы назвать «умѣреннымъ декабристомъ», но ни одинъ изъ декабристовъ не считаетъ его своимъ, а Пестель, кажется, считалъ даже необходимымъ прежде всего арестовать Киселева для обезпеченія успѣха возстанія. Не надо забывать также, что члены тайнаго общества были лучшими и ревностнѣйшими офицерами, и что дѣйствовать противъ нихъ значило разстраивать всю службу въ южной арміи.

Близость генерала Киселева къ членамъ тайнаго общества еще до 1825 года успѣла создать ему репутацію опаснаго либерала, а въ первые дни новаго царствованія едва не стоила ему всей карьеры. Имя Киселева стояло въ спискѣ заговорщиковъ, найденномъ въ бумагахъ Александра I послѣ его смерти; самъ Александръ подозрѣвалъ его въ сношеніяхъ съ тайными обществами. Въ анонимномъ доносѣ, писанномъ въ 1825 г., о Киселевѣ говорилось, что «общій голосъ винитъ его въ бездѣйствіи и въ совершенной безпечности, бывшихъ поводомъ къ свободнымъ съѣздамъ и совѣщаніямъ преступниковъ черезъ столь

долгое время, въ городкѣ весьма необширномъ... Тайное ободреніе чрезъ пожатіе руки и явная хула всему свыше непримѣтнымъ образомъ увлекло къ преступленію всѣхъ его адъютантовъ, не за тѣломъ, но за душою его стремившихся». Старая дворянская Москва громко осуждала Киселева.

Киселева не подвергали аресту, но о немъ, такъ же, какъ и о другихъ лицахъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи заговору, напримѣръ, Сперанскомъ или адмиралѣ Мордвиновѣ, было произведено особое секретное слѣдствіе, оставшееся чуть ли не тайною для самихъ заинтересованныхъ лицъ, но въ результатѣ котораго мысли о сочувствіи всѣхъ означенныхъ лицъ заговорщикамъ были признаны болтовнею для увлеченія легковѣрныхъ. Киселеву не пришлось, въ общемъ, дрожать за свою шкуру, но тяжело было человѣку, знавшему до тѣхъ поръ лишь удачи, выслушивать нравоученія, которыми награждалъ его ведшій слѣдствіе во второй арміи генералъ Чернышевъ; еще тяжелѣе было ѣхать въ Петербургъ, куда посылалъ его начальникъ второй арміи гр. Витгенштейнъ.

Пріемъ новаго императора не былъ такимъ, какой желалъ встрѣтилъ Киселевъ. Если Николай Навловичъ и не видѣлъ въ немъ заговорщика, то считалъ его за легкомысленнаго и недостойнаго довѣрія человѣка. Киселевъ напрасно добивался расположенія новаго государя; хотя онъ и не получилъ отставки, о которой просилъ, тѣмъ не менѣе, какъ говоритъ его біографъ, «онъ замѣчалъ въ обращеніи съ нимъ государя слѣды его неудовольствія». Оставалось смириться; 11 февраля 1826 г. Киселевъ выѣхалъ изъ Петербурга, не уволенный и не обласканный, потерявъ близость къ государю и двору, къ которой привыкъ и которой дорожилъ.

1826 и 1827 годы — время пріостановки въ развитіи служебной дѣятельности Киселева; но для его дѣятельности, какъ поборника крестьянскаго дѣла, они не лишены значенія. Въ запискѣ, составленной въ 1826 г. по поводу крестьянскихъ волненій въ Кіевской губерніи, онъ говоритъ, что быстрымъ успокоеніемъ крестьянъ Провидѣніе явно указываетъ правительству на необходимость тщательнаго разсмотрѣнія причинъ, возбуждающихъ мятежный духъ въ крестьянахъ. «Не дозволяя себѣ входить въ подробное изложеніе всѣхъ статей, могущихъ служить отвѣтомъ сему предложенію, я вкратцѣ изъясню мое мнѣніе, какъ лицо постороннее, близъ 10 лѣтъ здѣсь (въ Кіевской губ.) прожива-

ющее, и какъ помѣщикъ, другой годъ управляющій имѣніемъ жены моей». Недолгіе годы скоро разладившейся семейной жизни дали будущему преобразователю быта государственныхъ крестьянъ возможность непосредственно соприкасаться съ мужицкимъ міромъ, а это прикосновеніе приводило къ мыслямъ о причинахъ крестьянскихъ волненій и о лучшихъ способахъ ихъ искорененія.

Превращеніе потерявшаго свое положеніе при дворѣ начальника штаба 2-й арміи въ «начальника штаба императора Николая I по крестьянской части» началось во время турецкой войны. Первымъ шагомъ къ сближенію была распорядительность и храбрость Киселева при переходѣ войскъ черезъ Дунай 27 мая 1828 г.; послѣ высадки войскъ на турецкомъ берегу, «когда мокрый и покрытый грязью Киселевъ возвратился къ императору, Николай закричалъ издали: «Я знаю твои новости; ты первый перешелъ и показалъ дорогу другимъ». — «Нѣтъ, — отвѣчалъ Киселевъ, — это наши 4 казака, которые переправились вчера въ полночь и ожидали насъ». Императоръ обнялъ Киселева и при всѣхъ благодарилъ его въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Вторымъ рѣшающимъ моментомъ были сраженія вокругъ Шумлы въ іюнѣ того же года, гдѣ Киселеву не разъ приходилось принимать личное участіе въ бояхъ. «1 іюля Николай Павловичъ привелъ Киселева въ свою палатку, обнялъ его, благодарилъ и пожаловалъ ему осыпанную брилліантами шпагу». Въ августѣ, возвращаясь въ Петербургъ, онъ писалъ съ дороги Дибичу: «Кланяйтесь Киселеву, я очень радъ, что вы имъ довольны; я его очень люблю». Что вызвало такую перемѣну? что оцѣнилъ Николай I въ Киселевѣ? Вѣроятно, государя привлекли несомнѣнныя дарованія и умъ, которые такъ выгодно отличали Киселева отъ большинства командного состава арміи; въ Киселевѣ же можно навѣрно предположить честолюбивое стремленіе выйти изъ тѣни и стать поближе къ солнцу, раздающему милости и отличія.

Киселевъ въ Молдавіи и Валахіи.

Съ назначеніемъ Дибича главнокомандующимъ онъ получилъ кавалерійскій корпусъ, а въ сентябрѣ 1829 года былъ назначенъ полномочнымъ правителемъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ и оставался цѣлыхъ 5 лѣтъ, обнаруживъ на ряду съ талантами администратора громадныя дипломатическія способности. Мы отмѣтимъ лишь нѣкоторыя, очень немногія черты его управленія. Какъ только Киселевъ сталъ во главѣ страны, гдѣ положеніе

крестьянъ было столь же плачевно, какъ и на его родинѣ, онъ немедленно сдѣлалъ все, что могъ, для ихъ облегченія. Введенный имъ «Органическій регламентъ» княжествъ призналъ за крестьянами личную свободу и право перехода отъ одного землевладѣльца къ другому; помѣщики должны были снабжать крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли за установленныя закономъ повинности, лишаясь права выселять ихъ, если крестьяне исправно выполняли лежавшія на нихъ обязанности; кромѣ того, были вовсе уничтожены безземельные сельскіе батраки, находившіеся почти въ полномъ рабствѣ у землевладѣльцевъ-бояръ.

9 мая 1834 г., оставивъ управленіе княжествами, Киселевъ пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ императоромъ.

Планы и программы преобразованій.

«Меня въ особенности заинтересовало одно мѣсто твоего отчета по управленію княжествами, — сказалъ Николай I Киселеву, — это то, въ которомъ ты говоришь объ освобожденіи крестьянъ; мы займемся этимъ когда-нибудь; я знаю, что могу разсчитывать на тебя, ибо мы оба имѣемъ тѣ же чувства въ этомъ важномъ вопросѣ, котораго мои министры не понимаютъ и который ихъ пугаетъ». Въ слѣдующемъ году, уже будучи членомъ Государственнаго Совѣта, онъ вошелъ въ составъ комитета «по изысканію средствъ объ улучшеніи состоянія крестьянъ», а весною 1836 г., съ учрежденіемъ V отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, Киселевъ получилъ въ свои руки дѣло устройства быта государственныхъ крестьянъ, какъ бы выдѣленное изъ общаго крестьянскаго вопроса.

Сближеніе съ императоромъ Николаемъ завершилось; передъ Киселевымъ открывалось широкое поприще для дѣла, которому онъ посвятилъ много думъ, къ которому уже успѣлъ приложить руки, управляя Молдавіей и Валахіей.

1836 и 1837 годы были временемъ подготовленія реформы. «Приступая къ дѣлу, столь обширному и столь важному,—говорилъ Киселевъ, — надлежало предварительно обратиться къ указаніямъ прошедшаго времени, раскрыть удобства и недостатки настоящаго порядка, разсмотрѣть проекты объ улучшеніи, выработанные ранѣе, и на всемъ этомъ основать мѣры будущаго благоустройства государственныхъ крестьянъ». Слѣдуя этой программѣ, Киселевъ для полнаго ознакомленія съ дѣйствительнымъ положеніемъ государственныхъ крестьянъ предпринялъ ревизію государственныхъ имуществъ въ 4-хъ губерніяхъ — Псковской, Московской, Тамбовской и Орловской, выбранныя для опыта въ

различныхъ полосахъ Россіи. Не довольствуясь командировкой ревизоровъ-чиновниковъ, Киселевъ лѣтомъ 1836 г. самъ посѣтилъ обревизованныя губерніи, знакомясь по пути и съ такими мѣстностями, которыя ревизіи не подвергались. Плачевную картину открыла ревизія 1836 г. Положеніе, созданное закономъ 1797 г., и безъ того мало удовлетворительное, давно было изломано и искажено жизнью. Сельское управленіе было въ полномъ разстройствѣ, это былъ хаосъ, надъ которымъ возвышался одинъ лишь произволъ исправника. Въ извѣстныхъ отношеніяхъ положеніе государственныхъ крестьянъ было хуже положенія крестьянъ владѣльческихъ; такъ, министерство финансовъ, интересы котораго, узко понимаемые, совпадали съ интересами откупщиковъ, покровительствовало дѣятельности послѣднихъ среди государственныхъ крестьянъ; въ результатѣ, въ казенныхъ селеніяхъ было вчетверо болѣе кабаковъ, чѣмъ въ помѣщичьихъ. Что же касается недоимокъ, то, несмотря на самое жестокое ихъ выколачиваніе, онѣ не уменьшались.

Свою программу преобразованія Киселевъ подробно изложилъ въ докладѣ императору 17 мая 1837 года и въ докладной запискѣ, представленной Государственному Совѣту вмѣстѣ съ проектами новыхъ учрежденій. По мнѣнію Киселева, управленіе государственными имуществами и крестьянами должно быть выдѣлено въ совершенно отдѣльныя и самостоятельныя учрежденія, дѣятельность которыхъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи государственныхъ крестьянъ, должна быть проникнута идеей попечительства надъ ними во имя ихъ блага. Устройство самостоятельной и правильно организованной администраціи Киселевъ считалъ краеугольнымъ камнемъ будущаго благоустройства крестьянъ. Въ этомъ сказался въ Киселевѣ представитель поколѣнія, воспитаннаго на французской просвѣтительной литературѣ XVIII вѣка, вѣка раціоналистическихъ мечтаній и просвѣщеннаго абсолютизма. Киселевъ искренно былъ убѣжденъ въ силѣ и дѣйствительности хорошей администраціи. Конечно, если бы онъ въ своей дѣятельности ограничился только введеніемъ новыхъ учрежденій, мы не имѣли бы права считать его дѣятельность за реформу, однако, обдумывая систему будущихъ учрежденій, Киселевъ смотрѣлъ на нихъ не какъ на цѣль своей дѣятельности, но какъ на необходимое средство для дальнѣйшей дѣятельности на благо крестьянъ. Послѣ созданія новыхъ крестьянскихъ учрежденій должны послѣдовать работы для уничто-

женія крестьянскаго малоземелья, организація правильнаго пользованія казенными лѣсами, мірскими оброчными статьями, опредѣленіе правильнаго положенія крестьянъ, распространеніе грамотности и просвѣщенія «въ видахъ улучшенія нравственности», устройство близкаго и доступнаго для крестьянъ суда. Наконецъ, всѣмъ государственнымъ имуществамъ долженъ быть составленъ кадастръ, т.-е. ихъ полное измѣреніе, описаніе и оцѣнка.

Учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ и подчиненныхъ ему органовъ.

Мысли Киселева были одобрены императоромъ, затѣмъ во второй половинѣ 1837 года подверглись подробной разработкѣ и проведены чрезъ Государственный Совѣтъ. 27 декабря 1837 г. вмѣстѣ съ назначеніемъ Киселева министромъ государственныхъ имуществъ было утверждено учрежденіе вновь созданнаго министерства и наказъ ему; 30 апрѣля 1838 г. получили утвержденіе уставы новыхъ губернскихъ учрежденій и сельскій полицейскій и сельскій судебный уставы. Насколько великъ и объемистъ и подробно разработанъ былъ трудъ по выработкѣ уставовъ новыхъ учрежденій, видно изъ того, что законоположенія 27 декабря и 30 апрѣля въ совокупности своей содержатъ болѣе 3.000 статей, между тѣмъ какъ въ законѣ 7 августа 1797 года ихъ было всего 26. Съ начала 1838 года для Киселева началась его 18-лѣтняя министерская дѣятельность. Можно съ полной справедливостью сказать, что рѣдко чья дѣятельность проходила въ такомъ строгомъ соотвѣтствіи съ тою программой, которую Киселевъ представилъ государю передъ своимъ назначеніемъ. Программу эту министръ неуклонно старался осуществить при помощи созданныхъ имъ учрежденій.

Познакомимся теперь и съ этими учрежденіями и съ этой дѣятельностью.

Государственные крестьяне и всѣ государственныя имущества состоятъ въ вѣдѣніи особаго министерства государственныхъ имуществъ. Подчиненныя министерству учрежденія составляютъ четыре инстанціи. Высшая изъ нихъ—губернскія палаты государственныхъ имуществъ, организованныя по образцу другихъ губернскихъ палатъ и подчиненныя губернатору. Въ отношеніи къ государственнымъ имуществамъ губернія раздѣлена на округа, подчиненные палатѣ; во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ окружной начальникъ съ двумя помощниками для завѣдыванія крестьянами и управленія лѣсною частью. И плата и округа—учрежденія чисто бюрократическія, замѣщаемыя коронными чиновниками: подъ ними находятся остальныя двѣ инстанціи, являющіяся въ

противоположность первымъ чисто народными организаціями—это волость и сельское общество.

Волость составляется изъ сельскихъ обществъ съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждой волости состояло до 6.000 ревизскихъ душъ и чтобы составляющія волость селенія отстояли не далѣе 40 верстъ отъ волостного центра. Волостное правленіе состоитъ изъ волостного головы и двухъ засѣдателей по полицейской и по хозяйственной части; всѣ они избираются на 3 года изъ волостныхъ крестьянъ съ жалованіемъ изъ волостныхъ средствъ головѣ и писарю отъ 200 до 400 рублей въ годъ, засѣдателямъ отъ 100 до 200. Писарь не входитъ въ составъ правленія; въ этомъ заключается существенное отличіе отъ организаціи 1797 года. Волостное правленіе созываетъ волостной сходъ, который созывается каждые 3 года для избранія волостного правленія и состоитъ изъ выборныхъ по одному отъ каждыхъ 5 дворовъ; волостное правленіе наблюдаетъ за порядкомъ въ волостномъ сходѣ, а также на сельскихъ сходахъ, утверждаетъ приговоры послѣднихъ, наблюдаетъ за дѣятельностью сельскаго управленія, донося о всѣхъ усмотрѣнныхъ непорядкахъ окружному начальнику; что касается волостного головы, то на него возлагается еще цѣлый рядъ дополнительныхъ порученій полицейско-административнаго, хозяйственнаго и попечительнаго характера. Являясь ближайшимъ къ крестьянству попечительнымъ органомъ, волостной голова дѣлаетъ крестьянамъ внушенія къ трудолюбивой и честной жизни, къ лучшему устройству хозяйства и принимаетъ законныя мѣры въ отношеніи къ нерадивымъ, лѣнивымъ и распутнымъ. Волостной голова долженъ защищать крестьянъ своей волости отъ всякихъ притѣсненій и о всякихъ ихъ нуждахъ доводить до свѣдѣнія окружного начальника, представляя ему черезъ волостное правленіе всѣ соображенія, имѣющіяся къ улучшенію быта крестьянъ. Для исполненія этой части своихъ обязанностей волостному головѣ предписывается отправляться ежегодно не менѣе двухъ разъ для осмотра состоянія волости, обозрѣвая крестьянское хозяйство и всѣ части сельскаго управленія, выслушивая жалобы и просьбы крестьянъ; при этомъ должно подвергаться ревизіи сельское письмоводство и счетоводство, хлѣбные запасы, сельскіе магазины, дороги, мосты, перевозы, пожарные инструменты. «Онъ исправляетъ упущенія и даетъ наставленія объ отвращеніи ихъ на будущее время, прекращаетъ притѣсненія и злоупотре-

бленія и принимаетъ мѣры для преслѣдованія и наказанія виновныхъ».

Сельское общество.

Волость распадается на сельскія общества, составляемыя съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждомъ изъ нихъ было до 1.500 ревизскихъ душъ и чтобы наиболѣе отдаленныя изъ образующихъ одно общество селеній не отстояли болѣе, чѣмъ на 15 верстъ одно отъ другого. При этомъ, въ отличіе отъ закона 1797 года, сельское общество учреждается въ каждомъ большомъ селеніи, независимо отъ числа значащихся въ немъ ревизскихъ душъ и какъ бы ни было селеніе велико, оно ни въ какомъ случаѣ не дробится на части. Такое измѣненіе закона 1797 года вновь связывало большія селенія, разрозненныя въ угоду несообразованнымъ съ жизнью постановленіямъ стараго закона. Въ сельскомъ обществѣ дѣйствуетъ сельскій сходъ въ обыкновенномъ и въ расширенномъ составѣ. Первый составъ состоитъ изъ выборныхъ отъ домохозяевъ по 1 на каждые 5 дворовъ; онъ собирается три раза въ годъ: въ январѣ, преимущественно для раскладки податей, въ апрѣлѣ для распредѣленія полей, и сентябрѣ для выработки мѣръ къ понужденію недоимщиковъ. Вѣдѣнію его подлежатъ, кромѣ того, и другія дѣла: пріемъ въ сельское общество новыхъ членовъ, раздѣлъ земель общества между его членами, раскладка податей, мѣры по взысканію недоимокъ, распредѣленіе рекрутской повинности, вопросъ о расчисткѣ лѣса подъ пашни, о пользованіи мірскими оброчными статьями, назначеніе опекуновъ къ малолѣтнимъ и, наконецъ, избраніе сельскихъ должностныхъ лицъ. Въ двухъ случаяхъ сельскій сходъ собирается въ расширенномъ составѣ, и тогда въ немъ участвуютъ всѣ домохозяева даннаго общества: это случается, во-первыхъ, когда разъ въ три года производятся выборы самихъ выборныхъ, составляющихъ обыкновенный сельскій сходъ, а также выборныхъ отъ сельскихъ обществъ на волостные сходы; во-вторыхъ, расширенный сельскій сходъ собирается для рѣшенія вопроса о передѣлѣ пахатныхъ полей.

Во главѣ сельскаго общества стоитъ сельскій старшина, избираемый на три года и получающій жалованіе въ размѣрѣ отъ 120 до 180 рублей изъ общественныхъ суммъ. Старшина собираетъ и распускаетъ сельскій сходъ, состоя какъ бы представителемъ его; въ то же время онъ является исполнительнымъ органомъ схода, съ одной стороны, и высшихъ органовъ, съ другой. Наказъ сельскому старшинѣ необычайно подробно пере-

числяетъ и регламентируетъ его обязанности. Помощниками старшины состоятъ старосты по одному отъ каждыхъ 100 дворовъ; на обязанности старостъ лежатъ обязанности полицейскія и хозяйственныя — надзоръ за соблюденіемъ всякаго порядка, завѣдываніе мірскимъ имуществомъ и т. д. Общество выбираетъ еще и другихъ должностныхъ лицъ — сборщика податей, смотрителя запаснаго хлѣбнаго магазина, чиновъ сельской расправы, полѣсовщиковъ и пожарныхъ старостъ къ казеннымъ лѣсамъ и, наконецъ, сотскихъ. Сотскіе—это низшіе агенты общей земской полиціи, подчиненные становому и исправнику; они не зависятъ отъ сельскаго, волостного и окружнаго начальства.

Устройство близкаго и доступнаго для крестьянъ суда было, какъ мы видѣли, одною изъ основныхъ задачъ преобразованія; для осуществленія этой задачи были учреждены двѣ судебныя инстанціи подъ именемъ сельской и волостной расправъ. Сельская расправа въ составѣ сельскаго старшины въ качествѣ предсѣдателя и двухъ «добросовѣстныхъ, старшаго и младшаго, избираемыхъ на сельскомъ сходѣ на 3 года, отличенныхъ хорошимъ поведеніемъ и доброю нравственностью», засѣдаетъ одинъ разъ въ педѣлю обыкновенно по субботамъ; сельская расправа судитъ крестьянъ по дѣламъ гражданскимъ и по мелкимъ проступкамъ и можетъ приговаривать крестьянъ къ штрафу до 1 рубля, къ работѣ до 6 дней, къ тѣлесному наказанію до 2 ударовъ; уголовныя дѣла ей не подсудны. Недовольному приговоромъ сельской расправы предоставляется право обжаловать его въ волостную расправу, состоящую въ полномъ соотвѣтствіи съ сельской расправой изъ волостного головы и двухъ волостныхъ добросовѣстныхъ съ жалованіемъ отъ 50 до 100 рублей въ годъ. Приговоры волостной расправы окончательные и обжалованію не подлежатъ.

Значеніе учрежденій, созданныхъ Киселевымъ. Таково было устройство, которое Киселевъ далъ отданнымъ въ его вѣдѣніе государственнымъ крестьянамъ. Мы уже отмѣчали выше внѣшнія отличія законовъ 1837—38 годовъ отъ отмѣненнаго ими положенія 1797 года, послѣднее—набросокъ общаго характера; первые — монументальный трудъ, старательно предусматривающій почти каждое самое мелкое явленіе въ области крестьянскаго быта.

Но и этотъ трудъ остался бы мертвымъ памятникомъ бюрократическаго творчества, если бы за нимъ не стояло постоянно живой и движущей силы, которая осуществляла законъ согласно

съ принципомъ попечительства во имя блага, съ принципомъ гуманности и законности и сглаживала отрицательныя явленія, происходившія отъ слишкомъ большой и мелочной регламентаціи крестьянской жизни. Этой силой былъ прежде всего самъ министръ, который, опираясь на неизмѣнное благоволеніе императора Николая I, съ неослабной энергіей проводилъ въ жизнь созданные имъ законы. Онъ проводилъ ихъ не только путемъ канцелярскимъ, путемъ циркуляровъ и распоряженій изъ Петербурга, но старался самъ наблюдать за ходомъ дѣла на мѣстѣ и направить крестьянское дѣло въ новое русло. Новыя учрежденія вводились постепенно; въ 1838 г. предположено было ввести ихъ въ 5 губерніяхъ; въ этомъ же году, лѣтомъ, Киселевъ предпринялъ поѣздку по всей Россіи, желая лично осмотрѣть и тѣ мѣстности, гдѣ новыя учрежденія были введены, и тѣ, которыя находились еще въ старомъ и бѣдственномъ положеніи; такія же поѣздки ревизіоннаго характера министръ предпринималъ и въ послѣдующіе годы, вездѣ стараясь вникать въ мѣстныя условія и, чѣмъ возможно, улучшить существованіе крестьянъ.

Борьба съ малоземельемъ и переселеніе.

Программа графа Киселева (титулъ этотъ онъ получилъ въ 1841 году), какъ уже сказано выше, далеко не ограничивалась введеніемъ новой бюрократической машины.

Уничтоженіе крестьянскаго малоземелья посредствомъ переселенія нуждающихся крестьянъ на свободныя земли было мечтой Киселева еще въ 1816 году; своею властью онъ воспользовался для борьбы съ нимъ. Въ маѣ 1838 года послѣдовало высочайшее повелѣніе о надѣленіи безземельныхъ и малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ изъ обильнаго запаса свободныхъ казенныхъ земель; въ 1850 году разрѣшено было отдавать нуждающимся въ землѣ крестьянскимъ обществамъ, безъ торговъ, смежные свободные участки казенной земли; конечно, далеко не всѣ могли быть одѣлены землей на мѣстахъ ихъ прежняго жительства; естественнымъ слѣдствіемъ было переселеніе безземельныхъ крестьянъ. Министерству гр. Киселева принадлежитъ заслуга первой въ Россіи организаціи переселенческаго дѣла; министерство государственныхъ имуществъ старалось содѣйствовать добровольнымъ переселеніямъ, борясь въ то же время со стариннымъ зломъ — самовольнымъ уходомъ на новыя мѣста, которое въ эпоху графа Киселева вносило большое нестроеніе въ хозяйственную жизнь восточныхъ губерній

Россіи, въ особенности Пріуралья и Оренбургскаго края. Министерство выработало рядъ правилъ, отвело для переселенія свободные участки земли въ Самарской, Оренбургской, Таврической губерніяхъ, а также и въ западной Сибири, и за первыя 15 лѣтъ его существованія на переселеніе выбыло 140.000 ревизскихъ душъ безземельныхъ крестьянъ, получившихъ до 3.000.000 десятинъ земли. Очень крупной мѣрой Киселева въ области надѣленія землею безземельныхъ было уничтоженіе особой группы населенія русскаго сѣвера, извѣстной подъ именемъ половниковъ-полуарендаторовъ, полубатраковъ, обрабатывавшихъ изъ половинной доли владѣльческія земли. Въ 30-хъ годахъ ихъ количество было немногимъ ниже 3.000 ревизскихъ душъ. Въ 1840 году было предпринято переселеніе половниковъ на казенныя земли, при чемъ переселенцамъ предоставлялась нѣкоторая ссуда; постепенно эта группа безземельныхъ крестьянъ была почти сведена на-нѣтъ.

Отношеніе Киселева къ вопросу о владѣльческихъ крестьянахъ.

Мечтою всей жизни Киселева была борьба съ владѣльческимъ крѣпостнымъ правомъ. Борясь по мѣрѣ силъ съ этимъ зломъ русской жизни въ секретныхъ комитетахъ николаевскаго царствованія, Киселевъ косвенно велъ съ нимъ борьбу и въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ. Сюда относятся двѣ его мѣры: въ 1841 году были выкуплены и введены въ составъ государственныхъ крестьянъ 7.886 ревизскихъ душъ однодворческихъ крестьянъ, архаическій пережитокъ московской старины; кромѣ того, было прямо выкуплено въ казну 178 помѣщичьихъ имѣній съ 54.349 душами, которые такимъ путемъ получили свободу. Какъ относился самъ Киселевъ къ выкупу владѣльческихъ имѣній, видно изъ записи, сдѣланной имъ въ дневникѣ послѣ посѣщенія выкупленнаго въ казну подмосковнаго села Острова: «Поѣздка въ Островъ при убѣжденіи въ счастливомъ состояніи сихъ крестьянъ, исторгнутыхъ, могу сказать, одною лишь настойчивостью моею, изъ рукъ откупщика Шалашникова, разлила на весь день пріятное на меня впечатлѣніе. Это событіе въ маломъ размѣрѣ доказало мнѣ, что каждое доброе дѣло не остается безъ возмездія, и что на предстоящемъ мнѣ поприщѣ, если встрѣчаются заботы и огорченія, то въ замѣнъ того предстоитъ и для души добрая минута».

Едва ли не главный предметъ заботъ гр. Киселева составляло хозяйственное благосостояніе ввѣренныхъ ему государственныхъ крестьянъ. Существовавшая со времени Петра Вели-

каго подушная подать, равно какъ и такъ называемая оброчная подать, которая для государственныхъ крестьянъ соотвѣтствовала частновладѣльческимъ повинностямъ крестьянъ крѣпостныхъ, падала въ одинаковыхъ размѣрахъ на крестьянскую душу по всей странѣ безъ различія климатическихъ и хозяйственныхъ условій отдѣльныхъ мѣстностей. Киселевъ предпринялъ составленіе кадастра земель государственныхъ крестьянъ; въ результатѣ этихъ работъ къ 1855 году оброчная подать была переложена съ душъ на земли въ 18 губерніяхъ съ населеніемъ государственныхъ крестьянъ въ 3.843.285 душъ. Строительныя нужды крестьянъ были удовлетворены отведеніемъ имъ казеннаго лѣса по расчету одной десятины на душу. Для развитія сельской торговли и промысловъ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ были устроены 515 сельскихъ сберегательныхъ кассъ, а также вспомогательныя кассы — мелкія крестьянскія учрежденія, откуда выдавались крестьянамъ ссуды, достигавшія въ общей сложности суммы свыше $1\frac{1}{2}$ милліона рублей. Въ 1850 году всѣ крестьянскіе капиталы достигали внушительной цифры въ 10.152.330 рублей. Для борьбы съ крестьянскими голодовками и для обезпеченія возможности выдавать крестьянамъ хлѣбныя ссуды было выстроено при Киселевѣ 3.262 сельскихъ запасныхъ магазина и 10 большихъ центральныхъ магазиновъ. За 18 лѣтъ управленія Киселева было выдано пособій хлѣбомъ до 15.000.000 четвертей. Необходимо упомянуть также объ организаціи помощи противъ другого бича русской деревни — пожара. Для этой цѣли Киселевъ ввелъ взиманіе особаго 4-копеечнаго сбора, а въ 1853 году было организовано взаимное страхованіе крестьянскихъ построекъ. Въ числѣ мѣръ, имѣвшихъ цѣлью облегчить и улучшить положеніе государственныхъ крестьянъ, нельзя не упомянуть еще измѣненія въ порядкѣ отбыванія рекрутской повинности. До Киселева каждый государственный крестьянинъ могъ попасть въ рекруты въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ; по новымъ правиламъ онъ подлежалъ этой повинности только одинъ разъ, когда ему исполнялось 20 лѣтъ; не взятый въ этотъ моментъ, онъ уже на всю жизнь избавлялся отъ солдатчины.

Заботы Киселева о хозяйственномъ благосостояніи государственныхъ крестьянъ.

Попечительный принципъ управленія графа Киселева нигдѣ, быть-можетъ, такъ не сказывался, какъ въ области духовной жизни крестьянства. Широкихъ задачъ Киселевъ себѣ здѣсь не ставилъ: обезпеченіе населенія церковью при защитѣ крестья-

Попеченіе о духовной жизни государственныхъ крестьянъ.

нина отъ чрезмѣрныхъ требованій духовенства и распространеніе грамотности посредствомъ основанія школъ; за время его управленія въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ было выстроено 90 новыхъ и поправлено свыше 200 старыхъ, обветшавшихъ храмовъ; въ заботѣ о школѣ такъ же, какъ и въ заботѣ объ организаціи переселенческой части, Киселевъ долженъ быть поставленъ среди первыхъ піонеровъ великаго и важнаго дѣла; вступая въ управленіе министерствомъ, онъ нашелъ у государственныхъ крестьянъ всей Россіи 60 училищъ при 1.800 учащихся, а 18 лѣтъ спустя число училищъ дошло до 2.551 съ 110.994 учащихся, среди которыхъ было 18.459 учащихся дѣвочекъ. Другой такой широкой попытки внести просвѣщеніе въ крестьянскій міръ мы не встрѣтимъ въ дореформенной Россіи. Къ числу тѣхъ же попечительныхъ стремленій мы должны отнести учрежденіе опекъ надъ малолѣтними крестьянами, введеніе обязательнаго оспопрививанія и, наконецъ, такія мѣры, какъ распространеніе культуры картофеля.

Одною изъ постоянныхъ заботъ министра было описаніе и измѣреніе крестьянскихъ земель и угодій, безъ которыхъ были немыслимы его устроительныя работы и которыя должны были увѣнчать возводимое имъ большое и сложное зданіе. Работы по описанію и измѣренію крестьянскихъ земель, выработка нормальныхъ плановъ построекъ крестьянскихъ зданій, отводъ земель нуждающимся крестьянамъ, реорганизація оброчной подати,— все это выдвинуло необходимость въ сильномъ развитіи межевого дѣла; въ 1856 г. на службѣ министерства состояло 1.419 землемѣровъ, межевщиковъ и межевыхъ учениковъ, успѣвшихъ къ этому времени нанести на планы до 53 милліоновъ десятинъ земли.

Общіе результаты дѣятельности министерства гос. имуществъ при Киселевѣ.

Таковъ въ краткихъ чертахъ очеркъ долголѣтней и энергичной дѣятельности графа Киселева и созданнаго имъ министерства государственныхъ имуществъ. Изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ цифръ можно видѣть и результаты, которыхъ она достигла; прочная и правильная организація вѣдомства, успѣшная борьба съ малоземельемъ, выкупъ населенныхъ имѣній въ казну, попечительныя и успѣшныя заботы о матеріальномъ и духовномъ преуспѣяніи крестьянъ,—этого уже достаточно, чтобы исторія съ благодарностью вспомянула единственнаго въ своемъ родѣ дѣятеля николаевскаго царствованія. Но лучшимъ показателемъ улучшенія быта и состоянія государственныхъ крестьянъ за

время управленія Киселева является бо́льшая, чѣмъ прежде, податная ихъ исправность. До реформъ 30-хъ годовъ правительство смотрѣло на государственныхъ крестьянъ исключительно какъ на источникъ казеннаго дохода и довело ихъ до состоянія полнаго упадка; реформа Киселева была прежде всего реформой взгляда правительства на государственное крестьянство; но переставъ эксплуатировать государственныхъ крестьянъ, какъ казенную оброчную статью, и приложивъ старанія къ подъему ихъ благосостоянія, правительство подняло и ихъ платежную способность.

Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представленномъ въ 1850 году по поводу 25-лѣтія царствованія императора Николая I, изъ котораго почерпнуты многія изъ приведенныхъ выше цифръ, Киселевъ указываетъ, что за время съ 1826 по 1838 г. податей и доходовъ съ государственныхъ имуществъ и крестьянъ поступило 280.546.986 руб.; а за послѣдующія 12 лѣтъ — 356.546.729 рублей, т.-е. болѣе на 75 слишкомъ милліоновъ рублей; по вычисленіямъ новѣйшаго изслѣдователя реформы Киселева, подати за 20 лѣтъ отъ 1818 до 1837 г. поступали съ 7,9% недоимокъ; за слѣдующія 20 лѣтъ—отъ 1838 до 1857 годовъ процентъ этотъ понизился до 3,2%.

Такимъ образомъ, факты говорятъ за Киселева и уясняютъ намъ положительную сторону его дѣятельности, но то, что ясно намъ, далеко не было яснымъ для современниковъ.

Оцѣнка дѣятельности Киселева современниками.

Въ письмѣ къ императору наканунѣ назначенія министромъ Киселевъ не скрывалъ ни отъ себя ни отъ государя предстоявшихъ ему непріятностей и нареканій. «Въ дѣлѣ, на меня возложенномъ, — говорилъ онъ, — сливаются столь различные и сложные интересы, что непріязненность должна быть почти общая. Отдѣленіе важной части отъ министерства финансовъ противопоставляетъ новому учрежденію всѣхъ, которые вліяли на источники государственнаго богатства. Присоединеніе къ новому управленію нѣкоторыхъ частей отъ министерства внутреннихъ дѣлъ не можетъ также не оскорбить честолюбія многихъ. Нельзя не ожидать отъ власти губернскихъ еще большаго неблагорасположенія къ установленіямъ, долженствующимъ лишить выгодъ, донынѣ въ удѣлъ ихъ безотчетно оставленныхъ. Въ самомъ сословіи поселянъ первое впечатлѣніе будетъ невыгодно: люди сіи почтутъ стѣснительнымъ для себя всякое дѣйствіе попечительной власти. Обращаясь къ массѣ помѣщиковъ, слѣдуетъ

опасаться, что ихъ интересы тѣсно связаны съ общимъ неустройствомъ по управленію государственными имуществами. Участвующіе въ откупахъ начинаютъ питать негодованіе къ новому управленію, какъ противопоставленному незаконно пріобрѣтаемымъ ими выгодамъ». Дѣйствительность не обманула ожиданій министра; рѣдко чья дѣятельность подвергалась такимъ нападкамъ и вызывала столь различныя оцѣнки: въ 40-хъ годахъ критика мѣропріятій Киселева раздавалась повсюду. Глумленіе надъ министромъ государственныхъ имуществъ было обычнымъ занятіемъ столичныхъ острословов. Киселева не понимали его старые пріятели: такъ, кн. П. А. Вяземскій въ 1845 году подъ вліяніемъ чтенія новой книги Баранта о французской революціи занесъ въ свою записную книжку слѣдующее любопытное сравненіе Киселева съ извѣстнымъ министромъ Людовика XVI Калонномъ: «Калоннъ былъ человѣкомъ, блестящее и свободное краснорѣчіе котораго покоряло какъ все тогдашнее пустое и вѣтреное общество, такъ и людей болѣе серьезныхъ; но у него не было положительныхъ знаній ни практическаго знакомства съ дѣлами. Онъ принадлежалъ весь цѣликомъ къ этой эпохѣ увлеченій, рѣзкихъ мнѣній, довольства самимъ собою и недальновидности. Не похожъ ли портретъ на Киселева?» Недовѣріемъ къ Киселеву проникнуты и московскіе кружки, средоточіе лучшихъ силъ тогдашней русской умственной жизни. Въ срединѣ 40-хъ годовъ А. С. Хомяковъ писалъ А. В. Веневитинову: «Казна нигдѣ не хочетъ подать хорошаго примѣра. Киселевъ гонится за дрянью подъ видомъ казеннаго интереса, а истиннаго добра не хочетъ сдѣлать нигдѣ». Порицали Киселева и русскіе эмигранты: «Графъ Киселевъ, министръ государственныхъ имуществъ,—говорится въ одномъ изъ заграничныхъ сочиненій о Россіи, — одинъ изъ вождей русской оппозиціи, вождь либеральной партіи, стремящейся къ преобразованію; но эта оппозиція и этотъ либерализмъ существуетъ только лишь по имени, а стремленіе къ реформамъ лишено всякой планомѣрности. Киселева считаютъ самымъ опаснымъ врагомъ императора, потому что всѣ принимаемыя имъ мѣры неизбѣжно приводятъ къ всеобщему недовольству и, повидимому, должны вызвать революціи». Наконецъ мѣры Киселева дѣйствительно не всегда встрѣчали сочувствіе даже среди тѣхъ, для кого онѣ были предназначены; достаточно вспомнить картофельные бунты 1840 и 1842 годовъ, которые, впрочемъ, были обязаны своимъ проис-

хожденіемъ чрезмѣрному и неразумному усердію нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ.

О заурядныхъ представителяхъ дворянско-бюрократической среды и говорить нечего; еще въ 50-хъ годахъ нѣкій кн. Голицынъ увѣрялъ, что управленіе государственными имуществами несовмѣстимо съ монархическимъ строемъ, потому что въ немъ есть республиканскія начала, а именно: общественное устройство и мірскіе суды.

Причины враждебнаго отношенія современниковъ къ Киселеву.

Порицанія дѣятельности Киселева неслись отовсюду, основныя причины этого понималъ онъ самъ; это ясно видно изъ приведеннаго выше письма его къ государю. Общія причины нападокъ на Киселева хорошо резюмировалъ въ своемъ разговорѣ съ Александромъ II Д. П. Хрущовъ, бывшій уже послѣ Киселева товарищемъ министра государственныхъ имуществъ: «Жалобы на гр. Киселева, — говорилъ онъ, — происходятъ отъ трехъ причинъ: во-первыхъ, отъ зависти къ нему, во-вторыхъ, отъ естественной враждебности помѣщиковъ, откупщиковъ и разныхъ другихъ сословій, въ-третьихъ, отъ незнанія внутренняго устройства управленія тѣми людьми, которымъ наименѣе это простительно и которые, между тѣмъ, судятъ и рядятъ».

Что ставили въ вину Киселеву его многочисленные антагонисты, громадное большинство которыхъ, къ слову сказать, все же не сомнѣвалось въ личной честности министра?

Обвиненія, направленныя противъ дѣятельности Киселева, исходили изъ двухъ противоположныхъ источниковъ и были противоположны по существу: крѣпостники видѣли въ немъ революціонера и врага государя, передовые московскіе кружки, сочувствовавшіе народу и стремившіеся къ нему приблизиться, видѣли въ Киселевѣ только петербургскаго бюрократа, чуждаго народу, не знавшаго его и всею своею дѣятельностью разрушавшаго коренныя основы его быта. Такое сужденіе исходило одинаково и отъ славянофиловъ и отъ радикаловъ; послѣдніе долго держались его и позднѣе, уже послѣ эмиграціи Герцена. Эта противоположность оцѣнки и одинаковая страстность въ нападкахъ лучше всего показываетъ, что Киселевъ былъ чужой и той и другой сторонѣ. Сочувствіе самого Киселева меньшо́й братіи было, вѣроятно, столь же сильнымъ и искреннимъ, какъ чувства московскихъ мыслящихъ кружковъ; но взгляды его на освобожденіе никогда не носили и тѣни радикализма. Киселевъ

былъ и оставался вѣрнымъ слугою своего государя, но только слугою, имѣвшимъ извѣстныя убѣжденія.

Отношеніе Киселева къ критикѣ его дѣятельности.

Киселевъ относился довольно спокойно къ обвиненіямъ, которыя на него возводились. Чувство превосходства надъ окружающими и убѣжденіе въ правотѣ своего дѣла помогали ему хладнокровно относиться къ нападкамъ, которымъ онъ подвергался. «А мнѣ что за дѣло,—отвѣчалъ онъ барону М. А. Корфу, предупреждавшему его о готовившейся противъ него интригѣ.— Я убѣжденъ, что добросовѣстно работаю для общаго дѣла, и милость государя меня поддерживаетъ. Если же врагамъ моимъ удастся меня ея лишить, то это будетъ больно моему сердцу, но и только; оставить службу нѣсколько ранѣе или позже мнѣ все равно. Но, пока я тутъ, я не перестану дѣйствовать по моему убѣжденію, не страшась непріязни и гоненій».

Общая оцѣнка дѣятельности Киселева.

И Киселевъ былъ правъ, потому что результаты его дѣятельности оправдываютъ его вполнѣ. Правда, за его реформой нельзя не признать до извѣстной степени бюрократическаго характера, правда и то, что управленіе государственными имуществами, созданное гр. Киселевымъ, страдало какъ казнокрадствомъ, такъ и взяточничествомъ. Но вѣдь въ этомъ виноватъ не Киселевъ: чиновники крали не потому, что это поощрялось въ новомъ вѣдомствѣ, но потому, что казнокрадство было общей болѣзнью. Благожелательное попеченіе о нуждахъ крестьянъ сдѣлало свое дѣло; благосостояніе государственныхъ крестьянъ повысилось, и даже фискальные интересы, пренебреженіемъ которыхъ такъ корили Киселева, оказались не въ проигрышѣ. Но Киселевъ сдѣлалъ и другое: введя бюрократическое управленіе въ высшихъ инстанціяхъ для попеченія о народѣ, онъ для самой народной жизни сохранилъ и упрочилъ ея старинныя и привычныя формы, которыя «послужили потомъ образцомъ для организацій и тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя составились изъ крестьянъ, освобожденныхъ отъ помѣщичьей власти. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы организація государственныхъ крестьянъ была признана въ 1857—61 гг. неудовлетворительною, то помѣщичья партія не допустила бы учрежденія ея у бывшихъ крѣпостныхъ. Помѣщики хорошо знаютъ, что у «міра» ни купить ни отобрать ничего нельзя... понималъ это и гр. Киселевъ, хотя въ его время еще не было крестьянской реформы, и сохранилъ за крестьянами общинное владѣніе». «Киселевъ не сталъ ломать народную жизнь по преднамѣренной программѣ, но утвер-

дилъ ее на обычномъ правѣ землевладѣнія и выборнаго самоуправленія, испортивъ, разумѣется, послѣднее подчиненіемъ подъ власть казеннаго представительства». Такъ говорили о немъ уже по окончаніи его практической дѣятельности тѣ самые эмигранты-народники, которые ранѣе были склонны видѣть въ немъ только бюрократа.

Какъ на своего предтечу смотрѣли на стараго Киселева дѣятели реформы 1861 года, и взглядъ этотъ, вполнѣ соотвѣтствовавшій истинѣ, сдѣлался и взглядомъ исторіи; реформаторская дѣятельность николаевскаго министра государственныхъ имуществъ дала много образцовъ и прецедентовъ для освобожденія крѣпостного крестьянства и сформировала цѣлый рядъ работниковъ, послужившихъ крестьянскому дѣлу при подготовкѣ и проведеніи въ жизнь реформы 19 февраля.

Положительныя стороны дѣятельности Киселева можно видѣть также, сравнивая его управленіе съ управленіемъ его преемника М. Н. Муравьева, вѣдавшаго судьбами государственныхъ крестьянъ до конца 1861 года и покинувшаго министерство, когда стали думать о распространеніи реформы 19 февраля и на другіе виды крестьянства. При Муравьевѣ еще разъ измѣнилась точка зрѣнія правительства на государственныхъ крестьянъ и вмѣсто благожелательнаго попечительства снова установилось воззрѣніе на нихъ, какъ на источникъ дохода. Особенно отозвалось это на введенномъ при Киселевѣ кадастрѣ; вмѣсто средства къ болѣе раціональному обложенію податями, кадастръ стали разсматривать какъ возможность выжать изъ крестьянъ какъ можно больше денегъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ были прекращены всякія новыя начинанія и усовершенствованія, такъ какъ ретроградныя тенденціи новаго министра дѣлали его однимъ изъ самыхъ энергичныхъ противниковъ уже намѣчавшихся реформъ новаго царствованія.

Ю. В. Готье.

Философскій романтизмъ въ Зап. Европѣ и въ Россіи.

I.

Романтизмъ. Романтизмъ, какъ явленіе историческое, общее всѣмъ европейскимъ литературамъ, обнимающее нѣсколько десятилѣтій конца XVIII и начала XIX вѣковъ, отличается богатствомъ, разнообразіемъ идейнаго содержанія и различными направленіями. Но сущность его опредѣляется идеалистическимъ міровоззрѣніемъ метафизическаго характера. Стремленіе къ безконечному, таинственному, чудесному, подчиненіе чувственнаго сверхчувственному, матеріи — духу, предпочтеніе интуитивнаго мышленія (непосредственнаго созерцанія истины, чутья истины) дискурсивному (основанному на доказательствахъ разума) — вотъ главныя отличительныя черты его.

Философскій романтизмъ. Къ началу XIX вѣка романтическій идеализмъ получилъ глубокое философское обоснованіе, сложилось его своеобразная теорія, первый толчокъ къ образованію которой далъ Кантъ. Неисчерпаемое богатство идей, составляющихъ содержаніе его системы, вызвало на работу и воспитало цѣлый рядъ блестящихъ философскихъ талантовъ. Одна изъ отличительныхъ особенностей этой эпохи заключается въ сближеніи философіи съ поэзіей. Поэты того времени находились въ тѣсномъ общеніи съ философами: они группировались вокругъ талантливыхъ представителей философской мысли и не менѣе послѣднихъ волновались многочисленными проблемами этой по преимуществу философской эпохи. Такимъ образомъ, философія проникала въ

Пособія: 1) *В. Винделбандъ.* Исторія новой философіи. 2-ое изд. ред. проф. А. И. Введенскаго. Т. II. Отъ Канта до Ницше. 2) *Фалькенбергъ.* Исторія новой философіи. Спб. 1898 г. 3) Философія въ нѣмецкой духовной жизни XIX столѣтія. *В. Биндебандъ.* М. 1910 г. 4) *А. Н. Пыпинъ.* Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885 г. 5) *А. Введенскій.* Философскіе очерки. I вып. Судьбы философіи въ Россіи (стр. 1—38). Спб. 1901 г. 6) *М. Филипповъ.* Судьбы философіи въ Россіи. «Рус. Богат.» 1894 г., кн. 1, 3, 4, 8, 9, 11. 7) *М. Филипповъ.* Философскія убѣжденія Бѣлинскаго. «Научн. Обозр.» 1897 г., кн. 5, 6, 8, 9. 8) *Куно-Фишеръ.* Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель. 9) *П. Н. Сакулинъ.* Кн. В. Ѳ. Одоевскій. Жизнь и мышленіе. 1913 г.

поэзію, но и поэзія не оставалась въ долгу: она окрыляла полетъ философской мысли. Это — одна изъ главныхъ причинъ, заставившихъ послѣдователей Канта далеко уйти въ противоположную сторону отъ критическихъ началъ, заложенныхъ въ основу его системы.

Кантъ разсѣялъ множество логическихъ и метафизическихъ предразсудковъ. Онъ ограничилъ наше познаніе предѣлами опыта и призналъ, что ему недоступна область сверхчувственнаго Это одна изъ великихъ заслугъ его. Продолжая дѣло англійскихъ философовъ-эмпириковъ, выводившихъ всѣ идеи изъ опыта, онъ дополнилъ ихъ теорію познанія своей критикой познавательной способности, изслѣдуя не только границы, но и средства человѣческаго познанія. Но въ этомъ изслѣдованіи есть значительная доля элементовъ той старой метафизики, къ разрушенію которой онъ стремился. При рѣшеніе вопроса, что́ мы можемъ познать и чего не можемъ, онъ пришелъ къ заключенію, что мы познаемъ окружающіе насъ предметы такими, какими они являются нашимъ чувствамъ, а каковы они «сами по себѣ», или «въ себѣ», мы познать не можемъ. Такимъ образомъ то, что мы познаемъ, есть наше созданіе, продуктъ познающаго субъекта, а дѣйствительный, окружающій насъ міръ, эти «вещи въ себѣ», остаются скрытыми отъ нашихъ глазъ, недоступными нашему познанію. Отсюда выходило, по справедливому замѣчанію В. С. Соловьева, что познающій субъектъ «безысходно погруженъ въ безмѣрный и абсолютно темный океанъ непознаваемыхъ «вещей въ себѣ». **Кантъ.**

Дѣленіе умственныхъ способностей въ психологіи Канта на разсудокъ, разумъ и способность сужденія носитъ также на себѣ слѣды вліянія традиціонной метафизики. Область разсудка — условные предметы чувственнаго опыта (ученіе о нихъ излагается въ I ч. системы: въ «Критикѣ чистаго Разума»); область разума — безусловныя или абсолютныя идеи, которыя не могутъ быть понятіями разсудка. Кантъ называетъ ихъ *абсолютными принципами* разума, отличая отъ разсудочныхъ понятій и правилъ. Они являются, по мнѣнію Канта, вслѣдствіе потребности нашего разума данному содержанію сообщать характеръ безусловнаго. Разумъ у него есть высшая, законодательная инстанція въ нравственной области. Ученіе о нравственности излагается во II ч. системы, въ «Критикѣ практическаго Разума», построенной уже на иныхъ началахъ, метафизическихъ. Здѣсь Кантъ раз-

суждаетъ такъ: мы не только испытываемъ и познаемъ окружающій міръ, но и дѣйствуемъ въ немъ, и если мы не можемъ познать «вещи въ себѣ» нашимъ теоритическимъ разумомъ, то для того, чтобы имѣть возможность дѣйствовать нравственно, мы можемъ и должны требовать (постулировать) эти «вещи въ себѣ» — нашу свободу, Бога, безсмертную душу. Истинно и необходимо не только то, что является условіемъ опыта, но и то, что есть условіе нравственности. Такимъ образомъ, онъ, *отказываясь отъ метафизики познанія, признаетъ метафизику нравственнаго сознанія.* Въ кантовскомъ міровоззрѣніи, какъ отсюда видно, стоятъ другъ противъ друга два міра: міръ чувственный и міръ сверхчувственный. Первый — міръ познанія, второй — міръ вѣры. Одинъ является царствомъ природы, другой — свободы; въ одномъ господствуетъ необходимость, въ другомъ — цѣль. Этотъ дуализмъ надо было преодолѣть. И Кантъ стремится связать ихъ въ Ш части своей системы, въ «Критикѣ способности Сужденія», подчиняя теоретическій разумъ (разсудокъ) практическому: вся работа перваго опредѣляется тѣми задачами, которыя ставитъ ему второй.

Одной изъ главныхъ задачъ Канта было разрушеніе старой, ложной метафизики; но своимъ рѣзкимъ противоположеніемъ идей законодательствующаго (практическаго) разума понятіямъ разсудка, выведеннымъ изъ опыта, онъ не выдержалъ своего отреченія отъ метафизическихъ предразсудковъ вполнѣ и открывалъ къ нимъ свободный путь своимъ послѣдователямъ. Метафизическіе элементы философіи Канта, указанные нами, неизбѣжно вели романтически настроенныхъ нѣмецкихъ мыслителей къ ихъ дальнѣйшей разработкѣ.

Фихте. Такимъ образомъ, не удивительно, что критическая философія Канта перерабатывается вскорѣ его ревностнымъ сторонникомъ Фихте въ духѣ самаго крайняго идеализма. Задачей Фихте было вывести всѣ положенія Канта изъ одного принципа, уничтожить его дуализмъ. Кантовскія «вещи въ себѣ» у него — тоже наши представленія: онъ не признаетъ ихъ реальнаго существованія. Этотъ главный принципъ, изъ котораго Фихте выводитъ все, есть его надъиндивидуальное «я». Оно — творческая дѣятельность, создающая объективной міръ. Основное положеніе своей системы Фихте формулируетъ такъ: «я» (надъ индивидуальный субъектъ) ставитъ «не я» (внѣшній міръ) въ «я» же.

И первый моментъ появленія «не я» въ «я» есть, по Фихте, первоначальное *безсознательное представливаніе»*, какъ онъ выражается; сознательное же является вторичнымъ: но—продуктъ первоначальнаго. Это безсознательное «представливаніе», по мнѣнію Фихте, есть свободный, безпричинный актъ, доходящій до нашего сознанія въ производномъ отъ него, сознательномъ представленіи. Воздѣйствіе внѣшняго міра здѣсь совершенно отрицается: содержаніе сознанію даетъ не онъ, а первоначальное безсознательное представленіе. Все выводится изъ «я» и все сводится къ творческой дѣятельности. Такимъ образомъ, *критицизмъ* Канта былъ переработанъ Фихте въ *субъективный идеализмъ*, къ которому самъ Кантъ отнесся съ неодобреніемъ.

Нравственное ученіе Фихте исходитъ, такъ же, какъ и у Канта, изъ противоположенія чувственнаго нравственному. Съ точки зрѣнія обоихъ философовъ чувственныя влеченія являются препятствіемъ къ осуществленію нравственнаго закона. Постоянныя усилія духа должны быть направлены на борьбу съ слабостью плоти, съ косностью физической природы человѣка, которая составляетъ главное зло. Эта безконечная дѣятельность практическаго «я» имѣетъ въ виду, какъ и у Канта, высочайшій идеалъ, никогда не достижимый вполнѣ. Но далѣе Фихте расходится съ Кантомъ. Кантъ возлагаетъ надежду на разумъ, непоколебимая вѣра въ который роднитъ его съ французской эпохой просвѣщенія, Фихте обращается прежде всего къ волѣ; Кантъ имѣетъ въ виду человѣка съ его поведеніемъ въ личныхъ дѣлахъ, Фихте указываетъ человѣку для достиженія нравственной цѣли найти свое назначеніе въ общественной жизни и жить не для себя, а для цѣлаго, для рода. Ученый, философъ, напримѣръ, должны, по Фихте, безкорыстно, самоотверженно любить и распространять истину, быть руководителями общественной жизни (Сочин. «О назначеніи ученаго»). Въ одномъ сочиненій Фихте развиваетъ коренную мысль соціализма объ обязанности государства регулировать промышленное производство и каждому гражданину обезпечить нравственное право на жизнь своимъ трудомъ. Рисуя картину идеальнаго соціалистическаго государства, Фихте примиряетъ индивидуализмъ съ соціализмомъ. По его мнѣнію, личность, неся общественныя обязанности, не должна терять возможности личнаго совершенствованія.

Такимъ образомъ, и кантовскій нравственный законъ, какъ основа всей жизни, и подчиненіе теоретическаго разума практиче-

скому остались неприкосновенными у Фихте съ тою, однако, разницею, что у него на первый планъ выдвигается общественный идеалъ, который начинаетъ вскорѣ осуществляться въ цѣломъ рядѣ освободительныхъ реформъ, проведенныхъ либеральными прусскими министрами: Штейномъ и Гарденбергомъ. Пламенный ораторъ, смѣлый пропагандистъ, человѣкъ желѣзной воли и необычайной энергіи, Фихте какъ бы олицетворяетъ собою свое надъиндивидуальное «я», развивая неустанную, непрерывную, хотя и не безконечную, творческую дѣятельность. Но потребность этой дѣятельности, какъ мы уже говорили, выводится у него не изъ сознанія дѣйствительнаго міра: причина ея лежитъ въ идеалѣ, который она должна осуществить, и влекущееся къ дѣятельности практическое «я» создаетъ дѣйствительный міръ.

Шеллингъ. Это превращеніе внѣшняго міра, природы въ призракъ, создаваемый нашимъ духомъ, въ иллюзію, въ творческую игру «я», наводило послѣдователя и истолкователя ученія Фихте, друга его Шеллинга на мысль о тождествѣ природы и духа. Но Шеллингъ былъ натуралистъ, основательно знакомый съ математикой, физикой и медицинскими науками; принимая субъективизмъ Фихте, онъ не могъ принять его пренебрежительнаго взгляда на природу, которая является у него, какъ средство, создаваемое практическимъ «я» для осуществленія нравственной цѣли. Мысль Шеллинга направилась къ разработкѣ философской проблемы природы. Но, какъ истый романтикъ, онъ далеко вышелъ за предѣлы научнаго изслѣдованія. Въ его натурфилософіи гораздо больше поэзіи, фантазіи, чѣмъ строгой философской мысли. Пусть, соглашается онъ съ Фихте, природа возникаетъ изъ духа для достиженія его цѣли, но она должна получить признаніе великой системы; различныя ступени ея, какъ продукты духа, представляютъ необходимыя формы, въ которыхъ этотъ духъ стремится изъ безсознательнаго состоянія подняться до полнаго, совершеннаго сознанія. Духъ и природа объединяются у Шеллинга въ третьемъ высшемъ понятіи тождества, безразличія. Хотя это послѣднее понятіе безсодержательно, но оно его абсолютъ, постигаемый лишь интуиціей, недоказуемый. Сліяніе природы и духа, бытія и мышленія воедино есть сокровенная для обыкновеннаго ума тайна, достойная благоговѣйнаго созерцанія. Романтики говорили, что философія начинается тамъ, гдѣ кончается обыкновенное мышленіе. Самъ Шеллингъ дока-

зывалъ возможность знанія, происшедшаго изъ необыкновенныхъ источниковъ.

Изображая природу, какъ пробужденіе духа, онъ особенно сильно дѣйствовалъ на поэтически настроенные умы. Нѣмецкіе и русскіе романтики были очень захвачены его ученіемъ. Въ его истолкованіи природа, съ помощью часто остроумныхъ, художественныхъ сравненій, оживаетъ, какъ въ поэзіи. Здравыя сужденія переплетаются съ поэтическими вымыслами. Шеллингъ, напримѣръ, справедливо отрицаетъ темный міръ кантовскихъ «вещей въ себѣ»: по его мнѣнію, познаніе есть совпаденіе представленія и познаваемой вещи, такъ какъ предметъ непознаваемый не можетъ быть и представленъ, а слѣдовательно, ни факта познанія, ни міра явленій не существуетъ. Но сдѣлавъ вѣрное замѣчаніе относительно «вещей въ себѣ», онъ самъ начинаетъ свободно фантазировать о вещахъ природы. «То, что мы называемъ природой, — говоритъ онъ, — есть поэма, понять которую невозможно, ибо она написана таинственными письменами; если бы мы могли разобрать эту поэму, мы признали бы въ ней Одиссею духа, который, предаваясь чудесной иллюзіи, ища самого себя, непрестанно создаетъ самъ себя». Шеллингъ, однако, рѣшается разобрать эти «таинственныя письмена», и его натурофилософія дѣйствительно является «поэмой природы». Онъ одухотворяетъ природу: она — лѣстница, по которой духъ поднимается къ самому себѣ, стремясь въ вѣнцѣ творенія—человѣкѣ—достигнуть полнаго сознанія. Съ появленіемъ человѣка природа творитъ уже черезъ посредство его духа. Надѣливъ его фантазіей, способностями къ художественной дѣятельности, она раскрываетъ передъ нимъ всѣ тайны своего творческаго процесса.

Основная мысль его системы совпала съ особеннымъ движеніемъ въ области естествознанія во второй половинѣ XVIII вѣка. Новыя открытія въ физикѣ и химіи (въ особенности новыя ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ), слѣдовавшія одно за другимъ, возбудили въ натуралистахъ идею о связи различныхъ силъ природы и настойчивое стремленіе перейти отъ отдѣльныхъ, спеціальныхъ изслѣдованій къ широкимъ философскимъ обобщеніямъ. Въ Германіи существовало теченіе, которое хотѣло установить новое пониманіе взаимной связи между явленіями органической и неорганической природы, чтобы уничтожить пропасть между этими двумя мірами. Но состояніе знаній въ области наукъ о природѣ

было еще крайне несовершенно. Шеллингу поневолѣ приходилось прибѣгать къ вымысламъ, чтобы заполнить пробѣлы, и его смѣлая попытка представить связное, цѣлостное развитіе природы, оказалась неудачной. Романтическое настроеніе въ кружкѣ поэтовъ и мыслителей, среди которыхъ вращался Шеллингъ, еще болѣе содѣйствовало фантастичности его построеній.

Строгая философская мысль, ея разсудочные элементы, здравыя сужденія совсѣмъ упали въ то время въ цѣнѣ, а поэтическіе вымыслы цѣнились высоко. Философъ имѣлъ успѣхъ, если онъ восхищалъ полетомъ своей мысли. У насъ въ Россіи, напримѣръ, въ особенности изучали эстетику Шеллинга и любили его, какъ поэта. И. Кирѣевскій въ 1828 г. пишетъ: «читая его (Шеллинга) рѣчь объ искусствѣ, нельзя сомнѣваться, чтобы онъ въ молодости не писалъ стиховъ. Зато Кантъ, поручусь, никогда не прибралъ ни одной риѳмы... Зато читатели Канта относятся къ читателямъ Шеллинга, какъ 5 къ 5000». Кантъ дѣйствительно не былъ поэтомъ, но онъ такъ глубоко понималъ поэзію, что его разсужденія объ искуствѣ вообще и о способѣ художественнаго творчества генія до сихъ поръ почти всецѣло сохраняютъ свою цѣнность, и эстетика Шеллинга вышла изъ эстетики Канта. Очевидно, наши русскіе философы не читали третьей части системы Канта — «Критики способности сужденія».

Излагая философію искусства, Шеллингъ потратилъ много красокъ, много блеску своего геніальнаго ума. Искусство онъ ставилъ очень высоко. Знаніе, по его мнѣнію, только первая ступень духовной жизни; выше его стоитъ искусство, какъ болѣе глубокое откровеніе абсолютнаго принципа, въ которомъ совпадаютъ субъектъ и объектъ. Оно даетъ намъ чувство вѣчной тождественности безсознательной природы и сознательной свободы. «Красота природы есть дѣятельная сила и дѣятельное знаніе; такой же должна быть и красота искусства». Такимъ образомъ, природа у Шеллинга обладаетъ также знаніемъ. Но знаніе, посредствомъ котораго дѣйствуетъ природа, несомнѣнно, совсѣмъ не похоже на знаніе человѣка, знаніе сознательное. Въ природѣ идея не отличается отъ дѣйствія, а цѣль отъ исполненія. Поэтому матерія слѣпо стремится къ правильной формѣ и безсознательно принимаетъ чисто стереометрическія формы, принадлежащія, однако, къ области идей и представляющія въ матеріи нѣчто духовное. Звѣздамъ присущи живая ариѳметика и возвышенная геометрія, безсознательно осуществляемыя ими въ ихъ движеніяхъ:

Сравнивая творческую дѣятельность художника съ творческою дѣятельностью природы, Шеллингъ находитъ, что «въ процессѣ художественнаго творчества, кромѣ сознательной дѣятельности, должна участвовать и безсознательная сила и что полное единство, взаимное проникновеніе этихъ принциповъ производитъ наиболѣе возвышенное результаты въ искусствѣ»...

«Духъ природы противоположенъ душѣ только повидимому, на самомъ же дѣлѣ онъ ея органъ и символъ. Всѣ другія существа одушевлены только духомъ природы, лишь въ человѣкѣ проявляется душа, безъ которой міръ былъ бы подобенъ природѣ безъ солнца... Проявляясь въ тѣлѣ, она (душа), однако, не зависима отъ него; для нея сознаніе тѣла подобно легкому, не волнующему ее сновидѣнію. Въ этомъ смыслѣ душа не есть свойство, способность, вообще что-либо въ этомъ родѣ; она не знаетъ, а есть само знаніе; она не добра, а есть само добро, она не прекрасна, а есть сама красота».

Вліяніе Шеллинга на русскихъ романтиковъ.

Приведенныя нами строки взяты изъ той рѣчи Шеллинга объ искусствѣ, которою восхищался И. Кирѣевскій, одинъ изъ лучшихъ славянофиловъ, умнѣйшій, образованнѣйшій человѣкъ своего времени. Намъ теперь мало понятенъ этотъ восторгъ передъ Шеллингомъ, это беззавѣтное увлеченіе его идеями. Мы видимъ въ нихъ странную смѣсь космологическихъ понятій съ психологическими; его фантастическое построеніе для насъ далеко не всегда удачная поэзія, и намъ нелегко перенестись мыслью въ ту скудную научными знаніями эпоху 20-хъ и 30-хъ годовъ русской жизни, когда нѣмецкая метафизика была общею атмосферою для нашей образованной молодежи, слѣпо отдавшейся во власть абсолютныхъ теорій. Но если мы познакомимся по письмамъ и воспоминаніямъ русскихъ образованныхъ людей той эпохи съ общими условіями русской жизни, съ ихъ міровоззрѣніемъ, мы поймемъ, какимъ яркимъ свѣтомъ горѣлъ для нихъ этотъ выспренній идеалъ истины, добра, красоты, проповѣдуемый романтикомъ Шеллингомъ,—поймемъ, какъ много было въ фантастическихъ его построеніяхъ поэзіи, возвышеннаго, чудеснаго, таинственнаго, что такъ заманчиво, такъ обаятельно должно было дѣйствовать на романтически настроенныхъ людей. «Вы не можете себѣ представить, — пишетъ кн. В. Ѳ. Одоевскій, одинъ изъ первыхъ русскихъ шеллингіанцевъ 20-хъ годовъ, — какое дѣйствіе произвела въ свое время шеллингова философія, какой толчокъ дала она людямъ»... «Какимъ торжествомъ, свѣтлымъ,

радостнымъ чувствомъ исполнилась жизнь, — пишетъ членъ и первый историкъ кружка Станкевича, П. В. Анненковъ, — когда указана была возможность объяснить явленія природы тѣми же самыми законами, какимъ подчиняется духъ человѣческій въ своемъ развитіи, закрыть, повидимому, навсегда пропасть, раздѣляющую два міра, и сдѣлать изъ нихъ единый сосудъ для вмѣщенія вѣчной идеи, вѣчнаго разума!» Особенно плѣняло воображеніе романтиковъ то высокое положеніе среди природы, въ какое ставилъ Шеллингъ человѣка, вѣнецъ творенія. «Человѣкъ переносилъ видимую природу въ самого себя, разбиралъ ее въ нѣдрахъ собственнаго сознанія, — словомъ, становился ея центромъ, судьею и объяснителемъ. Природа была поглощена имъ и въ немъ же воскресала для новаго, разумнаго и одухотвореннаго существованія». Стоитъ прочесть два письма Станкевича (въ концѣ марта 1833 г.) къ ближайшему другу, Я. М. Невѣрову, въ которыхъ онъ излагаетъ свою метафизику, чтобы увидѣть, какъ глубоко авторъ ихъ проникся идеями Шеллинга и съ какимъ восторгомъ они приняты. Бѣлинскій съ первой статьи своей («Литературныя мечтанія» 1834 г.) становится восторженнымъ проповѣдникомъ шеллингіанства. Природа у него превратилась въ грандіозное цѣлое, въ которомъ живетъ мудрая и любящая идея: она «все предвидитъ, все держитъ въ равновѣсіи, — говоритъ Бѣлинскій, — за наводненіемъ и за лавою ниспосылаетъ плодородіе, за опустошительною грозою — чистоту и свѣжесть воздуха»... Этой точки зрѣнія на природу держались всѣ наши шеллингіанцы, и всѣ раздѣляли вполнѣ эстетичекіе взгляды Шеллинга. Шеллингъ царилъ у насъ въ 20-хъ годахъ и первой половинѣ 30-хъ безраздѣльно, но со второй половины этого десятилѣтія ему пришлось уступить свой тронъ Гегелю.

Гегель.

Послѣдователь Канта вначалѣ, потомъ единомышленникъ и другъ Шеллинга, Гегель далеко отошелъ впослѣдствіи отъ перваго и окончательно порвалъ всѣ связи со вторымъ.

Разрывъ Гегеля съ Шеллингомъ начался съ того, что онъ объявилъ себя врагомъ «геніальнаго философствованія». «На мѣсто интуиціи, претендующей на непосредственное постиженіе сущности абсолюта, онъ ставитъ снова строгую работу понятій». Мышленіе и бытіе, идеальное и реальное у него также тождественны, какъ и у Шеллинга. Но это тождество содержитъ въ себѣ предпосылку, что сущность всѣхъ вещей есть разумъ,

міровая идея (абсолютъ Гегеля). Такимъ образомъ, система Гегеля отличается отъ шеллинговой тѣмъ, что подчиняетъ реальное идеальному, которыя у Шеллинга равнозначительны. Она представляетъ синтезъ системъ Фихте и Шеллинга, соединяя въ себѣ фихтевское предпочтеніе философіи духа передъ философіей природы съ тѣмъ широкимъ интересомъ къ индивидуальности, къ природѣ, который замѣтенъ у Шеллинга. Идея развитія у Гегеля проведена строже и послѣдовательнѣе, чѣмъ у Фихте и Шеллинга. Все окружающее представлялось Гегелю въ процессѣ развитія. Такъ какъ всякая вещь есть выраженіе идеи и міръ — развитіе мышленія, то философія должна раскрыть этотъ процессъ. Побудительную силу къ развитію онъ видѣлъ въ противорѣчіи, которое, по его мнѣнію, является побужденіемъ къ дальнѣйшему мышленію. Его надо не уничтожать, а снимать, по выраженію Гегеля. Противорѣчащія понятія мыслятся въ третьемъ высшемъ, болѣе широкомъ, и уже представляются моментами этого послѣдняго, переставая противорѣчить другъ-другу. Но является другая противоположность, которую также надо преодолѣть и т. д. Только благодаря такой діалектикѣ понятій, по мнѣнію Гегеля, философія совершенно соотвѣтствуетъ живой дѣйствительности. Такимъ образомъ, діалектическій методъ его состоитъ въ переходѣ отъ положенія къ противоположенію и отъ послѣдняго къ соединенію (тезисъ, антитезисъ, синтезисъ). Гегель сдѣлалъ попытку начертить весь циклъ чистыхъ понятій, расположивъ ихъ ступенями по своему методу. Онъ хотѣлъ въ эту лѣстницу идей помѣстить все существующее, такъ какъ міръ дѣйствительный, казалось ему, вполнѣ совпадаетъ съ міромъ мыслимыхъ идей. Отъ поэтическаго философствованія Шеллинга Гегель думалъ возвратиться къ научному. Онъ, какъ справедливо говорятъ, «*раціонализировалъ романтику*». «Но содержаніе романтики, — по вѣрному замѣчанію проф. Виндельбанда, — представляло такую могучую умственную силу, что новый раціонализмъ долженъ былъ подчиниться ей, и наука понятій, созданная Гегелемъ, представляетъ удивительнѣйшіе переливы фантазіи и разсудка. Именно въ этомъ и состоитъ опасная своеобразность Гегеля, что у него геніальное философствованіе фантазіи и аналогіи (которыми отличается философія Шеллинга) выступаетъ въ одѣяніи необходимости, присущей понятіямъ». «Философскія міровоззрѣнія, — говоритъ другой нѣмецкій историкъ философіи, проф. Фалькенбергъ, — какъ цвѣты, выра-

стаютъ на почвѣ общаго настроенія человѣчества въ извѣстныя эпохи».

Тѣмъ не менѣе заслуги Гегеля очень велики. Онъ самъ ранѣе другихъ понялъ, что каждая система философіи является необходимымъ продуктомъ человѣческаго мышленія и необходимой ступенью въ его развитіи, что каждая система отражаетъ то культурное состояніе, изъ котораго вышла. Онъ установилъ въ наукѣ и въ общемъ сознаніи истинныя и плодотворныя понятія процесса, развитія, исторіи. Идея непрерывнаго развитія у Гегеля вносила въ исторію человѣчества взглядъ, устанавливающій въ ней законосообразность и разумность историческаго процесса, приводила къ мысли о необходимости свободы, движенія впередъ, придавая всей системѣ прогрессивный характеръ. Въ молодости Гегель сочувствовалъ французской революціи и развивалъ идею непрерывной вѣчной работы всемірнаго духа, подрывающаго, подобно кроту, устарѣлый порядокъ вещей. Онъ призывалъ истинныхъ друзей свободы на защиту ея отъ грубаго произвола и насилія. Въ умственное движеніе, созданное его системой, носившей энциклопедическій характеръ, вовлечены были всѣ науки. Онъ создалъ цѣлую школу, и его вліяніе распространилось далеко за предѣлы Германіи. Но съ 1818 года Гегель занялъ каѳедру философіи въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ пользовался широкимъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Вліяніе его на общество и правительство съ каждымъ годомъ усиливалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ возрастало стремленіе жить въ мирѣ съ существующимъ порядкомъ вещей. Въ 20-хъ годахъ онъ уже становится какъ бы офиціальнымъ философомъ Пруссіи, и его ученіе называютъ «прусской государственной философіей». И Гегель, по словамъ одного изъ его учениковъ, «провозглашая свободу великою цѣлью историческаго развитія, на практикѣ уживается съ самымъ несомнѣннымъ рабствомъ». (См. ст. «Реакція въ Германіи».)

II.

Философія въ Россіи: французская философія эпохи просвѣщенія.

Преподаваніе философіи началось у насъ съ основанія Московскаго университета (1755 г.), но оно велось по старымъ руководствамъ въ духѣ вольфіанской школы и на латинскомъ языкѣ. О вліяніи ея на общество не могло быть и рѣчи. Въ наступившую вскорѣ екатерининскую эпоху, когда появились переводы сочи-

неній Вольтера, Монтескье, Руссо, Гельвеція, Кондильяка и др., началось господство французской просвѣтительной философіи; но невѣжественное общество усвоивало взгляды французскихъ мыслителей поверхностно и преимущественно съ отрицательныхъ сторонъ, что и отразилось на распущенныхъ нравахъ тогдашняго свѣтскаго общества. Легкость и быстрота, съ которыми распространялось въ немъ такъ называемое «вольтеріанство», указывая на недостатокъ вдумчивости и пониманія, объясняютъ въ значительной степени, почему въ слѣдующемъ періодѣ французскій сенсуализмъ и матеріализмъ легко уступили мѣсто нѣмецкому идеализму, который пришелъ имъ на смѣну. Было бы, однако, большой ошибкой сказать, что французское вліяніе прошло безслѣдно или было исключительно для насъ вреднымъ, какъ думали патріоты-консерваторы александровскаго періода. Оно все-таки будило мысль, заставляло задумываться надъ вопросами высшаго порядка; своимъ стремленіемъ къ освобожденію отъ средневѣковыхъ понятій и предразсудковъ оно призывало къ новой жизни, къ исканію новыхъ началъ для нея. И находились у насъ, хотя и немногіе, люди, откликавшіеся на эти призывы и относившіеся съ серьезной критикой къ русской дѣйствительности. Все это пріучало насъ къ систематическому мышленію и подготовляло къ дальнѣйшей работѣ надъ философской мыслью Запада.

Связь масонства съ романтическимъ идеализмомъ.

Но рядомъ съ французскимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ у насъ мирно уживался свой доморощенный мистицизмъ и распространялся европейскій, привозный, въ видѣ масонства, которое явилось, какъ реакція противъ господствующей французской философіи. Въ концѣ екатерининскаго царствованія масонство было заподозрѣно и подавлено, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ оно возродилось вновь въ александровскій періодъ. Фантастическое, мистически туманное ученіе масоновъ имѣло точки соприкосновенія съ романтическимъ идеализмомъ. Особенно близкою къ масонству оказалась самая романтическая форма идеализма — шеллингіанство. Наши изслѣдователи справедливо находятъ въ обоихъ одинъ и тотъ же духъ: ту же мечтательность, то же почтеніе къ высшему знанію и пренебреженіе къ грубой эмпирической наукѣ, тѣ же алхимическія и виталистическія фантазіи. Масоны издавали книги полуфилософскаго характера, въ которыхъ, какъ и у Шеллинга, господствующее значеніе имѣла интуиція, а на разумъ смотрѣли свысока («Разсужденіе о злоупо-

требленіи разума». Соч. И. В. Лопухина. «Божественная и истинная метафизика». Перев. Его же).

Масонство александровскаго періода охватило самыя различныя направленія тогдашней общественной жизни, начиная съ темнаго мистическаго, реакціоннаго, и кончая молодымъ либеральнымъ. Въ масонскихъ спискахъ того времени можно встрѣтить имена людей, ставшихъ потомъ членами тайныхъ политическихъ союзовъ. Сперанскимъ былъ приглашенъ въ качествѣ сотрудника имѣвшій на него вліяніе нѣмецкій писатель Фесслеръ, масонъ, извѣстный своей «Исторіей масонскаго ордена» и игравшій видную роль въ петербургскомъ обществѣ. Получивъ каѳедру восточныхъ языковъ и философіи въ Петербургской духовной академіи, онъ въ своемъ преподаваніи соединялъ масонскія фантазіи съ ученіемъ Шеллинга [1]) и былъ такимъ образомъ связующимъ звеномъ между масонствомъ и шеллингіанствомъ.

Новыя связи съ Германіей.

Войны съ Наполеономъ вызвали враждебныя отношенія къ французамъ. Эти отношенія были перенесены и на идеи французской просвѣтительной философіи. Наши патріоты-консерваторы, по выраженію гр. Уварова, «сваливали въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія арміи и французскія книги». Въ это время самымъ ходомъ исторіи намъ суждено было завязать болѣе тѣсныя связи съ ближайшими сосѣдями — нѣмцами, которые такъ же, какъ и мы, боролись за освобожденіе отъ французскаго ига и для которыхъ эта борьба гораздо болѣе, чѣмъ для насъ, была борьбою за національное существованіе. Мы переводили съ нѣмецкаго языка самые ядовитые памфлеты противъ французовъ, призывали для совѣта либеральнаго прусскаго министра Штейна, уволеннаго Наполеономъ; послѣ іенскаго пораженія нѣмцы поступали къ намъ на службу, чтобы въ рядахъ русской арміи сражаться за свою національную свободу. Это былъ офиціальный русскій либерализмъ, представителемъ котораго являлся самъ Александръ I, высказывавшійся въ эту пору за самыя либеральныя учрежденія для всѣхъ націй. Миновала пора борьбы, политика Александра I измѣнилась, но наши духовныя связи съ Германіей держались прочно. Когда усиленіе

---

[1]) См. «Судьбы русской философіи» М. Филиппова («Русское Богатство» 1894, кн. 1, 3, 4, 8, 9, 11).

реакціи вызвало у насъ образованіе тайныхъ политическихъ союзовъ, образцомъ для нихъ послужилъ нѣмецкій Тугендбундъ, и въ основу ихъ мы положили начала, вычитанныя нами у нѣмецкихъ мыслителей: Канта, Фихте, В. Гумбольта. Это—начала безусловной свободы личности отъ традиціонныхъ авторитетовъ, ея правъ на безграничное умственное и нравственное совершенствованія для достиженія съ помощію національнаго воспитанія высокаго общественнаго идеала. Извѣстно, что большинство декабристовъ было проникнуто либеральными нѣмецкими идеями, а декабристы-писатели: Бестужевъ, Рылѣевъ, Кюхельбекеръ въ своихъ критическихъ статьяхъ проводили эстетическіе взгляды, нерѣдко совпадавшіе съ взглядами теоретиковъ нѣмецкаго романтизма. Чѣмъ ближе къ 20-ымъ годамъ, тѣмъ шире становится кругъ людей, интересующихся нѣмецкой идеалистической философіей. Если при этомъ припомнить еще, что мы издавна выписывали изъ Германіи профессоровъ, что мы посылали въ Германію учиться своихъ молодыхъ ученыхъ (какъ это было и въ александровскую эпоху съ проф. Павловымъ, Велланскимъ и Галичемъ), что наши образованные люди очень часто ѣздили слушать лекціи извѣстныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, философовъ въ разныхъ нѣмецкихъ университетахъ, то мы будемъ въ состояніи представить себѣ полную картину нѣмецкихъ вліяній, и намъ станетъ ясно, почему Германія съ 20-хъ годовъ становится для нашей образованной молодежи наиболѣе интересной изъ всѣхъ европейскихъ странъ.

Распространеніе нѣмецкой идеалистической философіи.

Распространеніе нѣмецкой идеалистической философіи шло у насъ различными путями: путемъ школьнаго преподаванія, путемъ литературнымъ и, наконецъ, чрезъ личныя связи людей, которыхъ сближали между собой общіе научные интересы. Само собой разумѣется, что самымъ надежнымъ, обезпечивающимъ вѣрный успѣхъ является путь школьнаго преподаванія. Но у насъ этимъ путемъ достигнуто едва ли не меньше, чѣмъ двумя другими, вслѣдствіе частыхъ и крутыхъ перемѣнъ въ нашей внутренней политикѣ. Наши отношенія къ просвѣщенію всегда были крайне неустойчивы: мы то насаждали его и заботливо ухаживали за нимъ, то начинали подозрѣвать и жестоко преслѣдовать лучшихъ работниковъ на его нивѣ; то привѣтствовали и поощряли свободное слово науки, то налагали на него запреты и тяжелыя кары. 1805 годъ считаютъ обыкновенно временемъ, съ котораго начинаютъ у насъ распространяться идеалистическія системы

Канта, Фихте и Шеллинга. Это было время, когда разумныя просвѣтительныя мѣры правительства, повидимому, обѣщали широкое и безпрепятственное развитіе философіи въ Россіи. Но прошло немного болѣе 10 лѣтъ, какъ уже начались гоненія на нее. Первымъ пострадалъ харьковскій проф. Шадъ, ученикъ Фихте, приглашенный самимъ правительствомъ въ 1804 г. По доносу попечителя Карнѣева, онъ обвинялся въ томъ, что «держится системы Шеллинга»; Шадъ былъ чистымъ фихтеанцемъ и пропагандировалъ систему Фихте, но былъ высланъ изъ Россіи, какъ опасный человѣкъ (1817 г.). Съ изгнаніемъ Шада прекратилось у насъ распространеніе философіи Фихте надолго. Почти въ то же время былъ лишенъ мѣста талантливый математикъ, проф. того же университета, Т. Ѳ. Осиповскій, переводчикъ «Логики» Кондильяка, за то, что въ своихъ рѣчахъ на торжественныхъ собраніяхъ университета (1808 и 1813 гг.) съ эмпирической точки зрѣнія опровергалъ ученіе Канта о пространствѣ и времени и такимъ образомъ знакомилъ и съ эмпириками, и съ Кантомъ. Московскій профессоръ И. И. Давыдовъ написалъ учебникъ «Логики», которая составлена по разнымъ источникамъ и въ которой онъ защищаетъ опытное происхожденіе идей. Отсюда ясно, что авторъ ея гораздо ближе къ эмпирикамъ, чѣмъ къ Шеллингу; но извѣстный обскурантъ — карьеристъ Магницкій—въ докладной запискѣ государю доносилъ, что книга Давыдова «пропитана богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга, основу котораго составляютъ вольнодумство и развратъ». Тотъ же Магницкій разгромилъ Казанскій университетъ. Лучшіе профессора были удалены, а другіе удалились сами. Между первыми особенно пострадалъ проф. естественнаго права Солнцевъ: въ его курсѣ открыты были Магницкимъ слѣды Канта, и онъ обвинялся въ томъ, что «смѣшалъ божественное ученіе съ мнѣніями человѣческими и проповѣдовалъ, будто бы разумъ учитъ о правахъ и обязанностяхъ, между тѣмъ какъ разумъ,—по мнѣнію Магницкаго,—не можетъ быть руководителемъ нашей жизни, а самъ долженъ повиноваться со страхомъ верховному законодателю». Солнцеву запрещена была всякая педагогическая дѣятельность. Такимъ образомъ прекращено было распространеніе философіи Канта. Единомышленникъ и другъ Магницкаго Руничъ, попечитель Петербургскаго округа, произвелъ такой же разгромъ Петербургскаго университета, который лишился 12 профессоровъ. Профессора: Куницынъ за книгу «О естественномъ

правѣ» и Галичъ за «Исторію философскихъ системъ» были обвинены въ распространеніи идей, противныхъ христіанству и направленныхъ къ ниспроверженію всѣхъ связей, семейныхъ и государственныхъ. Изъ всѣхъ петербургскихъ профессоровъ только Велланскому, проф. медико-хирургической академіи, удалось провести свой курсъ безъ помѣхъ и напастей. Это объясняется тѣмъ, что онъ былъ натуралистъ и читалъ анатомію и физіологію, благодаря чему философія Шеллинга проходила у него подъ чужимъ флагомъ, какъ это было и въ Московскомъ университетѣ, гдѣ Павловъ и Максимовичъ проводили идеи Шеллинга: одинъ—читая физику и сельское хозяйство, а другой—читая общій курсъ естествовѣдѣнія.

Русскіе шеллингіанцы

Велланскій началъ свой курсъ въ 1805 г. Онъ былъ убѣжденнымъ восторженнымъ идеалистомъ-шеллингіанцемъ, наиболѣе типичнымъ, чѣмъ другіе современные ему русскіе шеллингіанцы. Его лекціи были полны жизни и огня, какъ свидѣтельствуютъ слушатели. Нѣсколько позднѣе московскіе любители философіи, у которыхъ были свои талантливые профессора: Давыдовъ, Павловъ, Максимовичъ, приглашали его въ Москву прочесть 20 лекцій, за что предлагали вознагражденіе 20.000 р. ассигн. Но широкая популярность Велланскаго была пріобрѣтена, главнымъ образомъ, его печатными трудами, изъ которыхъ большею извѣстностью пользовался его слабѣйшій трудъ—переводъ книги Клюге «О животномъ магнетизмѣ» и комментарій къ ней. Интересъ къ магнетизму, какъ новинкѣ, въ нашемъ обществѣ въ то время былъ очень силенъ. Едва ли не этимъ обстоятельствомъ объясняется и необыкновенная популярность у насъ натурфилософіи Шеллинга, въ которой магнетизмъ, вмѣстѣ съ гальванизмомъ и химизмомъ, какъ и у Велланскаго, игралъ очень важную роль. О натурфилософіи тогда говорили всѣ, даже люди, которые въ естествознаніи были круглыми невѣждами. Въ ней видѣли не только послѣднее слово науки, но и откровеніе свыше, открытіе души, которая до тѣхъ поръ представлялась таинственной незнакомкой. Книга Клюге попала въ тонъ современному мистическому настроенію общества. Въ своемъ комментаріи Велланскій съ большимъ одушевленіемъ говоритъ о магнетизмѣ, объясняя его изъ «идеальнаго образованія жизни». Главныя его сочиненія—«Біологическое изслѣдованіе» и «Физика», послѣдняя нашла особенно высокую оцѣнку въ Москвѣ у проф. Павлова.

На Московскомъ университетѣ реакція отразилась гораздо слабѣе, чѣмъ на другихъ: здѣсь не было погрома, хотя каѳедра философіи была все-таки закрыта съ 1826-го года. Благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ и энергіи И. И. Давыдова, который былъ назначенъ въ 1815 году инспекторомъ Благороднаго университетскаго пансіона, философія въ Москвѣ свила себѣ довольно прочное гнѣздо. Давыдовъ сталъ знакомить учащихся съ философіей Шеллинга, и молодежь приняла ее съ восторгомъ. Здѣсь постепенно начали образовываться тѣ студенческіе кружки, которые впослѣдствіе сыграли такую важную роль въ исторіи русской общественной мысли. Въ университетскомъ пансіонѣ устраивались публичныя собранія, на которыхъ читались сочиненія студентовъ, произносились рѣчи, просходили философскіе диспуты. Все это дѣйствовало развивающимъ образомъ. Эти собранія посѣщались усердно людьми изъ образованнаго круга. Въ 1823 году бывшіе воспитанники университетскаго пансіона составили литературный кружокъ, извѣстный подъ названіемъ кружка Раича. Часть его членовъ вскорѣ отдѣлилась и образовала спеціальный философскій кружокъ, давъ ему названіе «Общества любомудрія». Въ составъ его входили вскорѣ сдѣлавшійся извѣстнымъ писателемъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, талантливый поэтъ-философъ, Д. В. Веневитиновъ, будущіе славянофилы, братья И. и П. Кирѣевскіе, А. И. Кошелевъ, будущіе проф. Московскаго университета, Шевыревъ и Погодинъ, позднѣе — декабристъ В. Кюхельбекеръ и др. Многіе изъ нихъ служили въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, почему Пушкинъ прозвалъ ихъ «архивными юношами». Кружокъ работалъ усердно, собирался правильно, велъ протоколы своихъ засѣданій, и результаты его работы выразились въ изданномъ его членами четырехтомномъ альманахѣ «Мнемозина». Главной задачей этого сборника было познакомить русское общество съ философіей Шеллинга. Въ области литературныхъ идей «Мнемозина» боролась противъ классицизма, отстаивая романтическое направленіе, а въ области философской — противъ раціонализма и эмпиризма французовъ и англичанъ, проповѣдуя «выспреннее умозрѣніе», т.-е. ученіе Шеллинга. Здѣсь можно найти и основныя положенія его натурфилософіи и его эстетическія воззрѣнія. Романтическое настроеніе господствовало въ кружкѣ. Шеллингіанская философія искусства была принята восторженно. Кюхельбекеръ, какъ и нѣкоторые другіе изъ членовъ кружка бывали за границей и сводили личныя

знакомства съ нѣмецкими романтиками. Шевыревъ въ сотрудничествѣ съ Титовымъ и Мельгуновымъ перевелъ книгу Тика и Вакенродера «объ искусствѣ и художникахъ», въ которой искусство отождествляется съ религіей.

Событіе 14-го декабря 1825 г. и послѣдовавшій вскорѣ арестъ Кюхельбекера заставили общество закрыть свои засѣданія и уничтожить изъ предосторожности ихъ протоколы. Но дружескія отношенія и совмѣстныя занятія любимымъ предметомъ не прекратились. Въ 1826 году въ Москву изъ ссылки возвратился Пушкинъ и сошелся съ кружкомъ «любомудровъ», хотя трунилъ надъ ихъ «всемірною ученостью». Шеллингіанскіе взгляды на искусство, на его высокое значеніе и полную независимость, отразившіеся у Пушкина въ стих. «Чернь» и нѣкоторыхъ другихъ, были усвоены имъ, несомнѣнно, въ кружкѣ «любомудровъ». Здѣсь же былъ задуманъ серьезный журналъ съ участіемъ Пушкина — «Московскій Вѣстникъ», первый номеръ котораго вышелъ въ 1827 г. Журналъ, однако, не имѣлъ успѣха, отчасти потому, что его сотрудники довольно небрежно относились къ своимъ обязанностямъ, отчасти по недостатку энергіи и способности вести журнальное дѣло у его редактора, Погодина. Вообще пропаганда московскихъ «любомудровъ» была неуспѣшна: какъ «Мнемозина», такъ и «Московскій Вѣстникъ» своими философскими статьями были не по силамъ тогдашнему среднему читателю. Одинъ изъ знакомыхъ Погодина писалъ ему по этому поводу «состояніе русскаго общества не таково, чтобы членамъ онаго можно было погружаться въ хаосъ мыслей, иногда исполинскихъ, часто остроумныхъ, но безплодныхъ въ приложеніи. Намъ нужны предметы такъ сказать осязательные». У общественнаго большинства, очевидно, не было ни подготовки ни интереса къ философскому знанію. Болѣе широкаго распространенія шеллингіанскихъ идей пришлось ждать еще лѣтъ десять, и только пламенныя рѣчи Бѣлинскаго смогли зажечь ими сердца современныхъ ему читателей...

Общество 20-хъ годовъ вообще было мало образовано, и только очень тонкій верхній слой его, премущественно въ столицахъ, хранилъ живой интересъ къ наукѣ. Въ провинціи лишь изрѣдка, въ видѣ счастливыхъ оазисовъ, попадались культурныя дворянскія усадьбы, гдѣ имѣлись большія библіотеки и процвѣтало знаніе иностранныхъ языковъ. Въ такихъ усадьбахъ встрѣчались отцы семействъ, которые интересовались европей-

скою наукою и отличались большой начитанностью. Отецъ И. и П. Кирѣевскихъ зналъ 5 языковъ и занимался физикой, химіей, медициной и философіей. Вотчимъ ихъ Елагинъ былъ почитателемъ Канта, «Критику чистаго разума» котораго привезъ изъ заграничнаго похода; позднѣе онъ, однако, перешелъ къ Шеллингу и сдѣлался равностнымъ шеллингіанцемъ. Возвышенная матефизика и мистика Шеллинга была доступнѣе, чѣмъ трезвая и трудная для усвоенія критическая система Канта, которая и въ Германіи прививалась туго и долгое время вызывала ожесточенные нападки и враждебное отношеніе. Живя въ деревнѣ, Елагинъ переводилъ письма Шеллинга о критицизмѣ и догматизмѣ. Разговоры на философскія темы въ ихъ домѣ были обыкновеннымъ явленіемъ. И. Кирѣевскій, найдя въ библіотекѣ отца сочиненія Локка и Гельвеція, былъ вначалѣ увлеченъ ими, но вскорѣ отъ вотчима усвоилъ ученіе Шеллинга; вѣроятно, и съ Кантомъ онъ былъ знакомъ, хоть немного. Въ Москвѣ онъ слушалъ шеллингіанца Павлова, за границей — Гегеля и Шеллинга, съ которыми былъ знакомъ и лично. И. Кирѣевскій явился потомъ въ московскомъ кружкѣ знатокомъ нѣмецкой философіи. Его философская подготовка сказывается и въ замѣчательныхъ критическихъ статьяхъ, которыя служатъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ силы и благотворности вліянія нѣмецкой философіи на нашу литературу. Онѣ выше статей даже такихъ знаменитостей того времени, какъ Полевой и Надеждинъ. Кирѣевскій одинъ изъ первыхъ, раньше Бѣлинскаго, далъ серьезную критическую оцѣнку дѣятельности Пушкина: онъ поставилъ его рядомъ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ и началъ имъ новую литературную эпоху. Раньше Надеждина онъ поднялъ вопросъ о народности. (Стат. «Обозрѣніе русской словесности», 1829 г. Альманахъ «Денница» Максимовича.)

Въ кружкѣ московскихъ «любомудровъ» были еще двѣ замѣчательныя личности: поэтъ Д. В. Веневитиновъ и талантливый писатель и общественный дѣятель кн. В. Ѳ. Одоевскій. Первый былъ главнымъ ораторомъ кружка, второй — предсѣдателемъ. Веневитиновъ, по выраженію Кирѣевскаго, рожденъ былъ болѣе для философіи, чѣмъ для поэзіи. Его критическія статьи были тоже замѣчательнымъ явленіемъ въ литературѣ того времени. Преслѣдуя страсть къ стихотворству, которая развивалась у насъ съ появленіемъ Пушкина, Веневитиновъ даетъ анализъ художественнаго творчества и подкрѣпляетъ свои вы-

воды историческими справками; онъ доказываетъ, что «самыя поэтическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ и что истинные поэты всѣхъ народовъ всѣхъ вѣковъ были глубокими мыслителями». Но поэтъ-философъ, къ несчастью, скончался на 22-мъ году жизни, и его рано созрѣвшая мысль не успѣла развиться вполнѣ. Кн. Одоевскій пережилъ многихъ изъ своихъ современниковъ, онъ прожилъ три замѣчательныя эпохи русской жизни: двадцатые, сороковые и шестидесятые годы. Мысль его никогда не отставала отъ вѣка. «Моя юность, — пишетъ онъ въ послѣдніе годы жизни, — протекла въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ политическія науки»... И далѣе онъ разсказываетъ, какъ гордые метафизики, свысока смотрѣвшіе на натуралистовъ, которые «рылись въ грубой матеріи», должны были вскорѣ сами приняться за изученіе анатоміи, считавшейся достойною вниманія «любомудра», какъ анатомія натолкнула ихъ на физіологію, занятія которой не возможны безъ физики, химіи, и какъ метафизики даже для того, чтобы оставаться вѣрными своему званію, были приведены въ необходимость запастись колбами, ретортами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи. «Въ собственномъ смыслѣ, именно Шеллингъ,—справедливо замѣчаетъ Одоевскій,—можетъ-быть, неожиданно для него самого, былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Германіи и въ Россіи. Въ этихъ земляхъ, лишь по милости Шеллинга и Гёте, сдѣлались снисходительнѣе къ французской и англійской наукѣ, о которой прежде, какъ о грубомъ эмпиризмѣ, мы и слышать не хотѣли». Біографъ характеризуетъ князя Одоевскаго его же собственными словами изъ одной повѣсти, въ которой разсказывается объ одномъ дядюшкѣ: «Жилъ-былъ у меня дядюшка, человѣкъ не молодой, но съ умомъ, сердцемъ и образованностью— а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться. Дядюшка не выживалъ изъ ума, потому что не выживалъ изъ людей; три поколѣнія прошло мимо него, и онъ понималъ языкъ каждаго...» Этими именно качествами отличался и самъ Одоевскій.

Общество «любомудрія» просуществовало недолго, кругъ лицъ, составлявшихъ его, не великъ, вліяніе на современниковъ малозначительно, но общество имѣло вліяніе на Пушкина, внесло, какъ мы видѣли, свою долю участія въ русскую литературу: имена

И. Кирѣевскаго, Кюхельбекера, Веневитинова, Одоевскаго и др. занесены въ ея исторію. «Любомудры» начали собой то умственное движеніе, которое возникло подъ вліяніемъ нѣмецкаго философскаго романтизма, и показали путь, которымъ оно должно итти дальше. Пропагандировать философію Шеллинга и другихъ нѣмецкихъ мыслителей-романтиковъ суждено было ихъ послѣдователямъ, кружку Станкевича, такъ называемому «западническому» кружку.

Ѳ. Нелидовъ.

„Западники".

I.

Внѣшняя исторія западничества.

Подъ этимъ неудачнымъ и намѣренно злостнымъ терминомъ въ исторіи русской общественной мысли разумѣются представители одного изъ главныхъ ея теченій, которое обнимаетъ два десятилѣтія царствованія императора Николая I, именно 30-ые и 40-ые годы минувшаго вѣка. Возникшее въ самую глухую пору нашей жизни, на границѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ, въ студенческихъ кружкахъ, скромное по размѣрамъ, малосознательное вначалѣ, это теченіе, однако, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе росло, ширилось, становилось сознательнѣе и дало къ концу десятилѣтія блестящіе результаты, обнаружившіеся и въ литературѣ и въ жизни русской интеллигенціи 40-хъ годовъ. Главная роль принадлежала здѣсь знаменитому философскому кружку, кото-

Пособія: 1) *А. Н. Пыпинъ.* Характеристики литературныхъ мнѣній. 2-е изд. 2) Исторія русской литературы XIX в., ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Вып. VII и VIII изд. Т-ва Міръ 1909 г. 3) Русская литература во второй четверти вѣка. *П. Н. Сакулина.* Въ книгѣ исторія Россіи въ XIX в. Изд. Т-ва Гранатъ. Вып. 6 и 7, стр. 443—508. 4) Идеалисты 30-хъ годовъ (біограф. этюдъ). стат. *П. В. Анненкова.* 5) Замѣчательное десятилѣтіе. Статья *его же.* 6) Біографія Н. В. Станкевича. *Его же.* Всѣ три статьи напечатаны въ недавно изданной книгѣ «Литературныя воспоминанія» *П. В. Анненкова.* 1909 г. 7) Западники 40-хъ годовъ: Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій и др. Историко-литературная библіотека. Вып. II. Составилъ *Ѳ. Ѳ. Нелидовъ.* Въ этой книгѣ интересующійся эпохой читатель найдетъ, кромѣ руководящей статьи, подлинный литературный матеріалъ: статьи, письма, замѣтки, дневники западниковъ, и обширную библіографію по вопросу о западничествѣ. Изд. 1910 г. 8) . *Гершензонъ.* П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908 г. 9) Чаадаевъ, стат. *Г. Плеханова* въ журналѣ «Современный Міръ». 1908 г. Янв. Эта статья служитъ коррективомъ къ книгѣ Гершензона. 10) *М. А. Бакунинъ.* Біограф. очеркъ Драгоманова. Изд. 1906 г. 11) *А. Н. Пыпинъ.* Бѣлинскій и его критика. Изд. 2-е. 1908 г. 12) Герценъ. *Ч. Вѣтринскаго.* Библіотека «Свѣточа». Подъ ред. С. А. Венгерова. №№ 101—112. Самая полная въ настоящее время книга о Герценѣ. 13) *В. Я. Богучарскій.* Герценъ. Спб. 1912 г. 14) Т. Н. Грановскій и его переписка. 2 тома. *А. И. Станкевича.* Изд. 2-е. М. 1897 г. 15) Т. Н. Грановскій и его время. *Ч. Вѣтринскаго.* М. 1897 г. 16) Профессоръ 40-хъ годовъ. Стат. *В. А. Мякотина* въ его книгѣ «Изъ прошлаго рус. общества». Спб. 1902 г., стр. 303—373. Эта статья исправляетъ многія неправильныя характеристики Грановскаго, существующія въ нашей литературѣ. 17) О славянофилахъ и западникахъ у Герцена во II томѣ «Сочиненій А. И. Герцена». Русск. изд. 1905. 18) Западное вліяніе въ рус. литературѣ. Историко-сравнительн. очерки. *А. Н. Веселовскаго.* 3-е изд. М. 1906 г.

рый образовался подъ сѣнью Московскаго университета и собрался вокругъ перваго своего вождя, Н. В. Станкевича. Къ этому же кружку принадлежали сначала и нѣкоторые изъ славянофиловъ (терминъ тоже неудачный), впрочемъ, отдѣлившіеся отъ него въ началѣ 40-хъ годовъ. Зато нѣсколькими годами ранѣе въ него вошли нѣкоторые изъ молодыхъ профессоровъ университета, возвратившіеся изъ ссылки Огаревъ и Герценъ и ихъ друзья и разныя другія лица изъ образованнаго общества.

Можно сказать, что западническій кружокъ къ началу 40-хъ годовъ втянулъ въ себя почти всю наиболѣе образованную и талантливую молодежь того времени. Станкевичъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Герценъ, Грановскій — вотъ главныя дѣйствовавшія въ немъ силы. Имена этихъ дѣятелей записаны крупными буквами въ нашей исторіи. Не удовлетворяясь старымъ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ, они принялись за выработку новыхъ религіозныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ и общественно-политическихъ понятій. Нѣмецкіе мыслители и поэты, французскіе соціалисты и романисты были ихъ учителями и руководителями въ этой трудной работѣ. Идеалистическій и универсальный характеръ (имѣлось въ виду благо всего человѣчества) ихъ дѣятельности вначалѣ потомъ постепенно измѣнялся подъ острыми впечатлѣніями отъ окружавшей ихъ грубой дѣйствительности, которая, давая себя чувствовать на каждомъ шагу, отрезвляла нашихъ философовъ и подводила вплотную къ самымъ больнымъ и неотложнымъ вопросамъ русской народной и государственной жизни. Въ живыхъ, горячихъ спорахъ обсуждались эти вопросы, и результаты дружескихъ бесѣдъ отражались въ журнальной литературѣ. Такимъ образомъ въ западническомъ кружкѣ происходило постепенное сближеніе съ дѣйствительною жизнью, назрѣвало оппозиціонное настроеніе, и совершался переходъ отъ идеализма къ реализму, чему немало способствовала и наша художественная литература, особенно произведенія Гоголя.

Конечно, далеко не все, что обсуждалось въ кружкѣ, могло попасть въ литературу и сдѣлаться достояніемъ общества; но тѣмъ не менѣе, западническіе журналы 40-хъ годовъ нашли возможность вступить въ ожесточенную борьбу со своими противниками: апологетами офиціально установленныхъ взглядовъ, съ одной стороны, и славянофилами—съ другой. Борьба эта велась съ неослабѣвавшей энергіей вплоть до рокового 48-го года, съ котораго наступилъ самый мрачный реакціонный періодъ, когда

отнята была и та минимальная доля свободы, которою русская литература пользовалась въ предшествующіе годы. Здѣсь собственно и кончается исторія кружка, носившаго обидную въ то время кличку «западниковъ», данную въ пылу полемики противниками. Кружокъ потерялъ къ этому времени главныхъ вождей: Герценъ уѣхалъ за границу, а Бѣлинскій умеръ. Молодое поколѣніе западниковъ воспользовавшееся готовымъ выработаннымъ предшественниками міровоззрѣніемъ, пошло дальше по проложенному пути, и характеръ его дѣятельности былъ уже иной: это были соціалисты-фурьеристы. Многіе изъ нихъ обладали солидными знаніями по наукамъ общественнымъ и были готовы принять участіе въ разработкѣ вопросовъ, связанныхъ съ назрѣвшими тогда коренными реформами, необходимость которыхъ уже сознавалась ими, а черезъ 8 лѣтъ была признана и высочайшей властью. Такимъ образомъ теоретическая работа надъ философскою мыслью Запада, выработка новаго міровоззрѣнія, распространеніе новыхъ воззрѣній путемъ литературы и борьба за нихъ съ противниками составляютъ исторію западничества, — предметъ нашего очерка, къ которому мы и обращаемся.

II.

Реакція и образованіе философскаго кружка Станкевича.

Реакція, начавшаяся еще при Александрѣ I, по вступленіи въ 1825 году на престолъ Николая I достигла крайнихъ предѣловъ суровости. «Первые годы,—по словамъ Герцена,—были просто ужасны. Понадобился десятокъ лѣтъ, чтобы освоиться съ этимъ ужаснымъ положеніемъ порабощенія и гоненія. Глубокое отчаяніе и полное уныніе овладѣло образованными людьми». Правительственная система, господствовавшая внутри имперіи, стремилась остановить всякое движеніе общественной мысли и, казалось, успѣвала въ этомъ. «Но въ глубинѣ, — говоритъ Герценъ, — все принимало новый видъ, вопросы становились болѣе сложными, рѣшенія — менѣе простыми». Послѣ страшной катастрофы 1825 года, пережитой нашей интеллигенціей, наступило понятное въ такихъ обстоятельствахъ разочарованіе общества. Крушеніе надеждъ на осуществленіе либеральныхъ идей вызвало сомнѣніе въ истинности господствовавшихъ въ то время теорій либерализма. Потребовался пересмотръ, началась переоцѣнка и переработка обращавшихся среди русской интеллигенціи понятій, которыя она впитала въ себя еще подъ вліяніемъ французской

просвѣтительной эпохи. Реакція противъ либерализма овладѣла даже лучшими умами того времени.

Въ эту трудную пору въ Московскомъ университетѣ, который менѣе другихъ пострадалъ отъ преслѣдованій невѣжественныхъ обскурантовъ въ 20-хъ годахъ, счастливо уцѣлѣла идеалистическая нѣмецкая философія. Профессора-натуралисты читали ее безпрепятственно, несмотря на то, что въ 1826 году профессору Давыдову были запрещены лекціи по философіи. Талантливый профессоръ Павловъ, вмѣсто физики и сельскаго хозяйства, излагалъ философію Шеллинга и Окена, а профессоръ Максимовичъ пропагандировалъ того же Шеллинга, читая общій курсъ естественной исторіи. Аудиторіи этихъ профессоровъ всегда были переполнены студентами всѣхъ факультетовъ. Съ 1830 года началъ свой курсъ теоріи изящныхъ искусствъ Надеждинъ, проводившій въ немъ новые философскія основанія эстетики. Лекціи его, по словамъ слушателей, были блестящими импровизаціями и производили сильное впечатлѣніе. Очевидно, эти профессора вносили свѣжую струю въ университетское преподаваніе. Интересъ къ философіи возрасталъ. Образовался кружокъ ея восторженныхъ поклонниковъ, — кружокъ Станкевича, который уже вывелъ философію изъ стѣнъ университета на кружковыя частныя собранія, гдѣ она еще свободнѣе могла развиваться и гдѣ началась упорная и серьезная работа надъ усвоеніемъ западной философской мысли.

Политическіе кружки.

Но на ряду съ юными философами существовали и юные политики. Казнь и ссылка декабристовъ сильно подѣйствовали на нѣкоторую наиболѣе впечатлительную и отзывчивую часть студенческой молодежи, возбудивъ въ ней негодованіе и беззавѣтное юношеское стремленіе итти по слѣдамъ погибшихъ. Слѣдствіемъ такого настроенія и было образованіе нѣсколькихъ кружковъ, пытавшихся продолжать традиціи декабристовъ, — кружковъ, нисколько не опасныхъ въ политическомъ отношеніи при тогдашнихъ условіяхъ общественной и государственной жизни. Но правительство не считалось ни съ юношеской психологіей ни съ общими условіями и жестоко карало за эти почти дѣтскія увлеченія. Такъ погибли тогда многіе изъ русскихъ юношей, оставивъ по себѣ лишь горькія воспоминанія о безплодности ихъ гибели.

Кружокъ Герцена.

Позднѣйшимъ изъ политическихъ кружковъ былъ кружокъ Герцена и Огарева, существовавшій одновременно съ кружкомъ

Станкевича, при чемъ философы относились къ политикамъ отрицательно и называли ихъ французами и фрондерами. Кружокъ Герцена, хотя и былъ разсѣянъ въ 1834 году, однако оставилъ замѣтный слѣдъ въ исторіи русской общественной мысли. Члены его воспитались нѣсколько иначе: кромѣ идей декабризма, они усвоивали новыя соціальныя идеи сенъ-симонистовъ. Самъ Герценъ еще до поступленія въ университетъ испыталъ на себѣ вліяніе своего двоюроднаго брата, послѣдовательнаго матеріалиста и атеиста. Этотъ рѣдкостный для того времени реалистъ, предшественникъ Базарова [1]), повліялъ даже на воспитаніе Герцена: съ его одобренія былъ избранъ физико-математическій факультетъ. Занимаясь спеціально химіей, онъ заинтересовалъ Герцена естествознаніемъ, которое считалъ единственно полезнымъ занятіемъ для здравомыслящаго человѣка, а философію называлъ чепухой. И хотя Герценъ, будучи идеалистомъ, какъ почти вся молодежь того времени, постоянно спорилъ съ нимъ и не раздѣлялъ вполнѣ его одностороннихъ взглядовъ, но вліяніе химика отразилось на многихъ его сочиненіяхъ московскаго періода. Но наиболѣе глубокое и неизгладимое вліяніе имѣли попавшія ему и Огареву въ руки сенъ-симонистскія брошюры, поразившія ихъ обоихъ. «Съ одной стороны, — говоритъ Герценъ, — освобожденіе женщины, призваніе ее на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ ея руки, союзъ съ нею, какъ съ равнымъ. Съ другой — оправданіе, искупленіе плоти, Rehabilitation de la chaire! Великія слова, заключающія въ себѣ цѣлый міръ новыхъ отношеній между людьми, міръ здоровья, міръ духа, міръ красоты, міръ естественно-нравственный и потому нравственно-чистый... Сенъ-симонизмъ, — заканчиваетъ онъ, — легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ». Отсюда мы видимъ, что и реализмъ и сенъ-симонизмъ появляются у насъ уже въ началѣ 30-хъ годовъ [2]). Сѣмена этихъ ученій, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, несмотря на неблагопріятныя условія, дадутъ хорошіе всходы уже въ слѣдующемъ десятилѣтіи. Изъ сказаннаго также ясно, что одной изъ свирѣпѣйшихъ реакцій въ нашей исторіи, — реакціи, какая началась послѣ 25 года, все-таки не удалось окончательно порвать связи

---

[1]) О немъ упоминается вскользь въ комедіи Грибоѣдова: «Онъ химикъ, онъ ботаникъ», князь Ѳеодоръ, мой племянникъ...

[2]) См. далѣе статью В. И. Семевскаго.

новаго движенія мысли съ ненавистнымъ для нея движеніемъ александровскаго періода.

Объ этой связи свидѣтельствуютъ не только студенческіе кружки, начавшіеся еще въ 20-хъ годахъ, но и громкій, рѣзкій протестъ противъ правительственной системы, душившей умственную жизнь общества, — протестъ, высказанный печатью въ знаменитомъ «философическомъ письмѣ» П. Я. Чаадаева (журналъ «Телескопъ» 1836 г., № 15, стр. 275—310).

П. Я. Чаадаевъ. Чаадаевъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ, воспитавшимся въ александровскую эпоху. Въ молодости своей онъ стоялъ въ рядахъ передовой либеральной молодежи, дававшей тонъ въ столичномъ и провинціальномъ обществѣ 20-хъ годовъ. Онъ былъ другомъ-наставникомъ юнаго Пушкина, который въ чудныхъ посланіяхъ къ нему съ «вольнолюбивыми мечтами» и горячимъ желаніемъ «посвятить отчизнѣ высокіе порывы души» соединяетъ свое искреннее, глубокое чувство къ вдохновлявшему его другу. Правда, Чаадаевъ потомъ подвергся вліянію французскихъ писателей католической реакціи и писателей-мистиковъ и «прислонился», по выраженію Герцена, къ католицизму. Но на католицизмъ онъ смотрѣлъ какъ на цивилизующую силу въ прошломъ Европы, отъ которой мы, рабски подчинившись «растленной Византіи», были оторваны на цѣлые вѣка. Въ этомъ отчужденіи нашемъ отъ европейской цивилизаціи Чаадаевъ видитъ наше главное несчастіе. Основная идея его «философическихъ писемъ» (напечатано тогда только одно первое) — возможно полное осуществленіе на землѣ христіанскаго идеала, какъ конечной цѣли историческаго мірового процесса, средствомъ для чего должны служить единство вѣры и единая всемірная церковь. Какъ идеалистъ, онъ видѣлъ въ католицизмѣ настойчивое стремленіе къ осуществленію этой мечты всей его жизни — собрать все человѣчество въ «едино стадо». Догматы и обряды католической церкви не имѣли для него никакого значенія. Эти взгляды Чаадаева отразились на міровоззрѣніи такихъ нашихъ христіанскихъ философовъ, какъ В. С. Соловьевъ, какъ Ѳ. М. Достоевскій. Чаадаевъ былъ первымъ писателемъ, поставившимъ вопросъ о смыслѣ нашего національнаго существованія, о нашей всемірно-исторической роли, на религіозную почву, на которой рѣшали его затѣмъ и славянофилы и др. русскіе мыслители. Мистически вѣруя въ божественное происхожденіе христіанства, онъ пылалъ любовью ко всему человѣчеству и отрицательно от-

носился къ націонализму, откуда бы онъ ни исходилъ, какіе бы оттѣнки ни принималъ. Христіанство было ему дорого именно своимъ соціальнымъ и универсальнымъ характеромъ. Личность, по его мнѣнію, имѣетъ значеніе постольку, поскольку она отказалась отъ эгоизма. Есть основаніе думать, что этотъ вопросъ былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ, вызывавшихъ его на споры съ западниками, къ которымъ онъ, однако, былъ гораздо ближе, чѣмъ къ славянофиламъ или защитникамъ современной правительственной системы.

Въ своемъ «Письмѣ» онъ затрогиваетъ важные историческіе и общественные вопросы. Онъ говорилъ правдиво и съ чувствомъ глубокаго огорченія о печальномъ состояніи нашей общественной жизни, о нашей отсталости, косности, вслѣдствіе тяготѣющаго надъ нами рабства и вѣкового отчужденія отъ цивилизаціи Запада. Недовольный нашимъ прошлымъ и настоящимъ, онъ безотрадно смотритъ и на наше будущее. Такой взглядъ, конечно, не правиленъ, и многое изъ того, что было сказано въ «Письмѣ», требовало поправки. Чаадаеву собирались возражать. Но «Письмо» подняло цѣлую бурю въ широкихъ общественныхъ кругахъ, гдѣ господствовали оффиціально одобренные консервативно-патріотическіе взгляды. По доносу одного патріота (Ф. Ф. Вигеля) правительство наложило тяжелую кару на журналъ, его редактора и цензора, а авторъ былъ оффиціально объявленъ сумасшедшимъ и подвергнутъ домашнему аресту. Иное впечатлѣніе произвело «Письмо» Чаадаева на лучшихъ современниковъ. По словамъ Герцена, оно «потрясло всю мыслящую Россію... Мысль томилась, работала, но еще ни до чего не доходила. Говорить было опасно, да и нечего было сказать; вдругъ тихо поднялась какая-то печальная фигура и потребовала рѣчи для того, чтобы спокойно сказать свое «lasciate ogni speranza». Пушкинъ, которому Чаадаевъ послалъ отдѣльный оттискъ статьи, въ своемъ отвѣтѣ возражалъ ему противъ рѣзкостей, преувеличеній, невѣрнаго пониманія историческихъ фактовъ. Но по отношенію къ настоящему во многомъ соглашался съ авторомъ. «Нужно признаться, — писалъ онъ, — что наша общественная жизнь весьма печальна, что это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всему, что составляетъ долгъ, справедливость и правду, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству, въ самомъ дѣлѣ, приводятъ въ отчаяніе. Вы хорошо сдѣлали, что громко это высказали».

Изъ записокъ декабриста Якушкина мы теперь знаемъ, что Чаадаевъ былъ членомъ тайнаго общества, и только случайное пребываніе за границей въ декабрѣ 25 года спасло его отъ жестокихъ преслѣдованій.

III.

Литературныя направленія и партіи въ 30 и 40 годахъ.

Въ офиціальныхъ сферахъ того времени Россія представлялась государствомъ, непохожимъ ни на одно изъ европейскихъ. По мнѣнію этихъ сферъ, и складъ народной русской жизни и русскій государственный строй должны сохранять свои основныя отличія: Россія должна быть совершенно чужда требованій и стремленій европейской жизни. Графъ Уваровъ, ставшій въ 1833 году министромъ народнаго просвѣщенія, ясно и кратко формулировалъ эту систему взглядовъ въ трехъ словахъ: православіе, самодержавіе, народность. Конечно, только одно послѣднее изъ этихъ трехъ понятій могло быть болѣе или менѣе доступно обсужденію и критикѣ. Въ офиціальномъ смыслѣ оно понималось, какъ сохраненіе въ цѣлости крѣпостного права: это послѣднее—такой же устой, какъ церковь и престолъ.

Защитники правительственной системы.

Проф. Шевыревъ въ своей статьѣ «Взглядъ русскаго на образованіе Европы» («Москвитянинъ», 1841 г., кн. I), противопоставляя Россію Западу, говоритъ: у насъ «три коренныя чувства, въ которыхъ сѣмя и залогъ нашему будущему развитію». Эти три чувства—чувство религіозное, чувство государственнаго единства и сознаніе народности. «Мужъ царскаго совѣта,—говоритъ Шевыревъ,—которому ввѣрены поколѣнія образующіяся (т.-е. гр. Уваровъ), давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслью, и они положены въ основу воспитанія народа». Другъ Шевырева, проф. русской исторіи въ Московскомъ университетѣ и редакторъ журнала «Москвитянинъ», М. П. Погодинъ, былъ близокъ къ гр. Уварову и по собственной инцiативѣ вызвался «подготовить нѣсколькихъ молодыхъ людей на каѳедру русской исторіи, давъ имъ направленіе, согласное съ видами правительства». Встрѣчая гр. Уварова у себя въ домѣ, Погодинъ говорилъ рѣчь, которую заключилъ обѣщаніемъ вести преподаваніе въ духѣ православія, самодержавія, народности.

Кромѣ «Москвитянина», были и другіе журналы, раздѣлявшіе взгляды правительства: «Сѣверная Пчела» (съ 1825 г.), подъ редакціей Ѳ. Булгарина, постоянно обличавшаго своихъ литера-

турныхъ противниковъ указаніемъ на ихъ политическую неблагонадежность; «Сынъ Отечества», до 40 года выходившій подъ редакціей Греча и Булгарина; «Маякъ» (1840—1845 гг.) подъ редакціей Бурачка, проповѣдника «чистаго застоя». Сюда же примыкаетъ нѣкоторыми взглядами и журналъ «Библіотека для чтенія» (1833—1853 гг.) Сенковскаго, писавшаго подъ псевдонимомъ барона Брамбеуса и имѣвшаго большой успѣхъ въ широкихъ общественныхъ кругахъ, но занимавшагося всю жизнь безцѣльнымъ гаерствомъ.

Эти защитники офиціальной системы, вредные своимъ вліяніемъ на малокультурное общественное большинство того времени, были главными врагами западниковъ.

Славянофилы и западники.

Партія славянофиловъ, напротивъ, по многимъ важнымъ пунктамъ сходилась съ западническою партіею, чѣмъ и объясняются ихъ продолжительныя дружественныя связи и трогательность разрыва, происшедшаго въ 45 году. Герценъ выразилъ отношенія между ними мѣткимъ, талантливымъ сравненіемъ: «Мы,— говоритъ онъ,—какъ Янусъ или какъ двуглавый орелъ смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ сердце билось одно». И дѣйствительно, одно и то же искреннее, глубокое и неистребимое чувство любви къ русскому народу, русскому быту, складу ума охватывали тѣхъ и другихъ. И не на одномъ только этомъ чувствѣ держалась связь между ними: они одинаково отрицательно относились къ легкомысленному, преимущественно внѣшнему европеизму нашего общества, вносившему разладъ въ національную жизнь и презрительное отношеніе ко всему русскому; и тѣ и другіе одинаково не могли сочувствовать петербургскому бюрократизму и произволу власти; и тѣ и другіе сочувственно относились къ вопросу о народности и о самобытномъ развитіи, но понимали и то и другое различно.

Здѣсь мы подошли къ основному пункту, изъ котораго исходятъ два различныхъ міровоззрѣнія: славянофильское и западническое. Въ основу своего ученія славянофилы положили взгляды стараго романтика Шеллинга, какъ они выразились въ его философіи откровенія, въ которой онъ совершенно отказался отъ науки. Объ этомъ философскомъ курсѣ Шеллинга, читанномъ въ 1841 году въ Берлинѣ, Герценъ въ своемъ дневникѣ (18 авг. 1843 г.) замѣчаетъ, что Шеллингъ «изъ глубокаго философскаго воззрѣнія опустился въ дѣтскій мистицизмъ... Мало-по-малу, — говоритъ Герценъ, — онъ совершенно оставляетъ наукообразный

путь и теряется въ самомъ эксцентрическомъ мистицизмѣ, объясняетъ сатану, чудеса, воскресеніе, сошествіе духа au pied de la lettre. Не вѣришь, что это написано въ XIX вѣкѣ; кажется, что это слова схоластика XIV вѣка или теолога первыхъ лѣтъ реформаціи.... У Шеллинга вездѣ видна покорность разума и устремленіе всѣхъ силъ подчиниться теизму и преданію, безъ истинно наивной вѣры. Простая вѣра не станетъ употреблять его Spitzfindigkeiten». Шеллингъ, какъ видно отсюда, пренебрежительно относился къ логикѣ и высшимъ вѣрнѣйшимъ познаніемъ признавалъ познаніе черезъ чувство. Славянофилы, вступивъ на этотъ путь, должны были во многомъ разойтись съ западниками, которые вѣрили въ силы разума и строго держались научнаго пути. Западники не могли принять ихъ религіознаго романтизма и высокой оцѣнки культуры византійскаго типа. Отсюда же и различные взгляды на Русь допетровскую, на народность и самобытное развитіе у славянофиловъ и западниковъ. Славянофилы идеализировали допетровскую старину, и русскій народъ представлялся имъ хранителемъ самыхъ высокихъ нравственныхъ принциповъ, дорогихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, отъ которыхъ высшіе классы были оторваны реформой Петра I и увлечены на путь усвоенія фальшиваго европейскаго образованія, не соотвѣтствующаго характеру народа. По ихъ мнѣнію, чтобы исправить эту ошибку, нужно обратиться къ сокровищницѣ народныхъ вѣрованій и преданій, понять національную идею и продолжать прерванное Петромъ самобытное развитіе, свергнувъ съ себя европейское иго. Западники же искали спасенія не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. Ихъ историки (Кавелинъ, Соловьевъ) въ своихъ изслѣдованіяхъ русской старины указывали на невѣжество, господство деспотизма и общую культурную отсталость Московской Руси. Духовное развитіе русскаго народа могло, по ихъ мнѣнію, совершаться только съ помощью европейской науки, т.-е. общечеловѣческой. Бѣлинскій и другіе западники держались тоже понятія о единствѣ и общности развитія рода человѣческаго. «Ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми», писалъ Станкевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. «Чего хлопочутъ люди о народности? — говоритъ онъ въ дневникѣ своемъ. — Надобно стремиться къ человѣческому, свое будетъ поневолѣ... Выдумывать или сочинять характеръ народа изъ его старыхъ обычаевъ, старыхъ дѣйствій, значитъ хотѣть продлить для него время дѣтства: давайте

ему общечеловѣческое и смотрите, что онъ способенъ принять... Вотъ это угадайте, а поддерживать старое натяжками, квасьнымъ патріотизмомъ — это никуда не годится».

Народность не представлялась для западниковъ чѣмъ-то неизмѣннымъ, вѣчнымъ. Напротивъ, по ихъ мнѣнію, нравы, обычаи, учрежденія народа, составляющіе содержаніе этого понятія, требуютъ постоянной живой, творческой работы надъ собою. Боязнь утратить свою національность подъ вліяніемъ общечеловѣческихъ началъ есть нелѣпость. «Даже и тогда, — говоритъ Бѣлинскій, — когда прогрессъ одного народа совершается черезъ заимствованіе у другого, онъ, тѣмъ не менѣе, совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей, не имѣя въ себѣ силы переработывать ихъ самодѣятельностью собственной національности въ собственную же сущность, тогда онъ гибнетъ политически». Далѣе онъ историческими примѣрами доказываетъ, что утратить свою національность могутъ только народы нравственно безсильные, ничтожные.

Таковы были главныя черты сходства и различія въ міровоззрѣніяхъ этихъ двухъ партій.

Такимъ образомъ къ половинѣ 40-хъ годовъ въ нашей литературѣ окончательно опредѣлились три направленія, три литературныя партіи: 1) партія защитниковъ «системы офиціальной народности» (выраженіе академика А. Н. Пыпина), 2) партія славянофиловъ и 3) партія западниковъ.

Двѣ послѣднія партіи, какъ мы уже говорили, были близки между собой и въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ составляли одно цѣлое. Ихъ связывала искренняя, глубокая любовь къ наукѣ, къ свободной мысли и родинѣ. Но у однихъ эта любовь къ родинѣ основывалась на воспоминаніи о собственномъ привольномъ дѣтствѣ, въ благоустроенномъ помѣстьѣ, и на привлекательныхъ семейныхъ преданіяхъ, рисовавшихъ картины барской безмятежной жизни и любовныхъ отношеній къ подвластнымъ крестьянамъ; у другихъ въ наиболѣе близкомъ и вѣрномъ знакомствѣ съ народной жизнью. У первыхъ создалась иллюзія спокойно и «величаво текущей жизни народа», и имъ не нравилось критическое отношеніе къ русской дѣйствительности; вторые смотрѣли трезвѣе, критиковали и возмущались очень многими явленіями въ современной жизни. Таковы были поводы для первыхъ разногласій въ кружкѣ. Но пока выдвигались на первый

планъ вопросы отвлеченные, теоретическіе, идейныя различія не выступали рѣзко, и дружескія отношенія продолжались вплоть до начала 40-хъ годовъ. Самый составъ кружка до этого времени былъ болѣе однороденъ: въ него входили почти исключительно товарищи по университету, друзья Станкевича, которыхъ онъ называлъ «братьями». Среди нихъ, и по отъѣздѣ его за границу въ 37 году, долгое время носился духъ его, хотя во главѣ кружка стояли Бакунинъ и Бѣлинскій.

Но прошло три-четыре года, и въ кружкѣ идеалистовъ-романтиковъ, съ расширеніемъ его, съ появленіемъ въ немъ новыхъ лицъ и новыхъ западноевропейскихъ вліяній, произошелъ крутой поворотъ мысли, который и привелъ къ раздѣленію ея на два различныхъ теченія—западническое и славянофильское.

IV.

Усвоеніе нѣмецкой идеалистической философіи. Н. В. Станкевичъ.

Въ 1831 году въ тѣсномъ студенческомъ кружкѣ началась трудная работа надъ западной философской мыслью, — трудная и сама по себѣ и по тѣмъ условіямъ, при которыхъ она производилась. Правительственная опека надъ литературой и просвѣщеніемъ все время давала себя чувствовать. Профессора университета, возбудивъ интересъ къ философіи, не могли руководить дальнѣйшими занятіями своихъ учениковъ, которые вскорѣ и опередили ихъ. О проф. Павловѣ Герценъ говоритъ, что онъ «дальше введенія и общаго понятія не шелъ или, по крайней мѣрѣ, не велъ другихъ». И вотъ то, чего не могъ сдѣлать профессоръ, сдѣлалъ его талантливый ученикъ — Станкевичъ. Необыкновенно одаренный, страстно преданный изученію философіи, онъ увлекъ за собой весь кругъ своихъ друзей въ свое любимое занятіе. Личность его была настолько обаятельна, что окружавшіе его, по словамъ Тургенева, отдавались ему сами собой. «Тургеневъ зналъ его очень короткое время, и, однако, вліяніе Станкевича было такъ сильно, что отразилось на многихъ его произведеніяхъ. По собственному признанію автора «Рудина», Станкевичъ послужилъ ему прототипомъ при созданіи Покорскаго. Интересная переписка Станкевича съ друзьями свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ былъ руководителемъ самыхъ талантливыхъ вождей умственнаго движенія 40-хъ годовъ, какъ Бѣлинскій, Бакунинъ, Грановскій.

Но какъ у самого Станкевича, такъ и у юныхъ его друзей, еще сидѣвшихъ на школьной скамьѣ, не было вначалѣ ни достаточныхъ знаній по философіи, ни опытнаго руководителя. Начали, какъ и «любомудры» 20-хъ годовъ, съ системы Шеллинга, о которой такъ интересно говорили профессора. Но Шеллингъ оказался не вполнѣ понятнымъ безъ основательной подготовки, а главное, безъ знакомства съ тѣмъ философомъ, на которомъ, — по словамъ Станкевича, — утверждается новая (т. е. идеалистическая) философія», — безъ знакомства съ Кантомъ. Чтеніе Канта въ подлинникахъ, безъ объясненій, безъ руководства оказалось также дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Въ письмѣ къ другу Станкевичъ жалуется, что нѣтъ человѣка, который бы могъ объяснить темныя мѣста въ Кантѣ и дать элементарныя свѣдѣнія, которыхъ ему недостаетъ, хотя идеи онъ схватываетъ легко. Отсюда ясно, что философское развитіе кружка не могло итти правильно: ихъ занятія невольно принимали дилетантскій характеръ. Не даромъ Бѣлинскій скорбѣлъ о томъ, что развитіе его взглядовъ шло «зигзагами». Но всѣ эти препятствія не сломили упорства друзей, и они настойчиво продолжали свою работу.

Какую же цѣль ставили себѣ наши идеалисты? Станкевичъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ въ письмѣ къ сомнѣвающемуся другу (Я. Невѣрову), которому онъ доказываетъ необходимость «стать наравнѣ съ лучшими идеями... вѣка». «Какъ не хотѣть этого, — удивляется онъ, — не хотѣть намъ, которые толкуютъ о жизни, о благѣ, о человѣчествѣ, о средствахъ быть ему полезнымъ? Но быть полезнымъ — неужели значитъ указать средства къ пропитанію, къ спокойному житью, къ удобствамъ жизни, къ эгоистическому образованію, которое бы умножало удовольствія жизни? Не лучше ли внушить ему высокія убѣжденія, сознаніе своего достоинства, христіанскія истины?» А упрочить убѣжденія, по мнѣнію Станкевича, можетъ одна философія. «Скучны формы, въ которыя она заключена, но мы потерпимъ за будущее поколѣніе, — говоритъ онъ, — и, можетъ-быть, съ Божьей помощью облегчимъ его трудъ». И имъ, дѣйствительно, приходилось терпѣть и самоотверженно работать для слѣдующихъ многихъ поколѣній.

Мѣра и гармонія, по словамъ біографа Анненкова, была въ природѣ Станкевича. Погружаясь съ головою въ міръ романтики, онъ какъ-то сумѣлъ сохранить трезвость мысли. Первое сочи-

неніе Фихте, прочтенное имъ произвело хаосъ въ его головѣ: вся природа обратилась въ призракъ, созданный имъ самимъ. И онъ торопится скорѣе въ деревню, въ поле, чтобы вернуть исчезнувшія утѣшительныя мысли. Совѣтуя Грановскому соединить занятія исторіей съ занятіями философіей, онъ убѣждаетъ его «положить въ основу своихъ трудовъ идею, добыть міросозерцаніе, па которомъ правильно и легко расположатся сухіе факты, весь матеріалъ науки... Займись тѣмъ и другимъ (т.-е. философіей и исторіей)... Эти переходы изъ отвлеченной къ конкретной жизни и снова углубленіе въ себя—наслажденіе!»

Философскій курсъ для всѣхъ тогда заканчивался системой Гегеля. Подготовительной ступенью къ нему служило искусство вообще и поэзія въ особенности. «Поэзія и философія — вотъ душа сущаго», говорилъ Станкевичъ. Шекспиръ, Гёте, Шиллеръ, Гофманъ, изъ русскихъ поэтовъ Пушкинъ и Гоголь пользовались особенною симпатіею нашихъ философовъ. Необходимымъ дополненіемъ служили музыка и сценическое искусство. Драматическое искусство у шеллингіанцевъ окружено было особымъ почетомъ: оно, являясь вѣнцомъ всѣхъ мимическихъ искусствъ, представляло вмѣстѣ съ ними высшую ступень идеи красоты — ступень вѣчнаго, выраженіе которой находили даже и въ балетѣ. Вотъ почему наши шеллингіанцы, всѣ безъ исключенія, были страстными поклонниками театра. «Театръ становится для меня атмосферою, — пишетъ Станкевичъ другу, — прекрасное моей жизни не отъ міра сего... Наше искусство не высоко; но театръ и музыка располагаютъ душу мечтать о немъ, о его совершенствѣ, о прелестяхъ изящнаго, дѣлать планы эфемерные, скоропреходящіе... но тѣмъ не менѣе занимательные. Nur der Irrthum ist das Leben! — восклицаетъ онъ. — А, можетъ-быть, то только и есть Wahrheit, что мы называемъ Irrthum. Впрочемъ, если и нѣтъ, то наше мечтательное счастье лучше дѣйствительнаго уже и потому, что мы, вѣроятно, наслажденія въ этомъ такъ называемомъ счастьѣ не нашли бы. Was ist das Leben ohne Liebesglans? Liebe nur, Liebe nur. Liebe ist grosse Triebfeder der Natur».

Въ приведенныхъ цитатахъ заключается почти все, что было самаго дорогого для философа-шеллингіанца, романтика 30-хъ годовъ: спасеніе отъ житейской пошлости въ сферѣ возвышенной философской мысли, созерцаніе чистой и вѣчной красоты въ образахъ и звукахъ искусства, самоуглубленіе, т.-е. погруженіе въ свой внутренній міръ, въ міръ красивой мечты и, на-

конецъ, любовь. По Шеллингу любовь есть сама жизнь. «Для меня, — говоритъ Станкевичъ, — съ этимъ словомъ разгадана тайна жизни». Желая подняться посредствомъ любви въ высшія сферы духа, идеалистъ жилъ надеждою встрѣтить полное воплощеніе своего идеала, при чемъ существовала вѣра въ родную душу, предназначенную свыше. Изъ переписки Станкевича мы узнаемъ, что онъ трижды переживалъ состояніе влюбленнаго, и всѣ три его романа имѣли печальный конецъ. Отвлеченный характеръ идеализма съ его туманной теоріей любви былъ причиною этихъ неудачъ. По Фихте, подъ дѣйствительною жизнью наши философы понимали высшую жизнь духа, поэтому естественное чувство любви они изгоняли, какъ посягающее на свободу духа, и кончали отреченіемъ (Entsagung). «Какъ отрадно, — говорилъ Станкевичъ, — разбить упоительный сосудъ, поднесенный любовью, и сказать: я выше толпы счастливцевъ».

Послѣдніе три года Станкевичъ провелъ за границею, гдѣ изучалъ Гегеля подъ руководствомъ опытнаго наставника, проф. Вердера, и слушалъ другихъ профессоровъ Берлинскаго университета вмѣстѣ съ Грановскимъ и нѣкоторыми другими изъ друзей. Здѣсь ихъ занятія имѣли серьезный, строго научный характеръ.

Къ концу этой работы у Станкевича обнаруживается какая-то странная перемѣна характера: онъ становится безпокоенъ, раздражителенъ, склоненъ къ ироніи, какъ говоритъ его біографъ. Очевидно, въ немъ происходитъ какой-то внутренній процессъ. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ къ Грановскому, гдѣ идетъ рѣчь о головоломной логикѣ Гегеля въ 3-хъ частяхъ, Станкевичъ говоритъ, что онъ долженъ набираться силъ въ наслажденіи искусствомъ, въ дѣйствительномъ мірѣ, чтобы потомъ броситься въ этотъ міръ скелетовъ. Станкевичъ, какъ мы видѣли, и ранѣе не въ состояніи былъ подобно нѣкоторымъ нѣмецкимъ романтикамъ окончательно отрѣшиться отъ окружающей дѣйствительности, но въ эту пору тяготѣніе къ ней у него становится сильнѣе и постояннѣе. Онъ начинаетъ яснѣе сознавать, что внѣшній міръ для счастья человѣка необходимъ, что реальныя условія существованія играютъ важную роль въ его жизни, и фразу: «Nur der Irrthum ist das Leben» онъ уже не повторитъ теперь. Романтическая пелена спадаетъ съ его глазъ. Въ письмѣ къ Грановскому, отъ 8 мая 1838 года, онъ съ безпощадною ироніей относится къ безсилію человѣка, этого царя природы (по Шел-

лингу), передъ могуществомъ окружающей его жизни. Мѣсяца черезъ два онъ пишетъ ему же: «Ахъ, Тимоѳей! въ жизни на каждомъ шагу collision. Счастливъ тотъ, кто еще до самобытнаго вступленія на ея поприще получилъ *гармоническое* духовное воспитаніе; а мы на волнахъ занимаемся изобрѣтеніемъ компаса. *Не рефлектируй, братъ, много. Какъ начинаешь путаться въ антиноміяхъ, давай себѣ скорѣе отдыхъ. Помни, что созерцаніе необходимо для развитія мышленія*». Можетъ-быть, во всемъ этомъ сказывалось отчасти болѣзненное состояніе Станкевича: это было незадолго до его кончины. Но, судя по многимъ признакамъ, сообщаемымъ его біографомъ и разсѣяннымъ въ его письмахъ, это настроеніе вѣрнѣе будетъ объяснить тѣми тяжелыми переживаніями, которыя у сильныхъ и глубокихъ натуръ обыкновенно сопровождаютъ, при совершающемся процессѣ умственнаго развитія, крутую ломку прежняго міровоззрѣнія. Серьезная, упорная работа надъ Гегелемъ для Станкевича съ его глубокимъ умомъ не могла пройти безслѣдно. Недаромъ же Герценъ говоритъ о системѣ Гегеля, что «она не оставляетъ камня на камнѣ отъ міра старыхъ преданій, пережившихъ себя».

Станкевичъ умеръ 27 лѣтъ отроду (въ 1840 г.) въ полномъ расцвѣтѣ духовныхъ силъ и унесъ съ собой въ могилу много не успѣвшихъ осуществиться идей и плановъ, роившихся въ его головѣ. Ему, къ сожалѣнію, уже не пришлось быть свидѣтелемъ того стремительнаго радикальнаго движенія въ религіозномъ и соціально-политическомъ смыслѣ, которое началось въ Германіи съ половины 30-хъ и широко распространилось въ 40-хъ годахъ. Оно имѣло своимъ исходнымъ пунктомъ систему Гегеля. Онъ не увидѣлъ и тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ его кружкѣ подъ вліяніемъ Фейербаха, Арн. Руге и др. лѣвыхъ гегеліанцевъ.

Біографъ Станкевича вѣрно замѣчаетъ, что мы имѣемъ въ немъ «типичное лицо, превосходно выражающее молодость того поколѣнія, которое подняло всѣ вопросы, занимающіе нынѣ литературу и науку». (Написанная П. В. Анненковымъ біографія Станкевича вышла въ 1857 году.)

V.

Гегеліанство Бакунина и Бѣлинскаго.

По отъѣздѣ Станкевича за границу, главную роль въ кружкѣ игралъ нѣкоторое время М. А. Бакунинъ. Онъ выдвинулся своей

изумительной діалектической способностью и «особеннымъ даромъ похожимъ на творчество, именно даромъ перерабатывать все вычитанное и узнанное въ собственную мысль, такъ что онъ самъ казался почти изобрѣтателемъ и родоначальникомъ поясняемаго имъ метода». Неудивительно, что онъ всѣхъ, даже Бѣлинскаго, подчинилъ своему вліянію. Но послѣдній, обладая также большимъ философскимъ умомъ, скорѣе другихъ освободился изъ-подъ власти Бакунина и пошелъ своимъ особымъ путемъ. Періодъ увлеченія фихтеанствомъ прошелъ у него быстро, но бурно: онъ поднялъ, какъ самъ говоритъ, «бунтъ противъ фихтеанской отвлеченности» и противъ деспотизма Бакунина, который ставилъ чрезвычайно высокія требованія въ смыслѣ нравственнаго усовершенствованія, настаивая на необходимости геройскихъ подвиговъ для каждаго человѣка и относясь съ полнымъ презрѣніемъ къ внѣшнимъ условіямъ жизни. Бѣлинскій защищалъ обезцѣненную и унижаемую Бакунинымъ дѣйствительность. Развитіе его, какъ мы уже говорили, шло «зигзагами», но очень быстро. Въ это время его уже не удовлетворялъ фихтеанскій взглядъ на міръ. Пройдя суровую школу жизни, онъ лучше, вѣрнѣе своихъ обезпеченныхъ друзей понималъ зависимость отъ внѣшнихъ условій жизни и вскорѣ со свойственнымъ ему страстнымъ увлеченіемъ принялъ положеніе Гегеля о «разумной дѣйствительности». Разсказывая въ письмѣ къ Станкевичу о внутреннемъ переворотѣ, который произошелъ въ немъ вслѣдствіе знакомства съ Гегелемъ, Бѣлинскій восторженно восклицаетъ: «слово дѣйствительность сдѣлалось для меня равнозначительно слову Богъ». Но Бѣлинскій не зналъ нѣмецкаго языка, поэтому главнымъ распространителемъ какъ фихтеанства, такъ и гегеліанства въ кружкѣ оставался Бакунинъ, отличавшійся тоже необыкновеннымъ пыломъ и правившій кружкомъ самодержавно. Бѣлинскій усвоивалъ основныя положенія философовъ со словъ друзей, но для него, говорятъ, «достаточно было намека, чтобы не только понять, но и открыть въ данномъ положеніи нѣчто новое, что не приходило на умъ и спеціалистамъ дѣла». Не даромъ же Герценъ говорилъ впослѣдствіи, что никто такъ глубоко не проникся Гегелемъ, какъ Бѣлинскій и Прудонъ, хотя ни тотъ, ни другой не знали нѣмецкаго языка.

Общая ошибка московскихъ философовъ заключалась въ томъ, что они начали знакомство съ Гегелемъ съ одного изъ послѣднихъ его сочиненій, съ «Философіи права» (1821 г.), гдѣ Гегель

употреблялъ всѣ усилія, чтобы примирить свои воззрѣнія съ существующимъ прусскимъ порядкомъ вещей. Наткнувшись въ предисловіи къ этому сочиненію на брошенную мимоходомъ фразу: «все разумное дѣйствительно; все дѣйствительное разумно», они истолковали ее именно въ томъ консервативномъ смыслѣ, въ какомъ желалъ и самъ Гегель, сдѣлавшійся въ это время почти оффиціальнымъ прусскимъ философомъ. За Бакунинымъ и Бѣлинскимъ это толкованіе принялъ весь кружокъ. Бакунинъ вслѣдъ за Гегелемъ смотрѣлъ свысока на частное, индивидуальное, принося его въ жертву общему; личность, по его мнѣнію, въ борьбѣ съ государственностью должна быть раздавлена безъ пощады: всякій протестъ ея, всякая попытка осужденія существующаго порядка вещей есть «явленіе низшаго субъективнаго духа, преступленіе противъ дѣйствительности». Герценъ справедливо замѣтилъ, что «они проповѣдовали индѣйскій покой созерцанія и теоретическое изученіе, вмѣсто борьбы». Проповѣдь сенъ-симонистовъ, Ж. Зандъ, писатели «Молодой Германіи», лѣвые гегеліанцы были зло осмѣяны, какъ проявленія «нефилософскаго ума». Шиллеръ названъ «геніальнымъ ребенкомъ, который не можетъ возвыситься до спокойнаго созерцанія идей и міровыхъ законовъ». Всѣ тѣ явленія русской дѣйствительности, которыя возбуждали въ лучшихъ людяхъ скорбь, негодованіе, были оправданы и признаны разумными, и Бѣлинскій безстрашно утверждалъ это въ спорѣ съ Герценомъ и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Распространеніе идеалистической философіи.

Въ философіи тогда искали прежде всего нравственнаго руководства, на первый планъ выдвигался вопросъ, какъ надо жить для общаго блага. Вычитанное философское положеніе тотчасъ развивалось въ журнальной статьѣ и пускалось въ обращеніе. Настойчивая проповѣдь новыхъ взглядовъ считалась обязательною. Уже въ 34 году въ статьѣ «Литературныя мечтанія» Бѣлинскій развиваетъ шеллинговскія идеи; въ 35 году Станкевичъ помѣщаетъ въ «Телескопѣ» передовую статью о Гегелѣ, вслѣдъ за ней появляются переведенныя Бакунинымъ лекціи Фихте «О назначеніи ученыхъ» и рецензія Бѣлинскаго на книгу: «Опытъ системы нравственной философіи» А. Дроздова, гдѣ онъ развиваетъ идеи Фихте о подчиненіи матеріи духу и нападаетъ на французскую литературу эпохи просвѣщенія. Въ самый разгаръ увлеченія гегеліанствомъ, въ 1838 г., въ «Московскомъ Наблюдателѣ» (въ это время редакторомъ журнала былъ Бѣлинскій) Бакунинъ помѣстилъ переводъ «Гимназическихъ рѣчей» Гегеля

со своимъ предисловіемъ и черезъ два мѣсяца статью «О философской критикѣ художественнаго произведенія» съ объясненіями отъ переводчика. Въ своемъ предисловіи Бакунинъ рѣшительно становится на сторону существующаго порядка вещей, не допуская никакого протеста.

Но главнымъ, неутомимымъ и самымъ талантливымъ проводникомъ философскихъ идей въ общество былъ Бѣлинскій. Въ гегеліанскій періодъ онъ такъ же неудержимо, такъ же порывисто отдавался новому чувству дѣйствительности, какъ передъ тѣмъ, во время фихтеанства, всей душой стремился къ замкнутому существованію, ища «въ сокровенномъ святилищѣ своего духа высшаго счастія». Начиная со статьи о Гамлетѣ, онъ написалъ цѣлый рядъ статей, проникнутыхъ гегеліанствомъ; статьи о «Бородинской годовщинѣ», о «Менцелѣ», о «Горѣ отъ ума» развиваютъ тѣ узко-патріотическіе взгляды на русскую дѣйствительность, отъ которыхъ онъ потомъ съ проклятіями отказывался, называя свое примиреніе съ нею «гнуснымъ».

Но, къ счастью для Бѣлинскаго и для русской литературы, это примиреніе было у него кратковременнымъ и явилось переходною ступенью отъ идеалистическихъ фантазій къ сближенію съ подлинной русской жизнью, къ трезвому ея пониманію и борьбѣ съ одолѣвавшимъ ее всяческимъ зломъ.

А. И. Герценъ. Въ 39 году въ Москвѣ, послѣ ссылки, появился Герценъ; изъ-за границы пріѣхалъ Грановскій, который быстро сошелся съ Герценомъ. Герценъ тотчасъ вступилъ въ горячій споръ съ Бакунинымъ и Бѣлинскимъ по поводу тезиса о «разумной дѣйствительности». Бѣлинскій не сдавался; онъ безстрашно шелъ до послѣднихъ, крайнихъ предѣловъ, подобно защитникамъ офиціальныхъ взглядовъ, отстаивая весь строй тогдашней русской жизни. Бакунинъ тоже не соглашался, но сталъ, по выраженію Герцена, «задумываться». Чтобы овладѣть оружіемъ противниковъ, Герценъ самъ принялся за основательное изученіе Гегеля, начавъ съ первыхъ его сочиненій, и ранѣе другихъ понялъ освобождающую силу его системы. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что Гегель гораздо ближе къ его воззрѣніямъ, чѣмъ къ воззрѣніямъ московскихъ гегеліанцевъ. «Таковъ Гегель, — говоритъ онъ, — въ первыхъ его сочиненіяхъ, таковъ вездѣ, гдѣ его геній закусывалъ удила и несся впередъ, забывая «бранденбургскія ворота». Философія Гегеля — алгебра революціи». Съ изумительной быстротой Герценъ овладѣлъ языкомъ и методомъ философа. Онъ изучалъ

его «съ ожесточеніемъ», и добился истины. «Истина мелькнула передъ глазами, — говоритъ онъ, — и стала становиться яснѣе и яснѣе»... Вскорѣ попала въ руки книга Фейербаха «Wesen des Christenthums». «Прочитавъ первыя страницы, — говоритъ онъ, — я вспрыгнулъ отъ радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычье и иносказанія, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно намъ облекать истину въ миѳы». Переселившись на постоянное жительство въ Москву, послѣ второй ссылки въ 1842 году, Герценъ становится настоящимъ вождемъ московскихъ западниковъ, освободителемъ отъ философскаго романтизма и такимъ же властителемъ думъ русской образованной части общества, какъ и Бѣлинскій, который былъ въ это время уже въ Петербургѣ и съ 40 года шелъ съ Герценомъ въ одномъ направленіи. Фейербахъ и другіе лѣвые гегеліанцы стали руководителями Бѣлинскаго такъ же, какъ и Герцена.

Давно уже установлено въ исторіи нашей литературы, что этотъ поворотъ въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго произошелъ подъ вліяніемъ Герцена, что отъ него же и частью отъ Грановскаго шелъ новый взглядъ Бѣлинскаго на французскую литературу, къ которой онъ прежде относился отрицательно; что въ значительной степени вліяніе Герцена помогло ему отдѣлаться отъ прежней гегеліанской точки зрѣнія на общественность и государственность вообще и отъ узко-патріотическихъ взглядовъ на нашу общественность и государственный строй жизни. Прежде Бѣлинскій находилъ, что «общество — высшая дѣйствительность, а дѣйствительность требуетъ или полнаго мира съ собой, полнаго признанія себя со стороны человѣка, или сокрушаетъ его подъ свинцовою тяжестью своей исполинской длани». Теперь у него появилась «фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая возможна только при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести»; теперь и Ж. Зандъ въ его глазахъ — «вдохновенная пророчица, энергическій адвокатъ правъ женщины». Онъ увлекается идеями Сенъ-Симона, Фурье, Кабэ, Прудона, Л. Блана. Онъ начинаетъ основательно изучать это освободительное движеніе, читаетъ «Исторію французской революціи 1789 г.» Тьера, потомъ переходитъ къ «Le Peuple» и восторгается кн. Луи Блана «Histoire de dix ans». Не подлежитъ сомнѣнію вліяніе Герцена и на Бакунина. Бакунинъ въ 40 г. уѣхалъ за границу и, изучивъ основательно Гегеля, перешелъ тоже къ лѣвымъ гегеліанцамъ, но первый толчокъ въ этомъ на-

правленіи былъ данъ Герценомъ; первую искру сомнѣнія въ вѣрности прежнихъ воззрѣній Бакунина на русскую дѣйствительность заронилъ онъ же. Въ журналѣ «Deutche Jahrbücher» Бакунинъ помѣстилъ въ 1842 г. въ революціонномъ духѣ статью, которая произвела сильное впечатлѣніе какъ въ Германіи, такъ и среди русскихъ гегеліанцевъ. Вліяніе Герцена сказалось и на другихъ западникахъ. Извѣстно, что даже Грановскій, романтикъ типа Станкевича, послѣ продолжительной внутренней борьбы, долженъ былъ сдаться. Въ 49 году онъ писалъ Герцену и Огареву; «того романтизма, въ которомъ вы меня обвиняли, не осталось слѣда».

Сороковые годы, по свидѣтельству современниковъ, представляются эпохой умственнаго оживленія и подъема. Университетское преподаваніе, благодаря приливу свѣжихъ силъ, достигаетъ значительной высоты. Реальное направленіе проникаетъ во всѣ области знанія, подрывая довѣріе къ идеалистическимъ апріорнымъ теоріямъ и фантастическимъ построеніямъ философовъ-романтиковъ; подъ новыми вліяніями западно-европейской литературы возникаетъ у насъ интересъ къ естествознанію и наукамъ общественнымъ. Герценъ снова слушаетъ университетскія лекціи по естественнымъ наукамъ и пишетъ свои знаменитыя философскія статьи: «Дилетантизмъ въ наукѣ» и «Письма объ изученіи природы». «Только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, — говоритъ онъ, — которое основано на опытѣ. Опытъ и умозрѣніе — двѣ необходимыя, истинныя, дѣйствительныя степени одного и того же знанія. Спекуляція больше ничего, какъ высшая развитая эмпирія»... Сводя къ единству спекуляцію и эмпирію, онъ, какъ послѣдователь Фейербаха, признаетъ и единство человѣческой природы, гармонію плоти и духа, вопреки установившемуся на нихъ традиціонному взгляду. Проповѣдуя новое религіозно-философское ученіе съ религіей безъ личнаго бога, онъ строитъ новую этику, чуждую аскетизма и подвижничества, на стремленіи человѣка къ счастію. Такимъ образомъ, онъ становится предшественникомъ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Михайловскаго, руководившихся въ своихъ построеніяхъ тѣмъ же принципомъ. Герценъ отрицательно относится теперь къ романтическому «entsagung» и защищаетъ эгоизмъ. «Вырвать у человѣка изъ груди эгоизмъ, по его мнѣнію, значитъ вырвать живое начало, соль его личности». Но онъ совѣтуетъ «развить эгоистическое сердце во всѣхскорбящее, обобщить его разумомъ

и, въ свою очередь, оживить имъ разумъ». Бѣлинскій былъ правъ, когда говорилъ о его огромномъ, «осердеченномъ умѣ». Можно безъ преувеличеній сказать, что въ этомъ наивѣрнѣйшемъ рѣшеніи проблемы личности и ея отношеній къ обществу весь Герценъ: вся его жизнь и дѣятельность служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его «всѣхскорбящаго сердца» и «осердеченнаго ума».

Къ половинѣ 40-хъ годовъ литературная пропаганда Герцена захватываетъ все болѣе и болѣе широкій кругъ читателей; успѣхъ его философскихъ и беллетристическихъ произведеній возрастаетъ. Его псевдонимъ—«Искандеръ»—пріобрѣтаетъ огромную популярность. По свидѣтельству современниковъ, никого такъ высоко не чтила и съ такимъ восторгомъ не читала молодежь 40-хъ годовъ, какъ Герцена и Бѣлинскаго. Рядомъ съ ними по широтѣ и силѣ вліянія на нее можетъ быть поставленъ развѣ только Грановскій. Но Герценъ выдѣляется изъ всѣхъ западниковъ не только своимъ огромнымъ, блестящимъ, глубокимъ умомъ и своеобразнымъ литературнымъ талантомъ, но и обширнымъ, разностороннимъ образованіемъ и особенно яркою окраскою своихъ общественно-политическихъ воззрѣній. Онъ вовсе не былъ «какимъ-то juste milieu» между западниками и славянофилами, хотя и самъ такъ говорилъ о себѣ, очевидно, по скромности: въ дѣйствительности онъ былъ не на серединѣ между этихъ двухъ партій, а надъ ними. Только человѣкъ, стоявшій выше ихъ, могъ изобразить такъ безпристрастно, правдиво, художественно, остроумно обѣ боровшіяся тогда партіи въ своихъ знаменитыхъ мемуарахъ «Былое и Думы» (см. II ч. рус. изд. 1905 г.). «Право, онъ лучше всѣхъ,—пишетъ о Герценѣ Бѣлинскій уже въ 1840 году своему другу Боткину,—какая воспріимчивая, движимая, полная интересовъ и благородная натура... Что онъ ругалъ меня въ Москвѣ за мои абсолютныя статьи—это новое право съ его стороны на мое уваженіе и расположеніе къ нему». Позднѣе Бѣлинскій высоко оцѣнивалъ его огромный «осердеченный» умъ и оригинальный талантъ. «У тебя страшно много ума,—писалъ онъ ему по поводу «Кто виноватъ?»,—такъ много, что я не знаю, зачѣмъ его столько одному человѣку»... и называлъ его (въ 1846 г.) «большимъ человѣкомъ въ нашей литературѣ», который можетъ попасть «не только въ исторію литературы, но и въ исторію Карамзина».

Т. Н. Грановскій.

Грановскій, также не одобрявшій «абсолютныхъ статей» Бѣлинскаго, сталъ потомъ однимъ изъ близкихъ его друзей, совѣтовалъ ему познакомиться съ французскими писателями, заботливо оберегалъ его отъ вліянія Каткова, ревностнаго послѣдователя Шеллинга. Дѣятельность Грановскаго въ 40-хъ годахъ была выдающеюся. Его основательное знакомство съ европейскою историческою наукою и природныя дарованія дали ему возможность критически отнестись къ старымъ методамъ и вступить на новый путь, ведущій отъ идеалистической философіи исторіи «къ новой реальной наукѣ обществовѣдѣнія». Его публичныя лекціи (въ 1843 и 1845 гг.) были цѣлымъ событіемъ; даже нѣкоторые изъ противниковъ выражали ему свое одобреніе. «Какое благородство языка, — говоритъ о лекціяхъ Грановскаго Герценъ, — смѣлое, открытое изложеніе! Были минуты, въ которыя его рѣчь подымалась до вдохновенія»... Убѣжденный, послѣдовательный западникъ, Грановскій, читая исторію среднихъ вѣковъ, являлся передъ обществомъ, по выраженію Герцена, «какъ заявитель великаго ряда событій въ ихъ органической связи съ судьбами всего человѣчества». Герценъ смотрѣлъ на эти лекціи, какъ на «камень въ голову узкимъ націоналистамъ», и въ своей статьѣ о нихъ говоритъ, что у насъ «многіе смотрятъ на европейское, какъ на чужое, почти какъ на враждебное, многіе боятся въ общечеловѣческомъ утратить русское»... «Мы должны уважить и оцѣнить скорбное развитіе Европы, которое такъ много даетъ намъ теперь; мы должны постигнуть то великое единство развитія рода человѣческаго, которое раскрываетъ въ мнимомъ врагѣ брата, въ расторженіи — миръ: одно сознаніе этого единства уже даетъ намъ святое право на плодъ, выработанный потомъ и кровью Западомъ». Грановскій принималъ живое участіе во всѣхъ перипетіяхъ борьбы западниковъ съ славянофилами. Обаяніе его личности, его терпимость и мягкость дѣйствовали и на противниковъ. Благодаря этимъ свойствамъ его симпатичной натуры, дружественныя отношенія между западниками и славянофилами могли продолжаться вплоть до 1845 года.

VI.

Борьба западниковъ съ славянофилами.

Положеніе западниковъ въ литературѣ 40-хъ годовъ было господствующее: на ихъ сторонѣ, какъ мы видѣли, оказались

самые крупные, первоклассные таланты. Кромѣ упомянутыхъ главныхъ вождей западническаго кружка, къ нему примыкали въ разное время профессора: Рѣдкинъ, Крюковъ, Кавелинъ, Кудрявцевъ; писатели: В. Боткинъ, Анненковъ, Панаевъ, И. С. Тургеневъ, Евг. Коршъ и др. Среди нихъ «учился мыслить и глубоко понимать русское искусство», любимый всѣми, знаменитый актеръ М. С. Щепкинъ. Бѣлинскій, жившій въ Петербургѣ, появлялся въ Москвѣ лишь изрѣдка; по остроумному выраженію Герцена, онъ «падалъ, какъ конгревова ракета, выжигая кругомъ все, что попадало». Если прибавить къ поименованнымъ лицамъ извѣстнаго переводчика Шекспира, Н. Х. Кетчера, и поэта-переводчика Н. М. Сатина, близкихъ друзей Огарева и Герцена, то мы получимъ почти весь полный составъ западническаго кружка, дѣйствовавшаго въ 40-хъ годахъ.

«Всѣ мы были сильно заняты, — говоритъ Герценъ, — всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ университетѣ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и журналахъ, кто изучая русскую исторію... Мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли... мы были уже не дѣти... это не значило, что мы состарились, нѣтъ, мы были въ то же время юны, и оттого одни, выходя на университетскую каѳедру, другіе, печатая статьи или издавая газету, каждый день подвергались аресту, отставкѣ, ссылкѣ»...

Въ такомъ составѣ и настроеніи кружокъ вступилъ въ ту «возмужалую дѣятельную полосу» жизни 40-хъ годовъ, которая продолжалась до 48 года, когда всякая умственная дѣятельность должна была замереть. Съ самаго начала этого десятилѣтія западникамъ пришлось встрѣтиться со своими «ennemis les amis» — славянофилами — враждебно: этого требовала послѣдовательность ихъ началамъ. Каковы были эти начала, мы указали выше. Уже въ 42 году, несмотря на всю мягкость Грановскаго и дружелюбное отношеніе Герцена, молодые славянофилы: К. Аксаковъ и Ю, Самаринъ вышли изъ кружка и присоединились къ старымъ славянофиламъ,—братьямъ Кирѣевскимъ и Хомякову. Мы уже говорили о томъ, какъ возмущался всегда К. Аксаковъ критическимъ отношеніемъ западниковъ къ русской дѣйствительности, которая представлялась ему въ иномъ, лучшемъ освѣщеніи. По мѣрѣ того, какъ идеализмъ западниковъ уступалъ мѣсто положительнымъ взглядамъ, недовольство славянофиловъ усиливалось. Отношенія между Бѣлинскимъ и

К. Аксаковымъ порвались уже въ 40 году. Разность партійныхъ взглядовъ обнаружилась еще ранѣе. «Письмо» Чаадаева, появившееся въ 36 году, уже возбудило въ славянофилахъ сильную оппозицію и заставило «сомкнуть свои ряды». Съ тѣхъ поръ Чаадаевъ постоянно въ ихъ присутствіи, по словамъ Герцена, «горько и уныло — зло оскорблялъ все дорогое имъ, начиная съ Москвы». Полемическія статьи Бѣлинскаго въ 40-хъ годахъ съ ихъ рѣзкими выпадами противъ славянофиловъ еще болѣе обостряли отношенія между московскими партіями. Герценъ и Грановскій осуждали Бѣлинскаго за рѣзкость, но не могли не соглашаться съ его основными положеніями. Религіозный романтизмъ, заложенный въ основу славянофильства, высокая оцѣнка славянофилами византійскихъ вліяній, идеализація московской Руси, враждебное отношеніе къ реформѣ Петра I; равнодушіе со стороны славянофиловъ къ дорогому для западниковъ вопросу о судьбѣ личности, о свободѣ ея развитія и полнотѣ ея правъ; усиленныя заботы ихъ о самобытности, напрасная боязнь утратить національныя русскія черты, отрицательное отношеніе къ европейскому, т.-е. общечеловѣческому просвѣщенію и стремленіе итти какимъ-то особымъ путемъ въ дальнѣйшемъ развитіи народа — всѣ эти и многія другія положенія славянофиловъ, которыя не могли быть приняты западниками, вызывали горячіе, страстные споры, при частыхъ встрѣчахъ противниковъ въ московскихъ дворянскихъ гостиныхъ и столовыхъ. Такимъ образомъ, русская общественная мысль разбивалась на два враждебно настроенные стана. При недопустимости въ то время открытаго, ничѣмъ не стѣсняемаго литературнаго спора расколъ являлся неизбѣжнымъ, хотя и печальнымъ результатомъ. Западники справедливо видѣли въ ученіи славянофиловъ, по словамъ Герцена, «новый елей, новую цѣпь, налагаемую на мысль, новое подчиненіе совѣсти византійской церкви» и не могли не вступить съ ними въ борьбу. Политическій идеалъ славянофиловъ былъ утопиченъ, туманенъ, неосуществимъ ни при какихъ условіяхъ и также не могъ имѣть никакой цѣнности въ глазахъ западниковъ. Можно ли было питать надежду на примиреніе до такой степени различныхъ мнѣній, исходящихъ изъ различныхъ основаній? Если бы возможенъ былъ спокойный, открытый обмѣнъ мнѣній, если бы не существовало въ то время «татарской цензуры», можно было бы, конечно, ожидать болѣе цѣнныхъ, плодотворныхъ для общества выводовъ изъ этого столк-

новенія двухъ партій, — тѣмъ болѣе, что между ними существовали и связующіе элементы. И западники и славянофилы представляли собой наиболѣе образованную часть общества 40-хъ годовъ — его истинную интеллигенцію; и тѣ и другіе питали искреннюю и глубокую любовь къ народу и непритворную антипатію къ произволу и насилію, и тѣ и другіе завѣщали намъ уваженіе къ свободѣ мысли и человѣческому достоинству (мы говоримъ здѣсь исключительно объ истинныхъ славянофиллахъ 40-хъ годовъ: К. Аксаковѣ, И. В. Кирѣевскомъ, Хомяковѣ, Самаринѣ, выдѣляя изъ нихъ Погодина, Шевырева и др.). Позднѣе, въ годы реформъ, какъ мы знаемъ, западники работали вмѣстѣ съ славянофилами по вопросу объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но въ 40-хъ годахъ, къ сожалѣнію, злые споры бурно кипѣли въ скрытыхъ нѣдрахъ общества, въ тѣхъ московскихъ гостиныхъ и столовыхъ, о которыхъ мы упоминали. Только тамъ могли дебатироваться всякіе — и нравственно-религіозные, и общественно-политическіе вопросы безъ стѣсненій и опасеній, при чемъ, конечно, разгорался полемическій задоръ и обострялъ отношенія спорящихъ сторонъ. Разрывъ становился все болѣе и болѣе неизбѣжнымъ. Онъ произошелъ въ 45-мъ году. Ближайшимъ поводомъ къ нему послужили стихотворныя посланія больного славянофильствующаго поэта Языкова, представлявшія собой плохо замаскированный доносъ на Герцена, Грановскаго, Чаадаева, какъ на измѣнниковъ отечеству. Немало содѣйствовала также разладу между партіями и борьба старыхъ профессоровъ университета: Погодина, Шевырева, Бодянскаго и др., прислонившихся къ славянофиламъ, съ молодыми профессорами-западниками. Старая партія особенно старалась уронить въ глазахъ начальства сильнѣйшаго изъ нихъ — Грановскаго, въ лекціяхъ котораго болѣе ярко выступало западническое направленіе; для этой цѣли ученые люди не брезговали и доносомъ.

Союзъ славянофиловъ съ Погодинымъ и Шевыревымъ могъ только способствовать усиленію вражды между боровшимися партіями; имъ объясняются и глубокое возмущеніе, и рѣзкости Бѣлинскаго по адресу славянофиловъ. Бѣлинскій былъ ихъ главнымъ оппонентомъ въ журнальной литературѣ. Онъ дѣлалъ попытки вызвать ихъ на правильный споръ, признавая важность нѣкоторыхъ поставленныхъ ими вопросовъ. Но славянофилы и ихъ союзники предпочитали отвѣчать на его вызовы полемическими

задорными статьями противъ западниковъ вообще и противъ него самого въ особенности. Его обвиняли въ нетерпимости, въ отсутствіи своего образа мыслей, въ способности отрекаться сегодня отъ сказаннаго вчера, называли недоучкой и осуждали на вѣчную неразвитость. Только въ 45 году, послѣ разрыва личныхъ связей съ западниками, въ статьяхъ И. Кирѣевскаго и Хомякова обнаружилось желаніе сдѣлать нѣкоторыя уступки. Славянофилы стали болѣе цѣнить европейское просвѣщеніе, хотя продолжали отстаивать всѣ другія основныя положенія своего ученія. Въ то же время и западники подъ вліяніемъ славянофиловъ начали болѣе внимательно и осторожно относиться къ вопросу о народности и къ нѣкоторымъ сторонамъ народной жизни. Такимъ образомъ, противники предохраняли другъ друга отъ крайнихъ увлеченій. Обсужденіе могло бы, кажется, итти дальше въ такомъ спокойномъ, примирительномъ духѣ, но славянофилы были вынуждены отказаться отъ продолженія спора: хозяинъ «Москвитянина» Погодинъ и его друзья были недовольны ихъ уступчивостью. Съ другой стороны, служила препятствіемъ придирчивая не въ мѣру цензура.

Ни религіозные, ни политическіе вопросы не могли обсуждаться въ то время открыто, и литературный споръ сводился къ вопросамъ о прошломъ и будущемъ русскаго народа, о положеніи его въ семьѣ европейскихъ народовъ и о роли интеллигенціи въ дѣлѣ народнаго развитія. Славянофильская идея о самобытномъ развитіи, имѣвшая въ основѣ своей мысль о чудесныхъ свойствахъ народнаго духа, въ силу которыхъ въ немъ будто бы сохранялись неизмѣнными самыя высокія идеи и чувства, была, конечно, чужда Бѣлинскому. Онъ не отрицалъ хорошихъ задатковъ въ натурѣ русскаго человѣка, но единственное средство для ихъ развитія видѣлъ въ европейскомъ просвѣщеніи и вліяніи западной, общечеловѣческой культуры. Къ Петру I, на котораго нападали славянофилы, онъ относился восторженно; его реформы въ западномъ духѣ, по его мнѣнію, удовлетворили давно назрѣвшей потребности страны. Подражанія и заимствованія у иноземцевъ представлялись ему дѣломъ естественнымъ: отъ подражаній и заимствованій мы пришли къ сознательному усвоенію мысли Запада и самостоятельной работѣ надъ нею. Къ старымъ домостроевскимъ началамъ и смиренію личности, которое, какъ говоритъ «Москвитянинъ», будто бы представляетъ исключительно русскую добродѣтель, Бѣлинскій относился отри-

цательно. Смиреніе, по его мнѣнію, легко можетъ сдѣлаться порокомъ: доведенное до извѣстной степени, оно можетъ парализовать способность личности отстаивать свои человѣческія права. Славянофилы посылали интеллигенцію учиться у народа. Бѣлинскій возлагалъ всѣ надежды на сближеніе интеллигенціи съ народомъ и ея вліяніе на народъ. Развитіе русскаго народа должно итти, по его мнѣнію, тѣмъ же путемъ, какимъ шли другіе народы, при чемъ онъ не отрицалъ, что, при усвоеніи общечеловѣческихъ культурныхъ началъ, всякій народъ налагаетъ свою печать на чужое заимствованное добро, вноситъ свои національныя особенности. Онъ уже видѣлъ, что элементы нашей національности начинаютъ пробиваться сквозь безцвѣтность и подражательность, въ которыя ввергла насъ реформа Петра Великаго. Но реформу онъ считалъ необходимой: въ ней онъ усматривалъ единственное средство выйти изъ слѣпой подражательности и стать на свой національный путь. Совѣты славянофиловъ—вернуться къ общественному устройству и нравамъ дореформенныхъ временъ — онъ считалъ неисполнимымъ. Перескочить эпоху реформъ и весь петербургскій періодъ и возвратиться къ временамъ предшествовавшимъ значило бы признать всѣ великія событія этого времени «случайными, какимъ-то тяжелымъ сномъ, который тотчасъ исчезаетъ и уничтожается, какъ скоро проснувшійся человѣкъ открываетъ глаза». Что касается славянофильской идеи о Руси, какъ носительницѣ важнаго всемірно - историческаго начала (т. - е. «общиннаго, хорового начала») и пророчества о міровой первенствующей роли Россіи среди другихъ народовъ въ недалекомъ будущемъ, на эти слишкомъ лестныя для нашего національнаго самолюбія предположенія, Бѣлинскій отвѣчалъ, что Россія еще очень молода, что процессъ ея развитія только-что начался и что ея скрытыя еще національныя особенности опредѣлить пока трудно, а слѣдовательно, и мечты о важномъ ея міровомъ значеніи преждевременны.

Заключеніе. Западники, конечно, были правы, настаивая на общечеловѣческихъ началахъ, которыя не только не подавляютъ нашей самобытности, но и вызываютъ ее къ жизни, даютъ ей возможность проявиться полнѣе. Ихъ любовь къ Западу была истинной любовью къ родинѣ: добытое изъ западной науки богатство идей, они распространили на всю образованную Россію. Ихъ понятіе о единствѣ и общности развитія человѣческаго рода, установленіе понятія о народности, какъ совокупности обычаевъ,

нравовъ и учрежденій, въ которыхъ нѣтъ ничего неизмѣннаго, вѣчнаго, которые, напротивъ, требуютъ живой, свободной, творческой работы надъ ними; ихъ постоянная защита правъ личности и мужественное отрицаніе традиціонныхъ представленій объ устройствѣ міра, старыхъ, господствовавшихъ въ то время понятій о государствѣ и обществѣ — все это представляетъ съ современной точки зрѣнія несомнѣнныя важныя заслуги западниковъ, но въ то время многое въ ихъ міровоззрѣніи было такъ поразительно ново и казалось настолько спорнымъ, что часто лучшіе умы, воспитанные въ старыхъ традиціяхъ, не могли разобраться, какъ слѣдуетъ. Даже въ самой средѣ западниковъ по нѣкоторымъ вопросамъ происходили горячіе споры, ссоры и разрывы.

Къ несчастію, вся эта напряженная необходимая и благотворная освободительная работа общественной мысли, происходившая подъ вліяніемъ европейской науки и литературы, была пріостановлена свирѣпой реакціей, начавшейся съ 1848 года. Этотъ годъ былъ роковымъ годомъ и для западниковъ: онъ унесъ въ могилу Бѣлинскаго, главнаго бойца и пропагандиста ихъ міровоззрѣнія; годомъ раньше навсегда уѣхалъ за границу Герценъ, и вскорѣ его имя исчезло изъ русскихъ журналовъ; смерть въ то же время вырвала изъ среды западниковъ еще одного молодого, даровитаго, только-что вышедшаго на литературную арену дѣятеля, В. Майкова. Грановскій былъ живъ, но завидовалъ умершему во-время Бѣлинскому, тяжело чувствовалъ свое одиночество и рѣдко выступалъ въ литературѣ. Въ мрачные годы реакціи и полемика между московскими партіями не могла продолжаться съ прежней энергіей. Здѣсь мы заканчиваемъ и нашъ бѣглый очеркъ, и намъ остается сказать нѣсколько словъ о современномъ значеніи западничества.

Западническая мысль, какъ мы видѣли, шла «зигзагами», но, несомнѣнно, впередъ. Уклоны ея въ разныя стороны, при неблагопріятныхъ общихъ условіяхъ, были неизбѣжны. Однако западная наука и литература вывели ее на настоящій, вѣрный путь. Упорнымъ и мучительнымъ трудомъ надъ ними выработали западники свое новое міровоззрѣніе, мужественно защищали его отъ нападеній противниковъ и широко распространили. Злая кличка «западникъ» давно уже потеряла всякій смыслъ и вышла изъ употребленія, но взгляды западниковъ, конечно, съ нѣкоторыми поправками и дополненіями, сдѣлались общепринятыми

взглядами. Ихъ оправдала исторія и наука. И въ наше время прогрессивное направленіе можетъ быть, пожалуй, названо западническимъ. Вліянія Запада на нашу науку, литературу и жизнь не только не прекращаются, но становятся сильнѣе и шире. Однако этотъ терминъ, по справедливому замѣчанію профессора В. И. Герье, одностороненъ, и онъ предложилъ замѣнить его болѣе подходящимъ къ характеру и направленію дѣятельности западниковъ и болѣе справедливымъ названіемъ: «русскіе гуманисты», понимая его въ широкомъ смыслѣ.

Ѳ. Нелидовъ.

Славянофильство.

Происхожденіе славянофильства.

Славянофильство, какъ религіозно-философское и соціально-политическое ученіе, явилось порожденіемъ того широкаго идейнаго теченія, которое подъ вліяніемъ величайшихъ событій общеевропейской исторіи конца XVIII и начала XIX вв. — особенно французской революціи и наполеоновской эпопеи — охватило тогда весь континентъ, овладѣвъ съ равной силой и государственной политикой, и общественнымъ сознаніемъ, и наукой, и литературой. Ученіе это отложилось въ процессѣ глубокихъ и бурныхъ переживаній реактивной эпохи, въ моментъ всеобщаго остраго кризиса европейскаго міросозерцанія, когда совершалась переоцѣнка всѣхъ «цѣнностей» и на мѣсто «поверженныхъ кумировъ» *вѣка просвѣщенья* воздвигались новые алтари во имя новыхъ боговъ. То было, въ полномъ смыслѣ слова, «epochemachende Bewegung», движеніе всеобъемлеющей идейной реакціи, которая обращая въ развалины одно міросозерцаніе, стремилось поставить на его мѣсто другое, быть-можетъ, еще болѣе грандіозное въ своихъ исканіяхъ и чаяніяхъ, чѣмъ популярная доктрина XVIII столѣтія. Движеніе это въ своемъ широкомъ размахѣ отозвалось положительно во всѣхъ сферахъ человѣческаго вѣдѣнія, заявивъ въ свою очередь притязаніе на универсальный характеръ. Въ области философскаго мышленія оно явилось рѣзкимъ и послѣдовательнымъ отрицаніемъ основныхъ догма-

Литература. *Аксаковъ, И. С.*, въ его письмахъ, т. 1—4; *Аксаковъ, И. С.* Полное собраніе сочиненій. Т. 1—3. *Кирѣевскій, И. В.* Полное собраніе сочиненій. Т. 1—2 (подъ ред. Гершензона). *Самаринъ, Ю.* Сочиненія. Т. 1—10. *Хомяковъ, А. С.* Сочиненія. Т. 1—8. *П. Анненковъ.* Литература воспоминанія. *А. Герценъ.* (Изд. Павленкова). Т. 2 и 6. *А. Пыпинъ.* Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 гг. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли. Т. I. *Г. Максимовичъ.* Ученіе первыхъ славянофиловъ. *М. Гершензонъ.* Историческія записки. *Его же.* П. Я. Чаадаевъ *Н. Л. Бродскій.* Ранніе славянофилы. (Истор.-литер. библіотека, в. 5). *П. Милюковъ.* Разложеніе славянофильства. (Изъ исторіи рус. интеллигенціи). *А. Веселовскій.* Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. *А. Пыпинъ.* Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ.

товъ раціонализма XVII — XVIII вв. и въ то же время знаменовало торжество *идеалистической философіи* и *мистицизма*; въ области литературнаго творчества и искусствъ оно манифестировало побѣду *романтизма* надъ классицизмомъ, свободнаго вдохновенія (Kraftgenialität) надъ общеобязательными «правилами» кодекса раціональной эстетики; въ области научной теоріи оно означало смѣну механическаго міропониманія взглядомъ на міръ, какъ на закономѣрный процессъ *органическаго развитія вселенной*, взглядомъ, который въ сферѣ общественныхъ наукъ привелъ къ торжеству *историзма*, культу всего «законно существующаго» и преклоненію передъ «разумной дѣйствительностью»; наконецъ въ области соціально-политическихъ идей оно заявило себя, какъ рѣшительный протестъ, во имя «національной самобытности» народовъ, противъ революціонной метафизики XVIII в. съ ея стремленіемъ «подвести все человѣчество подъ одну хартію» и разъ навсегда ликвидировать наслѣдіе прошлаго. Поэтому въ противовѣсъ «разрушительной» проповѣди XVIII в., направленной противъ государства и общества «стараго порядка», оно выступило съ проповѣдью *охраны «исконныхъ» началъ народной жизни, историческаго права* и *вѣковыхъ традицій* существующаго строя.

Такова была та идейная атмосфера, въ которой — среди борьбы партій, «школъ» и всякихъ «толковъ» — складывалось *національно-романтическое міросозерцаніе* русскаго общества начала и первой половины XIX столѣтія. Славянофильство и было однимъ изъ наиболѣе яркихъ проявленій и выраженій этого міросозерцанія, равно типичнаго какъ для русскаго, такъ и западно-европейскаго общества данной эпохи. Академикъ Алексѣй Веселовскій совершенно справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что «культурная исторія Европы за послѣднія два столѣтія показываетъ, что *почти ни одна страна* не обошлась въ свое время безъ движенія, вполнѣ схожаго съ славянофильствомъ» [1]). Съ этой точки зрѣнія славянофильская доктрина можетъ претендовать на такую же «самобытность», какъ, напр., и германофильство или «иллиризмъ» XIX в., не говоря уже о томъ, что по своимъ философскимъ предпосылкамъ и своей эрудиціи она

---

[1]) Ту же мысль еще въ 1844 г. высказалъ А. Герценъ, записавшій въ своемъ «Дневникѣ», что «славянофильство имѣетъ подобное себѣ явленіе въ новой исторіи западной литературы» (декабрь, 10).

была тѣснѣйшимъ образомъ и неразрывно связана съ нѣмецкой философіей идеализма (особенно Шеллинга) и въ указанномъ смыслѣ, говоря словами И. Кирѣевскаго (1832 г.), являлась «повтореніемъ мыслей чужихъ, мыслей европейскихъ, занятыхъ у французовъ, у нѣмцевъ, у англичанъ». Но если славянофилы такимъ образомъ, несомнѣнно, «западной наукой дошли до своихъ національныхъ теорій» (А. Герценъ), то отсюда, конечно, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ ученіе не имѣло глубокихъ корней въ той россійской дѣйствительности, которая сдѣлала возможной самую рецепцію «чужихъ», но далеко не чуждыхъ русскому обществу XIX ст. руководящихъ идей замѣчательной исторической эпохи. Только тѣмъ фактомъ, что иноземная теорія была призвана на этотъ разъ сообщить законченныя *формы* сочувственнымъ ей и родственнымъ по духу и тенденціямъ самостоятельно сложившимся теченіямъ русской мысли, и можно объяснить необычайно широкое и проникновенное распространеніе на русской почвѣ нѣмецкаго идеализма. Послѣдній, какъ извѣстно, и послужилъ той школой, чрезъ которую прошла русская общественная мысль, прежде чѣмъ она устремила свое дальнѣйшее движеніе по двумъ своимъ становымъ направленіямъ — *западничества* и *славянофильства*, русскаго гегелизма и шеллингизма.

Отношеніе славянофильства къ западничеству.

По существу выросшія на одномъ историческомъ и идеологическомъ корню, и западничество и славянофильство, какъ ни далеко они расходились въ своихъ идеалахъ и полемически, представляли собой лишь два отпрыска отъ ствола одного и того же *двуединаго* міросозерцанія. «Да, — писалъ въ 1861 г. Герценъ, — мы (западники) были противниками ихъ (славянофиловъ), но очень странными. У насъ была одна любовь, но неодинаковая... И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно». И эта красивая метафора очень удачно и мѣтко характеризуетъ двуликую философію идеалистовъ 30 — 40-хъ гг., западниковъ и славянофиловъ, этихъ «двоюродныхъ братьевъ» по ихъ идейной близости. Въ самомъ дѣлѣ, и та и другая «школа», какъ тогда выражались, «котерія», въ своихъ теоретическихъ основаніяхъ и историческихъ построеніяхъ стояла на одной и той же почвѣ національно-романтическаго міросозерцанія. Споры и разногласія между сторонами, какъ бы ни были они рѣзки временами, въ дѣйствительности не выходили изъ опредѣленнаго круга руко-

водящихъ предпосылокъ общихъ обоимъ лагерямъ. Борьба загоралась уже въ плоскости самаго *пониманія* и *оцѣнки* основныхъ «началъ», которыми оперировали противники, и тѣхъ историческихъ явленій, которыя подлежали съ ихъ стороны «философической» обработкѣ и критикѣ. Это были по существу два направленія или «взгляда», сложившіеся въ предѣлахъ единаго міросозерцанія, но далеко разошедшіеся въ сферѣ историческаго прогноза и общественнаго идеала. Тамъ, гдѣ одни, рѣшая проблему русской народности, видѣли «варварство» и «азіатскій застой», другіе находили истинное сокровище вѣчной правды; на чемъ одни ставили крестъ, на то другіе смотрѣли какъ на единственный вѣрный залогъ великаго будущаго славянской народности; что проклинали одни, то славословили другіе. При этомъ было совершенно очевидно, что въ данномъ случаѣ страстный споръ шелъ вовсе не объ отвлеченныхъ философскихъ принципахъ, которые очень скоро отошли на задній планъ и получили чисто служебное значеніе, а о *пониманіи* той *реальной текущей дѣйствительности,* которая офиціально критикѣ не подлежала [1]). И Герценъ былъ совершенно правъ, когда писалъ въ свое время по поводу этого великаго раскола русской интеллигенціи 40-хъ годовъ: «Мы разно поняли вопросъ о современности». Здѣсь именно и лежала драма «двуглаваго орла», «шуйцы» и «десницы» русской общественной мысли первой половины XIX в. Какъ ни далеко расходились между собой оба эти идейныя теченія, тѣмъ не менѣе сила ихъ взаимнаго отталкиванія всегда была и оставалась равна силѣ ихъ взаимнаго притяженія, пока, наконецъ, оба названныя направленія ни слились въ томъ своеобразномъ синтезѣ, какимъ явилось въ 50-хъ гг. *народничество* Герцена [2]) и его школы. Эта интимная близость «друзей-враговъ», воспитавшихся въ одной идео-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ нельзя отказать въ извѣстномъ «чутьѣ» знаменитому шефу жандармовъ Бенкендорфу, отъ котораго не укрылся *политическій* характеръ споровъ «о началахъ русскаго и европейскаго просвѣщенія», скоро перешедшій на почву преній о русскомъ самодержавіи и западныхъ «гарантіяхъ». Философская фразеологія безвременно погибшаго «Европейца», гдѣ въ 1832 году появилась извѣстная статья И. Кирѣевскаго «Девятнадцатый вѣкъ», не могла, конечно, замаскировать въ глазахъ николаевскихъ ищеекъ живого общественнаго значенія этой блестящей статьи.

[2]) «Борьба между нами давно кончилась, — писалъ Герценъ въ «Быломъ и думахъ», — и мы протянули другъ другу руки».

логической школѣ, и создавала благопріятную почву для тѣхъ періодически повторявшихся приливовъ и отливовъ къ противоположнымъ берегамъ дуалистическаго міросозерцанія эпохи, которые приводили «славянъ» и «оксидентовъ» то къ рѣзкимъ «разрывамъ», то къ новымъ попыткамъ «примиренія», дипломатическимъ «обѣдамъ» и объясненіямъ.

Отмѣченная тѣсная, *органическая* связь двухъ противоборствующихъ теченій мысли сложилось еще въ эпоху той интеллигентской кружковщины 20—30-хъ гг., когда русское общество впервые было захвачено идеалистическимъ порывомъ «трансцедентальной реакціи» и съ увлеченіемъ и проникновенно переживало періодъ всеобщаго «скитанія мысли» и поисковъ новаго спасающаго догмата. Это было время, когда русскій человѣкъ вынашивалъ въ тайникахъ своего ума и сердца «свою метафизику», когда «люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи *перехватывающаго духа*», когда «всѣ ничтожнѣйшія брошюры» о Гегелѣ «зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней», когда—по свидѣтельству И. Кирѣевскаго—не было «юноши, который бы не разсуждалъ о Гегелѣ», а «десятилѣтніе мальчики говорили о конкретной объективности». Это было время, вспоминая о которомъ впослѣдствіи, Ю. Самаринъ писалъ: «Невѣроятнымъ покажется, что люди неглупые могли такъ долго жить и жить умственной жизнью, въ области отвлеченнаго умозрѣнія, повернувшись спиною къ вопросамъ политическимъ» [1]).

---

[1]) Мы думаемъ, однако, что это отрѣшеніе отъ политики было въ значительной мѣрѣ *мнимымъ*, хотя и искреннимъ. По существу бѣгство русской общественной мысли въ сферы «отвлеченнаго умозрѣнія» было для нея лишь внѣшнимъ прикрытіемъ отъ тяжкаго гнета николаевскаго режима. Въ дѣйствительности «политическая» и *общественная проблема* вовсе не умирала въ интеллигентскихъ культурныхъ скитахъ 30—40-хъ гг. Философская мысль, какъ таковая, не получила въ нихъ самостоятельнаго развитія, она была лишь «ступенью», говоря словами Н. В. Станкевича, «черезъ которую *прошла*» русская мысль того времени, вскорѣ сбросившая съ себя философскую маску. И тогда безъ труда былъ расшифрованъ тотъ «птичій языкъ», которымъ говорили еще такъ недавно энтузіасты «абстрактной» теоріи. Тогда-то и было сдѣлано открытіе, одними, что «философія Гегеля, это алгебра революціи», другими, что «православіе, самодержавіе и народность» есть высшее откровеніе философской правды-истины. Достаточно обратиться къ дружеской перепискѣ даннаго періода Станкевича, Кирѣевскаго, Аксакова, Герцена, Бѣлинскаго и др., чтобы сразу понять изъ текста этихъ «горящихъ писемъ», что за всѣми этими спорами о «перехватывающемъ духѣ» скрывалась ясная мысль объ «обязан-

Не входя въ данный моментъ въ обсужденіе вопроса о томъ, чѣмъ объяснялось это добровольное отлученіе русской общественной мысли отъ реальныхъ вопросовъ жизни и политики николаевской эпохи, мы должны отмѣтить, что именно въ этотъ моментъ мы видимъ будущихъ «отцовъ» и родоначальниковъ славянофильства, П. и И. Кирѣевскихъ, К. Аксакова, Ю. Самарина, А. Хомякова, въ тѣсномъ идейномъ общеніи и содружествѣ съ будущими вождями «западничества», А. Герценомъ, В. Бѣлинскимъ, М. Бакунинымъ, Т. Грановскимъ и др. Именно здѣсь, въ этой тѣсной семьѣ благороднѣйшихъ представителей русскаго общества первой половины XIX ст., впервые были поставлены на очередь, казалось, столь далекіе житейской прозѣ два роковыхъ вопроса: 1) вопросъ о томъ, «возможенъ ли логическій переходъ, безъ скачка или перерыва, отъ понятія чистаго бытія, черезъ понятіе небытія, къ понятію развитія и бытія опредѣленнаго» и 2) вопросъ о томъ, «въ чемъ заключается разница между русскимъ и западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, въ одной ли степени развитія или въ самомъ характерѣ просвѣтительныхъ началъ?» Около этихъ проблемъ и вращались тогда страстные дебаты въ руководящихъ «салонахъ» и кружкахъ того времени, гдѣ мѣрились своимъ оружіемъ такіе блестящіе діалектики, какъ Хомяковъ и Герценъ. Такъ, среди всеобщаго броженія умовъ, пройдя горнило философскаго идеализма, слагались въ процессѣ «тренія другъ объ друга» два, казалось, столь непримиримыхъ идейныхъ направленія. Однако, прежде чѣмъ завершилось ихъ *принципіальное* обособленіе, и у славянскаго «орла» выросли двѣ головы, антиномія національной проблемы демонстративно заявила себя во всей своей зіяющей сложности въ знаменитомъ «философическомъ письмѣ» Чаадаева,—письмѣ, опубликованіе котораго въ 1836 г. явилось общественнымъ событіемъ огромной важности. П. Чаадаевъ, это живое воплощеніе двуликаго Януса, сумѣлъ притворить въ своемъ міросозерцаніи *національную идею* въ ея крайнихъ точкахъ и противоположныхъ

Выступленіе П. Я. Чаадаева.

ности дѣйствовать для блага отечества» (И. Кирѣевскій, 1827 г.). И никакіе возгласы Бѣлинскаго: «Къ чорту политику, да здравствуетъ наука!» не могли скрыть внутренняго смысла идеологической полемики гегелистовъ и шеллингистовъ. Напротивъ, они только его рѣзче подчеркивали. Идеалистическая фразеологія лишь завуалировала тайную, загнанную *общественную* мысль, которая не исчезла вовсе, а только спряталась подъ «колпакомъ Егора Ѳедоровича» Гегеля).

аспектахъ [1]), именно въ томъ моментѣ ея развитія, когда она еще бродила въ общественномъ сознаніи во всей своей непримиренной и нераздѣльной двойственности. Съ изумительной дерзостью онъ бросилъ вызовъ всей странѣ, обостривъ до послѣдней крайности самую постановку вопроса «объ отношеніи просвѣщенья Европы къ просвѣщенію Россіи». Причудливымъ образомъ онъ сочеталъ при этомъ въ своей оригинальной «философіи исторіи» и славянофильскую и западническую проблему, не удовлетворивъ, конечно, въ концѣ-концовъ, никого и возстановивъ противъ себя всѣхъ. Стоя на рубежѣ двухъ міросозерцаній, въ преддверіи грядущаго раскола, Чаадаевъ явился какъ бы отцомъ обѣихъ антагонизирующихъ школъ и потому не былъ признанъ ни той ни другой изъ нихъ. Его заключенія были объявлены «невыдерживающими никакой критики» (Герценъ, Хомяковъ), хотя, «быть-можетъ, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его противниками». Но въ этомъ-то именно и была вся сила и великая роль выступленія Чаадаева. Его безпощадный приговоръ надъ Россіей и русской «націей» далъ мощный толчокъ общественной мысли и вывелъ ее, наконецъ, изъ интимныхъ салоновъ въ открытое поле, рѣшительно покончивъ съ тѣмъ аморфнымъ состояніемъ, въ которомъ она дотолѣ находилась. «Сигналъ былъ данъ, — говоритъ Герценъ, — и со всѣхъ сторонъ послышались новые голоса; молодые борцы выступали на арену, свидѣтельствуя о молчаливомъ трудѣ въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ». Роковой вопросъ былъ поставленъ теперь въ упоръ, общественная мысль была задѣта за живое, требовался *отвѣтъ* во что бы то ни стало, и отвѣтъ *положительный,* не оскорбительный для національнаго самолюбія. Кампанія началась. По всей линіи загорѣлась горячая полемика, произошла общая мобилизація идейныхъ силъ, а главное — въ отвѣтъ на вызовъ Чаадаева «борцамъ» теперь уже пришлось дать ясную формулировку тѣмъ взглядамъ и тенденціямъ, которые до тѣхъ поръ только намѣчались. «Философическія письма» такимъ образомъ выявили сразу скрытыя движенія русской мысли, раздвоивъ ея стремительный потокъ и одновременно направивъ его къ двумъ противоположнымъ берегамъ — на «западъ» и «востокъ».

---

[1]) Въ своей «Апологіи сумасшедшаго» и другихъ писаніяхъ втор. полов. 30-хъ гг. Чаадаевъ, можно сказать, вывернулъ наизнанку свой первоначальный взглядъ на основу «просвѣщенія» Россіи и ея будущее призваніе.

Взаимное вліяніе западничества и славянофильства.

Однако, какъ бы далеко затѣмъ ни расходились оба названныхъ теченія, единство ихъ истока обезпечивало имъ и впредь почти непрерывное взаимное вліяніе другъ на друга. И обѣ «школы», дѣйствительно, постоянно тяготѣли одна къ другой, что не только порождало, говоря словами П. Анненкова, «благородную невыдержанность убѣжденій» съ обѣихъ сторонъ, но и подготовляло тѣ нечаянныя встрѣчи въ «мысляхъ» западниковъ и славянофиловъ, которыя происходили съ каждымъ годомъ все чаще и чаще и подъ вліяніемъ которыхъ уже въ 1844 г. Герценъ могъ заявить въ своемъ «Дневникѣ»: «Странное положеніе мое, какое-то juste milieu въ славянскомъ вопросѣ: передъ ними (славянофилами) я человѣкъ Запада, передъ ихъ врагами — человѣкъ Востока. Изъ этого слѣдуетъ, что для нашего времени *эти одностороннія опредѣленія не годятся*». Это писалъ Герценъ какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда противники только что размежевались и начали строиться «въ боевомъ порядкѣ». Но такъ могъ сказать тогда не одинъ Герценъ. Взаимодѣйствіе или чередованіе славянофильскихъ и западническихъ идей и тенденцій можетъ быть отмѣчено не разъ въ процессѣ духовнаго развитія того или иного виднаго представителя данной эпохи, такъ что не одинъ только Бѣлинскій могъ поражаться въ тѣ дни «зигзагомъ» своей собственной внутренней эволюціи, и далеко не одному И. Кирѣевскому приходилось тогда переживать критическіе моменты «обращенія» и глубокаго преображенія личности. При такихъ условіяхъ не было ничего загадочнаго и неожиданнаго въ тѣхъ нерѣдкихъ переходахъ индивидуальной мысли той эпохи отъ одной полярной точки господствовавшаго тогда дуалистическаго міросозерцанія къ другой, ей противоположной, отъ «праваго» гегельянства къ «лѣвому», отъ западничества къ «славянобѣсію», отъ славянофильства «офиціальной народности» къ западничеству. Достаточно вспомнить примѣры И. Кирѣевскаго, дебютировавшаго въ началѣ 30-хъ гг., по свидѣтельству Анненкова, «завзятымъ европейцемъ и западникомъ»; Бакунина и Бѣлинскаго въ періодъ ихъ «примиренія съ гнусной россійской дѣйствительностью»; Герцена въ моментъ его «духовнаго возвращенія» на родину; Кавелина, который всю жизнь стремился занять «примиряющую» позицію и — по его собственнымъ словамъ — оставался «наполовину западникомъ, наполовину славянофиломъ»; наконецъ историка Соловьева, который изъ «жаркаго славянофила» превратился затѣмъ въ умѣреннаго и осторожнаго западника,

котораго, по его личному признанію, «съ обѣихъ сторонъ, и съ востока и съ запада, уважали и ласкали» одинаково и т. д. и т. д. Мы не будемъ удивляться поэтому, что *взаимное вліяніе* названныхъ двухъ идейныхъ теченій другъ на друга не только никогда не прекращалось, но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возрастало, при чемъ славянофильскія тенденціи едва ли не оказались преобладающими въ томъ направленіи общественной мысли, которое смѣнило ихъ подъ именемъ «народничества». Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ западники все настойчивѣе стремились «овладѣть темами славянофиловъ», они вмѣстѣ съ тѣмъ все рѣшительнѣе начали осваивать также и тѣ — по выраженію Н. Чернышевскаго — «прекрасные элементы» славянофильской доктрины (ученіе о личности, народности, общинѣ), которые, въ ихъ глазахъ, впервые переносили проблему о «русской національности» изъ сферы «абстрактной науки» на «практическій грунтъ». Въ указанномъ смыслѣ цѣлый рядъ весьма знаменательныхъ заявленій былъ сдѣланъ во второй половинѣ 40-хъ и 50-хъ гг., какъ Бѣлинскимъ, такъ и Герценомъ, какъ Грановскимъ, такъ и Чернышевскимъ, не говоря уже о Кавелинѣ [1]). Отмѣчая всѣ эти факты,

[1]) Какъ извѣстно, уже въ 1845 г., въ станѣ западниковъ, начался расколъ, который прежде всего привелъ къ разрыву Грановскаго съ Герценомъ. Грановскій тогда же сдѣлалъ своимъ друзьямъ довольно сенсаціонное признаніе: «Во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ *я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, «Отеч. Зап.» и западникамъ»*. Но и самъ Бѣлинскій, особенно нетерпимо относившійся къ «филистимлянамъ»-славянофиламъ, не только къ тому времени сталъ убѣждаться, что и среди нихъ «дѣйствительно могутъ быть порядочные люди» (1846 г.), но даже печатно заявилъ въ 1847 г., что въ ихъ взглядахъ есть «много дѣльнаго». Ясное отраженіе славянофильскихъ идей мы находимъ у него поэтому уже въ статьѣ «Обозрѣніе литературы за 1846 г.» Въ концѣ 40-хъ гг., наконецъ, самъ Герценъ рѣшительно повернулъ въ сторону славянофильскихъ симпатій, все болѣе приходя къ тому заключенію, что «въ славянофильствѣ есть много прекрасныхъ сторонъ». Тогда-то и начался въ его жизни тотъ періодъ, когда — по выраженію Грановскаго — редакторъ «Полярной Звѣзды» сталъ «разыгрывать передъ Европой роль московскаго славянофила». Тотъ же поворотъ въ 50-хъ гг. замѣчается и во взглядахъ Чернышевскаго, который все чаще сталъ подчеркивать «прекрасные элементы» славянофильскаго ученія. Совершенно понятно, что при такихъ условіяхъ уже нетрудно было эклектику Кавелину прійти къ тому общему заключенію, что «каждый мыслящій человѣкъ, принимающій къ сердцу интересы родины, не можетъ не чувствовать себя наполовину славянофиломъ, наполовину западникомъ». По существу одновременно аналогичныя заявленія раздавались тогда и со стороны славянофиловъ, которые усиленно искали сближенія съ западни-

мы преслѣдуемъ единственную цѣль — подчеркнуть еще разъ ту мысль, что между славянофильствомъ и западничествомъ было гораздо болѣе точекъ соприкосновенія и родственныхъ связей, чѣмъ это обычно думаютъ и чѣмъ это въ свое время представлялось самимъ «противникамъ», которые были склонны въ пылу полемики нерѣдко навязывать другъ другу, очевидно, преувеличенныя и искаженныя мнѣнія [1]). *Славянофильство* и *западничество* явились такимъ образомъ двумя попытками рѣшенія *національной проблемы* на почвѣ *философскаго идеализма* и того *общественнаго настроенія*, которое одинаково захватило западное и русское общество въ первой половинѣ XIX в. То была новая «отечественная война» идейнаго характера, расколовшая русское общество на два лагеря, превратившая его въ «двуликаго Януса», одна сторона котораго была обращена впередъ, другая — назадъ. Теперь мы и позволимъ себѣ приглядѣться нѣсколько ближе къ чертамъ послѣдняго изъ этихъ «ликовъ».

Ближайшие источники славянофильства.

Въ славянофильствѣ наиболѣе ярко сказались тѣ *реакціонно-романтическія* тенденціи, которыя начали усиленно развиваться въ русскомъ обществѣ, журналистикѣ и правительственныхъ сферахъ съ начала XIX ст. и въ особенности послѣ

ками. И. Кирѣевскій уже въ 1845 г. объявилъ въ «Москвитянинѣ» «равно ложными» какъ одностороннія мнѣнія «чисторусскаго», такъ и «чисто западнаго» направленія. Но еще ранѣе, въ 1844 г., въ письмѣ къ Хомякову, онъ сдѣлалъ весьма характерное признаніе своимъ друзьямъ: «Можетъ-быть, вы считаете меня *заклятымъ славянофиломъ* и потому (!) предлагаете мнѣ «Москвитянинъ?» То на это я долженъ сказать, что этотъ славянофильскій образъ мыслей я раздѣляю только *отчасти*, а *другую часть* его считаю *дальше отъ себя, чѣмъ самыя эксцентричныя мнѣнія Грановскаго!*» Но и Хомяковъ въ 50-хъ гг., съ своей стороны, готовъ былъ также въ интимной перепискѣ признаться, что «всячески протестуя по-своему *славянофильскому званію*» противъ «негодной Европы», онъ самъ былъ «не прочь» отъ нея. Еще рѣшительнѣе противъ *крайностей* какъ «безусловныхъ поклонниковъ нашей старины», такъ и «безусловныхъ поклонниковъ новизны» возставалъ въ то же время и М. Погодинъ, писавшій: «Крайности никуда не годятся», съ западной ли стороны упасть въ пропасть или съ восточной — все равно: прямая дорога посрединѣ». И насъ уже вовсе не удивитъ послѣ всего сказаннаго, тотъ фактъ, что, въ концѣ-концовъ, Ю. Самарину безъ особыхъ усилій удалось «прійти къ соглашенію» съ Кавелинымъ «въ самыхъ главныхъ пунктахъ», какъ только они начали, по ихъ словамъ, «подводить итоги... подъ свои воззрѣнія».

[1]) Дѣло нерѣдко доходило до ожесточенныхъ нападокъ и счетовъ личнаго свойства. Достаточно напомнить статью Бѣлинскаго «Педантъ», стих. Языкова «Не нашимъ», интриги противъ диссертаціи Грановскаго и т. д.

1812 г., когда вторженіе въ Россію Наполеона, этого «исчадія революціи» и «злобнаго разрушителя царствъ и престоловъ», вызвало чрезвычайный подъемъ въ странѣ націоналистическихъ и патріотическихъ чувствъ и идей. Въ этой-то сгущенной атмосферѣ патріотическаго воодушевленія, мистической проповѣди и, наконецъ, рѣзкаго протеста противъ засилья иностранцевъ и иноземнаго «просвѣщенія», протеста, раздавшагося во имя охраны истинно-русскихъ началъ славянской народности — и выростало въ своихъ «дворянскихъ гнѣздахъ» поколѣніе первыхъ славянофиловъ. То было время, когда въ общественныхъ и правящихъ кругахъ Россіи, освященное авторитетными именами Жуковскаго и Карамзина, слагалось то «хранительное» направленіе умовъ, которое такъ многообразно заявило себя въ началѣ прошлаго вѣка въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни. Направленіе это дѣйствительно выливалось въ тѣ дни въ весьма причудливыя формы то мистической аскезы и религіознаго изувѣрства, то воинственнаго патріотизма и самоотверженной любви къ отечеству, то въ энтузіастическое преклоненіе передъ русской народностью, то, наконецъ, въ самый злостный обскурантизмъ и циническій «шовинизмъ». Въ стихійномъ взрывѣ чувствъ и настроеній тогда сплелись между собой въ какомъ-то странномъ хорѣ и патріотическія рѣчи «Русскаго Вѣстника» С. Глинки, и благородный паѳосъ «Записки о древней и новой Россіи» Карамзина, и лубочныя «афишки» Растопчина, и реакціонныя причитанія «сіамскихъ близнецовъ» Булгарина и Греча, и обличительное «слово» фанатика «любви къ отечеству» и старовѣра Шишкова, и пропаганда Россійскаго Библейскаго общества, и сектаторская проповѣдь Татариновой, и, поклонницы Штиллинга, «женки» Крюднеръ, и салонные разговоры оракула реакціи гр. Де-Местра, и разсужденія о «злоупотребленіяхъ разума» масона Лопухина и его послѣдователя Невзорова («Другъ юношества»), и политическія статьи исторіографа въ «Вѣстникѣ Европы», и мистическія статьи въ «Сіонскомъ Вѣстникѣ» Лабзина, и тихія бесѣды старцевъ Оптиной пустыни, и торжественные манифесты и деклараціи «Священнаго союза», и циркуляры гр. С. Уварова, и катихизисъ митрополита Филарета, и посланія-доносы арх. Фотія. Наконецъ, здѣсь же должно быть отмѣчено и широкое движеніе такъ называемаго *славянскаго возрожденія* конца XVIII и первой половины XIX ст., движеніе, развившееся подъ знаменемъ *національной идеи* и доктрины *панславизма*. Такова была та запутанная ткань

идей и настроеній, въ которой такъ неожиданно и тѣсно уживались рядомъ низость и благородство, смѣшное и великое, чистота идеала и мракобѣсіе. Неудивительно, что славянофильское «воззрѣніе», связанное органически съ этимъ мутнымъ потокомъ идейнаго водоворота, всегда представлялось «страннымъ до поразительности» не только такимъ его противникамъ, какъ Герценъ, но и людямъ болѣе умѣреннаго и мягкаго душевнаго лада. А между тѣмъ самая тѣсная связь славянофильства съ означенными выше теченіями русской офиціальной и общественной мысли не можетъ подлежать сомнѣнію. Уже въ лицѣ разочарованнаго «декабриста» П. Чаадаева, круто повернувшаго въ 20-хъ гг. въ сторону мистицизма и особенно увлекшагося «теоріей духовѣдѣнія» Штиллинга, аккредитованной тогда и при дворѣ и въ «высшемъ свѣтѣ», — мы встрѣчаемъ какъ бы живое соединительное звено между славянофильствомъ и реакціоннымъ романтизмомъ. То же самое родство идей и переживаній еще разъ можно было бы подтвердить и біографически, обратившись къ жизнеописаніямъ Аксаковыхъ, Кирѣевскихъ, Хомякова и др. «славянъ», гдѣ мы встрѣтились бы и съ вліяніями Карамзина и Жуковскаго, и С. Глинки и Шишкова [1]), и со старцами Оптиной пустыни, и ксенофобіей и воинственнымъ руссофильствомъ [2]), и т. д. Наконецъ и самая доктрина славянофильства многими своими сторонами и символами вѣры такъ тѣсно примыкала къ наиболѣе ретроградньымъ теченіямъ печальнаго тридцатилѣтія николаевской эпохи, что сомнѣваться въ ея источникахъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакой возможности [3]). Въ этомъ смыслѣ совершенно напрасно также пытаются нѣкоторые изъ историковъ русской общественной мысли отдѣлить рѣзкой чертой «настоящихъ» славянофиловъ отъ представителей такъ называемой «офиціальной народности», М. Погодина, С. Шевырева и редакціи стараго «Москвитянина».

Славянофильство и теорія „офиціальной народности“.

Въ дѣйствительности никакихъ *принципіальныхъ* разногласій между М. Погодинымъ съ его «молодцами» и прочими славянофилами не было, и въ глазахъ послѣднихъ Погодинъ всегда

[1]) «Мы не стыдились Шишкова и его славянофильства», говорилъ Хомяковъ устами Тульнева (Т. III, стр. 207).

[2]) Въ этомъ отношеніи особенно поучительна біографія К. Аксакова, эпохи его дѣтства.

[3]) «Гадкая котерія, — писалъ Герценъ въ 1844 г. по адресу «славянъ», — стоящая за правительствомъ и Церковью».

оставался, говоря словами Хомякова, «любезнѣйшимъ старостою славянофильства», ихъ неизмѣннымъ союзникомъ, хотя и такимъ, который временами бывалъ «опаснѣе врага». Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ крайне «необдуманнымъ и *взбалмошнымъ*» характеромъ той топорной и неразборчивой въ средствахъ натуры, какой былъ Погодинъ, способный, по отзыву И. Кирѣевскаго, «сдѣлать много хорошаго, можетъ-быть, иное рыцарски-прекрасное», но также способный «*навѣрное* сдѣлать много и такого, что просто называется *нечистымъ поступкомъ*». Вотъ, собственно говоря, тѣ обстоятельства, которыя заставляли благороднѣйшихъ изъ славянофиловъ нерѣдко сторониться Погодина и вообще относиться къ нему съ большой осторожностью, а западниковъ — называть «славянофиловъ «Москвитянина» добровольными помощниками жандармовъ». Въ этомъ именно смыслѣ Чернышевскій рекомендовалъ, съ своей стороны, «лучшимъ представителямъ» славянофильства быть болѣе осторожными «въ выборѣ своихъ сподвижниковъ». Но если оставить въ сторонѣ «интриги» и «доносы» Погодина, которые такъ раздражали его друзей и враговъ, то мы должны будемъ, согласившись съ ними, зачислить Погодина и сотрудниковъ «Москвитянина» въ настоящіе славянофилы или даже, говоря словами Бѣлинскаго, въ ультра-славянофилы [1]). Что «лучшіе» изъ «славянъ» дѣйствительно считали Погодина и его alter ego Шевырева «своими», а равно и направленіе «Москвитянина» также «правовѣрнымъ» славянофильскимъ, это ясно видно изъ того, что, когда на короткій срокъ журналъ Погодина перешелъ къ И. Кирѣевскому, послѣдній печатно въ первой же книжкѣ новой редакціи поспѣшилъ заявить, что «*главное направленіе* (изданія) остается то же», при чемъ въ это же время въ журналѣ появился и программный отвѣтъ Погодина «западникамъ» («За русскую старину»), который, будучи прочитанъ на редакціонномъ совѣщаніи, получилъ со стороны послѣдняго санкцію безъ какихъ-либо поправокъ и такимъ образомъ «былъ признанъ торжественно настоящимъ profession de foi славянофиловъ». Напомнимъ также о любопытномъ письмѣ Ю. Самарина къ Погодину, въ которомъ — въ отвѣтъ на прямой запросъ послѣдняго о «Москвитянинѣ»—Самаринъ не высказалъ ни одного замѣчанія по существу «нашего» изданія.

---

[1]) Бѣлинскій относилъ Погодина и его «Москвитянина» къ числу «самыхъ крайнихъ и самыхъ послѣдовательныхъ органовъ славянофильства».

О Шевыревѣ нечего и говорить. О немъ славянофилы были особенно высокаго мнѣнія и въ его публичныхъ выступленіяхъ склонны были даже видѣть «значительность европейскую», «событіе нашего историческаго самопознанія» (И. Кирѣевскій). Но если вообще нельзя провести принципіальной черты между славянофильствомъ «И. Кирѣевскій en tête» и «Москвитяниномъ» Погодина, то это еще не значитъ, что между ними—въ предѣлахъ доктрины—не было никакихъ различій. Но различіе это мы провели бы не по линіи «офиціальной народности»[1]), а скорѣе въ плоскости тѣхъ воззрѣній Погодина, которыя роднили его съ западниками, напримѣръ, во взглядѣ на Петра Великаго и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ. Въ этомъ смыслѣ Погодинъ самъ склоненъ былъ (и не только онъ одинъ) считать себя посредникомъ, какъ выражался онъ, «между Востокомъ и Западомъ», хотя и «съ большимъ склоненіемъ къ Востоку». Однако, несмотря на отмѣченныя отклоненія, Погодинъ, несомнѣнно, стоялъ на почвѣ славянофильства. Принимая же тріединую формулу — *самодержавіе, православіе, народность*— онъ въ такой же мѣрѣ являлся приверженцемъ доктрины «офиціальной народности», какъ и «лучшіе» изъ его друзей-единомышленниковъ, къ характеристикѣ ученія которыхъ мы теперь и обратимся непосредственно.

Основатели славянофильства.

Родоначальниками и законоположниками славянофильскаго ученія, а также наиболѣе видными и талантливыми его пропаган-

---

[1]) Что касается *офиціальной* программы теоріи «офиціальной народности», въ томъ видѣ, какъ она была развита гр. С. С. Уваровымъ и примѣнялась на практикѣ николаевскимъ правительствомъ, что М. Погодинъ былъ также далекъ отъ нея, какъ и прочіе славянофилы. Извѣстно, что въ пресловутой формулѣ названной теоріи «самодержавіе, правословіе и народность», подъ народностью разумѣлось «крѣпостное право», а вся она во всей своей цѣльности означала призывъ къ самому откровенному обскурантизму и охранѣ status quo полицейско-бюрократической монархіи николаевскаго режима. Доведенная до абсурда, формула эта раскрыла всю глубину своего безнадежнаго содержанія въ извѣстныхъ словахъ гр. Бенкендорфа въ отвѣтъ на «письмо» Чаадаева: «Прошедшее (заявилъ шефъ жандармовъ) Россіи было удивительно, ея настоящее болѣе, чѣмъ великолѣпно, что же касается ея будущаго, то оно выше всего, что можетъ нарисовать себѣ самое смѣлое воображеніе». Неудивительно при такихъ условіяхъ, что правительство того времени никогда не считало Погодина «своимъ», и его благонамѣренный «Москвитянинъ» не разъ подвергался цензурнымъ притѣсненіямъ. Нельзя не вспомнить здѣсь также и «политическихъ писемъ» Погодина, обличительныхъ и смѣлыхъ.

дистами и защитниками, какъ извѣстно, были братья Петръ и Иванъ Кирѣевскіе, братья Константинъ и Иванъ Аксаковы, Юрій Самаринъ и Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Это была блестящая плеяда безупречныхъ по своему благородству и рѣдкихъ по своимъ способностямъ дѣятелей слова и мысли, въ лицѣ которыхъ «западники» встрѣтили дѣйствительно опасныхъ и сильныхъ противниковъ. Съ одной стороны, въ лицѣ И. Кирѣевскаго (ум. 1836 г.) и Ю. Самарина (ум. 1876 г.) славянофилы выставили крупныхъ мыслителей-теоретиковъ, на долю которыхъ выпала задача этико-философскаго обоснованія доктрины; съ другой — въ лицѣ А. Хомякова (ум. 1860 г.) они располагали тонкимъ истолкователемъ богословско-догматической стороны славянофильскаго «православія». Рядомъ съ этими «отцами» славянофильской церкви съ неменьшимъ одушевленіемъ дѣйствовали: К. Аксаковъ (ум. 1860 г.), пытавшійся подвести историческій и филологическій фундаментъ подъ абстрактныя формулы теоретиковъ «школы», П. Кирѣевскій (ум. 1856 г.), всецѣло отдавшійся изученію «русской народности» въ ея пѣсняхъ и, наконецъ, пламенный публицистъ и агитаторъ, «славянофилъ по наслѣдству», И. Аксаковъ (ум. 1887 г.). За этими dei majores славянофильства шли уже или болѣе скромные ихъ спутники, какъ Д. Валуевъ, А. Кошелевъ, И. Бѣляевъ или звѣзды подозрительной величины, какъ М. Погодинъ, С. Шевыревъ и др.

Въ дальнѣйшемъ, при изложеніи самаго ученія славянофиловъ, мы, главнымъ образомъ, будемъ опираться на труды его родоначальниковъ, предпочитая черпать изъ болѣе чистаго источника. Конечно, въ изложеніи нашемъ въ значительной мѣрѣ должны будутъ сгладиться особенности воззрѣній отдѣльныхъ представителей «восточной» школы и мы дадимъ лишь общую теорію славянофильства.

Руководящія предпосылки теоріи славянофильства.

Исходнымъ пунктомъ философіи славянофильства является горячій протестъ противъ *матеріализма* и *раціонализма* XVIII вѣка, протестъ противъ «логическаго» Разума, коронованнаго въ эпоху «просвѣщенія» и, какъ казалось, обанкротившагося въ началѣ XIX ст. въ своихъ пртязаніяхъ облагодѣтельствовать все человѣчество и сотворить революціонное чудо. Первыя неудачи французской революціи были истолкованы тогда, какъ очевидное доказательство полнаго безсилія «de la divine raison» разрѣшить своими ограниченными силами проблему бытія въ стремленіи свести ее къ простой *математической формулѣ* (Ю. Самаринъ). *Меха-*

ническое міросозерцаніе XVIII ст., стремившееся объяснить more physico et geometrico весь процессъ вселенной и приложить свой математическій методъ и въ сферѣ общественныхъ, государственныхъ и историческихъ отношеній — встрѣтило поэтому въ лицѣ славянофиловъ самыхъ непримиримыхъ критиковъ и оппонентовъ. Всю силу своей діалектики при такихъ условіяхъ они прежде всего и направили противъ «философіи разсудка» и той «логически-технической образованности», которая — по ихъ словамъ — не можетъ дать полноты знанія, познанія «цѣльной истины».

„Разсудочность“ и „разумность“.

Въ этомъ смыслѣ славянофилы прежде всего начали съ того, что провели рѣзкое принципіальное различіе между «разсудкомъ», т.-е. способностью нашего ума къ логическому, опытному, хотя и чисто внѣшнему (формальному) познанію окружающихъ насъ *явленій,* и «разумомъ», какъ способности «живого и цѣльнаго зрѣнія ума», способности, непосредственнаго воспріятія всѣми силами «духовнаго состава человѣка» самой *сущности вещей.* Отсюда выводили они и свое понятіе о «двухъ образованностяхъ» или двухъ путяхъ «просвѣщенія», «ибо двѣ образованности, — говорилъ И. Кирѣевскій, — два раскрытія умственныхъ силъ въ человѣкѣ и народахъ, представляетъ намъ безпристрастное умозрѣніе, исторія всѣхъ вѣковъ и даже ежедневный опытъ. Одна образованность есть внутреннее устроеніе духа силою извѣщающейся въ немъ истины; другая — формальное развитіе разума и внѣшнихъ познаній». Въ первомъ случаѣ, по мнѣнію автора, мы имѣемъ дѣло съ «отвлеченнымъ сознаніемъ разсуждающаго разума», «логическимъ и чувственно-опытнымъ» мышленіемъ или такъ называемымъ «самомышленіемъ», которое въ лучшемъ случаѣ можетъ лишь привести къ формальному разграниченію логическихъ понятій; напротивъ, во второмъ случаѣ — человѣкъ возвышается до того сверхъ-опытнаго, *надсознательнаго* «живознанія», которое открываетъ ему возможность законченнаго «внутренняго» или откровеннаго *мистическаго разумѣнія* божественной абсолютной сущности бытія. Но различая такимъ образомъ «знаніе отъ разсудка» и «живое разумѣніе духа» и отдавая рѣшительное предпочтеніе послѣднему, славянофилы, однако, вовсе не отрицали законности «раціоналистической науки». Они стремились только доказать, что одного логическаго мышленія для познанія міра еще недостаточно и что поэтому притязаніе «разсудка» на безусловную истину не имѣетъ подъ собой

твердой почвы. Научное знаніе, съ ихъ точки зрѣнія, всегда является *одностороннимъ* въ своемъ «механическомъ процессѣ... группировки фактовъ», загнанныхъ въ «статистическія таблицы». «Самодвижущій ножъ разума», — говорили они, — безсиленъ вскрыть тайны міроваго развитія, такъ какъ никогда «познаніе разсудочное не обнимаетъ *дѣйствительности* познаваемаго». Это познаніе всегда носитъ, такъ сказать, поверхностный, эмпирическій характеръ, не проникая въ «сущность» вещей и довольствуясь анализомъ конкретной, чувственно осязаемой реальности. Поэтому оно никогда не даетъ полной истины, цѣльнаго знанія. Правда, въ своей ограниченной сферѣ, оно, несомнѣнно, имѣетъ огромное практическое значеніе для человѣка, оріентируя его во внѣшнемъ мірѣ и вооружая его техническими знаніями, однако оно становится весьма опаснымъ, какъ только начинаетъ обнаруживать стремленіе стать единственною мѣрою всѣхъ вещей. «Всѣ ложныя выводы раціональнаго мышленія, — говоритъ Кирѣевскій, — зависятъ только отъ его притязанія на высшее и полное познаніе истины. Если бы оно сознало свою ограниченность и видѣло въ себѣ одно изъ орудій, которыми познается истина, а *не единственное орудіе познаванія*, тогда и выводы свои оно представило бы, какъ условные и относящіеся единственно къ его ограниченной точкѣ зрѣнія, и ожидало бы другихъ, высшихъ и истиннѣйшихъ выводовъ отъ другого, высшаго и истиннѣйшаго способа мышленія». Все несчастье человѣка XVIII ст., по мысли автора, въ томъ именно и заключалось, что «онъ вѣрилъ, что собственнымъ отвлеченнымъ умомъ можетъ сейчасъ же создать себѣ новую разумную жизнь и устроить небесное блаженство на преобразованной имъ землѣ». Послѣдствіемъ же такой «вѣры» явилась гордость разума «самовластіе личности», которыя, съ одной стороны, привели къ матеріализму въ философіи и «разрушительной разсудочности», т.-е. революціи; съ другой — къ невѣрію или «наукообразному богословію», т.-е. къ попыткамъ раціонализировать религію и самый разумъ превратить въ «откровеніе истины». Такимъ образомъ, въ результатѣ подобнаго односторонняго направленія ума должно было сложиться, — по мнѣнію «школы», — то безрелигіозное міросозерцаніе, когда «въ наукахъ признавалось истиннымъ одно ощутительно-испытанное, и все сверхчувственное отвергалось не только какъ недоказанное, но даже какъ невозможное». Въ противовѣсъ этой-то «наружной разсудочности» или, какъ выражался Хомяковъ, «всеобъемлющему

Раціонализмъ. XVIII вѣка.

и всегубительному раціонализму» славянофилы и выдвинули свою *романтическую гносеологію,* ученіе о «всецѣломъ разумѣ» или «внутреннемъ сознаніи». Подъ послѣднимъ они понимали «всю совокупность духовнаго состава человѣческаго», т.-е. «собраніе всѣхъ душевныхъ силъ для разумѣнія» самой «дѣйствительности» бытія. Только путемъ гармонически цѣлостнаго сочетанія *мысли, чувства и вѣры,* по мнѣнію славянофиловъ, и возможно человѣку подняться на вершины того «высшаго духовнаго зрѣнія», съ помощью котораго онъ дѣйствительно можетъ познать вѣчную правду-истину, ибо на этотъ разъ уже «не одинъ отвлеченный разумъ, но вся совокупность умственныхъ и душевныхъ силъ кладутъ одну общую печать достовѣрности на мысль, предстоящую разуму». Только при означенномъ условіи, по убѣжденію славянофиловъ, и мыслимо цѣлостное, т.-е. субстанціональное познаніе. «Для цѣльной истины, — говорилъ И. Кирѣевскій, — нужна цѣльность разума!» Такимъ образомъ, чтобы достигнуть идеала *разумности* и избѣжать заблужденій самонадѣяннаго и ограниченнаго разсуда, согласно этой теоріи, необходимо, во-первыхъ, «понять мысль чувствомъ» и, во-вторыхъ, привести ее «въ сочувственное согласіе съ вѣрой».

Вѣра. *Вѣра,* по ученію славянофиловъ, и является, въ послѣднемъ счетѣ, тѣмъ верховнымъ началомъ, которое призвано занять «въ глубинѣ души» человѣка мѣсто «живого общаго средоточія для всѣхъ отдѣльныхъ силъ разума». «Вѣра,—писалъ Хомяковъ,— составляетъ предѣлъ внутреннему развитію человѣка». — «Безъ вѣры,—утверждалъ, въ свою очередь, И. Кирѣевскій,—жизнь человѣка не будетъ имѣть никакого смысла, умъ его будетъ счетной машиной, сердце—собраніемъ бездушныхъ струнъ, въ которыхъ свищетъ случайный вѣтеръ; никакое дѣйствіе не будетъ имѣть нравственнаго характера, и человѣка собственно не будетъ. Ибо человѣкъ—это его вѣра». Что же касается самой этой вѣры, то,— согласно ученію славянофиловъ,—она «не составляетъ чисто человѣческаго знанія, не составляетъ особаго понятія въ умѣ или сердцѣ, не вмѣщается въ одной какой-либо познавательной способности, не относится къ одному логическому разуму или сердечному чувству... но обнимаетъ всю цѣльность человѣка», «это высшая точка всѣхъ его помысловъ, тайное условіе его желаній и дѣйствій». Вѣра, собственно говоря, это и есть то «внутреннее сознаніе», та «нравственная пружина», которая дѣлаетъ человѣка ра-

зумнымъ» существомъ и сообщаетъ *цѣльность* его мышленію[1]). Съ этой точки зрѣнія и «самая философія», въ глазахъ И. Кирѣевскаго и его единовѣрцевъ, была «не что иное, какъ переходное движеніе разума человѣческаго *изъ области вѣры* въ область многообразнаго приложенія мысли бытовой», т.-е., говоря иначе, являлось порожденіемъ «того особеннаго настроенія разума, которое сообщено ему особеннымъ характеромъ вѣры». А если такъ, то становилось совершенно очевидно, что и «характеръ господствующей философіи» въ свою очередь всецѣло «зависитъ отъ характера господствующей вѣры». Естественно, что при такомъ «настроеніи разума» славянофилы должны были изъ тѣхъ же предпосылокъ вывести также и опредѣленіе центральнаго понятія всей своей философіи, понятія «просвѣщенья» или «образованности» [2]), въ которомъ они видѣли «живой продуктъ человѣческаго духа» и его высшее субстанціональное выраженіе. И они дѣйствительно устами Ю. Самарина рѣшительно провозгласили, что въ основѣ всякой развитой образованности всегда лежитъ законченная «система религіозныхъ вѣрованій». «Мѣра просвѣщенья, характеръ просвѣщенья и источники его, — резюмировалъ Хомяковъ,—опредѣляются мѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры».

Понятіе „просвѣщенія."

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ счетѣ, согласно славянофильской теоріи, оказывалось, что жизнь человѣческая въ своемъ теченіи направляется дѣйствіемъ той внутренней неуловимой энергіи души, которая образуетъ *центральное ядро* моральнаго существа человѣка, т.-е. его *вѣрой*. И это положеніе было одинаково приложимо, какъ къ отдѣльному человѣку, такъ и цѣлому народу. «Разница судебъ» въ исторіи народовъ,—писалъ Хомяковъ,—всегда «происходила отъ разницы въ вѣрѣ».

Въ послѣдней фразѣ по существу заключена уже и вся *философія исторіи* славянофиловъ, ибо въ исторіи они видѣли воплощеніе «народнаго духа», а въ народномъ духѣ — воплощеніе народныхъ вѣрованій или истинно національнаго «просвѣ-

---

[1]) «Это полнѣйшее различіе внутренняго знанія и разумной зрячести было названо (говоритъ Хомяковъ) *вѣрою по преимуществу* и опредѣлено съ изумительной строгостью величайшимъ изъ богоозаренныхъ мыслителей церкви».

[2]) «*Образованность, образованіе* — корень этихъ словъ (писалъ Ю. Самаринъ) и самое употребленіе ихъ указываетъ на свободное, изнутри совершившееся или продолжающееся развитіе того, что заключено въ предметѣ, что составляетъ его сущность».

щенья» въ его самобытной конкретной формѣ. Ниже мы еще увидимъ, какъ примѣнили они на практикѣ эти свои исторіософическіе принципы, въ настоящемъ же случаѣ намъ достаточно пока отмѣтить несомнѣнную и самую тѣсную связь этихъ принциповъ съ своеобразной мистической «теоріей познанія» славянофиловъ.

Методъ мышленія.

Что же касается этой послѣдней, то послѣ всего сказаннаго не трудно убѣдиться, что она была дѣйствительно насквозь проникнута реакціонно-романтическимъ духомъ. Задавшись цѣлью «возвратить права истинной религіи», славянофилы прежде всего выставили требованіе гармоническаго сочетанія «вѣры» и «вѣдѣнія», науки и «откровенія». Начавъ съ критики «односторонней» и «разрушительной» разсудочности и «убѣдившись въ ограниченности самомышленія и въ необходимости Божественнаго Откровенія, хранящагося въ преданіи», они сдѣлали попытку построенія своей собственной теоріи познанія или, какъ говорили они, «высшаго и истиннѣйшаго способа мышленія». Въ результатѣ и получился тотъ «богословско-философскій способъ мышленія», съ помощью котораго они думали дойти до раскрытія «высшей истины», подчинивъ предварительно научную мысль «вѣрующему разуму». Само собою разумѣется, что вопросъ о томъ, какимъ путемъ возможно было бы достичь этого примиренія, былъ оставленъ славянофилами безъ отвѣта, какъ и другой,—гдѣ же объективный критерій откровенной истинной «истины». Для нихъ самихъ загадочная мистерія «живого цѣльнаго зрѣнія ума» оставалась великой тайной, которая далеко выходила за черту «логической разсудочности», а потому и не подлежала власти «*анализирующаго*» ума.

Антитеза „Запада“ и „Востока“.

Установивъ такимъ образомъ два типа мышленія или *два метода познанія,* славянофилы соотвѣтственно имъ открыли затѣмъ въ исторіи современнаго имъ человѣчества и *два типа культуры* или «просвѣщенія». Это были, съ одной стороны, *европейскій Западъ,* съ другой — *славянскій Востокъ,* два несоизмѣримыхъ въ своей сущности міра — «міръ романо-германскій или католико-протестантскій» и «міръ славяно-православный, единоплеменный и единовѣрный» святой Руси. По мнѣнію славянофиловъ, міры эти представляли два *противоположныхъ* явленія человѣческой культуры, глубоко раздѣленныхъ между собою «во всѣхъ началахъ духовнаго и общественнаго развитія». Поэтому они поставили своей задачей, говоря словами Хомякова, именно «*опредѣленіе типовъ западнаго* и *восточнаго,* т.-е.

тѣхъ идеаловъ, которые лежатъ въ основѣ двухъ разнородныхъ просвѣщеній и двухъ разнородныхъ исторій». Рѣшеніе задачи не представляло, однако, для нихъ особыхъ трудностей, принимая во вниманіе своеобразный методъ познанія истины, введенный «школою». Славянофилы прямо объявили, что «характеръ образованности европейской есть чисто раціональный», просвѣщеніе же славянской народности зиждется на основѣ «разумности». Такимъ образомъ, по утвержденію И. Кирѣевскаго, «*раздвоеніе* и *цѣльность*, *разсудочность* и *разумность* будутъ послѣднимъ выраженіемъ западно-европейской и древне-русской образованности». И «отцы» школы затратили не мало остроумія и таланта, чтобы всѣми правдами и неправдами обосновать столь лестный для всего славянскаго, и особенно русскаго, міра тезисъ о превосходствѣ *началъ* родной національной культуры надъ упадочной и разлагающей культурой Запада. При этомъ они усиленно подчеркивали, что дѣло въ данномъ случаѣ идетъ вовсе не о какихъ-либо *внѣшнихъ различіяхъ* той или иной «образованности», которыя можно констатировать и на Западѣ, а именно о самыхъ «началахъ просвѣщенія». Въ отношеніи къ этимъ «началамъ» народы Запада, по мнѣнію школы, «составляютъ вмѣстѣ» неразрывное «духовное единство» и въ настоящемъ своемъ качествѣ могутъ и должны быть противопоставлены, какъ нѣчто цѣлое, славянскому міру и Россіи, ибо «начала просвѣщенія русскаго совершенно отличны отъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составилось просвѣщеніе народовъ европейскихъ». Спрашивается, въ чемъ же заключались *особенности* тѣхъ элементовъ или, какъ тогда любили выражаться, «стихій», изъ которыхъ слагались два вышеназванныхъ «типа» *восточной* и *западной* образованности?

Элементы западнаго просвѣщенія.

Мы уже знаемъ, что славянофилы изъ религіозныхъ вѣрованій выводили понятіе о національномъ просвѣщеніи. Слѣдовательно, мы въ правѣ ожидать, что они на ту же точку зрѣнія станутъ и въ послѣднемъ случаѣ. И дѣйствительно, они стремились объяснить глубокое различіе культуры западнаго и восточно-русскаго міровъ *различіемъ тѣхъ условій*, которыми сопровождалось *принятіе христіанства* на Западѣ и въ древней Руси.

«Не племенныя особенности,—говорилъ И. Кирѣевскій,—а вѣроисповѣдныя — вотъ что лежитъ въ основаніи этихъ двухъ полярныхъ культуръ». Дѣло въ томъ, что ученіе Христа проникло на Западъ не въ чистомъ его видѣ откровенной истины, а преломившись, такъ сказать, сквозь призму «римскаго христіанства,

міръ необразованныхъ варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію и классическій міръ древняго язычества». Такимъ образомъ, три историческія особенности дали отличительный характеръ всему развитію просвѣщенія на Западѣ: особая форма, черезъ которую проникло въ него христіанство, особый видъ, въ которомъ перешла къ нему образованность древне-классическаго міра, и, наконецъ, особые элементы, изъ которыхъ сложилась въ немъ государственность [1]).

Подъ вліяніемъ трехъ названныхъ факторовъ и опредѣлилась духовная сущность «западнаго человѣка», который, утративъ свою внутреннюю цѣльность, кончилъ рѣшительнымъ «предпочтеніемъ разсудка передъ разумностью». Односторонній логизмъ ума, практическій взглядъ на вещи и, наконецъ, грубый матеріализмъ—таковы были ближайшія послѣдствія искаженія нравственной природы человѣка на Западѣ. Подмѣнивъ «философію разума» «философiей разсудка», европейскій міръ тѣмъ самымъ отказался отъ «внутренней правды» жизни и сталъ искать внѣшнихъ «авторитетовъ, формальныхъ гарантій», какъ въ сферѣ религіозныхъ, общественныхъ, такъ и политическихъ отношеній и идеаловъ. Въ результатѣ получилась непримиримая *двойственность* европейскаго просвѣщенья, «раздѣленіе жизни внѣшней отъ внутренней» и, наконецъ, «полная шатость и безплодность духовнаго міра на Западѣ». «Въ самомъ дѣлѣ,—говорили славянофилы,—посмотрите, что совершается на этомъ прославленномъ Западѣ». Романизованная западная церковь, отпавъ отъ единой восточной соборной церкви и возведя свою «особенность» въ догматъ, кончила совершеннымъ разложеніемъ. Отъ неправды *католицизма*, въ которомъ сказалось торжество римскаго «начала отвлеченнаго авторитета» (схоластики и папизма) она перешла путемъ церковнаго бунта—*реформаціи*—къ неправдѣ *протестантизма*, въ которомъ столь же рѣзко заявило себя противоположное «германское начало личности», полагавшее «основаніемъ вѣры... личное убѣжденіе каждаго!» Такъ, западную церковь поразила двойная «ложь», борьба и расколъ сдѣлались ея удѣломъ [2]). А тамъ пришелъ и пе-

Кризисъ западной церкви.

[1]) Представленіе о трехъ коренныхъ элементахъ западной цивилизаціи было почерпнуто и Кирѣевскимъ и Самаринымъ у извѣстнаго французскаго историка Гизо.

[2]) Отличительной чертой западнаго христіанства, по словамъ И. Кирѣевскаго, является, съ одной стороны, «борьба вѣры противъ разума», съ другой — «торжество разума надъ вѣрою».

чальный финалъ: съ одной стороны, философы принялись за жалкую работу—сочинять себѣ вѣру, съ другой—появилось и прямое невѣріе. Искаженная религіозная мысль Запада совершила такимъ образомъ полный кругъ своего развитія: «сперва схоластическая философія внутри вѣры, потомъ реформація въ вѣрѣ и, наконецъ, философія внѣ вѣры» (И. Кирѣевскій). Но констатируя фактъ разложенія западнаго христіанства подъ вліяніемъ «ядовитаго начала» раціонализма, которое сулитъ Европѣ «будущее паденіе», славянофилы на ряду съ этимъ отмѣчали, что въ западномъ обществѣ, несомнѣнно, ощущается новый *поворотъ* въ сторону религіознаго чувства, что оно «томится внутреннею жаждою Божественной истины» и дѣлаетъ уже попытки «сближенія религіи съ жизнью». Поэтому они съ сочувствіемъ привѣтствовали возрожденіе мистицизма на Западѣ, появленіе тамъ «кружковъ *напряженно вѣрующихъ*» (піетистовъ), а также и «новыхъ догматическихъ системъ».

Кризисъ западной философіи.

Но отмѣчая всеобщій кризисъ религіознаго міросозерцанія на Западѣ, славянофилы тѣ же самыя тенденціи подчеркивали и въ исторіи развитія европейской философской мысли. По мнѣнію Хомякова, «кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія», на которомъ покоилась вся философія З. Европы, «ею обойденъ» и уже законченъ: «раціонализмъ ударился о свою границу» и обнаружилъ полное свое банкротство. «Судъ уже совершонъ надъ образованностью Запада и совершонъ безпристрастно: ибо самъ Западъ произнесъ приговоръ свой въ послѣднихъ выводахъ философскаго мышленія». Но «логика исторіи, — подчеркиваетъ Х.,— произнесла свой приговоръ не надъ формами, но надъ *духовной* жизнью З. Европы», ея внутренними началами. Лучшимъ примѣромъ, какъ думаютъ славянофилы, въ данномъ случаѣ и являются корифеи нѣмецкой «разсудочной» философіи — Кантъ и Гегель. «Вся школа Канта есть школа разсудочная»,—говоритъ тотъ же Хомяковъ,—а «Гегель—полнѣйшій и... единственный раціоналистъ въ мірѣ». Но ошибка школы Канта и Гегеля въ томъ и заключалась, что она отожествляла «личное пониманіе» съ «самой дѣйствительностью» и, подобно великому схоластику Аристотелю и его школѣ, «разорвавъ цѣльность умственнаго самосознанія, перенесла корень внутренняго убѣжденія человѣка, внѣ нравственнаго и эстетическаго смысла, въ отвлеченное сознаніе разсуждающаго разума». (И. Кирѣевскій.) Въ результатѣ получился безобразный «систематическій призракъ», вмѣсто познанія міровой

субстанціи: сцѣпленіе безсодержательныхъ отвлеченныхъ логическихъ понятій! Естественно, что ближайшимъ слѣдствіемъ подобной безплодной игры ума должно было явиться «всеобщее чувство недовольства и обманутыхъ надеждъ» въ европейскомъ обществѣ. Съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ привѣтствовали славянофилы поворотъ Шеллинга въ сторону *философіи откровенія* противъ панлогизма Гегеля. И. Кирѣевскій заявилъ даже по сему поводу въ своей извѣстной статьѣ «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи» (1856 г.), что «система Шеллинга», въ ея новой концепціи, «можетъ служить у насъ (въ Россіи) самою удобною ступенью мышленія отъ заимствованныхъ системъ къ любомудрію самостоятельному». Но, конечно, говоря такъ, Кирѣевскій имѣлъ въ виду лишь общую *тенденцію* философіи Шеллинга, въ которой онъ видѣлъ важный *симптомъ* остраго кризиса «раціональнаго мышленія» на Западѣ. По существу же, шеллингизмъ такъ же мало удовлетворялъ его, какъ и гегелизмъ, и онъ находилъ въ немъ столько же истиннаго, сколько и ложнаго. «Убѣдившись въ ограниченности самомышленія и въ необходимости Божественнаго откровенія, хранящагося въ преданіи», Шеллингъ— по мнѣнію Кирѣевскаго — попалъ, однако, въ безвыходное положеніе, такъ какъ *на Западѣ ему негдѣ было найти подлиннаго откровенія въ его чистомъ, неискаженномъ видѣ*. Но въ этомъ былъ трагизмъ не одного Шеллинга: геніальный философъ, какіе — по выраженію Кирѣевскаго — «рождаются не вѣками, а тысячелѣтіями», Шеллингъ явилъ собою живой *символъ* всей З. Европы, представшей міру въ образѣ кающагося Никодима. Въ лицѣ Шеллинга Европа сознала свой грѣхъ и впервые заявила требованіе на то новое «начало», котораго ей до тѣхъ поръ не доставало; она взалкала *живой правды-истины*, «внутренней цѣльности сознанія». Но откуда же могла она почерпнуть этой живой воды? Возвратъ къ прошлому для нея былъ бы безцѣленъ, ибо ея настоящее было порожденіемъ именно этого прошлаго, отъ котораго ей поэтому предстояло возможно скорѣе отказаться. Оставалось, слѣдовательно, единственное средство—«принять новое духовное начало» извнѣ, заимствовавъ его у того народа, который является носителемъ истиннаго христіанства и чистаго преданія. Нетрудно догадаться, что это былъ за народъ. «Романогерманскій міръ, — писалъ въ 1847 г. Ю. Самаринъ, — дошелъ до *отвлеченной формулы, до требованія того начала, которое составляетъ природу племени славянскаго*», и такимъ обра-

зомъ «совпадаетъ съ нашею субстанціею». Истиннымъ носителемъ христіанской идеи, говоритъ и Хомяковъ, «является Востокъ, по преимуществу же земля Славянская и во главѣ ихъ наша Русь». Такимъ образомъ, на помощь погибающему Западу, пораженному смертельнымъ недугомъ, должна прійти *православная* «святая Русь»! А что Западъ дѣйствительно погибалъ, въ этомъ не могло быть никакихъ сомнѣній, по крайней мѣрѣ, для славянофиловъ.

„Гніеніе“ Запада, и „начало“ личности.

И дѣйствительно, они употребили всю свою эрудицію и краснорѣчіе, чтобы обосновать одинъ изъ главныхъ своихъ тезисовъ о разложеніи или, какъ говорили они, о *гніеніи* западной культуры. Обычно творцомъ этого тезиса принято считать С. Шевырева. Однако, прежде чѣмъ появилась извѣстная статья Шевырева въ «Москвитянинѣ» 1841 г. «Взглядъ русскаго на образованіе Европы», гдѣ авторъ ея произнесъ строгій приговоръ надъ западнымъ просвѣщеньемъ, Грановскій въ письмѣ къ Станкевичу (1839 г.) уже формулировалъ, на основаніи бесѣдъ съ Кирѣевскими, сущность славянофильской доктрины въ слѣдующихъ словахъ: «главныя ихъ положенія: Западъ сгнилъ и отъ него уже не можетъ быть ничего, русская исторія испорчена Петромъ» и т. д. Въ печати же о «гнилыхъ проявленіяхъ» разлагающейся западной цивилизаціи еще въ 1838 г. впервые заговорилъ М. Бакунинъ въ «Московскомъ наблюдателѣ». Но какъ бы то ни было, Грановскій не безъ основанія поставилъ на первомъ мѣстѣ мнѣніе славянофиловъ о гніеніи Запада. Это былъ тотъ самый вопросъ, на которомъ они особенно рѣзко столкнулись съ «западниками», такъ какъ именно въ сферѣ оцѣнки западнаго просвѣщенья и его «началъ» сравнительно съ «началами» русской образованности должно было во всей силѣ сказаться глубокое различіе общественно-политическихъ идеаловъ той и другой «партіи». Что касается славянофиловъ, то они и здѣсь остались вѣрны своимъ исходнымъ предпосылкамъ. Они объявили западную цивилизацію въ корнѣ ложной, какъ основанную на одностороннемъ «развитіи *германскаго* начала *личности*», т.-е. личности эгоистической «*съ характеромъ исключительности, ставящей себя мѣриломъ всего*» (Ю. Самаринъ).

«Весь частный и общественный бытъ Запада,—писалъ И. Кирѣевскій,—основывается на понятіи объ индивидуальной, отдѣльной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Отсюда святость внѣшнихъ формальныхъ отношеній,

святость собственности и условныхъ постановленій важнѣе личности. Каждый индивидуумъ... *внутри своихъ правъ*, есть лицо самовластное, неограниченное, само себѣ дающее законъ». Такимъ образомъ, въ глазахъ славянофиловъ, понятіе «германской личности», будучи чуждо «идеѣ о человѣкѣ», въ которой гармонически сливаются начала «свободы и единства», является понятіемъ искаженнымъ, не полнымъ. А разъ это такъ, то «частная личная самобытность», лежащая въ «основѣ западнаго развитія», должна была внести такую же *раздвоенность* въ общественный бытъ Европы, какъ и ея разсудочность — въ сферу вѣры и философскаго мышленія. И дѣйствительно, понятіе «свободы» личности (говорятъ «славяне») оказалось на Западѣ въ непримиримомъ противорѣчіи съ началомъ общественнаго «единства», а при такихъ условіяхъ *проблема личности и общества* по существу явилась неразрѣшимой задачей для европейской теоріи и жизненной практики. Далекая внутренней правды и цѣльности сознанія, несчастная Европа вынуждена была поэтому и въ данномъ случаѣ направить свое историческое движеніе путемъ внѣшней формальной «правды» (договорнаго начала) и прибѣгнуть даже, какъ къ ultima ratio, насилію власти и грубой физической силѣ.

Начало завоеванія и западная государственность.

Такимъ образомъ, нескончаемая борьба партій, бунты и революціи должны были стать удѣломъ З. Европы. И славянофилы стремились показать, какъ черезъ всю исторію романо-германскаго міра проходитъ яркая «двойственность въ жизни народной (завоеванные и завоеватели) и двойственность въ понятіи духовномъ». Прежде всего, говорили они, начало необузданной самовластной «личности» сказалось при самомъ образованіи западнаго міра въ фактѣ *завоеванія* Римской имперіи германскими варварами. Событіе это опредѣлило въ дальнѣйшемъ всю судьбу народовъ Европы. «Начавшись насиліемъ,—говоритъ И. Кирѣевскій,—государства европейскія должны были развиваться переворотами, ибо развитіе государства есть не что иное, какъ развитіе внутреннихъ началъ, на которыхъ оно основано». Такъ, на Западѣ «все возникло изъ завоеванія и изъ вѣковой борьбы». Отсюда всѣ его неустройства и всѣ опасные недуги: «государственное раздѣленіе» или феодализмъ, «враждебная разграниченность сословій», «волненіе духа партій», «крайній аристократизмъ» и «отчаянный демократизмъ», господа и рабы, буржуа и пролетаріи, «щеголеватость роскоши, прихоть моды» и пауперизмъ, расколъ въ Церкви, революціонные перевороты, «гордость» сильныхъ и просвѣщенныхъ, ненависть

и раболѣпство «подлой черни» и т. д. и т. д. Среди этой всеобщей «войны всѣхъ противъ всѣхъ», за отсутствіемъ внутренней нравственной силы, по словамъ славянофиловъ, западный міръ и вынужденъ былъ всегда искать, ради самосохраненія, *чисто формальныхъ гарантій порядка* и *принудительныхъ началъ*, такъ сказать, «внѣ себя»—«въ іерархіи феодальной, въ аристократизмѣ, въ понятіи о правѣ, въ понятіи о государственной власти». Естественно, что при такихъ условіяхъ западная «государственность», родившаяся «изъ насилій завоеванія», должна была, въ цѣляхъ охраненія общественнаго міра на будущее время, опереться на какой-нибудь искусственный авторитетъ или законную норму. Такую опору она дѣйствительно и нашла въ томъ «общественномъ договорѣ», который отнюдь не являлся досужимъ «изобрѣтеніемъ энциклопедистовъ», а представлялъ изъ себя реальную *историческую основу европейскаго государственнаго быта*, построеннаго на «конституціонной лжи». Подмѣнивъ такимъ образомъ еще разъ общественную «правду» *юридической* принудительной нормой, хартіей «взаимныхъ гарантій, вызванныхъ взаимнымъ недовѣріемъ» народа и власти, европейскій міръ, по мнѣнію славянофиловъ, создалъ изъ своего государства такимъ путемъ не что иное, какъ мертвую «искусственную ассоціацію» по рецепту «Contrat social» Руссо [1]). Но ложь политическая не спасла бездушную машину западнаго государства отъ справедливаго возмездія. Противъ *насилія* этого государства, не освященнаго никакимъ *нравственнымъ* началомъ, возстало само европейское общество, выносившее въ собственномъ чревѣ безобразный плодъ своей грѣховной жизни — «соціалистическое и коммунистическое движеніе съ его гордыми притязаніями... найти разумныя формы для безсмысленнаго содержанія». «Несмотря на свою дѣйствительную нелѣпость, — писалъ Хомяковъ, — коммунизмъ представляетъ «совершенно законный выводъ изъ той общественной жизни, изъ которой возникъ». Такъ, по мнѣнію славянофиловъ, европейскій Западъ былъ обреченъ вращаться въ порочномъ кругу двойной лжи, лжи государственной и лжи общественной. Что же касается внѣшняго блеска западной матеріальной культуры, то весь этотъ грандіозный «самообманъ» лишенной внутренняго содер-

---

[1]) Такой же *договорный*, искусственный характеръ, лишенный всякаго внутренняго единства, по мнѣнію славянофиловъ, носили и всѣ прочія ассоціаціи и союзы въ Западной Европѣ.

жанія цивилизаціи [1]) не могъ, конечно, соблазнить славянофиловъ. По ихъ убѣжденію заманчивая оболочка европейской культуры скрывала въ себѣ насквозь прогнившую уже ея сердцевину. «Европа,—писалъ въ 1849 г. И. Кирѣевскій,—«гніетъ» отъ «нравственной заразы... отъ той французской болѣзни, отъ которой у бѣднаго западнаго человѣка уже провалилось небо».—«Грустно видѣть, какимъ лукавымъ, но неизбѣжнымъ и праведно насланнымъ безуміемъ страдаетъ теперь человѣкъ на Западѣ»! Такъ отчитывали славянофилы заживо погребаемый ими Западъ. Впрочемъ, осуждая безповоротно одностороннія «начала», лежавшія, по ихъ мнѣнію, въ основаніи европейскаго «просвѣщенья», они вовсе не отрицали возможности *заимствованій* съ этого погибельнаго и погибающаго Запада чисто *техническихъ*, научныхъ знаній, которыя для всѣхъ людей одинаковы и обязательны, какъ «дважды два — четыре». «Неразумно бы было не цѣнить,—писалъ Хомяковъ,—того множества полезныхъ знаній, которыя мы уже почерпали и еще черпаемъ изъ неутомимыхъ трудовъ западнаго міра; а пользоваться этими знаніями и говорить объ нихъ съ неблагодарнымъ пренебреженіемъ было бы нетолько неразумно, но и нечестно... Учитесь у западныхъ народовъ, это необходимо; но не подражайте имъ, не вѣруйте въ нихъ!.. Умѣйте цѣнить ихъ, награждайте ихъ, любите ихъ... но не включайте ихъ въ свое общественное братство, развѣ бы они были православные, а особенно православные славяне». Слѣдовательно, заимствоваться *знаніями* съ Запада можно, но нужно бояться, какъ огня, усвоенія самыхъ *началъ* западнаго просвѣщенья, которыя несутъ въ себѣ «заразительный недугъ» и могутъ поэтому погубить всякаго, кто поддастся соблазну его прелестей. «Заимствованія,—говоритъ Самаринъ,—должны ограничиваться той областью, которая относится индеферентно къ кореннымъ началамъ (народной жизни), т.-е. областью фактическаго знанія, внѣшняго опыта и матеріальныхъ усовершенствованій».—«Мы обязаны (подтверждаетъ и Хомяковъ) принять все то, чѣмъ можетъ укрѣпиться земля, расшириться промыслы, улучшиться общественное благосостояніе... но отвергнуть все то, что основывается на дурномъ

Отношеніе славянофиловъ къ западной наукѣ.

---

[1]) Славянофилы, говоря объ аморальномъ характерѣ западнаго государства и культуры, подчеркивали въ то же время ея матеріалистическій, *промышленный* духъ. «Одно осталось серьезное для человѣка (Запада): это промышленность,—писалъ Кирѣевскій;—ибо для него уцѣлѣла одна дѣйствительность бытія: его физическая личность. Промышленность управлять міромъ безъ вѣры и поэзіи».

началѣ». Такимъ образомъ, въ противовѣсъ «западникамъ», славянофилы отвергли самыя *основы* западной культуры, отказавшись признать въ нихъ *начала общечеловѣческiя*, разумныя, т.-е. нѣчто объективно необходимое и обязательное для всѣхъ народовъ и временъ. «Одностороннее знакомство съ Западомъ,—по словамъ Хомякова,—и признанiе его за норму человѣческой дѣятельности привело къ произвольной теорiи, выдаваемой за законъ развитiя человѣческаго». Съ этой точки зрѣнiя, какъ мы видѣли, славянофилы полагали, что не только Россiи нечему учиться у Запада, но что, напротивъ, *Западу слѣдуетъ принять наше «начало»*, какъ единственно истинное и животворящее, иначе безъ этого «необходимаго дополненiя образованности европейской», ей грозитъ полное разложенiе и смерть. Такъ отъ уничтожающей критики протестантско-католическаго, романо-германскаго мiра славянофилы дѣлали непосредственный переходъ къ славословiю началъ истинно-христiанскаго «просвѣщенья» православно-русскаго Востока.

Обращаясь теперь отъ «лживаго» Запада къ славянскому мiру [1]) и его величайшему представителю—народу русскому, славянофилы широко развернули положительное содержанiе своей «славяно-христiанской» философiи, какъ назвалъ ее И. Кирѣевскiй. Именно на этой почвѣ и получили свою окончательную формулировку и выраженiя ихъ богословскiя, философскiя, историческiя и общественно-политическiя вѣрованiя.

Элементы „восточнаго" просвѣщенiя. Православiе.

Прежде всего, конечно, школа поспѣшила выяснить природу того субстанцiональнаго начала, которое, по ея убѣжденiю, представляло исключительную «особенность» мiра «восточнаго» въ его *противоположности* мiру «западному». Мы уже знаемъ, что славянофилы строили антитезу западнаго и восточнаго «типа» на глубокомъ различiи тѣхъ «просвѣтительныхъ» началъ, на которыхъ покоилась вся ихъ культура, полагая въ то же время въ

---

1) Хотя славянофилы и говорили постоянно о *славянскомъ* мiрѣ, тѣмъ не менѣе они разумѣли подъ нимъ, главнымъ образомъ, русскихъ славянъ и особенно великоруссовъ. Они были поэтому по преимуществу *москвофилами* и *руссофилами*,—обстоятельство, которое ихъ ставило въ нѣсколько натянутыя отношенiя къ идеѣ *панславизма*, превращеннаго ими — по справедливому замѣчанiю Палацкаго — въ «панруссизмъ». Въ послѣднемъ смыслѣ славянофилы заявили себя дѣйствительно централистами, какъ въ вопросѣ вѣроисповѣдномъ (православiе), такъ и въ культурномъ (единство языка) и политическомъ (верховенство Россiи). На этой почвѣ основывались ихъ полемическiя выступленiя противъ Вука Караджича, украйнофиловъ, поляковъ и т. п.

основаніе послѣдней религіозное чувство. Въ противность «разсудочному», протестантско-католическому Западу они и выдвинули въ первую очередь «разумную» образованность *православнаго* Востока. «Особенность Россіи (міра восточнаго),—писалъ И. Кирѣевскій,—заключалась въ самой полнотѣ и чистотѣ того выраженія, которое *христіанское ученіе* получило въ ней,—во всемъ объемѣ ея общественнаго и частнаго быта». Въ то время, какъ «другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ племенъ, принявшихъ впослѣдствіи христіанскую вѣру» въ формѣ «латинства», «наша Русь (подчеркиваетъ Хомяковъ) создана самимъ христіанствомъ... Изъ стѣнъ Византіи, изъ горныхъ монастырей, изъ малыхъ семей славянскихъ, уже принявшихъ христіанство, выступили кроткіе завоеватели, вооруженные благовѣствованіемъ вѣры», которые и принесли къ намъ благодать божественной истины. Такъ Русь и весь славянскій міръ приняли «философію христіанства» въ ея чистомъ видѣ, наслѣдовавъ божественное преданіе непосредственно отъ св. отцовъ восточной церкви [1]). И это истинное, *православное* христіанство упало на свѣжую нетронутую почву древне-русской земли, которая осталась совершенно чужда вліяніямъ *классическаго древняго міра*. Такимъ образомъ, «вѣра христіанская была первой воспитательницей молодыхъ племенъ славянскихъ», а этотъ фактъ, въ глазахъ славянофиловъ, имѣлъ рѣшающее значеніе, такъ какъ всѣ «особенности русскаго быта заключались въ его живомъ исхожденіи изъ чистаго христіанства». Къ этому и сводилась, въ концѣ-концовъ,—по ученію школы—вся сущность, такъ называемаго, русскаго «просвѣщенья» или русскаго духа. «Русскій православный духъ,—духъ истинной христіанской вѣры», объявилъ категорически И. Кирѣевскій.

Но отожествляя «истинное христіанство» съ православіемъ, славянофилы въ то же время отожествляли его съ той «внутренней цѣльностью сознанія», которая, по ихъ мнѣнію, одна даетъ познаніе сущности вещей и высшей правды. *Православіе*—это и есть живая гармоничная «цѣльность разума», то четвертое измѣреніе, силою котораго открываются всѣ тайны міра. «Въ томъ

---

[1]) «Ученія св. отцовъ православной церкви перешли въ Россію, можно сказать, вмѣстѣ съ первымъ благовѣстомъ христіанскаго колокола. Подъ ихъ руководствомъ сложился и воспитался коренной русскій умъ, лежащій въ основѣ русскаго быта», говоритъ И. Кирѣевскій.

то и заключается главное отличіе *православнаго мышленія*,— писалъ И. Кирѣевскій,—что оно ищетъ не отдѣльныя понятія устроить сообразно требованіямъ вѣры, но самый разумъ поднять выше своего обыкновеннаго уровня,—стремится самый источникъ разумѣнія, самый способъ мышленія возвысить до сочувственнаго согласія съ вѣрою». Такимъ образомъ, то, что было немыслимо для Запада, оказалось изначальной особенностью «святой Руси». Естественно, какъ должны были дорожить славянофилы этимъ національнымъ сокровищемъ, въ которомъ они видѣли залогъ грядущаго величія Россіи. По ихъ мнѣнію, даже прямо выходило, что «все, что препятствуетъ правильному и полному развитію православія, все то препятствуетъ развитію и благоденствію народа русскаго... Поэтому, чѣмъ болѣе будетъ проникаться духомъ православія государственность Россіи и ея правительство, тѣмъ здоровѣе будетъ развитіе народное» (И. Кирѣевскій). Говоря иначе, необходимо полное согласованіе въ духѣ православія «вѣры, вѣдѣнія и власти». Таковъ былъ первый выводъ, къ которому пришли славянофилы и который ихъ логически привелъ къ принятію офиціальной формулы общеевропейской политической реакціи, объединившейся подъ сѣнью «Священнаго союза».

Русская народность.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ исходнымъ основоположеніемъ славянофильской доктрины стоитъ и ея ученіе о «*русской народности*», такъ какъ отцы школы «понимали ее въ неразрывной связи съ православной вѣрой, изъ которой,—по словамъ Самарина,—истекаетъ вся система нравственныхъ убѣжденій, правящихъ семейною и общественною жизнью русскаго человѣка». Если понятіе личности и народа для славянофиловъ сводилось къ понятію ихъ вѣры, то совершенно очевидно, что *цѣльности* православнаго сознанія русскаго народа должна была соотвѣтствовать «*общая цѣльность его быта*», во всемъ представлявшая полную противоположность началамъ общественнаго уклада народовъ Запада. Характерною особенностью этого послѣдняго, какъ мы знаемъ, славянофилы считали его *раздвоенность*, господство *внѣшней* правды и непримиримый *антагонизмъ* между личностью и обществомъ. Отсюда вѣчная вражда, насиліе, ложь и развратъ, царящіе въ западномъ мірѣ, утратившемъ всякое нравственное начало. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ русской народностью, которая, по выраженію Хомякова, искони хранитъ въ себѣ «сокровище неисчерпаемое всякой правды и всякаго добра» и

«представляетъ намъ примѣръ и *начала* всего добраго». Это сокровище «русской народной стихіи» заключается, по убѣжденію школы, въ томъ «высокомъ *началѣ единства,* которое лежитъ основою всей нашей мысли и всей нашей народной силы» и воплощается въ крестьянской сельской *общинѣ.* Община это и есть палладіумъ русской народности! «Общинное начало, — писалъ Самаринъ, — составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи прошедшей, настоящей и будущей». Ею «жизнь наша цѣла и крѣпка», въ ней «русскій имѣетъ неоспоримое преимущество передъ всѣми европейцами», безъ нея «въ исторіи русской нельзя понять ни строки». «Съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ,—говоритъ К. Аксаковъ,—мы видимъ въ племенахъ славянскихъ *общину,* устройство уже образованное, разумно-человѣческое, а не естественно-человѣческое, какъ, напр., родовой бытъ (слѣдовъ котораго исторія между славянами не открываетъ)».

Русская община.

Но что такое община, по ученію славянофиловъ. «Община, — отвѣчаетъ тотъ же авторъ,—это — «великій нравственный образъ человѣчества», это — «союзъ людей, отказавшихся отъ своего эгоизма, отъ личности своей, и являющихъ общее ихъ согласіе: это дѣйство любви, высокое дѣйство христіанское, болѣе или менѣе неясно выражающееся въ разныхъ *другихъ* своихъ проявленіяхъ. Община представляетъ, такимъ образомъ, нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ». Слѣдовательно, «личность въ русской общинѣ не подавлена; она только лишена своего буйства, эгоизма, исключительности» [1]). При такихъ условіяхъ община славянофильской конструкціи являлась идеальнымъ рѣшеніемъ роковой проблемы объ отношеніи личности къ обществу. Оба эти начала — индивидуальное и соціальное, какъ оказывалось, находили свое высшее примиреніе въ общинномъ началѣ, которое являлось воплощеніемъ начала «разумности», какъ начала *нравственнаго* въ противоположность «договорнымъ» ассоціаціямъ (дружинамъ) Запада, построеннымъ на «раціональныхъ» основаніяхъ. «Мыслители западные,—говоритъ

---

[1]) «Общинный бытъ славянъ,—подтверждаетъ и Самаринъ,—основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ отреченіи ея отъ своего полновластія».

Хомяковъ,—вертятся въ безвыходномъ кругѣ потому только, что идея общины имъ недоступна. Они не могутъ итти никакъ дальше ассоціаціи», представляющей плодъ «тѣсной разсудочности, мертвой и мертвящей». Въ общинѣ, напротивъ, цѣлостно выражается «внутренняя жизнь духа», ибо она — союзъ «не *договорный*, а *бытовой*», нравственный союзъ совѣта, любви и самоотреченія. Разумное развитіе личности такимъ путемъ становится возможно только въ общинѣ. А если это справедливо, то отсюда слѣдуетъ, что именно въ славянской общинѣ нашла свое идеальное выраженіе *общечеловѣческая христіанская истина*, единая и абсолютная, носителемъ которой и провозглашался новый Израиль, русскій народъ. Впрочемъ, какъ спѣшитъ разъяснить К. Аксаковъ, «русскій народъ не есть народъ, это человѣчество; народомъ является онъ оттого, что обставленъ народами съ исключительно народнымъ смысломъ, и человѣчество является въ немъ потому народностью». Такимъ образомъ, оказывалось, что въ лицѣ русскаго народа *народное* и *общечеловѣческое* совпадало, и русскій человѣкъ объявлялся *всечеловѣкомъ*. Но тѣмъ самымъ опредѣлялось уже и то мѣсто, которое долженъ былъ занять этотъ необыкновенный народъ въ міровой лѣствицѣ историческихъ народовъ.

Народное и общечеловѣческое.

Мы уже знаемъ, что, согласно теоріи славянофиловъ, подъ *народностью* они разумѣли «тѣ начала, которыя народъ признаетъ, въ которыя онъ вѣруетъ» и въ которыхъ, въ процессѣ исторіи, раскрывается его «особенность». Но идя далѣе, вслѣдъ за Шеллингомъ, славянофилы признавали также, что всеміpно-историческое движеніе совершается черезъ отдѣльныя народности, изъ коихъ каждая выражаетъ собою, хотя и неполно, какую-нибудь *одну сторону человѣчества*. Такъ, германскіе народы, напр., развили по преимуществу «начало личности», получившее у нихъ, впрочемъ, довольно одностороннее выраженіе. Однако въ вопросѣ о всеміpно-исторической роли славянскаго міра славянофилы поддались также и вліянію «философіи исторіи» Гегеля, поскольку историческая миссія русскаго народа понималась ими, какъ высшій примиряющій *синтезъ* начала личности и общественности и поскольку они готовы были отожествлять понятіе «русскаго народа» и «человѣчества» во всей его цѣльности. «*Разумное развитіе отдѣльнаго человѣка*,—говоритъ Хомяковъ,—*есть возведеніе его въ общечеловѣческое достоинство, согласно съ тѣми особенностями, которыми его отличила природа. Ра-*

зумное развитіе народа есть возведеніе до общечеловѣческаго значенія того типа, который скрывается въ самомъ корнѣ народнаго быта». Такъ именно отвѣтило славянофильство на тотъ приговоръ, который произнесъ самъ Гегель надъ славянскимъ міромъ. Если нѣмецкій философъ объявилъ славянскіе народы мертворожденными, а германскую націю возвелъ въ достоинство абсолютно общечеловѣческое, то славянофилы, съ своей стороны, «по Гегелю» же провозгласили германскій Западъ заживо погребеннымъ, а на его мѣсто поставили «святую Русь». Такимъ образомъ опредѣлилась *міровая миссія* русскаго народа. Ему суждено было одновременно разрѣшить и ту задачу, которую уже созналъ западный міръ, но на разрѣшеніе которой онъ не имѣлъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ суждено было открыть для всего человѣчества истинный путь къ вѣчной высшей правдѣ. Въ первомъ случаѣ славянофилы утверждали, что «вѣнецъ просвѣщенія европейскаго», т.-е. та «отвлеченная формула», къ которой, какъ было указано выше, пришелъ Западъ на закатѣ своихъ дней, какъ разъ «служила колыбелью для нашей (русской) образованности». Міръ европейскаго Востока долженъ былъ, слѣдовательно, преемственно смѣнить западную цивилизацію, и если для этой послѣдней еще было возможно спасеніе, то оно могло осуществиться, какъ говорилъ Кирѣевскій, только при непремѣнномъ условіи «подчиненія выводовъ» западной образованности «господствующему духу православно-христіанскаго любомудрія»[1]). Но если такъ въ окончательномъ счетѣ опредѣлялось *взаимное отношеніе* просвѣщенья западнаго и восточнаго, то тѣми же началами, по мнѣнію славянофиловъ, опредѣлялось и то *мѣсто*, которое русскій народъ долженъ былъ «занять въ общемъ ходѣ человѣческаго развитія». Такъ какъ, по ихъ мнѣнію, «въ грядущемъ первымъ въ ряду всѣхъ народовъ станетъ тотъ народъ, который сохранилъ полнѣе и живѣе вѣру, и который глубже и яснѣе сознаетъ ея святыя требованія», то, очевидно, что это *первое* мѣсто, *міровая гегемонія*, и выпадала на долю того народа, исторія котораго, по словамъ К. Аксакова, «можетъ читаться, какъ житія святыхъ». А такова именно и была *русская исторія*, эта «всемірная исповѣдь» христіаннѣйшаго изъ народовъ.

Міровая миссія русскаго народа.

---

[1]) «Русская особенность,—говоритъ тотъ же авторъ,—можетъ своимъ развитіемъ задушить вредную сторону западной образованности, что направитъ ее въ сторону истинную».

Безпримѣрный характеръ русской исторіи.

Обращаясь теперь къ историческимъ взглядамъ славянофиловъ, мы уже заранѣе можемъ предугадать ихъ общее направленіе. Націоналистическія и романтическія тенденціи школы должны были именно здѣсь получить особенно пышный расцвѣтъ, если мы вспомнимъ къ тому же, что то было время усиленнаго культа историческихъ знаній, время блестящаго дебюта и завоеваній *исторической школы* Савиньи, вскорѣ вступившей въ тѣсный союзъ съ идеалистической философіей исторіи Гегеля. Поиски «народнаго духа», «самобытныхъ» національныхъ «началъ» или всемірно-исторической «идеи», одухотворяющей историческую жизнь «историческихъ» народностей — такова была направляющая мысль, руководившая тогда всѣми изысканіями въ области прошлыхъ судебъ народовъ. Центръ тяжести всѣхъ историческихъ поисковъ при такихъ условіяхъ сводился къ открытію тѣхъ исключительныхъ «особенностей», которыя должны были оправдать право даннаго народа на *самостоятельное* мѣсто во всемірно-историческомъ процессѣ и опредѣлить его міровое «призваніе». Неудивительно, что русскіе историки и публицисты всѣхъ направленій первой пол. XIX в.—и западники и славянофилы одинаково—сходились тогда въ признаніи *совершеннаго* и *безпримѣрнаго своеобразія русской исторіи* въ сравненіи съ другими народами и народами Запада въ особенности. И дѣйствительно, подобно тому, какъ К. Аксаковъ въ то время не уставалъ повторять, что «русская исторія совершенно отличается отъ западно-европейской и отъ всякой другой исторіи» и «есть единственная во всемъ мірѣ», точно такъ же, напр., и Кавелинъ рѣшительно утверждалъ, что исторія русская «не похожа ни на какую другую исторію» и «представляетъ совершенную противоположность исторіи западныхъ государствъ», развивавшихся подъ вліяніемъ совсѣмъ иныхъ «началъ». И точно такъ же, какъ Ю. Самаринъ находилъ, что весь укладъ русской жизни «не подходитъ ни подъ одну изъ признанныхъ наукою формулъ общественнаго и политическаго развитія», такъ же точно и авторъ «Взгляда на юридическій бытъ древней Россіи» «въ недоумѣніи» останавливался «передъ этой совсѣмъ особенной комбинаціей общественныхъ элементовъ», объявивъ, въ концѣ-концовъ, общественный строй Россіи «небывалой соціальной формаціей». Разница во взглядѣ той и другой партіи на эту «безпримѣрную» исторію сводилась лишь къ оцѣнкѣ ея *своеобразія*. Славянофилы именно въ немъ видѣли величайшее *преимущество* русскаго народа передъ народами Запада,

ибо для нихъ историческія судьбы святой Руси являлись отраженіемъ или развитіемъ тѣхъ *истинныхъ началъ*, которыя были сокрыты въ самомъ существѣ, «тайникахъ» русской народности. Мы уже знаемъ, что въ основѣ древнѣйшаго быта Руси—по ученію славянофиловъ — лежало «единство Церкви» и цѣльность быта — *православіе* и *община*. Изъ этого-то двойного источника и выводили они всѣ прочія достоинства русской исторіи, отвергнувъ прежде всего теорію родового быта «западниковъ». Правда, Аксаковъ готовъ былъ признать, что «родовой бытъ былъ первою общественною ступенью, черезъ которую прошли, безспорно, всѣ народы», но тѣмъ не менѣе онъ утверждалъ, что «родового быта у славянъ не было», понимая это положеніе въ томъ смыслѣ, что они только «прошли черезъ него не останавливаясь», въ противность народамъ германскимъ, у которыхъ онъ по преимуществу и развился [1]).

Взглядъ на родовой бытъ.

Въ родовомъ быту, по мнѣнію Аксакова, господствуетъ начало неразумное, такъ что бытъ этотъ, естественно, вырождается въ «патріархальный» деспотизмъ и довольно скоро получаетъ чисто «гражданское значеніе». Въ основѣ же русскаго быта — по его словамъ — лежало начало разумное «общественное» или *общинное*. «Русская земля есть изначала наименѣе патріархальная,— наиболѣе семейная и наиболѣе общественная, именно общинная земля»,—говоритъ тотъ же авторъ. Поэтому-то мы и не встрѣчаемъ въ русской исторіи того произвола личности и раздвоенности, которая лежитъ въ основѣ всей исторіи Запада, поэтому же наша исторія и начинается съ «блестящаго пролога» Кіевской Руси не насиліемъ, а добровольнымъ *призваніемъ* власти.

Противоположность русской и западно-европейской исторіи.

«Въ ней не было ни завоевателей ни завоеванныхъ,—читаемъ мы у Кирѣевскаго.—Она не знала ни желѣзнаго разграниченія неподвижныхъ сословій, ни стѣснительныхъ для одного преимуществъ другого, ни истекающей оттуда политической и нравственной борьбы... Она не знала, слѣдовательно, и необходимаго порожденія этой борьбы: искусственной формальности общественныхъ отношеній и болѣзненнаго процесса общественнаго развитія, совершающагося насильственными измѣненіями». И славянофилы не уставали перечислять эти *безконечныя «не было»*. Подобный

---

[1]) Славянофилы пытались поэтому доказать, въ противовѣсъ западникамъ (Чичерину), выводившимъ русскую общину изъ фискальныхъ государственныхъ цѣлей, что, напротивъ, институтъ родового выкупа былъ введенъ у насъ искусственно правительствомъ, и потому на него нельзя указывать какъ на доказательство крѣпости родовой традиціи въ русской исторіи.

перечень національныхъ «особенностей» отрицательнаго свойства имъ было тѣмъ легче составить, что въ него должны были войти уже a priori всѣ дѣйствительные и мнимые грѣхи и пороки Запада. Такимъ образомъ, по ихъ убѣжденію, въ русской исторіи не *могло* быть ни «насилія, рабства и вражды», «ни замковъ, ни окружающей ихъ подлой черни, ни благородныхъ рыцарей, ни борющагося съ ними короля» (т.-е. феодализма), ни исключительнаго «права поземельной собственности», «ни богатаго развитія личности», ни аристократіи, ни демократіи, «ни безчеловѣчной религіозной пропаганды», «ни слѣда возстанія, ни слѣда заговора, ни слѣда даже ослушанія», «ни парламентовъ», ни пролетаріата, «ни гордости, ни обольстительной красоты» и т. д. ad libitum. Напротивъ, на Руси, по ихъ словамъ, всегда и во всемъ господствовало трогательное *единеніе* и *согласіе*, по крайней мѣрѣ, до роковой даты Петровскихъ реформъ: «Всѣ классы и виды населенія были проникнуты однимъ духомъ, одними убѣжденіями, однородными понятіями, одинаковою потребностью общаго блага». И эти добродѣтели русскаго народа по существу также произвольно постулировались школой, какъ и пороки и злодѣйства Запада. Суздальскими красками расписывали славянофилы *свою* «смиренную Русь», нимало не пытаясь подойти къ ней съ объективной мѣркой научно-историческаго анализа. Поэтому-то съ такой легкостью нанизывали они, съ легкой руки Погодина, свои разительныя «параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ народовъ», хотя нужно имъ отдать справедливость, они первые настойчиво заговорили о необходимости приступить къ изученію *внутренняго быта* народа, его *внутренней* исторіи, и первые энергически запротестовали противъ того односторонняго примѣненія въ русской исторической наукѣ *политической* или «государственной» точки зрѣнія, которая, несомнѣнно, преобладала и у Карамзина, и у Соловьева, и у всѣхъ вообще историковъ-западниковъ. Именно въ этомъ смыслѣ заговорили славянофилы и о *народности* въ наукѣ, требуя, чтобы русскую исторію обрабатывали «русскіе ученые» съ «русскимъ чувствомъ», съ знаніемъ и пониманіемъ *русскаго быта*, съ любовью къ прошлому своего народа. Поэтому же они съ такимъ ожесточеніемъ нападали и на «юридическую» школу (Кавелина, Соловьева, Чичерина) историковъ, которые, по ихъ словамъ, за *мертвыми формами* государственности не разглядѣли *народа* и его «бытовой исторіи», всюду прилагая готовый уже «западный аршинъ» къ своеороднымъ явленіямъ русской

О народности въ наукѣ.

жизни, вмѣсто того, чтобы изъ нея самой вывести начала ея исторіи. И эти нападки не пропали даромъ. Благодаря настойчивымъ напоминаніямъ славянофиловъ о народномъ бытѣ и ихъ поискамъ *началъ* «внутренней жизни» народа, имъ не только удалось «открыть» *русскую общину* и въ этомъ пунктѣ одержать блестящую побѣду надъ западниками (Грановскимъ, Герценомъ, Чернышевскимъ и др.), но и привлечь широкій интересъ къ такимъ явленіямъ исторической жизни русскаго народа, какъ *вѣче, земскіе соборы, народный эпосъ, массовыя народныя движенія* и т. п. Впрочемъ, заслуга ихъ въ этой области ограничилась, главнымъ образомъ, лишь провозглашеніемъ извѣстныхъ требованій и указаніемъ на извѣстные историческіе факты и явленія, что же касается самой интерпретаціи, историческихъ построеній славянофиловъ, то они носили до крайности произвольный характеръ. И хотя они сами неоднократно повторяли, что писать русскую исторіи еще рано, такъ какъ она еще не изучена, а русское общество не пришло еще «къ ясному самосознанію», тѣмъ не менѣе они съ изумительной легкостью чертили общую схему русскаго историческаго процесса. Правда, эта схема носила весьма фантастическій характеръ, но это обстоятельство мало смущало славянофиловъ, такъ какъ они довольно презрительно относились къ «формальному методу регистраціи историческихъ фактовъ» и полагали, что русскую исторію надо «угадать». И они «угадывали» её такъ, какъ это подсказывало имъ ихъ «русское чувство». Въ результатѣ у нихъ и получилась та смиренномудрая идиллическая русская исторія, передъ которой въ восторженномъ благоговѣніи склонялась славянофильская школа, умиленная внутренней красотой историческаго «житія» русскаго народа.

Ученіе славянофиловъ о государствѣ.

«Нравственное дѣло,—говорилъ К. Аксаковъ,—должно и совершаться нравственнымъ путемъ, безъ помощи внѣшней, принудительной силы». Это свое требованіе славянофилы и приложили къ русской исторіи, которая, по ихъ мнѣнію, развивалась именно путемъ *внутренней правды*. На этой-то почвѣ они и создали прежде всего свою теорію *свободнаго союза* русской «земли» и «государства», основаннаго на началахъ обоюднаго «довѣрія» и «взаимнаго невмѣшательства» по формулѣ: «Правительству сила власти, землѣ—сила мнѣнія». Означенная теорія, собственно говоря, и легла въ основу *философіи русской исторіи* славянофильской школы. Но прежде чѣмъ мы обратимся къ этой теоріи,

намъ необходимо устранить одно серьезное недоразумѣніе. Дѣло въ томъ, что своеобразное славянофильское *ученіе о государсвѣ* подало поводъ многимъ изслѣдователямъ утверждать, будто бы славянофильская доктрина носила вообще «аполитическій» характеръ и даже обнаруживала явно анархическія тенденціи, сводя все исключительно къ этической проблемѣ. Однако такой взглядъ положительно не можетъ быть принятъ. Славянофилы вовсе *не отрицали государства* и не только вполнѣ признавали его необходимость, но и нравственно оправдывали его raison d'être, выставивъ, наконецъ, и свой собственный политическій идеалъ *истинно-христіанскаго государства*. По ихъ мысли, «каждый христіанинъ есть въ одно и то же время гражданинъ двухъ обществъ, совершеннаго, небеснаго—Церкви, и несовершеннаго, земного—государства. Въ себѣ совмѣщаетъ онъ обязанности двухъ областей, неразрывно въ немъ соединенныхъ, и при правильной внутренней и духовной жизни переноситъ безпрестанно уроки высшей въ низшую, повинуясь обѣимъ» (Хомяковъ). Такимъ образомъ, государство — въ глазахъ славянофиловъ — было вполнѣ оправдано. «Можно ли, — спрашивалъ прямо К. Аксаковъ, — обойтись безъ государства на землѣ при несовершенствѣ человѣческаго рода?» и отвѣчалъ точно и ясно: «Нѣтъ, невозможно». Но если человѣкъ въ силу своей *несовершенной природы* не могъ обойтись безъ государства, то, очевидно, это былъ грѣхъ самого человѣка, а не государства, какъ таковаго. Въ этомъ по существу славянофилы сходились съ нѣкоторыми изъ теоретиковъ естественнаго права. Но поскольку церковь и государство представляли изъ себя два общества, внѣ которыхъ человѣкъ не могъ существовать, постольку славянофилы видѣли въ нихъ два самостоятельныхъ начала, *двѣ правды жизни*, «внѣшнюю» и «внутреннюю». Государство въ ихъ глазахъ и являлось представителемъ правды внѣшней, *идеи порядка* или *охраны* правды внутренней. «Мы думаемъ,—писалъ К. Аксаковъ,—что въ народѣ живетъ начало внутренней правды; государство же представляетъ начало внѣшней правды», и поэтому «первое, что создаетъ оно,—это *форма*, регламентъ, извнѣ налагаемый на человѣка». Эта форма, однако, необходима; она есть «неизбѣжное *зло*» земной жизни, но безъ нея немыслима и самая эта жизнь. Весь вопросъ сводится, такимъ образомъ, не къ тому, какъ избавиться отъ государства, а къ тому, какъ *согласовать между собой* двѣ означенныя правды, какъ можетъ народъ, «не уничто-

жая себя и не переходя въ государство», говоря словами Хомякова, «совмѣстить въ тѣсномъ союзѣ государственную внѣшность и внутренность» такъ, чтобы «наружная форма для него не была случайною», но являлась «какъ живой, органическій покровъ». И эта проблема находила у славянофиловъ свое разрѣшеніе въ томъ смыслѣ, что они требовали подчиненія *государства* и *права нравственнымъ началамъ народной жизни*. Не противъ государства и права ополчались они, а противъ «безнародной» *самодовлѣющей государственности* и тираніи законодателя, «предписывающаго законы обычаямъ». Лишь только то право въ ихъ глазахъ было справедливымъ правомъ, которое санкціонировало обычно-правовыя воззрѣнія народа (Хомяковъ». Въ данномъ случаѣ славянофилы стояли вовсе не на почвѣ «анархизма», а находились подъ вліяніемъ исторической школы Савиньи или *романтическаго* правовѣдѣнія. Всякое право было для нихъ лишь постольку правомъ, поскольку оно воплощало въ себѣ Gewohnheitsrecht, государство же постольку государствомъ, поскольку оно являлось выразителемъ «народнаго духа» (Volks geistes). Съ этой точки зрѣнія, по словамъ славянофиловъ, «свято и высоко было призваніе государства, хранящаго жизнь общественную и обусловливающаго ея возможность». Напротивъ тамъ, гдѣ подобнаго *равновѣсія* не было, гдѣ государственная форма убивала внутреннюю правду и государство становилось самоцѣлью, такъ сказать, государствомъ для государства, тамъ неизбѣжно должна была восторжествовать «ложь», какъ бы «широко и, повидимому, либерально ни развивалось такое государство». Въ этомъ *чистомъ своемъ видѣ* государственный союзъ всегда есть нѣ что иное, какъ насиліе, неволя, голое «внѣшнее принужденіе». Съ указанной именно точки зрѣнія Аксаковъ и говорилъ, «что государство, какъ государство, есть ложь» и очевидное «зло», ибо тогда въ такомъ случаѣ оно выступаетъ исключительно въ своей внѣшности «безъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыми государства освящаются». Отсюда славянофилы и различали два вида государства—государство, какъ «воплощеніе живого единства» народа (Ю. Самаринъ) и государство, какъ внѣшняя принудительная ассоціація, которымъ соотвѣтствовало въ исторіи и два «пути» развитія—«путь внутренней правды, совѣсти, свободы» и «путь правды внѣшней, закона, неволи» (К. Аксаковъ). Совершенно очевидно, что для славянофиловъ оба эти государства и оба эти пути находили свое конкретное вы-

раженіе въ противоположности *государства западнаго* и *государства русскаго*. «Въ этомъ-то взглядѣ на государство, — писалъ Аксаковъ,—и заключается существенная разница между міромъ славянскимъ и западнымъ. На Западѣ это *принципъ*, *идеалъ* народовъ. Въ славянскомъ мірѣ государство—неизбѣжная крайность, *средство* ради совершенства человѣческаго рода». И славянофилы утверждали, что подобно тому, какъ въ русской *общинѣ* нашла свое идеальное разрѣшеніе проблема личности, такъ точно и государственная задача впервые получила правильную свою постановку на русской бытовой почвѣ. По ихъ мнѣнію, «двѣ силы... два двигателя» дѣйствовали всегда въ русской исторіи, это: *земля—народъ* и *государство—правительство*, издревле образовавшіе между собой «союзъ свободы власти и свободы мнѣнія». Крѣпость этого союза держалась на точномъ разграниченіи сферы государства и земли, что въ особенности облегчалось тѣмъ фактомъ, что русскій народъ всегда оставался «народомъ негосударственнымъ», т.-е. никогда не стремился къ «государственной власти, *не желалъ для себя политическихъ правъ*». При такихъ условіяхъ народъ русскій никогда и не посягалъ на государство. Онъ поставилъ его лишь на-стражѣ своего самобытнаго общинно-земскаго уклада, оставаясь самъ далекъ соблазна власти: «народу нужно было, чтобы его народное устройство сохранялось; къ остальному онъ былъ совершенно равнодушенъ»[1]). Въ свою очередь и государственная власть въ древней Руси не вторгалась во внутреннюю жизнь народа, но всегда относилась съ должнымъ вниманіемъ и довѣріемъ къ голосу и «думѣ земли». Государство на Руси, такимъ образомъ, было въ постоянномъ *совѣтѣ* съ землей и «уважало народъ», т.-е. всегда опиралось на нравственное основаніе.

„Земля" и „государство".

Принципъ *совѣщательности* поэтому проходитъ черезъ всю древнюю русскую исторію: она начинается совѣщаніемъ (призваніе князей), въ эпоху раздробленія при князьяхъ въ ней непрерывно дѣйствуетъ земскій совѣтъ (вѣче), съ момента объединенія «первый царь созываетъ первый земскій соборъ», и такъ продолжается до великаго перелома въ русской исторіи, до Петра I. Русское государство было сильно при такихъ условіяхъ моральной поддержкой народа. «Царство русское, въ существѣ

[1]) «Созданіемъ крѣпкой государственной власти»,—писалъ Самаринъ,—русскій народъ имѣлъ въ виду «отстоять и спасти свою политическую независимость» ради обезпеченія своего общиннаго начала.

своемъ, — говоритъ Аксаковъ, — было создано народнымъ самостоятельнымъ духомъ Россіи», духомъ, который нашелъ свое выраженіе въ «идеальномъ значеніи царя». Поэтому «монархическое начало», т.-е. *самодержавіе*, является тѣмъ началомъ, которое наилучшимъ образомъ гарантируетъ равновѣсіе «земли» и «власти», а вмѣстѣ съ тѣмъ и служитъ самымъ вѣрнымъ залогомъ будущаго преуспѣянія русскаго народа, такъ какъ народъ этотъ никогда «не измѣнялъ монархіи» и «запечатлѣлъ всею своей исторіей вѣрность этому началу». Но если «довѣріе между верховной властью и народомъ» является лучшей опорой истиннаго государства, то совершенно очевидно, что въ своихъ собственныхъ интересахъ «Россія не можетъ допустить ничего похожаго на договоръ или контрактъ между монархомъ и его подданными» (Самаринъ). Подмѣнъ нравственной основы государства *механическимъ порядкомъ*, мертвой буквой формальнаго закона (конституціей) — по мнѣнію школы — привелъ бы только къ тому торжеству *внѣшней правды*, которое подготовило на Западѣ полное государственное банкротство. «Русская земля признаетъ своимъ государственнымъ представителемъ самодержца (писалъ Самаринъ) не потому, чтобы она ничего не мыслила, не желала, не любила и чтобы все на свѣтѣ ей было все равно, а потому, что ея *государственный идеалъ* заключаетъ въ себѣ представленіе о власти, *свободно вдохновляемой народною жизнью*». Говоря словами Аксакова, это значитъ, что «государственная власть при такихъ условіяхъ, при невмѣшательствѣ народа, должна быть неограничена». И славянофилы мечтали о трогательномъ согласованіи *неограниченной* монархіи съ просвѣщеніемъ, гласностью, свободой слова и совѣсти, свободой общественнаго мнѣнія и проч. благами. Въ извѣстной своей «запискѣ», представленной императору Александру II въ 1855 г., К. Аксаковъ начерталъ даже цѣлый проектъ такъ сказать самодержавной конституціи, гдѣ онъ пытался убѣдить монарха, что «при нравственной свободѣ и нераздѣльной съ нею свободѣ слова, только и возможна неограниченная благодѣтельная монархія». По существу эта утопическая теорія славянофиловъ представляла изъ себя довольно своеобразную реставрацію идеала просвѣщеннаго абсолютизма, переложеннаго на романтическій ладъ. Славянофилы вѣрили, что благодѣтельная власть въ сознаніи своего нравственнаго долга — ибо «не подлежитъ спору (говорилъ Аксаковъ), что правительство существуетъ для народа, а не народъ

Самодержавіе и конституція.

для правительства», — сумѣетъ послужить «общему благу» и водворить, въ концѣ-концовъ, на Руси «совѣтъ да любовь». Поэтому онѣ рѣшительно возстали противъ идеи правового государства и какихъ-либо конституціонныхъ *гарантій.* «Гарантія не нужна! Гарантія есть зло!» категорически заявилъ А. Аксаковъ, особенно ярко подчеркнувшій мистическій характеръ государственной теоріи славянофильства.

Итакъ, *православіе, самодержавіе* и *община* — таковы были три коренныхъ устоя, на которыхъ славянофилы базировали свой соціально-политическій идеалъ и въ которыхъ они видѣли реальное воплощеніе *субстанціональныхъ началъ* высшей правды. Къ охранѣ, во всей ихъ чистотѣ, этихъ устоевъ и этихъ началъ и призывали они русское общество. И призывъ ихъ былъ тѣмъ болѣе настойчивъ, чѣмъ болѣе они убѣждались, что современная имъ Россія въ своемъ развитіи устремляется какъ разъ на тѣ пути, которыя въ ихъ глазахъ были путями завѣдомо ложными и опасными. Впрочемъ, заблужденіе Россіи, ея руководящихъ верховъ, по мнѣнію славянофиловъ, началось уже давно, еще съ того несчастнаго момента, когда въ лицѣ Петра I русское общество и государство, увлеченное внѣшнимъ блескомъ западной культуры, ступило на путь раболѣпнаго преклоненія передъ всѣмъ иноземнымъ. Мы видѣли, однако, что славянофилы вовсе не были безусловными противниками всего «западнаго». Они высоко цѣнили техническое научное знаніе Запада и его матеріальную культуру, заимствованіе которой признавали поэтому совершенно необходимымъ и цѣлесообразнымъ. И съ этой точки зрѣнія они готовы были привѣтствовать Петра, «какъ страшную, но благодѣтельную грозу», и признать «*частную* правду его дѣла». Поэтому они охотно отдавали должное великому преобразователю, поскольку онъ «познакомилъ насъ съ науками и мысленною жизнью Запада» и вывелъ такимъ путемъ Россію изъ ея китайской и невѣжественной «особности» на широкую дорогу общечеловѣческой цивилизаціи. Готовы были они также воздать ему хвалу и за то, что онъ укрѣпилъ русскую «государственность». Все это, по ихъ убѣжденію, было *исторически необходимо*, и въ данномъ отношеніи Петръ въ ихъ глазахъ являлся несомнѣннымъ «продолжателемъ» давно уже установившейся исторической традиціи (К. Аксаковъ, Ю. Самаринъ, И. Кирѣевскій). Но славянофилы протестовали противъ реформы Петра за то, что въ своемъ стремительномъ порывѣ онъ нерѣдко обрывалъ

Взглядъ на Петра. В.

«у насъ живую нить историческаго преданія» или же насильственно старался привить русскому народу чуждыя ему *начала* западнаго просвѣщенія. «Прежде, — говоритъ К. Аксаковъ, — принимали одно полезное отъ иностранцевъ, не заимствуя чужой жизни, но оставаясь при началахъ своей жизни, и Россія оставалась самостоятельною. Петръ же, напротивъ, сталъ принимать все отъ иностранцевъ, не только полезное и общечеловѣческое, но частное и національное... Поэтому преобразованіе Петра есть рѣшительно уже *переворотъ, революція*», *измѣна* народнымъ началамъ, а слѣдовательно, и «глубокое внутреннее зло». Печальнымъ послѣдствіемъ означеннаго насильственнаго переворота, по общему признанію отцовъ школы, и явился неизбѣжный «*разрывъ*» правительства и такъ называемаго образованнаго общества съ народомъ русскимъ, который не принялъ враждебныхъ ему началъ западно-европейской жизни [1]). «Такъ совершился разрывъ царя съ народомъ, — писалъ Аксаковъ. — Такъ разрушился этотъ древній союзъ земли и государства». Но «реформа Петра В., — говоритъ Самаринъ, — различно отдалась въ составныхъ слояхъ нашего общества: она всколебала лишь верхніе и оторвала ихъ отъ низшихъ: на *простой народъ* реформа не имѣла прямого дѣйствія». Такимъ образомъ возникъ глубокій «разрывъ въ умственной и духовной сущности Россіи, разрывъ между ея самобытной жизнью и ея прививнымъ просвѣщеніемъ», которое, будучи пропитано западнымъ раціонализмомъ, естественно, привело русскаго интеллигентнаго отщепенца къ «безнародной отвлеченности и мертвой самодовольной разсудочности», превративъ его въ «публику», по выраженію К. Аксакова. Отмѣченное разобщеніе общественной «мысли съ народною средой», и по мнѣнію Хомякова, не только вызвало у насъ «одностороннее развитіе личнаго ума, оторвавшагося отъ преданій и исторической жизни общества», но и породило цѣлое идейное направленіе, которое онъ окрестилъ именемъ *вигизма*. По существу подъ этимъ англійскимъ терминомъ Хомяковъ и его единомышленники разумѣли русскій «безнародный» либерализмъ и радикализмъ, которымъ, по ихъ убѣжденію, была больна тогда «наша образованная бра-

„Разрывъ" праправительства и интелигенціи съ народомъ.

---

[1]) Съ этого момента «жизнь власти государственной (говоритъ Аксаковъ) и жизнь духа народнаго раздѣлилась». Къ вящшему осужденію Петра славянофилы стремились поэтому сдѣлать его также и виновникомъ установленія крѣпостного права въ Россіи.

тія», т.-е. ихъ друзья-враги, *западники*. Характерной чертой этого русскаго «вигизма» славянофилы почитали, съ одной стороны, «наше невѣдѣніе русскаго быта и обычая» и неспособность понять его особенныя «начала», съ другой — «школьническое» поклоненіе всему западному съ явнымъ стремленіемъ навязать русской жизни «послѣднее слово» европейской упадочной образованности. Результатомъ подобнаго направленія умовъ и правительственной политики, по мнѣнію славянофиловъ, и явился весь такъ называемый *петербургскій періодъ русской исторіи*, который ознаменовался вреднымъ отпаденіемъ государства и образованнаго «верха» отъ народа, что въ свою очередь привело къ торжеству бездушнаго бюрократизма и «угнетательной системы нашего правительства», съ одной стороны, и матеріализма и «конституціонной лжи» въ русскомъ обществѣ [1]) — съ другой. Жестоко обличая эту двойную *ложь*, славянофилы рѣшительно выступили съ проповѣдью *возврата* къ истинно-русскимъ исконнымъ *началамъ* славянской народности. Это и былъ ихъ знаменитый призывъ «назадъ», «домой», *на святую Русь*. Объявивъ, что Россія уже «изжила эпоху преобразованій (Петра), и для нея настало время развиваться самобытно, изъ себя самой», они съ видимымъ чувствомъ самоудовлетворенія въ то же время отмѣчали, что «возвратъ русскихъ къ началамъ русской земли уже начинается». Но что разумѣли славянофилы подъ этимъ возвратомъ къ истинно-русскимъ началамъ? Куда звали они образованное общество и власть? На этотъ вопросъ они дали тогда же вполнѣ опредѣленный отвѣтъ. Однако, несмотря на это, ихъ нерѣдко обвиняли въ томъ, будто бы они стремились повернуть колесо исторіи назадъ и воскресить давно уже отжившія *формы* русской исторической жизни. Но обвиненіе это было несправедливо. Славянофилы вовсе не собирались возстановлять самый *строй* столь идеализованной ими «московской Руси» съ ея *историческими* формами единенія земли и власти, напротивъ, они положительно утверждали, что «должно воротиться не къ *состоянію древней Россіи* (это значило бы окаменѣніе, застой), а къ *пути древней Россіи*», т.-е. къ тѣмъ «русскимъ основамъ», отъ

Проповѣдь возвращенія къ „русскимъ началамъ“.

---

[1]) «Современное состояніе Россіи представляетъ внутренній разладъ, — писалъ К. Аксаковъ въ «запискѣ», поданной государю, — прикрываемый безсовѣстною ложью. Правительство, а съ нимъ и верхніе классы, отдалилось отъ народа и и стало ему чуждо. И народъ и правительство стоятъ теперь на разныхъ путяхъ на разныхъ началахъ».

которыхъ, къ несчастью, оторвалось русское общество со временъ Петра. «Мы дорожимъ старою Русью не потому, что она старая,— говорилъ Самаринъ, — или что она наша, а потому, что мы видимъ въ ней выраженіе тѣхъ *началъ*, которыя мы считаемъ человѣческими или истинными». «Напрасно, — заявилъ въ 1845 г. уже отъ лица всей партіи Погодинъ, — возводятъ на насъ клевету, будто мы поклоняемся нечестиво неподвижной старинѣ. Нѣтъ, неподвижность старины намъ противна, столько же, какъ и безсмысленное шатанье новизны. Нѣтъ, не неподвижность, а *вѣчное начало, русскій духъ*, вѣющій намъ изъ завѣтныхъ нѣдръ этой старины, мы чтимъ богобоязненно и усердно молимся, чтобы онъ никогда не покидалъ святой Руси». И славянофилы подчеркивали, что они «хотятъ итти» собственно не *назадъ въ древнюю Русь*, а *впередъ*, но только тѣмъ «путемъ, которымъ Россія *шла* прежде» («Молва», 1857 г., № 6). Такимъ образомъ, если они и звали вернуться «назадъ» къ исконнымъ *началамъ* русской жизни, то съ тѣмъ, чтобы *черезъ нихъ и съ ними* возвысить Россію въ ея грядущемъ міровомъ призваніи. При этомъ возвратъ къ означеннымъ «началамъ» представлялся имъ тѣмъ легче, что самыя *основы* древне-русской жизни, какъ думали они, продолжали сохраняться во всей своей чистотѣ до послѣднихъ дней въ широкой массѣ «*простого русскаго народа*». «Крестьянинъ, простой народъ, — писалъ Аксаковъ, — сберегъ въ себѣ русскую жизнь... онъ помнитъ *духъ русской жизни*, ибо обладаетъ имъ и доселѣ, сохранивши его въ теченіе болѣе тысячи лѣтъ, отъ временъ дорюриковыхъ». Это «первобытное просвѣщеніе Россіи, — какъ выражается И. Кирѣевскій, — хранится, не развиваясь, въ правахъ, обычаяхъ и внутреннемъ складѣ ума такъ называемаго простого народа», который потому и сберегъ его, что не выходилъ изъ тѣснаго круга своего примитивнаго *быта*. Такимъ путемъ культурная отсталость русскаго народа, его тысячелѣтнее «варварство», оказывалось однимъ изъ величайшихъ его *преимуществъ* передъ просвѣщеннымъ Западомъ, впавшемъ на зенитѣ своего развитія въ нравственное одичаніе. Не участвуя въ успѣхахъ культурнаго прогресса человѣчества, русскій народъ зато сохранилъ въ себѣ главное свое сокровище—«полноту и цѣльность того просвѣтительнаго начала», которое было призвано спасти міръ. Это просвѣтительное начало, какъ мы уже знаемъ, согласно ученію школы, воплощалось въ крестьянской *общинѣ*, пронесшей черезъ всю русскую исторію «неприкосновенно обы-

чаи и нравы незапамятной старины». Ея сила и значенiе въ томъ и заключалась, что въ своей жизни она не знала искусственнаго воздѣйствiя закона, юридической нормы, а отражала въ себѣ чистый «*бытъ*, органически возникшiй изъ мѣстныхъ потребностей и характера народнаго». Плодъ обычнаго права, русская община знаменовала собой свободную эманацiю народнаго духа. Такимъ образомъ, *народный* «обычай, неписанный, безоружный», какъ «внѣшнее выраженiе жизни» нацiи, являлся въ глазахъ славянофиловъ истиннымъ ковчегомъ «образованности» древней Руси, «уцѣлѣвшей почти неизмѣнно въ низшихъ классахъ народа» [1]).

Духовное возвозвращенiе къ народу.

Соображая все сказанное, нетрудно видѣть, что собственно разумѣли славянофилы подъ именемъ *возврата* къ «началамъ» древне-русской жизни. Ихъ призывъ въ этомъ смыслѣ — говоря слобами Самарина — былъ призывомъ къ «сближенью съ народомъ» *образованныхъ классовъ* или, лучше сказать, являлся проповѣдью *духовнаго возвращенiя къ народу.* Интеллигенцiя должна была — согласно программѣ славянофиловъ — покаяться въ своихъ грѣхахъ «безнародности» и чужебѣсiя и принять *смиренныя* начала народной жизни, воплотившiяся въ *крестьянской общинѣ, православной церкви* и *самодержавной власти русскаго царя.* Славянофилы являются, слѣдовательно, родоначальниками того, сначала чисто *идеологическаго «хожденiя* въ народъ», которое позднѣе въ эпоху расцвѣта народничества привело уже къ подлинному движенiю интеллигенцiи въ деревню подъ знаменемъ *романтическаго соцiализма и революцiонаризма* 70-хъ гг. Однако сами славянофилы въ своихъ «народническихъ» симпатiяхъ оставались всецѣло на почвѣ отвлеченной романтической теорiи. Ихъ поклоненiе народу было такимъ же надуманнымъ, какъ было искусственно ихъ представленiе о немъ. Русскiй народъ, о которомъ они писали и за котораго ломали копья съ западниками, не былъ для нихъ живымъ многострадальнымъ народомъ въ его исторiи и настоящемъ, но народомъ-абстракцiей, чистой идеологiей. Что-то сентиментальное и въ то же время искусственное проглядывало въ отношенiяхъ славянофиловъ къ этому народу. Истово крестясь, соблюдая посты, выпу-

---

[1]) Славянофилы отожествили при такихъ условiяхъ понятiе *нацiи* и *простого народа.* «У насъ, — писалъ Аксаковъ, — значенiе простого народа имѣетъ свою особую сторону, ибо оно только и сохраняетъ въ себѣ народныя истинныя основы Россiи».

ская—по выраженію Герцена—«рубашку сверхъ портокъ» и рядясь въ «русское платье»—славянофилы думали, что такимъ путемъ они духовно «сливаются» съ русскимъ народомъ и пріобщаются «вѣчныхъ началъ» его жизни. Въ дѣйствительности же получался просто барскій маскарадъ и двойное недоразумѣніе. Нарядившись сами въ старинныя русскія одежды и нарядивъ свой русскій «народъ» въ яркія лохмотья историческихъ истинно-русскихъ началъ, славянофилы достигли всѣмъ этимъ только того, что *настоящій* русскій народъ принималъ ихъ на улицѣ за «персіянъ» въ то время, какъ они приняли этотъ народъ за первыхъ христіанъ.

Итоги. Таковы были итоги того идейнаго теченія, которое, какъ мы видѣли, представляло «благороднѣйшую» попытку построенія русской *національной* философіи. Зачатое во грѣхѣ глубочайшей реакціи, славянофильское ученіе, несмотря на чистоту своихъ устремленій и положительное заданіе—понять смыслъ историческаго существованія и живыя потребности русскаго народа,—оказалось совершенно безсильно въ своихъ исканіяхъ. Вылившись въ формы *мистическаго націонализма*, оно не только явилось совершенно оторваннымъ отъ реальной русской дѣйствительности, но и воплотилось въ теорію, въ которой высокіе этическіе мотивы печальнымъ образомъ сплелись съ самымъ откровеннымъ поклоненіемъ темнымъ «началамъ» русской жизни. Барская, тепличная философія славянофиловъ при всемъ ихъ идеализмѣ оказалась идеологической прислужницей мрачнаго режима николаевской эпохи. Правда, славянофилы вкладывали въ официіальную формулу «православіе, самодержавіе и народность» извѣстное положительное содержаніе, но этимъ по существу они лишь создавали новый ореолъ для того status quo, «внутреннюю правду» котораго они прославляли. Они расцвѣтили всѣми цвѣтами радуги пресловутыя *начала* «самодержавія, православія и крѣпостного права», не замѣчая, что своей идеалистической реставраціей они грубо замазывали подлинныя *историческія* краски настоящей русской дѣйствительности въ ея прошломъ и настоящемъ. Въ результатѣ получилось вопіющее противорѣчіе между возвышенной теоріей и ея реальнымъ изображеніемъ, а вмѣсто «всецѣлой истины»—двусмысленная и очевидно ретроградная теорія, идущая въ разрѣзъ съ самыми жизненными потребностями націи. Выросшіе на крѣпостныхъ хлѣбахъ, въ обстановкѣ и традиціяхъ уютнаго «дворянскаго гнѣзда», славянофилы, дѣйствительно, не

могли понять тѣхъ новыхъ *началъ* культурной жизни, которыя стучались тогда во всѣ двери. Они увидѣли въ нихъ только «прелести» растлѣннаго Запада, соблазномъ котораго и пытались противопоставить идеальныя и, какъ имъ казалось, незыблемыя «основы» исконно-русской народности, въ дѣйствительности уже давно отжившія и прогнившія. Коренная ошибка славянофиловъ въ томъ и заключалась, что они подошли къ чисто исторической проблемѣ съ апріорнымъ масштабомъ абсолютныхъ понятій. Поэтому они одинаково не поняли и «западной» цивилизаціи и русскаго «просвѣщенья», усмотрѣвъ искаженіе «общечеловѣческихъ» началъ въ исторіи западно-европейскихъ народовъ и исказивъ русскую исторію возведеніемъ ея въ «общечеловѣческое» достоинство, идеальную норму. Само собой разумѣется, что въ ряду причинъ этого непониманія немалую роль сыграла и та *соціальная среда*, къ которой принадлежали и въ которой выросли эти лучшіе представители дореформеннаго *дворянства*.

Естественно, что при такихъ условіяхъ славянофильство, какъ таковое, не имѣло подъ собой почвы и будущаго, и ему суждено было уже въ ближайшемъ поколѣніи упереться въ тотъ тупикъ, въ который завели его, наконецъ, эпигоны доктрины—Данилевскіе, Леонтьевы и проч. братія. Но славянофиламъ, несомнѣнно, удалось, и эта была ихъ заслуга, выдвинуть въ первую очередь такіе вопросы и проблемы русской общественной, собственно, *народной* жизни и внести такія точки зрѣнія при ихъ трактовкѣ, которыя, несомнѣнно, сообщали ихъ направленію извѣстное положительное значеніе и оказали значительное вліяніе на послѣдующій ходъ и развитіе русской общественной мысли. Но окончательно «овладѣть ихъ темами» удалось уже слѣдующему поколѣнію русской мыслящей интеллигенціи, послѣдовательно ступившему на путь реалистическаго познанія.

Б. И. Сыромятниковъ.

Сенъ-симонисты и фурьеристы въ Россіи въ царствованіе императора Николая I.

Первыя вліянія запад.-европ. соціализма.

При Екатеринѣ II появились у насъ переводы западно-европейскихъ романовъ-утопій и подражанія имъ; былъ напечатанъ переводъ и «Утопіи» Томаса Мора. Имена Оуэна и Сенъ-Симона были извѣстны лучшимъ представителямъ русской интеллигенціи уже во второй половинѣ царствованія императора Александра I. Во время вѣнскаго конгресса Оуэнъ имѣлъ свиданіе съ императоромъ Александромъ и очевидно произвелъ на него впечатлѣніе, такъ какъ великому кн. Николаю Павловичу, во время путешествія въ слѣдующемъ году по Западной Европѣ, дана была возможность познакомиться съ примѣненіемъ идей Оуэна на его знаменитой хлопчатобумажной мануфактурѣ въ Нью-Ланаркѣ (въ Шотландіи), которую будущій императоръ посѣтилъ въ декабрѣ 1816. Онъ предлагалъ Оуэну переселиться въ Россію, взявъ съ собою такое количество рабочихъ, какое онъ пожелаетъ, хотя бы это было два милліона [2]). Затѣмъ Оуэнъ видѣлся съ императоромъ Александромъ во Франкфуртѣ, но не воспользовался его предложеніемъ представить записку, содержащую изложеніе своихъ идей, такъ какъ ему не понравился тотъ тонъ, въ которомъ государь говорилъ съ нимъ. Имя Роберта Оуэна, какъ филантропа, упоминалось иной разъ и въ русской печати, какъ, напр., въ книгѣ Гамалѣя «Описаніе способа взаимнаго обученія» (1820 г.). Одинъ изъ будущихъ декабристовъ, С. Кривцовъ, отправленный по повелѣнію императора Александра въ институтъ извѣстнаго педагога Фалленберга въ Гофвилѣ въ Швейцаріи, гдѣ онъ пробылъ до 1820 г., воспитывался тамъ

---

[1]) Въ первой половинѣ этой статьи я сдѣлалъ нѣкоторыя заимствованія изъ моего очерка о Герценѣ, напечатаннаго въ газетѣ «Общественное дѣло» 1907 г. № 6.

[2]) *Доллеанъ*. Робертъ Оуэнъ, его жизнь и ученіе. Перев. Сувирова, стр. 68.

вмѣстѣ съ двумя сыновьями Роберта Оуэна. Что Оуэнъ былъ извѣстенъ русской интеллигенціи не только по имени, что нѣкоторые наиболѣе образованные люди почувствовали интересъ и къ его произведеніямъ, видно изъ того, что декабристъ кн. Ѳ. П. Шаховской захватилъ съ собою въ крѣпость книгу «О воспитаніи въ Нью-Ланаркѣ», вѣроятно, сочиненіе Роберта Оуэна, которое въ англійскомъ изданіи 1816 г. носило названіе «Новый взглядъ на общество или опыты объ образованіи характера; пріуготовленіе къ развитію плана для постепеннаго улучшенія быта человѣчества», или, можетъ-быть, сочиненіе его сына, которое въ 1825 г. появилось во французскомъ переводѣ [1]).

Нѣкоторый интересъ къ идеямъ Роберта Оуэна проявлялся среди русской интеллигенціи и въ царствованіе императора Николая, какъ это видно изъ того, что В. Андроссовъ, статистикъ и политико-экономъ, напечаталъ въ 1828 г. въ издаваемомъ извѣстнымъ профессоромъ М. Павловымъ журналѣ «Атеней» (ч. V, стр. 239—256) извлеченіе изъ письма Пиктета (швейцарскаго профессора Пиктэ, друга Оуэна) подъ заглавіемъ «Нью-Ланаркская бумагопрядильня въ Шотландіи», и въ этомъ же году Нью-Ланарка посѣтилъ братъ эмигранта-декабриста Н. И. Тургенева, Александръ Ивановичъ.

Повидимому, гораздо менѣе извѣстно было въ царствованіе императора Александра I имя знаменитаго мыслителя въ области соціальныхъ наукъ Сенъ-Симона [2]), однако членъ тайнаго общества декабристовъ, Лунинъ, пріѣхавъ осенью 1816 г. въ Парижъ, познакомился съ Сенъ-Симономъ, и тотъ оцѣнилъ большія способности заинтересовавшаго его молодого человѣка, думалъ воспользоваться имъ для распространенія своихъ идей въ Россіи и предостерегалъ его отъ увлеченія политикой, утверждая, что будущность человѣчества зависитъ отъ совокупнаго развитія трехъ двигателей: чувства, науки и промышленности. Но въ царствованіе императора Николая идеи учениковъ Сенъ-Симона, какъ увидимъ ниже, возбудили бо̀льшее вниманіе, чѣмъ взгляды Роберта Оуэна.

---

[1]) *Dale Owen.* Esquisse du système d'éducation suivi dans les écoles de New-Lanarck, traduit de l'anglais par M. Desfontaines. P. 1825 г.

[2]) С.-Симонъ написалъ письмо къ имп. Александру I, препровождая ему въ 1814 г. брошюру «О преобразованіи человѣческаго общества», авторами которой были С.-Симонъ и его ученикъ О. Тьерри, но письмо это до сихъ поръ не найдено. *Ивановъ.* «Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ». М. 1901 г., стр. 392.

Самый выдающійся изъ декабристовъ, глава южнаго тайнаго общества Пав. И. Пестель, въ своемъ планѣ аграрной реформы явился однимъ изъ предшественниковъ соціализма въ Россіи, хотя онъ не додумался до полнаго отрицанія частной собственности на землю. Не останавливаясь на изложеніи его плановъ преобразованія земельнаго строя, такъ какъ это сдѣлано въ моей статьѣ «Политическія и общественныя идеи декабристовъ»[1]), напомню только, что мысль Пестеля о правѣ каждаго на пользованіе землею была навѣяна частью общиннымъ землевладѣніемъ нашихъ крестьянъ, частью нѣкоторыми произведеніями французской литературы: «Общественнымъ договоромъ» Руссо, «Духомъ Законовъ» Монтескьё и, повидимому, болѣе всего брошюрою по аграрному вопросу (1791 г.), принадлежащею, вѣроятно, перу аббата де-Курнана. «Русская Правда» Пестеля, несмотря на ея незаконченность, безъ сомнѣнія, сыграла бы болѣе значительную роль при обсужденіи соціальнаго вопроса, если бы правительству императора Николая не удалось захватить рукопись Пестеля и если бы оказалось возможнымъ распространить ее во многихъ копіяхъ; но текстъ «Русской Правды», погребенный за казенными печатями, сдѣлался на много десятилѣтій недоступнымъ русскому обществу[2]). Поклонникамъ декабристовъ приходилось самостоятельно искать путей для поддержанія искусственно прерванныхъ традицій въ области соціальныхъ идей.

Юношеское міросозерцаніе Герцена и Огарева.

Юношеское міросозерцаніе А. И. Герцена, занимающаго самое выдающееся мѣсто среди соціалистовъ времени Николая I, слагалось подъ вліяніемъ чтенія произведеній Вольтера, Шиллера (особенно «Донъ-Карлоса» и «Разбойниковъ»), древняго республиканизма, почерпнутаго изъ Плутарха, восхваленія французской революціи, не исключая и казни Людовика XVI, гувернеромъ-французомъ и приносимыхъ въ рукописи студентомъ-медикомъ, преподававшимъ Герцену словесность, стихотвореній Рылѣева и Пуш-

---

[1]) См. III т. «Книги для чтенія по новой исторіи», стр. 785, 786.

[2]) Только заграницей, по выходѣ въ свѣтъ (въ 1847 г.) произведенія Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», Герценъ въ своемъ написанномъ по-французски, а нынѣ переведенномъ и на русскій языкъ трудѣ «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» (1851 г.), не зная всѣхъ подробностей плана земельной реформы Пестеля, говоритъ о желаніи его побудить русское общество «къ экспропріаціи своихъ имуществъ» (въ пользу крестьянъ) и назвалъ его «соціалистомъ прежде соціализма» (слово «соціализмъ» было впервые употреблено сенъ-симонистскимъ журналомъ «Глобусъ» въ 1832 г.).

кина («Ода на свободу», «Кинжалъ»). Ко всѣмъ этимъ вліяніямъ присоединились произведшіе самое сильное впечатлѣніе на Герцена и его друга Огарева слухи объ арестахъ членовъ тайнаго общества, извѣстіе о казни пяти декабристовъ и благодарственное слово митрополита Филарета въ присутствіи царской фамиліи за усмиреніе возстанія 14 декабря 1825 г. Казнь Пестеля и его товарищей, по словамъ Герцена, окончательно разбудила ребяческій сонъ его души, заставила его почувствовать, что онъ «не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды, тюрьмы и цѣпи», и четырнадцатилѣтній мальчикъ поклялся отомстить за казненныхъ. Однажды онъ и его другъ Огаревъ, съ которымъ онъ душевно сблизился при чтеніи Шиллера, присягнули на Воробьевыхъ горахъ въ виду всей Москвы, посвятить свою жизнь на борьбу съ правительствомъ.

Во второмъ году университетскаго курса, осенью 1831 г., молодые друзья сблизились еще съ двумя товарищами по университету. «Мы вошли въ аудиторію,—говоритъ Герценъ,—съ твердою цѣлью въ ней основать зерно общества по образу и подобію декабристовъ и потому искали прозелитовъ и послѣдователей... Мы à la lettre пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ четыре стороны нашей молодой «вселенной» (universitas), какъ четыре діакона, идущіе въ свѣтлый праздникъ съ четырьмя евангеліями въ рукахъ» [1]).

Первоначально даже политическія идеи молодыхъ друзей были, по словамъ Герцена, «смутны» и неопредѣленны: они «проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію», конституціонную монархію «и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому правительственному произволу. Общества въ сущности никогда не составлялось; но пропаганда наша пустила глубокіе корни во всѣ факультеты и далеко перешла университетскія стѣны».

Было немало основаній для того, чтобы юные пропагандисты сдѣлались только либералами или радикалами и не увлеклись вопросами соціальными. Въ 1820-хъ годахъ, по свидѣтельству Пирогова, среди студентовъ Московскаго университета были рас-

---

[1]) Отмѣтимъ, что «діаконами» сенъ-симонистъ Анфантенъ называлъ своихъ ближайшихъ учениковъ. Однимъ изъ трехъ друзей Герцена былъ Н. И. Сазоновъ, игравшій позднѣе довольно видную роль среди русской эмиграціи въ Парижѣ въ 1840-хъ г., см. *Н. Резановъ.* «К. Марксъ и русскіе люди 40-хъ годовъ». «Совр. Міръ» 1912 г. № 8.

пространены либеральные взгляды, и «буржуазія еще стояла на пьедесталѣ». Явилась и литературная поддержка либеральному общественному теченію, насколько это было, конечно, возможно по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ. По выраженію Герцена, «либерализмъ кое-какъ пережилъ 1825 годъ въ Полевомъ». Дѣйствительно, его журналъ «Московскій Телеграфъ», остававшійся въ теченіе всего, почти десятилѣтняго, его существованія вѣрнымъ своему направленію, пропагандировалъ политическій либерализмъ: проводилъ мысль о законности, полезности и общеевропейскомъ значеніи великой французской революціи, защищалъ идею о равенствѣ политическихъ правъ, характеризовалъ (въ статьѣ декабриста Бестужева-Марлинскаго) прогрессивную роль буржуазіи въ борьбѣ съ феодалами, подвергалъ критикѣ устройство англійскаго парламента, указывая на то, что онъ представляетъ «собственно правленіе монархически-аристократическое, несмотря на народныя формы при выборахъ членовъ въ Нижній парламентъ», и за два года до парламентской реформы 1832 г. въ Англіи предсказалъ ея близость. Цензура обвиняла «Московскій Телеграфъ» въ осмѣиваніи русскаго дворянства, и въ 1834 г. онъ былъ запрещенъ. Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ назвалъ журналъ Полевого проводникомъ русской революціи.

Вліяніе сенъ-симонизма и фурьеризма на Герцена и Огарева.

Герценъ и Огаревъ и въ политическихъ вопросахъ были лѣвѣе либерализма Полевого, но они не удовольствовались однимъ политическимъ радикализмомъ. На соціальные вопросы направили ихъ вниманіе брошюры сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣди, ихъ процессъ. Судя по свидѣтельству въ «Быломъ и Думахъ», первоначально вліяніе этого ученія выразилось у Герцена и Огарева горячимъ сочувствіемъ лишь извѣстной части идей сенъ-симонистовъ въ той окраскѣ, которую имъ придалъ Анфантенъ: освобожденію женщины, союзу съ нею, какъ съ равною, реабилитаціи плоти.

Но этимъ не ограничивались идеи сенъ-симонистовъ. Уже въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона есть замѣчательныя соціальныя идеи, какъ, напримѣръ, признаніе права на трудъ [1]), но ученики его въ соціальныхъ вопросахъ пошли далѣе своего учителя. Для Сенъ-Симона и предприниматели (за исключеніемъ коммерсантовъ и банкировъ) и рабочіе составляютъ одинъ классъ — industriels,

---

[1]) *R. Singer.* Das Recht auf Arbeit, 1895, S. 16—17. Впрочемъ, первый эту мысль высказалъ Фурье въ 1808 г. въ своемъ сочиненіи «Théorie des quatres mouvements». Singer, 10.

но предприниматели причисляются къ нимъ лишь тогда, когда они участвуютъ личнымъ трудомъ руководства и надзора въ промышленной дѣятельности. Евангельское предписанiе о любви Сенъ-Симонъ предлагалъ замѣнить новымъ принципомъ: «человѣкъ долженъ работать», поэтому industriel въ то же время всегда travailleur (работникъ), напротивъ, рантье и пассивный землевладѣлецъ — буржуа, вреднѣйшiе члены общества, fainêants (тунеядцы), классъ «глупый и презрѣнный». Мануфактуристовъ-предпринимателей, руководителей промышленности (les chefs industriels), Сенъ-Симонъ считаетъ естественными вождями рабочихъ (ouvriers), всѣ они сотрудники (collaborateurs) отъ простѣйшаго работника до богатѣйшаго фабриканта. Напротивъ, сенъ-симонисты усиленно подчеркиваютъ противоположность интересовъ двухъ составныхъ частей класса «industriels». Они указываютъ на то, что при существованiи пролетарiата рабочiй является—если не рабомъ собственника, то, во всякомъ случаѣ, не свободнымъ въ опредѣленiи своихъ отношенiй къ нему; онъ вынужденъ подъ страхомъ голодной смерти принимать условiя своего хозяина. Безпощадно критикуя политическiй либерализмъ, сенъ-симонистскiе проповѣдники говорятъ, что свобода для собственниковъ и рабство для голодающихъ — такова сущность тогдашняго конституцiоннаго строя. Пользуясь свободой слова, созданной iюльскою революцiею, они усердно изображаютъ бѣдствiя пролетарiата, среди котораго нѣтъ мѣста ни семейному счастiю, ни просвѣщенiю, ни нравственности. На вопросъ: «Что такое пролетарiи?» — буржуазiя, по словамъ сенъ-симонистовъ, отвѣчаетъ чаще всего съ пренебреженiемъ, относится къ нимъ, какъ къ презрѣннымъ вассаламъ, хотя пролетарiи работаютъ на поляхъ и въ мастерскихъ, проливаютъ кровь въ битвахъ, двигаютъ впередъ науки и искусства, служатъ нуждамъ государства, всевозможными способами украшаютъ существованiе привилегированныхъ классовъ. И сенъ-симонисты убѣждаютъ богатую молодежь, писателей и художниковъ — прекратить личную и партiйную полемику и посвятить свои таланты соцiальнымъ вопросамъ. «Каждый день промедленiя — означаетъ сознательное, завѣдомое принесенiе безчисленныхъ жертвъ, побѣду безнравственности, невѣжества и нищеты» [1]).

---

[1]) *Ив. Ивановъ*. «Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ». М. 1901 г., стр. 535, 545, 583—594, 655, 691—693.

По мнѣнію сенъ-симонистовъ, причина эксплуатаціи рабочихъ заключается въ организаціи собственности. Они указывали на то, что «право собственности—видоизмѣняемый соціальный фактъ..., напрасно разсчитываютъ сдѣлать его неподвижнымъ, называя его божественнымъ правомъ или естественнымъ... При каждомъ соціальномъ преобразованіи, при каждой политической революціи право собственности подвергалось болѣе или менѣе глубокимъ видоизмѣненіямъ... Остается сдѣлать новый шагъ — перенести право наслѣдованія съ семьи на государство» [1]). «Каждому по его способности и каждой способности по ея дѣламъ, да не будетъ болѣе права наслѣдованія!» таковъ соціальный девизъ сенъ-симонизма. Результатомъ существованія права наслѣдства является праздность, и оно должно быть устранено. Единственный собственникъ—государство, всѣ граждане—обладатели орудій производства и предметовъ потребленія сообразно своимъ личнымъ талантамъ и трудолюбію, при чемъ къ орудіямъ производства причисляются и земля и капиталъ. Государство распредѣляетъ эти орудія, сообразуясь со способностями каждаго члена общества и съ потребностями каждой мѣстности и каждой отрасли производства. Граждане будутъ классифицированы по способностямъ, вознаграждаемы по дѣламъ, и государство станетъ ассоціаціей работниковъ, обширной мастерской, гдѣ будутъ согласованы всѣ роды производства и урегулировано распредѣленіе благъ: исчезнутъ война и лишенія, т.-е. конкуренція и индустріальное рабство. Призваніе, а не родство — основа новаго порядка наслѣдованія. Все общество — ассоціація, всѣ члены его fonctionnaires (должностныя лица). Нужно учредить банки по провинціямъ для наблюденія за мѣстнымъ производствомъ и во главѣ ихъ—центральный банкъ, представляющій орудіе государства въ области матеріальнаго порядка [2]).

Мы не знаемъ, въ какой степени были извѣстны тогда Герцену и Огареву всѣ стороны ученія сенъ-симонистовъ, но несомнѣнно, что оно было знакомо имъ полнѣе, чѣмъ можно было бы заключить на основаніи упомянутаго выше свидѣтельства «Былого и Думъ». 19 іюля 1833 г., окончивъ университетскій курсъ,

---

[1]) Уничтоженія права наслѣдованія требовалъ еще Бабёфъ. *С. Н. Прокоповичъ.* «Проблемы соціализма», 255.

[2]) Ibidem, 655, 657, 694. Срав. о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ въ статьѣ А. Боровего въ 1-мъ выпускѣ IV ч. «Книги для чтенія по ист. нов. времени».

Герценъ писалъ Огареву: «Ты правъ, Saint-Simonisme имѣетъ право насъ занять. Мы чувствуемъ (я тебѣ писалъ это года два тому назадъ и писалъ оригинально), что міръ ждетъ обновленія, что революція 89 года ломала — и только, но падобно создать новое, *палингенезическое* [1]) время» (т.-е. эпоху возрожденія), «надобно другія основанія положить обществамъ Европы; болѣе права, болѣе нравственности, болѣе просвѣщенія. Вотъ опытъ — это S.-Sim. (сенъ-симонизмъ). Я не говорю о нынѣшнемъ упадкѣ его, — таковымъ я называю его религіозную форму (P. Enfantin etc). Мистицизмъ увлекаетъ всегда юную идею. Возьмемъ чистое основаніе христіанства. Какъ опо изящно и высоко, посмотри же на послѣдователей — мистицизмъ темный и мрачный». По мнѣнію Огарева, «одна не бездушная философія послѣднихъ временъ, гдѣ высоко поняты требованія вѣка, — это Sant Simon.» (т.-е. сенъ-симонизмъ).

Но молодые друзья знакомились и съ ученіемъ Фурье. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Огареву отъ 19 іюля 1833 г. Герценъ писалъ: «Есть еще système d'association par Fourier. Ее ты прочтешь въ «Revue Encyclopédique» за февраль 1832 г. Цѣль оправдываетъ странности». Статья эта «Doctrine d'association de M. Charles Fourier» принадлежитъ Abel Transon'у, краснорѣчивому проповѣднику сенъ-симонизма, который изъ-за разногласій съ Анфантеномъ сдѣлался (въ 1832 г.) послѣдователемъ ученія Фурье. Излагая основные взгляды Фурье, высказанные имъ въ сочиненіяхъ «Théorie des quatre mouvements» (1808), «Traité de l'association domestique-agricole» (1822) и «Le nouveau monde industriel et sociétaire» (1829), Трансонъ указываетъ на ихъ величайшее значеніе, на то, что они затрогиваютъ вопросы, наиболѣе важные для человѣчества, а между тѣмъ имя ихъ автора почти неизвѣстно, и укоряетъ общество за несправедливость къ геніальному писателю. Особенно новымъ въ ученіи

---

[1]) Этотъ терминъ заставляетъ предположить, что Герценъ уже тогда былъ знакомъ съ сочиненіемъ Балланша (вѣрившаго въ провиденціальный смыслъ революціи и ожидавшаго новаго демократическаго христіанства) «Essais de palingénésie sociale» («Опыты о соціальномъ возрожденіи»). 2 vols P. 1827 — 28, которое сильно читалось въ средѣ сенъ-симонистовъ и заслужило ихъ сочувственные отзывы. Герценъ «перелистывалъ» въ 1844 г. Palingénésie sociale Балланша, темновато пишущаго мистика съ легкимъ соціальнымъ оттѣнкомъ, имя котораго, по его мнѣнію, «не должно забывать ни въ развитіи философіи ни въ исторіи соціализма».

Фурье Трансонъ считаетъ стремленіе объединить частные и общественные интересы и всякій трудъ сдѣлать привлекательнымъ. Съ осуществленіемъ этого послѣдняго требованія окажутся легко осуществимыми всѣ предсказанія Фурье — быстрое возрастаніе продуктовъ производства, присоединеніе къ числу трудящихся лицъ праздныхъ, дѣтей, бродягъ, дикарей, уничтоженіе торга неграми и освобожденіе рабовъ вообще по добровольному соглашенію съ господами [1]). Отзываясь съ похвалою и объ Оуэнѣ за его попытки практическаго осуществленія ассоціаціи, Трансонъ утверждаетъ, однако, что онъ не создалъ новой соціальной теоріи [2]). Вскорѣ послѣ того Герценъ въ письмѣ къ Огареву говоритъ, что начинается третья фаза христіанства — «*истинная, человѣческая* — фаланстерство» (можетъ-быть, сенъ-симонизмъ?) [3]). Позднѣе въ «Быломъ и Думахъ» онъ говоритъ, что сенъ-симонистскія вліянія на него и его друга Огарева были сильнѣе фурьеристскихъ: «сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ». Однако Огаревъ въ «Исповѣди лишняго человѣка» отмѣчаетъ большое значеніе въ ихъ развитіи и фурьеризма: «Мы, дѣти декабристовъ и міра новаго ученики, ученики Фурье и Сенъ-Симона, мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь народу, и его освобожденью основою положимъ соціализмъ». Въ своемъ сочиненіи «О развитіи революціонныхъ идей въ Россіи» Герценъ утверждаетъ, что сенъ-симонизмъ произвелъ громадное впечатлѣніе на умы мо-

---

1) «Если трудъ сдѣлается привлекательнымъ, ассоціація могла бы безъ всякаго риска дать авансъ самому бѣдному ея члену въ видѣ minimum'a жилища, одежды и пищи. Тогда самый неимущій изъ людей будетъ пользоваться тою выгодою, въ которой природа не отказываетъ животнымъ,—въ спокойствіи за свое будущее». *Ивановъ*, 381, 687, 698, 702—703; *H. Bourgin*. Fourier. P. 1905, p. 427

[2]) Revue Encyclopédique, publiée par H. Carnot et P. Leroux, 1832, т. LIII, 271 — 300. Въ томъ же номерѣ была напечатана рецензія на сборникъ нѣсколькихъ сочиненій Сенъ-Симона, изданныхъ въ 1832 г. его ученикомъ Олендомъ Родригомъ (стр. 405 — 415). Окончаніе статьи Трансона было напечатано въ майской книжкѣ того же журнала (Т. 54, р. 290 — 323); въ ней шла рѣчь: 1) о соціетерномъ хозяйствѣ и фаланстерѣ и 2) о равновѣсіи страстей.

[3]) Въ письмѣ къ Огареву, захваченномъ при обыскѣ, Герценъ совѣтуетъ ему читать «Вильгельма Телля» Шиллера, но, оговаривается онъ, «все это мысль разрушенія, а мнѣ хочется создать; изъ общихъ началъ моей философіи и исторіи долженъ я вывести планъ ассоціаціи».

сквичей. По его мнѣнію, «сенъ-симонизмъ, неопредѣленный, религіозный и въ то же время не лишенный анализа, удивительно подходилъ къ ихъ вкусамъ». Всѣ указанныя выше вліянія дѣлаютъ вполнѣ понятнымъ, почему Герценъ не пошелъ по пути политическаго либерализма, проповѣдываемаго «Московскимъ Телеграфомъ», и вступилъ въ споръ съ Полевымъ, укоряя его въ отсталости, что повело къ разрыву между ними, хотя еще не окончательному.

9 іюля 1834 г. Огаревъ былъ арестованъ вслѣдствіе участія въ кружкѣ молодежи, въ которомъ при кутежахъ пѣлись пѣсни, по официальной характеристикѣ, «наполненныя гнуснымъ и злоумышленными выраженіями противъ вѣрноподданнической присяги». Въ ночь съ 20 на 21 іюля былъ арестованъ и Герценъ. Въ запискѣ слѣдственной комиссіи о немъ данъ такой отзывъ: «молодой человѣкъ пылкаго ума, и хотя въ пѣніи пѣсенъ не обнаруживается, но изъ переписки съ Огаревымъ видно, что онъ смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества». Огаревъ, сознавшійся «въ пѣніи дерзкихъ пѣсенъ», «велъ съ ... Герценомъ переписку, наполненную свободомысліемъ; въ показаніяхъ своихъ замѣченъ упорнымъ и скрытнымъ фанатикомъ». Герценъ и Огаревъ были отнесены въ докладѣ (21 янв. 1835 г.) государю попечителя Московскаго университета кн. С. М. Голицына къ числу четырехъ лицъ, «обращающихъ на себя вниманіе образомъ мыслей своихъ». Герценъ былъ отправленъ на службу въ Пермскую губ. (а въ маѣ 1835 г. изъ Перми переведенъ въ Вятку), Огаревъ—въ Пензенскую губ. [1]). Таково было официальное крещеніе русскаго соціализма.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 2 апрѣля 1835 г. Герценъ писалъ: прочли «сначала смертную казнь, потомъ каторгу по законамъ и объявили, что государь милуетъ и приказываетъ только разослать по городамъ». Въ «Быломъ и Думахъ» онъ говоритъ, что его самого и его товарищей обвинили въ *намѣреніи* составить тайное общество и желаніе пропагандировать сенъ-симонизмъ. Въ прочитанномъ приговорѣ было сказано, что слѣдовало бы подвергнуть ихъ смертной казни, но, по милосердію императора, она замѣнена исправительнымъ наказаніемъ. Изъ официальныхъ документовъ видно, что въ надписи Бенкендорфа надъ его докладомъ имп. Николаю было сказано: «Государь соизволилъ повелѣть, дабы кн. С. Голицынъ, лично призвавъ всѣхъ участвующихъ по сему дѣлу и, прочитавъ имъ законъ по первому пункту, по которому они всѣ подвергаются тяжкому наказанію, объявилъ бы имъ милость государя, которою, освобождая ихъ отъ строгости суда, перемѣнилъ приговоръ онаго исправительными мѣрами». Статья М. К. Лемке въ «Мірѣ Божьемъ» 1906 г. № 2, стр. 130.

Въ февралѣ 1835 г. Герценъ писалъ изъ Перми Натальѣ Александровнѣ Захарьиной, которая впослѣдствіи стала его женою: «Меня въ комиссіи обвиняли въ сенъ-симонизмѣ; я не сенъ-симонистъ, но вполнѣ чувствую съ ними многое за одно. Нѣтъ жизни истинной безъ вѣры». А въ «Быломъ и Думахъ» онъ говоритъ о себѣ, что еще два года послѣ Вятки «былъ подъ вліяніемъ идей мистически-соціальныхъ, взятыхъ изъ Евангелія и Жанъ-Жака (Руссо) на манеръ французскихъ мыслителей, въ родѣ (Пьера) Леру».

И гораздо позднѣе, уже живя за границей, Герценъ любилъ повторять мысль о сходствѣ соціализма съ зарождающимся христіанствомъ[1]). Это нужно имѣть въ виду при чтеніи его произведеній конца 1830-хъ гг. Въ этомъ отношеніи наиболѣе значенія имѣютъ два его драматическія произведенія: «Лициній» (1838), сцены изъ древне-римской жизни въ 4-хъ картинахъ, и «Вильямъ Пеннъ» (1839 г.). Общее заглавіе, которое Герценъ придавалъ обоимъ произведеніямъ: «Палингенезія»—напоминаетъ и о цитированномъ выше письмѣ Герцена къ Огареву 1833 г., и о книгѣ Балланша, популярной среди сенъ-симонистовъ.

„Лициній" Герцена.

«Лициній» — произведеніе, вполнѣ несохранившееся и извѣстное лишь въ позднѣйшемъ сценаріи Герцена и отрывкѣ одной сцены, было навѣяно чтеніемъ Тацита и Дѣяній Апостольскихъ, при чемъ «рядомъ съ мрачнымъ, окровавленнымъ, развратнымъ, снѣдаемымъ страстями Римомъ предстали» автору «бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе міра». Понятно, что между строкъ здѣсь слѣдуетъ читать и нѣчто другое: тутъ ясна аналогія съ одряхлѣвшимъ общественнымъ строемъ Западной Европы и Россіи и гоненіями на соціалистовъ современныхъ Нероновъ. Лициній «еще не имѣетъ понятія объ ученіи Христовомъ, но вѣяніе духа современности раскрыло въ немъ вопросы, на которые, кромѣ Евангелія, не было отвѣта». Онъ говоритъ своему собесѣднику, довольствующемуся старымъ, цѣльнымъ міросозерцаніемъ классическаго міра: «Что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше итти не можетъ... Бродятъ вопросы, никогда не являвшіеся прежде». Къ этому собесѣднику и къ патрицію, подготовляющимъ заговоръ противъ Нерона, Лициній обращается съ такою рѣчью: «Для кого вы работаете,

---

[1]) Ср. *Гершензонъ*. «Образы прошлаго». М. 1912, стр. 218.

на кого обопретесь? На плебеевъ, что ли? Да они васъ ненавидятъ. Было время, плебей считалъ патриція за отца. Хорошо воспиталъ отецъ сына: онъ его ограбилъ, замучилъ на тяжкой работѣ, прогналъ изъ дома, раба принялъ на его мѣсто, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ, спрашивалъ, глядя на закорузлую руку, — не четвероногій ли онъ? Онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался звѣремъ. Онъ васъ растерзаетъ на части, и нечему дивиться... На плебеевъ обопрется цезарь, — не вы; а вы обопретесь, можетъ, на патриціатъ..., снѣдаемый нечистыми страстями, умирающій въ рукахъ рабовъ, египетскихъ поваровъ и нагихъ невольницъ! Въ основѣ своей Римъ носилъ зародышъ гибели. Время казни настало»[1])...

„Вильямъ Пеннъ“ Герцена.

Въ другомъ произведеніи Герцена «Вильямъ Пеннъ», бо̀льшая часть котораго сохранилась, Герценъ хотѣлъ изобразить «христіанство, какъ религію соціальную, прогрессивную»[2]), и здѣсь сапожникъ Фоксъ, основатель въ половинѣ XVII вѣка общины квакеровъ, является представителемъ соціалистическихъ идей: онъ отрицаетъ право собственности англійской аристократіи на землю[3]). «Намъ нѣтъ досуга помолиться Богу, мы сутки цѣлые должны работать, чтобъ хлѣбъ имѣть насущный: есть для другихъ науки, книги, досугъ чѣмъ хочешь заниматься... А намъ что на замѣнъ всего ограбленнаго дали? — Работу тяжкую и униженье. Кто надѣлилъ землею ихъ? Да кто бъ ни надѣлилъ, какое право имѣлъ надъ Божіимъ созданьемъ онъ?» Половина государственныхъ доходовъ, исторгнутыхъ «у бѣдняковъ, у поселянъ» идутъ въ даръ «лордамъ, сирамъ, камергерамъ», «а на другую половину денегъ солдатъ содержатъ, чтобы насъ душили, чтобъ лили кровь такихъ же христіанъ». Но теперь, читая Евангеліе, народъ знаетъ, чего хотѣлъ Христосъ: «Хотѣлъ Онъ братства, равенства, свободы, хотѣлъ, чтобъ не было богатыхъ вовсе, хотѣлъ, чтобъ бѣднымъ слезы отирали, хотѣлъ, чтобъ всѣ любили всѣхъ»...

Во второмъ дѣйствіи изображена сцена семейнаго суда надъ сыномъ лорда, Вильямомъ Пенномъ, сдѣлавшимся послѣдова-

---

[1]) *Т. Пассекъ.* «Изъ дальнихъ лѣтъ». т. II, 71—86.

[2]) *Пассекъ.* II. 163—164.

[3]) Авторъ назвалъ «Вильяма Пенна» — «сценами въ стихахъ». Крайнее несовершенство формы этого произведенія вызвало совѣтъ Герцену, данный Бѣлинскимъ, переписать рукопись, не отмѣчая стиховъ, — но это не уменьшаетъ значительности содержанія этихъ сценъ.

телемъ Фокса. Самъ Герценъ указалъ на то, что процессъ сенъ-симонистовъ» (Анфантена, Шевалье, Дюверье, Родрига и Барро) «въ 1832 г. былъ еще живъ въ памяти», когда въ 1839 г. онъ писалъ эту сцену. Вильямъ Пеннъ съ негодованіемъ говоритъ своимъ судьямъ: «Не стыдно ль христіанами вамъ зваться, и не обманъ ли то позорный, низкій — съ Евангельемъ въ рукахъ тѣснить милліоны бѣдныхъ». Взявъ въ руки Евангеліе, онъ читаетъ изъ Дѣяній Апостольскихъ: «У вѣрующихъ всѣхъ душа была одна, они отдѣльно не имѣли ничего, все было общее, и между ними нуждающійся быть не могъ... Вотъ бытъ общественный»... Вильямъ Пеннъ основываетъ новую общину въ Америкѣ, стремясь сдѣлать ее «міромъ равенства, любви и братства», но заразительная болѣзнь богатства, власти, насилія занесена эмигрантами изъ Европы, и новая община оказывается лишь видоизмѣненнымъ старымъ обществомъ [1].

Герценъ и Бѣлинскій. Пять лѣтъ ссылки были временемъ весьма неудобнымъ для подробнаго выясненія міросоцерзанія. Затѣмъ, немногимъ болѣе года поживъ въ Петербургѣ, А. И. Герценъ, за неосторожное по тому времени письмо, вынужденъ былъ переѣхать въ Новгородъ. Но это пребываніе въ Петербургѣ имѣло рѣшающее значеніе для окончательнаго освобожденія Бѣлинскаго отъ того консервативнаго направленія, которое сложилось въ немъ подъ вліяніемъ односторонне понятаго ученія Гегеля. Нѣкоторые современники полагаютъ, что болѣе близкое знакомство Бѣлинскаго въ Петербургѣ съ «гнусною», по его словамъ, «рассейскою дѣйствительностью» и безъ вліянія Герцена вывело бы его на новый путь, но этотъ болѣзненный процессъ могъ бы затянуться гораздо долѣе. Огаревъ въ 1840 г. помогъ сближенію двухъ самыхъ выдающихся людей того времени и оказалъ этимъ большую услугу развитію русскаго соціализма; съ той минуты, когда Бѣлинскій отказался отъ своихъ консервативныхъ статей [2], онъ и Герценъ, по свидѣтельству послѣдняго, «шли рука объ руку», были согласны во всѣхъ существенныхъ чертахъ ихъ міросозерцанія и явились энергическими проповѣдниками соціалистическихъ идей.

---

[1]) *Р. В. Ивановъ-Разумникъ.* «Драмы Герцена». «Русское Богатство». 1912 г. № 3. Біографію Герцена см. въ книгѣ Вѣтринскаго.

[2]) Въ письмѣ къ московскимъ друзьямъ изъ Парижа (1848 г.) Герценъ вспоминаетъ, какъ нѣкогда Бѣлинскій «строилъ русскую исторію и наши нужныя мѣста превращалъ въ необходимыя». *Ивановъ-Разумникъ.* «Три письма Герцена». «Современникъ» 1912, № 4, стр. 198.

Правда, цензурныя условія были таковы, что эти идеи они почти вовсе не могли развивать въ печати, но тѣмъ усерднѣе они отводили душу — Бѣлинскій въ краснорѣчивыхъ письмахъ къ пріятелямъ, Герценъ — преимущественно въ своемъ дневникѣ, составляющемъ замѣчательный памятникъ этихъ такъ сказать учебныхъ годовъ русскаго соціализма, и, наконецъ, оба они въ оживленныхъ бесѣдахъ съ друзьями и знакомыми. И Герценъ и Бѣлинскій продолжали усердно трудиться надъ окончательною выработкою опредѣленнаго міросозерцанія. Замѣтимъ, что Гончаровъ называетъ Бѣлинскаго самымъ образованнымъ послѣ Герцена человѣкомъ того времени.

Живя въ Новгородѣ, Герценъ работалъ особенно усиленно. Изъ Гегеля онъ сдѣлалъ выводы въ духѣ лѣваго гегеліанства, — не даромъ онъ называлъ ученіе Гегеля «алгеброю революціи» [1]). Фейербахъ помогъ ему освободиться отъ послѣднихъ остатковъ мистицизма, одолѣвавшаго его въ ссылкѣ. Развитіе Бѣлинскаго шло одновременно въ томъ же направленіи. Сочувствіе сенъ-симонизму обоихъ выразилось въ горячемъ восхваленіи, въ ихъ печатныхъ статьяхъ, произведеній Жоржъ-Зандъ. Размышляя о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ, Герценъ сталъ придавать иногда бо̀льшее значеніе учителю, чѣмъ ученикамъ; напротивъ, изучая произведенія фурьериста Консидерана, онъ радовался, что талантливый ученикъ отбросилъ въ сторону мелочныя подробности въ сочиненіяхъ учителя и развилъ его основныя начала [2]). Признавая иногда, что фурьеризмъ всего глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ, Герценъ старался заимствовать симпатичныя ему черты изъ обоихъ ученій. Эти черты можно свести къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ: измѣненіе права собственности установленіемъ общественнаго управленія недвижимою собственностью и капиталами [3]), артельная или коммунальная жизнь, организа-

---

[1]) Это выраженіе, быть-можетъ, навѣяно чтеніемъ книги Балланша, который говорилъ о «божественной алгебрѣ Моисея». «Oeuvres de M. Ballanche. T. III. Essais de palingénésie sociale» P. 1830, p. 76.

[2]) Сочиненіе Консидерана (La destinée sociale, 1834), отмѣтилъ Герценъ въ своемъ дневникѣ 1 іюня 1844 г.,—«несравненно энергичнѣе, полнѣе, шире по концепціи и по исполненію всего вышедшаго изъ школы Фурье. Разборъ современности превосходенъ, становится страшно и стыдно. Раны общественныя указаны и источники ихъ обличены съ безпощадностью».

[3]) «Не совершенное уничтоженіе личной собственности, а такая инвеститура обществомъ, которая государству даетъ право общихъ направленій («Дневникъ», февраль 1843 г.). «Собственность — гнусная вещь», писалъ Гер-

ція работъ и вознагражденія за нихъ. Онъ признавалъ, что фурьеристы совершенно правы, обличая современную промышленность, которая, «какъ сифилисъ, заражаетъ нравы». Но, оберегая свободу личности, Герценъ находилъ стѣснительнымъ обязательный, по его мнѣнію, отчасти казарменный строй фаланстера. Нѣкоторыя сомнѣнія относительно фурьеристовъ возбуждали въ Герценѣ ихъ идеи объ общественномъ воспитаніи, но онъ призналъ, что въ общинной жизни, развитой на широкихъ началахъ, женщина будетъ болѣе причастна общимъ интересамъ. Замѣчательно, что Бѣлинскій, для котораго усовершенствованіе общественныхъ отношеній, несмотря на проникновеніе его «идеею соціализма», неразрывно связывалось съ развитіемъ личности, по свидѣтельству Достоевскаго, гораздо болѣе, чѣмъ Герценъ, былъ убѣжденъ въ томъ, что «соціализмъ не только не разрушаетъ свободы личности, а, напротивъ, возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ основаніяхъ». Эти оттѣнки въ мнѣніи друзей сказались тогда въ отношеніи къ главнѣйшей основѣ земельнаго строя нашихъ крестьянъ. Когда, въ 1843 г., Гакстгаузенъ бесѣдовалъ о нашей земельной общинѣ съ Герценомъ, онъ, такой горячій защитникъ ея впослѣдствіи [1]), отнесся къ ней сдержанно и съ нѣкоторыми сомнѣніями, отчасти вслѣдствіе разногласій по другимъ вопросамъ съ защитниками общины — славянофилами, отчасти вслѣдствіе того, что онъ неправильно связывалъ ея существованіе съ крѣпостнымъ правомъ. Напротивъ, Бѣлинскій взглянулъ на общину слишкомъ оптимистично, считая ее вполнѣ надежною гарантіею отъ развитія пролетаріата, отрицая и въ печатныхъ статьяхъ возможность его у насъ, а въ разговорѣ съ Грановскимъ высказалъ мысль, что Россія лучше сумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ капиталами и собственностью, чѣмъ Западная Европа. Впослѣдствіи Герценъ также

ценъ нѣсколько позднѣе, — «сверхъ всего несправедливаго, она безнравственна и, какъ тяжелая гиря, гнететъ человѣка внизъ; она развращаетъ человѣка, и онъ становится на одной доскѣ съ дикимъ звѣремъ, когда корысть сбрасываетъ его съ пьедестала историческаго Standpunkt'а» (августъ 1844 г.). Вскорѣ послѣ того онъ называетъ «прекраснымъ произведеніемъ» сочиненіе Прудона, «О собственности» и отмѣчаетъ, что авторъ доказываетъ невозможность, преступность, нелѣпость права собственности и необходимость владѣнія» (декабрь 1844 г.).

[1]) См. въ статьѣ *Н. С. Русанова* «Западный соціализмъ и русскій соціализмъ Герцена. «Русск. Богатство». 1909 г. № 8, стр. 61 — 73.

утверждалъ, что, благодаря земельной общинѣ, сельскій пролетаріатъ у насъ — вещь невозможная. Одною изъ симпатичныхъ чертъ общиннаго строя было для него то, что въ общинѣ земля не переходитъ по наслѣдству въ собственность семьи. Тутъ преобладающее требованіе сенъ-симонизма было осуществлено въ области аграрныхъ отношеній.

Оба друга одинаково отрицательно относились къ западно-европейской буржуазіи, одинаково горячо защищали интересы пролетаріата. Бѣлинскій въ знаменитой статьѣ (1844 г.) о «Парижскихъ Тайнахъ» Евгенія Сю высказалъ горячее сочувствіе пролетаріату и отвращеніе къ властвующей буржуазіи [1]). Понятно, что, ѣдучи въ Парижъ (въ 1847 г.), Бѣлинскій ожидалъ встрѣтить тамъ «конституціонныхъ подлецовъ». Герценъ въ напечатанныхъ въ этомъ же году въ «Современникѣ» «Письмахъ изъ Avenue Marigny» дѣлаетъ язвительную характеристику «буржуа, пропріетера, лавочника, рантье и всего Парижа, за цензъ стоящаго» (по конституціи 1830 г. во Франціи пользовались правомъ быть избирателями лишь 200.000 чел.), и въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ говоритъ о людяхъ, «за цензомъ стоящихъ», т.-е. не пользующихся политическими правами.

„Письма изъ Avenue Marigny“ Герцена.

Въ Германіи, говоритъ Герценъ о буржуазіи, это сословіе «какъ-то смиренно, мелко и изъ рукъ вонъ смѣшно»; во Франціи «оно дерзко и высокомѣрно, корчитъ аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ»... Оно «было минутно хорошо, какъ отрицаніе, какъ переходъ, какъ противуположность, какъ отстаиваніе себя. Его силъ стало на борьбу и на побѣду, но сладить съ побѣдою оно не могло. Не такъ воспитано». При самомъ началѣ французской революціи «вы уже встрѣчаете во Франціи классъ людей, который при общей потерѣ пріобрѣтаетъ: дворянство лишается правъ,—они усугубляютъ свои; народъ умираетъ съ голоду,—они сыты; республика безъ денегъ, продаетъ земли,—они

---

[1]) «Французскій пролетарій,—говоритъ Бѣлинскій,—передъ закономъ равенъ самымъ богатымъ собственникамъ (propriétaires) и капиталистамъ,—тотъ и другой судится одинакимъ судомъ и по винѣ наказывается одинакимъ наказаніемъ; но бѣда въ томъ, что отъ этого равенства пролетарію ничуть не легче. Вѣчный работникъ собственника и капиталиста, пролетарій весь въ его рукахъ, весь его рабъ, ибо тотъ даетъ ему работу и произвольно назначаетъ за нее плату. Этой платы бѣдному рабочему не всегда станетъ на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства, а богатый собственникъ беретъ 99% на 100... Хорошо равенство!»

ихъ скупаютъ; народъ вооружается и идетъ громить враговъ,— они поставляютъ сукна, провіантъ»[1]...

Письма изъ Avenue Marigny не понравились Грановскому и В. П. Боткину. Грановскій признавалъ европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, но, при своемъ умѣренномъ либерализмѣ, смотрѣлъ на него какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ниоткуда (очевидно, имѣя въ виду презрительное отношеніе соціалистовъ къ либераламъ). «Соціализмъ,—говорилъ онъ,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя и ее подрываетъ». Но свѣдѣнія Грановскаго по этому вопросу были не вполнѣ точны. Сенъ-симонисты еще во время революціи 1830 г. были не противъ захвата власти для осуществленія своихъ идей. Базаръ лично отправился въ ратушу къ Лафайету, съ которымъ когда-то вмѣстѣ участвовалъ въ тайномъ обществѣ французскихъ карбонаріевъ, и предложилъ ему временно захватить диктатуру и созвать учредительное собраніе для выбора правительства. Сенъ-симонисты надѣялись посредствомъ дѣятельной пропаганды пріобрѣсти себѣ значительное количество единомышленниковъ, быть-можетъ, даже большинство въ будущемъ собраніи. Но Лафайетъ не согласился на объявленіе диктатуры. Добавлю, что очень скоро послѣ напечатанія писемъ изъ Avenue Marigny, послѣ февральской революціи 1848 г., фурьеристъ Консидеранъ собственнымъ примѣромъ, какъ депутатъ національнаго собранія, доказалъ необходимость участія въ политической борьбѣ.

Бѣлинскій въ письмѣ къ Боткину (въ дек. 1847 г.) вступился за статьи Герцена. «Эти письма,—говоритъ онъ,—особенно послѣднее, писались при мнѣ, на моихъ глазахъ, вслѣдствіе тѣхъ

---

[1]) Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «Буржуази, какъ только стало на ту высоту, которую ему приготовила революція 1830 г..., забыло свое прошедшее, забыло даже національную честь и свои права, о которыхъ столько разглагольствовало во время реставраціи... Еще во время реставраціи буржуа не все продали внутри души своей, тогда ихъ еще уважали; но съ тѣхъ поръ, какъ всѣ интересы ихъ можно размѣнять на звонкую монету, съ тѣхъ поръ, какъ жизнь превратилась для нихъ въ средство чеканить деньги, народъ возненавидѣлъ ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ нимъ стоитъ». «Современникъ» 1847 г. т. V, стр. 172—175, т. VI (№ 11), стр. 130—131.

ежедневныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ краснѣли и потупляли голову честные французы, да и мошенники-то мигали не безъ замѣшательства... Владычество капиталистовъ покрыло современную Францію вѣчнымъ позоромъ... и породило оргію промышленности. Все въ немъ мелко, ничтожно, противорѣчиво... Взгляни на литературу — что это такое? Все, въ чемъ блещутъ искры жизни и таланта, все это принадлежитъ къ оппозиціи — не къ паршивой парламентской оппозиціи..., а къ той оппозиціи, для которой bourgeoisie — сифилитическая рана на тѣлѣ Франціи. Много глупостей въ ея анаѳемахъ на bourgeoisie, — но зато только въ этихъ анаѳемахъ и проявляется жизнь и талантъ... Герценъ въ своихъ письмахъ остается, какъ и во всемъ, что ни писалъ онъ, человѣкомъ съ талантомъ, и читать его письма — наслажденіе даже и для тѣхъ, кто замѣчаетъ въ нихъ преувеличеніе или не совсѣмъ согласенъ съ авторомъ во взглядѣ». Указавъ на недостаточную опредѣленность термина буржуази, Бѣлинскій продолжаетъ: «Ея ошибка была сначала въ томъ, что она подумала, что народъ съ правами можетъ быть сытъ и безъ хлѣба; теперь она сознательно ассервировала народъ голодомъ и капиталомъ... Горе государству, которое въ рукахъ капиталистовъ... Торгашъ не можетъ имѣть интересовъ, не относящихся къ его карману. Для него деньги не средство, а цѣль..., онъ свирѣпѣе звѣря, неумолимѣе смерти, онъ пользуется всѣми средствами, дѣтей заставляетъ гибнуть въ работѣ на себя, прижимаетъ пролетарія страхомъ голодной смерти..., снимаетъ за долгъ рубище съ нищаго, пользуется развратомъ, служитъ ему и богатѣетъ отъ бѣдняковъ» [1].

У обоихъ друзей — Бѣлинскаго и Герцена — отрицательное отношеніе къ тогдашнему конституціонному строю, при которомъ господство принадлежало дворянству и буржуазіи, вовсе не связывалось съ отрицаніемъ необходимости измѣненія политическаго

---

[1]) «Однако въ концѣ письма Бѣлинскій дѣлаетъ такую оговорку: «Я не принадлежу къ числу тѣхъ людей, которые утверждаютъ за аксіому, что буржуази — зло, что ее надо уничтожить, что только безъ нея всей пойдетъ хорошо. Такъ думаетъ нашъ нѣмецъ — М.» (т.-е. М. А. Бакунинъ) «такъ или почти такъ думаетъ Луи Бланъ. Я съ этимъ соглашусь только тогда, когда на опытѣ увижу государство, благоденствующее безъ средняго класса... Я знаю, что промышленность — источникъ великихъ золъ, но знаю, что она же — источникъ и великихъ благъ для общества»... *А. Н. Пыпинъ*, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка». Изд. 2-е. Спб, 1908, стр. 635 — 639.

строя вообще, необходимости политическихъ переворотовъ. Въ этомъ отношеніи Бѣлинскій съ самаго начала сороковыхъ годовъ сталъ высказываться весьма рѣшительно и опредѣленно. Такъ, еще въ 1841 г. выслушавъ чтеніе въ одномъ кружкѣ о французской революціи, онъ сказалъ: «Намъ надо пройти сквозь терроръ, чтобы сдѣлаться людьми въ полномъ и благородномъ смыслѣ этого слова». Достоевскій называетъ Бѣлинскаго страстнымъ соціалистомъ, а по отношенію къ Европѣ и революціонеромъ. Но изъ только что приведенныхъ словъ мы видимъ, что онъ желалъ революціи и въ Россіи; Гончаровъ называетъ Бѣлинскаго трибуномъ, Герценъ — бойцомъ-проповѣдникомъ. Нечего удивляться, что при такомъ міросозерцаніи Бѣлинскаго, осужденнаго судьбою работать въ Россіи въ жестокое николаевское время, его такъ быстро сжегъ внутренній огонь. Приведенные отрывки дѣлаютъ понятнымъ и тотъ зубовный скрежетъ, съ которымъ Дубельтъ вспоминалъ о Бѣлинскомъ послѣ его смерти: «Мы бы сгноили его въ крѣпости», сказалъ этотъ достойный сподвижникъ Бенкендорфа и гр. А. Орлова, когда при разсмотрѣніи дѣла петрашевцевъ обнаружилось, какъ усердно они пропагандировали письмо знаменитаго критика къ Гоголю, несомнѣнно, сыгравшее значительную роль въ развитіи общественнаго міросозерцанія нашей интеллигенціи.

Бѣлинскій дожилъ до февральской революціи 1848 г. во Франціи, но, къ счастію для него, умеръ ранѣе разгрома ея въ іюньскіе дни. Извѣстно, какое подавляющее впечатлѣніе произвело это событіе на Герцена; въ печати онъ впервые выразилъ его въ газетѣ «Voix du peuple» (которую при его матеріальной помощи издавалъ Прудонъ) въ трехъ статьяхъ о Россіи въ ноябрѣ и декабрѣ 1849 г. за подписью: «Русскій»[1]).

---

[1]) Здѣсь онъ высказываетъ мысль, что политическіе демократы испугались соціалистическихъ демократовъ, и потому революція сломилась. Примиреніе невозможно: или старая Европа падетъ подъ ударами соціализма, какъ палъ Римъ подъ натискомъ христіанства, или же она побѣдитъ его и уцѣлѣетъ со своей рутиной вмѣсто идей и дряхлостью вмѣсто энергіи и, какъ новая Византія, будетъ влачить апатичное существованіе, предоставивъ развитіе, будущность, жизнь другимъ народамъ и странамъ, или, наконецъ, воцарится надолго хаосъ непрерывной борьбы всѣхъ противъ всѣхъ. Онъ утверждаетъ, что Европа никогда не освободится иначе, какъ чрезъ освобожденіе Россіи, которая, угнетенная абсолютизмомъ императорской власти, тѣмъ не менѣе идетъ навстрѣчу соціализму, какъ древніе германцы шли навстрѣчу христіанству, и по поводу книги Ганстгаузена говоритъ о русской общинѣ, хотя не

Еще ранѣе появленія въ печати этой статьи свой ужасъ по поводу событій во Франціи въ іюньскіе дни 1848 г. Герценъ высказалъ въ письмѣ къ московскимъ друзьямъ отъ 6 сентября 1848 г.[1]) Изъ своихъ наблюденій онъ дѣлаетвъ два главныхъ вывода: «Что республика, въ которой остался монархическій принципъ въ нравахъ, въ законахъ, *благопристойнѣе* монархіи, а въ сущности нисколько не лучше»... Второе зло, уничтожающее Европу и при существованіи котораго можно отложить всякую мысль о прогрессѣ и разумномъ государствѣ — это *постоянныя войска,* которыя «убійственны для права, разорительны для финансовъ и ненужны для защиты», такъ какъ здѣсь изъ мальчишекъ дѣлали войско (mobile) въ три недѣли. Во Франціи, въ Піемонтѣ, каждый человѣкъ—солдатъ, когда надобно... Уничтоженіе постоянныхъ войскъ, всей солдатчины, point d'honneur'а военнаго, казармизма, бонапартизма rechauffé — должно быть знаменемъ всякаго человѣка, желающаго добра». Въ письмѣ отъ 5 ноября 1848 г. Герценъ говоритъ: «Мы присутствуемъ при великой драмѣ... Драма эта не болѣе и не менѣе, какъ разложеніе христіано-европейскаго міра. О возможности (не добивъ, не разрушивъ этотъ міръ) торжества демократіи и соціализма и говорить нечего».

Въ сентябрѣ 1849 г. Герценъ, успѣвъ уѣхать изъ Парижа до произведеннаго въ его квартирѣ обыска, писалъ московскимъ друзьямъ: «Грядущая революція должна начать не только съ вѣчнаго вопроса собственности и гражданскаго устройства, а съ нравственности человѣка; въ груди каждаго она должна убить монархическій и христіанскій принципъ... конецъ» (исключительно) «политическихъ революцій и восхожденіе новаго міросозерцанія — вотъ что мы должны проповѣдывать. Но для этого... надобно оторваться не на словахъ, не въ минуту негодованья, а спокойно и обдуманно отъ падающаго міра». Съ такой постановкой вопроса

рѣшается еще сказать, что въ ней ключъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса. *Гершензонъ*, «Герценъ и западъ» въ книгѣ того же автора: «Образы прошлаго». М. 1912 г. стр. 216—218. Эта статья 1850 г. была напечатана Герценомъ по-нѣмецки въ его книгѣ «Von andern Ufer», которая по-русски появилась въ Лондонѣ только въ 1855 г.

[1]) Онъ указываетъ на то, что въ числѣ высланныхъ былъ юноша 18 лѣтъ потому только, что у него нашли мнѣнія «слишкомъ передовыя», 20-лѣтняя дѣвушка — «слишкомъ экзальтированная». Возмущается онъ и дѣйствіями военно-судныхъ комиссій.

оказывались солидарными немногіе политическіе дѣятели и писатели Западной Европы. «Вы въ правѣ спросить, — продолжаетъ Герценъ,—кто же съ нами на одномъ берегу?» и называетъ Прудона («имя, стоящее сотни»), Готшалля («высшій представитель соціализма въ Германіи»), Бланки, Пьера Леру, Консидерана; въ Германіи — «многихъ людей, образованныхъ воззрѣніемъ Фейербаха», и нѣсколько итальянцевъ[1]).

Усиленія вліянія фурьеризма.

Послѣ 1848 г. въ Россіи наступила пора такой мрачной реакціи, что о проведеніи соціалистическихъ идей въ печати невозможно было и думать; но еще ранѣе этого въ Петербургѣ началась энергическая пропаганда фурьеризма Петрашевскимъ, а затѣмъ и нѣкоторыми другими юными фурьеристами. По словамъ Герцена, «фурьеризмъ больше, чѣмъ сенъ-симонизмъ, подходилъ къ петербургской учащейся молодежи. Фурьеризмъ, который требовалъ немедленнаго осуществленія и хотѣлъ практическаго примѣненія..., который скрывалъ свою поэзію подъ именемъ промышленности и свою любовь къ свободѣ подъ проповѣдью рабочихъ артелей» (т.-е. трудовыхъ ассоціацій)—«этотъ фурьеризмъ долженъ былъ найти откликъ въ Петербургѣ».

Пріѣхавъ въ 1843 году изъ-за границы въ Петербургъ, П. В. Анненковъ, довольно извѣстный впослѣдствіи критикъ, замѣтилъ въ русской интеллигенціи живой интересъ къ французской соціалистической литературѣ: система Фурье, «Икарія» Кабе, книга Прудона о собственности—«все это служило», по его словамъ, «предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ..., подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ, а нѣсколько позднѣе... и своихъ мучениковъ». М. Е. Салтыковъ въ несомнѣнно автобіографическомъ очеркѣ «Имя рекъ» говоритъ: «Еще въ ранней молодости онъ былъ идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. *Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ,* но въ сущности смѣшивалъ въ одну кучу и сенъ-симонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ и скорѣе всего примыкалъ къ сенъ-симонизму» («Мелочи жизни»).

---

*) *Р. В. Ивановъ-Разумникъ.* «Три письма Герцена», «Современникъ», 1912 г. № 4, апр. 196 — 198, 200 — 203; «Драмы Герцена». «Русск. Богатство» 1912 г. № 3, стр. 245 — 246.

Въ другомъ произведенiи Салтыковъ вспоминаетъ, что, «воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго», онъ «естественно примкнулъ къ западникамъ, ...къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Францiи. Разумѣется не къ Францiи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Францiи Сенъ-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсiяла намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное — все шло оттуда». («За рубежомъ».) Теперь уже положительно извѣстно, что Салтыковъ былъ знакомъ съ М. В. Буташевичемъ-Петрашевскимъ, посѣщалъ собранiя у него по пятницамъ и участвовалъ въ устройствѣ библiотеки въ складчину для выписки иностранныхъ книгъ по политической экономiи, соцiализму, новѣйшей исторiи и юридическимъ наукамъ.

Буташевичъ-Петрашевскiй.

Мих. Вас. Буташевичъ-Петрашевскiй, сынъ петербургскаго штадтъ-физика и инспектора лазаретовъ Петербургской губ., родился въ 1821 г., учился въ Царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ почти вовсе не дружилъ съ товарищами и воевалъ съ начальствомъ. Проводя много времени въ низшихъ классахъ, онъ познакомился тамъ съ Салтыковымъ, который уже тогда обнаруживалъ большую склонность къ литературнымъ занятiямъ. Въ 1839 г. Петрашевскiй окончилъ курсъ лицея и, хотя учился хорошо, за дурное поведенiе и «вольнодумство» былъ выпущенъ съ чиномъ не IX, X и даже не XII, а только XIV класса, случай крайне рѣдкiй въ лицеѣ. Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ на службу переводчикомъ въ департаментъ внутреннихъ сношенiй министерства иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользовался правомъ, предоставленнымъ воспитанникамъ лицея, посѣщать лекцiи въ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя. Прекрасно сдавъ экзаменъ, онъ въ августѣ 1841 г. получилъ степень кандидата.

Еще слушая лекцiи въ университетѣ, Петрашевскiй былъ убѣжденъ въ превосходствѣ федеративно-республиканскаго строя и полагалъ, что республика возникнетъ у насъ прежде всего въ Сибири; онъ считалъ также необходимою полную религiозную терпимость и думалъ, что при республиканско-федеративномъ строѣ не будутъ нужны огромныя войска. Изъ его раннихъ рукописей видно, что для достиженiя преобразованiй онъ считалъ необходимыми полную свободу печати и уничтоженiе «унизительной для разума человѣческаго цензуры, ужаснаго ору-

дія угнетенія и деспотствованія», большимъ зломъ признавалъ и отсутствіе гласности судопроизводства. Онъ носился также съ мыслью издавать журналъ и предлагалъ участвовать въ немъ Салтыкову, еще учившемуся тогда въ лицеѣ.

Есть извѣстіе, что уже въ университетѣ Петрашевскій началъ вести пропаганду среди молодежи и давать въ чтеніе запрещенныя книги, но раньше, чѣмъ стать соціалистомъ, онъ сталъ радикаломъ, а въ религіи скептикомъ, однако въ 1842—43 г. онъ прочелъ уже сочиненіе сенъ-симониста Лешевалье, перешедшаго въ фурьеризмъ, и сталъ задумываться надъ вопросомъ объ эмансипаціи женщинъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ темахъ, включенныхъ имъ въ списокъ подъ заглавіемъ «Запасъ общеполезнаго», видно уже вліяніе фурьеризма. Въ 1843 г. онъ задумывается и надъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ [1]).

Въ 1844 г. Петрашевскій сдѣлалъ попытку занять мѣсто воспитателя и преподавателя юридическихъ наукъ въ лицеѣ, но потерпѣлъ неудачу. Въ томъ же году оказалось, что трое воспитанниковъ лицея (юноши 14—16 лѣтъ), въ томъ числѣ Алексѣй Мих. Унковскій, впослѣдствіи извѣстный дѣятель (въ Твери, въ эпоху крестьянской реформы, посѣщали по праздникамъ Петрашевскаго и подъ его вліяніемъ прониклись «скептическимъ настроеніемъ мысли» относительно религіи и «существующаго общественнаго порядка». Унковскій и другой его товарищъ были исключены изъ лицея, а третій—подвергнутъ тѣлесному наказанію. Тѣмъ не менѣе впослѣдствіи вмѣстѣ съ Петрашевскимъ тяжко пострадали еще трое бывшихъ лицеистовъ, а десять другихъ питомцевъ этого заведенія привлекались къ слѣдствію по его дѣлу. Послѣ инцидента съ Унковскимъ и его товарищами главнозавѣдующій лицеемъ принцъ Ольденбургскій заявилъ с.-петербургскому генералъ-губернатору Кавелину, что пребываніе Петрашевскаго въ Петербургѣ кажется ему опаснымъ для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, а шефу жандармовъ, гр. Орлову, сказалъ, что Петрашевскій «говорунъ», и что его нужно «унять». Поэтому за нимъ былъ учрежденъ секретный надзоръ, который, однако, скоро былъ снятъ, такъ какъ ничего предосудительнаго открыть не удалось.

---

[1]) Комиссія, разсматривавшая бумаги Петрашевскаго, нашла въ «Запасѣ общеполезнаго» 19 темъ, по ея мнѣнію, «явно выказывающихъ преступное направленіе его мыслей въ отношеніи политическомъ и нравственномъ».

„Карманный словарь иностранныхъ словъ".

Въ 1845 г. въ Петербургѣ вышла въ свѣтъ книга подъ заглавіемъ «Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кириловымъ [1]), вып. 1-й; въ слѣдующемъ году вышелъ 2-й выпускъ, обнимающій слова до буквъ *Орд*. Преобладающую роль въ составленіи ея, особенно 2-го выпуска, игралъ Петрашевскій. По словамъ его агенту Антонелли, «эта книга была сочинена имъ и двумя другими лицами подъ главною его самого редакціею. Второй выпускъ, уже послѣ изданія, былъ отобранъ, но все же успѣлъ разойтись въ 1000 экземпляровъ». Петрашевскій написалъ Кирилову письмо, которымъ отвѣтственность предъ правительствомъ за это изданіе принималъ на себя. Однимъ изъ сотрудниковъ словаря былъ извѣстный критикъ, Валеріанъ Ник. Майковъ (братъ поэта), участвовавшій въ первомъ выпускѣ, болѣе умѣренномъ по направленію; кромѣ того, сотрудникомъ былъ Ром. Ром. Штрандманъ, учившійся въ Петербургскомъ университетѣ, но не окончившій въ немъ курса, пріятель Майкова и знакомый Петрашевскаго. Оба они бывали на пятницахъ Петрашевскаго и участвовали своими взносами въ устройствѣ библіотеки въ складчину, имъ задуманной. Майковъ, утонувшій въ 1847 г., не былъ соціалистомъ, но интересовался соціалистическими ученіями, и бралъ изъ библіотеки сочиненія Прудона, Сенъ-Симона и фурьеристскій журналъ Phalange. По словамъ Герцена, появленіе «Карманнаго словаря иностранныхъ словъ» въ Россіи, «классической странѣ цензуры..., фактъ изумительный». Петрашевскій «ухватился за случай для пропаганды своихъ идей посредствомъ книги, повидимому, совершенно незначительной, и расширилъ ея планъ... для того, чтобы подъ различными словами изложить основныя начала соціалистическихъ ученій, перечислить наиболѣе важные параграфы конституціи, принятой французскимъ учредительнымъ собраніемъ (Assemblée constituante), съ ядовитою критикою отнестись къ современному состоянію Россіи... Основная идея системы Фейербаха изложена безъ обиняковъ подъ словомъ *натурализмъ*».

Въ статьѣ «Ораторство» Петрашевскій указываетъ на великое значеніе ассоціаціи, выдвигаетъ одно изъ основныхъ положеній

---

[1]) Ник. Серг. Кириловъ, авторъ беллетристическихъ разсказовъ, офицеръ гвардейской артиллеріи, служилъ по учебной части въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ.

ученія Фурье — необходимость сдѣлать трудъ привлекательнымъ и подъ предлогомъ указанія условій, необходимыхъ для развитія ораторскаго краснорѣчія, смѣло набрасываетъ программу реформъ государственнаго строя: необходимость «политическихъ учрежденій, обезпеченія свободы мысли, чувства и ихъ внѣшняго публичнаго обнаруженія», «публичность всѣхъ общественныхъ и административныхъ отправленій». О великой французской революціи вездѣ въ словарѣ говорится съ большимъ сочувствіемъ. Въ статьѣ *Оппозиція* Петрашевскій требуетъ «обобщенія права избранія», т.-е. всеобщаго избирательнаго права. Кромѣ проповѣди необходимости политическихъ реформъ, главною задачею Петрашевскаго при составленіи «Карманнаго словаря» была пропаганда соціалистическихъ идей: такъ, напр., въ немъ была помѣщена сравнительно большая статья «Овенизмъ», съ указаніемъ на отрицаніе Овеномъ частной собственности и его проповѣдь «установленія общаго и притомъ равнаго участія всѣхъ членовъ общества въ пользованіи плодами умственной и промышленной человѣческой дѣятельности», установленія общей собственности на орудія производства и введенія общественнаго воспитанія дѣтей[1]). Въ статьѣ «Организація производства» авторъ указываетъ на то, какъ распредѣляется по ученію Фурье чистый доходъ отъ производства между капиталомъ, трудомъ и талантомъ. «Высшею задачею общественной экономіи» авторъ считаетъ обезпеченіе «каждому члену общественнаго организма безбѣдныхъ способовъ существованія чрезъ доставленіе ему средствъ къ общеполезному труду». Взгляды сенъ-симонистовъ затрогиваются въ статьѣ «Органическая эпоха», подъ словомъ «Океана и Океанія» сообщаются краткія свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи Гаррингтона (1656 г.), въ которомъ авторъ изобразилъ идеалъ республики. Въ статьѣ «Негрофилъ» находимъ весьма ясный протестъ противъ крѣпостного права, въ статьѣ «Нивеллеры», между прочимъ, указано на ихъ требованіе, что всѣ землевладѣльцы должны предоставить принадлежащіе имъ воды и лѣса въ общее пользованіе, а земли, несоставляющія ничьей частной собственности, должны поступить въ общее владѣніе. Въ статьѣ «Оракулъ»

---

[1]) Оуэнъ предлагалъ выкупленную правительствомъ землю передавать въ собственность новыхъ земледѣльческихъ общинъ. Онъ называлъ человѣка рабомъ троицы зла: частной собственности, брака и религіи. *Доллеанъ*. «Робертъ Оуэнъ, его жизнь и ученіе». 120, 178.

выражается сочувствіе уничтоженію частной собственности. Не упускалъ случая Петрашевскій для пропаганды въ словарѣ и скептическаго отношенія къ религіи. Въ статьѣ «Конституція» авторъ, имѣя въ виду современныя западно-европейскія конституціи, основанныя на имущественномъ цензѣ, говоритъ, что «на практикѣ до сихъ поръ эта хваленая» форма правленія «есть не что иное, какъ аристократія богатства... Двѣсти тысячъ богатыхъ, управляющихъ 33 милліонами бѣдныхъ и нищихъ, — то же самое, что каста аѳинскихъ или римскихъ гражданъ, которые утопали въ нѣгѣ и роскоши, попирая личность милліоновъ людей, офиціально называвшихся вещами» (здѣсь разумѣются рабы).

Приведенные примѣры объясняютъ, почему цензурное вѣдомство нашло нужнымъ задержать второй выпускъ, а позднѣе даже скупать и имѣвшіеся въ обращеніи экземпляры перваго выпуска «Карманнаго словаря», но издатель его не подвергся преслѣдованію, вѣроятно, потому, что изданіе было дозволено цензурою [1]).

Петрашевскій писалъ еще статьи, но не для печати, а съ цѣлью пропаганды. Вѣроятно вслѣдствіе того, что попытка помѣстить одну работу въ «Отечественныя Записки» оказалась неудачной, онъ рѣшилъ ничего не печатать до того времени, когда ему исполнится 30 лѣтъ, т.-е. до 1851 г., и посвятилъ себя въ часы, свободные отъ служебныхъ обязанностей, дѣлу пропаганды радикальныхъ и соціалистическихъ идей.

В. А. Милютинъ.

До 1847 г. на пятницахъ Петрашевскаго бывалъ Вл. Алексѣев. Милютинъ (братъ Ник. и Дм. Милютиныхъ), тогда студентъ юридическаго факультета Петербургскаго университета. Въ 1847 г. онъ окончилъ курсъ, но еще до того, въ первыхъ четырехъ номерахъ этого года «Отечественныхъ Записокъ», появилась его живая и интересная статья «Пролетаріи и пауперизмъ въ Англіи и во Франціи». Въ ней онъ, между прочимъ, указывалъ на противоположность интересовъ капиталистовъ и рабочихъ и на то, что въ скоромъ времени, не довольствуясь частными мѣрами, «приступятъ къ полному и существенному преобразованію хозяйственныхъ отношеній и замѣнятъ нынѣ существующее неустройство болѣе правильною, твердою и разумною организаціею труда». Авторъ, очевидно, сочувствуетъ соціалистическому теченію въ экономической наукѣ, хотя и относится критически къ трудамъ от-

---

[1]) Въ 1853 г. было сожжено 1599 задержаныхъ въ 1846 г. экземпляровъ второго выпуска словаря.

дѣльныхъ соціалистовъ. Какъ въ этой статьѣ, такъ и въ критическомъ разборѣ сочиненія Бутовскаго «Опытъ о народномъ богатствѣ», напечатанномъ въ «Современникѣ» (1847 г. т. V и VI), Милютинъ излагаетъ взгляды сенъ-симонистовъ, Фурье, Луи Блана и, во всемъ соглашаясь съ ними, горячо защищаетъ необходимость утопій, — мысль, которую много лѣтъ спустя (въ 1886 г. въ «Мелочахъ Жизни») повторилъ его пріятель М. Е. Салтыковъ [1]), — но вмѣстѣ съ тѣмъ высказывается за то, чтобы начало личности, «индивидуализма» не было принесено въ жертву «общинности». Ѳ. М. Достоевскій, въ своемъ показаніи по дѣлу Петрашевскаго, такъ характеризовалъ одного изъ петрашевцевъ, Ястржембскаго: онъ «экономистъ послѣдней школы и допускаетъ соціализмъ настолько, насколько его допускаютъ самые строгіе профессора науки. Ибо соціализмъ... сдѣлалъ много научной пользы критической разработкой». Такимъ молодымъ ученымъ, сочувствующимъ соціализму, былъ гораздо болѣе Ястржембскаго Милютинъ, назначенный нѣсколько позднѣе профессоромъ Петербургскаго университета. Статьи его давали читателю, хотя и краткія, но полезныя свѣдѣнія о соціалистическихъ ученіяхъ (насколько это было возможно при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ) и, при сочувствіи автора, несмотря на критическое отношеніе, соціализму, въ общемъ содѣйствовали его пропагандѣ. Петрашевскій же, частію потому, что не былъ одаренъ литературнымъ талантомъ Милютина, частію потому, что потерпѣлъ крушеніе съ «Карманнымъ словаремъ», рѣшилъ пропагандировать соціализмъ словесно и посредствомъ рукописныхъ произведеній и иностранныхъ книгъ. Въ одномъ изъ своихъ показаній во время слѣдствія по его дѣлу онъ говоритъ: «Я обрекъ себя на служеніе человѣчеству, и стремленіе къ общему благу замѣнило во мнѣ эгоизмъ и чувство самосохраненія... Чтобы найти приличное мѣсто для употребленія моихъ способностей, мнѣ незачѣмъ было ходить вдаль, — мнѣ стоило только обратить вниманіе на мое отечество».

Пятницы Петрашевскаго.

Зимою 1845—46 гг. Петрашевскій устроилъ у себя званые вечера по пятницамъ. Здѣсь онъ часто горячо восхвалялъ ученіе Фурье, гости его спорили о различныхъ общественныхъ вопросахъ, говорили объ освобожденіи крестьянъ, о введеніи гласнаго судопроизводства, уничтоженіи цензуры, разбирали какое-нибудь уче-

---

[1]) Свою повѣсть «Противорѣчіе», напечатанную подъ псевдонимомъ — Непановъ («Отеч. Зап». 1847 г. т. 55), Салтыковъ посвятилъ В. А. Милютину.

ное или литературное произведеніе. Кромѣ уже названныхъ лицъ, у Петрашевскаго бывали поэтъ Алексѣй Н. Плещеевъ, не окончившій курса въ Петербургскомъ университетѣ, и студентъ университета А. В. Ханыковъ, горячій поклонникъ ученія Фурье. Зимою 1846—7 гг. его сталъ посѣщать писатель Ѳ. М. Достоевскій, а въ слѣдующую зиму Н. А. Спѣшневъ, богатый курскій помѣщикъ, нѣсколько лѣтъ проживщій за границей, человѣкъ весьма образованный, радикальнаго образа мыслей, не фурьеристъ, а коммунистъ, писатели С. Ѳ. Дуровъ и А. И. Пальмъ (офицеръ л.-гв. егерскаго полка) и др. Посѣтителей обыкновенно бывало человѣкъ 15—20, рѣдко число ихъ доходило до 30. Къ числу довольно раннихъ знакомыхъ Петрашевскаго принадлежалъ Н. Я. Данилевскій (извѣстный впослѣдствіи авторъ славянофильской книги «Россія и Европа»). Окончивъ курсъ въ лицеѣ въ 1842 г., онъ слушалъ лекціи естественныхъ наукъ въ Петербургскомъ университетѣ и уже въ это время славился между товарищами, какъ знатокъ ученія Фурье[1]). Одинъ изъ пріятелей Петрашевскаго, его товарищъ по службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Баласогло (или Баласъ-Оглу) предложилъ на обсужденіе посѣтителей его пятницъ проектъ учрежденія въ Петербургѣ (обществомъ ученыхъ и любителей просвѣщенія) книжнаго склада съ цѣлію возможно болѣе дешеваго изданія и продажи книгъ съ библіотекою для чтенія, собственною типографіею и литографіею; предполагалось завести сношенія и за границею для пріобрѣтенія иностранныхъ книгъ. Но проектъ этотъ не былъ осуществленъ.

До поры до времени пятницы Петрашевскаго не обращали на себя вниманія полиціи, но дѣло тотчасъ же измѣнилось, когда онъ вздумалъ публично затронуть крестьянскій вопросъ. Въ февралѣ 1848 г. онъ роздалъ дворянамъ Петербургской губерніи, съѣхавшимся на губернское собраніе, болѣе 200 экземпляровъ своей литографированной записки подъ заглавіемъ «О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній», въ которой главнымъ образомъ предлагалъ дать купцамъ право пріобрѣтать населенныя земли подъ условіемъ обращать крестьянъ въ обязанные (на основаніи закона 2 апрѣля 1842 г.) и предоставить крестьянамъ право выкупаться на свободу за опредѣленную сумму. Но петербургскій губернскій предводитель дворянства

---

[1]) Выдержавъ экзаменъ въ 1846 г. на степень кандидата, онъ посвятилъ себя изученію естествознанія.

Потемкинъ сообщилъ Петрашевскому желаніе государя, чтобы объ этомъ предметѣ «не было разсужденія». Въ официальныхъ сферахъ придали запискѣ П-го совершенно не соотвѣтственное ей значеніе. По соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ гр. Перовскаго и шефа жандармовъ гр. Орлова наблюденіе за Петрашевскимъ возложено было на опытнаго въ дѣлѣ сыска чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ Липранди, и агенты III отдѣленія собственной его величества канцеляріи не должны были участвовать въ этомъ дѣлѣ. Немедленно обращено было вниманіе на собранія у Петрашевскаго по пятницамъ.

Съ 1848 г. характеръ его вечеровъ измѣнился въ томъ отношеніи, что, вмѣсто болѣе или менѣе случайныхъ разговоровъ, стали произносить рѣчи или читать доклады на опредѣленныя темы, и только по выслушаніи ихъ дѣлались замѣчанія и начинались споры. Такъ, весною 1848 г. Данилевскій изложилъ у Петрашевскаго ученіе Фурье, о которомъ передъ тѣмъ говорилъ зимою 1847—48 гг. на вечерахъ у Спѣшнева и Плещеева. Затѣмъ Спѣшневъ два вечера говорилъ о религіозномъ вопросѣ съ точки зрѣнія коммунистовъ. Тогда же Петрашевскій произнесъ двѣ рѣчи: 1) о необходимости свободы печати и 2) о различіи между свободою соціальною и свободою политическою, при чемъ высказался въ пользу всеобщаго избирательнаго права. Съ осени 1848 г. у Петрашевскаго сталъ бывать Ястржембскій, преподаватель въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и дворянскомъ полку, помощникъ инспектора классовъ технологическаго института, и въ теченіе 5—6 собраній онъ излагалъ основныя начала политической экономіи. Затѣмъ новый посѣтитель пятницъ, Ѳ. Н. Львовъ, поручикъ л.-гв. егерскаго полка, репетиторъ химіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ, говорилъ рѣчь о спеціальномъ и энциклопедическомъ образованіи. Этою же осенью нѣсколько разъ посѣщалъ пятницы Петрашевскаго К. Тимковскій, служившій по министерству внутреннихъ дѣлъ въ Ревелѣ; называя себя фурьеристомъ, онъ сочувственно относился и къ коммунизму. Тимковскій выступилъ съ рѣчью вопреки желанію Петрашевскаго, лишь по настоянію Спѣшнева. По собственному показанію Тимковскаго онъ высказался за то, что необходимо изучить различныя соціальныя системы [1]), выбрать изъ нихъ луч-

---

[1]) Для этого онъ предлагалъ устраивать кружки съ тѣмъ, чтобы ихъ руководители составляли особый кругъ, который руководилъ бы прочими.

шую и затѣмъ пропагандировать ее. Но въ дѣйствительности онъ высказалъ увѣренность, что міръ будетъ раздѣленъ пополамъ между фурьеристами и коммунистами. По словамъ Ханыкова, онъ «произнесъ возбудительную рѣчь въ коммунистическомъ духѣ», а Толь предъ военно-судною комиссіею заявилъ, что Тимковскій сказалъ: «Всѣ старанія истинныхъ поборниковъ прогресса должны быть обращены на ускореніе возмущенія», которое рано или поздно «должно произойти, но... онъ желалъ видѣть осуществленіе этого еще до его отъѣзда въ Ревель, ...онъ готовъ первый выйти на площадь и, если нужно будетъ, принести себя въ очистительную жертву святому дѣлу свободы, котораго первое условіе успѣха заключается въ единодушіи его поборниковъ и прекращеніи всѣхъ споровъ о системахъ, а также въ установленіи прочныхъ правилъ пропаганды». Петрашевскому рѣчь Тимковскаго очень не понравилась, вслѣдствіе многихъ противорѣчій въ ней и желанія признать одинаково справедливыми и фурьеризмъ и коммунизмъ, что онъ и высказалъ въ обширномъ письмѣ къ Тимковскому, отправленномъ въ Ревель. Но Спѣшневъ послѣ чтенія Тимковскаго выразилъ ему сочувствіе, а семь посѣтителей пятницъ дали ему прощальный обѣдъ, на которомъ самъ Петрашевскій не участвовалъ.

Для ближайшаго наблюденія за Петрашевскимъ Липранди избралъ нѣкоего Антонелли (сынъ живописца), учившагося въ университетѣ. Онъ вышелъ изъ университета, и послѣ того, какъ его опредѣлили на службу въ тотъ же департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ служилъ Петрашевскій, онъ скоро успѣлъ вкрасться въ полную къ нему довѣренность. Съ января 1849 г. Антонелли сталъ доносить Липранди о всѣхъ своихъ свиданіяхъ и бесѣдахъ съ Петрашевскимъ, и уже въ одномъ изъ первыхъ донесеній передалъ разговоръ Петрашевскаго съ выраженіемъ его горячаго сочувствія федеративно-республиканскому строю. Узнавъ, что Антонелли знакомъ съ нѣкоторыми черкесами, Петрашевскій выразилъ желаніе, чтобы онъ пропагандировалъ имъ эти идеи, и самъ проредактировалъ составленный съ этою цѣлью Антонелли проектъ государственнаго устройства родины черкесовъ послѣ будущаго переворота на Кавказѣ. Проектъ этотъ Антонелли передалъ Липранди, и тѣмъ дѣло кончилось. Петрашевскій мечталъ о томъ, что и вся Россія съ ослабленіемъ «военной силы» (т.-е. войска), превратится въ федерацію отдѣльныхъ племенъ, ее населяющихъ, видимо мечталъ и о революціи въ

Россіи, но считалъ ее возможною лишь послѣ обширной пропаганды.

Несмотря на сближеніе съ Антонелли, Петрашевскій не звалъ его на свои пятницы, но тотъ рѣшился проникнуть на нихъ безъ приглашенія, что и сдѣлалъ 11 марта 1849 г. Гости Петрашевскаго отнеслись было къ нему въ первую минуту подозрительно, но онъ сумѣлъ расположить ихъ къ себѣ. Антонелли попалъ на чтеніе Толя, учителя русскаго языка въ главномъ инженерномъ училищѣ «О ненадобности религіи въ соціальномъ смыслѣ», въ которомъ тотъ проводилъ идеи Фейербаха и Бауэра. Петрашевскій произнесъ горячую рѣчь въ защиту взглядовъ Толя. Нужно замѣтить, что, при первомъ знакомствѣ съ Ханыковымъ, Петрашевскій сказалъ ему: «Сильная вѣра въ Бога вредна, ибо она повергаетъ человѣка въ бездѣйствіе и косность». Въ письмѣ къ Тимковскому онъ назвалъ Іисуса Христа «извѣстнымъ демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру». Антонелли въ одномъ изъ своихъ донесеній передалъ слѣдующія слова Петрашевскаго: «Религіи я не имѣю никакой или, если хотите, принадлежу ко всѣмъ, впрочемъ, пишусь православнымъ». Герценъ въ своей характеристикѣ Петрашевскаго говоритъ: «Такъ какъ онъ полагалъ, что главная причина порабощенія русскаго народа заключается въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ, то онъ преимущественно на религію направлялъ свои нападенія».

Антонелли добился приглашенія и бывалъ на каждой пятницѣ Петрашевскаго [1]). Въ слѣдующій разъ онъ слышалъ чтеніе Ястржембскаго о статистикѣ и отмѣтилъ его слова о богословіи, что «это не наука, а какія-то бредни, вышедшія изъ монашескихъ клобуковъ», что въ Россіи государство «имѣетъ цѣлью подчинить достоинство всѣхъ людей, его составляющихъ, выгодѣ и пользѣ одного», и то, что Ястржембскій называлъ государя богдыханомъ. 25 марта Толь еще разъ читалъ о религіи. 1 и 15 апрѣля Петрашевскій произнесъ рѣчь о томъ, какую реформу слѣдуетъ поставить на первую очередь: цензурную, крестьянскую

---

[1]) Съ Толемъ онъ умѣлъ настолько сблизиться, что поселился съ нимъ даже въ одной квартирѣ. На вопросъ Антонелли о цѣли ихъ «общества», тотъ отвѣчалъ, что они хотятъ «приготовлять способныхъ людей на случай какой-нибудь революціи, чтобы при избраніи новаго рода правленія не было недоразумѣній и различія мнѣній, но чтобы большая часть уже была согласна въ общихъ началахъ»; они хотятъ также «приготовлять массы къ воспріятію всякихъ перемѣнъ», [illegible]

или судебную (введеніе гласнаго суда съ присяжными) и высказывался за первенство этой послѣдней, но встрѣтилъ горячаго оппонента въ Головинскомъ (окончившемъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія и служившемъ въ сенатѣ, но мечтавшемъ о профессурѣ), который считалъ необходимымъ освободить крестьянъ, для чего, по его мнѣнію, всѣ средства хороши, не исключая и ихъ возстанія. Д. Д. Ахшарумовъ, окончившій курсъ по восточному факультету Петербург. унив., утверждалъ, что двѣ послѣднія реформы должны быть осуществлены одновременно. На собраніи 8 апрѣля Ястржембскій и Петрашевскій говорили о сочиненіяхъ Фурье и Прудона, при чемъ первый по поводу высказанной кѣмъ-то мысли, что поляки своими возстаніями мѣшаютъ водворенію системы Фурье, замѣтилъ, что онъ «полякъ душой и тѣломъ, что за свободу Польши готовъ позволить выпустить себѣ всю кровь по каплѣ, но если бы онъ былъ увѣренъ, что самостоятельность Польши вредна развитію общечеловѣческой идеи, то первый бы однимъ взмахомъ топора отрубилъ ей голову». Въ пятницу 15 апр. Ѳ. М. Достоевскій прочелъ знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Въ послѣднюю свою пятницу предъ арестомъ, 22 апр. 1849 г., Петрашевскій говорилъ рѣчь о томъ, какъ должны поступать литераторы, чтобы вѣрнѣе дѣйствовать на общество, и указывалъ на необходимость издавать журналъ на акціяхъ.

Библіотека Петрашевцевъ.

Какъ уже было упомянуто, Петрашевскій предложилъ нѣсколькимъ знакомымъ выписывать въ складчину иностранныя книги (это было въ 1845 г.). Размѣръ ежегоднаго взноса былъ опредѣленъ въ 20 р. Изъ сохранившейся записи книгъ, выдаваемыхъ изъ библіотеки, видно, что въ составъ ея входили сочиненія Адама Смита, Сисмонди, Морелли, Фурье, его ученика Консидерана, Прудона, Ламеннэ, Пьера Леру, біографія Фурье Пелларена, Маркса «Misère de la philosophie» (критика на книгу Прудона), Энгельса «Die Lage der arbeitenden Klassen in England», сочиненіе Видаля «De la répartition des richesses», Бенжамена Констана «Cours de la politique constitutionelle», сочиненія Руссо, Вольтера, Гольбаха, Гельвеція, Огюста Конта, Макса Штирнера, Фейербаха, «Жизнь Іисуса» Штрауса (во французскомъ переводѣ), «Revue Independante» (журналъ, издателями котораго были Пьеръ Леру, Жоржъ Зандъ и Луи Віардо) и фурьеристскій журналъ «Phalange», романы Жоржа Занда, различныя книги и брошюры по соціализму, рабочему вопросу и современной политикѣ и многія другія сочиненія. Еще ранѣе учрежденія библіотеки въ склад-

чину Петрашевскій широко раздавалъ книги изъ собственной библіотеки: онъ говорилъ Д. Д. Ахшарумову, что въ теченіе 8 лѣтъ много людей перебывали у него, а затѣмъ они разъѣхались въ разные города Россіи, преимущественно университетскіе.

Съ какимъ восторгомъ Петрашевскій относился къ ученію Фурье, видно изъ слѣдующихъ словъ въ запискѣ по этому предмету, представленной имъ слѣдственной комиссіи: «Когда я въ первый разъ прочиталъ его сочиненія, я какъ бы заново родился, благоговѣлъ предъ величіемъ его генія; будь я не христіанинъ, а язычникъ, я бъ разбилъ всѣхъ моихъ другихъ боговъ... сдѣлалъ бы его единымъ моимъ божествомъ». За одно изображеніе фаланстера — «организаціи труда въ общинѣ», Фурье, по словамъ Петрашевскаго, «заслуживаетъ названіе генія изъ геніевъ». Онъ говорилъ одному знакомому, что въ Петербургѣ первый ознакомился съ сочиненіями Фурье, сдѣлался его послѣдователемъ и сталъ пропагандировать его произведенія [1]). Онъ такъ вѣрилъ въ выгоды фаланстера, что сдѣлалъ попытку переселить крестьянъ въ имѣніи, принадлежащимъ его семьѣ (Петербургской губ.), въ одно большое зданіе, купивъ имъ на свой счетъ всю домашнюю утварь и земледѣльческія орудія, построивъ и общіе хлѣва и конюшни, но крестьяне сожгли все, что было выстроено и куплено для нихъ.

Проектъ Петрашевскаго объ освобожденіи крестьянъ.

Изъ собственноручнаго «Проекта объ освобожденіи крестьянъ», сохранившагося въ бумагахъ Петрашевскаго, видно, что самымъ простымъ и справедливымъ способомъ уничтоженія крѣпостного права онъ считалъ освобожденіе крестьянъ «съ тою землею, которая была ими обрабатываема» (вѣроятно, для себя) «безъ всякаго вознагражденія за то помѣщика». Оно было бы «единственно годнымъ или возможнымъ, если бы у разныхъ людей было тождество въ развитіи». Очевидно, онъ признавалъ осуществленіе тогда такого способа освобожденія невозможнымъ. Неизвѣстно, читалъ ли онъ его на своихъ собраніяхъ, но есть

---

[1]) Въ духовномъ завѣщаніи, написанномъ Петрашевскимъ въ крѣпости, онъ завѣщалъ одну треть денегъ, которыя будутъ выручены отъ продажи его имущества, «Консидерану, главѣ школы фурьеристовъ, для основанія фаланстера». Послѣ того, какъ Петрашевскій былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія, завѣщаніе это, конечно, не могло осуществиться. Въ одной изъ записокъ, представленныхъ слѣдственной комиссіи, онъ предлагалъ русскому правительству дать на устройство фаланстера подъ Парижемъ 2 мил. рублей подъ залогъ земли и строеній и съ платежомъ процентовъ.

свидѣтельство, что былъ прочитанъ на одной изъ пятницъ проектъ, служившаго въ Ревелѣ А. П. Беклемишева, окончив. курсъ въ лицеѣ, заинтересовавшагося ученіемъ Фурье подъ вліяніемъ своего товарища по лицею Н. Я. Данилевскаго и написавшаго нѣсколько записокъ и проектовъ въ духѣ ученія Фурье. Въ запискѣ по крестьянскому вопросу подъ заглавіемъ «Письмо помѣщика ...ской губерніи объ обращеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ свободныхъ землевладѣльцевъ» Беклемишевъ предлагалъ освобожденіе крестьянъ съ землею, находившеюся въ ихъ пользованіи, за опредѣленный выкупъ, вносимый крестьянами [1]). Изъ неизданной записки Петрашевскаго подъ заглавіемъ «Объясненіе, что такое соціализмъ», видно, что онъ, какъ это и вполнѣ естественно для соціалиста, былъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. «Взгляните на ваши деревни,—говоритъ онъ,—на вашего мужика, ...не дошедшаго до нищеты..., ищите причину,—вы найдете, что передѣлъ полей, общее пользованіе землею есть этому причина».

Въ духовномъ завѣщаніи, составленномъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости, Петрашевскій дѣлаетъ между прочимъ такое распоряженіе: «Крестьянъ освободить, если только по раздѣлу они могли бы достаться на мою долю», но не входитъ ни въ какія подробности по этому предмету.

Н. А. Спѣшневъ.

Среди лицъ, посѣщавшихъ Петрашевскаго, однимъ изъ наиболѣе выдающихся былъ Николай Александровичъ Спѣшневъ, богатый курскій помѣщикъ: у него были значительныя имѣнія въ Щигровскомъ и Фатежскомъ уѣздахъ Курской губ. и домъ въ Петербургѣ. Онъ воспитывался въ лицеѣ, но, не окончивъ курса, вышелъ изъ него въ 1837 г. Четыре года (1842—46 г.) онъ пробылъ за границей и, живя въ Швейцаріи, принялъ участіе въ тамошнихъ распряхъ по вопросу объ изгнаніи іезуитовъ [2]) онъ находился волонтеромъ въ войскѣ полковника Оксенбейна, когда тотъ шелъ на Люцернъ (1845 г.). Въ Швейцаріи Спѣшневъ, вѣроятно, познакомился съ ученіемъ коммуниста Вейтлинга. Онъ сдѣлалъ, повидимому, знакомства и среди заграничныхъ соціалистовъ, судя по найденному въ его бума-

---

[1]) Проекты Петрашевскаго и Беклемишева (имя его я опредѣлилъ лишь позднѣе) см. въ моей статьѣ «Петрашевцы и крестьянскій вопросъ» въ изданіи «Великая реформа 19 февраля 1861 г.». подъ редакціею А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова и В. И. Пичета, т. III, стр. 210—214.

[2]) Іезуиты были изгнаны изъ Швейцаріи въ 1847 г.

гахъ предложенію на французскомъ языкѣ изъ Парижа (въ мартѣ 1847 г.) помѣщать статьи о Россіи въ «Revue Independante». Спѣшневъ былъ не фурьеристъ, а коммунистъ, первоначально, вѣроятно, въ духѣ Дезами[1]), Вейтлинга, а позднѣе, быть-можетъ, и Маркса: въ Петербургѣ онъ уже читалъ критику Маркса на книгу Прудона («Système des contradictions économiques, ou philosophie de la misère») подъ заглавіемъ «Misère de la philosophie. Réponse à la philosophie de la misère de M. Proudhon». (Brux. 1847 г.). Коммунизмъ Спѣшнева служилъ причиною его несогласій съ Петрашевскимъ, а затѣмъ и ссоры между ними. Спѣшневъ не любилъ высказывать свои убѣжденія и велъ себя сдержанно и какъ-то таинственно, что очень не нравилось Петрашевскому. Во взглядахъ на религію онъ былъ атеистомъ; у него были большія знанія по философіи и общественнымъ наукамъ. Книги, взятыя у Спѣшнева при обыскѣ, показываютъ, что онъ интересовался исторіею новѣйшей нѣмецкой философіи, политическою экономіею, фурьеризмомъ, исторіею великой французской революціи и крестьянскимъ вопросомъ: самою важною реформою онъ считалъ освобожденіе крестьянъ[2]).

Черносвитовъ.

Въ ноябрѣ 1848 г. на пятницахъ Петрашевскаго появился отставной офицеръ Р. Черносвитовъ, пріѣхавшій изъ Сибири по золотопромышленнымъ дѣламъ: онъ, повидимому, былъ пайщикомъ въ енисейскихъ золотыхъ промыслахъ Голубкова. Въ 1838—42 г. онъ служилъ исправникомъ въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ., и во время такъ называемаго картофельнаго бунта государств. крестьянъ въ 1842 г. очень усердно усмирялъ ихъ. Онъ былъ человѣкъ бывалый, въ Сибири познакомился съ декабристами и, быть-можетъ, подъ ихъ вліяніемъ, высказывалъ радикальныя идеи, говорилъ очень бойко и рѣзко, а попавъ на пятницы извѣстнаго фурьериста, какимъ былъ Петрашевскій, пытался доказывать, что либерализмъ и соціализмъ одно и то же. Спѣшневъ первоначально отнесся къ нему, какъ и нѣкоторые другіе, съ большимъ подозрѣніемъ, но, въ концѣ-концовъ, счелъ его эмиссаромъ или главою какого-нибудь тайного общества въ Сибири, пріѣхавшимъ вербовать въ него членовъ: не даромъ онъ всѣхъ

---

[1]) Одно изъ сочиненій котораго было взято у него при обыскѣ.

[2]) Въ бумагахъ Спѣшнева была взята рукопись: «Разсужденіе о крѣпостномъ состояніи, о необходимости неотлагательнаго уничтоженія его въ Россіи и о составленіи общества изъ лицъ, дѣйствующихъ для достиженія сей цѣли», къ сожалѣнію, пока не найденная.

звалъ въ Сибирь, чрезвычайно ее расхваливая. Спѣшневъ рѣшилъ вывѣдать, что онъ затѣваетъ.

Въ бесѣдѣ со Спѣшневымъ и Петрашевскимъ Черносвитовъ сталъ излагать планъ возстанія въ Восточной Сибири и на Уралѣ. По его мнѣнію, необходимо, чтобы возстаніе загорѣлось сначала въ Восточной Сибири: туда пошлютъ цѣлый корпусъ, но едва онъ перейдетъ Уралъ, какъ поднимется все уральское населеніе, и войско останется въ Сибири. Тогда съ 400 тысячами заводскихъ крестьянъ можно будетъ кинуться на низовыя губерніи и Землю Войска Донского. На усмиреніе этого возстанія отправятъ всѣ войска, если же къ этому присоединится бунтъ въ Петербургѣ и Москвѣ, то и все кончено: революціонная партія выиграла. Спѣшневъ отнесся очень сочувственно къ словамъ Черносвитова, который впослѣдствіи приписывалъ ему и самую мысль перенесенія возстанія въ низовыя губерніи и на Донъ, что Спѣшневъ назвалъ «Пугачевскимъ путемъ», Петрашевскій же говорилъ противъ бунта и возстаній черни (революціи же, подготовленной пропагандою, онъ сочувствовалъ), развивалъ фурьеристскіе взгляды и сказалъ, что надѣется видѣть на своемъ вѣку фаланстеръ и жить въ немъ.

Въ числѣ частныхъ посѣтителей Петрашевскаго былъ поручикъ л.-гв. московскаго полка Николай Александровичъ Момбелли, человѣкъ довольно радикальнаго образа мыслей. Въ 1846 — 47 гг. у него происходили собранія офицеровъ (въ ихъ числѣ бывалъ и Ѳ. Н. Львовъ): это былъ кружокъ самообразованія, гдѣ Момбелли былъ однимъ изъ наиболѣе усердныхъ чтецовъ рефератовъ, которые создали ему репутацію «либерала». Слухи, вызванные существованіемъ кружка, заставили прекратить его собранія, но побудили Петрашевскаго пригласить Момбелли на свои пятницы. **Н. А. Момбелли.**

Момбелли пришла мысль о «созданіи братства взаимной помощи»; онъ сообщилъ ее Львову, пояснивъ, что если въ Россіи случится какой-либо политическій переворотъ, то она вынесетъ изъ себя много людей достойныхъ. Затѣмъ онъ сообщилъ свое предположеніе Петрашевскому, а тотъ посовѣтовалъ поговорить со Спѣшневымъ; къ совѣщаніямъ были привлечены Львовъ и фурьеристъ Дебу 1-й. Спѣшневъ высказался за учрежденіе чисто политическаго общества, полагалъ, что переворотъ можетъ случиться чрезъ нѣсколько лѣтъ, указалъ на то, что есть три способа дѣйствовать: іезуитскій, пропагандный и возстаніе, или ре-

волюціонный, и всего болѣе шансовъ успѣха, если воспользоваться всѣми тремя способами... Для этого нужно учредить центральный комитетъ, а онъ создастъ частные комитеты для осуществленія цѣлей тайнаго общества [1]). Участники совѣщанія не пришли къ соглашенію, и рѣшено было общества не устраивать. Спѣшневъ иронически отозвался о предположеніи Момбелли и сказалъ, что самъ «связанъ другими условіями, болѣе положительными».

Въ бумагахъ Спѣшнева найдена была подписка, написанная его рукою, которою вступающій въ «русское общество» принималъ на себя слѣдующія обязанности: 1) «когда распорядительный комитетъ общества... рѣшитъ, что настало время бунта, то онъ обязывался, не щадя себя, принять открытое участіе въ возстаніи и дракахъ» [2]); 2) привлекать въ общество новыхъ членовъ, но болѣе пяти не афильировать и проч. Спѣшневъ на допросѣ заявилъ, что составилъ этотъ проектъ подписки, занимаясь въ Швейцаріи исторіею тайныхъ обществъ, и никогда никому ея не показывалъ.

На обѣдѣ у Спѣшнева въ апрѣлѣ 1849 г. поручикъ л.-гв. конногренадерскаго полка Григорьевъ прочелъ написанный имъ, очевидно съ цѣлію пропаганды, небольшой разсказъ «Солдатская бесѣда», въ которомъ были изображены помѣщичій развратъ и горемычная доля солдата; государь только «строитъ себѣ дворцы да золотитъ... нѣмцевъ» [3]). При этомъ чтеніи присутствовали Дуровъ, Пальмъ, Головинскій, Н. Я. Данилевскій, Львовъ и нѣкоторые другіе. На вечерѣ у Плещеева Спѣшневъ вызвался печатать запрещенныя книги за границею, а на вечерѣ у Дурова участвовалъ въ разговорѣ объ устройствѣ тайной литографіи. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ онъ рѣшилъ устроить у себя типографію, и съ этою цѣлью, за день до ареста Спѣшнева, Филипповъ уже доставилъ къ нему купленныя на деньги Спѣш-

---

[1]) Комитетъ товарищества для взаимной поддержки другъ друга, комитетъ для устройства школъ пропаганды фурьеристской, коммунистской и либеральной и комитетъ тайнаго общества на возстаніе.

[2]) В. Вейтлингъ въ своемъ сочиненіи «Человѣчество, каково оно есть, какимъ оно должно быть» (1838 г.) говоритъ: «Исторія показываетъ намъ, что истина принуждена прокладывать себѣ дорогу черезъ потоки крови». Русск. переводъ Г. С. Чернявскаго, изд. «Просвѣщеніе», стр. 22.

[3]) Это произведеніе Григорьева напечатано (съ не совсѣмъ исправной копіи) въ журналѣ «Былое» 1906 г., № 5.

нева типографскія принадлежности: чугунную доску и оловянныя буквы. При обыскѣ у него были найдены только четыре пустые ящика. Спѣшневъ на допросѣ принялъ все это дѣло на себя, утверждая, что Филипповъ дѣйствовалъ лишь по его указанію.

Кружокъ Н. С. Кашкина.

Въ послѣдніе мѣсяцы 1848 г. происходили каждую недѣлю собранія и у служившаго въ азіатскомъ департаментѣ Н. С. Кашкина. Онъ былъ сынъ богатыхъ родителей, имѣвшихъ болѣе двухъ тысячъ душъ, преимущественно въ Калужской губ., и окончилъ курсъ въ лицеѣ въ 1847 г. [1]). Главною цѣлью этихъ собраній было изученіе системы Фурье. Кружокъ Кашкина устроилъ свою библіотеку, распорядителемъ которой былъ Дебу 1-й, но выписка книгъ производилась при содѣйствіи Петрашевскаго.

Обѣдъ въ память Фурье.

7 апрѣля 1849 г., по предложенію Кашкина, десять членовъ его кружка рѣшили, по примѣру французскихъ фурьеристовъ, устроить у Александра Ив. Европеуса (по окончаніи лицея слушавшаго лекціи въ Петербургскомъ университетѣ) обѣдъ въ складчину въ память Фурье; эти 10 человѣкъ были: Кашкинъ, два брата Дебу, Ханыковъ, Спѣшневъ, Д. Д. Ахшарумовъ, два брата Европеуса, Есаковъ и Ващенко. Одиннадцатымъ былъ приглашенъ не участвовавшій въ кружкѣ Кашкина Петрашевскій въ виду его заслугъ относительно распространенія въ Россіи фурьеризма. Приглашенъ былъ и Н. Я. Данилевскій, какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ ученія Фурье, но онъ изъ осторожности не явился. По словамъ Ахшарумова, Петрашевскій предлагалъ пригласить еще Момбелли, Львова, Дурова «и другихъ нефурьеристовъ и сдѣлать обѣдъ болѣе политическій, нежели соціальный», но остальные участники на это не согласились.

Первое слово на обѣдѣ было предоставлено Ханыкову. Онъ говорилъ въ своей рѣчи и о «товарищеской обработкѣ» земли, и о томъ, что историческія изысканія открываютъ существованіе «общины, федераціи общинъ», и о томъ, что въ первобытномъ состояніи не было частной собственности, упоминалъ о соціалистахъ, коммунизмѣ и «германскомъ радикализмѣ». «Отечество мое въ цѣпяхъ, — говорилъ Ханыковъ, — отечество мое въ

---

[1]) Съ новаго, 1849 г., собранія, происходившія у Кашкина, на нѣкоторое время перемѣщались къ его товарищу по лицею Отто, но въ февралѣ вновь перешли къ Кашкину. На собраніяхъ у Кашкина бывали изъ числа впослѣдствіи арестованныхъ Н. А. Спѣшневъ, К. М. Дебу 1, братъ его И. М. Дебу 2, его пріятель Д. Д. Ахшарумовъ, чиновники Европеусъ, Ващенко, Есаковъ и студентъ Ханыковъ.

рабствѣ; религія, невѣжество — спутники деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральныя влеченія; отечество мое..., гдѣ твое общинное устройство..., гдѣ ты народная вольница — великій государь Новгородъ?» Ханыковъ сдѣлалъ рѣзкую вылазку и противъ семьи. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному (т.-е. существующему) порядку вещей... Какъ открытіе ни будь... истинно, благодѣтельно само въ себѣ, но по косности, невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи обществъ, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара во имя ея началъ и закона. Преображеніе близко!»

Рѣчь Д. Д. Ахшарумова.

Д. Д. Ахшарумовъ въ своей рѣчи, чрезвычайно характерной для міросозерцанія и настроенія нашихъ юныхъ фурьеристовъ, между прочимъ сказалъ: «Жизнь, какъ она теперь, тяжела, гадка... Мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливыми въ этомъ обществѣ... Оно обезобразило, исковеркало наши страсти, оно измучило насъ... И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію человѣческой жизни..., то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится, и вмѣсто него будетъ новый — новый, новый и новый. Когда? — вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь, — этотъ самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное, вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело!.. Мы живемъ въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, скопище, разрозненное все семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ за столицей ползутъ города, — единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ... сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, чудо-

вищнымъ, какъ столица, а еще пониже десятки милліоновъ работниковъ цѣлый день лѣтомъ на солнцѣ и дождѣ... возятся съ землей, да еще не съ своей, чтобъ она дала скудные плоды... Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ мы собрались сегодня не для жалобъ..., но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы... празднуемъ грядущее искупленіе всего человѣчества — сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье..., чтимъ его память..., потому что онъ указалъ намъ путь, по которому итти, открылъ источникъ богатства, счастья... Всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша, великая цѣль наша, больше которой не было на землѣ... Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля» [1]).

Міросозерцаніе Ахшарумова выясняется какъ изъ этой рѣчи, такъ еще болѣе изъ «Записной книги 1848 г.» и его рукописи «Три вопроса». Преобразованія современнаго ему общественнаго строя онъ не ждетъ ни отъ религіи ни отъ проповѣдей священниковъ; онъ сочувствуетъ лишь тому общественному строю, который рисуется въ произведеніяхъ Фурье. Согласно его ученію, Ахшарумовъ относится отрицательно къ семьѣ, находя, что она не объединяетъ, а разрозниваетъ людей, и къ современнымъ формамъ собственности; онъ противъ существованія войска, противъ войны; все это окажется ненужнымъ, когда міръ покроется фаланстерами, устроенными согласно идеямъ Фурье. Но стремленье къ этому идеальному общественному строю не дѣлаетъ Ахшарумова равнодушнымъ къ вопросу о формѣ правленія современнаго государства, къ которому онъ относится совершенно отрицательно. Онъ понимаетъ, что безъ преобразованій государственнаго устройства невозможно и достиженіе идеальнаго соціальнаго строя. Онъ думаетъ, что невозможно мечтать о немедленномъ переходѣ къ республикѣ, и потому высказывается за конституцію, гарантирующую свободу печати, гласное судопроизводство и свободу собраній. Кромѣ того, онъ стремится возможно болѣе ограничить власть монарха, не предоставляя ему права ни созывать и распускать народное собраніе, ни опредѣлять продолжитель-

---

[1]) На обѣдѣ 7 апрѣля 1849 г. были еще рѣчи Петрашевскаго и Ханыкова.

ность его засѣданій, желаетъ сдѣлать и войско независимымъ отъ государя. Такимъ образомъ рекомендуемая имъ конституціонная монархія — монархія только по формѣ, гдѣ государь, несмотря на свой титулъ, въ сущности является наслѣдственнымъ президентомъ республики съ правомъ имѣть нѣсколько голосовъ въ «народномъ собраніи». Ахшарумовъ и не скрываетъ этого и выражаетъ желаніе, чтобы, какъ только собраніе пріобрѣтетъ довѣріе народа, была провозглашена республика. Средствами достиженія лучшаго будущаго онъ считаетъ пропаганду среди людей различныхъ званій и состояній и среди учащейся молодежи, а также и возбужденіе народа къ возстанію.

Собраніе у Дурова и Пальма.

Были еще собранія у писателей С. Ѳ. Дурова и А. И. Пальма, которыя посѣщали Н. А. Спѣшневъ, Момбелли, братья Достоевскіе, А. Н. Плещеевъ, Львовъ, поручикъ Григорьевъ, Головинскій, братья Ламанскіе. Ни Дуровъ ни Пальмъ не были фурьеристами, но, по свидѣтельству одного изъ посѣтителей этихъ вечеровъ, А. П. Милюкова, въ кружкѣ Дурова было нѣсколько горячихъ соціалистовъ. Французскія соціалистическія и коммунистическія сочиненія обсуждались на этихъ собраніяхъ. «Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабе, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и о теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. «Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ». На одномъ изъ собраній Ѳ. Достоевскій, какъ и у Петрашевскаго, прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, а Милюковъ переведенную имъ на церковно-славянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ. Студентъ П. Н. Филипповъ предложилъ заняться составленіемъ статей, по выраженію Милюкова, «обличительнаго содержанія о современномъ положеніи Россіи» и горячо доказывалъ, что всѣ должны открыто выражать и распространять свои мнѣнія. Онъ же предложилъ устроить тайную литографію. Почти всѣ согласились, но Ѳ. М. Достоевскій убѣдилъ отказаться отъ этого опаснаго предпріятія.

Въ бумагахъ Филиппова были найдены комментаріи къ десяти заповѣдямъ съ рѣзкими порицаніями крѣпостного права и царской власти [1]).

---

[1]) На вечерахъ у Милюкова и извѣстнаго переводчика Диккенса И. И. Введенскаго бывалъ Ник. Гавр. Чернышевскій, тогда еще студентъ Петер-

Большинство знакомыхъ Дурова посѣщали зимою 1848—49 гг. и собранія у поэта А. Н. Плещеева, небольшой сборникъ стихотвореній котораго (въ томъ числѣ знаменитое «Впередъ безъ страха и сомнѣнья») вышелъ въ свѣтъ въ 1846 г.

Нѣкоторые изъ знакомыхъ Петрашевскаго распространяли ученіе Фурье и въ провинціи: такъ было, напримѣръ, въ Казани, Ростовѣ (Ярославской губ.), въ Ревелѣ.

Хорошимъ пропагандистомъ въ Петербургѣ Петрашевскій считалъ владѣльца табачной лавочки на Петербургской сторонѣ мѣщанина П. Г. Шапошникова. По словамъ Петрашевскаго, онъ былъ человѣкъ «умный» и «хорошъ для того, чтобы въ случаѣ чего-нибудь собрать народъ, тѣмъ болѣе, что къ нему много ходитъ офицеровъ, кадетовъ, учителей и вообще чиновниковъ за табакомъ..., курятъ у него, а онъ имъ разсказываетъ въ *нашемъ* духѣ». Въ связи съ нимъ были привлечены къ дѣлу петрашевцевъ за радикальные разговоры студентъ Толстовъ и писатель (сынъ почетнаго гражданина) Катеневъ. Толстовъ распространялъ рукописныя сочиненія, полученныя отъ Петрашевскаго; Катеневъ однажды изъявилъ готовность убить царя, но это былъ только разговоръ безъ всякихъ приготовленій къ дѣйствію.

Приговоръ по дѣлу петрашевцевъ.

Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля были арестованы наиболѣе видные изъ петрашевцевъ, но аресты въ весьма значительномъ количествѣ производились и позднѣе. Учреждена была секретная слѣдственная комиссія. По исполненіи ею своихъ обязанностей и составленіи подробнаго доклада была учреждена военно-судная комиссія изъ трехъ генералъ-адъютантовъ и трехъ сенаторовъ. Дѣйствія ея продолжались съ 30 октября по 16 ноября 1849 г. Военному суду предано было 23 человѣка, и онъ приговорилъ 15 человѣкъ къ смертной казни, 5 къ каторжной работѣ, 1 къ поселенію, Черносвитова оставилъ въ сильномъ подозрѣніи и 1 оказался умалишеннымъ. Приговоръ военнаго суда поступилъ въ генералъ-аудиторіатъ, который на основаніи полевого уголовнаго уложенія уже 21 человѣкъ изъ числа подсудимыхъ приговорилъ къ смертной казни, но въ своемъ докладѣ государю ходатайствовалъ о замѣнѣ имъ казни различными тяжкими наказаніями. По резолюціи государя 9 человѣкъ были приговорены къ каторжнымъ работамъ (8—отъ 2 до 15 лѣтъ, въ томъ числѣ

бургскаго университета. Сочиненія Фурье онъ сталъ изучать въ 1848 г. подъ вліяніемъ А. В. Ханыкова.

двое съ отдачею потомъ въ солдаты, а Петрашевскій въ каторжныя работы безъ срока), 5 въ арестантскія роты отъ 2 до 6 лѣтъ (въ томъ числѣ четверо съ отдачею потомъ въ солдаты), 6 въ рядовые, Пальмъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію [1]).

22 декабря 1849 г., присужденные къ наказанію по суду, 21 человѣкъ, были привезены на Семеновскій плацъ въ весеннихъ платьяхъ, хотя было болѣе 20 градусовъ мороза, имъ прочли приговоръ къ смертной казни и одѣли въ бѣлые балахоны и колпаки. Священникъ обошелъ всѣхъ съ крестомъ, затѣмъ Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли свели съ эшафота, привязали ихъ руки позади столбовъ и кромѣ того прикрѣпили веревками, надвинули колпаки на глаза, раздалась команда, и солдаты прицѣлились. Всѣ пережили, «по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ смерти» (слова Ѳ. М. Достоевскаго). Наконецъ раздался барабанный бой, и въ этотъ моментъ пріѣхалъ флигель-адъютантъ, привезшій смягченіе участи осужденныхъ. По прочтеніи новаго приговора съ нихъ сняли бѣлые балахоны и колпаки, поставили на колѣни и ломали надъ головами шпаги, а потомъ каждому дали арестантскія шапки, грязные тулупы и сапоги; Петрашевскаго на эшафотѣ заковали въ кандалы, онъ обошелъ всѣхъ товарищей, поцѣловался съ каждымъ, поклонился всѣмъ еще разъ, сѣлъ въ кибитку съ фельдъегеремъ и жандармомъ, и его увезли въ Тобольскъ, въ тамошній приказъ о ссыльныхъ, откуда онъ былъ отправленъ въ Нерчинскіе рудники.

Такимъ образомъ петрашевцы не только распространяли соціалистическія идеи, но и пропагандировали необходимость освобожденія крестьянъ, свободы печати и гласнаго суда съ присяжными; они принесли этимъ, конечно, великую пользу русскому обществу. Искоренить вліяніе этихъ идей, несмотря на рядъ реакціонныхъ мѣръ относительно преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ, цензуры и ввоза иностранныхъ книгъ, все же не удалось. Въ сферѣ вліянія петрашевцевъ сдѣлался соціалистомъ такой великій писатель, какъ Н. Г. Чернышевскій; всю жизнь оставался соціалистомъ и М. Е. Салтыковъ, другая гордость русской литературы [2]). Ѳ. М. Достоевскій никогда не былъ соціалистомъ, но

---

[1]) Катеневъ сошелъ съ ума, а Черносвитовъ отправленъ на житье въ Кексгольмскую крѣпость.

[2]) См. о немъ мою книжку «Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова». 1905 г.

посѣщеніе вечеровъ Петрашевскаго несомнѣнно имѣло глубокое вліяніе на его міросозерцаніе. Ни однимъ политическимъ процессомъ не была затронута такая масса писателей, какъ дѣломъ Петрашевскаго и его товарищей. Кромѣ Салтыкова и Достоевскаго, въ большей или меньшей степени пострадали, подвергались заключенію, привлекались къ слѣдствію или упоминались обвиняемыми слѣдующіе писатели: С. Ѳ. Дуровъ, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, Н. Я. Данилевскій, Г. П. Данилевскій (впослѣдствіи извѣстный авторъ историческихъ романовъ, а тогда сотрудникъ газетъ), братья Майковы, В. А. Милютинъ, Вл. Раф. Зотовъ, Н. Д. Ахшарумовъ (впослѣдствіи извѣстный романистъ), самъ М. В. Буташевичъ-Петрашевскій, Дм. Ив. Минаевъ (отецъ извѣстнаго поэта Д. Д. Минаева), Ир. Ив. Введенскій, А. П. Милюковъ, Н. М. Благовѣщенскій (извѣстный впослѣдствіи профессоръ римской словесности), Н. Ант. Ратынскій (авторъ статей объ іезуитахъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1844 г.), адъюнктъ Кіевскаго университета И. В. Вернадскій, К. Тимковскій (переводчикъ Кальдерона съ испанскаго), Дм. Андр. Кропотовъ (авторъ рецензій въ «Отечественныхъ Запискахъ» и статей въ «Военно-энциклопедическомъ словарѣ», впослѣдствіи авторъ неоконченной біографіи гр. М. Н. Муравьева и статьи о Рылѣевѣ), В. Г. Любичъ-Романовичъ, Вас. Толбинъ, Катеневъ, Дершау (авторъ нѣкоторыхъ сочиненій и издатель «Сѣвернаго Обозрѣнія» и «Финскаго Вѣстника»), М. М. Достоевскій, Ю. И. Жадовская, И. И. Лажечниковъ, Н. С. Кириловъ, Р. Р. Штрандманъ. Нѣкоторые позднѣе выступили на ученое или литературное поприще или, хотя и не сдѣлались писателями по профессіи, но все же печатали свои произведенія, между прочимъ и свои воспоминанія о дѣлѣ петрашевцевъ. Таковы: Б. И. Утинъ (впослѣдствіи профессоръ), Н. С. Курочкинъ, Е. И. Ламанскій, Вл. Д. Ахшарумовъ, Н. А. Спѣшневъ, Фел. Толь, Ѳ. Н. Львовъ, П. А. Кузьминъ, В. В. Стасовъ. Воспоминанія Кузьмина и Ястржембскаго о Петрашевскомъ были напечатаны лишь послѣ ихъ смерти.

Изъ всего сказаннаго видно, что пропаганда Петрашевскаго и его товарищей заслуживаетъ глубокаго вниманія историка русскаго общества и русской литературы, въ исторіи же русскаго соціализма она сыграла очень крупную роль. Необходимо, наконецъ, упомянуть, что нѣкоторымъ петрашевцамъ или подвергшимся ихъ вліянію удалось лично сослужить большую службу русскому народу въ эпоху реформъ, таковы: А. М. Унковскій, А. И. Европеусъ,

Н. А. Спѣшневъ и Н. С. Кашкинъ (донынѣ здравствующій). Петрашевскій умеръ ссыльно-поселенцемъ. Мѣстная администрація преслѣдовала его между прочимъ потому, что онъ постоянно составлялъ жалобы для всѣхъ, страдающихъ отъ ея злоупотребленій [1]).

В. Семевскій.

---

[1]) Подробнѣе о Петрашевскомъ и отчасти о петрашевцахъ см. въ моей статьѣ «М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Біографическій очеркъ преимущественно по неизданнымъ матеріаламъ» въ журналѣ «Голосъ Минувшаго» 1913 г. №№ 1—4, 6, 8; *Д. Д. Ахшарумовъ.* «Изъ моихъ воспоминаній». Изд. «Общественной Пользы». Спб. 1905 г.

Содержаніе II тома.

Исторія Зап. Европы.

А. Савинъ. «Англійскій парламентъ при Тюдорахъ и первыхъ Стюартахъ».
Е. Щепкинъ, «Борьба партій при созданіи англійской республики».
И. Чернышовъ, «Экономическая политика англійской республики».
Е. Щепкинъ, «Контръ-революція въ Англіи».
А. Ященко, «Политическія теоріи въ Англіи XVI в.».
Е. Тарле, «Рабочій классъ и промышленность во Франціи во второй половинѣ XVIII в.».
В. Потемкинъ, «Людовикъ XIV».
В. Филатовъ, «Государственное хозяйство стараго порядка».
И. Лучицкій, «Землевладѣніе во Франціи въ XVIII в.».
А. Васютинскій, «Французская деревня XVIII в.».
А. Дживелеговъ, «Результаты тридцатилѣтней войны».
М. Рейснеръ, «Просвѣщенный абсолютизмъ въ Германіи».
В. Перцовъ, «Умственныя теченія въ Германіи XVIII в.».
И. Рябининъ, «Польша въ XVIII в.».

Русская исторія.

Б. Сыромятниковъ, «Монархія XVIII столѣтія».
М. Богословскій, «Положеніе дворянскаго сословія въ Россіи въ XVIII в.».
М. Клочковъ, «Крестьяне и крѣпостное право въ Россіи въ XVIII в.».
В. Пичета, «Торговая и промышленная политика въ Россіи XVIII в.».
А. Кизеветтеръ, «Русскій городъ XVIII в.».
А. Прѣсняковъ, «Политическія настроенія русскаго общества въ XVIII в.».
С. Мельгуновъ, «Религіозно-общественныя движенія русскаго народа въ XVIII в.».

Цѣна 3 р. 25 коп.

Содержаніе III тома.

Исторія Зап. Европы.

I. I. Кулишеръ, «Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII вѣкѣ».
В. В. Водовозовъ, «Кабинетъ и парламентъ въ Англіи въ XVIII в.».
А. С. Ященко, «Политическія ученія въ Англіи въ XVIII в. и въ началѣ XIX в.».
И. М. Херасковъ, «Американская республика».
В. А. Бутенко, «Французскія политическія теоріи XVIII в.».
В. Н. Волгинъ, «Общественныя теоріи XVIII в. во Франціи».
А. А. Боровой, «Физіократы».
А. К. Дживелеговъ, «Буржуазія въ XVIII в.».
Д. П. Кончаловскій, «Попытки реформъ во Франціи при Людовикѣ XVI».
А. А. Боровой, «Политическія и административныя реформы въ періодъ французской революціи».
И. В. Лучицкій, «Крестьянство и крестьянскія реформы во Франціи во время революціи».
Е. В. Тарле, «Рабочій вопросъ въ періодъ французской революціи».
В. В. Филатовъ, «Соціальныя движенія во время французской революціи».
А. М. Васютинскій, «Политическія партіи и клубы во Франціи».
А. К. Дживелеговъ, «Паденіе республики во Франціи».
М. Н. Розановъ. «Религіозныя теченія въ эпоху революціи».
Н. И. Карѣевъ, «Вліяніе французск. революціи на другія страны».

Русская исторія.

Г. Г. Тельбергъ, «Либеральныя теченія въ Россіи въ первой четверти XIX в.».
В. И. Пичета, «Фритредеры и протекціонисты въ Россіи въ первой четверти XIX в.».
И. М. Катаевъ, «Русское общество въ эпоху Отечественной войны».
М. К. Любавскій, «Царство Польское и его конституція 1815 г.».
С. П. Мельгуновъ, «Мистицизмъ и реакція въ царств.
В. И. Семевскій, «Пол
щественныя идеи

Цѣна 3 р.

Содержаніе IV тома.

Часть I. (Западная Европа).

И. М. Херасковъ, Соціально-экономическая политика и административныя реформы консульствъ и имперіи.
В. Н. Перцевъ, Реформы въ Пруссіи.
С. А. Котляревскій, Вѣнскій конгрессъ.
В. А. Бутенко, Священный союзъ и международная политика эпохи реакціи.
Е. В. Тарле, Политическія движенія въ Испаніи и Италіи въ 1820—1823 гг.
М. Фельдштейнъ, Политическія теоріи во Франціи.
А. М. Васютинскій, Основные моменты реставраціи во Франціи.
Н. И. Карѣевъ, Внутренняя политика іюльской монархіи.
А. А. Боровой, Сенъ-Симонъ и Фурье.
А. А. Боровой, Коммунизмъ и религіозно-соціальн. ученія во Франціи передъ революціей 1848 г.
В. В. Филатовъ, Революція въ 1848 г. во Франціи.
В. Н. Перцевъ, Реакція въ Германіи.
П. А. Берлинъ, Либеральныя, радикальныя и соціалистическія идеи въ предреволюціонной Германіи.
И. И. Шитцъ, Революція 1848 г. и контръ-революція въ Германіи
А. К. Дживелеговъ, Революція въ Пруссіи.
И. О. Левинъ, Соціальная и національная борьба въ Австріи 1848 г.
М. В. Бердоносовъ, Дореформенное мѣстное самоуправленіе въ Англіи.
И. В. Лучицкій, Борьба за избирательныя права въ Англіи и реформа 1832 г.
В. П. Потемкинъ, Рабочій классъ и рабочее движеніе въ Англіи 20—40 гг.
Кулишеръ, I. М., Англійская свободная торговля.

Цѣна 3 р. 25 коп.

Предположенное содержаніе V тома.

Исторія Зап. Европы.

М. В. Бердоносовъ, «Демократическія реформы 60-хъ годовъ въ Англіи».
«Ирландія 60-хъ, 70-хъ гг.».
А. М. Васютинскій, «Внутренняя политика и общество второй имперіи».
В. П. Потемкинъ, «Коммуна».
В. В. Филатовъ, «Республика въ борьбѣ съ монархистами».
П. А. Берлинъ, «Германія. Реакція. Новая эра и конфликтъ въ Пруссіи».
А. К. Дживелеговъ, «Фердинандъ Лассаль».
Н. И. Карѣевъ, «Объединеніе Германіи».
В. Н. Перцовъ, «Либеральное канцлерство».
А. А. Боровой, «Интернаціоналъ».
И. О. Левинъ, «Реакція въ Австріи и образованіе дуализма».
В. П. Волгинъ, «Марксъ».
В. С. Протопоповъ, «Объединеніе Италіи».
И. М. Херасковъ, «Экономическое развитіе и международная война въ Америкѣ».

Русская исторія.

В. П. Алексѣевъ, «Русское общество и освобожденіе крестьянъ».
В. И. Пичета, «Дворянскій и земскій либерализмъ».
В. Н. Бочкаревъ, «Крестьянская реформа».
Н. Н. Полянскій, «Судебная реформа».
С. Б. Веселовскій, «Земская реформа».
В. В. Водовозовъ, «Городская реформа».
П. Н. Сакулинъ, «Радикальное движеніе 60-хъ годовъ».
Н. С. Русановъ, «Н. Г. Чернышевскій».
В. Я. Богучарскій, «Радикальныя теченія 70-хъ годовъ».
С. П. Мельгуновъ, «Религіозно-общественныя движенія XIX в.».

